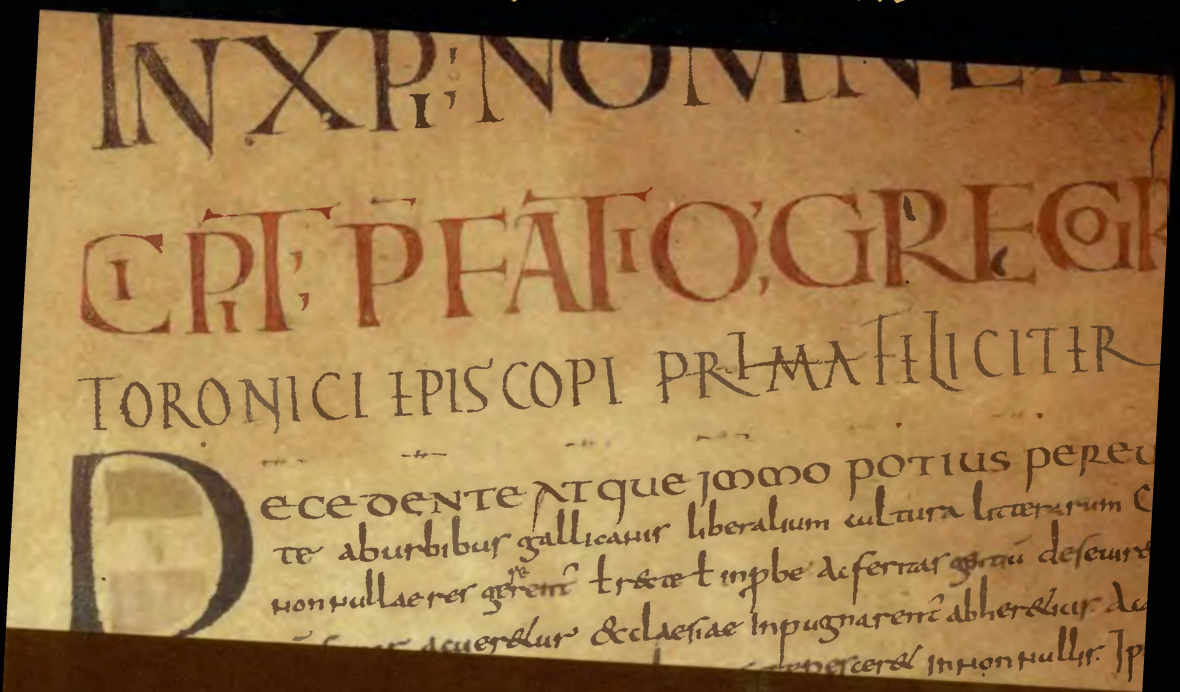
Д. Н. Старостин

От Поздней Античности к Раннему Средневековью

Формирование
структур власти и ее образов
в Королевстве франков
в период правления Меровингов
(V–VIII вв.)

Д. Н. Старостин

От Поздней Античности к Раннему Средневековью

Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94(430).014
ББК 63.3(0)4
С77

Старостин Д. Н.
С77 От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 488 с.

ISBN 978-5-4469-1217-9

Переход от Античности к Средневековью явился одним из важнейших цивилизационных поворотов, в рамках которого цивилизация Средиземноморья и находившиеся на ее границах варвары смогли найти способы адаптации друг к другу и создать основу для синтеза новых цивилизационных начал, на которых впоследствии возникла цивилизация Средневековья. Таким образом, королевство франков целесообразней рассматривать не как осевшее на римской почве племенное образование и не как союз франкских и галло-римских элементов. Созданные современниками образы королевства франков, которые возникают перед нами в результате исследования исторических сочинений, агиографической литературы и судебных протоколов, представляют собой не «варварскую» или «римскую» (и не их синтез), а «провинциальную» систему представлений, одинаково понятную как галло-римлянам, так и меровингским правителям и их окружению. Таким образом, процесс романо-германского синтеза видится иначе — как слияние двух культур, у которых был общий знаменатель в виде «провинциальной» политической и правовой культуры. Варварские королевства занимали особое место в раннесредневековом историческом процессе — они были не только зародышем нового, средневекового порядка, но и особым феноменом, корни которого уходили в самосознание римского «пограничья», в особую, не до конца романизировавшуюся культуру римских провинций.

На обложке:
Heidelberg, Universitätsbibliothek, Cod. Pal. lat. 864, Gregorius <Turonensis> ; (Ps.-)Fredegarius. Fol 1v.

ISBN 978-5-4469-1217-9

© Д. Н. Старостин, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Введение

Переход от Античности к Средневековью явился одним из важнейших цивилизационных поворотов, в рамках которого цивилизация Средиземноморья и находившиеся на ее границах варвары смогли найти способы адаптации друг к другу и создать основу для синтеза новых цивилизационных начал, на которых впоследствии возникла цивилизация Средневековья. Именно в результате процесса синтеза в Раннем Средневековье сложились те практики власти, ее образ и ее структуры, которые позволили европейской цивилизации приобрести свою собственную идентичность. Этот переход, являвшийся результатом многовекового взаимодействия Римской империи и варварской периферии, наложился на значительную трансформацию Средиземноморья в результате захвата всей его восточной и южной части исламом. Адаптация к новым реалиям стала еще одним вызовом для общества Европы. Этот двойной цивилизационный перелом был важен как для самой европейской цивилизации, так и для граничащих с ней культур, потому что именно в результате значительного внутреннего переустройства в меровингский период и последующей экспансии в рамках Европы, а затем и Средиземноморья в каролингский период, а также взаимовлияния между Европой и прилежащими областями сформировался современный мир.

В этой связи для исторической науки принципиально важным является накопление опыта изучения континуитета позднеантичной цивилизации в рамках сменивших Западно-Римскую империю варварских королевств и исследования радикальности смены властных и общественных структур в правление Каролингов после цивилизационного переворота в Средиземноморье. Актуальность темы обусловлена вновь подтверждаемой исследованиями важностью раннесредневековой истории королевства франков для формирования

средневекового понимания власти, практики ее функционирования, структуры отношений между королевским двором и региональной знатью и высшим духовенством. Именно в это время правящие элиты в Европе создали задел, позволивший европейской цивилизации сохранить достижения средиземноморской Римской цивилизации и создать новую, средневековую культуру. Значимость исследования обусловлена непосредственным отношением проблемы перехода от Античности к Средневековью, к формированию средневековой и впоследствии современной европейской идентичности. Актуальность также связана с дискуссионностью ряда вопросов перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью и истории варварского королевства франков при Меровингах, а также проблемы новизны и традиций при появлении и становлении династии Каролингов. Современное положение дел в исторической науке признаёт в качестве дискуссионного тезис о наличии в Раннем Средневековье двух переломных периодов в истории Средиземноморья и Европы: перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью, т.е. ко времени расцвета варварских королевств, и создания на их основе общеевропейской империи под руководством Каролингов. Однако процесс перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью, т.е. создание варварских королевств, а затем переход от варварских королевств к единой европейской империи редко рассматривается комплексно, поскольку историки посвящали свое внимание либо одному, либо другому переходу. Более того, снова вызывает споры вопрос о степени адаптации средиземноморских традиций к условиям европейских регионов и о месте королевства франков в типологии форм синтеза средиземноморской и варварской культур. Если ранее этот вопрос рассматривался только с точки зрения общественно-экономических формаций, то в настоящее время актуальной становится переоценка этой типологии уже с точки зрения истории «ментальностей», и в частности с точки зрения отражения в исторической философии представлений о месте варварских королевств в историческом процессе. Не просто представления о власти как таковые, а именно «историзм» в понимании места франкских королей из династии Меровингов во всеобщей истории является на данный момент наиболее многообещающим направлением исследований. Кроме того, в работах Л. Альфана, Ф. Лота, Ф. Гансхофа, Б. Бакрака, К.Ф. Вернера,

X. Реймица сложилось мнение о значительном влиянии субъективных представлений историков на образ королевства франков[1].

В настоящем исследовании будет проведено изучение взаимодействия средиземноморской и варварской цивилизаций в процессе появления предпосылок для создания варварских королевств (в течение долгого времени носившем название «романо-германского синтеза»). Предпринимается попытка по-новому подойти к проблеме формирования образа власти в Раннем Средневековье как системы представлений и ценностей, построенных путем адаптации структур, практики власти и представлений о ней, сложившихся в позднеантичном Средиземноморье, к реалиям менее романизированной части Европы. Новизна подхода состоит в отделении собственно событий рассматриваемого периода от тех представлений и интерпретаций современников, которые они получали, и в исследовании взаимоотношений между системой представлений и реально сложившимися структурами власти и особо — в исследовании того, как историческое мировоззрение связано с проблемами формирования власти. Более того, новизна состоит в утверждении о наличии значительного перелома в истории раннесредневековой Европы в момент формирования варварских королевств и во время их постепенной адаптации к условиям Северной Европы при ослаблении значимости Средиземноморья, причем перелома ментального и ценностного. Исследовательская проблема состоит в том, что историки, как правило, исследовали либо политическую историю и организацию власти этого периода, либо историческое мировоззрение и увязывали одно с другим только в конкретных случаях, когда это позволяли источники. То, что историческое

[1] *Halphen L.* Grégoire de Tours, historien de Clovis // Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. Paris, 1925. P. 235–245; *Lot F.* La victoire sur les Alamans et la conversion de Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1938. T. 17. P. 63–69; *Ganshof F.* Een historicus uit de VI-e eeuw: Gregorius van Tours // Medelingen van de Koniklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kusten van Belgie, Klasse der Letteren. Brussel, 1966. Jg. 28, No. 5; *Bachrach B.* Procopius and the chronology of Clovis' reign // Viator. 1971. Vol. 1. P. 21–32; *Werner K.F.* La 'conquête franque' de la Gaule: Itineraires historiographiques d'une erreur // Bibliotheque de l'ecole des chartes / sous la dir. d'O. Guyotjeannin. 1996. T. 154, No. 1: Clovis chez les historiens. P. 7–46; *Reimitz H.* History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850. Cambridge, 2015. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series). Типичным для формационного подхода считается работа А.Д. Люблинской: *Люблинская А.Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Т. 31. С. 9–17.

мировоззрение в меровингскую эпоху кардинально изменилось по отношению к Поздней Античности, не подлежит сомнению. Однако как менялось соотношение между представлением об истории и о месте конкретной властной группы (в данном случае Меровингов) в контексте всеобщей истории и представлениями о власти? Именно на это вопрос и отвечает исследование. Источниками исследования служат в первую очередь исторические сочинения, агиография, судебные протоколы и отчасти трактаты о вычислении календаря, а также сочинения натурфилософского плана и другие тексты, отразившие эти представления.

Хронологические рамки исследования — IV–VIII вв. — обусловлены его целью и задачами, а также особенностями источниковой базы. Варварские королевства формировались в рамках процессов, которые начали развиваться в провинциях Римской империи еще в начале IV в. Это обусловило необходимость начать исследование с подробного рассмотрения процессов регионализации власти в Поздней Античности. С другой стороны, процессы формирования власти во франкском королевстве, состоявшие в рецепции варварами порядков находившихся под властью средиземноморской державы провинций, начавшись в этот период, закончились только к VIII в., к моменту смены династии, когда завершилось слияние средиземноморских и варварских традиций.

Проблема оценки взаимоотношения средиземноморского и варварского миров в Галлии имеет давнюю историографическую традицию, которая началась еще в период становления исторической науки Раннего Нового времени. Беат Ренан, Паоло Эмилио, Этьен Паскье, Бернар Дюгайян и ряд других ученых-эрудитов уже в XVI в. задали рамки для оценки степени взаимодействия и взаимопроникновения двух обществ, подчеркивая либо значительную романизацию общественного устройства нейстрийских франков и принятие ими власти Римской империи, либо, наоборот, говоря об их независимом развитии и значительном варварском влиянии на галло-римское общество бывшего римского диоцеза[2]. Более того, уже в XVI в. исследователями фактически был поставлен вопрос об уникальности модели развития франкского королевства и ее соотношении с другими регионами Европы.

[2] *Starostin D.N., Kuleshova E.V.* French érudites and the Construction of Merovingian History // Historia Da Históriografia. 2016. Vol. 21. P. 77–95.

Эта концепция, получившая в дальнейшем название «романо-германского синтеза», была развита на новом этапе, в XIX в. рядом зарубежных исследователей и до сих пор является хрестоматийной[3]. Именно поэтому, обращаясь к рассмотрению названных проблем, историку приходится анализировать не только современное состояние дел в науке, но и искать корни тех воззрений на проблематику исследования, которые считаются краеугольными камнями исторической парадигмы, посвященной данному вопросу. Даже опираясь на наиболее современные исследования, приходится начинать с историков XIX в., потому что их исторические концепции до сих пор отражаются не только в школьных учебниках, но даже в работах наиболее склонных к ревизии существующего положения дел ученых. В полемике со своими коллегами известный историк романтического направления, работавший, однако, в период оформления позитивизма как основной методологии исторического исследования, О. Тьерри (1795–1856) признал Хлодвига успешным варварским правителем, объединившим галло-римлян и франков, но одновременно представил его (и, по ассоциации, его сыновей и внуков) не более чем «игрушкой» в руках католического епископата, подчеркнув таким образом внутреннюю противоречивость процесса «романо-германского синтеза». Его младший современник Ф. Гизо, тоже принадлежавший отчасти к романтической, а отчасти к позитивистской школам, утвердил мнение о варварстве меровингской истории, обратившись к варварским правдам. Однако он подчеркнул, что «свобода», которая, по мнению представителей «германистского» направления, являлась главнейшей позитивной чертой варварского быта, принципиально отличавшей его от «деспотизма» Римской империи, была не более чем господством грубой силы.

Поворотным этапом, наступлением которого ознаменовался революционный скачок в области оценки синтеза средиземноморской и варварской культур, стал труд Н.Д. Фюстеля де Куланжа (1875), заложивший фундаментальные основы идеи «романо-германского синтеза» и ставший классическим. Он фактически создал и по сей день

[3] *Savigny F.K.* Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. 6 vols. Heidelberg, 1815; *Thierry A.* Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France. Paris, 1840; *Guizot F.* Recits historiques. Bielefeld, 1897; *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. 6 vols. Paris, 1875.

используемый в научной литературе образ меровингской Галлии[4]. Он подчеркнул фундаментальный характер оставшихся там от периода Римской империи социально-экономических и политических порядков в меровингский период и настаивал на том, что их смена произошла только с приходом к власти королей из династии Каролингов. Не будучи романистом, он тем не менее подчеркнул значимость позднеантичных порядков для существования королевства франков. Через несколько лет Г. Зибель уже с «германистской» точки зрения твердо настоял на городском, т.е. позднеантичном характере королевской власти первого короля франков Хильдерика, называя его «Gaukönig»[5]. Таким образом, франкские короли в работах этого и других немецких исследователей того периода превратились в региональных правителей позднеантичной эпохи, а не в родоплеменных вождей. Говоря о возможности составления Салической правды при Хлодвиге, этот историк подчеркивал правовую культуру франкских королей, которая могла свидетельствовать о наличии культурного обмена с Римской империей и о подражании римскому законодательству[6]. Эта точка зрения была в некоторой степени поддержана А. Допшем, который подчеркнул длительный континуитет римского землевладения и зависимость от него структур организации землевладения и землепользования во франкском королевстве эпохи Меровингов. Одновременно, оставаясь отчасти на германистических позициях, он говорил о значительных трансформациях в области землевладения в бывших римских провинциях, подчеркивая смену римских латифундий «дворами» (или даже «хуторами») франков и других варваров[7]. В целом историки XIX в. видели Раннее Средневековье в целом (т.е. меровингский и каролингский периоды) как единый период довольно активного развития. Эта тема была раскрыта А. Допшем, который констатировал крайне динамичное и активное экономическое развитие Европы в Раннем Средневековье, подчеркивая, что этот период являлся временем не упадка, а экономического подъема[8]. Отметим, что этот иссле-

[4] *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 1–5.

[5] *Sybel H. von.* Entstehung des deutschen Königthums. Frankfurt am Main, 1881. S. 303.

[6] *Sybel.* Entstehung des deutschen Königthums. S. 319.

[7] *Dopsch A.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Wien, 1923. P. 370–382.

[8] *Dopsch A.* Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland. 2 vols. Weimar, 1921.

дователь выдвинул идею, которая содержит как полезные черты, так и определенные недостатки и которая определяется его пусть небольшой, но заметной склонностью к «германистической» точке зрения. В частности, он считал меровингский и каролингский периоды единым временем, в рамках которого происходила постепенная адаптация варварских племен к обычаям бывшего диоцеза Римской империи. В этом смысле стоит подчеркнуть точку зрения Н. Д. Фюстеля де Куланжа, который не увидел распада римского социального и правового уклада в период правления Меровингов[9].

Таким образом, в историографии уже к концу XIX в. сложилась традиция видеть во времени варварских королевств эпоху преемственности с Поздней Античностью, пусть только в плане землевладения или в экономическом смысле, и одновременно усматривать начало новой средневековой цивилизации в изменениях, наступивших с воцарением правителей из рода Каролингов. Историографическая проблема состояла в том, что периоду варварских королевств в новой концепции уделяли мало внимания, потому что он воспринимался сугубо как время застоя.

В результате деятельности нескольких научных школ центр тяжести в изучении Средневековья во второй половине XX в. переместился на Высокое и Позднее Средневековье, оставив Раннее Средневековье практически вне поля зрения историков[10]. По этой

[9] *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 1.

[10] Проблема значимости Раннего Средневековья для исторического анализа в начале XX в. оказалась тестно увязананой с проблемой периодизации Средних веков. М. Блок настаивал на том, что «феодальное общество» являлось феноменом, сложившимся исключительно в сфере влияния бывшей Каролингской империи в период ее распада: он утверждал, что оно появилось не раньше X–XI вв. и что его возникновение было результатом отклика разных слоев северофранцузского общества на конкретно-исторические условия распада власти и социальной структуры с приходом новой династии, что привело к включению этих слоев в средневековую властную и социальную иерархию. М. Блок, таким образом, внес двоякий вклад в историю раннесредневекового королевства франков — с одной стороны, он подчеркнул уникальность того пути развития, который выбрали франкские короли из династий Меровингов и Каролингов и который в долгосрочной перспективе привел к своеобразному характеру западноевропейского феодализма, а с другой стороны, сделал раннесредневековое общество малоинтересным предметом для исследования в силу его застойного характера: *Bloch M.*: 1) Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg, 1924. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg; 19); 2) Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris, 1931; 3) La société féodale. Vol. 2. Paris, 1940. P. 248.

причине история королевства франков в правление королей из династии Меровингов в течение долгого времени оставалась на втором плане и не привлекала такого же внимания исследователей в концептуальном плане, как Высокое Средневековье, что ощущается в современной историографии. Хотя работы по истории королевства франков в период правления династии Меровингов выходили регулярно, в этой области историкам сложно было искать принципиально новые и соответствующие духу «школы Анналов» подходы в силу традиционного для этого периода недостатка источников. Более того, ситуация была осложнена тем, что исследователи в XX в. предпринимали попытки отойти от «франкоцентричной» системы оценок, беря в качестве точки отсчета либо значительно более романизированные королевства (например королевства вестготов и остроготов)[11], либо, наоборот, Скандинавию[12]. В отечественной историографии это стало возможным благодаря работам С. Д. Сказкина и М. Н. Меймана, которые описали два возможных пути для племенных образований — либо превращение в военную демократию, либо вживание в общество бывших римских провинций с рабовладельческим строем, в зависимости от степени романизации[13]. Идея о географических градациях в степени восприятия римских порядков была разработана в статьях и докладах А. Д. Люблинской, З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой, А. Я. Шевеленко[14]. Эта концепция нашла подтверждение в работе П. Андерсона[15]. В зарубежной историографии пристальное внимание к вестготскому королевству в контексте общих тенденций развития в раннесредневековой Европе было уделено в работе

[11] *Корсунский А. Р.*: 1) Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; 2) Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.

[12] *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

[13] *Мейман М. Н., Сказкин С. Д.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 97–99.

[14] *Люблинская.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. Доклады / XIII Междунар. конгресс ист. наук. Москва, 16–23 авг. 1970 года. М., 1970. С. 9; *Шевеленко А. Я.* К типологии генезиса феодализма // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 97–107.

[15] *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму / пер. А. Смирнова и Д. Е. Фурмана. М., 2007. С. 151.

Р. Коллинза[16]. Начиная с конца XX в. в результате определенной маргинализации европейского Средневековья как явления, нетипичного для многих регионов мира, и в результате появления работ типа исследования П. Бурдьё «Набросок теории практики» Раннее Средневековье стало практически исключенной из программы исследования темой[17].

Поворотным пунктом для изучения эпохи варварских королевств и Каролингской империи стало запоздалое распространение в научных кругах работы А. Пиренна «Магомет и Карл Великий» (1937); историк утверждал, что только приход мусульман в Средиземноморье положил конец позднеантичному укладу[18]. Фактически для него Поздняя Античность продолжалась до конца VII в., а поворотной точкой, после которой сложилась по-настоящему средневековая Европа, было правление Карла Великого. Дальнейшее развитие этого спора пошло в направлении уточнения характера перехода от Поздней Античности к Средневековью и изучения характера этого переходного общества Раннего Средневековья. В частности, сочетание истории и археологии при рассмотрении этого вопроса привело к тому, что историкам удалось в чем-то поддержать «тезис Пиренна», а в чем-то его раскритиковать. Например, оказалось, что археологические исследования полностью поддерживают идею о переломе в отношениях между западным и восточным Средиземноморьем и между частями западного Средиземноморья после прихода исламских завоевателей. Все торговые пути, которые еще оставались в Галлии на момент распространения арабских воинов, торговцев и кочевников в Северной Африке, действительно прекратили существовать к середине VIII в. Однако, в противовес Пиренну, наше исследование показало, что это было постепенное затухание торговых путей; в течение столетия дальность путешествия купцов снижалась и их активность ограничивалась руслами рек внутри Галлии без выхода в Средиземноморье[19]. Таким образом, даже очень придирчивый анализ археологических данных показал, что королевство франков, основанное в рамках диоцеза Галлия,

---

[16] *Collins R.* Early Medieval Spain: Unity in Diversity, 400–1000 A. D. New York, 1983. P. 145.

[17] *Bourdieu P.* Esquisse d'une théorie de la pratique. Geneve, 1972.

[18] *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2nd ed. Paris, 1937.

[19] *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archeology and the Pirenne thesis. Ithaca, 1983. P. 20–54.

оставалось единым экономическим пространством в течение долгого времени после падения Римской империи на Западе.

Во второй половине XX в. исследователям стало казаться, что королевство франков не является эталоном для исследования Раннего Средневековья, потому что исследователи всё больше внимания уделяли либо средиземноморским варварским королевствам (вестготскому или бургундскому в первую очередь)[20], либо, наоборот, взяли за основу исследования варварского общества примеры северных регионов Европы[21]. Однако постепенно исследователи северного общества стали подчеркивать, что не следует переоценивать его уникальность и противопоставлять структуры власти в нем тем, которые сложились в провинциях Западной Римской империи в последние века ее существования[22]. Таким образом, к франкскому королевству вернулась роль посредника между миром Средиземноморья и миром варварства, и это привело к тому, что его история снова приобрела не просто локальный, но глобальный характер — как исследовательская проблема истории Раннего Средневековья в сравнительно-историческом аспекте.

Первыми в работу по возвращению престижа королевству франков в период Раннего Средневековья включились историки, которые занимались Поздней Античностью[23]. Процесс отразился в исследованиях второй половины XX в., в которых стали подчеркивать особый характер позднеантичной цивилизации и по-новому осмыслили период перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью. Эти исследователи, знакомые с подходом М. Блока, но предпочитавшие опираться на концепцию А. Пиренна, стали рассматривать эпоху Поздней Античности не как период распада, но как время стабилизации и расцвета[24]. Рассмотрение королевства франков в эпоху

---

[20] *Корсунский А.Р.* Готская Испания. М., 1969: *Collins R.* Early Medieval Spain. P. 145.

[21] *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; *Miller W.I.* Bloodtaking and peacemaking: feud, law, and society in Saga Iceland. Chicago, 1990.

[22] *Bagge S.*: 1) Nordic Uniqueness in the Middle Ages? Political and Literary Aspects. Gripla. 2009. Vol. 20. P. 49–76; 2) Early State Formation in Scandinavia // Der frühmittelalterliche Staat — europäische Perspektiven / hrsg. W. Pohl, V. Wieser. Wien, 2009. S. 145–154.

[23] *Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A. D. to 800 A. D.). Vol. 1. London, 1889.

[24] *Marrou H.I.* Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1965; *Jones A.H. M.* The Decline of the Ancient World. Burnt Mill, 1966; *Chastagnol A.* L'évolution politique, sociale

правления Меровингов в контексте перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью и проблемы преемственности его устройства с устройством позднеантичной Галлии стало одним из ключевых моментов возвращения интереса к этому периоду для ряда исследователей.

Оценка взаимоотношений между «романским» и «германским» началами имела сложную историю. В ответ на утверждения О. Тьерри и Ф. Гизо, считавших франков варварами, Г. Вайц и А. Допш доказывали, что франки, наоборот, очень тесно взаимодействовали с римлянами и служили в римской армии[25]. Более того, было показано, что родоплеменной общины у франков не существовало, а был только род[26]. Поэтому в середине XX в. отечественные историки, развивая эту тему, подчеркнули, что у варваров в случае разложения родоплеменной общины было два пути — военная демократия и интеграция в общество с рабовладельческой системой. Таким образом, признавалась возможность полной интеграции варваров в римское общество или их параллельное существование с обществом позднеримских провинций[27]. Однако к началу XX в. все основные взгляды на формирование королевства франков были уже высказаны, поскольку сформировалась и чисто «романистическая», и чисто «германистическая» концепции и произошел синтез этих двух противоположных точек зрения как в романоязычной, так и в германоязычной научной среде. Новизна в исследовании перехода от Поздней Античности к Средневековью лежала не столько в поисках новых способов оценки романо-германского синтеза, сколько в более глубоком исследовании того, что собой представляли провинции Римской империи, в частности Галлия, в момент прихода туда варваров и создания варварских королевств. Почва для

et économique du monde romain de Dioclétien a Julien: la mise en place du régime du Bas-Empire (184–363). Paris, 1994; *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1998; *Brown P.* The World of Late Antiquity, 200–750. London, 1971; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

[25] *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Vol. 2. Kiel, 1882. S. 73; *Dopsch.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen. S. 258–259.

[26] *Inama-Sternegg K.T. F.M.* Untersuchungen über das Hofsystem im Mittelalter: mit besonderer Beziehung auf deutsches Alpenland. Innsbruck, 1872. S. 37.

[27] *Мейман, Сказкин.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму. С. 97–99.

дальнейшего рассмотрения королевства франков в правление Меровингов как своего рода связующего звена между позднеантичной Римской империей и средневековой Европой была подготовлена работой С. Дилла, в которой автор показал, что в период IV–VI вв. в Галлии сложилась своя цивилизация, которая отличалась и от средиземноморской, и от варварской[28]. Со второй половины XX в. работ, посвященных возникновению именно в позднеримской Галлии ряда предпосылок для формирования особого политического образования — королевства франков, стало больше[29]. В частности, историки подчеркнули, что процесс взаимодействия между галло-римскими элитами, императорским двором и варварами на пограничье был сложным и многогранным и что утверждение власти франкских королей явилось продолжением того процесса поиска баланса сил, который существовал и ранее[30]. Одновременно было показано, что

[28] *Dill S.* Roman Society in Gaul in the Merovingian Age. London, 1926.

[29] *Stancliffe C.* St. Martin and His Hagiographer: History and Miracle in Sulpicius Severus. Oxford, 1983; *Van Dam R.*: 1) Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985: 2) The Pirenne Thesis and Fifth-Century Gaul // Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? / eds. J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 321–334; *Drinkwater J. F.* The Bacaudae of Fifth-Century Gaul // Fifth-Century Gaul. A crisis of identity? Cambridge, 1992. P. 208–217.

[30] *Magnou-Nortier E.*: 1) Les évêques et la paix dans l'espace franc (VIe–XIe siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse Fontevrault, 1983. Angers, 1984. P. 33–49. (Publications du Centre de recherches d'histoire religieuse et d'histoire des idees); 2) Du royaume des 'civitates' au royaume des 'honores': 'episcopatus', 'comitatus', 'abbatia' dans le royaume franc (VIe–IXe siècle) // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 311–344. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità); *Wallace-Hadrill J. M.* The long-haired kings, and other studies in Frankish history. New York, 1962; *Ganshof F.* Een historicus. P. 9; *Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Bd. 1. S. 43; *Werner K. F.*: 1) Les Origines. Paris, 1984. (Histoire de France. 2): 2) De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4, No. 1. P. 3–7; *James E.* Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4. P. 9–12; *Daly W. M.* Clovis: how barbaric, how pagan? // Speculum. 1994. Vol. 69. P. 919–964; *Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538–594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6. Jahrhundert. Darmstadt, 1994; *Lebecq S.* Les origines franques: Ve–IXe siècle. Paris, 1990. (Nouvelle histoire de la France médiévale); *Rouche M.* Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés. Paris, 1996; *MacGeorge P.* Late Roman warlords. New York, 2002; *Le Jan R.* La sacralité de la royaute mérovingienne // Annales Histoire, Sciences Sociales. 2003. T. 58:6. P. 1217–1241; *Schmauder M.* The relationship

привычная для многих поколений исследователей картина возникновения королевства франков была создана в первую очередь Григорием Турским, мировоззрение которого во многом определило особенности наших представлений об этом периоде[31]. В частности, такими исследователями, как Ф. Гансхоф, В. Гоффарт, К.-Ф. Вернер, М. Хайнцельманн, Х. Раймиц, было доказано, что этот историк, выступавший своего рода посредником между двумя культурами, постарался подчеркнуть уровень интеграции средиземноморской и варварской культур и перевел существующее согласие в термины священной, церковной истории[32].

В XX в. перед специалистами по истории франкского королевства в меровингский период встала серьезная проблема в связи с тем, что потенциал исследования нарративных источников был

between Frankish gens and regnum: a proposal based on archaeological evidence // Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world / Eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden, 2003. P. 271–306. (The Transformation of the Roman world. 13); *Murray A. C.* 'Pax et disciplina': Roman public law and the Merovingian state // From Roman provinces to medieval kingdoms / ed. by T. F. X. Noble. New York, 2006. P. 376–388; *Hen Y.* Roman barbarians: the royal court and culture in the early Medieval West. New York, 2007; *Halsall G.* Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009. Leiden, 2010. (Brill's series on the early Middle Ages. 18); *Becher M.* Chlodwig I: der Aufstieg der Merowinger und das Ende der antiken Welt. München, 2011; *Reimitz H.* History, Frankish Identity; *Gerberding R.* The rise of the Carolingians and the Liber historiae Francorum. Oxford, 1992; *Fouracre P., Gerberding R. A.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. Manchester, 1996. (Manchester Medieval Sources); *Wood I. N.* The Merovingian kingdoms (450–751).

[31] *Wattenbach W., Levison W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Bd. 1. Vorzeit und Karolingern. Hf. 1. Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger. Stuttgart, 1952; *Van de Vijver A.*: 1) La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d'histoire. 1936. T. 15. P. 859–914; 2) La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d'histoire. 1937. T. 16. P. 35–94; 3) L'unique victoire contre les Alamans et la conversio de Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1938. T. 17. P. 793–813; *Bachrach B.* Procopius and the chronology of Clovis' reign: *Goffart W.* The narrators of barbarian history (AD 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988; *Heinzelmann M.* Gregor von Tours: *Breukelaar A. H. B.* Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul: the histories of Gregory of Tours interpreted in their historical context. Göttingen, 1994. (Forschungen zur Kirchen und Dogmengeschichte. 57); *Shanzer D.* Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7, No. 1. P. 29–57; *Wynn P.* Wars and Warriors in Gregory of Tours' Histories I–IV // Francia. 2001. Jg. 28. S. 1–35.

[32] *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

исчерпан. После работ В. Ваттенбаха, С. Хеллмана, Л. Альфана, Ф. Гансхофа возможности исследования «Истории» Григория Турского в рамках позитивистской и неопозитивистской методологических парадигм были фактически исчерпаны[33]. Это означало, что попытки найти в сочинении епископа Тура, а также в «Хронике» Фредегара и в «Книге истории франков» новые факты или новые события были практически исчерпаны. Последним эпизодом большой полемики по поводу отдельных событий из истории королевства франков был спор по поводу даты крещения Хлодвига (496 или 507 г.), начавшийся из-за работ Ван де Вивера, в которых он настаивал на позднем крещении короля франков в Туре после победы над вестготами[34]. А после попыток новой интерпретации хорошо известного текста уже с позиций герменевтики возможности его использования для понимания истории франкского королевства были ограничены уточнением интерпретаций[35].

Поэтому начиная со второй половины XX в. историки стали предпринимать значительные усилия для того, чтобы ввести в оборот другие типы источников, ранее не использовавшиеся в изучении событийного ряда истории королевства франков. Практически одновременно были проведены фундаментальные исследования документальных источников, таких как сборники формул (Formulae) и судебных протоколов, а также житий святых[36]. По поводу их использования разгорелся ряд дискуссий, имевших непосредственное

---

[33] *Wattenbach W., Traube L.* Deutschlandts Geschichsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1904; *Hellmann S.* Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung: Gregor von Tours // Historische Zeitschrift. 1911. Vol. 107. S. 1–44; *Halphen.* Grégoire de Tours. P. 245; *Ganshof.* Een historicus. P. 6–9.

[34] *Van de Vijver.* 1) La victoire contre les alamans. 1936. P. 914; 2) La victoire contre les alamans. 1937. P. 94; 3) L'unique victoire contre les alamans. P. 813.

[35] *Bachrach.* Procopius. P. 32; *Goffart.* The Narrators. P. 153; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 194.

[36] *Bergmann W.*: 1) Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // Archiv für Diplomatik. 1976. Jg. 22. S. 1–186; 2) Die Formulae Andecavenses, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter // Archiv für Diplomatik. 1978. Jg. 24. S. 1–53; 3) Verlorene Urkunden des Merowingerreichs nach den Formulae Andecavenses: Katalog // Francia. 1981. Jg. 9. S. 3–56; *Classen P.* Kaiserreskript und Konigsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessalonike, 1977; *Stancliffe C.* St. Martin and his hagiographer; *Van Dam R.*: 1) Leadership and community; 2) Saints and their miracles in late antique Gaul. Princeton, 1993.

отношение к оценке рассматриваемого периода. Формулярии, как было показано, являлись свидетельством сохранения в Галлии традиций Римской империи и римской провинциальной администрации[37]. Протоколы королевского суда были продолжением практики императорского рескрипта[38]. Наличие во франкском королевстве эпохи Меровингов сравнительно большого для Раннего Средневековья числа рукописей кодекса Феодосия способствовало сохранению римского права и правовых традиций бывшей провинции Римской империи[39]. Однако значительная поддержка идеи о значимости римских правовых традиций, которую дало исследование этих источников, была несколько ослаблена утверждениями о том, что они, возможно, имели меньше значения, чем королевские грамоты, потому что были выполнены для частных лиц и качество их исполнения было явно ниже[40]. Однако дальнейшие исследования показали, что эти документы все-таки могут быть использованы и что они показывают стабильность королевской власти и значимость меровингского правителя как настоящего «арбитра» и посредника в борьбе между различными группировками окружавшей его знати[41]. Несмотря на то что некоторые из этих протоколов королевского суда были названы «фиктивными», они показывают значимость даже последних меровингских правителей[42].

Одновременно историки по-новому и более внимательно посмотрели на уже имеющиеся нарративные источники. В частности, было полностью переоценено значение позднего периода правления Меровингов (т.е. VII–VIII вв.) как времени, когда современные событиям историки по крайней мере рассматривали правителей как легитимных и обладавших авторитетом. Эта переоценка стала возможной благодаря ключевой работе Р. Гербердинга о «Книге истории франков» («Liber historiae francorum»), в которой он показал ограниченность

---

[37] *Bergmann.* Die Formulae Andecavenses. S. 53.

[38] *Classen.* Kaiserreskript und Konigsurkunde. S. 184–187.

[39] *Wood I.* The Code in Merovingian Gaul // The Theodosian Code: Studies in the Late Imperial Law of Late Antiquity / eds. J. Harries, I. Wood. London, 1993. P. 161–177.

[40] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 49.

[41] *Fouracre P.* 'Placita' and the Settlement of Disputes in Later Merovingian Francia // The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe / eds. W. Davies, P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 43.

[42] *Kano O.* Procès fictif, droit romain et valeur de l'acte royal à l'époque mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 2007. Vol. 165. P. 329–353.

информации Эйнхарда о слабых меровингских правителях и подчеркнул поддержание ими и региональной знатью весьма стабильного статус-кво[43]. Новые исследования «Хроники» Фредегара показали значимость этого источника как самостоятельного и подчеркнули, что картина франкского королевства в нем отличается от картины, созданной Григорием Турским[44]. В частности, было показано, что Фредегар с намного большим уважением относился к франкским королям, чем Григорий Турский, и что он, в отличие от последнего, видел в меровингских правителях силу, действительно объединяющую франков и королевство, а не разрушающую баланс сил, как об этом писал епископ Тура[45].

Таким образом, в последние несколько десятилетий была произведена переоценка истории франкского королевства в правление династии Меровингов. Основной акцент был сделан на преемственности практики власти и правовых традиций между Поздней Античностью и меровингским периодом, на уточнении характера королевской власти как посредницы между средиземноморским и варварскими обществами и на понимании истинной силы королевской власти, состоявшей в способности быть посредницей между различными силами в королевстве. Таким образом, в исторической науке произошел важный перелом, выявивший тесную связь между позднеантичной Римской империей и Галлией как ее частью, с одной стороны, и меровингским королевством франков — с другой. Но в результате остался открытым вопрос, с какого именно момента можно говорить о начале собственно Средневековья, о действительно средневековых практике власти, правовой культуре и представлениях о власти. Отметим, что в результате смысл перехода от Поздней Античности к Средневековью стал проблемным вопросом.

Еще раз перечислим основные тенденции в историографии вопроса.

---

[43] *Gerberding.* The Rise of the Carolingians. Passim.

[44] *Collins R.* Die Fredegar-Chroniken. Hannover: Hahn, 2007. (MGH Studien und Texte. 44).

[45] *Diesenberger M., Reimitz H.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft: Momente des Königtums in der merowingischen Historiographie // Das frühmittelalterliche Königtum: Ideelle und religiose Grundlagen / ed. F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 269.

Для исследования данного периода в качестве основы будет взята идея о том, что история варварских королевств должна рассматриваться через призму их романизации и адаптации к принципам и структурам правления в Средиземноморье. Представляется, что в течение долгого времени история королевства франков в большей степени интересовала исследователей с точки зрения синтеза средиземноморского и варварского начал, чем истории других варварских королевств, и стала своего рода центральным сюжетом раннесредневековой истории именно в этом историографическом контексте. В настоящем издании автор намеревается исходить из посылки, что данное положение, несмотря на отношение к нему как к дискуссионному в некоторых работах второй половины XX в., заслуживает доверия как основа для исследования. Отталкиваясь от него, можно заново обосновать актуальность истории франкского королевства как примера политического образования, в котором в наибольшей степени был достигнут баланс сил между различными властными группами Поздней Античности. Также представляется продуктивным обратить внимание на то, как менялось отношение историков Раннего Средневековья к самому процессу перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью и как в рамках этих изменений историки всё дальше отходили от концепции радикального разрыва с античным прошлым и всё сильнее стремились подчеркнуть преемственность с ним. Одновременно кажется оправданным обратить внимание на то, как в различных источниках отразилось подмеченное еще Тацитом двухчастное (а на самом деле трехчастное) устройство общества.

Источники

Новизна и актуальность исследования состоят в попытке сопоставить сведения об истории королевства франков в период правления Меровингов, взятые из разных групп источников. Специфической чертой любого исследования по истории королевства франков в эпоху правления Меровингов является потребность в опоре на несколько весьма разнородных групп источников и их сравнение. Среди них можно перечислить традиционные исторические и агиографические сочинения, сравнительно мало исследованные протоколы королевского суда в поздний период правления Меровингов. В учете

особенностей жанров каждого из типов источников, а также в их фактическом противопоставлении с целью сравнения состоит особый характер данного исследования, который отличает его от других. Главным методологическим приемом использования источников является не попытка свести информацию из различных типов источников воедино в один нарратив, как это традиционно делалось историками, а наоборот, попытаться создать историческую картину на основе каждой группы источников и затем сравнить эти картины. Этот процесс создания концепции истории перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью на примере королевства франков стал возможным благодаря тому, что типы источников в случае этого королевства появлялись в почти идеальной хронологической последовательности — сначала исторические сочинения и хроники в духе позднеантичных историй, потом жития, а потом, как во многом особый тип источника, судебные протоколы.

Отметим, что историки, работавшие в рамках традиционной для XIX–XX вв. позитивистской или неопозитивистской исторической парадигмы, как правило, были заинтересованы в «фактах» и мало обращали внимания на то, как жанровые особенности влияют на передачу «факта» читателю. Несмотря на то что «Историка» И. Г. Дройзена уже была к тому моменту написана, она оказывала мало влияния на историческую методологию практически до конца XX в.[46] В первой половине XX в. появился ряд исследований, где историки обратили внимание на особую важность личной, субъективной методологии истории авторов типа Григория Турского[47]. Появление работ, написанных в рамках методологии неопозитивизма и так называемой «истории ментальностей», развивавшихся историками школы «Анналов», отразилось на историографии истории королевства франков очень опосредованно. Только крайне небольшое количество работ в области исследования истории Меровингов в третьей четверти XX в., т. е. в тот момент, когда представители школы «исследования ментальностей» достигли пика своего влияния на методологию и философию исторического исследования, следовало их подходу. Смена

[46] *Дройзен И.Г.* Историка / пер. Г.И. Федоровой. СПб.: Фонд Университет Владимир Даль, 2004.

[47] *Halphen L.* Grégoire de Tours, historien de Clovis // *Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. Paris*, 1925. P. 235–245.

исторической методологии в исследовании источников по истории королевства франков времени правления Меровингов начала происходить только после появления таких концептуальных работ нового на тот момент поколения, как «Метаистория» Х. Уайта[48]. Именно тогда историки Раннего Средневековья перестали искать в исторических сочинениях только факты и стали обращать больше внимания на способы их подачи, на дискурс и нарратив. Новизна настоящего исследования состоит в том, что впервые этот подход, где точка зрения автора отделяется от «исторического факта», доводится до своего логического конца в рамках исследования именно раннесредневековых источников и в частности источников по истории королевства франков. Информация каждого типа источников учитывается только как производная жанровых особенностей, а не как факт. Более того, в исследовании автор на первом этапе пытается создать параллельные картины развития исторических событий в королевстве франков, формируемые соответственно историческими сочинениями, агиографией, протоколами королевского суда и сочинениями метафизического плана, посвященными календарям, исчислению времени и общей концепции истории. Одновременно автор настоящего исследования попытался найти как сходства, так и различия в исторических повествованиях, воссозданных на основании каждого из этих типов источников, или в восстановленной по ним канве событий. В частности, автор взял в качестве основного исследовательского вопроса, имеющего непосредственное отношение к методологии исследования источников, разницу между историческими сочинениями как отражением уже сложившегося на тот момент в историописании Поздней Античности линейного нарратива, агиографией как примером вневременного нарратива, наполненного богословскими реминисценциями и эсхатологическими мотивами, протоколами королевского суда как документами сугубо локального исторического времени и сочинениями об исчислении времени (Computi) как трактатами, авторы которых хорошо понимали все аспекты исчисления времени и могли ими легко манипулировать. На основании этих сравнений нарративов

[48] *White H. V.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.

в зависимости от жанра источника в исследовании сделана попытка ответить на общетеоретические вопросы о возможности понять исторические события вне субъективной концепции каждого из рассматриваемых средневековых авторов.

Исторические сочинения и хроники, которые используются в нескольких частях работы, нуждаются в четкой классификации в силу того, что в этой области исторического знания в конце XX в. были достигнуты определенные успехи. В частности, историки стали проводить более четкое разграничение между анналами как простыми погодными записями, хрониками как историческими сочинениями, в которых авторы могли создать какое-то повествование со своей собственной структурой, и собственно историями, которые представляли собой развернутое изложение точки зрения автора на историю и подчас содержали даже определенную философию истории[49]. Исторические сочинения и хроники, на которых построено исследование, включают в себя в первую очередь «Историю» («Res gestae») Аммиана Марцеллина как главный источник по истории Галлии как провинции Западной Римской империи в Поздней Античности[50]. Эта хроника была написана в конце IV в. в подражание «Анналам» Тацита и начиналась с 98 г., т. е. с того года, на котором они обрывались. Она представляет собой классический образец позднеантичного исторического сочинения. Поскольку ее автор имел высокий статус в военной иерархии Римской империи, в ней содержится информация, отсутствующая в других исторических сочинениях. Более того, по сравнению с другими историческими сочинениями она в значительно большей степени отражает те представления, которые были распространены только в самых высших кругах Римской империи. Также используются исторические сочинения Евнапия, Зосима и ряда других авторов[51]. Для понимания оценки образованными людьми Галлии ситуации, сложившейся при ослаблении связи императорского двора

[49] *Guenée B.*: 1) Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1973. Vol. 28, No. 4. P. 997–1016; 2) Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Paris: Aubier Montaigne, 1980.

[50] Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt / hrsg. von W. Seyfarth. 2 vols. Leipzig: Teubner, 1978.

[51] *Zosimus.* Historia nova / hrsg. von L. Mendelssohn. Leipzig, 1887; The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus: In 2 vols. / ed. by R. C. Blockley. Liverpool: F. Cairns, 1981–1983. (ARCA, Classical and Medieval Texts, Papers, and Monographs. 6, 10).

с провинциями, сделана опора на «Хронику» и «Житие св. Мартина» Сульпиция Севера[52]. «Хроника» Сульпиция Севера была написана в середине V в.[53] В первый раз этот источник привлек внимание исследователей уже в XIX в.[54], а его классические исследования были выполнены во второй половине XX в.[55] Источник сохранился всего лишь в одной довольно поздней рукописи XI в.[56], хотя остальные сочинения Сульпиция, такие как «Житие святого Мартина», сохранились в рукописи VI в. Как считалось исследователями ранее, в нем мало оригинальной информации по событиям, предшествовавшим V в. Более того, считалось, что его можно использовать только для описания современных Сульпицию Северу событий, т. е. истории конца IV в.[57] Однако современные исследования показывают, что главным аспектом новизны этого сочинения было соединение воедино библейской истории и истории Римской империи[58]. Новизна исследования этого источника в настоящей монографии состоит в том, что автором поставлена задача посмотреть на отражение в нем процесса формирования в Галлии особой политической общности.

При исследовании ключевых аспектов формирования франкского королевства использованы исторические сочинения Григория Турского, Фредегара и анонимного автора «Книги истории франков» (вторая часть)[59]. Эти источники объединяет их принадлежность к традиции историописания, выработанной еще в Поздней Античности

---

[52] Sulp. Sev.: 1) Chronicon // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii / ed. C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 1–108. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1); 2) Vita sancti Martini // Ibid. P. 109–137. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

[53] Sulp. Sev. Chron. S. 1–108.

[54] *Bernays J.* Über die Chronik des Sulpicius Severus: ein Beitrag zur Geschichte der klassischen und biblischen Studien. Berlin, 1861.

[55] *Van Andel G. K.* The Christian Concept of History in the Chronicle of Sulpicius Severus. Amsterdam, 1976; *Stancliffe.* St. Martin and his hagiographer.

[56] Vat. Pal. lat. 824.

[57] *Reid J. S.* Severus, Sulpicius // Encyclopædia Britannica. Vol. 24 / ed. by H. Chisholm. 11th ed. Cambridge, 1911. P. 726.

[58] *Williams M. S.* Time and authority in the Chronicle of Sulpicius Severus // The Western time of Ancient history: Historiographical encounters with the Greek and Roman past / ed. by A. Lianeri. Cambridge, 2011. P. 280–300.

[59] Greg. Tour. Hist.; Fred. Chron.; Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

и представленной в таких классических сочинениях, как «Трехчастная история» («Historia tripartita»), написанная совместно Кассиодором и Епифанием. Историческое сочинение Григория Турского было написано во второй половине VI в. в несколько приемов. Его настоящее название — «Десять книг историй», а не «История франков», потому что последнее название появилось только в X в.[60] Рукописная традиция этого текста достаточно обширна и сравнительно хорошо исследована[61]. Главная проблема для исследователей в течение долгого времени состояла в том, что рукописи делились на две группы, первая содержала книги I–VI, а вторая книги VII–X[62]. Исследователь подчеркнул, что текст этого сочинения составлялся постепенно, и разные части текста отличались друг от друга в плане оформления их Григорием Турским в связный рассказ[63]. Книги I–IV появились в 575 г. и содержали информацию, которая была известна ему только из третьих рук или благодаря устной традиции. Они заканчиваются описанием смерти короля Австразии Сигиберта I, сына Хлотаря I. Книги V–VI были написаны к 584 г. и описывали период до кончины короля Нейстрии и другого сына Хлотаря Хильперика. В этой части своего сочинения Григорий Турский уже мог описывать события, которые он видел сам. Есть мнение, что он начал писать с V книги, потому что в предисловии к ней он крайне эмоционально выразил свое мнение относительно раздоров сыновей Хлотаря I[64]. Историки признают, что это сочинение является в целом достоверным и представляет собой важнейший источник по истории королевства франков в первые полтора столетия его существования[65]. Фактически это слияние двух типов исторических сочинений, сложившихся к тому моменту, — универсальной светской хроники типа «Трехчастной истории» и универсальной церковной истории типа «Церковной истории» Евсевия. Однако в этом сочинении практически нет «этнической истории» в духе

[60] *Buchner R.* Einleitung // Gregorius Turonensis. Historiarum libri decem. Libri 1–5. Bd. 1 / hrsg. von R. Buchner. Berlin, 1967. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. 3). S. I–III.

[61] Greg. Tour. Hist. P. XXII–XXXV.

[62] Greg. Tour. Hist. P. XXXV–XXXVI.

[63] *Buchner.* Einleitung. S. XXI.

[64] *Halsall G.* The Preface to Book V of Gregory of Tours' Histories: Its Form, Context and Significance // The English Historical Review. 2007. Vol. CXXII, No. 496. P. 297–317.

[65] *Kurth G.* De l'autorité de Grégoire de Tours // Études franques. T. 2. Paris, 1919. P. 135–136.

«Гетики» Иордана или «Истории готов» Исидора Севильского, так как понятия «франки» для Григория не существует. Этот термин появлялся не более 4–5 раз и всегда обозначал непокорную знать извне, которая не признавала Меровингов и пыталась захватить их города (Лан, Руан и т. п.). Рассказ поделен практически поровну между историей галльского епископата и историей франкских правителей. Поэтому «История» Григория Турского не принадлежит однозначно ни к одному ранее существовавшему жанру и представляет собой попытку автора совместить в одном тексте (подчас даже искусственно) два совершенно разных повествования — светской истории варварского королевства и церковной истории. Поскольку в сочинении Григория Турского ясно видна позиция автора, которая нашла отражение в структуре повествования и в ясно поставленных целях и задачах[66], а также в отчетливо выраженном стремлении создать всеобщую церковную историю грехопадения и спасения человечества[67], в современной историографии Григория Турского всё чаще стали называть «посредником» между средиземноморской и варварской культурами, а его историю — результатом попыток найти способы их синтеза[68].

Вторым по значению источником среди исторических сочинений является «Хроника» Фредегара (ок. 600 — ок. 660-х гг.)[69]. По поводу даты его возникновения и авторства существует множество теорий, краткое описание которых приведено в специально посвященной этой теме монографии[70]. Недавнее издание этого источника на русском языке стало важным дополнением к истории его исследования[71], которая имеет ряд неразрешенных проблем, и поэтому использование ее осложняется вопросом идентификации автора текста, а также места и времени его написания. В течение всего периода исследования существовало два подхода к истории текста — один, в котором «Хроника» считалась произведением одного автора, и второй, где исследователи предполагали наличие двух или даже трех авторов. Проблема в том, что даже имя Фредегар появляется в рукописях позже, и ничего о личности автора неизвестно. К настоящему моменту некоторые

[66] Greg. Tour. Hist. Lib. I. Praefatio; Lib. II. Praefatio; Lib. III. Praefatio.
[67] *Goffart*. The narrators. P. 153.
[68] *Reimitz*. History, Frankish Identity. P. 444.
[69] Fred. Chron.
[70] *Collins*. Die Fredegar-Chroniken. S. 1–15.
[71] Фредегар. Хроники / под ред. Г. А. Шмидта. СПб., 2015.

историки в целом настаивают, что автор был один[72]. В качестве даты написания приводятся 660-е гг.[73] Однако остались и те, кто считает, что авторов было как минимум двое, потому что главы 4–6 книги II и главы 2, 3, 5, 9 книги III повторяют друг друга[74]. Тот, кто составлял хронику в 660-х гг., неплохо знал короля Дагоберта I, Пипина I, т.е. тех, кто был у власти в конце 630-х — начале 640-х гг.[75] Проблему осложняет тот факт, что «Хроника», на самом деле, представляет собой настоящую историю от сотворения мира, к которой в IV книге добавлена история королевства франков. Если подобное устройство было задумано ее первым автором, то налицо попытка подражать Сульпицию Северу и сделать современную ему историю королевства франков частью глобального плана истории. Это логично вытекало из ее структуры, когда история от сотворения мира заканчивалась на правлении короля Бургундии Гунтрамна, состоявшего в дружеских отношениях с епископатом. В этом смысле история дальнейших событий, т.е. объединение Нейстрии, Австразии и Бургундии при Дагоберте, вписывалась в эту концепцию. Однако раздел королевства франков при сыновьях Дагоберта I только отчасти подходил по духу тому автору, который стремился подчеркнуть логическую связь со всемирной историей в позитивном ключе. Поэтому связность «Хроники» как единого текста с общей исторической концепцией, как это было у Сульпиция Севера и у Григория Турского, теряется. Главным отличием этого источника от «Истории» епископа Тура был больший интерес к преемственности между Поздней Античностью и Ранним Средневековьем (что Григорий Турский пытался заменить радикальностью переворота образа жизни в Галлии благодаря возвращению «христианской империи» при «новом Константине» Хлодвиге). Более того, в отличие от Григория Турского, он принимал «франков» не как «чужаков», но как часть окружения короля из рода Меровингов. Этот источник показывает, что образованное население

[72] *Collins.* Die Fredegar-Chroniken. S. 3, 15.

[73] Ibid. S. 11.

[74] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 14; *Collins.* Die Fredegar-Chroniken. S. 15. Note 41; Письмо Р. Гербердинга к Д. М. Уоллесу-Хадриллу от 14 июня 1982 г.; *Ewig E.* Zum Geschichtsbild der Franken und den Anfängen der Merowinger // Mediaevalia Augiensia. Forschungen zur Geschichte des Mittellters / hrsg. von J. Petersohn. Sigmaringen, 2001. S. 43–58. (Vorträge und Forschungen. 54).

[75] *Collins.* Die Fredegar-Chroniken. S. 24.

франкского королевства, как правило происходившее из знатных галло-римских родов и составлявшее часть церковного сословия, только к середине VII в. стало принимать франкскую власть. Из сравнения этого источника с сочинением Григория Турского сразу виден также и больший интерес к делам франкских правителей и более позитивная их оценка, чем это было у епископа Тура[76]. Элементы священной истории, в частности тема грехопадения и спасения, которые были подробно представлены у Григория Турского, отсутствуют в этом сочинении. Оно намного в меньшей степени выражает точку зрения автора и не пытается значимым образом вплести историю королевства франков во всемирную христианскую историю. Более того, ее автор (или авторы) по сравнению с Сульпицием Севером хуже понимал (или понимали) смысл всеобщей христианской истории, которая должна была заканчиваться либо триумфом церкви, либо, наоборот, знаками приближающегося Армагеддона. Часть «Хроники» Фредегара, посвященная делам королевства франков, показывает локальность мышления автора, которые не интересовался, как история франкских правителей и их окружения вписывается в божественный план всеобщей истории. Поэтому «Хроника» Фредегара оправдывает свое название как цельное сочинение, которое, однако, не отражает цельного исторического мировоззрения, в отличие от полноценной «Истории».

Последним историческим сочинением меровингского периода истории королевства франков является «История франков» анонимного автора, написанная в 710–730-х гг.[77] Ее достоверность как исторического источника была опровергнута в конце XIX — начале XX в.[78] Однако в конце XX в. Р. Гербердинг показал, что это сочинение полностью соответствует всем требованиям достоверности, что оно было написано, скорее всего, в Иль-де-Франсе, в бассейне Уазы и хорошо описывает события этого региона, в которых участвовали Меровинги и майордомы[79]. Это историческое сочинение тоже написано в жанре хроники, поскольку в нем присутствует точка зрения автора, которая, однако, не очень подробно изложена. В плане

[76] *Diesenberger, Reimitz.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft. S. 255.

[77] Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronicae / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores rerum merovingicarum. 2).

[78] *Krusch B.* Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronicae / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 216–217. (MGH Scriptores rerum merovingicarum. 2).

[79] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 146.

жанровых особенностей этот текст не представляет проблемы для исторического исследования, потому что является достаточно слабым слепком с таких важных сочинений, как описанные чуть ранее «История» Григория Турского и «Хроника» Фредегара. Но проблема этого источника всегда состояла совершенно в другом. Историки в течение долгого времени не могли принять тот факт, что информация, взятая из него, напрямую противоречила данным из важнейшего сочинения по истории поздних Меровингов — «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда. В частности, анонимный автор «Книги истории франков» описывал не слабых Меровингов, как это делал историк эпохи Каролингов. Правители первой франкской династии в этом сочинении, наоборот, выглядели ничуть не хуже Хлодвига и его сыновей, потому что они пользовались уважением франкской знати и находились, по мнению автора сочинения, в центре внимания. Эта картина настолько разительно отличалась от сочинения Эйнхарда, что фактически создавала совершенно другой образ последнего столетия правления Меровингов и требовала ревизии устоявшихся представлений. Исследование этого источника было проведено в монографии Р. Гербердинга, в которой были учтены все его особенности[80]. В частности, было показано, что в этом историческом сочинении в целом верно описано, что франкские короли из династии Меровингов в течение долгого времени принимались знатью как единственные легитимные правители и Пипиниды не могли проникнуть в Нейстрию (вопреки мнению Г. Боннелла[81]). В своей монографии Р. Гербердинг показал, что, наоборот, для каждого из периодов «Книга истории франков» полностью соответствует информации из других источников, т.е. грамот и житий. Его монография послужила своего рода поворотной точкой в изучении этого исторического сочинения, а также в оценке периода правления франкских королей из рода меровингов. Благодаря ей историки переоценили поздний период правления меровингских правителей и стали в целом более позитивно рассматривать не только последние сто лет их нахождения у власти, но и всю историю франкского королевства в это время.

Другой значительной группой источников являются агиографические сочинения. Они важны для глав с первой по третью,

[80] *Gerberding*. The rise of the Carolingians. P. 146.

[81] *Bonnell*. Die Anfänge des Karolingischen Hauses. S. 49–71.

описывающих позднеантичный период в истории Галлии, а также развитие франкского королевства до конца VII в. При исследовании взаимоотношений церкви и прелатов Галлии с имперским двором и церковной иерархией других провинций наряду с историческими активно привлекаются агиографические сочинения, в частности «Житие святого Мартина», впервые составленное Сульпицием Севером[82]. В этом «Житии», первом, насколько это можно судить, для Галлии, отразился крайне противоречивый характер первых западных культов святых и первых агиографических сочинений. В частности, изначально несговорчивый святой, который противопоставлял себя обществу позднеримской Галлии, стал в этом «Житии» примером не только для низших слоев общества, всегда искавших в уходе от мира восстановление социального равновесия, но и для галло-римской знати[83]. Ситуация в зарубежной науке изменилась с выходом фундаментального труда Ф. Грауса, который показал, как жития святых можно использовать в контексте социальной истории, и на примере своего исследования продемонстрировал перспективы их использования в качестве исторических источников[84]. Современные исследования только укрепили этот подход, показав, что агиография была отражением важных исторических тенденций[85]. Несмотря на предвзятость историков первой половины XX в. по отношению к житиям как недостоверным сочинениям, жизнеописание святого Мартина стало уже во второй половине прошлого века предметом непредвзятого исторического исследования[86]. Для рассмотрения сюжетов, связанных с формированием связи между светской властью, церковью и монашеским движением, используется ряд агиографических текстов. При обсуждении одного конкретного случая, который наиболее ярко показывает процессы взаимодействия между светской и церковной властью, — монастыря Сен-Дени, используются такие жития, как «Мучения св. Дионисия, Рустика

[82] Sulp. Sev. VM.

[83] *Van Dam R.* Images of Saint Martin in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 27.

[84] *Graus F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965.

[85] *Kreiner J.* The Social Life of Hagiography in the Merovingian Kingdom. Cambridge, 2014. (Cambridge studies in medieval life and thought, 4th ser. 96).

[86] *Stancliffe.* St. Martin and his hagiographer. P. 86–95.

и Элевтерия»[87]. Кроме того, исследование опирается на «Житие св. Женевьевы»[88]. Датировка «Жития св. Женевьевы» породила ряд споров: Г. Курт и Л. Левиллен датировали его началом VI в., однако Ж. Аве выдвинул гипотезу, что оно было составлено только при Карле Великом[89]. Как постарался показать Годефруа Курт, «Житие» относится к началу VI в.[90] Левиллен согласился с этой точкой зрения[91]. С другой стороны, Ж. Аве утверждал, что это источник IX в. Современные исследования говорят о раннем происхождении этого «Жития», однако они не исключают более поздней интерполяции[92]. Кроме этого, в исследовании привлекаются также другие агиографические сочинения — «Житие Дагоберта», «Житие св. Балтхильды», «Житие Эдуэна», «Житие Элигия»[93]. Все эти сочинения представляют особый интерес для историков, потому что в большом количестве житий именно они входят в группу источников, которая была написана либо одновременно с описываемыми событиями, либо с минимальным для Средних веков разрывом в 50–100 лет.

Сохранившиеся протоколы меровингского королевского суда (относящиеся к VII–VIII вв.), называемые *placita*, являются особым типом источников, которые в силу их специфического статуса позволяют посмотреть на историю королевства франков с другой стороны. Они были не столь «официальны», как королевские грамоты, потому что в них присутствовали перипетии разбора сложных правовых

---

[87] Самые ранние редакции сохранились только в рукописях IX в. L'École de médecine de Montpellier. Ms. 55; Sankt-Gallen. Hs. 230.

[88] *Levillain L.* Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1921. T. 82. P. 11.

[89] *Havet J.* Les origines de Saint-Denis // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 38.

[90] Kurth G. Étude critique sur la Vie de sainte Geneviève // Études franques. T. 1. Paris, 1919. P. 1–96.

[91] *Levillain.* Études I. P. 11.

[92] Les vies anciennes de sainte Geneviève de Paris: études critiques / sous la dir. de M. Heinzelmann, J.-C. Poulin, M. Fleury. Paris, 1986. (Bibliothèque de l'Ecole des hautes études, IVe section, Sciences historiques et philologiques. 329).

[93] Gesta Dagob.; Vita Sanctae Balthildis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2: Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 475–508; Vita Audoini episcopi Rotomagensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sacntorum. Hannover, 1910. S. 543–567; Vita Eligii episcopi Noviomagenisis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. Hannover, 1902. S. 663–741.

коллизий[94]. Дошедшие до нас записи начинаются в 653 г., а заканчиваются в 715 г. Это означало сохранение королем верховной судебной юрисдикции даже в поздний период существования Меровингского королевства[95]. Особой темой стали так называемые «фиктивные процессы», получившие свое название, потому что в их рамках фактически устанавливались существующие права собственности[96]. Они были выделены в отдельную группу, и их особая функция в качестве документов, которые отражали настоящую борьбу за власть, а не просто подтверждение статус-кво, была тоже показана исследователями[97]. Обсуждение этих источников привело к тому, что они стали рассматриваться скорее как отражение важных тенденций в административной культуре времени правления Меровингов, а не особо ожесточенной борьбы вокруг королевского престола времен поздних Меровингов[98]. Таким образом, можно утверждать, что в трактовке этих протоколов исследователи пришли к различным и подчас противоположным точкам зрения, что обусловливает необходимость их дальнейшего анализа.

Монография состоит из введения, четырех глав основной части, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и списка литературы.

---

[94] *Bergmann*. Untersuchungen. S. 49; *Fouracre*. 'Placita'. P. 30.

[95] *Fouracre*. 'Placita'. P. 43.

[96] *Bergmann*. Untersuchungen. S. 93–102.

[97] *Kano*. Procès fictif, droit romain et valeur de l'acte royal à l'époque mérovingienne. P. 353.

[98] *Murray A*. So-called fictitious trial in the Merovingian placita // Gallien in Spätantike und frühem Mittelalter. Kulturgeschichte einer Region / hrsg. S. Diefenbach, G. Müller. Berlin; Boston, 2013. (Millennium Studien. 43). S. 327.

Глава 1

Центр и периферия: Галлия в структуре власти Поздней Римской империи и становление региональной идентичности

1.1. Проблемы регионализации Римской империи: тетрархи магнаты, узурпаторы и делегирование власти на места

В течение долгого времени история Раннего Средневековья и сл жившихся в этот период королевств рассматривалась скво призму событий, связанных с падением Римской империи на Зап де в 476 г. С течением времени историки выдвинули принципиал но противоположные точки зрения на проблему перехода от Поздне Античности к Средним векам.

Ряд исследователей развили идею о «падении» Римской имп рии, по-разному характеризуя этот процесс и предлагая различны его трактовки. Основу данной концепции заложили еще итальянск гуманисты Леонардо Бруни, Флавио Бьондо и Помпонио Лето[1]. Наи большее развитие она получила в труде Э. Гиббона, в котором ра пространение христианства называлось главной причиной осла ления и затем падения империи на Западе[2]. Эта концепция надол завоевала ключевые позиции в историописании Римской империи В XIX–XXI вв. многие исследователи занимались вопросом паден империи. Например, М.И. Ростовцев и Л. фон Мизес во главу уг ставили экономические проблемы, связанные с требованиями по держания аппарата и военных кампаний Римской империи[4]. Друг считали основной причиной упадка постоянные гражданские войн в которых участвовали римские легионы[5]. В рамках выдвинутой им

---

[1] Flavius Blondus. Historiarum ab Inclinatione Romanorum Libri XXXI. Vol. Basileae: Officina Frobeniana, 1531. P. 10.

[2] *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire: In 20 vo Vol. 2. London: Lackington, Allen, Co., 1777.

[3] *Bury.* A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 137–160.

[4] *Rostovzeff M.I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxfor Clarendon Press, 1926; *Mises L. von.* Human Action: A Treatise on Economics. New Have Yale University Press, 1963.

[5] *Goldsworthy A.K.* The Complete Roman Army. New York, N.Y.: Thames & Hudson, 200

концепции варвары, проникавшие на территорию Римской империи, виделись как ее враги, а варварские королевства — как антитеза римскому устройству власти и образу жизни. По этой причине историки обращали внимание главным образом на те особенности варварских образований, которые можно было противопоставить римским порядкам. Отсюда возникли и в течение долгого времени развивались концепции «вторжения», «завоевания», подчеркивавшие в первую очередь принципиально иной характер власти в варварских королевствах, а именно ее «германские» особенности. Концепция «романо-германского синтеза» не смогла полностью избавить исследователей от выстраивания антитезы «империя — варварские королевства», хотя ее разработка позволила в значительной степени обратить внимание на сохранение римских традиций и на их влияние на общество и власть Раннего Средневековья.

Были и такие исследователи, которые настаивали, что римские порядки долго сохранялись и после падения Римской империи. Третья группа историков, пытаясь совместить противоположные точки зрения, объединяла Позднюю Античность и Раннее Средневековье в единый период. Таким образом, в некоторых концепциях перехода от Античности к Средневековью проблема отличий между римскими и варварскими порядками потеряла свою актуальность. В ряде работ было указано, что местному населению и знати стало экономически невыгодно поддерживать Римскую империю, и они стали поощрять попытки отдельных военных командиров создать местную структуру власти, независимую от всей Средиземноморской империи. Так на смену проблеме противостояния римской и варварской культур пришла проблема соотношения в рамках самой Римской империи различных взглядов на роль центростремительных тенденций и места отдельных регионов в структуре власти империи.

Различие в оценках процесса регионализации Римской империи имеет непосредственное отношение к пониманию основных проблем перехода от Античности к Средневековью. В частности, усиление власти провинций и появление узурпаторов рассматривалось сторонниками идеи упадка средиземноморских политических структур как признак ослабления не только центральной власти, но и римских порядков в целом. Однако в концепциях, которые не рассматривали исчезновение императора на Западе после 476 г. как ключевое историческое событие, процесс регионализации приобрел совершенно другой

смысл. Попытки узурпации власти, появление у знати и других жителей провинций самосознания и новых, отличных от традиционных для Рима представлений о месте провинций в системе власти Средиземноморской империи стали рассматриваться исследователями не как признак слабости, а как позитивный знак.

В свете новых исследований представляется, что изучение сложившихся в варварских королевствах форм власти следует начинать с обращения к позднеантичному римскому наследию, которое было использовано в процессе построения раннесредневекового общества. В частности, особый интерес вызывает формирование в начале существования Римской империи представления о сущности и формах императорской власти, которое было отлично от представлений республиканской эпохи. По сути, практика власти в Средиземноморье была во многом создана заново, когда в Риме после гражданских войн были сделаны попытки объединить общество на основании новых принципов власти. Ряд новых исследований показал, что структуры и репрезентации власти в империи не только были однажды фактически созданы вновь, но и претерпевали постоянные трансформации. Работа по исследованию места императора в системе власти империи, выполненная без использования каких-либо заранее заданных исторических или социологических концепций, показала, что они существовали в системе отношений «петиция — ответ». Фактически их деятельность по управлению империей не имела систематического характера и сводилась подчас к реагированию на просьбы со стороны заинтересованных слоев населения[6]. Формальное положение императора имело мало значения, потому что высокое положение и отдаленность от толпы подчас делали императора сильно зависимым от быстро сменяющейся и нестабильной политической ситуации. Это привело к тому, что императоры стали снова искать у толпы признания. В частности, показательным является пример императора Феодосия II, который босым возглавлял процессии христиан в Константинополе. Когда двигаться выше было уже некуда, императоры, наоборот, шли «в народ», чтобы этим усилить свое положение[7]. Парадоксальным образом необходимость постоянно давать ответы на петиции и ситуации, как это было

[6] *Millar F.* The Roman Near East, 31 B.C. — A.D. 337. Cambridge, 1993.

[7] *Kelly C.* Stooping to Conquer: The Power of Imperial Humility // Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity / ed. C. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 243.

в истории с Феодосием II, показывала сложность положения императора и необходимость постоянно доказывать свой статус.

Модель организации власти, присущая традиционным обществам и состоящая из трех типов власти — сакральной, военной и судебной, — была во многом характерна и для римлян. Особенно наглядно эта модель проявилась в период гражданских войн, когда социальное устройство и структуры испытали чудовищное напряжение. В частности, Октавиан Август на своей стеле, установленной на построенном им же форуме, повелел запечатлеть рассказ о своем триумфе, повествующий, как он примирил враждующие стороны, наказал своих врагов и помиловал тех из них, кто предпочел добровольно сдаться и признать свою вину в продолжении гражданского конфликта[8]. В описываемой Октавианом Августом модели своей власти можно заметить интересное и непривычное сочетание трех составляющих, обычно стоявших наособицу: сакрального правителя, функция которого состояла в том, чтобы обеспечить процветание своего социума, военного предводителя, лично добившегося поражения своих врагов, и одновременно судьи, который восстановил справедливость и прекратил гражданские войны. Интересно, что эта новая многоплановая роль, которую попытался присвоить себе Август, не была однозначно принята его современниками. Вергилий, характеризуя Энея, героя своей знаменитой «Энеиды», написал, что хотя тот и считался основоположником Рима, он никогда не был человеком, который мог бы претендовать на звание «справедливого». Знаменитый поэт полагал, что смерть Дидоны должна быть на его совести, поскольку он покинул ее, вняв воле Юпитера, возвещенной ему Меркурием. Описывая, как Эней должен был открыть храм бога ярости, Вергилий тем самым подчеркивал, что тот заложил в основу Римской империи несправедливость и гнев, которые были исправлены только лишь деяниями Августа[9].

Развитие структур и представлений о власти в Римской империи в течение нескольких столетий было процессом, затронувшим все аспекты общественного развития. Императоры и их окружение способствовали выработке образа императорской власти, с тем чтобы подчеркнуть независимость самих имперских структур, т.е.

[8] Scriptores Historiae Augustae / transl. D. Magie. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1932. P. 235. (Loeb Classical Library. 263).

[9] P. Vergili Maronis Aeneis. Gotha: F. A. Perthes, 1901. 4. P. 222–237.

императорского двора с его канцеляриями, системы гражданской власти во главе с губернаторами и префектами и системы военной власти в лице командующих, от того полисного устройства, которое составляло основу средиземноморского общества с древности[10]. Например, Тиберий попытался отделить императорскую власть от Рима и поставить в нем строгого префекта, чтобы ограничить влияние патрицианских семей этого города на императорскую власть[11]. Клавдий, как умелый администратор, способствовал возникновению административной системы империи, образовав канцелярии и аппарат власти при императорском дворе и в провинциях. Создание империи сопровождалось изменениями в структурах власти и представлениях о ней. Сам статус императора вырос, как считается, из понятия *princeps senatus*, которое было характерно для Рима времен Республики. Этим титулом обозначался человек, который в силу своего возраста и опыта считался старейшиной сената и мог в силу своего морального авторитета и подчас данных ему определенных привилегий руководить собранием знати. Однако в начале существования империи, а именно при императоре Августе (27 до н. э. – 14 н. э.), этот термин был полностью определен заново, и им стал именоваться сам император[12]. Статус императора в качестве *princeps* вряд ли воспринимался римлянами как часть старых представлений о сенате. Более того, императоры часто добавляли к своему титулу дополнительные, например Калигула носил титул *Germanicus*, а Клавдий – *Britannicus*[13]. Таким образом, с начала своего существования императоры стремились к тому, чтобы их воспринимали как независимую от республиканских традиций власть, хотя, безусловно, много делалось и для того, чтобы, наоборот,

---

[10] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 182–240; *Eich P.* Centre and Periphery: Administrative Communication in Roman Imperial Times // Rome, a City and Its Empire in Perspective: The Impact of the Roman World Though Fergus Millar's Research / ed. S. Benoist. Leiden: Brill, 2012. P. 102.

[11] Suetonius. Life of Tiberius. 60, 62, 63, 64 // The Lives of the Twelve Caesars / transl. J. Gavorse. New York, 1931.

[12] Это утверждение, вппервые высказанное в полемическом тоне Т. Моммзеном в статье *Mommsen T.* Über den princeps senatus. Ein Nachtrag // Rheinisches Museum. 1864. Bd. 19. S. 455–457, послужило уже в XIX в. поводом для огромной дискуссии, которую нет смысла воспроизводить в данном исследовании. Для целей настоящей работы важно отметить, что этот термин мог восприниматься двояко, и как знак новаторства, и как знак преемственности. *Grant M.* History of Rome. New York, 1978. P. 62.

[13] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 189.

закрепить образ поддерживающего эту традицию правителя. Фактически, именно поэтому начал складываться культ императора[14]. Правление Клавдия (41–54 н.э.), который был приведен к власти преторианской гвардией, было отмечено постоянной борьбой с сенатом и попытками утвердить свою малую семью в ущерб другим представителям рода Юлиев-Клавдиев. Этот император уже был далек от основателя династии Августа в терминах семейной и династической политики, он и его окружение хорошо относились к возникновению культа императора, выражавшегося в попытках жителей италийских городов отмечать правление императора установкой статуй[15]. При императоре Веспасиане усилилась пропаганда образа императора, видимо, для того чтобы компенсировать те проблемы, которые возникли у него из-за сложностей, связанных с его признанием римским аристократическим обществом[16]. Дальнейшее развитие императорской власти и структур власти империи шло по пути отделения императора от общества и создания независимого от Рима, от италийской и в особенности римской знати аппарата власти.

Подобная модель стала возможна потому, что Поздняя Античность принесла в средиземноморское общество значительные изменения в представления о власти, в социальные структуры, в миросозерцание и способствовала формированию новых властных традиций, которые могли быть восприняты варварскими правителями.

Значительным элементом трансформации структур власти Римской империи были реформы, которые последовали в правление императора Константина Великого и его наследников. В течение Принципата центром власти империи оставался Рим, но для быстрого реагирования на возникавшие на границах проблемы императоры вынуждены были создать ряд имперских столиц в стратегических местах, таких как Милан, Трир и т.д. Однако приход к власти Константина изменил многое, потому что он, будучи выходцем с Балкан, постарался перенести столицу именно туда. За исключением династии

---

[14] *Peppard M.* The Son of God in the Roman World: Divine Sonship in Its Social and Political Context. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 43–44.

[15] *Osgood J.* Claudius Caesar: Image and Power in the Early Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 62.

[16] *Charlesworth M.P.* Flaviana // Journal of Roman Studies. 1938. Vol. 27. P. 54–62; *Jones W.* Some Thoughts on the Propaganda of Vespasian and Domitian // The Classical Journal. 1970–1971. Vol. 66. P. 251.

Феодосия I, включавшей Гонория, Аркадия и Феодосия II, остальные императоры вплоть до падения Римской империи на Западе происходили с Балкан[17], что было вызвано сочетанием объективных и субъективных факторов. Основание Константинополя и похороны в нем Константина Великого показали, что Рим отодвинулся на второй план и что возник новый центр власти[18]. Таким образом, при императоре Константине и его наследниках произошла существенная смена баланса сил в Средиземноморье, поскольку почти что на два столетия центр сместился на Балканы.

Наследие, оставленное Римской империей варварским королям, состояло в первую очередь в практике власти, сформированной административными структурами империи в провинциях. Именно там в процессе взаимодействия римской власти и местной знати создавались условия, в которых потом могли возникнуть и во многих случаях возникли раннесредневековые варварские королевства. Традиции региональной власти, которые сформировались еще в Поздней Античности и способствовали организации диоцезов, легли в основу варварских королевств. Это выразилось в первую очередь в том, что создание Тетрархии в 293 г. знаменовало регионализацию власти, приведя к разделению империи на Западную и Восточную. Несмотря на то что в идеале Тетрархия предполагала легитимный раздел власти между четырьмя соправителями, каждый из которых имел в своем подчинении один из четырех регионов империи, в реальности ее существование постоянно сопровождалось соперничеством между ними. Легитимные «августы» и «цезари», соправители первой (293–305 гг.) и второй (305–306 гг.) Тетрархий, постоянно стремились изменить заданные разделом 293 г. границы и увеличить свои территории за счет друг друга[19]. Идея единства Средиземноморья под властью одной династии постепенно стала уступать приоритету местных интересов. Регионализация выражалась также и в том, что представители империи на местах (в первую очередь префекты и часто — военачальники) уже во II–III вв. имели значительную власть, и именно от них подчас

[17] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 185.

[18] *Van Dam R.* The Roman Revolution of Constantine. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 59.

[19] *Bleckmann B.* Bemerkungen zum Scheitern des Mehrherrschaftssystem: Reichsteilung und Territorialansprüche // Diokletian und die Tetrarchie / ed. A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöningen. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. S. 76, 80.

зависело окончательное урегулирование возникавших в провинциях проблем[20]. Данный факт имел большое значение для провинций и регионов Римской империи, многие из которых начали проявлять центробежные тенденции еще до разделения империи на Восточную и Западную и появления коллегии императоров.

Положение дел в Галлии говорит о значительной регионализации интересов местного населения. Уже в III в. граждане империи из галло-римлян, жившие в городах, проявляли достаточную степень самостоятельности в ситуации, когда центральная власть не могла оказать им военную помощь. Например, в 260 г. граждане Тура отразили атаку франков[21]. Иногда эта самостоятельность обращалась против самой римской армии. Например, в 270 г. ополчение граждан Отэна показало свою доблесть уже против римских легионов[22]. Как только в империи начались административные и структурные преобразования, начал меняться баланс власти, который сложился в этих провинциях. В результате реформ Диоклетиана и Константина значение знати ослабло повсеместно по всей Римской империи, так как большая роль в системе власти стала уделяться военным командирам. Однако местные галльские магнаты никуда не исчезли, о чем свидетельствуют богатые захоронения этого периода[23]. Они постепенно стали терять интерес к Римской империи, что привело к появлению местных магнатов, не заинтересованных в сотрудничестве и стремившихся установить свою власть без оглядки на имперские структуры власти.

В наименее романизированных областях Галлии и Испании уже в III в. появились багауды, не выдвигавшие своих узурпаторов, претендовавших на имперскую власть, но представлявшие опасность для администрации провинций этих регионов[24]. Их восстания зафиксированы также и в середине IV в., в правление императора Констанция,

---

[20] *Corcoran S.* The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government, AD 284–324. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 249–251, 295.

[21] *Reinach T.* Le premier siège entrepris par les Francs // Revue historique. 1890. Vol. 43. P. 34–46; *Drinkwater J. F.* The Gallic Empire. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. P. 94–95. (Historia Enzelschriften. 52).

[22] *Drinkwater.* The Gallic Empire. P. 37–38, 178.

[23] *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 375–76.

[24] *Drinkwater J. F.* Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC – AD 260. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983; *Léon J. C. S.* Los Bagaudas: Rebeldes, Demonios, Mártires. Revueltas Campesinas En Galia E Hispania Durante El Bajo Imperio. Jaén, 1996.

и в V в.[25] Скорее всего, во главе этих движений стояли именно галльские магнаты, не нашедшие своего места в системе власти Римской империи[26]. Свидетельством того, что галло-римские аристократы стремились проявить себя даже за пределами Галлии, является тот факт, что один из галло-римских аристократов появился со своей дружиной в Восточной империи[27].

Появление Тетрархии было предопределено многочисленными актами узурпации власти империи со стороны военачальников и местной знати. Например, во второй половине III в. империя столкнулась с новым кризисом, результатом которого стала так называемая «Галльская империя» (260–274). Она возникла в правление императора Галлиена и представляла собой попытку создать на основе трех галльских провинций своего рода «западную империю». Когда император Валериан был захвачен сасанидским правителем Шапуром I в 259 г., один из соратников Галлиена Постум захватил власть в Германии и объявил себя императором, создав «Галльскую империю»[28]. Легионы западной части Римской империи — из Германии, Галлии, Испании и Британии — поддержали Постума. Таким образом, фактически появилась новая общность, Западно-Римская империя. Несмотря на подозрительное отношение императора Клавдия II (268–270) к основателю этой империи Постуму, его преемники не проявили никакого интереса к распространению своей власти за территорию Галлии[29]. Однако подобное положение дел продлилось недолго, потому что в 274 г. к власти пришел

---

[25] Aur. Vict. De Caes. Cap. 3. 16; *L'Huillier M.-Cl.* Notes sur la disparition des sanctuaires païens / eds. M. Garrido-Hory, A. Gonzalèz. Besançon, 2005. P. 290; *Thompson E.A.* Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison: University of Wisconsin Press, 1982. P. 184.

[26] *Drinkwater.* The Bacaudae of Fifth-Century Gaul; C. Minor, Bacaudae — a Reconsideration, Traditio. 1996. Vol. 51. P. 297–307.

[27] Life of Daniel the Stylite // Three Byzantine Saints / transl. E. Dawes, N. H. Baynes. London, 1948. Cap. 60; *Vita S.* Danielis // Historiae Seu Vitae Sanctorum / ed. L. Surius. Köln, 1570. Cap. LX.; *Surius L., Bracco C.A., Lippomano L.* Historiae seu vitae sanctorum. Vatican, 1951.

[28] Aur. Vict. De Caes. Cap. 33. 8: «Namque primus omnium Postumus, qui forte barbaris per Galliam praesidebat, imperium ereptum ierat: explosaque Germanorum multitudine Laeliani bello excipitur: quo non minus feliciter fuso suorum tumultu periit, quod flagitantibus Mogontiacorum direptiones, quia Laelianum iuverant, abnuisset».

[29] *Drinkwater.* The Gallic Empire. P. 242; *Куликова Ю.В.* Галльская империя от Постума до Тетриков. СПб.: Алетейя, 2012.

Аврелиан, который восстановил власть империи над Галлией, Британией и другими отпавшими регионами.

После сокрушения Галльской империи Карин и Нумериан, соправители империи (282–284), постарались полностью предотвратить повторение подобных событий. В результате Нумериан присвоил себе титул «Britannicus maximus», «победитель Британии»[30]. Однако несмотря на это в правление Диоклетиана Караузий практически безраздельно правил Британией[31]. Его власть не распространялась на Галлию, но вскоре прецедент повторился, и власть в Британии, а затем в Галлии захватил Аллект, правивший с 293 по 296 г.[32] Таким образом, уже в III в. на северо-западе империи стала складываться общность, интересы которой не совпадали с интересами империи в целом.

Создание Тетрархии во многом было результатом признания необходимости территориального разделения власти со стороны императора и его ближайшего окружения. Более того, императоры сами стали опираться на регионы, чтобы найти поддержку своим амбициозным планам. В результате успешных кампаний Констанция власть империи в Британии снова была восстановлена[33]. Однако система Тетрархии привела к неожиданным результатам. После смерти Диоклетиана, августа Востока, и Констанция, августа Запада, вся власть была сосредоточена в руках цезаря Востока Галерия. Константин не упустил возможности и был провозглашен императором в Йорке. Вместе с официальным письмом он послал также свое изображение в императорских регалиях[34]. Парадоксальным образом император, который послужил объединению империи в IV в. и способствовал ее консолидации благодаря принятию христианства в качестве государственной

---

[30] *Dessau H.* Inscriptiones latinae selectae. Vol. 1. Berlin: Weidmann, 1892. № 608.

[31] Aur. Vict. De Caes. Cap. 39. 20–21 // MGH Auctores antiquissimi / ed. H. Droysen. Vol. 2. Berlin: Weidmann, 1879. P. 1–182. Cap. XXI: «Per haec tempora etiam Carausius, qui vilissime natus strenuae militiae ordine famam egregiam fuerat consecutus, cum apud Bononiam per tractum Belgicae et Armorici pacandum mare accepisset, quod Franci et Saxones infestabant, multis barbaris saepe captis nec praeda integra aut provincialibus reddita aut imperatoribus missa cum suspicio esse coepisset, consulto ab eo admitti barbaros, ut transeuntes cum praeda excipiret atque hac se occasione ditaret, a Maximiano iussus occidi purpuram sumpsit et Britannias occupavit Eutropius». См. также: Eutrop. Brev. Cap. XXI–XXII.

[32] Aur. Vict. De Caes. Cap. 39. Eutrop. Brev. Cap. XXI–XXII.

[33] Eutrop. Brev. Lib. IX. Cap. 23; Aur. Vict. De Caes. Cap. 39.

[34] *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 28–29.

религии, опирался на региональное самосознание, ранее уже получившее свое выражение в деятельности нескольких узурпаторов.

В 337 г., после смерти Константина Великого, Запад и провинции Галлии отошли его сыну Константину II. Одновременно была создана должность префекта претория Галлии[35]. С этого момента в Галлии стали формироваться представления о единстве этого региона и о его месте в иерархии средиземноморских областей, которые распространялись в среде галло-римской знати и иногда разделялись представителями коллегии императоров и их военачальниками. Отметим, что уже в «Записках о галльской войне» Цезаря прослеживается внутренняя неоднородность галльского общества и постоянные конфликты между различными племенами. Узурпаторы продолжали появляться, несмотря на создание Тетрархии. Они не соблюдали правила раздела власти, заложенного в изначальных соглашениях Диоклетиана с соправителями. С 350 по 353 г. у власти в Галлии и Британии находился Магн Магненций, который ранее был командующим (комитом) при императоре Константе (337–350). Когда против последнего был составлен заговор, войска провозгласили Магна Магненция императором. Он сумел получить поддержку населения Британии, Испании и Галлии и попытался договориться с императором Констанцием II, однако тот не признал его власти. После этого в нескольких битвах Магненций был разбит[36]. В 383 г. легионы Британии провозгласили своим императором Магна Максима. Он перебрался в Галлию, чтобы, опираясь на силы этого диоцеза, распространить свою власть на всю империю и стать августом[37]. Интересно, однако, что и Магненций, и Ветранио на своих монетах пользовались теми образами, которые были созданы Константином Великим, и стремились опираться на память о нем как на символ своего имперского достоинства[38].

---

[35] *Burns T. S.* Barbarians within the Gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375–425 A. D. Bloomington: Indiana University Press, 1994. P. 58.

[36] Zosim. Hist. Nova. Lib. II. Cap. 58; *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 532; *Drinkwater J. F.* The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–353), and the Rebellion of Vetranio (350) // Chiron. 2000. Vol. 30. P. 131–159.

[37] *Jones, Martindale, Morris.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. P. 316.

[38] *Van Dam R.* Remembering Constantine at the Milvian Bridge. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 49.

Галлия, как и некоторые другие регионы, всегда была склонна к сепаратизму. Однако в отличие от Британии, в Галлии ни одна из этих попыток не закончилась однозначным принятием узурпаторов галло-римским населением. Узурпаторы, которые пытались выступать от имени Рима в Галлии, опирались по большей части на солдат и не имели широкой поддержки со стороны населения. Багаудов же следует рассматривать как совершенно другой феномен, потому что их предводители никогда не претендовали на власть от имени Рима. Однако сознание жителей провинций Галлии, так же как и сознание самих правителей империи и их военачальников, оставалось достаточно консервативным. Все попытки узурпации римской власти (как то: попытки правителей Галльской империи, Караузия, Аллекта) были направлены не на свержение империи и не на распространение своей власти в Рим и другие провинции империи. Наоборот, они были нацелены на то, чтобы приблизить аппарат римской администрации к провинциальной жизни, и не заявляли претензий на господство над всем Средиземноморьем.

1.2. Создание региональных структур власти в IV в. и регионализация сознания: Юлиан Отступник и Аммиан Марцеллин

Процессы, запущенные императором Константином Великим (306–337) и продолженные другими представителями балканских династий, имели непосредственное влияние на ход формирования власти в Западном Средиземноморье, т.е. на Иберийском полуострове и в Галлии. В качестве отправной точки, с которой можно начинать отсчет процесса регионализации в сознании даже самых консервативно настроенных социальных групп Римской империи, можно назвать время Аммиана Марцеллина (ок. 325/330 – ок. 391/400), историка, подражавшего Тациту. В своих «Res gestae» ему удалось отразить все противоречия в образе империи, появившиеся после создания Тетрархии.

Говоря о регионализации империи, следует в первую очередь обратить внимание на то, как Аммиан Марцеллин описывает взаимоотношения центра и периферии и какова, по его мнению, роль отдельных провинций в системе власти Римской империи. Галлии, история которой является важнейшим сюжетом нашего исследования, также было уделено достаточно места.

Изучение «Римской истории» («Res gestae») Аммиана Марцеллина показывает начало процесса формирования в рамках Римской империи особого типа власти в провинциях, который впоследствии привел к созданию уже раннесредневековых политических образований. Отметим, что для этого государственного деятеля и военачальника, происходившего родом из Антиохии, многие аспекты истории и функционирования структур власти в Средиземноморье виделись немного иначе, чем Цезарю или Тациту. В частности, для воспитанного в традициях древнегреческой и эллинистической метафизики Аммиана идея о римском *orbis terrarum* виделась совсем по-другому, нежели потомкам и преемникам Октавиана Августа. В частности, тот факт, что Констанций подписывал документы как владыка всего мира (*dominus orbis terrarum*), он рассматривал как бессмысленное с точки зрения устройства космоса и вселенной занятие в силу ее бесконечности[39]. В этом стремлении Констанция мы можем углядеть нормальную для властителей Рима практику, начатую еще Октавианом Августом, видеть свою власть как вечную и независимую от превратности обычной жизни, которая отразилась во многих аспектах этой эпохи. В частности, императорские титулы *perpetuus* и *semper* имели своей целью показать вневременной характер власти императора[40]. Отношение к границам Римской империи подразумевало ее господство над всем миром[41]. То, что для римлян считалось нормой представлений об основах власти императора, для образованного представителя властных и интеллектуальных элит восточного Средиземноморья представлялось не имеющим особого символического значения. Если

[39] Amm. Marc. Rer. Gest. XV. 1. 4: «Namque etiam si mundorum infinitates Democriti regeret, quos Anaxarcho incitante magnus somniabat Alexander, id reputasset legens vel audiens quod ut docent mathematici concinentes ambitus terrae totius, quae nobis videtur inmensa, ad magnitudinem universitatis instar brevis optinet puncti» (Если бы он правил бесконечными мирами Демокрита, о которых под влиянием Анаксарха мечтал Александр Великий, то и тогда ему следовало бы сообразить, — о чем он мог читать или слышать, — что, согласно учению всех математиков, объем Земли, которая кажется нам огромной, является по отношению ко всей Вселенной одной лишь маленькой точкой (перевод здесь и далее дан по изданию: Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с латин. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни; вступ. ст. Л. Ю. Лукомского. М.: Алетейя, 1996)).

[40] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. P. 189.

[41] *Nicolet C.* Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. P. 15–56, 171–188. (Jerome Lectures. 19); *Graham M. W.* News and Frontier Consciousness in the Late Roman Empire. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2006. P. 42, 44.

Констанций считал, что власть императора распространялась на всю Землю, то для Аммиана, знавшего античную греческую философию, это было немного самонадеянным утверждением. Если правитель империи считал себя владеющим всем миром, то Аммиан, наоборот, говорил о «многих мирах» и сводил его власть всего лишь к одному из них. Этот комментарий имел и чисто практическое и политическое измерение, потому что при истолковании в сугубо властных терминах эти слова буквально сводили власть императора к его собственному «миру» двора и одной из имперских столиц (например, Милану). De facto именно так и была устроена Римская империя в момент написания Аммианом своей работы. Как показывают исследования, столицы к III в. переместились ближе к границам, и императоры всё больше тяготели ближе к местам, где постоянно требовалось присутствие римской армии[42].

Галлия интересовала Аммиана прежде всего потому, что именно здесь Юлиан получил императорскую власть и добился единоличного правления над всей империей. Однако заметим, что Аммиан Марцеллин не ограничился только сюжетами, связанными с Юлианом. Например, в XV книге «Римской истории» он посчитал необходимым привести этнографическую информацию об этой провинции. Источниками для него послужили Тацит и, возможно, другие античные историки[43]. Образ Галлии, который создал Аммиан Марцеллин, состоял как из его собственных впечатлений от пребывания в этом регионе[44], так и из классических представлений, взятых из сочинений Юлия Цезаря и других авторов с целью позаимствовать у них шаблон описания этого региона[45]. Рассказ о Галлии мог бы показаться топосом, если не сравнивать его с другими частями сочинения Аммиана Марцеллина.

В «Res gestae» мы не найдем подобного развернутого описания других регионов Римской империи. Возможно, это связано с общей целью сочинения, и Галлия занимает в нем такое место по причине

---

[42] *Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337). Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1977.

[43] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XV; *Barnes T.D.* Ammianus Marcellinus and the representation of historical reality. Ithaca, NY, 1998. P. 97–98; *Woolf G.* Saving the barbarian // Cultural identity in the Ancient Mediterranean / ed. E. S. Gruen. Los Angeles, 2011. P. 272.

[44] *Barnes.* Ammianus Marcellinus. P. 97.

[45] *Woolf.* Saving the barbarian. P. 265.

особого отношения автора к императору. Вероятно, именно в Галлии император Юлиан зарекомендовал себя хорошим военачальником и правителем[46]. Историк подчеркнул, что регион стал фактически опорой для Юлиана и помог ему стать августом и единоличным правителем империи. Фактически таким образом этот позднеантичный историк сравнил Юлиана с Цезарем, восхождение которого к власти и, соответственно, создание империи началось именно с победы в Галлии и превращения ее в плацдарм римской военной мощи на Западе.

Более того, описывая походы и победы Юлиана в этом диоцезе, Аммиан показал, что регионализация сознания и повышение роли отдельных регионов имели место даже в высших кругах империи. После своих удачных кампаний в Галлии Юлиан, несмотря на свой статус «цезаря», попросил у префекта претория Галлии возможность быть полноправным наместником провинции Бельгики Второй[47]. Юлиан не стал довольствоваться прерогативами соправителя императора, так как его отношения с Констанцием оставляли желать лучшего, и сделал всё, чтобы обрести статус единоличного правителя Бельгики. Это событие послужило основой для договоренностей между Римской империей и франками, потому что из последующих источников мы узнаём о фактическом договоре о союзничестве[48]. По сути своей, подобного рода решение Юлиана заложило основу для такого положения вещей, которое в будущем привело к созданию суассонского «королевства франков» во главе с Эгидием. Фактически исследователями высказывается предположение о том, что этот договор о союзничестве или по крайней мере те обстоятельства, которые сложились после определенных договоренностей в землях, служивших местом проникновения и расселения франков на территории Римской

[46] *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. London: Routledge, 2002. P. 243.

[47] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XVII. Cap. 3. 6: «Inusitato exemplo id petendo Caesar inpetraverat a praefecto ut secundae Belgicae multiformibus malis oppressae dispositio sibi committeretur ea videlicet lege, ut nec praefectianus nec praesidalis apparitor ad solvendum quemquam urgeret, quo levati solatio cuncti, quos in cura <...> separat suam, nec interpellati ante praestitutum tempus debita contulerunt» (Цезарь упросил префекта предоставить ему — чему не было примеров — управление Второй Бельгикой, пострадавшей от различных бедствий, на условии, что ни один чиновник префекта или правителя провинции не будет принуждать никого к уплате податей. Почувствовав это облегчение, все <...> без дополнительных напоминаний платили то, что с них причиталось, раньше установленного срока).

[48] *Rouche.* Clovis. P. 541.

империи, неизменно поддерживались франками вплоть до падения Римской империи на Западе в 476 г. Об этом свидетельствует тот факт, что франки в 460-е гг. не приняли в качестве своего правителя Хильдерика, отца Хлодвига, и выбрали вместо него Эгидия[49]. Последний выбрал в качестве опоры римскую провинцию Галлия Бельгика (после реформы Диоклетиана в 300 г. разделенную на провинции Бельгика Первая и Бельгика Вторая) и был провозглашен императором в Лютеции (Париже) в 360 г.

Следует вспомнить, что среди достижений императора Юлиана, о которых Аммиан Марцеллин написал с большим уважением, были кампании против аламаннов, отразившие их атаки. Это была явная попытка автора противопоставить Юлиана, успешного в этом отношении, его предшественнику и двоюродному брату Констанцию II, который также вел кампании против аламаннов, но, узнав о происках своего двоюродного брата Констанция Галла, вынужден был срочно заключить с ними мир и предпринять что-то в отношении своего родственника[50]. Таким образом, несмотря на похожие действия Констанция II и Юлиана, именно последний заслужил высокую оценку со стороны Аммиана Марцеллина. Это говорит о том, что в целом сочинение этого историка имело апологетический характер в отношении Юлиана и критический в отношении Констанция II.

Взгляд Аммиана Марцеллина на события, связанные с правлением Юлиана, выстраивается на основе той же сюжетной канвы, которая присутствует у двух других историков Поздней Античности, Евнапия и Зосима. Аммиан, так же как и современные ему историки, в том числе и Евтропий, видел империю единой и не разделял ее на восточную и западную части. В частности, уделяя много внимания провинциям, Аммиан Марцеллин рассматривал их не как самостоятельные части империи, а прежде всего как систему пограничных укреплений, являвшихся частью единой военной структуры Римской империи[51].

---

[49] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12; *James.* Childéric. P. 12; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137.

[50] Amm. Marc. Rer. Gest. XIV. 10. 16.

[51] *Drijvers J. W.* The Limits of Empire in the Res Gestae of Ammianus Marcellinus // Frontiers in the Roman World. Proceedings of the Ninth Workshop of the International

Однако в «Res gestae» присутствует дисбаланс в изображении взаимоотношений центра и периферии, имперских структур власти и отдельных провинций. Так, описывая триумф Констанция в Риме, Аммиан подчеркивал несоответствие имперских претензий августа и живые республиканские традиции этого города[52]. Сравнивая поведение императора в провинциях и в Риме, историк парадоксальным образом подчеркнул, что Констанцию пришлось добиваться в последнем признания величия, которым он уже обладал в провинциях[53]. Данный факт свидетельствует, что для Аммиана Марцеллина величие некоторых императоров в провинциях было менее значимым, чем возможность получить поддержку «Вечного города». Более того, в его изложении Констанций вынужден был повести себя с уважением к республиканским традициям Рима и в частности не навязывать свое мнение горожанам, когда дело дошло до определения результатов победителей спортивных игр, организованных по его инициативе[54]. Таким образом, одной из главных дихотомий сознания

Network Impact of Empire. Durham, 16–19 April 2009 / ed. O. Hekster, T. Kaiser. Leiden: Brill, 2011. P. 13–29.

[52] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XVI. Cap. 10. 2: «Nec enim gentem ullam bella cientem per se superavit, aut victam fortitudine suorum conperit ducum, vel addidit quaedam imperio, aut usquam in necessitatibus summis primus vel inter primos est visus, sed ut pompam nimis extentam rigentiaque auro vexilla et pulchritudinem stipatorum ostenderet agenti tranquillius populo haec vel simile quicquam videre nec speranti umquam nec optanti» (Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых. Но он хотел показать блистательную процессию, сверкающие золотом знамена, великолепную свиту мирному народу, не имевшему надежды увидеть когда-либо что-нибудь подобное и даже не мечтавшему об этом).

[53] Ibid. Lib. XVI. Cap. 10. 9: «Augustus itaque faustis vocibus appellatus minime vocum lituorumque intonante fragore cohorruit, talem se tamque immobilem, qualis in provinciis suis visebatur, ostendens» (Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях).

[54] Ibid. Lib XVI. Cap. 10. 13–14: «...et saepe, cum equestres ederet ludos, dicacitate plebis oblectabatur nec superbae nec a libertate coalita desciscentis, reverenter modum ipse quoque debitum servans. Non enim, ut per civitates alias, ad arbitrium suum certamina finiri patiebatur, sed ut mos est variis casibus permittebat» (...часто веселил его, когда он давал конные игры, острый язык римской толпы, не впадавшей в дерзкий тон, но и не терявшей в то же время прирожденного ей чувства свободы, и сам он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания. Так, он не определял лично исхода состязания

в поздней Римской империи стали неравноправные отношения между империей и Римом, между светскими и военными структурами, базировавшимися в имперских столицах (в Милане, Трире, Константинополе и т. д.) и в провинциях, и городом, где были заложены основы империи.

Итак, в изложении Аммиана Марцеллина Юлиан оперся на Галлию, чтобы усилить свою власть, а Констанций, наоборот, вынужден был, хотя и не очень удачно, искать поддержки своей власти в «Вечном городе», не имея возможности опереться на свою власть в провинциях как на козырь. Фактически это было отражение противостояния между двумя регионами империи, властные элиты которых стали соперниками в результате переноса столицы на Балканы при Константине Великом. Это противостояние между имперскими структурами власти, балканскими провинциями и Галлией, нашедшее свое выражение в сочинении Аммиана Марцеллина, дает возможность понять, что, несмотря на признание однородности устройства империи, даже Аммиан был вынужден подчеркнуть разницу интересов, восприятия традиций и принципов власти между империей и отдельными провинциями. Не умаляя особой роли Рима в Западной Римской империи, он в своем сочинении признавал растущую на тот момент самостоятельность западных провинций.

Рассмотренные выше аспекты воззрений Аммиана Марцеллина отличаются от взглядов современных ему историков и, следовательно, заставляют задуматься о его объективности. Достоверность высказанной им точки зрения относительно особой роли Галлии в делах империи нуждается в подтверждении. Важно понять, было ли такое отношение к Галлии характерным только для Аммиана и что по этому поводу думали другие историки Поздней Античности. В целом, говоря о его методе, исследователи подвергли сомнению достоверность изложенных им событий и обратили внимание, что для Аммиана литературное обрамление и риторическая красота были важнее, чем точность изложения[55]. Кроме того, историки не раз ставили вопрос,

---

по собственному усмотрению, как то делал в остальных городах империи, но, согласно обычаю, предоставлял это игре случая).

[55] *Rosen K.* Ammianus Marcellinus. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. (Erträge der Forschung. 183); *Elliott T.G.* Ammianus Marcellinus and Fourth Century History. Sarasota, Fla.: S. Stevens, 1983; *Barnes.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality; *Teitler H.* Ammianus on Valentinian. Some Observations //

из каких источников он брал свою информацию. Они указывают также на особенность Аммиана умалчивать о важных фактах[56]. Исследователи давно отметили сходство двух рассказов о Юлиане, записанных Аммианом Марцеллином и греческим историком Зосимом. Но хотя Зосим жил позже, чем Аммиан, возможность заимствования сюжетов восточно-римским историком и чиновником из сочинения, написанного по-латыни, признается всеми исследователями маловероятной. Считается, что сходство объясняется тем, что Зосим, по-видимому, воспроизвел в своем рассказе сюжеты, впервые описанные в «Истории» Евнапия, к сожалению, не дошедшей до нас в полном объеме. Таким образом, возникает вопрос о соотношении сочинений Евнапия и Аммиана Марцеллина. Традиционно считалось, что история Евнапия, поскольку она включает события до 404 г., была написана не ранее 395 г., т.е. после того, как было написано сочинение Аммиана Марцеллина. Таким образом, перед исследователями встала задача разобраться в сочинениях этих трех позднеантичных историков.

В результате было установлено, что труд Аммиана Марцеллина не мог служить Евнапию источником[57]. Вероятно, последний взял свою информацию из мемуаров Орибазия, придворного медика Юлиана. Однако анализ текстов Аммиана Марцеллина и Евнапия так и не позволил выработать единое мнение. Недавно было выдвинуто предположение, что Аммиан сам использовал в качестве основы сочинение Евнапия. Это утверждение базируется на гипотезе, что Евнапий закончил свое сочинение не в 404 г., как считалось ранее, а уже в 380 г.[58] Несмотря на уверенность ряда исследователей, стремившихся подать эту гипотезу как факт, по-прежнему актуальной остается точка зрения, согласно которой Аммиан Марцеллин

Ammianus after Julian. The Reign of Valentinian and Valens in Books 26–31 of the Res Gestae / eds. J. den Boeft et al. Leiden: Brill, 2007. P. 59–60. (Mnemosyne, Bibliotheca Classica Batava. Suppl. 289).

[56] *Fontaine J.* Le Julien d'Ammien Marcellin // L'empereur Julien. De l'histoire à la légende (331–1715) / eds. R. Braun, J. Richer. Paris, 1978. P. 50.

[57] *Bowersock G. W.* Julian the Apostate. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 7.

[58] *Chalmers W. R.* Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition // Classical Quarterly, N. s. 1960. Vol. 10. P. 152; *Bowersock G. W.* Gibbon and Julian // Gibbon et Rome à la lumière de l'historiographie moderne / ed. P. Ducrey. Généva, 1977. P. 207–208; *Bowersock.* Julian the Apostate. P. 8.

напрямую взял информацию о правлении Юлиана из мемуаров Орибазия, а не из Евнапия[59]. Таким образом, считается, что Аммиан Марцеллин опирался либо на «Историю» Евнапия, либо на мемуары придворного медика. Достоверным по-прежнему остается только то, что истории правления Юлиана у Евнапия и Аммиана в значительной степени идентичны.

Аммиан Марцеллин и Зосим сходятся в описании политики и кампаний Юлиана в Галлии. Оба ни разу не подвергли сомнению военную тактику цезаря и его административные способности[60]. Однако, несмотря на общую сюжетную канву, взгляды Аммиана Марцеллина на историю и состояние Римской империи непохожи на взгляды Евнапия или Зосимы. Для Зосимы империя была едина, а правление Констанция в качестве августа и Юлиана в качестве цезаря являло собой пример согласия между представителями династии Константина I Великого, а обычная для Восточно-Римской империи тема недоверия августа к цезарю была списана на недоверчивый характер первого. Греческий историк умалчивает о противоречиях между соправителями, и в его истории Констанций незаметно исчезает из поля зрения, уступая дорогу Юлиану.

Если говорить о ментальном восприятии римской элиты и таких историков, как Аммиан Марцеллин, то напрашиваются следующие выводы. Несмотря на то что значение Галлии не слишком превозносится, она играет определенную роль. Рискнем предположить, что особое положение этого региона в первую очередь было обусловлено тем, что он являлся своеобразным наследием, оставленным Римской империи первым императором Юлием Цезарем. Для Аммиана Юлиан стал новым цезарем и августом, вернувшим империи классическую римскую религию, и по своей военной доблести он был фактически приравнен к Юлию Цезарю. Главной исторической заслугой императора IV в., по мнению Аммиана Марцеллина, было восстановление порядка в Галлии, завоеванной создателем империи и пришедшей в запустение в первой половине IV в.

Однако у Аммиана Марцеллина появляется ряд тем, которые напрочь отсутствуют у упомянутых выше историков. Созданию

[59] *Paschoud F.* Cinq études sur Zosime. Paris: Belles Lettres, 1975. P. 177–179. (Collection d'études anciennes).

[60] Zosim. Hist. Nova. Lib. III.

императором Юлианом (355–363) новых структур власти в Галлии, история которой является важнейшим сюжетом нашего исследования, в «Римской истории» было уделено достаточно места. В частности, в сочинении Аммиана Марцеллина мы видим, как в среде высшей имперской знати появились представления об особом значении Галлии в структурах власти и системе культурных ценностей поздней Римской империи. Несколько эпизодов в сочинении этого позднеантичного историка показывают, что в сознании высших военных чинов империи в это время сложились особые представления о взаимоотношении императорского двора и регионов, в соответствии с которыми некоторые провинции приобрели самодостаточное значение. Именно Аммиан Марцеллин, а не Евнапий или Зосим, четко почувствовал противостояние между разными частями империи, причем он был достаточно вдумчивым, чтобы понять, что это не было противостояние между Западом и Востоком или между Римом и Константинополем. Аммиан показал, что в умах некоторых представителей военной элиты этого периода сложилось по совершенно практическим причинам понимание того, что Галлия стала менее управляемой и потребовала больше внимания после de facto переноса столицы на Балканы[61]. С точки зрения Аммиана Марцеллина именно успехи в Галлии дали возможность Юлиану поднять свой престиж как императора и стать равным другим

[61] Amm. Marc. Rer. Gest. XVIII. 1. 1–2: «Haec per orbis varias partes uno eodemque anno sunt gesta. At in Galliis cum in meliore statu res essent et Eusebium atque Hypatium fratres sublimarent vocabula consulum, Iulianus contextis successibus clarus apud Parisios hibernans sequestratis interim sollicitudinibus bellicis haut minore cura provinciarum fortunis multa conducentia disponebat, diligenter observans, nequem tributorum sarcina praegravaret, neve potentia praesumeret aliena, aut hi versarentur in medio, quorum patrimonia publicae clades augebant, vel iudicum quisquam ab aequitate deviaret inpune. Idque ea re levi labore correxit quod ipse iurgia dirimens, ubi causarum cogebat magnitudo vel personarum, erat indeclinabilis iustorum iniustorumque distinctor» (Таковы события, случившиеся в разных частях земли в течение одного и того же года. В Галлии положение дел улучшилось, и в год, когда консульский титул увенчал братьев Евсевия и Гипатия, Юлиан, прославившись целым рядом блестящих успехов, отложил на время пребывания на зимних квартирах военные заботы и с не меньшим вниманием проводил различные мероприятия на пользу провинциям. Он бдительно следил за тем, чтобы никто не оказался чрезмерно задавленным под тяжестью податей, чтобы властные люди не притесняли низших, чтобы не играли роли лица, наживавшиеся на государственный счет, чтобы никакой судья не отступал безнаказанно от справедливости. Последнего он легко достиг тем, что сам разбирал тяжбы, когда того требовала важность дела или высокое положение судящихся лиц, неукоснительно отличая правду от неправды).

великим правителям Рима[62]. Одновременно Аммиан Марцеллин смог почувствовать, что в этой части Римской империи сложилась своя особая ситуация, при которой местные настроения объяснялись не просто сепаратизмом, а, наоборот, попыткой восстановить тот престиж, который был у диоцеза, когда он считался одним из основных военных плацдармов Римской империи со времен Цезаря. Процессы создания региональных структур власти Римской империи в северной части диоцеза Галлия на основании «Res gestae» Аммиана Марцеллина, на наш взгляд, нужно трактовать как формирование в рамках Римской империи особого типа власти, который впоследствии привел к созданию уже раннесредневековых политических образований.

В V в. процесс регионализации вошел в новую стадию. Римские генералы высшего, сенаторского происхождения, видя неспособность центральной власти помочь им в борьбе с варварами на границах,

[62] Amm. Marc. Rer. Gest. XVI. 1. 1–4: «Haec per orbem Romanum fatorum ordine contexto versante Caesar apud Viennam in collegium fastorum a consule octiens Augusto adscitus urgente genuino vigore pugnarum fragores caedesque barbaricas somniabat, colligere provinciae fragmenta iam parans, si adfuisset flatu tandem secundo. Quia igitur res magnae quas per Gallias virtute felicitateque correxit, multis veterum factis fortibus praestant, singula serie progrediente monstrabo, instrumenta omnia mediocris ingenii, si suffecerint, commoturus. Quicquid autem narrabitur, quod non falsitas arguta concinnat, sed fides integra rerum absolvit documentis evidentibus fulta, ad laudativam paene materiam pertinebit. Videtur enim lex quaedam vitae melioris hunc iuvenem a nobilibus cunis ad usque spiritum comitata supremum. Namque incrementis velocibus ita domi forisque conluxit ut prudentia (Vespasiani filius) Titus alter aestimaretur, bellorum gloriosis cursibus Traiani simillimus, clemens ut Antoninus, rectae perfectaeque rationis indagine congruens Marco, ad cuius aemulationem actus suos effingebat et mores» (Так непрерывной чередой происходили в римском мире события. Цезарь, находившийся тогда в Виенне, удостоен был консульства вместе с императором, который возлагал на себя этот сан в восьмой раз. В нем бушевала врожденная энергия, он слышал вокруг себя шум битвы, бредил поражениями варваров и уже готовился собрать воедино обломки провинции, если его появление на поле действий состоится в добрый час. Совершённые им в Галлии подвиги, в которых его доблесть была равна его счастью, превзошли многие храбрые деяния древности, и я постараюсь поэтому рассказать о них по отдельности во временной последовательности, приложив к этому все силы моего слабого дарования, если только они будут достаточны для такой задачи. И весь мой рассказ, чуждый всяких хитросплетений лжи, покоящийся на незыблемых основах только правды, перейдет тем не менее почти в панегирик. Казалось, какая-то счастливая звезда сопровождала этого молодого человека от его благородной колыбели до последнего его вздоха. Быстрыми успехами в гражданских и военных делах он так отличился, что за мудрость считали его вторым Титом (сын Веспасиана), славою военных дел он уподобился Траяну, милосердием был как Антонин, углублением в истинную философию был близок к Марку, поступки и нравственный облик которого он представлял своим идеалом).

стали брать власть в свои руки. В Галлии Аэций (396–454) собрал под своим командованием остатки римских легионов, галло-римское население и отдельных варваров с целью противостоять угрозе со стороны гуннов[63]. Однако он не претендовал на то, чтобы стать императором или своей властью заменить Римскую империю, и по сей день большинство исследователей считают его верным римлянином[64]. Однако через несколько десятилетий Эгидий (ум. в 464 или 465 г.), стремясь быть независимым от Римской империи и опираясь только на свой авторитет генерала, поступил уже более смело[65].

Напрашивается вывод, что в Поздней Античности в сознании отдельных своих представителей Галлия стала особым регионом среди разнообразных и отличавшихся друг от друга областей западного Средиземноморья. Данные представления базировались на особой, как им казалось, истории Галлии и положении, которое отличало ее от других провинций Западной Римской империи. В первую очередь особенным было пограничное положение региона, которое делало контроль за его территорией ставкой в борьбе за сохранение целостности Западно-Римской империи в целом. Парадоксальным образом даже те авторы из Галлии, которые в наибольшей степени стремились увидеть свой регион как часть империи тогда, когда уже было ясно, что их пути разошлись, демонстрировали в своих сочинениях сильное чувство регионального самосознания. К примеру, когда в 416 г. Клавдий Рутилий Наматиан оставил Рим и отправился в родную Галлию, он написал стихотворение, которое в значительной степени отражало эту парадоксальность самосознания галло-римских аристократов. С одной стороны, он хвалил Рим за создание из множества народов единой империи[66].

---

[63] *Bury.* A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 169–183; *MacGeorge.* Late Roman Warlords. P. 13, 76. *Zecchini G.* Aezio: L'ultima difesa dell'occidente romano. Roma, 1983. P. 143, 151, 227.

[64] Mazzarino S. Aezio, la «Notitia Dignitatum» e i Burgundi di Worms // Antico, tardoantico ed èra constantiniana. Bari, 1980. Vol. II. P. 160.

[65] *Wenskus R.* Childerich von Tournai // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / eds. H. Jankuhn, H. Beck. Bd. 4. Berlin; New York NY: de Gruyter, 1968/73. P. 441; *Циркин Ю. Б.* 'Генеральские государства' на территории Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. Т. 12. С. 462–472.

[66] Rutilius Claudius Namatianus. De reditu suo sive iter Gallicum / ed. and transl. E. Doblhofer. Vol. 1. Heidelberg: Winter, 1972. Lib. I. 63–66: «fecisti patriam diversis gentibus unam».

С другой — резко выступал против Стилихона именно потому, что тот открыл Галлию для варваров-готов, разместив их в Аквитании, и таким образом разорвал ее связь с империей: «Quo magis est facinus diri Stilichonis acerbum, proditor arcani quod fuit imperii»[67]. Префект Рима Симмах и его окружение в этот момент предпринимали активные попытки выдвинуть нового императора и противопоставить его главнокомандующему-варвару. Однако Наматиана интересовало в первую очередь не то, что будет происходить в Риме, а как будут развиваться дела в Галлии и каким образом будет осуществляться ее связь со всей империей.

Таким образом, только в Поздней Античности Галлия стала восприниматься как интегральная часть Римской империи. Ее место в иерархии власти было достаточно значительным. События IV в. подготовили зарождение представлений о политическом единстве Галлии как региона, в наибольшей степени проявившихся в битве при Каталаунских полях. Эта битва объединила галло-римское население, готов Аквитании и представителей других варварских племен против внешней угрозы. Сражение показало, что система ценностей жителей Галлии в V в. была основана на представлении о единой Галлии как составной части Западной Римской империи, выросшей из этой империи, связанной с ней множеством нитей, но одновременно имевшей свой взгляд на то, что значит быть империей.

История франкского королевства, возникшего в Галлии в конце V в. под главенством Хлодвига (486–511), потомки которого стали известны под именем Меровингов, непосредственным образом вырастает из истории римской Галлии. Она иллюстрирует превращение позднеантичного региона в раннесредневековое королевство и оттеняет ряд специфических для Галлии особенностей этого процесса, отличавших ее от королевств вестготов, остроготов, вандалов, бургундов и лангобардов. Приход франков на территорию ряда провинций Западной Римской империи и построение ими «варварского» королевства со значительным влиянием галло-римского населения были примером сочетания ряда тенденций развития позднеантичного общества, уходящих корнями в начало периода домината, и новых процессов, связанных с нарушением баланса сил на римском лимесе и последующим проникновением варваров.

[67] Ibid. Lib. I. 41–42.

1.3. Имперская церковь и церковь Галлии: Галлия как самостоятельный регион глазами епископата и церковных историков

К IV в. представления о структурном единстве Галлии как региона распространились среди правителей Римской империи, галло-римских аристократов и части населявших ее народов. Однако чтобы понять, как формировался образ Галлии в Поздней Античности, следует обратить внимание на то, как христианство повлияло на представления о единстве Римской империи. Изменения в восприятии светской власти и усиление регионального самосознания парадоксальным образом происходили на фоне появления новой религии, содействовавшей сплочению различных частей империи. Христианство, главной идеей которого был универсализм и отрицание региональных и этнических традиций, способствовало объединению населявших империю народов в ином смысле — как приверженцев новой религии. Важной исследовательской проблемой становится вопрос о том, какой эффект имело для процесса формирования регионального самосознания отдельных провинций Римской империи распространение новой религии. К концу V в. на место имперских церемоний власти пришли церемонии, придуманные епископатом и используемые им для поддержания собственного влияния, а имперские панегирики потеснили жития святых[68].

В конце VI в. Григорий Турский написал два сочинения, посвященных истории христианства в Галлии. Речь идет о «Книге о славе мучеников» и «Книге о славе исповедников»[69]. Целью данных трудов было составить сводный список всех представителей христианской церкви в Галлии с момента появления в данном регионе новой религии. Они построены по тем же принципам, что и многие другие агиографические сочинения, и, конечно же, не являются историями в прямом смысле слова. Григорий Турский стремился создать единое полотно истории развития христианства в Галлии, не деля его на периоды и не пытаясь углубляться в проблемы, которые подчас могли разделять людей церкви. О том, что эти противоречия существовали,

[68] *Van Dam.* Leadership and Community. P. 169.

[69] Greg. Tour. 1) GM // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora / eds. B. Krusch, W. Levison. 2nd ed. Hannover, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Vol. 2. Pars 1); 2) GC // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora.

Григорий Турский рассказывает в своей «Истории». В данном труде конфликты между епископами (например, между Мартином Турским и его последователем Брикцием) играют крайне важную роль. В результате же прочтения только вышеупомянутых источников как у средневекового, так и у современного читателя создается впечатление о единстве христианской церкви в Галлии и о ее особой роли в качестве объединяющей силы во времена нарастающей раздробленности провинций Римской империи и после ее распада. Григорий Турский как историк, безусловно, прекрасно понимал особенности того жанра, в котором были написаны два его сочинения. Тем не менее представляется, что он попытался не просто рассказать о святых, а изложить свое видение истории церкви в Галлии.

Однако историки Нового времени иначе подошли к истории христианства в Галлии. Для начала они создали более точную периодизацию этапов распространения новой религии в этом регионе. Начиная с XIX в. в историографии распространение христианства в Галлии разбивается на два периода. Считается, что во II–III вв., когда христианство было новой, неофициальной и часто преследуемой религией, тип организации церковных общин и отношение к христианскому вероучению в Галлии не отличались от других регионов Римской империи. Деление истории распространения христианства на два периода было заложено в трудах Ж. Мишле. Оно и по сей день актуально, несмотря на то что впервые было сформулировано почти два столетия назад. Французский историк полагал, что после завоевания Цезарем Галлия настолько влилась в средиземноморское сообщество, что практически потеряла собственную идентичность, в том числе и в том, что касалось религиозных аспектов. «В галльских городах приходилось искать собственно Галлию. Под сенью греческих храмов, римских базилик, что стало с ее самобытностью?»[70] Во II в. пришло

[70] *Michelet J.* Histoire de France. Vol. 1. Paris: Hachette, 1833. P. 114: «Depuis que la Gaule, introduite par Rome dans la grande communauté des nations, avait pris part a la vie à la vie générale du monde, on pouvait craindre qu'elle ne s'oubliat elle-méme, qu'elle ne devint toute Gréce, toute Italie. Dans les villes gauloises on aurait en effet cherché la Gaule. Sous ces temples grecs, sous ces basiliques romaines, que devenait l'originalité du pays?» (После чего Галлия, введенная римлянами в большое сообщество народов, стала принимать участие в общей жизни мира, однако можно было бы опасаться, чтобы она не забыла себя, не стала полностью походить на Грецию или на Италию. В галльских городах надо было на самом деле искать Галлию. Под сенью греческих храмов и римских базилик, что стало с ее самобытностью?)

время традиционным культам (религии галло-римского населения и, возможно, каким-то остаткам религии друидов) уступить место новой религии, даровавшей веру в загробную жизнь и бессмертие души[71]. Однако первоначально распространение христианства давало мало возможностей для выражения собственно галльского к нему отношения[72]. Появление христианских общин в это время происходило благодаря влиянию восточного Средиземноморья, где христианство уже успело завоевать приверженцев. Ж. Мишле считал, что до конца IV в. галльское христианство практически никак не отличалось от христианства остального Средиземноморья. Перед епископами галльских христианских общин вставали те же проблемы, что и перед христианскими общинами Малой Азии, Палестины и Северной Африки.

Самая первая христианская община была основана в Лионе Фотином, греком из Фригии. Считается, что своим появлением она была обязана Поликарпу, епископу Смирны и Фригии, который отправил в Галлию миссию для распространения христианства. Сам Фотин стал одним из первых мучеников раннего христианства[73]. Он погиб в результате преследований империей «лионских мучеников», о судьбе которых написал в своей «Церковной истории» Евсевий Кесарийский[74]. Таким образом, можно согласиться с Ж. Мишле, что на начальном этапе своего распространения христианство в Галлии действительно заимствовало черты доктрины и организации, привнесенные извне[75]. Жившие в Галлии историки сами рассматривали первые попытки распространения христианства как следствие общих для Средиземноморья процессов. Например, Сульпиций Север считал, что гибель «лионских мучеников» была отголоском «пятой

---

[71] *Michelet J.* Histoire de France. Vol. 1. Paris: Hachette, 1833. P. 115.

[72] Ibid.

[73] Greg. Tur. Hist. Lib. I. Cap. 29: «Ex quibus et ille primus Lugdunensis ecclesiae Photinus episcopus fuit, qui plenus dierum, diversis adfectus suppliciis, pro Christi nomine passus est» (В числе сих был и первый епископ лионской церкви Фотин, который, исполненный дней, подвергся всевозможным пыткам и пострадал во имя Христово (здесь и далее пер. В.Д. Савуковой)).

[74] Euseb. Hist. // Eusebius Werke. Bd. 2. Die Kirchengeschichte / eds. E. Schwartz, T. Mommsen. Berlin, 1903. Lib. 5. Cap. 1. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. 9).

[75] *Michelet.* Histoire de France. Vol. 1. P. 115; *Guizot F.* A Popular History of France: From the Earliest Times to 1848 / transl. R. Black. Vol. 1. New York: Colonial Press, 1885. P. 90.

волны» преследования христиан, которая поднялась при императоре Марке Аврелии, сыне Антонина Пия, в 177 г.[76] Следовательно, на первом этапе распространения христианства в Галлии этот регион, с точки зрения населявших его образованных христиан, ничем не отличался от остальных регионов Средиземноморья. Христианские общины Галлии не выделялись среди общин других регионов Средиземноморья ни в том, что касалось культа, ни в плане доктрины. Если ограничиться только первым этапом распространения новой религии, то представляется, что Ж. Мишле был абсолютно прав в своей оценке.

Однако при рассмотрении других сюжетов из истории установления христианства в Галлии становится очевидно, что трактовка французского историка верна только в отдельных частных случаях, так как уже в ранний период своего развития новая религия в Галлии начала приобретать особые черты. При Септимии Севере (конец II — начало III в.) епископом Лиона стал Ириней, ученик Поликарпа Смирнского, сыгравший важную роль в процессе развития христианской доктрины и церкви[77]. Как и Фотин, он происходил из Азии, однако в отличие от своего предшественника на посту епископа Лиона имя его оказалось тесно связано именно с Галлией. В результате преследования христиан Ириней Лионский тоже стал мучеником в 202 г. Григорий Турский по значимости и святости считал его равным Фотину[78]. Ириней известен историкам раннего христианства как один из первых борцов против гностических ересей и один из тех, кто способствовал развитию собственно христианских доктрины и теологии. Он первый попытался опровергнуть манихейскую доктрину, а также учения, поддерживавшиеся в христианстве учениками Валентина и Марциона[79].

[76] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. 32, 1: «Sub Aurelio deinde, Antonini filio, persecutio quita agitata, ac tum primum intra Gallias martyria visa, serius trans Alpes Dei religione suscepta».

[77] Greg. Tour. Hist. Lib. I. Cap. 29: «Beatissimus vero Hireneus, huius successor martyris, qui a beato Policarpo ad hanc urbem directus est, admirabili virtute enituit; qui in modici temporis spatio praedicatione sua maxime in integrum civitatem reddidit christianam» (А блаженнейший Ириней, преемник сего мученика, посланный блаженным Поликарпом в этот город, отличался удивительной добродетелью; своей проповедью он в короткий срок вернул в лоно церкви почти всех христиан города).

[78] Greg. Tour. GM. Cap. 49: «Cui et merito et sanctitate condignus Hereneus successit episcopus, per martyrium et ipse finitus» (Которого сменил достойнейший как по делам, так по достоинству Ириней, тоже как мученик закончивший свою жизнь).

[79] *Zahn T.* Analecta zur Geschichte und Literatur der Kirche im zweiten Jahrhundert // Die Lateinische Apokalypse der alten afrikanischen Kirchen / von J. Haussleiter, E. Sellin, Th. Zahn. Leipzig, 1891. P. 247–283. (Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen

Историки по-разному относятся к наследию Иринея Лионского. В частности, есть точка зрения, что основное значение его трактатов состоит не столько в теологическом вкладе в христианскую доктрину, сколько в том толчке, который они дали для организационного усиления христианской общины в Галлии в борьбе против манихеев и гностиков. Исследователи подчеркивали, что Ириней Лионский выступал за простоту веры и считал, что самым главным является обращение к Богу в здравой вере, а не получение знания о Боге, что было характерно для гностиков. Он не обсуждал в деталях христологические вопросы о Троице, которые остались на рассмотрение последующим поколениям теологов, таким как Ориген и многие другие[80]. Л. П. Карсавин писал, что он призывал «не философствовать, а верить и любить, верой и любовью приближаясь к Богу»[81]. Подобное отношение к Иринею сложилось вследствие того, что его теология слишком сильно пронизана полемикой с манихеями и с последователями Валентина и Марциона. В процессе спора с представителями этих учений Ириней сделал ряд утверждений, которые кажутся современным христианам необычными. В борьбе с гностиками и манихеями он настаивал на единстве Бога и говорил о тождественности творца мира и Бога-Отца.[82] Он также писал о Сыне как о порождении (progenies) и о Святом Духе как о проявлении (figuratio) Бога-Отца[83]. Более того, Ириней считал, что Бог-Отец явил себя миру посредством Логоса, т. е. Бога-Сына. Тем самым, как полагают, он подчеркнул, что Бог-Сын, т. е. Христос, является подобием Бога-Отца[84]. Но даже исследователи, склонные с сомнением относиться к его христологии, воздают ему должное, поскольку Ириней заложил основу формальной христианской теологии и сделал возможным обсуждение божественности Христа[85].

Kanons und der altkirchlichen Literatur. 4); *Lawson J.* The Biblical Theology of St. Irenaeus. London: Epworth Press, 1948. P. 85.

[80] *Hardy E. R.* Selections from the Work «Against Heresies» by Irenaeus, Bishop of Lyons. Introduction // Early Christian Fathers / ed. C. Richardson. London, 1953. P. 346, 351.

[81] *Карсавин Л. П.* Святые отцы и учителя церкви. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 27.

[82] Irenaeus. Sancti Irenaei Detectionis et eversionis falso cognominatae agnitionis sue adversus haereses libri quinque // PG / ed. J.-P. Migne. 1857. Vol. 7. Lib. IV. 19. 3.

[83] Irenaeus. Detectionis. Lib. IV. 7. 4.

[84] Irenaeus. Detectionis. Lib. IV. 6. 3; IV. 6. 7; *Hitchhock F. R. M.* Irenaeus of Lugdunum: A Study of His Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 1914. P. 93, 115, 116.

[85] *Hardy.* Selections from the Work «Against Heresies» by Irenaeus, Bishop of Lyons. Introduction. P. 352.

Таким образом, уже в деятельности в Галлии первых епископов и теологов вырабатывается та дихотомия, которая будет беспокоить историков Нового времени при попытке выявить отличительные особенности галльского христианства. Очевидно, что в этих провинциях Римской империи сложились особые формы религиозности и церковной организации, поскольку именно в Галлии появились церковные деятели, имена которых известны в связи с первыми попытками отпора манихейству и гностицизму. Но возникает вопрос, насколько эти епископы были типичны для Галлии в целом и насколько действенным был их вклад в решение церковных проблем Средиземноморья? Поскольку было установлено, что значение Галлии как региона, пограничного между Средиземноморьем и варварским миром, занимало значительное место в умах как части имперской, так и значительной доли региональной знати, стоит обратить внимание, какое влияние эта особенность мировоззрения имела на сознание представителей церкви.

Попытаемся рассмотреть, каковы же были особые черты христианства в Галлии. Пример Иринея Лионского показывает, что главы христианских общин этого региона были частью средиземноморского христианства в том, что касалось борьбы с манихеями и гностиками. Однако заметим, что позиция епископов Галлии в отношении общих для христианской церкви проблем была более радикальной, чем у их коллег в других частях Средиземноморья. Парадоксальным образом именно в церкви Галлии начались первые попытки борьбы с другими религиями и ересями, возникшими в восточном Средиземноморье. В этом отношении церковь Галлии опередила другие региональные христианские общины, в том числе созданные в Италии и на Иберийском полуострове, и сразу стала бороться за победу христианства над типологически сходной восточной религией и за победу единого христианского мировоззрения над гностическим. Это не значит, что удалось добиться окончательных результатов. Таким образом, можно попытаться сформулировать следующую особенность развития христианства в Галлии. По-видимому, епископы этого региона ставили перед собой задачу очищения новой религии от чужеродных вкраплений, уходящих корнями в восточное Средиземноморье.

Иларий из Пуатье (300–368) являет собой еще один пример борца за догматическую чистоту христианства в условиях Галлии. Для

историка и агиографа VI в. Григория Турского отличительной чертой Илария из Пуатье являлось то, что он был «благословленным защитником неразделимой Троицы». Тем самым, если опираться на «Историю» турского епископа, то Иларий из Пуатье был главным борцом против арианства в Галлии и, возможно, в Западной Римской империи в целом[86]. Но в другом своем сочинении, «О славе исповедников», Григорий Турский представил нам совершенно иной взгляд на культ Илария из Пуатье, который сложился у местного населения и, возможно, даже у части епископата. Он писал, что захоронение Илария стало местом своеобразного поминального, почти языческого поклонения для местного населения. По-видимому, для жителей Пуатье борьба с арианством была не так важна, как чудеса их епископа[87]. На примере Илария из Пуатье можно проследить, как сильно трансформировался образ епископов Поздней Античности в процессе формирования особой галльской идентичности в период перехода к Раннему Средневековью.

К сожалению, Иларий не оставил писем, и о его жизни известно мало. Он был епископом Пуатье в период, когда перед церковью встала проблема арианства. Утвердилось мнение, что епископы Урсакий Сигидунский (из города, который впоследствии стал Белградом), Валент Мурсийский (из города Осиек в Хорватии) и Германий из Сирмия (Сремска Митровица) выступили как сторонники императора Констанция II и стремились навязать империи арианский вариант христианства. Хотя этих епископов считают покровителями ариан, их позиция в религиозном споре определялась скорее желанием создать политический альянс с императором, крещенным разделявшим арианские взгляды епископом Евсевием из Антиохии[88]. Чисто церковный конфликт приобрел политическую окраску

[86] Greg. Tour. Hist. Lib. III. Praefatio: «Arrius enim, qui huius iniquae sectae primus iniquosque inventur fuit, interiora in secessum deposita, infernalibus ignebus subditur, Hilarius vero beatus individuae Trinitatis defensor, propter hanc in exilium deditus, et patriae et paradiso restauretur» (Ведь именно Арий, который был первым гнусным виновником этого гнусного лжеучения, после того как у него в отхожем месте вывалились внутренности, был предан адскому огню, а святой Иларий, защитник нераздельности Троицы, подвергшийся из-за этого изгнанию, вновь увидел родину и приобрел рай).

[87] Greg. Tour. GC. Cap. 2.

[88] *Herzog R.* Restauration und Erneuerung: Die lateinische Literatur von 284 bis 374 Handbuch der Altertumswissenschaft, 8. Abt. Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. 5. Bd. München: C. H. Beck, 1989. S. 497.

потому что император Констанций II (337–361) выступил на стороне Урсакия и Валента и других противников Афанасия. Некоторые исследователи считают, что Урсакий и Валент могли не нести ответственности за то, что император выступил против Афанасия[89]. Однако они входили в окружение императора, и, скорее всего, их мнение имело значение[90]. Урсакий и Валент присутствовали на соборах в Арле в 353 г., в Милане в 355 г. и в Безье в 356 г.[91] По причине отсутствия источников сделать выводы относительно того, какие из теологических проблем обсуждались на этих соборах, не представляется возможным. Главным вопросом, по-видимому, было отношение к Афанасию Александрийскому (298–373), который выступил против Ария и поддержавших его епископов. Когда некоторые из прелатов решили узнать, в чем состояли ошибки александрийского патриарха, то руководители соборов, Урсакий и Валент, ответили, что они или согласятся с отлучением Афанасия, или же сами лишатся постов. Именно так этот конфликт виделся впоследствии Иларию из Пуатье[92].

Первым против осуждения Афанасия выступил епископ Рима Либерий, за что лишился своего сана[93]. Однако он вскоре примирился с епископами Восточной Римской империи и вернул свое положение. Как следует из письма Либерия, этот конфликт перестал его волновать[94]. По-видимому, организаторы соборов, Урсакий и Валент,

---

[89] *Klein R.* Constantius II. und die christliche Kirche. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. P. 86–89. (Impulse der Forschung. 26).

[90] *Barnes T.D.* Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1993. P. 141.

[91] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. 36–37.

[92] Collectanea antiariana parisina. Series B // Hilarius Pictaviensis. Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum 65 / ed. Feder A.. Wien: Tempsky, 1916. Lib. I. 4. P. 101: «Enim vero versari in sermone hominum iam diu memini quosdam sacerdotum dei idcirco exulare, quod in Athanasium sententiam non ferunt, et hic error prope omnium occupavit, ut sub nomine eius non satis unicuique eorum dignam causam suscepi exilii arbirentur»: *Wickham L.R.* Hilary of Poitiers, Conflicts of Conscience and Law in the Fourth-Century Church: Against Valens and Ursacius, the Extant Fragments, together with His Letter to the Emperor Constantius. Liverpool: Liverpool University Press, 1997. P. 18. (Translated Texts for Historians. 25.)

[93] *Thompson G.L.* The Earliest Papal Correspondence. PhD thesis. Columbia University, 1990. P. 184–202.

[94] Collectanea antiariana parisina. Series B. Lib. VII. 11. P. 173; *Wickham.* Hilary of Poitiers. P. 80.

не стремились вдаваться в проблемы борьбы с доктринальными аспектами арианства[95].

Иларий из Пуатье принимал непосредственное участие в возникшем конфликте. Он был сослан во Фригию после синода в Безье в 356 г., однако попытки исследователей увязать его опалу с поддержкой Афанасия Александрийского в борьбе против ересей вызывают сомнения. Сам Иларий из Пуатье писал, что узнал об арианстве только после ссылки на Восток[96]. Некоторые исследователи принимали его высказывания на веру и считали, что вопросы христианской доктрины действительно нисколько не интересовали его до того, как он попал на Восток[97]. Однако вполне вероятно, что Иларий был склонен преуменьшать свое подлинное внимание к доктринальным вопросам, а на самом деле весьма глубоко ими интересовался[98].

В 357 г. в Сирмии собрался новый собор под руководством Урсакия и Валента. Его целью было сформулировать символ веры, который удовлетворил бы как основную церковь, так и ариан. Собор был немногочисленным, и тот документ, который он принял, являлся скорее изложением ученого мнения, а не символом веры как таковым. Именно на этом синоде проблемы церковной власти и организации превратились в проблемы доктринального свойства. Присутствовавшие на соборе сформулировали догмат о подчиненном положении Бога-Сына по отношению к Богу-Отцу, одновременно полностью проигнорировав вопросы о порождении Сына Отцом[99]. Против решений собора мгновенно выступили два деятеля западной церкви. В своем сочинении «Против ариан» Фобадий из Ажана, уроженец Галлии, противопоставил точке зрения, сформулированной в Сирмии, свое видение возникшей проблемы[100]. Ранее он написал Иларию из Пуатье, задав ему очень точно поставленные и резкие вопросы относительно

---

[95] *Weedman M.* The Trinitarian Theology of Hilary of Poitiers. Leiden: Brill, 2007. P. 44–48. (Supplements to Vigiliae Christianae. 89).

[96] Hilarius Pict. De synod. Cap. 2; *Weedman.* The Trinitarian Theology of Hilary of Poitiers. P. 10–11.

[97] *Brennecke H.* Hilarius von Poitiers und die Bischofsopposition gegen Konstantius II Untersuchungen zur dritten Phase des arianischen Streites (337–361). Berlin, 1984. P. 248–265. (Patristische Texte und Studien. 26).

[98] *Hanson R. P. C.* The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy 318–381. Edinburgh, 1988. P. 470.

[99] Hilarius Pict. De synod. Cap. 11.

[100] Phoebad. Contra arr.

того, что разделяет его и восточных епископов[101]. Принято считать, что ответ Фобадия из Ажана на символ веры, созданный в Сирмии, был сформулирован в соответствии с классической традицией латинского христианства Тертуллиана и Новациана[102]. Исследования возможных заимствований Фобадием из сочинений Илария показали, что его мысль была в значительной степени независима от влияний и поэтому представляет самостоятельный ответ на проблему арианской ереси[103]. Еще один отклик на доктринальные проблемы, вставшие перед церковью из-за появления арианства, дал Марий Викторин, римский аристократ, обратившийся в христианство[104].

В 358 г., по-видимому, именно отвечая на запрос Фобадия из Ажана, Иларий из Пуатье написал свое сочинение, посвященное доктринальному конфликту с арианами. Оно было адресовано галльской церкви, и целью его было объяснить епископам разногласия, возникшие между восточными христианами[105]. Епископ Пуатье занял в данном случае примирительную позицию, постаравшись сгладить противоречия между восточными кафолическими епископами и арианами на соборе в Анкире в своем сочинении «Apologetica ad reprehensores libri de synodis responsa»[106]. Иларий в своих комментариях для Люцифера из Кальяри писал, что, пытаясь найти общее в позициях, выбросил из постановлений соборов пять анафем, в частности ту, которая запретила использовать арианский термин homoousios. Два пассажа из труда Илария остались только в надписях на оригинале рукописи, предназначенной Люциферу из Кальяри. Они не вошли в публикацию, выполненную Кустаном в 1693 г. и перепечатанную без изменений в Patrologia latina[107]. Таким образом, мнение Григория Турского,

---

[101] Hilarius Pict. De synod. Cap. 11. 1–5, 8; *Glaser P.* Phoebadius von Agen. Diss. Universität Augsburg, 1978. P. 21–25.

[102] *Simonetti M.* Hilary of Poitiers and the Arian Crisis in the West // Patrology / eds. J. Quasten, A. Di Berardino. Westminster, MD, 1986. P. 83–84. (Patrologia. 4).

[103] *Hardy.* Introduction. P. 213–214.

[104] Marius Victorinus, Adversus Arrium // PL. Vol. 8. 1973. 1039b–1138b; *Bruce F.F.* Marius Victorinus and His Works // The Evangelical Quarterly. 1946. Vol. 18. P. 132–153.

[105] Hilarius Pict. De synod.

[106] Hilarius Pict. Apologet. Cap. 2. Col. 545: «Expositiones omnes, si quid habent criminis, intra se habent; caeterum non habere in publica facie existimantur. Sed quia scirem ea sola Sirmium esse delata».

[107] *Smulders P.* Two Passages of Hilary's Apologetica Responsa Rediscovered // Bijdragen: Tijdschrift Voor Philosophie En Theologie. 1978. Vol. 39. P. 234–243.

который считал, что Иларий из Пуатье был главным борцом за чистоту католического символа веры, требует уточнения. В доктринальных вопросах Иларий из Пуатье высказывался достаточно умеренно. Например, на соборе в Сирмии в 358 г. Урсакий и Валент потребовали, чтобы их решение о неприемлемости использования арианского термина homoousios как философски неточного было зачитано вслух. Однако в своем сочинении «О синодах» Иларий из Пуатье выступил в защиту данного термина[108]. Следовательно, его позиция была примирительной, поскольку он признавал возможность оперировать арианской терминологией.

Подобное отношение к теологическим вопросам является не просто результатом соглашательства Илария из Пуатье или поиска им политической выгоды. Исследователи, изучавшие его отношение к проблеме Троицы, отметили, что вряд ли можно обвинить Илария в догматизме и что его подход к христологическим вопросам был весьма здравым, взвешенным и далеким от фанатизма. В частности, трактуя вопрос происхождения Бога-Сына (Христа) от Бога-Отца, он считал, что процесс рождения человека может служить не более чем метафорой для объяснения появления Христа на земле. Иларий писал, что обычный язык «ломается и слова не могут передать смысл», когда приходится трактовать величие и реальность Бога[109].

Поэтому нельзя утверждать, что главной причиной опалы Илария из Пуатье в 356 г. явились стойкое доктринальное противостояние арианству и то, что он якобы был одним из главных защитников никейской доктрины и символа веры среди западных епископов. Он сам утверждал, что для него, как и для его коллег из Кальяри и Верчелли, камнем преткновения стал вопрос об осуждении Афанасия Александрийского, а не суть арианской доктрины. Таким образом, Иларий из Пуатье показал себя как прекрасный церковный организатор, который мог понять сложности взаимоотношений между восточной и западной частями империи и особенности имперской

[108] Hilarius Pict. De synod. Cap. 77–92.

[109] Hilarius Pict. De trinit. Lib. II. 7; *Hanson.* The Search for the Christian Doctrine of God. P. 506: «Atque haec senserim potius de Patre, quam dixerim: nam me non fugit, quod ad ea, quae ejus sunt eloquenda, sermo omnius infirmus sit. <...> Deficit ergo in nuncupatione confessio, ut quidquid illud sermonum aptabitur, Deum ut est, quantusque est, non eloquetur. Perfecta scientia est, sic Deum scire, ut licet non ignorabilem, tamen inennarabilem scias».

политики в отношении религии. Зачастую он и сам занимал примирительную позицию в том, что касалось доктринальных споров, и, отвечая галльским епископам, стремился снизить значение конфликта с арианами.

Радикализм Илария из Пуатье состоял совсем в другом. Он выступал за создание единого фронта против арианства и призывал созвать единый собор, а не два, как планировалось, по одному для каждой части империи. Свою точку зрения он выразил в сочинении «De synodis». В данном вопросе Иларий явно опередил свое время, так как столь радикальная позиция не понравилась епископату Западной Римской империи, и Люцифер из Кальяри выступил против него. В результате Иларий должен был защищаться, и с этой целью написал сочинение «Apologetica ad reprehensores libri de synodis responsio»[110]. Несмотря на то что император Констанций принял решение созвать против ариан два собора в 359 г., что привело к ослаблению арианской партии, пошатнуть позиции Илария из Пуатье на Западе и Василия Кесарийского (330–379) на Востоке ему не удалось[111].

Судьба Оссия из Кордовы также показывает, что Иларий из Пуатье во многих аспектах вел себя подобно другим деятелям церкви Западной Римской империи. Об Оссии известно очень мало. Мы знаем, что епископ Рима Либерий в 353 или 354 г. написал ему письмо, объясняя, что произошло на соборе в Арле в 353 г. В этом письме он сообщал, что вместе со многими епископами Италии он получил согласие императора созвать собор в Аквилее[112]. В 357 г. он был призван императором в Сирмий, чтобы дать ответ по поводу согласия с доктриной ариан. Афанасий Александрийский пишет, что Оссий, на тот момент почти столетний старец, решил уступить императору после его второй просьбы, но только по причине давления на него[113]. Было сделано

---

[110] *Loofs F.* Hilary of Poitiers // The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge / ed. Ph. Schaff. New York, 1910. Vol. 5. P. 282–284; *Tietze W.* Lucifer von Calaris und die Kirchenpolitik des Constantius II: zum Konflikt zwischen dem Kaiser Constantius II. und der nikänisch-orthodoxen Opposition (Lucifer von Calaris, Athanasius von Alexandria, Hilarius von Poitiers, Ossius von Córdoba, Liberius von Rom und Eusebius von Vercelli). Tubingen, 1976; *Hanson.* The Search for the Christian Doctrine of God. P. 509–511.

[111] *Borchardt C. F. A.* Hilary of Poitiers' Role in the Arian Struggle. The Hague: Martinus Nijhoff, 1966. (Kerkhistorische studien. 12).

[112] Collectanea antiariana parisina. Series B. Cap. VI. (167).

[113] Athanasius. Apologia Secunda // Athanasius Werke / ed. H.-G. Opitz. Vol. 2.1. Berlin, 1938. P. 81–120. Cap. 89; Hilarius Pict. De synod. Cap. 87; Sulp. Sev. Chron. Lib. II. 40;

немало попыток очистить Оссия от обвинения в том, что он подписал арианский символ веры[114]. Однако эта проблема представляется несущественной, потому что один из ведущих борцов против ариан, Афанасий Александрийский, не считал его отступником. В «Apologia de fuga» он переживал за судьбу Оссия, который должен был в свои сто лет под физическим давлением сторонников императора принять решения собора, и считал, что это была лишь временная уступка[115]. Исследователи предполагали, что Оссий отказался только от своего сабеллианизма и остался верным никейскому символы веры под видом поддержки арианского собора[116]. Возможно, что перед смертью Оссий отрекся от своего арианского символа веры, принятого им на соборе 357 г.[117] Однако в целом уступка Оссия из Кордовы не означала, что он отошел от никейского символа веры, и современники рассматривали ее только как результат прямого давления императорского двора[118].

Тем более интересно отметить, что если для Афанасия Александрийского Оссий не был отступником от кафолического вероучения и символа веры, то для Илария из Пуатье он был активным проповедником арианства. Последний, описывая собор в Сирмии 357 г., полагал, что ответственными за составленный на нем символ веры являлись не Урсакий и Валент, как было на самом деле, а сам Оссий из Кордовы и Потамий[119]. Более того, Иларий из Пуатье весьма радикально называл этот символ веры результатом «лунатизма Оссия»[120]. Заметим, что для него именно западные епископы, Оссий и Потамий, а не епископы из балканских провинций, выступали

Philostorgius. Philostorgius Kirchengeschichte: mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / eds. J. Bidez, F. Winkelmann. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. Lib. IV. Cap. 3. (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).

[114] *Yaven H.* Osio, obispo de Cordoba. Barcelona, 1945. (Colección Pro ecclesia et patria): *Ljorka B.* El problema de la calda de Osio de Córdoba // Estoria Eclesiastica. 1959. Vol. 33. P. 39–56.

[115] Athanasius. Apologia de fuga sua // Athanasius's Werke / ed. H.-G. Opitz. Bd. 2.1. Berlin: Walter de Gruyter, 1935. P. 68–80. Lib. 5. 1–3. 71.

[116] *Walker G.S.* M. Ossius of Cordoba and the Nicene Faith // Studia Patristica. 1966. Vol. 9. P. 316–320.

[117] *De Clercq V.C.* Ossius of Cordova: A Contribution to the History of the Constantinian Period. Washington, 1954. P. 505–525. (Studies in Christian Antiquity. 13).

[118] *Hanson.* The Search for the Christian Doctrine of God. P. 336.

[119] Hilarius Pict. De synod. Cap. 11: «deliramenta Osii».

[120] Hilarius Pict. Contra Const. Cap. 23. P. 214.

авторами арианской формулировки собора 357 г. Данный факт свидетельствует о том, что структура церкви и расстановка сил между различными ее конфессиями виделась из Галлии по-другому, нежели из Александрии.

Однако перед нами встает вопрос, чем «лунатизм» Оссия, представлявший собой просто примирительную формулировку, отличался от примирительной позиции Илария, который допускал возможность использования арианского термина homousios? Даже если бы символ веры на соборе в Сирмии был составлен Оссием, в нем не было ничего радикально противоречащего никейскому символу веры. Как уже отмечалось, хотя согласно ему Бог-Сын был полностью подчинен Богу-Отцу, в нем ничего не было сказано о происхождении Сына от Отца, что составляло одну из отличительных черт собственно арианства[121]. Таким образом, радикальная оценка Иларием из Пуатье своего современника Оссия из Кордовы представляется странной, тем более что и его самого можно было бы обвинить в уступках восточным епископам-арианам. Занимая относительно мирную позицию по отношению к еретикам, Иларий из Пуатье сам тем не менее радикально выступал против своего испанского коллеги, несмотря на то что даже лидеры борьбы за никейский символ веры были склонны его простить. Критика Оссия была для Илария своего рода попыткой обелить себя, одновременно представив других епископов, занимавших подобную же позицию в споре с арианами, отступниками от никейского символа веры.

В чем уникальность фигуры Илария из Пуатье? Если мы посмотрим на его жизнь и деятельность без обращения к более поздним источникам, в которых был создан его идеализированный образ, то увидим много противоречий. С одной стороны, он был одним из немногих западных епископов, отправленных из-за своей позиции в отношении арианской ереси в ссылку. Однако Люцифер из Кальяри пострадал в равной степени. Другим известным противником арианства был Евсевий из итальянского города Верчелли[122]. В 354 г. папа римский Либерий попросил его и Люцифера из Кальяри доставить императору Констанцию II письмо с просьбой о немедленном

[121] *Weedman.* The Trinitarian Theology of Hilary of Poitiers. P. 50.

[122] *Williams D.H.* Ambrose of Milan and the End of the Nicene-Arian Conflicts, Book, Oxford Early Christian Studies. Oxford, 1995. Ch. 2: «Early pro-nicene campaigns: Hilary of Poitiers and Eusebius of Vercelli».

созыве собора для борьбы с арианами. В 355 г. Евсевий из Верчелли присутствовал на соборе в Милане, но отказался осудить Афанасия и в результате был сослан во Фригию[123]. Судьба Илария из Пуатье во многом напоминает судьбу и Люцифера из Кальяри, и Евсевия из Верчелли. В доктринальном смысле он тоже не был единственным западным епископом, который спорил с арианством. Не будем забывать уже упомянутых Фобадия из Ажана и Мария Викторина.

Поведение епископов галльской церкви, как в случае Иринея Лионского, так и в случае Илария из Пуатье, по отношению к общим средиземноморским вопросам развития церкви и религии было актуально в первую очередь с точки зрения организационных проблем, а не доктрин. Представляется, что для Григория Турского он, в отличие других епископов, больше сделал, чтобы дать радикальный ответ ересям. Иларий из Пуатье был не единственным противником этой «восточной» ереси, однако для своих современников, а в особенности для епископов Галлии последующих веков, он был важен прежде всего как организатор, а не теолог[124]. Местные магнаты, имперская гражданская и военная администрация Галлии и даже императоры хорошо отдавали себе отчет в том, что именно в этом диоцезе средиземноморская цивилизация в значительной степени соприкасалась со сравнительно многочисленным варварским населением за пределами своих границ. Ответ Илария из Пуатье на распространение ереси был не теологического, а скорее «стратегического» плана, потому что он прекрасно понимал, что для христиан-«кафоликов» в Галлии было важно поддерживать единство и сохранять организационную структуру церкви именно потому, что варварские вторжения всегда нависали как дамоклов меч.

Развитие представлений об Иларии из Пуатье в последующей агиографии неоднозначно, так же как жизнь и деятельность этого епископа. При исследовании его образа, сложившегося у агиографов, возникает чувство, что, приобретя большое значение в качестве борца против ариан, Иларий всё же не получил значительных преимуществ

---

[123] *Everett N.* Narrating the Life of Eusebius of Vercelli // Narrative and History in the Early Medieval West / eds. R. Balzaretti, E. M. Tyler. Turnhout, 2006. P. 133–165.

[124] Ven. Fort. Vita Hilarii // MGH Auctores antiquissimi. Vol. 4.2. Hannover, 1885. 2–7. Cap. 7. P. 3–4; *Semisch.* Hilary, Bishop of Poitiers // A Religious Encyclopaedia or Dictionary of Biblical, Historical, Doctrinal, and Practical Theology. 3rd edn. / ed. P. Schaff. Vol. 2. New York, 1894. P. 922–923; *Loofs.* Hilary of Poitiers. P. 282–284.

перед другими епископами Галлии. Именно такой вывод напрашивается, если обратиться к жизнеописаниям святых, составленным Сульпицием Севером, Григорием Турским и Венанцием Фортунатом. Похоже, что для церковных историков и агиографов Сульпиция Севера (ок. 363 — ок. 425) и Венанция Фортуната (530–600/609) Иларий из Пуатье был фигурой меньшего значения по сравнению с Мартином Турским. Его культ развивался в тени культа патрона Тура[125]. Как сообщает Венанций Фортунат, именно Мартин поспешил в Рим и встретил там епископа Пуатье, чтобы с триумфом проводить его в Галлию после победы над арианами на соборе 359 г.[126] Таким образом, Иларий должен был получить легитимацию своего статуса в Галлии из рук Мартина Турского.

Несмотря на то что Венанций Фортунат считал Илария из Пуатье равным по значимости Мартину Турскому, истории, которые он описывает, свидетельствуют, что во взаимоотношениях этих двух деятелей церкви всё было не так просто. Например, Венанций Фортунат рассказывает, что одна женщина обратилась к Иларию и попросила его оживить своего умершего ребенка, утверждая, что такое чудо Мартин Турский мог совершить весьма легко. С точки зрения более поздних авторов, св. Иларий находился в своеобразном соревновании с Мартином Турским и, только сотворив подобное чудо, мог сравниться с ним в святости[127].

Несмотря на значимость полемики Илария из Пуатье для развития христианства в империи и для церкви в целом, рискнем утверждать, что его теологический ответ на возникновение арианства не затронул галльскую церковь. Во-первых, неизвестно, насколько широкое распространение получило в Галлии его сочинение «О синодах», предназначенное для ознакомления епископов с сутью конфликта с арианами и разъяснения кафолической точки зрения. Представляется, что большинство прелатов Галлии не приняли участия в этом доктринальном конфликте и, возможно, остались в неведении о ходе его развития. В частности, нам известно только об одном активном сторонике

[125] *Van Dam.* Saints and Their Miracles. P. 28.

[126] Ven. Fort. Vita Hilarii. Cap. 5, 9: «Itaque dum regrederetur ad propria, tunc beatus Martinus, aeque meritorum lumine non absconsus, qui ab eodem sancti Hilario exorcista est postea constitutus, Romam festinanter occurrit».

[127] Ibid. Cap. 42–45.

арианства в Галлии — Сатурнине из Арля[128]. Никого из других галльских епископов, которые принимали бы участие в возникшей конфронтации на той или другой стороне, мы не знаем. Однако вероятно, что именно в этом и была суть действий Илария из Пуатье и получившийся результат как раз и был его целью. Выглядит логично, что в таком неоднородном диоцезе, как Галлия, целью глав церковных общин было сохранить единство церкви и ее тесную взаимосвязь с обеспечивающими безопасность светскими гражданскими и военными властями. Поэтому для его современников и для некоторых из живших впоследствии историков, таких как Григорий Турский, глубоко понимавших ситуацию, именно Иларий из Пуатье был примером церковного деятеля, сочетавшего как ум государственного деятеля, так и способность трактовать сложные доктринальные вопросы.

Выбрав активную позицию по отношению к проблемам имперской церкви, Иларий из Пуатье оказался для потомков и некоторых из своих последователей менее понятной фигурой церковной истории, чем его младший соратник Мартин Турский. Об этом свидетельствует следующее событие. Однажды Паулин Ноланский с интересом узнал о том, что Сульпиций Север, бывший его другом в течение десяти лет с момента обращения в более аскетическую форму христианства, разместил в своей новой церкви два портрета с изображением людей, которых он считал своими духовными учителями. На одном был св. Мартин, а на втором сам Паулин. В глазах Сульпиция Севера именно эти два христианина могли считаться основоположниками того варианта христианства, который был приемлем для галло-римского аристократа, несмотря на очень существенные различия в их отношении к церкви[129]. Он писал о том, что Мартин Турский мог символизировать для Галлии идеальный образ святости, а Паулин быть примером раскаявшегося грешника.

Заметим, что ни Ириней Лионский, ни Иларий из Пуатье, ни какой-либо другой галльский епископ не стали для Сульпиция Севера примером идеального христианина и прелата. Конечно, на его выбор повлияло то, что и Мартина, и Паулина он знал лично. Показательно,

---

[128] *Beckwith C. L.* Hilary of Poitiers on the Trinity: From de Fide to de Trinitate. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 46; Hilary of Poitiers' Preface to His Opus Historicum: Translation and Commentary / ed. P. Smulders. Leiden, 1995. P. 129. (Vigilae Christianae. Suppl. 29).

[129] Paulin. Epist. Ep. 32, 2–3. (Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 29).

что Иларий из Пуатье был малоизвестен как непосредственный руководитель христианских общин. Кроме того, важен сам факт выбора идеала среди своих непосредственных учителей. Он говорит о том, что в начале V в. обращенные в христианство галло-римские аристократы почувствовали разрыв в христианской традиции Галлии, и для них близкие к ним Мартин и Паулин стали значить намного больше, чем такие столпы христианского мировоззрения и теологии, как Ириней и Иларий. Именно в начале V в. началось формирование галльского христианства как определенной системы жизненных ценностей, не связанных непосредственно с догматическими спорами. Заметим, что в этой системе ценностей деятельность по борьбе с манихейством или арианством на благо имперской церкви ценилась меньше, чем деятельность по созданию тесно спаянных христианских общин знати в Галлии.

Две модели развития христианства, которые воплощали Мартин Турский и Паулин Ноланский, можно охарактеризовать следующим образом. Паулин Ноланский был знатным аристократом, имевшим хорошее образование и положение. Св. Мартин был человеком, с именем которого ассоциировалась весьма радикальная, аскетическая и чудотворная форма христианства[130]. Обращаясь к сельскому населению, Мартин стремился сделать христианство массовой религией в Галлии путем подражания самому Христу. Не будучи теологом, он творил чудеса. Более того, он, как правило, занимал крайне радикальную позицию по отношению к светским и церковным властям и другим христианским общинам. Мартин воплощал в себе пустынника-чудотворца, и основными сюжетами в его житии являются истории о его необычных деяниях. Например, он, как считалось, говорил и с ангелами, и с демонами и мог даже проповедовать раскаяние самому дьяволу. В частности, в его житии присутствует сюжет о воскресении мертвых, что по общепринятым на тот момент христианским представлениям было привилегией Сына Божьего[131]. Своей чудотворной силой Мартин мог остановить похоронную процессию крестьян, если ему казалось, что он видит обряд поклонения «демонам», т.е. божествам традиционных культов[132]. В отличие от старых

[130] *Van Dam*. Leadership and Community. P. 119–120.
[131] Sulp. Sev. 1) VM. Cap. 7, 8, 17, 18, 19, 21, 22; 2) Dial. Lib III. 6, 5; Lib. III. 9, 3.
[132] Sulp. Sev. VM. Cap. 12.

культов и мировоззрения некоторых епископов, Мартин был всё время в движении и стремился распространять христианство на местах, не ожидая прихода верующих в церковь[133].

Деятельность Мартина Турского заставляет задуматься о том, что же послужило причиной создания настолько сильного и развитого культа. Главной его целью было добиться христианизации сельской округи. Однако было ли это единственной причиной появления Мартина в роли главного галльского святого?

Поговорим о специфике обращения в христианство, которая недавно была выявлена исследователями на примере Галлии и других регионов Европы. Традиционно считалось, что обращение в христианство достигалось не без участия местных языческих элит, которые получали благодаря распространению новой религии доступ к торговым путям или же подарки от заинтересованных христиан[134]. Обращаясь к «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, историки выстроили типологию обращения в новую религию, в соответствии с которой главным условием успеха было привлечение вождя на свою сторону. Это обеспечивало личную безопасность миссионерам и дальнейшее распространение новой религии[135]. Такая тактика обращения в христианство была особенно актуальна, если миссионеры вели активную борьбу с язычеством и были нацелены на его полное искоренение[136].

Для уточнения особенностей формирования образа св. Мартина следует обратить свой взор на Пиренейский полуостров. Сульпиций Север стремился создать новый образ Мартина Турского, и одновременно в своих сочинениях он интересным образом отозвался о человеке, чья жизнь и деятельность проходила в то же время и который был по своему месту в истории церкви чем-то похож на турского святого. Речь идет о Присциллиане (ум. 385), первом, кого в истории Поздней

---

[133] *Van Dam.* Leadership and Community. P. 132.

[134] *Addison J. T.* The Medieval Missionary; a Study of the Conversion of Northern Europe, 500–1300. New York: London, 1936; *Lynch J. H.* Christianizing Kinship: Ritual Sponsorship in Anglo-Saxon England. Ithaca, NY, 1998. P. 50–54.

[135] *Stancliffe.* St. Martin and His Hagiographer. P. 335.

[136] *Duggan L. G.* For Force Is Not of God? Compulsion and Conversion from Yahweh to Charlemagne // Varieties of Religious Conversion in the Middle Ages / ed. J. Muldoon. Gainesville, 1997. P. 51–62; *Sullivan R. E.* Early Medieval Missionary Activity: A Comparative Study of Eastern and Western Methods // Church History. 1954. Vol. 23. P. 17–35; *Thompson.* Romans and Barbarians. P. 246–247.

Античности казнили за ересь. Одной из отличительных черт его деятельности были требование строгого аскетизма и ряд необычных практик, которые могли показаться странными официальной церкви. Так, последователи Присциллиана, например, брали постную еду из церкви домой и проводили пост в горах. В 380 г. собор в Сарагосе осудил эту практику, однако же оставил для самого миссионера и его последователей возможность оставаться в лоне католической церкви[137]. И действительно, такая практика всегда возникала при распространении христианства в массы. Например, она не очень отличалась от народного культа св. Илария из Пуатье, состоявшего в посещении жителями озера, посвященного этому святому, и принесении ему даров[138].

Присциллиан смог добиться поддержки ряда иберийских и галльских епископов и в результате был провозглашен епископом Авилы в 381 г. Как и Мартин Турский, Присциллиан активно занимался проповеднической деятельностью в среде язычников и однажды срубил одно из их священных деревьев[139]. Подобную же историю о Мартине Турском записал и Сульпиций Север. Правда, у автора из Галлии святой чудесным образом избежал падающего дерева язычников. В том, что касается создания христианской общины, требования Присциллиана хотя и были весьма специфичны, но в целом не отличались от требований Мартина Турского. Как и в случае Мартина, главной проблемой Присциллиана было не противостояние ему язычников, а, наоборот, противодействие устоявшейся церковной иерархии. Поскольку мы знаем о Присциллиане только благодаря его последователям, выяснить, в чем собственно состояла его ересь и чем он был опасен с догматической точки зрения, не представляется возможным[140].

За пять лет ситуация существенно изменилась[141]. После прихода узурпатора Максима к власти в 383 г., Присциллиан был привлечен к суду за то, что якобы исповедовал манихейство и использовал магию[142]. В 385 г. он был казнен за свои воззрения и религиозную

---

[137] *Burrus V.* The Making of a Heretic: Gender, Authority, and the Priscillianist Controversy. Berkeley, 1995. P. 47. (The Transformation of the Classical Heritage. 24).

[138] Greg. Tour. GC. Cap. II.

[139] *McKenna S.* Paganism and Pagan Survivals in Spain up to the Fall of the Visigothic Kingdom. Washington, 1938. P. 150–151.

[140] Ibid. P. 50–56.

[141] *Burrus.* The Making of a Heretic. P. 47.

[142] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. Cap. 50, 51.

практику по приказу императора. Правда, такой исход событий был связан с тем, что сам Присциллиан решил рискнуть и обратиться за поддержкой против епископов Иберийского полуострова к императору[143]. Не вдаваясь в теологические подробности, о которых ничего не известно, мы можем утверждать, что Присциллиан отличался от большинства епископата тем, что настаивал на монополии образованного человека трактовать вопросы сотворения мира. Он отказывался от права публичной проповеди, для того чтобы иметь возможность быть по-настоящему учителем и наставником для немногих избранных в том, что касалось космогонии и других фундаментальных вопросов о мироздании[144].

Примеры Присциллиана и Мартина Турского показывают, что христианизация состояла не только в активной борьбе против священных символов языческой религии. Появление массового христианства привело к тому, что появилась религиозная практика, которая находилась на стыке религии и традиционных культов, а также манихейства. Но такая практика распространения Присциллианом и Мартином Турским новой религии в массах вызвала сопротивление в первую очередь епископата, что говорит о том, что их усилия были направлены на смену курса в самом христианстве. Появляется возможность уточнить одну из исторических концепций, которая была выдвинута во второй половине XX в. Бытовало мнение, что христианизация Галлии состояла в подмене традиционной религии, центрами которой были языческие храмы, на религию (христианство), основанную на тесных личных отношениях[145]. Однако эта концепция сегодня представляется устаревшей. Даже активная борьба против языческих храмов, священных рощ и т. п. не всегда вела к массовому принятию новой религии. Считается, что в IV в. всё больше людей стали обращаться в новую религию, оставив при этом традиционные языческие культы[146]. Впро-

[143] *Fournier E.* Exiled Bishops in the Christian Empire: Victims of Imperial Violence? // Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practices / eds. H. A. Drake, E. Albu. Aldershot, 2006. P. 159.

[144] *Burrus.* The Making of a Heretic. P. 77.

[145] *Brown P.* The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Late Antiquity. Chicago, 1981. P. 124–126.

[146] *Baus K., Ewig E.* Reichskirche nach Konstantin den Grossen. I, 1: Die Kirche von Nikaia bis Chalkedon. Freiburg, 1985. P. 189–238; *Fox R. L.* Pagans and Christians. New York, 1987. P. 663–681.

чем, любые попытки оценить численность христиан в первые века распространения новой религии дают неточные и приблизительные цифры. Как следствие, нет возможности говорить о массовом обращении в христианство.

В течение долгого времени после начала распространения христианства священники и монахи вынуждены были терпеть сосуществование христианства и языческих магических практик в традиционном обществе. Например, Григорий Турский писал о том, что захоронение Илария стало местом своеобразного поминального, по сути своей языческого культа для местного населения. Каждый год в годовщину смерти святого жители отправлялись на озеро св. Илария, разбивали там лагерь и просили святого о заступничестве, принося ему дары и бросая еду в озеро[147]. Парадоксальным образом это давало христианским миссионерам, священникам и монахам определенные преимущества. Наличие язычества давало возможность христианским проповедникам показывать свою силу во времена экономического кризиса или эпидемий, когда вина за ситуацию возлагалась на языческие культы, а христиане получали возможность доказать действенность своей религии[148]. Представляется, что правильнее поставить вопрос о взаимоотношении нового религиозного сообщества с аристократической верхушкой поздней Римской империи, о стабильности внутри самой христианской церкви, о борьбе с ересями и о взаимоотношениях христианства и соперничавшей с ним новой религии (манихейства). Таким образом, главной является проблема формирования единой иерархии церкви в Поздней Античности и в Раннем Средневековье и способов превращения христианства в доминирующую религию.

И Присциллиан, и Мартин стремились к тому, чтобы своими чудесами превратить замкнутую религию в открытую и привлечь в нее новых сторонников путем распространения аскетических практик. Главным противником христианства была не массовость языческой религии, а высокая культура римской знати, которая строилась на сложных, пусть и эклектических представлениях. В конце IV в. основным условием успешности распространения христианства стало

[147] Greg. Tour. GC. Cap. II. P. 299–300.

[148] *Reff D. T.* Plagues, Priests, and Demons: Sacred Narratives and the Rise of Christianity in the Old World and the New. Cambridge, U. K.; New York, 2005. P. 96.

обращение римской знати. Отметим, что Мартин Турский никогда не противостоял открыто установленным традициям знатного римского общества, он уважал систему ценностей, представления о мире и даже медицинские воззрения римских аристократов, с которыми ему приходилось пересекаться, и пытался обходить их стороной. В частности, хотя Мартин и бывал при дворе Валентиниана в Трире, он никогда не встречался лично с Авзонием из Бордо, который занимал важное положение при императоре. О многом говорит тот факт, что, создавая лекарство для глаз Паулина Ноланского, турский святой, скорее всего, воспользовался традиционными римскими рецептами[149].

Из-за радикальности методов Мартина многие, и в особенности знать, не принимали его[150]. Поэтому исторический святой не мог служить примером для галло-римских аристократов. Для св. Мартина главным соперником был Брикций, который уже при жизни святого стремился снизить его значение и, как сообщает Григорий Турский, «строил ему козни»[151]. При жизни турский святой списывал это на демонов, которые овладели Брикцием[152]. Последний пытался выдвинуть и другие обвинения против св. Мартина, однако остальные прелаты, в том числе и римский понтифик Зосим, выступили в пользу турского епископа[153]. Брикций решил оправдаться и с этой целью поехал в Рим. В 437 г. он вернулся и снова стал епископом[154]. Таким образом, попытка снизить значение св. Мартина не удалась, и культ продолжал развиваться. По-видимому, он снова стремился принизить своего предшественника. В частности, Брикций заявлял о том, что он обладал большей святостью, чем Мартин, потому что тот замарал себя службой в римской армии. В дальнейшем культ св. Мартина критиковал епископ Евстохий. К середине V в. Тур оказался практически на границе с владениями вестготов в Аквитании. Видимо, для защиты от арианства Евстохий построил церковь, посвященную двум итальянским святым, Гервазию и Протасию. Возможно, это

[149] Sulp. Sev. VM. Cap. 19. 3–5.

[150] Ibid. Cap. 9. *Van Dam.* Saints and Their Miracles. P. 134.

[151] Greg. Tour. Hist. Lib. II. 1.

[152] Sulp. Sev. Dial. 3.15.

[153] Zosim. Zosimi papae epistolae et decreta // PL / ed. J.-P. Migne. Paris, 1845. P. 640–686. Lib. 3. Ep. 3. Col. 656–657.

[154] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 1.

обращение к итальянской христианской традиции означало попытку также использовать значение и культ св. Амвросия Медиоланского для создания в Галлии своего рода барьера против притязаний вестготов[155].

Стратегия распространения христианства Мартина Турского не состояла в прямой конфронтации с римским обществом. В своей деятельности он стремился не обращать внимания на существовавшие в галло-римской среде ценности. Игнорируя их как недостойные внимания и как будто несуществующие, Мартин постарался принизить авторитет знания и книжной учености галло-римских аристократов. Вместо этого он предложил адептам новой религии свою, пусть и весьма специфическую даже для епископата и христиан, систему ценностей. Однако и старая, галло-римская иерархия религиозных ценностей и верований, и новая, христианская церковь и религия были построены на личных взаимоотношениях, и тем самым процесс христианизации Галлии шел путем подмены одной личной иерархии власти, основанной на классических ценностях римской знати, другой. Эта другая, христианская иерархия, как оказалось вскоре после смерти Мартина, тоже стала состоять по большей части из представителей знати[156].

Однако именно благодаря трудам Сульпиция Севера образ св. Мартина как непокорного аскета, боровшегося против церковной иерархии и творившего чудеса, существенно изменился[157]. Этот историк и агиограф по возможности попытался убрать все противоречия и создал новый образ, где монашеская жизнь и в особенности весьма нетрадиционные подвиги святого отошли на второй план, а Мартин стал истинным аристократическим епископом официальной, католической церкви[158]. В отличие от исторического Мартина, который стремился нести религию в массы своими чудотворными деяниями, Мартин Сульпиция Севера стал проводником аристократической линии в христианстве и конкретно символом особой формы аристократического аскетизма, характерного в тот момент только для Галлии[159].

---

[155] *Van Dam.* Leadership and Community. P. 16–17.

[156] Ibid. P. 132.

[157] *Stancliffe.* St. Martin and His Hagiographer.

[158] *Van Dam.* Saints and Their Miracles. P. 14.

[159] *Fontaine J.* Valeurs antiques et valeurs chrétiennes dans la spiritualité des grands propriétaires terriens à la fin du IVe siècle occidental // Epektasis: Mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou / ed. J. Fontaine, C. Kannengiesser. Paris, 1972. P. 580–587.

Несмотря на то что св. Мартин был родом из Паннонии и никогда не был галло-римским аристократом, его образ, созданный Сульпицием Севером, был именно таким[160].

Для превращения Мартина в галльского святого, который был бы понятен обращавшейся в христианство аристократии, потребовалось немало изменений в его историческом образе[161]. В частности, связующей нитью между таким весьма нетрадиционным проповедником, как Мартин, и аристократами Сульпицием Севером и Паулином Ноланским стал Кларус, молодой человек аристократического происхождения (*adulescens nobilissimus*), которому пример Мартина помог обратиться в христианство[162]. Так образ нетипичного и противоречивого святого был адаптирован ради большей привлекательности для галло-римской знати. Именно она стала основным социальным слоем, который способствовал распространению христианства[163]. В отличие от исторического Мартина, который стремился нести религию в народ с помощью чудотворных деяний, Мартин в трактовке Сульпиция Севера стал проводником аристократической линии в христианстве и конкретно символом особой формы аристократического аскетизма, характерного в тот момент только для Галлии[164]. Несмотря на то что св. Мартин был родом из Паннонии и никогда не входил в круг местной знати, его образ, созданный Сульпицием Севером, был идентичен образу галло-римского аристократа[165]. Таким образом нетипичный и противоречивый святой стал более востребованным в глазах галло-римской знати, которая превратилась в основной социальный слой, способствовавший распространению христианства[166].

Одновременно Сульпиций Север приложил усилия для того, чтобы выставить Присциллиана гностиком и манихеем. Несмотря на то что жизнь и деятельность Присциллиана и Мартина Турского были во многом схожи, Сульпиций Север, однако, создал подчеркнуто иной образ иберийского проповедника. Он сравнивал

[160] Paulin. Epist. Ep. 32. 3; *Van Dam*. Leadership and community. P. 14.

[161] *Van Dam*. Leadership and Community. P. 119–140.

[162] Sulp. Sev. VM. Cap. 23; Paulin. Epist. Ep. 23. 2; 27, 3.

[163] *Werner K.-F.* Le rôle de l'aristocratie dans la christianisation du nord-est de la Gaule // Revue d'histoire de l'Eglise de France. 1976. Vol. 62. P. 76.

[164] *Fontaine*. Valeurs antiques et valeurs chrétiennes dans la spiritualité des grands propriétaires terriens à la fin du IVe siècle occidental.

[165] Paulin. Epist. Ep. 32. 3; *Van Dam*. Saints and Their Miracles. P. 14.

[166] *Werner*. Le role de l'aristocratie. P. 45–73.

последнего с Катилиной, опуская описание теологических особенностей его воззрений. В деятельности Присциллиана Сульпиций Север видел не столько искреннюю проповедь своего варианта христианства, сколько политический заговор[167]. Более того, историками было установлено, что он безо всяких на то оснований приписал Присциллиану гностические взгляды[168]. Таким образом, галло-римский аристократ Сульпиций Север, способствовавший адаптации образа весьма нетрадиционного галльского миссионера Мартина Турского для галло-римской знати, одновременно создал резко отрицательный и неприемлемый образ другого миссионера, связанного с Иберийским полуостровом. Фактически Сульпиций Север создал дихотомию святости и ереси там, где грани между этими двумя противоположностями были размыты.

В конце V в. многие епископы галльских городов сделали попытку опереться на культы местных святых, получивших распространение в предшествующий период. Напрашивается вывод о том, что в начале V в. в церкви Галлии началось движение к обособлению от общего средиземноморского наследия и формированию собственно местной, галльской церкви. В рамках этого процесса многие из деятелей христианства в Галлии II–IV вв. стали малоинтересны для христиан V в., которые обратили свое внимание на прошлое только для того, чтобы выбрать изо всех имеющихся вариантов наиболее близких к ним по социальному статусу и политике епископов и монахов.

Однако несмотря на то что в начале V в. были сделаны попытки найти других святых для Тура, культ св. Мартина всё равно оказался более нужным для галльского епископата. Культ Мартина устоялся, по-видимому, в конце V в. Перпетуй Турский (460–490) приложил много усилий для развития культа святого и построил в честь него церковь. В результате Тур для галльского христианства стал поистине «городом святого Мартина», как его называл Паулин из Перигора[169]. Если для Евстохия Гервазий и Протасий означали ориентацию на Милан и Рим, то для Григория Турского они стали ассоциироваться с именем св. Мартина. Григорий сообщал о том, что именно турский

[167] *Fontaine J.* L'affaire Priscillien, Ou L'ère Des Nouveaux Catilina: Observations Sur Le 'Sallustianisme' de Sulpice Sévère // Classica et Iberica: A Festschrift in Honor of Reverend Joseph M. F. Marique. S.J. / ed. P.T. Brannan. Worcester, Mass., 1975. P. 355–392.

[168] *Burrus.* The Making of a Heretic. P. 126–159.

[169] Paulin. Petricor. VM.

святой совершил поездку в Италию для того, чтобы привезти оттуда их мощи[170].

В отличие от чудотворца Мартина, принадлежавшего к низшим слоям населения Римской империи и направившего свой пыл именно на их христианизацию, Паулин Ноланский был представителем знати и не поддерживал массовых и быстрых обращений в христианство. Его переписка с учителем, поэтом Авзонием из Бордо, показывает, что он был человеком весьма образованным в античном смысле. Но к 393 г. у него начался кризис, и в своих поэмах он всё чаще помышлял об обращении в христианство[171]. Однако Паулин вынужден был оправдываться перед своим учителем, говоря, что его желание после принятия христианства удалиться в провинциальный регион Испании ничуть не отличалось от обычной практики римских аристократов удаляться от дел и проводить время в деревенском уединении[172]. Тем не менее он признавался, что его не интересовало аскетическое христианство[173]. Его обращение в монашество иллюстрирует процесс трансформации христианской церкви в Западной Римской империи, а его переписка — тенденцию к формированию церкви Галлии как особого сообщества со своими традициями и представлениями об организации христианской общины. Следовательно, именно в Галлии проблемы адаптации христианского вероучения к нуждам Западно-Римской империи и к социальным реалиям западного Средиземноморья были решены в наибольшей степени. Обращение Паулина Ноланского стало для западных авторов примером того, какие формы должна принять церковь и связанная с ней община верующих на Западе. Для Сульпиция Севера жизнь и деятельность этого галло-римского аристократа явилась моделью для обращения в христианство аристократической прослойки населения этих провинций.

В той роли, которую сыграл для галльской и западной церкви Паулин Ноланский, заключен интересный парадокс. Исследователям

---

[170] Greg. Tour. 1) Hist.. Lib. X. Cap. 31; 2) GM. Cap. 46.; 3) Vitae Patr. Lib. I. Cap. 2.

[171] Paulin. Carmina // Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Opera / eds. G. de Hartel, M. Kamptner. Vol. 2. Wien, 1999. Carmen 10. 1–8: *Trout D.E.* Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Washington, 1999. P. 79–81.

[172] Paulin. Carmina. Carmen 10. 215–251; *Trout.* Paulinus of Nola. P. 81.

[173] *Trout.* Paulinus of Nola. P. 81–82: Paulin. Carmina. Carmen 10. P. 156–158: «...non etenim mihi mens demens neque participandum, / vita fugax hominum, Lyciae qua scribis in antris, / Pegaseum vixisse equitem».

долго казалось, что проблемы обращения в христианство представителя знатного и образованного сословия Римской империи были решены Августином Блаженным в его «Исповеди». Для современных историков именно Августин являлся примером знатного и образованного римлянина с провинциальными корнями, который путем долгой борьбы с опутывавшими его предрассудками пришел к осознанию христианского вероучения как единственно верного. Именно такой образ хотел создать сам Августин Блаженный в своем сочинении. Однако данный пример, казавшийся многим историкам эпохи Нового времени своего рода архетипом, не был таковым для современников этого события. Стоит иметь в виду, что в глазах последних именно Паулин Ноланский, а не Августин Блаженный обладал большим авторитетом в том, что касалось вопросов обращения в христианство.

Для современников Августина именно Паулин Ноланский стал примером того, как нужно принимать новую религию и какое место она должна занимать в жизни знати. Заметим, что в этой главе, посвященной христианству в Галлии, разговор о Паулине уместен, несмотря на то что все последние годы своей жизни, связанные с христианским культом, он провел в городке Нола неподалеку от Неаполя. Однако его аквитанское происхождение, а также тот факт, что его жизнь и деятельность не остались без внимания галльского автора Сульпиция Севера, позволяют нам обратиться к судьбе Паулина Ноланского и расширить наши представления об особенностях и проблемах распространения христианства в Галлии, а также основных чертах организации христианской церкви в этом регионе. Можно сделать вывод, что в процессе принятия новой религии галло-римская знать, к которой принадлежал Паулин, стремилась приобрести своеобразное первенство в общинах и церквях новой религии. В отличие от Августина Блаженного, Паулин Ноланский не имел в своей биографии никаких порочащих обстоятельств и его обращение не вызывало ничего, кроме уважения.

Ответ Паулина Ноланского Сульпицию Северу показывает, что в начале V в. путь развития церкви Галлии еще не был четко определен. Сложились два идеала. Одним было народное христианство св. Мартина, другим — аристократическое христианство Паулина Ноланского, Сульпиция Севера и других представителей галло-римской знати. В первой половине V в. произошел перелом, и к церкви стало

примыкать всё больше аристократов. В тех случаях, когда образы святых, уже существовавших в галльской церкви, слишком отличались от желаемого и понятного для галло-римских аристократов, они были изменены в соответствии с социальными требованиями элиты галло-римского общества.

Благодаря постепенной адаптации христианства для галло-римской аристократии роль последней в системе церкви усиливалась в течение V в. Однако к концу столетия начался новый синтез двух тенденций в развитии христианства (аристократической и народной), приведший к формированию той церкви, которую довелось описывать Григорию Турскому в конце VI в. Примером является история епископов Арля Онората (ок. 350 — 429) и его родственника Илария (403–449). Онорат был галло-римским аристократом, который основал монастырь Леран и служил в качестве епископа Арля в 420-х гг.[174] Возможно, он происходил с севера Галлии[175]. Однако биограф Онората Иларий считал, что его особое положение проистекало из статуса епископа, а его знатность не играла при этом никакой роли[176]. Он довольно смело утверждал, что единственное значение знатных семей состояло в том, что христианину и епископу от них можно было отречься, тем самым показав свою верность христианской общине. Тем не менее можно предположить, что к концу V в. аристократический аспект христианства в Галлии перестал играть доминирующую роль, в то время как массовое христианство, построенное на принципах учения св. Мартина и других святых галльской церкви, вернуло себе положение и значимость.

Подводя итоги, подчеркнем следующее. Только когда христианство стало официальной, государственной религией, в развитии галльской церкви начался новый этап[177]. В целом можно согласиться с этой периодизацией, потому что очевидно, что христианство в Галлии в период епископата Иринея Лионского (II — начало III в.)

[174] Hilarius Arelatensis. Sermo de vita Honorati // PL. Vol. 50. 1843. Cap. 4. Col. 1252; *Van Dam*. Leadership and Community. P. 155; *Mathisen R. W.* Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul. Washington, D. C., 1989. P. 77f.

[175] *Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten von 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographische und bildungsgeschichltiche Aspekte. München, 1976. P. 200–211. (Beihefte der Francia. 5).

[176] Hilarius Arelatensis. Sermo de vita Honorati. Cap. 31, 35, 39. Col. 1266, 1268–1269, 1272.

[177] *Michelet.* Histoire de France. Vol. 1. P. 115.

значительно отличалось от религиозной культуры и организации во времена Илария из Пуатье и Мартина Турского (IV в.), а тем более во времена Сульпиция Севера (конец IV — начало V в.) или Григория Турского (VI в.). Однако несмотря на корректность хронологии, с точки зрения современного состояния исторической науки характеристика этих периодов представляется совсем иной, чем она казалась ранее.

С самых ранних времен церковные авторы, жившие в Галлии, стали выделять своих соотечественников в качестве основных фигур истории христианства в Западной Римской империи и рисовать отрицательный образ своих собратьев по вере из других регионов. Иларий из Пуатье создал отрицательный образ Оссия из Кордовы, хотя поведение того в борьбе с арианами немногим отличалось от поведения самого епископа Пуатье. Сульпиций Север возвеличил образ галльского проповедника св. Мартина и принизил значение иберийца Присциллиана, сделав из последнего еретика и манихея. Одновременно сам Сульпиций Север адаптировал образ св. Мартина и представил Паулина Ноланского в качестве образца для галльских аристократов, которые хотели обратиться в христианство. Таким образом, к середине V в. в Галлии сложилась своя религиозная культура, которая отличалась рядом особенностей в религиозной организации и практике. Это была церковь, построенная на личных взаимоотношениях галло-римской знати (как правило, юга Франции) и имевшая свой пантеон святых и миссионеров. Те ценности, которые интересовали Сульпиция Севера и Паулина Ноланского, были связаны в первую очередь не со следованием особым догматическим положениям религии или аспектам культа и ритуала. В отличие от таких пограничных регионов Европы, как, например, Ирландия, Британские острова или Скандинавия, принятие христианства галльским обществом основывалось прежде всего на адаптации этой религии и церкви к потребностям аристократических слоев Галлии. Такие люди, как Паулин Ноланский и Сульпиций Север, понимали это и, создавая образы ряда епископов и деятелей церкви в своих сочинениях, изменили лицо этой религии на Западе и тем самым обусловили отличия формы организации западной церкви от восточной.

Более того, изменения, связанные с приходом Поздней Античности, привели в Галлии к формированию особого взгляда на христианство и церковь в связи с процессом регионализации провинциального

общества. Отметим, что в трудах Сульпиция Севера прослеживается тенденция к регионализации религиозной культуры, к появлению своего рода «галльского христианства». В рамках этого процесса историк попытался найти в истории религии те фигуры, которые, как ему казалось, могли в наибольшей степени послужить региональным особенностям развития церкви.

1.4. От Римской империи к христианской провинции: Концепция истории и образ Галлии у Сульпиция Севера

Появление и распространение христианства и постепенное оформление региональных христианских субкультур привели к формированию новых представлений об империи и власти в целом. Эти новые представления прослеживались в сочинениях разного рода, но в наибольшей степени новый взгляд на соотношение империи и отдельных регионов отразился в исторических сочинениях.

Изначально христианское отношение к прошлому было далеко от историзма, в Священном Писании зачастую смешивались воедино факт и вымысел[178]. Христиан интересовала не столько сюжетная канва истории, сколько подтверждения постоянного вмешательства Бога в дела сотворенного им мира[179]. Всеобщая хроника, написанная с позиции христианского универсализма, постепенно стала важнейшим историческим жанром. Она сформировалась в Поздней Античности на востоке Римской империи и просуществовала в течение всего Средневековья[180]. Изменение мироощущения в Поздней Античности и формирование регионального самосознания нашли свое отражение в трудах церковных историков этой эпохи. Большинство хроник и сочинений, написанных христианскими авторами, представляли собой по сути христианскую апологетику и пытались создать единую канву истории от сотворения мира до Поздней Античности[181]. «Семь книг

[178] *Momigliano A.* Time in Ancient Historiography // Essays in Ancient and Modern Historiography. Middletown, Conn., 1977. P. 194.

[179] *Momigliano.* Time in Ancient Historiography. P. 194.

[180] *Von den Brincken A.-D.* Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf, 1957. P. 38–49; *Croke B.* The Origins of the Christian World Chronicle // History and Historians in Late Antiquity / eds. B. Croke, A. M. Emmett. Sydney: New York, 1983. P. 116–131; *Tristram H. L. C.* Sex aetates mundi. Die Weltzeitalter bei den Angelsachsen und den Iren. Untersuchungen und Texte. Heidelberg, 1985.

[181] *Croke.* The Origins of the Christian World Chronicle. P. 122.

против язычников» Орозия, например, имели своей целью показать, что создание Римской империи и принятие в рамках нее христианства были реализацией Божественного плана[182]. Именно на этот период приходится появление в исторических сочинениях, посвященных истории христианства, ряда новых тенденций, которые отразили существенные изменения в представлениях провинциальной аристократии о себе и о судьбах империи.

В процессе трансформации светской позднеантичной историографии в христианскую, церковную существует ряд важных, но малоисследованных аспектов. «Хроника» и «Церковная история» Евсевия Кесарийского занимают ведущее место в формировании жанра церковной истории. Многие другие интересные источники остаются либо в тени данных трудов, либо рассматриваются вне связи с церковной концепцией истории как таковой. Бесспорно, сочинения Евсевия Кесарийского имеют особый характер, поскольку их автор занимал весомое положение в христианских и в политических кругах. С одной стороны, Евсевий был одним из известнейших представителей восточного монашества и, следовательно, его история церкви представляла собой в первую очередь взгляд изнутри на события, связанные с распространением христианства. С другой стороны, он был тесно связан с императорским двором, написав ряд панегириков императору Константину Великому и создав идеальный образ христианского императора как посредника между Богом и людьми. Таким образом, Евсевий описал триумфальное шествие христианства по Римской империи[183]. Некоторые исследователи (Г. Овербек) даже назвали его «придворным парикмахером» за занятую им позицию безусловной поддержки императора: «hoftheologischen Friseur der kaiserlichen Perücke»[184]. Отмечалось также, что в «Житии императора Константина» Евсевий описал его как своего рода «епископа» всей церкви[185]. Вслед за Мелитоном Сардисским Евсевий Кесарийский

[182] *Goetz H.-W.* Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstad, 1980. P. 10. (Impulse der Forschung. 32).

[183] *Grant R.M.* Eusebius and Imperial Propaganda // Eusebius, Christianity and Judaism / eds. H. W. Atridge, G. Hata. Leiden, 1992. P. 686.

[184] *Van Oort J.* Jerusalem and Babylon. A Study into Augustine's City of God and the Sources of His Doctrine of the Two Cities. Leiden, 1991. P. 156. (Vigiliae Chstianae Supplementa. 14).

[185] *Straub J.A.* Constantine as Koinos Episcopos: Tradition and Innovation in the Representation of the First Christian Emperor's Majesty // Dumbarton Oaks Papers. 1967.

видел во взаимодействии империи и христианской церкви только положительные аспекты[186]. Таким образом, pax romana и христианское учение, единовластие и монотеизм были для него тесно связаны[187]. Евсевий являлся одним их первых деятелей так называемой «имперской церкви»[188]. Он был человеком, способным передать как характерные черты взгляда светских правителей Римской империи, так и церковное мировоззрение. Данное обстоятельство определило особенности воззрений Евсевия на историю распространения христианства в империи. В его сочинении читатель может увидеть на месте Римской империи единую общность, христианскую церковь, выстроенную в рамках имперских границ и охватывающую собой всё Средиземноморье.

Христианская историография, жанр которой был фактически создан на востоке Римской империи, к началу V в. начала развиваться и на Западе. В это время появились «Семь книг против язычников», написанные жителем Иберийского полуострова Орозием, в которых была предпринята попытка совместить воедино христианскую концепцию истории и историю Римской республики и империи[189]. В этом сочинении автор поставил перед собой глобальную задачу найти концептуальное совпадение между римской трактовкой истории и христианским видением исторического процесса, которое на тот момент оформилось в экзегетическом труде «Комментарий на книгу пророка Даниила» Иеронима Стридонского и в теологическом сочинении Августина «О граде Божьем»[190]. Будучи представителем региональной знати, Орозий тем не менее не пытался выдвинуть особую концепцию развития Рима и христианства. Его точка зрения представляла собой отражение общих средиземноморских концепций истории и места в ней Рима. В частности, он стремился показать, что христианство не следует считать основной причиной

Vol. 21. P. 37–55; *Hollerich M.J.* Eusebius of Caesarea's Commentary on Isaiah: Christian Exegesis in the Age of Constantine. Oxford, 1999. P. 29. (Oxford early Christian studies).

[186] Euseb. Hist. Lib. IV. 26, 7ff.

[187] *Van Oort.* Jerusalem and Babylon. P. 155–157.

[188] *Barnes.* Athanasius and Constantius. P. 165–169.

[189] *Тюленев В.М.* 1) Вступительная статья // Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–III. СПб., 2001. С. 26, 45, 52, 58, 80; 2) К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3. Филология. История. Философия. С. 85.

[190] Jerome. Jerome's Commentary on Daniel / transl. G. L. Archer. Grand Rapids, 1958.

ослабления Рима в IV–V вв. и что появление новой религии, наоборот, привело к определенным положительным тенденциям в империи и к большей ее стабильности.

В ряду рассматриваемых сочинений не последнее место занимает «Хроника» Сульпиция Севера, автора уже упоминавшихся «Жития св. Мартина» и «Диалогов», представляющая собой новый этап в развитии позднеантичной христианской концепции истории. В этом качестве она имеет непосредственное отношение к формированию новых представлений о власти, адаптированных для властных структур, возникших в Галлии после ослабления Римской империи. «Хроника» особенно интересна потому, что в ней впервые отразились воззрения на историю представителя галло-римской аристократии. В частности, его мировоззрение значительно отличалось от позднеантичного по своим характеристикам мировоззрения Сидония Аполлинария. Если отвлечься от того, что Сульпиций Север, в отличие он последнего, пытался создать именно исторический труд, то мы видим, что его мировоззрение было намного более эсхатологичным, ожидающим конца времен, чем мировоззрение его последователя[191]. Единственным темным пятном в системе представлений Сидония было создание королем Эврихом объединенного королевства на Иберийском полуострове и в Галлии. Сначала он воспринимал это событие с надеждой на то, что готский правитель станет столпом восстановления «римского духа», однако потом стал его горячим противником из-за попыток последнего ограничить влияние римской аристократии[192].

В своем труде Сульпиций Север попытался соединить священную и светскую историю в духе «Хроники» Евсевия Кесарийского, уделив им равное внимание и сведя их воедино в один последовательный рассказ. В отличие от Орозия Сульпиций уделил больше места именно священной, церковной истории и не стал, как его иберийский предшественник, подчинять свое повествование сюжетам из истории Рима. В его сочинении повествуется о ветхозаветной истории и о дальнейшей истории уже христианизированной Римской империи. Историки традиционно считали его работу примером обычной христианской хроники и, как следствие, делили его сочинение на две

[191] *Van Dam*. Leadership and Community. P. 160–181.
[192] Ibid. P. 161.

части — одну, посвященную библейской истории, и вторую — истории христианства[193]. Первая часть состояла из первой и половины второй книг, которые были посвящены ветхозаветным сюжетам, трактуемым как исторические. Затем после краткого упоминания событий, описываемых в Евангелиях, Сульпиций уделил последние 19 глав второй книги описанию галльской церкви IV–V вв. и в особенности борьбе с распространением присциллианистской и арианской ересей[194]. Подобная структура привела к тому, что многие исследователи не обратили внимания на смысл, который вкладывал в «Хронику» Сульпиций Север, и фактически использовали только ее последние 19 глав для уточнения ряда событий из истории культа св. Мартина или Римской империи[195].

Однако в «Хронике», которая и по сей день является одним из основных источников по позднеантичной и галльской истории, как принято сегодня считать, нашла свое выражение новая историческая концепция. Интересным и противоречивым аспектом «Хроники» является то, что ветхозаветная и новозаветная истории не отделены друг от друга структурно и сообщение о царе Ироде начинается в середине главы[196]. Таким образом, эту хронику нельзя разделить на части, одна из которых была бы посвящена светской истории, а другая — церковной[197]. Главным мотивом Сульпиция было не разделить, а, наоборот, объединить ветхозаветную историю, новозаветный период и события в истории Римской империи в III–V вв.[198] Фактически у Сульпиция Севера была своя хронологическая шкала, центральными датами в которой выступали, после событий ветхозаветной истории, явление Христа, деяния апостолов, разрушение иерусалимского хра-

---

[193] *Van Andel.* The Christian Concept of History. P. 55: *Тюленев В. М.* Раннехристианский историк Сульпиций Север и его картина человеческого прошлого // Личность, культура, общество. 2003. № 19–20. С. 435–437.

[194] *Донченко А. И.* Вступление // Сульпиций Север. Сочинения = Opera / пер. А. И. Донченко. М., 1999. С. 129–130.

[195] *Stancliffe.* St. Martin and His Hagiographer. P. 86–95.

[196] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. Cap. 27.

[197] *Williams.* Time and Authority. P. 285; *Тюленев.* Раннехристианский историк Сульпиций Север. С. 435–436.

[198] Sulp. Sev. Chron. Lib. 1. 2: «Visum autem mihi est non absurdum, cum usque ad Christi crucem Apostolorumque actus per sacram historiam cucurrissem, etiam post gesta conectere: excidium Hierosolymae uexationesque et mox pacis tempora, ac rursum ecclesiarum intestinis periculis turbata omnia locuturus».

ма и внутренние проблемы в церкви в связи с распространением ересей в IV–V вв. Отметим, что эта хронологическая шкала значительно отличалась от использованной другими историками, в частности Евсевием Кесарийским и Орозием.

Соединение столь разнородных ветхозаветных и новозаветных событий с историей Поздней Античности было бы полностью искусственным, если бы у него не было какой-то объединяющей темы. В поисках этой темы исследователи обращались к различным аспектам «Хроники». Прежде всего внимание привлекли ее хронологическая структура и эсхатология как основной мотив. Отношению Сульпиция Севера к характерным для позднеантичных христианских историков ожиданиям конца света был посвящен целый ряд работ, благодаря которым прояснились особенности исторического мировоззрения автора «Хроники»[199]. Описывая историю современной ему церкви, Сульпиций Север уделил большое внимание распространению арианской и присциллианистской ересей. Более того, его «Хроника» заканчивалась таким образом, что читатель сам подмечал увеличение количества знамений, означавших в соответствии с христианскими воззрениями того времени приближение конца света. Если учесть, что в начале своего сочинения Сульпиций Север стремился наставить читателя в истинной вере, то его представления об истории становятся более понятными[200]. Считалось, например, что целью «Хроники» было призвать христиан Римской империи бежать от всего мирского до того, как они будут застигнуты концом света[201]. В этом смысле Сульпиций Север становился в глазах исследователей сторонником «Града Божьего» («De civitate Dei») Августина Блаженного, провозглашавшего преходящее состояние светской власти Римской империи и вечный характер церкви. Кроме того, в жизнеописании св. Мартина, важнейшего святого Галлии, Сульпиций Север постоянно вводил темы лжепророчества, что является одним из ключевых предзнаменований тысячелетнего царства[202].

---

[199] *Biamonti A.* L'escatologia di Sulpicio Severo // Bolletino di studi istorico-religiosi. 1921. Vol. 1. P. 55–68; *Prete S.* Sulpicio Severo e il millenarismo // Convivium. 1958. Vol. 26. P. 394–404; *Van Andel.* The Christian Concept of History. P. 40–52; *Ghizzoni F.* Sulpicio Severo. Parma, 1983. P. 216–222.

[200] Sulp. Sev. Chron. Lib. I. Cap. 1, 4.

[201] *Van Andel.* The Christian Concept of History. P. 139–142.

[202] *Vaesen J.* Sulpice Sévère et la fin des temps // The Use and abuse of eschatology in the Middle Ages / eds. W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenhuysen. Leuven: Leuven University Press. 1988. P. 60.

Важный аспект подхода к истории у Сульпиция Севера заключался в том, что в отличие от современных ему историков он попытался провести сравнение между методами священной и светской истории. В «Житии св. Мартина» он приводит только сюжеты, не имеющие библейских параллелей, что позволило современным исследователям говорить о правдивости его метода[203]. Например, показателен эпизод, когда перед ним встала задача определения имени персидского царя, при котором жила библейская Юдифь. Парадоксальным образом Сульпиций Север признался в том, что это невозможная задача и что светская история в данном случае имеет приоритет перед библейской[204]. Некоторые исследователи даже считают, что в этих случаях он противоречит самому себе[205]. По этой причине ряд историков считали Сульпиция Севера автором, который смог отойти от узких рамок христианской истории и использовать методологию светской истории при изучении библейских сюжетов[206]. Более того, был сделан вывод, что его метод описания важных исторических персонажей свидетельствует о том, что по своим взглядам Сульпиций скорее исповедовал античную систему ценностей, чем принадлежал к христианской культуре[207]. Однако в целом очевидно, что отношение Сульпиция Севера к прошлому все-таки было церковно-христианским, так как указанные пассажи показывают, что он признавал историчность Ветхого завета[208]. Таким образом, Сульпиций констатировал разницу между светской историей (rerum ordo) и тайной божественной историей (diuinarum rerum mysteria)[209]. Его целью, как принято сегодня считать, было объединение ветхозаветной и христианской истории

[203] *Turner P.* Truthfulness, Realism, Historicity: A Study in Late Antique Spiritual Literature. Farnham, Surrey, 2016. P. 10–11.

[204] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. Cap. 14. 1–2: «Huic rerum ordini recte Iudith actus conseram: traditur enim post captiuitatem fuisse, sed quis eo tempore Persis regnauerit, historia diuina non edidit: regem tamen, sub quo illa gesta sint, Nabuchodonosor nuncupat, non utique eum, qui Hierosolymam ceperit. Sed nullum hoc nomine post captiuitatem apud Persas regnasse reperio, nisi si ob inpotentiam et pariles conatus quicumque ille rex Nabuchodonosor a Iudaeis nocitatus est».

[205] *Williams.* Time and Authority. P. 286.

[206] *Stancliffe.* St. Martin and His Hagiographer. P. 177, 181.

[207] *Tanner R. G.* The Historical Method of Sulpicius Severus // Studia Patristica. 1989. Vol. 19. P. 106–110.

[208] *Van Andel.* The Christian Concept of History. P. 61.

[209] Ibid. P. 8; Sulpicius Severus. Chron. Praef. 2 (Gesta). Praef. 3 (mysteria), 2, 7, 3 (rerum tantum ordinem).

в один рассказ и демонстрация того, что эта единая ветхозаветно-христианская история имела непосредственное отношение к той эпохе, в которой он жил[210].

Можно утверждать, что эсхатологизм в сочинении Сульпиция Севера не означал ожидания немедленного наступления тысячелетнего царства[211]. Сульпиций использовал знаки, говорящие о приходе конца света, не для того чтобы усмотреть в современной ему эпохе окончание истории Средиземноморского мира и Римской империи. К тому моменту милленаризм был в значительной степени отодвинут на второй план Никейским собором и трудами Августина Блаженного, будучи идеей, недостаточной для статуса главного аспекта христианской религии. Соответственно, несмотря на эсхатологический характер «Хроники», Сульпиций Север не упоминает ключевое для христианской эсхатологии понятие тысячелетнего царства, которого ожидали милленаристы. Он говорит только о вечном царстве для верующих, что не является цитатой из Апокалипсиса Иоанна[212]. Следовательно, эсхатологизм в традиционном понимании и хронологии нельзя рассматривать в качестве главного аспекта его исторической концепции.

Таким образом, на данный момент сложились две противоположные точки зрения в отношении философии истории Сульпиция Севера. Разногласия касаются наличия или отсутствия христианской концепции истории и роли эсхатологизма в системе его исторических представлений. Однако, кажется, не следует видеть в жизнеописании св. Мартина и в «Диалогах» еще одну попытку Сульпиция доказать необходимость думать о конце света. Проблема сочетания эсхатологического видения истории и создания удобного и комфортного культа святого, который могли бы рассматривать в качестве идеала аристократы, решается вовсе не поиском эсхатологических мотивов в сочинениях, посвященных св. Мартину. Возможно, нужно иначе понимать сам этот «эсхатологизм» Сульпиция Севера и не воспринимать его как пример реального ожидания конца света. Заметим, что главы «Хроники», в наибольшей степени пронизанные апокалиптическими предзнаменованиями, говорят о распространении ересей,

[210] *Williams.* Time and Authority. P. 293.

[211] *Prete.* Sulpicio Severo e il millenarismo. P. 401.

[212] Апокалипсис Иоанна, n.d., 20: 1–6; *Biamonti.* L'escatologia di Sulpicio Severo. P. 68; *Ghizzoni.* Sulpicio Severo. P. 219.

главной проблемой которых было не столько неверие, сколько таившаяся в них опасность для устоявшихся в западном Средиземноморье и в частности в Галлии структур власти.

Подчеркнем, что, начиная с 35-й главы кн. II «Хроники», Сульпиций перешел к детальному описанию возникновения ересей и борьбы с ними. Например, главным примером такой ереси, в которой Сульпиций Север видел особую опасность, было движение, связанное с Присциллианом (ум. 385), первым человеком в истории Поздней Античности, казненным за ересь[213]. Главная опасность данной ереси состояла в том, что последователи Присциллиана мало контактировали с церковной иерархией и старались держаться от нее подальше, тем не менее объявляя себя христианами. В гл. 50 Сульпиций отметил, однако, что те, кто обвинял Присциллиана и его последователей, не вызывали у него самого доверия и восхищения, так как были далеки от того, чтобы соответствовать критериям святости. Более того, он упомянул, что эти же люди попытались обвинить в ереси даже и св. Мартина. «Хроника» заканчивается на очень драматичных сценах, в которых описывается, как христиане-католики в Галлии на тот момент находились в крайне тяжелом положении. Последняя глава «Хроники» может прояснить смысл, который Сульпиций Север вкладывал в свое сочинение. Оно начиналось с изложения библейской истории, а заканчивалось описанием тяжелых времен, наставших для христиан-католиков в Галлии. Таким образом, в данном труде проглядывали элементы региональной идентичности. Весь рассказ о библейской истории и распространении христианства вел к сюжету о состоянии христианства в Галлии, испытывавшего давление со стороны еретиков.

Сульпиция Севера историки иногда называют «величайшим историком, жившим в период между Тацитом и Данте»[214]. Свою хронику он начал словами, которые говорят о том, что он во многом был вдохновлен идеей истории «от сотворения мира» по образцу труда Евсевия Кесарийского[215]. Переходя от библейской и римской истории к событиям Поздней Античности, Сульпиций Север видел в распро-

[213] Sulp. Sev. Chron. Lib. II. Cap. 46.

[214] *Stein E.* Histoire de Bas-Empire. Vol. 1. Paris, 1959. P. 215.

[215] Sulp. Sev. Chron. 1.1: «Res a mundi exordio sacris litteris editas breviter constringere et cum distinctione temporum usque ad nostram memorim carptim dicere aggressus sum <...>».

странении арианства событие, которое заставляло его проникаться эсхатологическими ожиданиями. Он оценивал веру в догматы Ария как *perfidia*[216]. В частности, он описывал эпоху Илария из Пуатье (ок. 300 — ок. 368) как «тяжелую и опасную» из-за распространения арианства и других ересей[217]. В этом Сульпиций Север во многом следовал исторической концепции епископа г. Аква Флавия на Иберийском полуострове, борца против ариан, манихеев и присциллианистов Идация (ок. 400 — ок. 469). Этот епископ в своих стихах и в хронике видел в распространении ересей явный признак конца света[218]. В своем сочинении Сульпиций Север, как и его предшественник, отводил значительное место эсхатологизму как концепции исторического описания, заимствуя представления о ходе и конце времен из различных позднеантичных источников[219]. Но он заканчивал свою хронику, наполненную эсхатологическими мотивами и ссылками на библейские пророчества, темой победы Идация и его сторонников над еретиками[220]. Сульпиций Север видел в распространении арианства и других ересей разрушение устоявшегося миропорядка, который, как он считал, был восстановлен Идацием и другими оставшимися верными католичеству епископами.

Думается, что в концепции истории Сульпиция Севера действительно была центральная идея, и основывалась она на эсхатологических представлениях. Можно слить детали его видения прошлого воедино, если учесть, что в его сочинении много внимания уделялось драматическим событиям (как то: разрушению иерусалимского храма и преследованиям христиан). Распространение ересей, о которых Сульпиций Север много говорил, было одним из признаков приближающегося тысячелетнего царства. Данный факт свидетельствует о том, что в его хронологии начало V в. было временем эсхатологического перелома. Таким образом, это была действительно

---

[216] Sulp. Sev. Chron. Lib. 2. Cap. 38–40, 45.

[217] Ibid. Cap. 46: «Sequuntur tempora aetatis nostrae gravia et periculosa, quibus non usitato malo pollutae ecclesiae et perturbata omnia»; *Burrus.* The Making of a Heretic. P. 134.

[218] *Muhlberger S.* The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452. Leeds: University of Leeds Press, 1990: *Arce J.* El catastrofismo de Hydacio y los camellos de la Gallaecia // Los últimos romanos en Lusitania / eds. A. Velázquez, E. Cerrillo, P. Mateos. Cuaderno Emeritenses 10. Mérida: Los últimos romanos en Lusitania, 1995. P. 219–229.

[219] *Van Andel.* The Christian Concept of History. P. 99, 117–138.

[220] Sulp. Sev. Chron. 2.51.

христианская, а не светская концепция истории, но такая, в которой явление Христа было лишь одним из немногих событий в период между Ветхим Заветом и распространением ересей, т.е. знаком Второго пришествия.

Тем не менее следует учесть, что это была эсхатология, в которой Сульпиция Севера интересовало прежде всего значение знаков смены эпох для Галлии. Главный отрицательный эффект деятельности Присциллиана историк видел в том, что тот заразил южную часть Галлии своими верованиями. Таким образом, эсхатологическое распространение ересей для Сульпиция Севера было событием, происходившим вне Галлии. В то время как «Хроника» заканчивалась рассказами о непорядках в церкви, апокалиптическими картинами распространения ересей присциллианизма и арианства, «Житие св. Мартина», наоборот, создавало позитивный образ святого, способствовавшего распространению, как считал Сульпиций Север, правильного варианта христианства как в области догматики, так и в области церковной организации. Например, он писал, что строгость аскетической практики Мартина показывала, что и в Галлии есть достойные последователи монашеских идеалов[221].

Таким образом, можно заключить, что апокалиптические картины распространения ереси у Сульпиция Севера связаны в первую очередь с тем организационным и социальным хаосом, который они несли. Дело было не в конце света как таковом, а в том, что распространение маргинальных религиозных движений, представлявшихся внешне христианскими, но мало связанных с официальной структурой имперской кафолической церкви, вело к коллапсу не только церковной, но и социальной жизни. Поэтому Сульпиций Север так много сделал, чтобы превратить св. Мартина из непокорного аскета, борца и возможного основателя еретического движения в святого, чей образ стал идеалом для христианства галло-римской знати. Эсхатологизм этого позднеантичного историка ни в коем случае не следует понимать как знак принадлежности к радикальным кругам христианства. Он отражал обеспокоенность представителей галло-римской аристократии хаосом, который мог возникнуть в Галлии из-за неконтролируемого распространения массового, народного христианства и инородного влияния в виде арианской ереси,

[221] Sulp. Sev. Dial. Dial. II. Cap. 8, 2.

связанной с ростом готского влияния в Аквитании. Смысл апокалиптических ожиданий состоял в выработке методов противодействия факторам, которые могли подорвать сложившуюся в Галлии систему светской и церковной власти. В таком случае соотношение «Хроники», с одной стороны, и «Жития св. Мартина» и «Диалогов» — с другой, становится более понятным. Эти сочинения не противоречили друг другу, а, наоборот, были частью единой концепции христианской истории их автора. Так в ментальной карте человека Поздней Античности появилась христианская Галлия, свободная от ересей, раздиравших другие провинции, символом которой был св. Мартин.

Выводы

В настоящей главе доказывается, что уже в Поздней Античности в Галлии начали формироваться предпосылки для создания настоящего варварского королевства на основе синтеза галло-римских и варварских традиций. В ней показывается, как развитие средиземноморской культуры под эгидой римского политического господства привело в Поздней Античности к постепенной передаче власти императорским двором и его административной машиной в провинции, на которые императоры могли надежно опереться. В этих провинциях, как, например, в Галлии, формирование структур власти происходило в контексте тесного взаимодействия структур власти в империи и сложившихся на лимесе. Таким образом, основы синтеза средиземноморской и варварской, а точнее, пограничной культур были заложены с начала развития домината, и в это время в диоцезе Галлия как компактном политическом образовании появились как результат взаимодействия империи и провинциальной знати структуры власти, которые впоследствии дали возможность сформироваться королевству франков.

Процессы, запущенные императором Константином Великим и продолженные другими представителями балканских династий, имели непосредственное влияние на процесс формирования власти в Западном Средиземноморье, т.е. на Пиренейском полуострове и в Галлии. Значительным элементом трансформации структур власти Римской империи были реформы, которые последовали

в правление императора Константина Великого и его наследников. Представляя провинциальную знать Балкан, Константин и его окружение способствовали переносу гражданской и военной власти в провинции этого региона, что привело к перераспределению сил между центром и периферией. В ответ на возникновение нового центра власти другие диоцезы, такие как Галлия, стали по-другому относиться к имперской власти, а провинциальная знать и командиры легионов, расположенных в диоцезе, стали больше думать о стоящих перед ними задачах без привлечения сил императорского двора.

Положение дел в Галлии говорит о значительной регионализации интересов местного населения. Уже в III в. граждане империи из числа галло-римлян, жившие в городах, проявляли достаточную степень самостоятельности в ситуации, когда центральная власть не могла оказать им военную помощь. Население Галлии постепенно стало терять интерес к Римской империи. Вследствие этого целый ряд местных магнатов оказался не заинтересован в сотрудничестве и попытался установить свою власть без оглядки на императоров и их представителей. Однако в отличие от Британии, в Галлии ни одна из попыток узурпации не закончилась однозначным принятием узурпаторов галло-римским населением. Военачальники, которые пытались выступать от имени Рима в Галлии, опирались по большей части на солдат и не имели широкой поддержки со стороны населения. Багаудов же следует рассматривать как совершенно другой феномен, потому что их предводители никогда не претендовали на власть от имени Рима. Сознание жителей провинций Галлии, так же как и сознание самих правителей империи и их военачальников, оставалось достаточно консервативным. Таким образом, в Галлии сложился симбиоз универсальных римских и местных представлений, когда постоянное стремление к самостоятельности от двора в Милане, Париже, Трире и затем в Равенне сочеталось с принятием идеи империи как таковой и с попытками претендовать на имперский статус провинции, равной по значимости Италии.

В главе показывается, что в качестве отправной точки, с которой можно начинать отсчет процесса регионализации в сознании даже самых консервативно настроенных кругов Римской империи, можно считать время Аммиана Марцеллина, историка, подражавшего Тациту. В своей «Римской истории» ему удалось отразить все

противоречия в образе империи, появившиеся после создания тетрархии. В V в. процесс регионализации вошел в новую стадию. Римские полководцы высшего, сенаторского происхождения, видя неспособность центральной власти помочь им в борьбе с варварами на границах, стали брать власть в свои руки. В Галлии Аэций (396–454) собрал под своим командованием остатки римских легионов, галло-римское население и отдельных варваров с целью противостоять угрозе со стороны гуннов. Однако он не претендовал на то, чтобы стать императором или своей властью заменить Римскую империю, и по сей день большинство исследователей считают его верным римлянином. Однако через несколько десятилетий Эгидий, стремясь быть независимым от Римской империи и опираясь только на свой авторитет полководца, поступил уже более смело. Напрашивается вывод, что в Поздней Античности в сознании отдельных своих представителей Галлия стала особым регионом среди разнообразных и отличавшихся друг от друга областей западного Средиземноморья. Данные представления базировались на особой, как им казалось, истории Галлии и положении, которое отличало ее от других провинций Западной Римской империи. К IV в. распространились представления о структурном единстве Галлии как региона среди правителей Римской империи, галло-римских аристократов и части населявших ее народов. Однако чтобы понять, как формировался образ Галлии в Поздней Античности, следует обратить внимание на то, каким образом христианство повлияло на представления о единстве Римской империи.

В главе также показано, что изменения в восприятии светской власти и усиление регионального самосознания парадоксальным образом происходили на фоне появления новой религии, содействовавшей сплочению различных частей империи. Христианство, главной идеей которого являлись универсализм и отрицание региональных и этнических традиций, способствовало объединению населявших империю народов в ином смысле — как приверженцев новой религии. Важной исследовательской проблемой становится вопрос о том, какой эффект имело для процесса формирования регионального самосознания отдельных провинций Римской империи распространение новой религии.

К концу V в. жития святых потеснили имперские панегирики. Однако жития создавали свой собственный мир, в котором идеалы

пустынничества часто сочетались с весьма радикальной социальной программой, обращенной к низам общества. Для превращения Мартина в «галльского» святого, который был бы понятен обращавшейся в христианство аристократии, потребовалось немало изменений в его историческом образе. В частности, связующей нитью между таким весьма нетрадиционным проповедником, как Мартин, и аристократами Сульпицием Севером и Паулином Ноланским стал Кларус, молодой человек аристократического происхождения («adulescens nobilissimus»), которому пример Мартина помог обратиться в христианство. Так, образ нетипичного и противоречивого святого был адаптирован ради большей привлекательности для галло-римской знати. В отличие от исторического Мартина, который стремился нести религию в народ с помощью чудотворных деяний, Мартин в трактовке Сульпиция Севера стал проводником аристократической линии в христианстве и конкретно символом особой формы аристократического аскетизма, характерного в тот момент только для Галлии. Несмотря на то что святой Мартин был родом из Паннонии и никогда не входил в круг местной знати, его образ, созданный Сульпицием Севером, был идентичен образу галло-римского аристократа. В итоге образ св. Мартина стал более востребованным в среде галло-римской знати, которая превратилась в основной социальный слой, способствовавший распространению христианства.

В конце V в. многие епископы галльских городов сделали попытку опереться на культы местных святых, получивших распространение в предшествующий период. Напрашивается вывод о том, что в начале V в. в церкви Галлии началось движение к обособлению от общего средиземноморского наследия и формированию собственно местной, галльской церкви. В рамках этого процесса многие из деятелей христианства, жившие в Галлии II–IV вв., стали малоинтересны для христиан V в., которые обратили внимание на прошлое только для того, чтобы выбрать из всех имеющихся вариантов наиболее близких к ним по социальному статусу и политике епископов и монахов. Более того, цивилизационные сдвиги Поздней Античности привели в Галлии к формированию особого взгляда на христианство и церковь в связи с процессом регионализации провинциального общества. В числе прочего в трудах Сульпиция Севера прослеживается тенденция к регионализации религиозной культуры, к появлению

своего рода «галльского христианства». В рамках этого процесса историк попытался найти в истории религии те фигуры, которые, как ему казалось, могли в наибольшей степени послужить региональным особенностям развития церкви.

Исследование источников показало сходство процессов, которые происходили в организации светской власти и в структурах власти христианского сообщества. Изначально епископат Галлии был в значительной степени включен в структуры власти империи и чувствовал себя частью имперской церкви. Иларий из Пуатье участвовал в догматических спорах, в которые в равной степени вовлеклись епископат и общины как Востока, так и Запада империи, и был весьма влиятельным человеком для формирования общего мнения епископата в отношении ключевых аспектов христологии IV в. Однако в V в. епископат Галлии стал терять интерес к сюжетам, которые имели значение как для западного, так и для восточного Средиземноморья, и стал концентрироваться только на тех процессах, которые имели отношение к этому диоцезу. Положение в качестве главенствующего лица в догматическом споре, имевшееся у Илария из Пуатье, уже не прельщало епископов V в., которые всё больше отвращали свои взгляды от Италии и даже в каком-то смысле от Средиземноморья. В главе показано, что содержание исторических сочинений этого периода, таких как «Хроника» Сульпиция Севера, свидетельствует о том глубочайшем разрыве, который образованные люди и знать на Западе Средиземноморья видели между миром Римской империи и новым миром, очертания которого пока еще только вырисовывались. Апокалиптические картины распространения ереси у Сульпиция Севера связаны в первую очередь не столько с его религиозностью или с распространением ереси как таковой. Этот историк много сделал, чтобы превратить св. Мартина из непокорного аскета, борца и возможного основателя еретического движения в святого, чей образ стал идеалом для христианства галло-римской знати. Эсхатологизм этого позднеантичного историка ни в коем случае не следует понимать как знак принадлежности к радикальным кругам христианства. Труд Сульпиция Севера отражал обеспокоенность представителей галло-римской аристократии хаосом, который мог возникнуть в Галлии. Смысл апокалиптических ожиданий состоял в выработке методов противодействия факторам, которые могли подорвать сложившуюся в Галлии систему светской и церковной власти. Таким

образом, в V в. образованные люди хорошо чувствовали конец одной эпохи и приближение другой. Образованные люди в Галлии, жившие в V в., прошли через мировоззренческий исторический перелом, отойдя от эсхатологической картины тщетной борьбы с ересями (как это было у Сульпиция Севера) к картине новой Галлии, в которой проблема ересей ушла на второй план, а современная история виделась как новое начало.

Глава 2

Reges et rhetores: Меровинги глазами историков и рецепция античных традиций историописания

2.1. «Абсолютизм» Хлодвига и основание франкского королевства

2.1.1. История исследования франкского королевства в Раннее Новое, Новое и Новейшее время

С Раннего Нового времени, когда осмысление средневекового прошлого стало необходимым этапом в процессе создания и легитимации образа сначала ренессансной, а затем и абсолютной монархии, историки неоднократно обращались к истории королевства франков в период правления королей Меровингской династии. Процесс формирования концепции истории королевства франков в Раннее Новое время занял достаточно долгий период, прошел через несколько стадий и в результате привел к созданию не одной, но ряда точек зрения на самые важные вопросы истории этого периода. Вопросы о взаимоотношениях Римской империи, галло-римской аристократии, военной знати лимеса и варваров, как служивших Римской империи в каком-либо качестве, так и совершенно с ней не связанных, поднимались историками неоднократно и рассматривались подчас с совершенно разных точек зрения[1]. Историк-гуманист Беат Ренан (1485–1547) отмечал, что хотя франки сражались под римскими знаменами, они продолжали оставаться германцами, чье королевство занимало достойнейшее место в ряду других варварских королевств,

---

[1] *Kelley D. R.* Foundations of Modern Historical Scholarship: Language, Law, and History in the French Renaissance. New York: Columbia University Press, 1970; *Старостин Д. Н., Кулешова Е. В.* 1) Проблема прихода к власти Меровингов в трудах французских эрудитов XVI в. сквозь призму истории о Хильдерике // Молодой ученый. 2015. Т. 13. С. 551–556; 2) Французские историки XVI в. о начале истории королевства франков: публикация глав о приходе к власти короля Хильдерика (ум. 481/482) из сочинений Бернара Дюгайяна (1535–1610) и Клода Фоше (1530–1602) // Молодой ученый. 2015. Т. 17. С. 402–412.

и подчеркивал, что именно они составили в Средневековье костяк французской знати. Он писал: «Затем франки сражались под знаменами римских легионов. Ведь [Аммиан. — *Д. С.*] Марцеллин пишет в 15-й книге, как Маларик, Фрам и Сильван, которых он назвал командующими пешими отрядами, захватив титул цезаря в правление Констанция, сына Константина Великого, были захвачены под Кёльном в христианской церкви. Считаю, что можно утверждать на основании всех свидетельств древних авторов, что вначале франки занимали в качестве места проживания регион, который находится на левом берегу Рейна. Скорее всего, их можно считать чистыми германцами. Многими подтверждается также и другое место обитания франков, что известно из изучения распространения языков. Эти варвары создали самое достойное государство в Галлии, которое достойно постоянного восхваления от Германии, которое они держали многие столетия и жителями которого они потом стали. И сегодня среди жителей Галлии франки считаются знатнейшими, как это и есть сейчас»[2].

Ф. Отман (1524–1590) обратился к истории королевства франков в правление Меровингов с целью показать роль представительной монархии в истории Франции. Он указал на значение собраний франкской знати как центрального элемента системы власти, подчеркивал выборность королей и отмечал, что важнейшим признаком королевской власти было право носить длинные волосы, символизировавшие высокое происхождение[3]. Его главной задачей было отделить коро-

---

[2] *Beatus Rhenanus.* Rerum Germanicarum libri tres. Basel: *Froben,* 1531. P. 59: «Porro militarunt etiam Franci sub signis Romanis. Nam Marcellinus libro XV nominat Malarichum Framum et Sylvanum pedestris militiae rectorem, qui Caesaris nomen usurpans sub Constantio Constantini filiis interemptus est apud Coloniam Agrippinam in sacello Christiano. Puto iam satis constare ex totum autorum testimoniis, ubi primas sedes suas Franci habuerint, quam regionem post invaserint dextram Rheni ripam inhabitaturi. Constat praeterea puros putos Germanos fuisse. quod alio loco magis confirmabitur, ubi de lingua francorum disputabimus. Isti vero Barbari nobilissimum in Galliis regnum constituerunt, quae perpetua Germanorum laus est, multisque seculis tenuerunt, donec paulatim absorberentur. At inter Gallos hodie ut quisque procerum plus Francici sanguinis a maioribus suis habet, ita regno sit propior».

[3] *Hotman F.* Franco-Gallia. Génève: *Ex officina Iohannis Bertulphi i.e. Jacob Stoer,* 1574. Cap. XI: «Франки по обычаю некоторых народов выбрали себе короля Фарамунда, которому наследовал сын Хлодион длинноволосый, потому что в те времена франки выбирали длинноволосых королей. <...> Не то чтобы франкским королям надо было заботиться постоянно о волосах, ведь они с детства оставались нестриженными и имели значительную прическу, спадавшую на спину. <...>» «Regem vero ceterarum more

левскую власть от власти «представительских органов» (на тот момент еще реально не существовавших) и показать ее ограниченность.

А. де Буленвилье (1658–1722) развил точку зрения своих предшественников и довел ее до логического завершения. Он рассматривал франкскую знать как правящий слой и основу королевства, обладавшую исключительными привилегиями входить в королевский совет и занимать важные должности, а галло-римлян как подчиненное, зависимое население. В его сочинении мы можем найти упоминание о том, что франки, как новые захватчики, заняли все государственные должности и стали во главе военных отрядов, потому что галлы были отлучены от возможности это делать ранее[4]. Он подчеркнул, что к власти пришли самые знатные из франков, потому что простые «солдаты» не могли оказать существенного влияния на управление[5]. В ответ аббат Ж.-Б. Дюбо (1670–1742) сформулировал свою концепцию, показав, что франкские короли пользовались неограниченной наследственной властью. Тем самым он отверг идею «военной демократии» как основы франкского королевства. Однако он оставил в стороне вопрос о том, наследницей каких традиций была эта власть в большей степени — римских или же варварских. Чтобы доказать свой тезис, Ж.-Б. Дюбо отказался считать Салическую правду действующим примером королевского законодательства и признавал ее только записью

---

nationum Franci sibi eligentes, Faramundum folio sublimant regio, cui filius successit Clodio crinitus, illo enim tempore Francorum Reges criniti habebantur. <...> Neque enim Francorum regibus coma carere licet, sed a pueris intonsi permanerent et profusum capillitium, atque in tergum reiectum habent. <...>».

[4] *De Boullainvilliers C.* Essai sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732. P. 16: «Car ces nouveaux Conquerants leur ôterent bien-tôt toutes les Magistratures et leur défendirent expressément l'exercise des armes. <...> Car en general les Gaulois naturels ne pouvoient gueres aimer un Gouvernement dont leur Nation étoit exclu» (Потому что эти новые завоеватели ненавидели любые институты власти (magistratures) и открыто защищали права свободного пользования оружием. <...> Поэтому галлы не стремились к власти, поскольку они были ее лишены).

[5] *De Boullainvilliers.* Essai sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. P. 26: «En effet les simples soldats n'étoient point capables de servir de conseil aux Princes, ni de remplir les grands emplois, encore moins les fonctions de la Magistrature, mais d'ailleurs les moindres particuliers avoient lieu de se consoler, en ce qu'ils partageoient avec les plus distingués l'honneur de la Conquête» (Потому что простые солдаты были лишены возможности служить в совете при князьях или занимать какие-либо другие должности и имели еще меньше возможностей быть магистратами, но у них были свои возможности себя утешить в том, что они делили с аристократией честь завоевания).

устной традиции. Он писал, что наследственные монархии опираются на закон наследования, который считается самым основательным и надежным[6]. Своего рода промежуточный итог по возникшему спору подвел Ш. Монтескье (1689–1755), опровергший идею о существовании у франков абсолютной королевской власти. В отличие от своих предшественников, которые говорили об ограниченности королевской власти, тем самым указывая на господство у франков германских порядков и преобладание интересов знати над интересами королей, он подчеркнул, что слабость королевской власти была обусловлена тем, что франки значительно романизировались, проникнув в Галлию[7]. Данные подходы к политическому и социальному устройству королевства франков в период правления династии Меровингов на сегодняшний день выглядят наивными, хотя именно их создателями впервые были высказаны некоторые идеи, используемые и по сей день.

В спорах о «варварстве» и «цивилизации», сопровождавших отмену «Священной Римской империи германской нации» Наполеоном в 1806 г., и в процессе поиска новых путей развития Европы в ситуации острой конкуренции цивилизационных моделей после Венского конгресса (1815 г.) история королевства франков стала одним из важнейших сюжетов для исследования. Однако в большинстве случаев сиюминутность концепций и их полемический характер приводили к столкновениям полярных взглядов касательно причин падения Римской империи на Западе и характерных особенностей новых варварских королевств, образовавшихся на ее обломках. Среди работ XIX в., задавших принципы и поставивших задачи исследования истории франкского королевства в рамках исторической парадигмы

---

[6] *Dubos J.B.* Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Paris: *Osmont,* 1734. Vol. 3. P. 259: «Personne n'ignore que dans les Monarchies héréditaires on appelle Loi de succession, la Loi qui regle la succession à la Couronne, et qu'on y regarde avec raison comme leur plus ferme soutien, parce qu'empêchant les interregnes, et dispensant des élections» (Нельзя игнорировать тот факт, что в наследственных монархиях при смене власти призывается на помощь устоявшийся принцип наследования. Закон, который управляет принципом передачи короны и который рассматривается как самый твердый принцип, потому что он упрощал междуцарствия и помогал устранить необходимость выборов).

[7] *Montesquieu C.S.* De l'esprit des lois, ou du Rapport que les loix doivent avoir avec la constitution de chaque gouvernement, les moeurs, le climat, la religion, le commerce etc. 3 vols. Généve: Barillot & fils, 1748. Ch. 30.

эпохи позитивизма, можно назвать ряд исследований, положения которых стоит разобрать более детально.

О. Тьерри в своих сочинениях в значительной мере заложил основу для современной концепции романо-германского синтеза, которая была выработана в споре с одним из представителей «германистского направления» А. Рогге[8]. Юрист и историк права, продолжатель исторического подхода одного из создателей и вдохновителей «немецкой истории» Г. Конринга (1606–1681), А. Рогге сделал попытку показать, что Римская империя и римская цивилизация не могли иметь значительного влияния на германское общество, так как правовые принципы, на которых было организовано последнее, по свободе и уважению к правам личности во многом превосходили правовой «диктат» Римской империи. В полемике со своим немецким коллегой О. Тьерри признал Хлодвига успешным правителем, объединившим галло-римлян и франков, но одновременно представил его (и, по ассоциации, его сыновей и внуков) не более чем «игрушками» в руках католического епископата, подчеркнув таким образом внутреннюю противоречивость процесса «романо-германского синтеза»[9]. Например, в своих «Рассказах из времен Меровингов» французский ученый красочно описывал четырех сыновей короля Хлотаря как настоящих варваров[10]. Вклад О. Тьерри в формирование отношения к меровингской истории как к периоду господства варварства был отмечен и рецензентами его работ в России[11]. Ф. Гизо утвердил мнение о варварстве меровингской истории, обратившись к варварским правдам. Однако он подчеркнул, что «свобода», которая, по мнению представителей «германистского» направления, являлась главнейшей позитивной чертой в варварском быте, принципиально отличавшей его от «деспотизма» Римской империи, была не более чем господством грубой силы. Обратившись к нарративным сочинениям и, в частности, к «Истории» Григория Турского, Ф. Гизо подчеркнул, что в варварском обществе

[8] *Rogge K.A.* Über das Gerichtswesen der Germanen: Ein germanistisches Versuch. Halle, 1820. P. 19–36.

[9] *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1856. P. 86; *Тьерри О.* О характере германских завоеваний Галлии и состояние побежденных туземцев // История Средних Веков / под ред. М. М. Стасюлевича. М., 1999. С. 301–303.

[10] *Тьерри О.* Рассказы из времен Меровингов. СПб., 1892. С. 12–14, 16.

[11] [Рец. на:] Разсказы о временах Меровингов / Сочинение Огюстена Тьерри. СПб., 1848 // Отечественные записки. Раздел VI. Библиографическая хроника. Т. 58. №5–6. 1848. С. 18.

господствовали лживость и обман и, следовательно, его нельзя считать обладающим более справедливой социальной организацией, чем Римская империя[12]. К концу XIX в. концепция О. Тьерри стала хрестоматийной в европейской науке, доказательством чего служат сочинения Целле, развернувшего тезисы своего предшественника и красочно описавшего Хлодвига как варварского короля[13]. Таким образом, «Рассказы из времен Меровингов» О. Тьерри и сочинение Ф. Гизо вкупе с «Историей» Григория Турского определяли объем знаний об этой эпохе каждого европейца, закончившего гимназический курс. С этим грузом школьной премудрости и предрассудков будущие исследователи приходили на университетскую скамью, а иногда сохраняли их и на протяжении всей академической карьеры.

Историки эпохи романтизма, О. Тьерри и Ф. Гизо, внесли значительный вклад в исследование меровингской истории, обозначив ряд основных тем, которые определили последующую историографию вопроса. Так, в «Рассказах из времен Меровингов» О. Тьерри уделил много внимания ярким эпизодам истории франкского королевства в VI в., обделив вниманием позднемеровингский период. В результате именно ранняя история меровингского королевства, отраженная в «Истории» Григория Турского, стала вызывать наибольший интерес исследователей и широкой публики. Период VII – первой половины VIII в. (т. е. события, изложенные в четвертой книге «Хроники» Фредегара, в сочинении его Продолжателя и в Liber historiae francorum) стал для О. Тьерри и его последователей лишь продолжением тех тенденций, которые были заложены ранее[14]. В наши дни романтическая психологизация истории Меровингского королевства франков, попытки увидеть психологические особенности поведения франков и галло-римлян вызывают скептическое отношение.

Во второй половине XIX в. к исследованиям по истории Меровингского королевства добавились работы Ф. Дана и Г. Зибеля[15]. Особую группу составили специальные работы по истории права, напи-

---

[12] *Гизо Ф.* О характере Салического закона // История Средних веков / под ред. М. М. Стасюлевича. СПб., 1999. С. 324–325.

[13] *Zeller J.* Entretiens sur l'histoire du moyen âge. Vol. 1.1. Paris, 1893. P. 310–312.

[14] *Тьерри.* О характере германских завоеваний. С. 305.

[15] *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Vol. 7. Leipzig, 1894; *Sybel.* Entstehung des deutschen Königthums.

санные в рамках традиций основанной Ф. К. фон Савиньи немецкой «Rechtgeschichtliche Schule» и ее подражателями во Франции. Среди многих работ этого историко-правового жанра основными и оказавшими наибольшее влияние являются труды Вайца, Боше, Глассона и Виолле[16]. На страницах данных трудов развернулась полемика о римском или германском характере правовых установлений в королевстве франков. Прийти к однозначным выводам исследователям так и не удалось.

В 1875 г. появился труд Н. Д. Фюстеля де Куланжа, заложивший фундаментальные основы идеи «романо-германского синтеза» и ставший классическим. Фюстель де Куланж фактически создал и по сей день используемый в научной литературе образ меровингской Галлии[17]. Он подчеркнул фундаментальный характер оставшихся в Галлии от периода Римской империи социально-экономических и политических порядков в меровингский период и настаивал на том, что их смена произошла только с приходом к власти королей из династии Каролингов. Как верно отметил отечественный историк начала XX в. И. М. Гревс, он был представителем эволюционного подхода, считая, что позднеантичные порядки возникли в результате синтеза средиземноморского уклада и цивилизации Северной Европы, в частности так называемой «кельтской», а затем этот результат был снова адаптирован, когда варвары лимеса стали постепенно интегрироваться в системы власти Римской империи. Столь точная формулировка отечественного исследователя не просто передает основной тезис работы французского автора, а на самом деле вносит совершенно новый смысл и углубляет его идею. Фактически авторство тезиса об эволюции организации власти Рима в Средиземноморье и ее адаптации то к одной, то к другой ситуации нужно приписать И. М. Гревсу. Тогда стоит обратить внимание, что процесс формирования королевства франков нужно воспринимать не только как результат взаимодействия римской и германской цивилизаций, но как часть более глобального процесса взаимодействия Средиземноморской

[16] *Waitz.* Deutsche Verfassungsgeschichte; *Beauchet L.* Histoire de l'organisation judicaire en France. Époque franque. Paris: A. Rouseau, 1886; *Glasson E.* Histoire du droit et des institutions de la France. Vol. 2. Paris: Pichon, 1888; *Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. 3 vols. Paris: L. Larose et Forcel, 1890.

[17] *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 1.

и варварской цивилизаций и как следствие формирования в регионах Европы своих региональных культур[18].

Современная наука не раз обращалась к этим, заданным еще в XIX в. парадигмам исследования королевства франков. По сей день продолжают выходить работы, посвященные истории королевства франков и сочетанию в нем античных и средневековых, римских и варварских элементов[19]. Однако представляется, что на этом следует прекратить экскурс в историю формирования представлений о переходе от Античности к Средневековью в XIX в. и обратиться к тому, как в научных исследованиях второй половины XX — начала XXI в. отразились главные сюжеты этого периода, а именно к появлению франков в Галлии, к росту их влияния в V в., к формированию в их среде предводителей нового типа, а также к формированию новой практики власти, в которой в равной степени смешались амбициозные цели и задачи, обычно ставившиеся императорским двором, их адаптация на местах гражданскими и военными представителями империи и реакция на это со стороны военных предводителей варваров, находившихся как на территории Римской империи, так и за ее пределами.

В частности, в отличие от исследований более раннего периода, во второй половине XX в. исследователи обратили внимание на последние полтора столетия правления Меровингов (653–751 гг.) в поисках ответа на вопрос об отсутствии или наличии преемственности античных и римских традиций в его истории и культуре. Эпоха постепенного усвоения Меровингами политической культуры Галлии в поздний период их правления (VII в.), а точнее время все большего сотрудничества и поиска компромисса с церковью, считалась временем правления «слабых», или «ленивых» королей («rois fainéants»), которым не хватало «доблести» бороться за власть так, как это делали Хлодвиг, его сыновья и внуки. Первым высказал эту точку зрения Григорий Турский, который парадоксальным образом противопоставлял «сильного» Хлодвига, устранившего всех своих конкурентов, его «слабым» сыновьям и внукам, постоянно конфликтовавшим,

---

[18] *Гревс И.М.* Фюстель де Куланж, Нюма Дени // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 36а. СПб., 1902. С. 940–941.

[19] Например, можно выделить специальную справочную работу, посвященную именно теме наличия в истории королевства франков меровингского периода наследия средиземноморской цивилизации: *Kaiser R.* Das Römische Erbe und das Merowingerreich. München, 2004.

но не сумевшим столь же радикальными способами преодолеть раздор в семье[20]. Среди исследователей XX в., разделявших эту точку зрения, можно назвать авторов фундаментального труда по истории раннего Средневековья Ф. Лота, Ш. Пфистера и Ф. Гансхофа[21] и выдающегося историка меровингской эпохи Е. Эвига[22]. Пристрастная оценка Меровингов Эйнхардом и другими каролингскими историками нашла свое отражение и в историографии XIX–XX вв., в рамках которой события, приведшие к смене династии в 751 г., рассматривались как результат династического кризиса. Исследователи XIX–XX вв., как правило, считали эту эпоху «самой темной страницей Средневековья»: «...zu den dunkelsten Epochen der mittelalterlichen Geschichte gerechnet worden mussen»[23].

Однако были и другие точки зрения, которые превратили «мрачную» картину последних полутора столетий правления Меровингов в период, достойный изучения с тех же точек зрения, что и «триумфальное» для некоторых исследователей (и для Григория Турского как основателя этой исторической парадигмы) правление Хлодвига. Период с середины VI в. и до конца существования меровингской династии в 751 г. в историографии XIX–XX вв. некоторые историки стали считать временем постепенной «романизации» франков. А. К. Мюррей, изучая порядки наследования во франкском королевстве, показал, что в этой специфической области социально-экономических отношений можно скорее наблюдать «варваризацию», нежели постепенную адаптацию к позднеантичной культуре[24]. Стоит отметить новаторство этого подхода в сравнении с более традиционными подходами европейских, в первую очередь немецких исследователей, которые рассматривали процесс романо-германского синтеза только на примере правления Хлодвига[25].

---

[20] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio.

[21] *Lot F., Pfister C., Ganshof F. L.* Histoire du Moyen Âge. Paris, 1928. Vol. 1. P. 319–325.

[22] *Ewig E.* Die fränkische Teilreiche im 7. Jahrhundert (613–714) // Ewig E. Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Ostfildern, 1976. Bd. 1. S. 174. (Beihefte zu Francia. 3).

[23] *Ewig E.* Noch einmal zum 'Staatsreich' Grimoalds // Speculum historiale: Geschichte im Spiegel von Geschichtsschreibung und Geschichtsdeutung / hrsg. von C. Bauer, L. Böhm, M. Müller. Freiburg, 1965. S. 454–457.

[24] *Murray A. C.* Germanic Kinship Structure: Studies in Law and Society in Antiquity and in the Early Middle Ages. Toronto, 1983. (Studies and texts. 65).

[25] *Kaiser.* Das Römische Erbe. S. 100–108.

Это только два самых ярких и полярных примера работ, посвященных теме адаптации франков к условиям Галлии как бывшей римской провинции и последующей трансформации их власти в контексте распада средиземноморской цивилизации в результате прихода мусульманской цивилизации. Таким образом, среди многих поставленных в меровингской историографии вопросов следует назвать один, и поныне остающийся дискуссионным. Речь идет о периодизации процесса романо-германского синтеза, которая вызвала разногласия и доныне не является унифицированной[26]. Здесь следует вкратце отметить, что в целом эта концепция претерпела за период с середины XIX до конца XX в. значительные изменения, что оказало заметное влияние на исследования меровингского периода.

Отечественные медиевисты рассматривали проблему власти в королевстве франков, опираясь на формационный подход. Так, в своей работе, посвященной раннесредневековой государственности, А. Р. Корсунский показал, что в данный период существовало явление, которое можно назвать «демократией знати», и что раннесредневековые королевства не были еще «государствами» в полном смысле этого слова[27]. Интересен тезис А. И. Неусыхина о том, что в раннесредневековый период общество было «дофеодальным», т.е. таким, в котором еще не было значительных классовых противоречий, и большинство населения составляли свободные[28]. Следует заметить, что хотя оба упомянутых исследователя не дали точной периодизации времени существования «догосударственного», «дофеодального» периода, судя по приводимым ими источникам, они относили его ко всей эпохе Меровингов в той части своей аргументации, которая касалась Галлии.

---

[26] Как будет показано далее, данная проблема интересна не сама по себе: она позволяет поставить ряд вопросов в отношении оценки меровингского периода. Ключевым моментом при ее решении является выявление значимости историографических традиций для раннесредневекового историописания и, соответственно, вопрос о достоверности исторических сочинений этого периода. Подробнее взаимосвязь этих двух аспектов изучения меровингской эпохи будет очерчена далее.

[27] *Корсунский.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. С. 154, 162.

[28] *Неусыхин А.И.* 1) Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87; 2) Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (Тезисы доклада) // Средние века. 1968. Т. 31. С. 45–48.

В результате сложилось следующее представление о процессе формирования структур власти в Меровингском королевстве. VI и первая половина VII в. считались временем максимальных успехов франков и их правителей, эпохой расцвета династии Меровингов, короли которой распространили свое влияние не только на всю Галлию, но даже на земли к востоку от Рейна. О «гегемонии франков в Европе» уже в эпоху сыновей Хлодвига говорит, например, фундаментальное исследование первой четверти XX в.[29] О распространении влияния Меровингов и характерных для меровингского королевства форм административной организации к востоку от Рейна свидетельствует целый ряд исследований[30]. Этот период считался временем, когда меровингские короли, оставаясь варварами и успев лишь внешне проникнуться галло-римским духом, тем не менее смогли утвердиться в качестве единственных правителей Галлии, провинции, которая при всех оговорках может считаться в значительной степени романизированной. Но последующий период исследователи рассматривали как время ослабления франкской монархии, которая, становясь всё более романизированной, теряла свою мотивацию и новизну, что и привело в итоге к смене династии Меровингов майордомами, ставшими основоположниками династии Каролингов.

Исповедуя подобные взгляды, историки Нового времени следовали традиции, сложившейся еще в каролингскую эпоху. Так, Эйнхард видел в предшественниках своих каролингских покровителей слабых, «длинноволосых» властителей, «влекомых в повозках волами». Кроме «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда, где эта точка зрения прослеживается наиболее ярко, схожие трактовки также характерны для «Первых анналов Меца» («Annales mettenses priores») и для каролингских редакций «Хроники» Продолжателя Фредегара[31]. Таким образом, во многих исторических сочинениях франкской эпохи мы

[29] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 209.

[30] *Butzen R.* Die Merowinger östlich des mittleren Rheins: Studien zur militarischen, politischen, rechtlichen, religiosen, kirchlichen, kulturellen Erfassung durch Königtum und Adel im 6. sowie 7. Jahrhundert. Würzburg: Freunde Mainfränkischer Kunst und Geschichte, 1987. (Mainfränkische Studien. 38); *Sprandel R.* Der merovingischer Adel und die Gebiete östlich des Rheins. Freiburg im Breisgau, 1957. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte. 5).

[31] Einhard. Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1911. Cap. 1. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 25).

уже находим картину династического кризиса, постепенного упадка власти Меровингов во второй половине VII в. и выражение нараставшего чувства потери этой династией легитимности и превращения ее представителей в тиранов. Например, одна из каролингских редакций «Хроники» Продолжателя Фредегара сообщала, что вдова Хлодвига II Балтхильда стала «угнетать франков», т. е. перестала быть их легитимной правительницей, а ее малолетний сын Хлотарь, права которого она защищала, возможно, даже не был меровингских кровей, являясь на самом деле сыном майордома Эброина[32]. Понятно, что данная версия содержится в более поздней, каролингской рукописи.

Только в конце XX в. в историографии, посвященной данной проблеме, появился ряд исследований, которые подвергли сомнению тезис о королях VII и начала VIII в. как о «слабых» или «ленивых» правителях, и тем самым сделали вновь актуальным вопрос о процессе перехода от Античности к Средневековью на примере королевства франков. Современные историки подчеркнули сложный характер второго периода правления Меровингов и тот факт, что это столетие власти фактически далось им огромными усилиями[33]. Р. Гербердинг аргументированно показал, что даже поздние короли этой династии вполне успешно выполняли роль посредников между различными властными группами[34]. Он сравнил картину, нарисованную Эйнхардом, с описанием данной эпохи в центральном для позднемеровингского периода историческом сочинении «Liber historiae francorum». Сопоставление выявило явные противоречия в двух картинах позднемеровингской Галлии: если для Эйнхарда меровингские короли после 653 г. были «ленивыми», то современник событий, каким являлся автор «Liber historiae francorum», не чувствовал ослабления власти последних меровингских правителей. Даже когда в 673 г. нейстрийская знать сместила Теодериха III, причиной чему было резкое недовольство майордомом Эброином, который фактически подчинил себе данного короля, и призвала ему на смену его двоюродного брата Хильдерика II, то для автора «Liber historiae francorum» данное событие послужило доказательством того, что основой франкской политики

[32] Fred. Chron. Cap. 2.

[33] *Kölzer T.* Die letzten Merovingerkönige: rois fainéants? // Der Dynastiewechsel von 751. Vorgeschichte, Legitimationsstrategien und Erinnerung / hrsg. von M. Becher, S. Dick. Münster, 2004. S. 33–59.

[34] *Gerberding.* The Rise of the Carolingians. P. 76.

был поиск согласия[35]. Когда в областях, удаленных от Нейстрии (таких как Аламанния, Бавария и Аквитания), бывшие меровингские графы стали постепенно забирать всё больше власти[36], автор «Liber historiae francorum» тем не менее не увидел в этом угрозы позициям меровингской династии[37]. Исследование Гербердинга показало, что с течением времени франкское королевство не только не «варваризировалось», но и, наоборот, восприняло политическую практику поздней Римской империи, а короли и их окружение научились не просто править силой, но и ловко маневрировать, как самые настоящие римские «царедворцы»[38]. Эту точку зрения разделил ряд исследователей[39]. Более того, некоторые историки в последнее время подчеркнули значимость символического капитала, заключенного, в частности, в их прическах, который Меровинги поддерживали в течение всего периода их правления для укрепления их власти[40].

Таким образом, на данный момент попытки выявить элементы специфически римского или германского уклада могут считаться наивными порождениями политических воззрений европейских ученых эпохи становления национальных государств в Европе XIX в.[41] Данную точку зрения подтверждают и археологические исследования, которые показывают, что на лимесе Римской империи и в регионах, непосредственно к нему примыкающих, сформировалась однородная материальная культура, в которой не было большой разницы между собственно варварами, теми из них, кто стал федератами, и солдатами

---

[35] *Gerberding.* The Rise of the Carolingians. P. 75–76.

[36] *Werner K.F.* Les principautés périphériques dans le monde franc du VIIIe siècle // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. 20. Spoleto, 1972. P. 505, 513; *Rouche M.* L'Aquitaine des Wisigoths aux Arabes (418–781): Dissertation. Lille, 1977. P. 94.

[37] *Gerberding.* The Rise of the Carolingians. P. 113.

[38] *Hannig J.* Consensus fidelium: frühfeudale Interpretationen des Verhältnisses von Königtum und Adel am Beispiel des Frankenreiches. Stuttgart, 1982. S. 227–237. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters. 27).

[39] *Fouracre.* 'Placita'. P. 36; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 56.

[40] *Diesenberger M.* Hair, Sacrality and Symbolic Capital in the Frankish Kingdoms, Section // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts / hrsg. von R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reimitz. Leiden, 2003. P. 173–227. (The Transformation of the Roman World. 12).

[41] *Werner K.F.* La 'conquête franque' de la Gaule: Itinéraires historiographiques d'une erreur // Bibliothèque de l'école des chartes. 1996. Vol. 154. P. 7–46; *Kaiser.* Das Römische Erbe. S. 110.

римских легионов. В современной археологии примером такой области является «регион Рейна — Везера»[42]. Новейшие научные методики позволяют историкам заново поставить вопрос о мировоззрении и самосознании тех, кто мог лично наблюдать становление раннесредневековых королевств, и изучить систему их ценностей и воззрений, пытаясь отделить шаблоны позднеантичного мировосприятия от той реальной картины, которую наблюдали очевидцы. Итак, в данном исследовании мы обратимся к образам власти, которые создавались современниками — историками и учеными монахами, и в особенности рассмотрим, в каких категориях они, сопричастные этому процессу, мыслили переход от Античности к Средним векам и как адаптировали образы власти к новым условиям. Таким образом, нас будет интересовать процесс рецепции позднеантичных концепций власти во франкском королевстве и то, как образованные люди Раннего Средневековья адаптировали существовавшие еще в Поздней Античности представления и как расставляли акценты для выражения своей точки зрения по данному вопросу.

Основным предметом исследования станут несколько важных аспектов образа власти франкских королей: «абсолютная» и противостоящая «военной демократии» и племенным традициям власть короля (т.е. феномен, который передается в немецкой историографии как Grosskönigtum), представления о королевской династии и о принципах передачи власти, наличие «священных» элементов в образе короля и образ короля как верховного судьи. Эти аспекты будут рассмотрены в соответствующих главах настоящего труда.

2.1.2. Григорий Турский: Становление королевства франков в историографической традиции

Образы и способы репрезентации королевской власти у франков в период до создания Хлодвигом королевства следует рассматривать в числе центральных проблем раннесредневековой истории. Но ее исследование сталкивается с тем, что ключевых событий в предыстории королевства франков немного. Уже в V в. современники наблюдали проникновение значительного числа варваров в Галлию. С их

[42] *Schmauder.* The Relationship between Frankish Gens and Regnum. P. 306; *Казанский М.М., Перен П.* «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии. 2014. №234. С. 262–286.

точки зрения, этот захват отличался от разрушения Рима свевами, аланами, вандалами и затем готами в 406/410 г. или перехода части земель в Испании вандалам. Сальвиан Марсельский (род. ок. 400–405) считал, что Галлия была затоплена варварами, «Inundarunt Gallae gentes barbarae», однако Рим был просто осажден и взят («Obsesse est urbs Roma et expugnata»), а Иберийский полуостров стал местом переселения варваров («Transcenderunt in Hispaniae terras populi Wandalorum»)[43]. В 440-х гг., как мы узнаём из его же сочинения, франки разграбили Трир[44]. Около 450 г., как писал Сидоний Аполлинарий (ок. 430 — 489), они атаковали Аррас, что заставило сенатора и военного предводителя Аэция сражаться с ними[45]. По сообщению Григория Турского, их предводителем был Хлодион, которого он называет предком Хлодвига и которому приписывает захват земель до Камбрэ и р. Соммы. В 451 г. франки сражались на стороне Аэция с гуннами[46]. В 486 г. Хлодвиг (ок. 466 — 511), сын предводителя франков Хильдерика, одержал победу над военачальником галло-римского происхождения Сиагрием и стал королем франков. Во время его правления франки начали оказывать давление на аламаннов, занимавших регион среднего Рейна. Они начали их выдавливать, так что часть аламаннов, беглецов от франкской «агрессии», оказалась при дворе готского короля Италии Теодориха Великого[47]. В 496 г. сражение с аламаннами способствовало изменению баланса сил между различными варварскими группировками внутри бывших границ империи и вне их. Ключевое сражение с вестготами Алариха II в 506/507 г. явилось завершающим событием правления Хлодвига[48]. Относительно датировки ключевых событий правления Хлодвига, а в особенности даты его крещения, у исследователей возникли споры. Если в XIX и начале XX в. большинство соглашалось с Григорием Турским, который датировал обращение Хлодвига в католичество 496 г., то впоследствии датировки были пересмотрены. В своей полемической работе голландский исследователь Ван де Вивер предположил, что это событие

[43] Salv. De gub. 6, 12.
[44] Ibid. 6, 15.
[45] Sid. Apoll. Carm. 5, 219–229, 237–250.
[46] *James E.* The Franks. Oxford: B. Blackwell, 1988. P. 56–58.
[47] Ennodius. Panegyricus dictus Teodorico // MGH Auctores Antiquissimi. Vol. 7 / ed. F. Vogel. CCLXIII. Berlin, 1885. P. 203–214. Cap. XV: Cass. Var. II. 41. XII. 28.
[48] Greg. Tour. Hist. Lib. 2.

произошло только к концу правления Хлодвига, т.е. к 506/507 г.[49] На данный момент многие исследователи признают обоснованность данной точки зрения[50].

Описанная выше событийная канва показывает, что в истории королевства франков периоды спокойного существования перемежались драматическими эпизодами, когда внутри королевства вспыхивали трения и возникала необходимость восстановить порядок. Следовательно, хотя королевская власть в целом и в частности право Меровингов на власть практически никогда не оспаривались современниками[51], структуры власти королевства франков еще не обрели стабильности. В истории последнего сплелись интересы династии, знати, галло-римской аристократии, и Меровинги должны были снова и снова доказывать свое право на власть, создавать новые альянсы внутри правящей верхушки и заботиться о создании своего сакрального образа, который был бы приемлем для современников. По этой причине в настоящем исследовании можно поставить вопросы относительно принципов и практики власти в Раннем Средневековье и обратиться к проблеме того, как власть и ее представители отражались в представлениях современников. Нас будут интересовать не статические образы, которые существовали в течение всего правления Меровингов, а динамика взаимодействия между различными образами власти, отражавшими характерные для различных социальных групп ожидания от поведения правителей[52]. Исследование концепций власти, как будет показано в этой главе, приводит нас к пониманию того, что центральным сюжетом, проходившим красной линией через все исторические сочинения, является сюжет «согласия» (consensus), который был для раннесредневековых авторов критерием оценки успешности того или иного правителя.

---

[49] *Van de Vijver.* 1) La victoire contre les alamans. 1936. P. 914; 2) La victoire contre les alamans. 1937. P. 94; 3) L'unique victoire contre les Alamans. P. 813.

[50] *Daly.* Clovis. P. 620; *Wood I.* The Frontiers of Western Europe: Developments East of the Rhine in the Sixth Century // The Sixth Century: Production, Distribution and Demand / eds. R. Hodges, W. Bowden. Leiden, 1998. P. 238.

[51] *Goetz H.-W.* Gens, Kings and Kingdoms: The Franks // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden, 2003. P. 325. (The Transformation of the Roman World. 13).

[52] В качестве удачного примера использования такого исследовательского метода можно взять *Cerutti S.* Normes et pratiques, ou de la légitimité de leur opposition // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / ed. B. Lepetit. Paris, 1995. P. 127–149.

Анализ представлений о власти и характере прерогатив правителей оправданно основывать на нарративных источниках, хотя в XX в. к ним добавились археологические данные. Несмотря на то что результаты археологических раскопок позволяют уточнить понимание ряда аспектов проблемы формирования политических общностей в раннесредневековом обществе, они не могут быть поняты и истолкованы без обращения к историческим сочинениям и хроникам[53]. Основной исследовательской задачи в данной главе является установление фундаментальных аспектов представлений о власти в королевстве франков, характерных как для Меровингов и их окружения, так и для епископата и галло-римского населения.

Важнейшим источником для изучения репрезентации власти в королевстве франков являются исторические сочинения раннесредневековой эпохи: «История» Григория Турского, «Хроника» Фредегара, «История франков». В них подчас в большей степени, чем в грамотах и других правовых документах, выражена авторская позиция. В отличие от историков эпохи позитивизма, которые видели в любом памятнике только бесстрастный «источник», сегодня исторические сочинения рассматривают не просто как кладезь информации или как наивное и бесхитростное описание событий. Исследователи последней четверти XX — начала XXI в. стали больше уделять внимания тому факту, что эти исторические сочинения являются текстами, в структуре и выборе тем которых отражались авторские оценка событий и воззрения на структуры власти эпохи. Задачей этой главы является показать, что «Историю» Григория Турского и другие исторические сочинения нужно воспринимать не как летописный кладезь фактов, но как сочинения, в которых их создатели попытались дать оценку истории франкского королевства VI в. Сделаем попытку внести коррективы в историографическую традицию прочтения этих текстов, которая привела к выхолащиванию многих аспектов мировоззрения раннесредневековых историков, и рассмотрим, как в исторических сочинениях отразились менталитет их авторов и контекст, в котором они создавались.

---

[53] *Halsall G.* Settlement and Social Organisation: The Merovingian Region of Metz. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; *Effros B.* 1) Caring for Body and Soul: Burial and the Afterlife in the Merovingian World. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002; 2) Merovingian Mortuary Archaeology and the Making of the Early Middle Ages. Berkeley: University of California Press, 2003. (Transformation of the Classical Heritage. 35).

В XIX в. из «Истории» и других исторических сочинений стали вычленяться отдельные эпизоды, которые были важны исследователям (например, О. Тьерри, Н. Д. Фюстель де Куланжу и др.) для того, чтобы подчеркнуть их видение истории франкского королевства. В частности, искали и находили в текстах Григория Турского, Фредегара и автора «Liber historiae francorum» формирование у франков своего рода «абсолютной монархии»[54]. Однако стоит заново исследовать эти тексты, не просто подыскивая доказательства уже сложившейся концепции, а пытаясь непредвзято увидеть взгляд самих историков VI–VII вв.

Несмотря на то что большинство сюжетов ранней истории франкского королевства были многократно исследованы[55], ряд тем вновь и вновь привлекают внимание историков. В новейшей историографии были выдвинуты новые концепции истории Раннего Средневековья. В частности, современное историописание возобновило споры о достоверности исторической картины, которую рисует Григорий Турский. Исследователи снова поставили вопрос о смысле и значении тех образов власти, которые он создал. Особой темой для историков стало описание епископом Тура правления первого короля франков Хлодвига (486–511), которое, на первый взгляд, выполнено весьма лапидарно. В 481/482 г. Хлодвиг пришел к власти после смерти своего отца Хильдерика[56]. В этой же главе Григорий Турский рассказывает ставший хрестоматийным эпизод с так называемой «Суассонской чашей»: король франков покарал воина, не пожелавшего отдать ему взятую в качестве добычи вазу, которую правитель хотел вернуть церкви. Следующим значимым событием была победа над аламаннами и обращение Хлодвига в христианство[57]. Затем следовала победа над готами[58] и окончательный разгром других франкских правителей[59]. Отметим, что история пребывания Хлодвига у власти в изложении Григория Турского отличается лаконичностью и простотой,

[54] С их точки зрения, это понятие в контексте раннесредневекового общества значило прежде всего право короля не считаться с родовыми, племенными и дружинными порядками франков.

[55] *Kurth G.* Clovis. Paris, 1901. Vol. 1.

[56] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 27.

[57] Ibid. 30.

[58] Ibid. Cap. 37–38.

[59] Ibid. Cap. 40–43.

однако данное обстоятельство не помешало ей стать предметом полемики на два столетия.

Репрезентация королевской власти у франков, представленная в «Истории» Григория Турского, является постоянной темой для дискуссий. Историки Нового времени, в особенности XIX в., рассматривали сочинение турского епископа как один из важнейших источников по истории варварского характера Раннего Средневековья. О. Тьерри в споре с немецким исследователем и явным «германистом» по своим взглядам А. Рогге сделал красочные рассказы из «Истории» Григория Турского главным доказательством «варварского» характера королевской власти франков. Он дал епископу Тура большее «право голоса», чем безымянным составителям «Салической правды», в силу очевидной «достоверности» нарисованной им картины. Тем самым О. Тьерри заложил традицию безоговорочного доверия к «Истории» Григория Турского и создал в историографии миф о франках-варварах, не сумевших адаптироваться к остаткам римских порядков в течение VI–VII вв.[60] В другом своем сочинении О. Тьерри также отдал предпочтение Григорию Турскому и оставил на втором плане все остальные источники по истории меровингской Галлии. В качестве центральных сюжетов «Истории» турского епископа Тьерри рассматривал те события середины VI в., которые наглядно доказывали его тезис о «дикости» отдельных представителей Меровингов. Используя в качестве примера Хильперика, которого он считал «безумцем», О. Тьерри «доказывал», что франки и после более чем полувека правления в галло-римской среде не перестали, как варвары, разрушать церкви и остатки галло-римских порядков. Для Тьерри Хлодвиг и его потомки отличались от своих племенных предшественников только тем, что они порвали с «племенными» структурами власти[61].

Парадоксальным образом, несмотря на в целом отрицательный образ короля-варвара, нарисованный Тьерри, сам он подчеркивал, что франки в значительной степени зависели от галло-римского епископата, к мнению которого прислушивались многие из их королей. Последовавшие за ним историки развили именно этот аспект его воззрений, сделав упор на то, что главной задачей Хлодвига и его

[60] *Thierry.* Lettres sur l'histoire de France. P. 68–107; *Тьерри.* О характере германских завоеваний. С. 310.

[61] *Тьерри.* Рассказы из времен Меровингов. С. 12–14, 16.

наследников была адаптация своих представлений и своего образа жизни к управляемой церковной иерархией Галлии[62]. Однако для Тьерри они не прекратили по этой причине быть «варварами». Несмотря на связь этой точки зрения с эпохой романтизма, она не только дожила до XX в., но и активно тиражировалась в научных работах вплоть до недавнего времени[63].

Младший современник О. Тьерри в Германии Ф. Дан во многом создал мнение о том, что именно Хлодвиг знаменовал собой создание «всеобщей» королевской власти у франков («Grosskönigtum»). Опираясь на более внимательное прочтение «Истории» Григория Турского, Ф. Дан уточнил тезис французского ученого о верховной власти Хлодвига как «самодержавного» правителя франков. Он подчеркнул, что его предшественниками были так называемые «Gaukönige», местные франкские правители, чья власть, как правило, не распространялась дальше пределов городской округи (королевство Сигиберта с центром в Кёльне и королевство Рагнахара с центром в Камбрэ). Ф. Дан изначально отрицал, что Хлодвиг опирался на дружинные или племенные связи, так как его «дружина» насчитывала в лучшем случае несколько сотен вооруженных людей, и в этом расходился во взглядах с О. Тьерри. Но немецкий исследователь во многом согласился с точкой зрения своего французского коллеги и вслед за ним считал, что присоединение Кёльна, Трира и Камбрэ к суассонскому королевству Хлодвига после физического устранения по его приказу правителей этих городов означало зарождение самодержавной власти. Тем не менее Дан полагал, что этот процесс шел не за счет уничтожения родоплеменных связей (которых, как он считал, к тому моменту у германцев уже практически не существовало), а за счет подчинения различных «малых» франкских королевств одному властителю. В частности, он подчеркивал, что говорить о «всеобщей любви» франков к Хлодвигу, о которой пишет Григорий Турский, можно только с иронией или насмешкой. Таким образом, Дан отрицал «общенародный», т. е. дружинно-племенной, характер франкских властителей конца V — начала VI в. Ссылаясь на Григория Турского, Ф. Дан, В. Юнганс и бельгийский ученый

[62] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 271.

[63] *Wallace-Hadrill.* 1) The Long-Haired Kings. P. 166, 169–170, 172–173; 2) War and Peace in the Early Middle Ages // Early Medieval History. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 29; 3) Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971. P. 18, 120; 4) The Frankish Church. Oxford, 1983. P. 24–27, 422.

Г. Курт подмечали, что из бывших римских провинций Хлодвиг захватил только королевство Сиагрия, которое охватывало сравнительно небольшую область от Суассона до Сены[64]. Таким образом, Ф. Дан и Г. Курт снизили пафос образа «короля-варвара», создавшего полноценное варварское королевство посредством подавления римских порядков за счет возвышения «варварских», германских. Этот образ на тот момент уже завоевал место в массовом сознании благодаря О. Тьерри и Ф. Гизо. Именно предложенная Ф. Даном концепция превращения Меровингов из «королей местного значения» («Gaukönige») в королей всех франков в Галлии («Grosskönigtum») и по сей день является важнейшей для исследователей[65].

Вслед за О. Тьерри Ф. Гизо попытался подтвердить идею о «варварстве» франков, базируя свою концепцию в первую очередь на материале варварских правд. Однако он тоже обращался к сочинению Григория Турского. Ф. Гизо и О. Тьерри заложили историографическую традицию анализа сочинения Григория Турского, определив тот набор эпизодов из его «Истории», которые стали впоследствии хрестоматийными. Ф. Гизо взял в качестве ключевых иллюстраций генезиса государственности у франков историю с Суассонской чашей и крещение Хлодвига и использовал их как доказательство «варварства» франков и после завоевания Галлии[66]. Интерпретация этих эпизодов ярко иллюстрирует эволюцию взглядов исследователей на творчество Григория Турского в течение двух столетий. Ф. Гизо превратил рассказ о том, как Хлодвиг убил воина, не желавшего отдать церкви свою добычу (чашу из Суассонского собора), в доказательство того, что уже при Хлодвиге начался процесс романо-германского синтеза, выразившийся в превращении Хлодвига из «дружинного предводителя» или «племенного царька» в грозного самодержавного правителя. Центральным сюжетом сближения позднеантичного и варварского обществ в Галлии Ф. Гизо считал именно этот[67]. Однако следует отметить, что впервые обратил внимание на эпизод с Суассонской чашей

[64] *Dahn.* Die Könige der Germanen. Bd. 7. S. 54, 56, 59–61; *Junghans W.* 1) Die Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Chlodowech: Kritisch Untersucht. Göttingen, 1857. S. 27; 2) Histoire critique des régnes de Childerich et de Chlodovech. Paris, 1879. P. 23 (Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes. 37); *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 223.

[65] *Kaiser.* Dar Römische Erbe. S. 110.

[66] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 27.

[67] *Guizot.* Recits historiques. P. 72.

Ф. Дан, хотя он и не сделал из него таких далеко идущих выводов, как Ф. Гизо. Представления о начале франкской истории, общие черты которых были выражены в программных «Исторических письмах» О. Тьерри, а детали разработаны в «Исторических рассказах» Ф. Гизо, стали практически общим местом в школьных и гимназических курсах и проникли в массовое сознание. Во многом сходным путем эти проблемы рассматривались и в немецкой историографии.

Исследователи второй половины XIX в. развили точку зрения Ф. Дана и сделали эпизод с приходом Хлодвига к власти поворотным моментом в истории позднеантичной Галлии. В частности, в классическом учебнике по истории средневекового права Г. Бруннер подчеркивал, что захват Хлодвигом власти превратил его из племенного правителя младшего ранга (*Kleinkönig*) в правителя всей Галлии, чья власть распространялась уже не только на франков, но и на галло-римлян[68].

В конце XIX в. историки смогли на время отойти от задачи установления основных фактов истории королевства франков и уделили внимание методологическим или субъективным аспектам исторических сочинений, используемых для установления этих фактов

[68] *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906. P. 8. (Systematische Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft / hrsg. von K. Binding. 2. Abt. Bd. 1): «Eine tiefgreifende Umwandlung erfuhr das salische Königtum durch die Gründung des fränkischen Reiches. Im wesentlichen das Werk seines Impulses, erhob sie den merowingischen Kleinkönig zum König, über den gesamten Eroberung eine territoriale Herrschaft, die über den Rahmen eines fränkischen Stammeskönigtums weit hinausgrift. In Folge der Reichsgründung trat denn auch eine erheblich grössere Steigerung der königlichen Gewalt ein, als sie durchschittlich mit der Erstehung des germanischen Grosskönigtums verbunden war. Der fränkische König gewann in der gallo-römischen Verwaltung und ein unbeschränktes Imperium gewohnt waren. Das wirkte auf die Stellung der Franken nicht bloss in den neuen Erwerbungen, sondern auch in den fränkischen Stammbanden zurück; denn die königlische Gewalt gestaltete sich mehr und mehr als eine einheitliche uber samtliche Unterthanen» (Глубокое преобразование претерпела королевская власть у салических франков, когда было основано королевство франков. По сути своей будучи результатом уже начавшихся тенденций, «малый король» франков превратился в настоящего короля в результате захвата территориальной власти, границы которой выходили за пределы племенных поселений франков. За созданием королевства шло усиление королевской власти, потому что первое шло параллельно возникновению у франков уже новой, более значимой роли короля. Франкский король стал частью устройства галло-римского общества и приобрел неограниченную власть. Это имело значение не только для положения франков во вновь захваченных землях, но также и в местах старых поселений франков, где королевская власть всё больше становилась единой для всех подданных).

в рамках сложившейся на тот момент неопозитивистской парадигмы. В конце XIX в. В. Ваттенбах суммировал позитивистскую трактовку метода Григория Турского и нарисованную им картину развития власти в королевстве франков. Его источниковедческое исследование стало классическим учебным пособием, а концепции — во многом основополагающими для последующих поколений ученых. В. Ваттенбах развил идеи своих предшественников и подчеркнул, что взгляды епископа-историка из г. Тур были «наивными» и бесхитростными. Рассматривая историческую концепцию Григория, он, опираясь на проведенные в XIX в. исследования, ясно сформулировал тезис о том, что главной целью епископа Тура было всего лишь правдиво и в меру своих скромных способностей в латыни изложить процесс перехода от римской Галлии к Галлии варварской, франкской и подчеркнуть, что приход Хлодвига знаменовал окончание римского господства[69]. Таким образом, Хлодвиг в изображении Григория Турского для В. Ваттенбаха оставался, как и для основоположника «романистической концепции» О. Тьерри, по преимуществу варварским правителем, установление власти которого ознаменовало создание варварского королевства в римской Галлии. Так сложилась традиция, значимая и для XX в., соглашаться с Григорием Турским и считать его рассказ достоверным, а его самого — бесстрастным летописцем эпохи[70]. Среди авторов XX в., которые придерживаются этой точки зрения, можно в первую очередь отметить Д. М. Уоллеса-Хадрилла[71].

Со времени появления «Рассказов из времен Меровингов» О. Тьерри к «Истории» Григория Турского относились в первую очередь как к неиссякаемому источнику информации, уложить которую в целостную систему и стало задачей исследователя. Мировоззрение автора интересовало историков только в самом общем виде. Главным образом это было связано с явно выраженной прокатолической трактовкой событий Григория Турского. Заданная О. Тьерри традиция доверять епископу Тура была обусловлена в первую очередь с его

[69] *Wattenbach, Traube.* Deutschlands Gesctichsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. S. 84, 86.

[70] *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1904. P. 494; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 183.

[71] *Wallace-Hadrill J. M.* Gregory of Tours and Bede: Their View on the Personal Qualities of Kings // Early Medieval History / ed. by J. M. Wallace-Hadrill. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 97–98.

великолепными качествами как рассказчика. История вставала перед глазами его читателей как живая, благодаря чему казалось, что достоверность рассказов Григория Турского не нуждается в исследовании и оценке. Своего рода попыткой объяснить, хотя бы в общих чертах, этот феномен можно считать предположение, выдвинутое Хеллманом в начале XX в. В статье, написанной им на основе подготовленного критического издания текста Григория Турского, подчеркивается, что основой метода историописания франкского историка был «реализм»[72]. К сожалению, содержание и специфику этого «реализма» Хеллман не раскрыл, и понадобилось еще полвека, чтобы в исследовании Ауэрбаха истоки методов иллюзорного воссоздания действительности были обнаружены в позднеантичной культуре. Среди историков XIX — начала XX в. мало было тех, кто обратил бы внимание на Григория Турского как на оригинального автора, а не просто как на епископа-архивариуса, собирающего мелкие детали и разрозненные факты о приходе и пребывании франков в Галлии. Если исследователи трактовали историографические методы и технику Григория, то только для того, чтобы покритиковать его за неточности и ошибки. Они не пытались понять, были ли эти неточности и ошибки следствием унаследованного от Поздней Античности риторического подхода к действительности или же результатом незнания, неосведомленности и простой небрежности. Примером такого «критического» анализа сочинения Григория Турского может служить работа Г. Моно[73].

Несмотря на кажущуюся «прозрачность» метода Григория Турского, попытки углубленного изучения этого вопроса поставили в начале XX в. ряд неразрешимых проблем. В частности, критика первых книг «Истории», посвященных приходу франков в Галлию и созданию королевства Хлодвигом, показала, что изложение епископа Тура несвободно от систематических неточностей (или даже идеологической «заданности»)[74]. К сожалению, религиозные воззрения этого исследователя и полет фантазии в отдельных аспектах исследования делают его работы сложными для истолкования и использования

[72] *Hellmann*. Studien. S. 14.

[73] *Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne. Vol. 1. Bibliothèque de l'Ecole des hautes études. Section 4, Sciences historiques et philologiques, 8. Paris: A. Frank, 1872.

[74] *Kurth G.* Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Kurth G. Études franques. Vol. 2. Bruxelles, 1919. P. 207–271.

в научном контексте. Одновременно с этим появилось осознание ограниченности «Истории» Григория Турского как исторического источника. В результате осмысления целого полувека исследований стало ясно, что даже базовая хронология правления Хлодвига не может быть установлена точно. В пользу недостоверности освещения Григорием Турским основных событий правления этого франкского короля выступали в разное время ряд авторов[75]. Однако инерция доверия к «фактам», излагаемым Григорием Турским, и их пристрастная интерпретация О. Тьерри создали ряд широко распространенных, но тем не менее не совсем верных представлений, которые значительно расходились с картиной этой эпохи. Благодаря им взгляд специалистов на «Историю» Григория Турского существенно изменился, но заключения и результаты этих исследований в силу своего специального характера не всегда становились частью неотъемлемого исследовательского инструментария историков и иногда оставались недоступными даже и для историков-медиевистов. В длинном ряду исследователей, использовавших материалы Григория Турского, особенно следует выделить тех, кому удавалось выработать новаторские подходы к интерпретации этого авторитетного источника. Стоит отметить, что, несмотря на кажущуюся законченность исследования сочинений Григория Турского и кажущуюся избитость этой темы, исследователи тем не менее не перестают создавать новые подходы к оценке его «Истории» и других сочинений.

Когда после окончания I Мировой войны шовинистический задор в трактовке ряда предметов, присущий как французской, так и немецкой историографии, стал считаться дурным тоном, почти одновременно во Франции, Германии и Бельгии появились работы, в которых были по-другому осмыслены ссылки Григория на «варварство» франков-германцев и центральную роль галло-римского епископата в управлении позднеантичной и раннесредневековой Галлией[76]. Исследователи отвергли идею «варварства» Хлодвига, тем самым отойдя от дихотомии и прямого противопоставления галло-римской и германской культур. Это стало возможно благодаря тому, что они смогли

[75] *Junghans.* Histoire critique; *Dahn.* Die Könige der Germanen. Bd. 7. P. 56; *Kurth G.* Clovis. Vol. 2. Paris: Victor Retaux, 1901. P. 118, 127.

[76] Стоит отметить, однако, что до этого сознательный поиск и акцентирование кардинальных различий между галло-римской и германской культурами было характерно как для французских, так и для немецких ученых.

по-новому посмотреть на сочинение Григория Турского, подчеркнув, что этого автора можно считать апологетом первого правителя королевства франков. Это значило, что Григорий Турский не просто собирал факты, а попытался оформить свой рассказ о Хлодвиге так, чтобы история этого правителя задала тон его концепции событий в Галлии. Именно в работах первой четверти XX в. исследователи поставили вопрос о том, достоверен ли ставший хрестоматийным сюжет превращения «варвара» Хлодвига из племенного «царька» в короля всей Галлии и как нужно понимать эту картину «романо-германского синтеза», созданную епископом Тура в первых книгах своей «Истории». Исследователи обратили внимание на то, что в своем отношении к Хлодвигу Григорий Турский был склонен писать апологию короля, выступавшего в равной степени правителем как для галло-римлян, так и для варваров, а не критику варварского военачальника. Эту мысль в первой половине XX в. наиболее ярко выразил Л. Альфан[77]. Этой же точки зрения придерживаются И. Хен и ряд других исследователей [78]. Однако даже эти исследователи подчас уделяли мало внимания особенностям авторской позиции епископа Тура, сочинение которого они рассматривали по преимуществу как набор разрозненных фактов.

Во второй половине XX в. исследователям стало ясно, что Григорий Турский сознательно создавал положительный образ Хлодвига (Дж. М. Уоллес-Хадрилл подчеркивает «великолепный образ» короля («starkly majestic portrait of Clovis»))[79]. В традициях историописания XIX в. этот историк воспринимал епископа Тура скорее как беспристрастного летописца, чем как историка со своей точкой зрения. Стоит отметить, однако, что Уоллес-Хадрилл с большим, чем нужно, доверием принимал этот образ Хлодвига, созданный Григорием Турским. Об этом недостатке его работы много написано у У. Дэли[80]. Для работ последних лет характерна своего рода «романизация» Хлодвига, лишение его специфически «варварских» черт. Заметим, что эта тенденция видеть в поведении франкских королей попытку адаптироваться к порядкам галло-римской культуры и политическим реа-

[77] *Halphen.* Grégoire de Tours. P. 245.

[78] *Hen Y.* Clovis, Gregory of Tours and Pro-Merovingian Propaganda // Revue Belge de Philologie et d'histoire. 1993. Vol. 71. No. 2. P. 271–276; *Werner.* 'La conquête franque'. P. 7–9.

[79] *Wallace-Hadrill.* Gregory of Tours and Bede. P. 97–98.

[80] *Daly.* Clovis. P. 622.

лиям началась еще в конце XIX в.[81] Так, в последнее время некоторые исследователи полностью поменяли знак при оценке Хлодвига, подчеркивая, что он имел тесные связи с галло-римским населением и знатью и, вполне вероятно, с самого начала своего правления был если не христианином, то по крайней мере сочувствующим церкви[82]. Значительное смешение галло-римлян и «варваров» является на данный момент установленным фактом[83]. Это подтвердил и У. Дэли, который на основании анализа жития св. Женевьевы, трех писем Ремигия Реймсского, письма Авита Вьеннского Хлодвигу, шести писем Теодориха Великого, короля готов, письма Хлодвига епископам Аквитании, Салической правды и канонических постановлений Орлеанского собора 511 г. подчеркнул значительный галло-римский характер Меровингского королевства, в котором франкские короли выстраивали сложные отношения и согласовывали свои интересы с представителями галло-римской знати[84].

Несмотря на серьезные подвижки в оценке образа меровингских королей, взвешенному отношению к Григорию Турскому как к историку, обладающему своим особым видением мира и истории Галлии, было суждено пройти через еще одно испытание. Существенное влияние (не во всем позитивное) на оценку места сочинения Григория Турского в раннесредневековой историографии внес исследователь, чьей специализацией была не столько история, сколько литературоведение. Швейцарский ученый Эрих Ауэрбах написал фундаментальную работу, посвященную особенностям литературных жанров Средневековья. В центре внимания исследователя оказались способы изображения действительности в различные историко-культурные эпохи[85]. Обратившись к поражающей всех реалистичности описания событий Григорием Турским, Ауэрбах открыл роль детали, способствующей созданию иллюзии личного присутствия автора при описываемом им событии, что, в свою очередь, порождало глубокое доверие к сообщаемым им

[81] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 271.

[82] *Collins R.* Early Medieval Europe, 300–1000. New York, 1991. P. 104–108.

[83] *Goffart W.* Foreigners in the History of Gregory of Tours // Florilegium. 1984. Vol. 4. P. 80–99; *Rouche M.* Francs et gallo-romains chez Grégoire de Tours // Gregorio di Tours. Todi, 1977. P. 141–169. (Convegni del Centro di Studi sulla spiritualità medievale. 12).

[84] *Daly.* Clovis. P. 664.

[85] *Auerbach E.* Mimesis: dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1946.

сведениям[86]. На самом деле, читателей такое обилие подробностей в описании событий, которые практически не имели свидетелей, должно было насторожить и вызвать их недоверие. Парадоксальным образом, как об этом свидетельствует историографическая традиция использования сочинения Григория Турского, всё происходит наоборот, и именно детали в течение долгого времени вызывали у историков ощущение доверия к «Истории», которая, как они считали, правдиво воспроизводила раннесредневековую действительность[87].

Заслуга Ауэрбаха состоит в том, что он на широком историко-литературном материале показывает, как в традициях самой античной литературы развивается риторический по своей природе, глубоко формализованный метод воссоздания иллюзии и представления факта правдоподобным. До Ауэрбаха Григорий Турский рассматривался лишь как некое соединение в одном лице католического епископа, плохо владеющего, однако, синтаксисом латинского языка, и патриотически настроенного в отношении франков историка. В свете новаторского исследования Ауэрбаха открылись новые направления изучения связи Григория с позднеантичной культурой. Собственно историческое мировоззрение Григория не рассматривалось Ауэрбахом, да это и не входило в его задачи. Однако в последовавших за его исследованием научных работах обозначился глубокий интерес к Григорию как историку со своим особым методом, сердцевину которого составляет искусство повествователя. Стало ясно, что это следует учитывать при оценке степени достоверности сообщаемой им информации. Однако наличие в мировоззрении Григория Турского позднеантичных корней создает впечатление, что у него не было своей позиции в отношении истории меровингской Галлии. Может показаться, что он пассивно следовал за быстро менявшимися реалиями общества, постепенно становившегося варварским после превращения Галлии из провинции Римской империи в королевство франков. В этом смысле задуманное как новаторское с литературоведческой

[86] В качестве примера Ауэрбах приводит отрывок из истории о том, как вчера еще непримиримые враги Сихарий и Храмнесинд пируют вместе, неожиданно вновь ссорятся, а когда Сихарий раскроил череп Храмнесинда топором, тот, как повествует Григорий, «в конце жизни издав слабый крик, упал и умер». Greg. Tur. Hist. Lib. IX. Cap. 19. *Auerbach E.* Mimesis. S. 77–95.

[87] *Савукова В.Д.* История франков как литературный памятник // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 337.

точки зрения исследование Э. Ауэрбаха, хотя и обращало внимание на повествовательные стратегии Григория Турского, но не ставило перед собой задачи рассмотреть их в случае ключевых для истории королевства франков исторических событий.

Описанные выше наблюдения над методом и стилем Григория Турского оказали большое воздействие на историков послевоенного периода, которые обратились к изучению проблемы отображения образа власти в его «Истории». Справедливости ради надо отметить, что уже в начале XX в. наиболее чутким к проблемам авторского мировоззрения исследователям было известно, что объективность Григория Турского мнима и за ней стояла тенденциозность[88]. В качестве примера можно упомянуть, что Хеллманн отмечал как искусственную риторическую конструкцию то, что у Григория «демоническим» Хильперику и Фредегонде противостоял «добросердечный» Гунтрамн[89]. Эти подходы начала XX в., к сожалению, оказались невостребованными последующей историографией, и прошло еще много десятилетий, пока систематические поиски истоков мировоззрения Григория и его различных аспектов стали главнейшей задачей историков, занимающихся этим периодом.

2.1.3. Франки и их отношения с Римской империей в Галлии

Взаимоотношения между Римской империей и рядом провинций, которые при Диоклетиане превратились в диоцез Галлия, изначально строились по весьма специфическому образцу в силу сложного положения на ее границе[90]. Считается, что в задачи Римской империи не входило полное отгораживание от остального мира. Ни римские военачальники, ни гражданские власти не считали своей задачей полностью перекрыть границы, которые по ряду причин, в том числе чисто географического свойства, а также по причине невозможности полного контроля оставались открытыми и проницаемыми[91]. Постоянное

[88] *Hellmann.* Studien. S. 22.

[89] Ibid. S. 23. Можно отметить, что критикуемая Хеллманом точка зрения была высказана О. Тьерри. *Тьерри.* Рассказы из времен Меровингов. С. 13.

[90] *Kaiser.* Das Römische Erbe. S. 11: «Imperium christianum oder gallisch-germanische Misch-zivilisation des 4./5. Jahrhunderts?» («Христианская империя или галло-германская смешанная цивилизация?»).

[91] *Whittaker C.R.* Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore, 1994. P. 110–127.

взаимодействие с варварами в провинциях, которые Диоклетиан своей реформой сделал диоцезом Галлия, было одной из центральных тенденций в истории Западно-Римской империи. Постоянный «экспорт» структур власти от императорского двора и из более романизированных областей юга Галлии на север и адаптация их к местным условиям, в значительной степени зависевшим от варварского влияния, были двумя важнейшими процессами истории формирования в Галлии королевства франков. Однако истинный характер взаимодействия между структурами власти империи в этом диоцезе и населением приграничных областей заметно осложняется значительными расхождениями между различными письменными источниками. В частности, разные источники дают либо картину взаимодействия и договоренностей между Римской империей, ее военачальниками и варварами, либо, наоборот, картину противостояния и конфликта. Даже такой знающий и грамотный историк, как Григорий Турский, не удержался от подобного противоречия в книге второй своей «Истории», где полноправное присутствие франков в Суассоне (по-видимому, в качестве федератов) сопровождается последующей историей о захвате с боем Суассона Хильдериком и Хлодвигом у соответственно Эгидия и Сиагрия[92]. Тем более велики расхождения, если мы учитываем другие источники. Эти расхождения накладываются на традиционное несоответствие между письменными и археологическими источниками, которые по-разному представляют процессы взаимодействия римской и варварской цивилизаций[93]. В этой главе предпринимается попытка исследовать эти расхождения и применить получившиеся в результате интерпретации для лучшего понимания процессов формирования в римском диоцезе Галлия властных структур, созданных в результате влияния аналогичных структур империи на положение дел на местах и в результате взаимодействия с различными варварскими группировками. Более того, в этой главе хотелось бы показать, что ряд неточностей в локализации отдельных варварских групп, а также в интерпретации их поведения сильно искажает процессы влияния Римской империи на соседствовавшие с ней общества и в особенности процесс переноса легитимности от Римской империи сначала на ее военачальников, а затем и на отдельных военачальников уже из варварской среды, которые

[92] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12, 18.

[93] *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 263.

впоследствии создали королевство франков. Если археологические данные подтверждают значительный интерес и тесное взаимодействие между варварами, проникавшими в северную часть Галлии[94], то письменные источники, наоборот, иногда могут создавать ощущение антагонизма. Попытке согласовать два этих представления об истории создания франкского королевства в Галлии и будет посвящено это исследование.

В истории создания франкского королевства на основе диоцеза Галлия есть несколько проблемных эпизодов, которые будут рассмотрены в этом параграфе. Во-первых, сам факт легитимности пребывания франков в Галлии, а точнее, отношение римской администрации к этому факту с правовой точки зрения является важным вопросом не только для истории Поздней Античности, но и для понимания самосознания королей не только Раннего, но даже и Высокого Средневековья. В этот период королей Франции их вассалы всегда считали единственной законной властью, которая корнями уходила в ранние эпохи королевства франков[95]. По сути своей, это вопрос о легитимности пребывания франков на территории Галлии и, соответственно, о переносе образов власти и правовых представлений о ней из Средиземноморья в близлежащие регионы. В частности, стоит обратить внимание на то, что частью самосознания всех королей франков, Меровингской и Каролингской династий, а также королей уже средневековой Франции из династии Капетингов всегда была уверенность в древности своей власти и абсолютной ее легитимности не просто как власти бывших варваров-захватчиков, а именно как наследия Римской империи. В то же время недостаточно хорошо интерпретированы попытки наладить дружественные отношения с галло-римским населением во второй половине V в. и особенно в критический для франкских правителей период 460–480-х гг.

Истоки королевства франков нужно искать не в варварских попытках установить власть в Галлии во второй половине V в. и даже не в событиях, связанных со сражением на Каталаунских полях 451 г. Представляется, что на уровне миросозерцания и идентичности истоки представлений, на которые опирались первые короли франков,

[94] Там же. С. 271.

[95] *Фавтье Р.* Капетинги и Франция: Роль династии в создании государства. СПб., 2001. Р. 85–93.

брали свое начало намного ранее. Более того, эти представления активно использовались франкскими королями. Корни идеи о структурном единстве Галлии как региона распространились сначала среди правителей Римской империи, галло-римских аристократов и части населявших ее народов. Предпосылкой к этому стала так называемая «Галльская империя» (260–274), которая возникла в правление императора Галлиена и которая представляла собой попытку создать на основе трех галльских провинций своего рода «западную империю»[96]. Таким образом, фактически появилась новая общность, Западно-Римская империя[97]. С этого момента в Галлии стали формироваться представления о единстве этого региона и о его месте в иерархии средиземноморских областей, которые распространялись в среде галло-римской знати и иногда разделялись представителями коллегии императоров и их военачальниками. Грань между легитимной властью военачальников и узурпацией была в этот момент достаточно тонка. С 350 по 353 г. у власти в Галлии и Британии находился Магн Магненций, который стал императором, когда против императора Константа был составлен заговор[98]. Интересно, однако, что и Магненций, и Ветранио на своих монетах пользовались теми образами, которые были созданы Константином Великим, и стремились опираться на память о нем как на символ своего имперского достоинства[99].

Процессы, запущенные императором Константином Великим (306–337) и продолженные другими представителями балканских династий, в IV в. привели к изменению политического центра империи, который переместился на Балканы[100]. Но главное, что изменились в целом и представления о власти и взаимоотношениях между центром и периферией, потому что Галлия, как и Испания и Британия, почувствовала дистанцию между новым центром власти на Балканах и провинциальными делами. Отправной точкой, с которой можно

---

[96] Aur. Vict. De caes. Cap. 33. 8: «Namque primus omnium Postumus, qui forte barbaris per Galliam praesidebat, imperium ereptum ierat; explosaque Germanorum multitudine Laeliani bello excipitur; quo non minus feliciter fuso suorum tumultu periit, quod flagitantibus Mogontiacorum direptiones, quia Laelianum iuverant, abnuisset».

[97] *Drinkwater.* The Gallic Empire. P. 242; *Куликова.* Галльская империя от Постума до Тетриков. С. 105–108.

[98] *Zosim.* Hist. nova. Lib. II. Cap. 58; *Jones, Martindale, Morris.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. P. 532; *Drinkwater.* The Revolt. P. 159.

[99] *Van Dam.* Remembering Constantine. P. 49.

[100] *Van Dam.* The Roman Revolution. P. 10.

начинать отсчет процесса регионализации и переноса практики власти в провинции в сознании даже самых консервативно настроенных кругов Римской империи, можно считать время Аммиана Марцеллина, историка, подражавшего Тациту. В своих «Res gestae» ему удалось отразить все противоречия в образе империи, появившиеся после создания тетрархии. Говоря о переносе центра власти империи в провинции и создании там своих властных центров, следует в первую очередь обратить внимание на то, как Аммиан Марцеллин описывает взаимоотношения центра и периферии и какова, по его мнению, роль отдельных провинций в системе власти Римской империи.

Учитывая договор 359 г. между Римской империей в лице императора Юлиана и франками, следует обратить особое внимание на структуры римской власти на севере диоцеза Галлия, потому что исследователи предполагают, что этот договор был основой отношений между Римом и варварами-«франками» с 359 по 486 г.[101] Этот договор был одним из ключевых событий создания на лимесе Римской империи зависимых варварских образований наряду с договором Валента (364–378) с Атанарихом 369 г. и несколькими другими событиями подобного рода[102]. Однако процесс в целом благоприятного взаимодействия между франками и Римом прерывается описываемыми в ряде источников столкновениями, вторжениями и другими эпизодами конфликтных отношений. В частности, цитата или вольное переложение из Сульпиция Александра и из Рената Профутура Фригерида, приведенные у Григория Турского, говорят о вторжениях франков в 388 г. и о их кровопролитных грабежах в Галлии[103]. Так как же все-таки складывались отношения между Римской империей и варварами, которых письменные источники называют «франками», и можно ли верить выдвинутой исследователями идее о том, что последние поддерживали условия договора до падения Римской империи на Западе?

Понять особенности положения франков в Галлии по сравнению с другими варварскими группами можно, если обратить внимание на характер власти Юлиана. Описывая походы и победы императора в этом диоцезе, Аммиан показал, что появление всё большего

[101] *Rouche*. Clovis. P. 541.

[102] Amm. Marc. Rer. Gest. XVII. 5. 9 sqq. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 104–105.

[103] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 9.

интереса к роли отдельных регионов в рамках империи и повышение их значения имело место даже в сознании правителей и их окружения из числа военачальников и гражданских чиновников, а не только у историков. После своих удачных кампаний в Галлии Юлиан, несмотря на свой статус «цезаря», попросил у префекта претория Галлии возможности быть полноправным наместником провинции Бельгики Второй[104]. Интересно, что ранее, в 359 г., укрепив оборону в Галлии, Юлиан стал брать на себя полномочия, которые были достаточно необычны для правителя его статуса и говорили о попытке расширить свое влияние. Это могло иметь непосредственное значение для положения варваров в этой провинции. В частности, он сам стал разбирать тяжбы, что было нехарактерно для цезаря или для консула, которым он на тот момент являлся[105]. Как показывает исследование императорских рескриптов и судебных заседаний, вызвавших их появление, император крайне редко вступал в дело и судил сам. Документов, в которых мы видим самого императора, активно принимающего участие в суде, в лучшем случае шесть, но присутствие императора подтверждается лишь в двух. Более того, в обоих случаях, где можно было бы предположить присутствие императора, ситуация неоднозначная. Например, в одном документе истица спрашивает императора по-гречески, на что он отвечает по-латыни. Это дает возможность предположить, что на самом деле императора на тот момент не было в месте заседания суда, а ответ был на самом деле дан позже[106]. Таким образом, принятие на себя судебных полномочий, которые обычно принадлежали префекту как представителю гражданской администрации в провинциях, было сравнительно необычным, что и потребовало особого комментария о действиях цезаря со стороны Аммиана[107]. В далекой провинции, где варвары постоянно находились на границе и даже присутствовали в рамках самой провинции, личное участие императора в разборе дел может говорить о том, что правовое положение жителей этой провинции было достаточно сложным. Может быть, Юлиан был вынужден разбирать в том числе и дела франков-федератов как единственный из представителей власти, уполномоченный в силу

[104] Amm. Marc. Rer. Gest. XVII. 3. 6.
[105] Amm. Marc. Rer. Gest. XVIII. 1. 2.
[106] *Corcoran.* The Empire of the Tetrarchs. P. 254–263.
[107] *Jones.* The Decline of the Ancient World. P. 140, 144.

своего статуса цезаря иметь дела с отношениями, возникавшими в результате договоров («foedus») Римской империи?

Особое положение цезаря Запада в Бельгике можно понять в контексте той стратегической пограничной ситуации, которая сложилась на этой оконечности Римской империи. Возможно, в связи с тем, что лимес в данном случае был особенно открыт внешним влияниям и прозрачен, Юлиан не стал довольствоваться прерогативами соправителя императора, так как его отношения с Констанцием оставляли желать лучшего, и сделал всё, чтобы обрести статус единоличного правителя Бельгики. Это была парадоксальная договоренность, потому что Юлиан в данном случае делал то же самое, что делали до него «узурпаторы» типа Магненция или Ветранио, т.е. брал на себя всю полноту прерогатив в провинции, без оглядки на аппарат власти империи. В данном случае имелось в виду, что цезарь, который имел всю полноту власти по командованию легионами, приобретал себе еще и полномочия гражданской власти, за которые обычно отвечали префекты диоцезов. Его просьба к префекту говорит, во-первых, об ограниченности власти цезаря, а во-вторых, о его попытке править в Бельгике в статусе, который можно было бы даже назвать «королевским». По сути своей, не будучи ответственным ни перед Констанцием, ни перед префектом, он приобретал статус, который делал его похожим на тех правителей варваров, которые, как считал Тацит, избирались королями по причине своей знатности («reges»). Можно пойти дальше в выводах и предположить, что это событие напрямую связано с договоренностями между Римской империей и франками, потому что из последующих источников мы узнаем о фактическом договоре о союзничестве[108].

По сути своей, подобного рода решение Юлиана заложило основу для такого положения вещей, которое в будущем привело к созданию суассонского «королевства франков» во главе с Эгидием, а затем и королевства франков при Хильдерике и Хлодвиге. Фактически Эгидий сделал ровно то же самое, что и Юлиан, приняв на себя всю полноту не только военной, но и гражданской власти. Это подтверждается данными археологических раскопок, которые говорят о том, что значительная часть воинов варварского происхождения на севере Галлии использовала вооружение римского производства. Более

[108] *Rouche*. Clovis. P. 541.

того, этот процесс начался не позже середины V в., а вероятно, и еще раньше[109]. Исследователи высказывают предположение, что этот договор о союзничестве или, по крайней мере, те обстоятельства, которые сложились после определенных договоренностей в землях, служивших местом проникновения и расселения франков на территории Римской империи, верно поддерживались франками вплоть до падения Римской империи на Западе в 476 г. Об этом свидетельствует тот факт, что франки в 460-х гг. не приняли в качестве своего правителя Хильдерика, отца Хлодвига, и выбрали вместо него Эгидия[110]. Последний в качестве опоры сделал ставку на римскую провинцию Галлия Бельгика и был провозглашен императором в Лютеции (Париже) в 360 г.

Однако эта картина сотрудничества между императором Юлианом и империей в целом и варварами, которых мы можем условно объединить под названием «франки», сильно портится рядом сообщений ранних авторов и в особенности приводимыми в виде цитаты отрывками из сочинений Сульпиция Александра и Рената Профутура Фригерида. Первый автор сообщает, что в 383 г. «франки» при вождях Генобавде, Маркомере и Сунноне напали на провинцию Германия и навели страх на жителей Кёльна[111]. Однако военачальник Квинтин перешел Рейн и на расстоянии двух дней пути от Рейна попытался атаковать селения этих «франков». Локализация этого события говорит о том, что речь идет о зарейнских племенах, среди которых могли быть франки как таковые, но которые скорее могли относиться к совершенно другой группе варваров. Если учесть, что после его изгнания франками из Суассона Хильдерик, один из основателей Меровингской династии, сбежал в Тюрингию, то понятно, что речь идет не о тех же самых франках, которые могли находиться в это время в районе Суассона, а просто об их зарейнских союзниках[112]. Это говорит, во-первых, о том, что у вождеской верхушки франков Суассона были хорошие связи с вождескими верхушками зарейнских вар-

---

[109] *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 271.

[110] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12; *James.* Childéric. P. 12; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137.

[111] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 9.

[112] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12: «Узнав о том, что они хотят еще и убить его, он отправился в Тюрингию» («Conperto autem, quod eum etiam interficere vellent, Thoringiam petiit...»).

варов[113]. Во-вторых, что название «франки» в данном случае является, скорее всего, результатом элементарного незнания или непонимания ситуации на границе. Как было показано, археологические данные говорят о том, что нет возможности выделить франков среди других варварских групп на основе свидетельств материальной культуры[114]. Поэтому «франков» Сульпиция Александра можно спокойно вычеркивать из исторической канвы событий, связанной с приходом к власти Меровингов и с созданием на основе Суассона нового королевства. При этом условии взаимоотношения между Римской империей и «франками» кажутся намного более спокойными.

Довольно путаная история взаимодействия франков с Римом возникает, если проанализировать цитату из Рената Профутура Фригерида, приведенную у Григория Турского[115]. Мы узнаём, например, что франки воевали с вандалами и могли бы победить последних, если бы тем на помощь не подоспели аланы. В данном случае представляется, что франки выполняли условия соглашения с Римской империей, потому что они сражались за целостность провинции или хотя бы мест своего проживания, которые находились в состоянии мира с Римской империей[116]. Также он сообщает, что одной из первых мыслей сына узурпатора Константина (в 407 г. выведшего легионы из Британии в Галлию), когда он узнал о появлении в Испании тирана Геронция, было опереться на франков и аламаннов[117]. Можно отметить, что

[113] *Joye S.* Basine, Radegonde et la Thuringe chez Grégore de Tours // Francia. 2005. Vol. 32. P. 11.

[114] *Schmauder.* The Relationship Between Frankish Gens and Regnum. P. 306; *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 269; *Bredero A.H.* Les Francs (Saliens ou non-Saliens) aux IIIe et IVe siècles sur la rive droite du Rhin: guerriers et paysans // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996 / M. Rouche (ed.). Paris, 1997. Vol. 2. P. 58; *Springer M.* Gab es ein Volk der Salier? // *Nomen et gens:* Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen / hrsg. von D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 1997. S. 83.

[115] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 9.

[116] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 9: «Вандалы после гибели их короля Годегизила потеряли в этом сражении почти двадцать тысяч человек, и они полностью были бы уничтожены, если бы к ним вовремя не подоспели на помощь аланы» («Wandalis Francorum bello laborantibus, Godigyselo rege absumpto, aciae viginti ferme milibus ferro peremptis, cunctis Wandalorum ad internitionem delendis, nisi Alanorum vis in tempore subvenisset»).

[117] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 9: «Напуганные этим сообщением, Констант и префект Децимий Рустик, который ранее был старшим дворецким, послав к германским племенам Эдобекка, устремились в Галлию, намереваясь с франками, алеманнами и со всем своим войском как можно скорее вернуться к Константину» («Quo exterriti,

франки и аламанны были теми самыми военными отрядами, которые выступали в паре с римскими легионами, если таковые присутствовали.

Необходимо указать, что, если Сульпиций Александр в целом не понял расклада сил на границе и, по-видимому, перепутал франков с представителями каких-то других общностей, то Ренат Профутур Фригерид крайне верно описал наличие долгосрочных дружеских отношений между Римской империей и франками. Правда, и в его случае есть один эпизод, который нуждается в интерпретации. В частности, когда «узурпатор» Константин (407–411) (вместе с поддержавшими его легионами пришедший в Галлию из Британии) сидел в осаде, нарбоннский сенатор Иовин (411–413) присвоил себе царские знаки отличия и вместе с бургундами, аламаннами, франками и аланами попытался помочь осаждавшим Константина войскам[118]. Понятие «узурпатор» в данном случае вполне можно поставить в кавычки, потому что власть региональных магнатов в это время была нормой в связи с ослаблением власти империи из-за вторжения варваров. Рассматривая настоящий пассаж дальше, можно отметить, что франки приняли сторону человека, который не столько взял на себя римские полномочия, сколько, если следовать описанию римского историка, стал частью их собственного варварского мира. Когда Иовин и другие римские военачальники на севере Галлии были по этой причине схвачены и казнены, франки восстали, по-видимому, считая себя обязанными им как своим военным командирам или покровителям. В этом случае нападение франков на Трир и разграбление этого города можно считать не столько результатом плохих отношений между Римской империей и франками в целом, сколько реакцией на казнь их римских провинциальных покровителей. Фактически франки, по-видимому, почувствовали, что их договоренности с империей, представителями

Edobecco ad Germanias gentes praemisso, Constans et praefectus iam Decimus Rusticus ex offociorum magistro petunt Gallias, cum Francis et Alamannis omnique militum manu ad Constantium iam iamque redituri»).

[118] Greg. Tur. Hist. Lib. II. Cap. 9: «Едва минуло четыре месяца со дня осады Константина, как вдруг из Северной Галлии прибыли вестники и сообщили, что Иовин присвоил царские знаки отличия и вместе с бургундами, алеманнами, франками, аланами и со всем своим войском приближается к осаждающим» («Vixdum quartus obsidionis Constantini mensis agebatur, cum repente ex ulteriore Gallia nuntii veniunt, Iovinum adsumpsisse ornatus regius et com Burgundionibus, Alamannis, Francis, Alanis omnique exercitu inminire obsedentibus»).

которой являлись и Иовин, и его окружение, были в данном случае нарушены самими властями, претендовавшими на тот момент на полноту власти на западе Римской империи. Поэтому и этот эпизод можно рассматривать не как подтверждение конфликта между властями империи в Галлии и варварами, а, наоборот, как косвенное доказательство того, что «франки» (насколько этот термин вообще может использоваться) опирались в своих отношениях на некоторые договоренности с Римской империей. Вполне вероятно, что это были именно договоренности, достигнутые при императоре Юлиане.

Если учесть рассматривавшиеся выше эпизоды истории императора Юлиана Отступника, то «королевский» титул Иовина может показаться продолжением ранее начатой традиции или даже двух. Следует учесть, что на тот момент у власти в Западно-Римской империи находился узурпатор Константин, поэтому у Иовина не было правовых вариантов принять на себя какую-либо римскую по названию должность. Он мог взять на себя только функции, которые не вызывали бы напрямую ассоциации об «узурпации». Одновременно эта должность могла быть результатом следования традициям договоренностей с франками, потому что, вероятно, они как раз воспринимали Юлиана в Бельгике, в силу его условной «независимости» от императорского титула и от августа Констанция, а также последующих императоров именно как своих «королей». По-видимому, власть «короля» здесь случае была тем статусом, который при наличии нескольких конфликтующих сил в Галлии, причем сил римского происхождения, давал варварам какую-то точку опоры по отношению к их собственным традициям о власти. В данном случае можно предположить, что принятие Иовином этого титула было не столько желанием пойти наперекор римским традициям, в рамках которых любое стремление к царской власти было предосудительно, а скорее попыткой сделать шаг навстречу варварам, которые поддержали его. Кроме этого, любой титул в тревожное и непростое время, когда у власти был Константин, давал возможность обвинить принявшего его в «узурпации».

Если сообщения сравнительно малоизвестных авторов, таких как Сульпиций Александр и Ренат Профутур Фригерид, легко согласовать с картиной истории взаимодействия Римской империи и варваров в Галлии, возникающей в результате исследования «Римской истории» Аммиана Марцеллина, то сообщения таких ключевых

историков, как Григорий Турский, труднее поддаются интерпретации. История Григория Турского о Хильдерике свидетельствует, что между обычными франками Суассона и их предводителями могли быть существенные трения, что говорит о значительной неоднородности самого понятия «франк» в отношении не только расширенной группы варваров, которую можно было локализовать как на левом, так и на правом берегу Рейна, но даже и в отношении варваров такого компактного региона, как Суассон и его окрестности. Проблема состоит в том, что епископ Тура изложил в книге II своего сочинения две противоположных точки зрения. С одной стороны, он, равно как и археологические свидетельства, говорит в целом о мирных отношениях между Римской империей и франками на территории Галлии, а с другой — кульминацией этой книги является захват Суассона сначала Хильдериком у Эгидия, а потом Хлодвигом у Сиагрия[119]. Проблема оценки этого периода именно с точки зрения дихотомии мирного проникновения или захвата власти является основной для того, чтобы оценить, насколько Римская империя смогла передать свою политическую культуру и устройство власти в провинции, в которых затем варварами было построено свое королевство.

Уже со второй половины XIX в. историки стали отмечать глубокое взаимопроникновение варваров и империи и значительное расслоение в кругах варваров, статус которых мог варьироваться от генералов служащих Риму легионов и федератов до простых варваров-солдат[120]. В частности, такие генералы, как Меробод (ум. 383 или 388),

---

[119] Эта малоизвестная точка зрения была сформулирована известным специалистом и автором идеи «Суассонского королевства» Э. Джеймсом (*James E.* Rex Francorum, Rex Romanorum Revisited // Shifting Frontiers in Late Antiquity VI: Roman, Barbarians and the Transformation of the Roman World. An Interdisciplinary Conference. The University of Illinois at Urbana-Champaign, March 17–20, 2005 / eds. R. W. Mathisen, D. Shanzer. Urbana-Champaign, 2005. P. 50). См. также: Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18, 27.

[120] *Chrysos E.* 1) Legal concepts and patterns for the barbarians' settlement on Roman soil // Das Reich und die Barbaren / hrsg. von E. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. S. 23; 2) Conclusions: «de foederatis iterum» // Kingdoms of the Empire: the integration of barbarians in late Antiquity / ed. W. Pohl. Leiden, 1997. P. 194–196; *Zecchini G.* La formazione degli stati federali romano-barbarici // Il federalismo nel mondo antico. Milan, 2005. P. 148; *Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean. Oxford, 2005. P. 84–87; *Beisel F.* Studien zu den fränkisch-römischen Beziehungen: Von ihren Anfängen bis zum Ausgang des 6. Jh. Idstein, 1987. S. 39Ff, 97–128; *Staab F.* Les royaume s francs au Vc siècle // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996 / ed. M. Rouche. Paris, 1997. Vol. 1. P. 546; *Bredero.* Les Francs.

Хариетто, Даглайф, Баутон, Арбогаст (ум. 394), Стилихон (359–408), Рихимер (405–472), Гайна (ум. ок. 400) и ряд других, были примером формирования новой военной элиты смешанного происхождения, имевшей варварские корни, но одновременно тесно связанной с Римской империей[121]. Иногда считалось, что эти варварские военачальники подрывали империю изнутри, в то время как варвары за границами империи подрывали ее снаружи[122]. Однако это утверждение далеко от истины, поскольку исследователи показали, что на самом деле многие римские генералы из варваров могли быть связаны именно с теми варварскими группировками, которые причинили больше всего вреда Римской империи. Например, выдвигались предположения, что Рихимер мог сам происходить из вестготов[123].

2.1.4. Становление королевства франков в V в. в контексте перехода от Поздней Античности к Средневековью. Франки в середине V в. и проблемы формирования королевской власти в контексте позднеантичных провинций

Легитимность первых франкских королей, возглавлявших важнейшее политическое образование Раннего Средневековья, является одной из ключевых проблем для современных исследователей. В XIX – первой половине XX в. данный вопрос рассматривался сквозь призму противостояния германских племенных и дружинных традиций, с одной стороны, и римского имперского начала с другой. Начиная с последней четверти XX в. историки стали уделять больше внимания взаимодействию варваров и галло-римского населения, подчеркивая, что его масштабы были шире, чем кажется. Тем не менее вопрос о легитимности первых варварских королей следует

P. 58; *Springer.* Gab es ein Volk der Salier? S. 83; *Goetz H.-W.* Gens, kings and kingdoms: The Franks // Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world / eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, P. Walter. Leiden, 2003. P. 344.

[121] *Bury.* A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 107; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 21; *Demandt A.* 1) Der spätrömische Militäradel // Chiron. 1980. Vol. 10. S. 609–636; 2) The osmosis of Late Roman and Germanic aristocracies // Das Reich und die Barbaren / eds. E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 75–86. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichsforschung. 29).

[122] *Bury.* A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 108.

[123] *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 178, 182; *Sivan H.* Galla Placidia: The Last Roman Empress. Oxford; New York, 2011. P. 69.

рассматривать не только в терминах соперничества созданных империей политических структур и образа жизни с варварскими традициями. Представляется необходимым заново переосмыслить процесс создания франкского королевства, обратив особое внимание на двух первых франкских правителей, Хильдерика и Хлодвига, чтобы понять основу легитимности их власти. Более того, исследования истории готов показали, что формирование королевской власти происходило достаточно сложными путями. Пример дяди Теодориха Великого Валамира показывает, что он для получения власти и создания династии вынужден был бороться в среде военных предводителей достаточно слабо связанных друг с другом групп варваров и своими собственными силами создавать плацдарм для своей семьи и добиваться престижа у своих соплеменников[124].

Важно при этом опираться на общий политический контекст, которых сложился в Западной Римской империи, и, в частности, следует по-новому проанализировать, что значило понятие «королевская власть», во-первых, для варваров и, во-вторых, для Римской империи и ее представителей в конкретных диоцезах Запада. Стоит остановиться на тех аспектах власти первых франкских королей, которые могут проиллюстрировать их тесное взаимодействие с остатками власти Римской империи, существовавшей в провинциях Запада в период с 410 по 476 г. Новый анализ процесса возникновения франкского королевства и становления власти Хильдерика и Хлодвига в бывшей римской провинции необходим, поскольку исследователи подчеркнули особый статус варварских королей в контексте взаимодействия варварских племен и населения римского лимеса с империей. В частности, прозвучало мнение, что Аларих I был выбран королем нового типа по сравнению с правителями более ранних эпох и что его власть можно фактически рассматривать как новый *римский*, а не варварский институт. Например, указывалось, что Иоанн Антиохийский писал, что «Аларих был поставлен королем» («Alaricus ordinatus super se rex»)[125]. Это подразумевало поддержку

[124] *Heather P.J.* The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders. Oxford, 2014. P. 6–7.

[125] Ioannes Antiochenus. Historiae Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 4. Parisiis, 1851. P. 538 sqq. Frag. 206, 2; *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln, 1961. S. 322, 477; *Вольфрам.* Готы. С. 207–209.

со стороны империи, потому что термин, конечно же, имел значение в контексте римской практики власти и мало относился к тому, что бывало в таких случаях у варваров. Более того, в своем письме императору Анастасию в 507 г. Теодорих Великий подчеркивал, что он копировал свою власть с императора Восточно-Римской империи. Однако вполне в духе тех тенденций, которые стали видны в образе власти империи после прихода христианства, он одновременно подчеркивал, что свою власть он получил благодаря «божественному вмешательству» (*divino auxulio*)[126].

Описание прихода к власти и правления Хильдерика (440–481/482), отца Хлодвига, начиная с французских эрудитов XVI в. приобрело характер хрестоматийного, и только в первой половине XX в. были сделаны несколько попыток переосмыслить сложившуюся историографическую традицию. Однако развитие позитивистских методов исторического исследования привело к тому, что история Хильдерика стала для историков малозначительной по причине практически полного отсутствия источников. В результате к началу XX в. историки-позитивисты перестали уделять внимание этому сюжету, считая его недостоверным. Когда же исследователи обращались к этой теме, то события, связанные с правлением Хильдерика, получали разнообразные и часто полярные интерпретации в силу малого количества источников и заложенных в них существенных противоречий. В частности, место франков в системе власти, сложившейся в Галлии, а также в Западной Римской империи в целом, после удачной кампании Аэция против гуннов в 451 г. рассматривалось во взаимоисключающих терминах. Франков в период с 451 по 476 г. могли считать федератами, а Хильдерика — их

[126] *Heather.* The Restoration of Rome. P. 3. Cass. Var. 1.1.2–3: «Et ideo, piissime principum, potentiae vestrae convenit et honori, ut concordiam vestram quaerere debeamus, cuius adhuc amore proficimus. vos enim estis regnorum omnium pulcherrimum decus, vos totius orbis salutare praesidium, quos ceteri dominantes iure suspiciunt, quia in vobis singulare aliquid inesse cognoscunt, nos maxime, qui divino auxilio in re publica vestra didicimus, quemadmodum Romanis aequabiliter imperare possimus. Regnum nostrum imitatio vestra est, forma boni propositi, unici exemplar imperii: qui quantum vos sequimur, tantum gentes alias anteimus, hortamini me frequenter, ut diligam senatum, leges principum gratanter amplectar, ut cuncta Italiae membra componam, quomodo potestis ab Augusta pace dividere, quem non optatis a vestris moribus discrepare? additur etiam veneranda Romanae urbis affectio, a qua segregari nequeunt quae se nominis unitate iunxerunt».

предводителем[127], или же, наоборот, подчеркивали их зависимость от римских генералов[128]. Историки видели мало толка в исследовании правления Хильдерика в силу скупости имеющейся о нем информации и потому, что внимание традиционно уделялось Хлодвигу как первому «настоящему» королю франков[129]. Вместе с тем именно рассмотрение прихода Хильдерика к власти дает возможность определить место франков и франкских правителей во властной системе бывшей Западной Римской империи. Представляется, что именно его, а не Хлодвига, можно успешно сравнить с властителями и военными предводителями готов, чтобы понять, каковы были взаимоотношения франкских предводителей, римских военачальников и галло-римской знати.

Для того чтобы определить положение Хильдерика и франков, рассмотрим, как обстояли дела в провинциях Западно-Римской империи. Уже в IV в. началась борьба полководцев расквартированных в провинциях легионов и региональных элит за власть. При Диоклетиане Караузий, которого можно в равной степени назвать и узурпатором, и наместником, правил Британией в течение десяти лет. После его смерти полководцы британских легионов Константин и Максенций были провозглашены императорами своими солдатами. Констант (337–350) был свергнут Магненцием (350–353), Грациан — Магном Максимом, а Валентиниан II — Арбогастом, каждый из которых представлял интересы определенных легионов, отчасти региональных элит и, возможно, даже варваров (галло-римлян, жителей Британии и, вероятно, франков)[130]. В 461 г. Рихимер стал фактически полноправным правителем Западной Римской империи после смерти Майориана и провозгласил императором Либия Севера. Против выступили Марцеллин, *comes rei militaris* Далмации (ум. 468), и Эгидий (ум. в 464 или 465 г.), правитель Северной Галлии, власть которого распространялась, по-видимому, на довольно обширные земли. Можно также привести пример Ореста, занявшего пост главнокомандующего при императоре после Экцидия, в результате император Непот вынужден был бежать. Орест происходил из Панно-

[127] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 182.

[128] *James.* Childéric. P. 12; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137.

[129] *Kurth.* Histoire poétique des Mérovingiens. P. 214–215.

[130] *Drinkwater.* The Revolt and Ethnic Origin of the Usurper Magnentius (350–353). and the Rebellion of Vetranio (350). P. 159; *Jones.* The Decline of the Ancient World. P. 131.

нии, а военный опыт приобрел, находясь некоторое время при дворе Аттилы. Таким образом, к концу V в. генералы римского и провинциального происхождения постепенно стали претендовать на всё более широкие полномочия[131].

В недавно вышедшей работе было показано, что попытки некоторых римских генералов по захвату власти, как, например, так называемое «Суассонское королевство» франков под руководством Эгидия, можно считать принципиально новым феноменом в истории Поздней Античности, так как теперь уже римские генералы, а не варвары, стремились отделить территорию своего военного округа от империи. Данная тенденция, как предполагалось, и привела впоследствии к возникновению королевства франков уже под руководством варварского предводителя[132]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что правление Эгидия не стоит воспринимать только как попытку регионального сепаратизма, направленную на то, чтобы отколоть свой регион от Римской империи.

Если рассмотреть поведение провинциальных военных командиров, особенно тех, которые были тесно связаны с местными провинциальными элитами, то можно заметить, что одной из важнейших причин предпринимаемых ими попыток узурпации власти было не столько желание отделиться, сколько, наоборот, укрепить власть империи (но не двора императора) в своем регионе или добиться императорского трона[133]. Исследователи показали, что действия многих из тех, которых обычно называют узурпаторами, были вполне конструктивными. Например, Константин III (407–411) смог добиться признания от императора Гонория (393–423), а его сын некоторое время контролировал Испанию[134]. Парадоксальным образом некоторые из региональных магнатов манипулировали римскими властными институтами и использовали имперский двор, чтобы усилить свою

---

[131] *MacGeorge.* Late Roman Warlords. P. 111–136; *Halsall G.* Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge, 2007. P. 280; *Циркин.* 'Генеральские государства'. С. 462–466, 470.

[132] *Циркин.* 'Генеральские государства'. С. 472

[133] *Drinkwater.* 1) Roman Gaul; 2) The Gallic Empire. Separatism and Continuity in North-Western Provinces of the Roman Empire A. D. 260–274; 3) The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413) // Britannia. 1998. Vol. 29. P. 269–298.

[134] *Demougeot E.* Constantin III, empereur d'Arles // L'Empire romain et les barbares d'Occident / eds. M. Christol, M. Gayraud. Paris, 1988. P. 171–213; *Drinkwater.* The Usurpers. P. 298.

власть в регионе и избавиться от соперников. Так, например, Эгидий обвинил Агриппина, одного из чиновников империи в Галлии, в измене и добился его отсылки в Рим для того, чтобы развязать себе руки и стать единоличным правителем этого региона[135]. Следовательно, можно поспорить с теми историками, кто считает, что независимость Эгидия и создание им «королевства франков» были принципиально новым феноменом.

Тем не менее в последнее время исследователям стало ясно, что на самом деле причиной нестабильности и постоянных узурпаций со стороны военачальников провинциальных легионов являлись непростые взаимоотношения сложных альянсов, которые складывались между императорским двором, региональными элитами и командирами римских легионов. Было высказано предположение, что попытки со стороны командиров римских легионов узурпировать власть были напрямую связаны с появлением такого нового феномена, как римские командиры варварского происхождения. В частности, исследователями была выдвинута точка зрения, что иногда военные полководцы из провинций выступали против императорского двора (вероятно, при поддержке не только легионов, но и местных элит), потому что отказывались признать в качестве верховного полководца нежелательного для них человека, в особенности если он был из варваров. Выступая против назначенных императорским двором полководцев варварского происхождения и поддерживая своих региональных узурпаторов, они парадоксальным образом боролись за римские традиции власти[136]. В частности, возможно, что выступление тирана Магна Максима из Британии (383–388) было направлено против слишком значительного влияния франкского генерала Арбогаста (ум. 394) при императоре Грациане и против его единоличной власти, а восстание Максима из Испании (409–411) было попыткой региональной знати противостоять слишком сильному влиянию Стилихона при императорском дворе. Самоопределение региональных элит в ситуации, когда императорский двор обладал всё меньшим количеством ресурсов, чтобы поддерживать провинции, было крайне важным фактором в исторической судьбе

[135] Hydatius. The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: Two Contemporary Accounts of the Final Years of the Roman Empire / ed. R. W. Burgess. Oxford, 1993. Anno 462. 212 (217); *MacGeorge*. Late Roman warlords. P. 89.

[136] *Bury*. A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 107.

поздней Римской империи. Центробежные тенденции, возможно, были не просто результатом попыток римских провинций отколоться. Недавно исследователи подчеркнули, что, несмотря на все сложности, даже самый пессимистичный из историков Западной Римской империи Идаций считал ее единой[137].

В этом контексте интересно посмотреть на историю прихода к власти Хильдерика. Приведем сначала цитату из «Десяти книг историй» Григория Турского.

«Когда Хильдерик был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей. Это вызвало ярость франков, и они лишили его королевской власти. Узнав о том, что они хотят еще и убить его, он отправился в Тюрингию, оставив на родине верного ему человека, который сумел бы смиренными речами смягчить сердца разгневанных франков и подать сигнал, когда ему можно вернуться на родину. Условным знаком был золотой слиток, поделенный между ними пополам; одну его часть взял с собой Хильдерик, а другую — его приближенный, который при этом сказал: "Когда я тебе пришлю мою часть и она вместе с твоей образует золотой слиток, тогда ты со спокойной душой возвращайся на родину". И вот, придя в Тюрингию, Хильдерик укрылся у короля Бизина и его жены Базины. Франки же, прогнав Хильдерика, единодушно признали своим королем Эгидия, магистра армии, посланного, как мы упоминали выше, в Галлию Римской империей. Когда Эгидий уже восьмой год правил франками, верный человек Хильдерика, тайно склонив франков на его сторону, послал к нему вестника с частью поделенного золотого слитка, которую он хранил у себя. А Хильдерик, узнав в этом надежный знак того, что его опять желают франки и сами даже просят, возвратился из Тюрингии домой, где был восстановлен в королевской власти. И вот во время их правления та Базина, о которой мы упоминали выше, оставив мужа, пришла к Хильдерику. Когда Хильдерик, озабоченный этим, спросил о причине ее прихода из такой далекой страны, говорят, она ответила: "Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что есть в заморских краях человек достойнее тебя,

[137] *Börm H.* Hydatius von Aquae Flaviae und die Einheit des Römischen Reiches im fünften Jahrhundert // Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts / eds. B. Bleckmann, T. Stickler. Stuttgart, 2014. P. 195–214.

я сделала бы всё, чтобы с ним соединить свою жизнь". Хильдерик с радостью женился на ней. От этого брака у нее родился сын, которого Базина назвала Хлодвигом. Хлодвиг был великим и могучим воином»[138].

Помочь в понимании того, каков был статус франков в рамках диоцеза, может рассмотрение правления на севере Галлии в 460–470-х гг. Эгидия. Имевший огромное значение для дел в Галлии Эгидий, как пишет Идаций, был военачальником (*comes*) не только римских легионов, но и еще одной группы военных сил, названия и значения которых Идаций не раскрывает[139]. Его правление было одним из многих случаев того, что историки иногда называют «генеральскими государствами»[140]. В недавно вышедшей работе было показано, что усилия некоторых римских генералов по захвату власти, как, например, так называемое «Суассонское королевство» франков под руководством Эгидия, можно считать принципиально новым феноменом в истории Поздней Античности, так как теперь уже римские генералы, а не варвары стремились отделить территорию своего военного округа от империи. Данная тенденция, как предполагалось, и привела впоследствии к возникновению королевства франков уже под руководством варварского предводителя[141]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что правление Эгидия не стоит воспринимать только как попытку

[138] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12. Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12: «Childericus vero, cum esset nimia in luxoria dissolutus et regnaret super Francorum gentem, coepit filias eorum stuprose detrahere. Illique ob hoc indignantes, de regnum eum eieciunt. Conperto autem, quod eum etiam interficere vellent, Thoringiam petiit, relinquens ibi hominem sibi carum, qui virorum furentium animus verbis linibus mollire possit, dans etiam signum, quando redire possit in patriam; id est diviserunt simul unum aureum, et unam quidem partem secum detulit Childericus, aliam vero amicus eius retenuit, dicens: "Quando quidem hanc partem tibi misero, partesque coniunctae unum efficerent solidum, tunc tu securo animo in patriam repedabis". <...> Qui cum octavo anno super eos regnaret, amicus ille fidelis, pacatis occultae Francis, nuntius ad Childerico cum parte illa divisi solidi quam retenuerat mittit. Ille vero certa cognoscens inditia, quod a Francis desideraretur, ipsis etiam rogantibus, a Thoringia regressus, in regno suo est restitutus»

[139] Hydatius. Chronica. Continuatio chronicorum Hieronymianorum // *Chronica minora saec.* IV.V.VI.VII., Vol. II. Weidmann, 1894. №218. (MGH Auctores Antiquissimi: Vol. 11): «Против Агидия, командующего двумя войсками, мужа, известного как и своей воинской славой, так и богоугодными делами...» («Adversus Aegidium comitem utriusque militiae, virum et fama commendatum et deo bonis operibus conplacentem...»).

[140] *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137; *Циркин.* 'Генеральские государства'. С. 472.

[141] *Циркин.* 'Генеральские государства'. С. 470.

регионального сепаратизма, направленную на то, чтобы отколоть свой регион от Римской империи.

Отметим, что на основании этого источника нельзя утверждать однозначно, что целью Эгидия было создание независимого политического образования, которое могло бы называться «королевством» в полном смысле этого слова. Мы мало знаем о его целях, но можно предположить, что он фактически добивался того же, что и Константин III, т. е. возможности создать по мере возможности независимый от двора анклав, оставаясь при этом верным императорскому двору. Создание новой политической единицы не входило в его планы. Разница с Константином III состояла лишь в том, что он не пытался получить признание от императорского двора. Но последнее можно объяснить не столько желанием отделиться от империи и создать региональное «королевство», сколько подозрениями в отношении Рихимера, вполне естественными со стороны представителя галло-римской знати. Эгидий пользовался большим общественным признанием и славился добрыми делами в отношении церкви. Отметим, что добрая слава, которая шла за Эгидием, а также его покровительство церкви были максимумом того, что он мог себе позволить, выходя за пределы своих непосредственных военных полномочий. Вероятно, отрицательное отношение к Эгидию, которого, как считает Идаций, могли отравить, определялось именно тем, что последний взял на себя как военные, так и гражданские функции даже в обычном покровительстве гражданскому населению[142].

Это говорит о том, что соединять военные и гражданские функции могли только императоры, да и то только в силу изначальной сакральности своей власти. Действия Юлиана в Бельгике в 359–360 гг. в этом смысле, хотя не отличались от действий некоторых других императоров, но в целом были достаточно смелы. Эгидий в своих попытках консолидировать свою власть фактически опирался на его опыт в Галлии и, возможно, на память о нем. Конечно, его размах был намного меньше, чем у императора, и он не мог себе многого позволить из того, что, безусловно, мог себе позволить Юлиан как цезарь. Григорий Турский говорил об Эгидии и Сиагрии как о королях франков, но только

[142] Hydatius. Chronica. No. 228: «Aegidius moritur, alii dicunt insidiis, alii veneno deceptus» (Эгидий умер, некоторые говорили, что погиб в засаде, некоторые говорили, что был отравлен).

в жизнеописаниях мучеников, т.е. в текстах, не стремящихся к исторической точности[143]. Поэтому термин «Суассонское королевство» был, скорее всего, вольным истолкованием некоторыми современными историками ситуации, описанной Григорием Турским. Критичные исследователи подчеркивают, что последний использовал термин *rex*, говоря об императоре Деции и матери императора Константина Великого Елене[144]. Во втором случае, вероятно, имелся в виду глагол, поэтому его можно не считать примером полноценного употребления слова «король». По этой причине не согласимся с теми, кто полностью отказывается от его употребления и от тех оценочных суждений, которые он несет.

Мы не имеем данных о том, какие настроения были у солдат франкского происхождения, когда Эгидий был в живых. Однако известно, что вскоре после его смерти, когда к власти пришел его сын Сиагрий, франки сражались под командованием комита Павла под Анжером, стремясь захватить этот город. Причем, как можно заключить из источников, они сражались либо против саксов Одоакра, каких-то других варваров (например, аламаннов), в изобилии вторгавшихся в пределы Галлии, или, например, готов из Аквитании. В результате этого сражения шансы победить имели саксы под руководством Одоакра и франки под руководством комита. Узнать, кто был для них врагом, не представляется возможным. Таким образом, франки Сиагрия явно не противостояли населению и городскому патрициату галлоримских городов, а, наоборот, выступали в их поддержку. Называть франков под руководством Эгидия «королевством» значило бы идти против источников. Поэтому, наверное, только Рихимер воспринимал поведение Сиагрия как попытку отделиться от центра и игнорировать власть императорского двора. В силу этих причин считается, что именно Рихимер был причиной его смерти, приказав отравить Сиагрия[145]. На самом деле образование под властью Эгидия и Сиагрия, даже если оставить для удобства его название «Суассонского королевства», было интересным случаем формирования в рамках римского диоцеза структур власти, которые были пограничным случаем между частью

[143] Greg. Tour. GC. Cap. 5.

[144] *Kurth G.* Histoire poétique des Mérovingiens. Paris, 1893. P. 214–215: *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 135.

[145] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18: *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 84. No. 30.

империи и раннесредневековым варварским королевством. Отметим парадоксальную ситуацию, при которой за региональные интересы и защиту Галлии от врага (аламаннов, тюрингов, других варварских группировок) выступал военный командир из галло-римской знати, а за полное подчинение регионов императорскому двору, хотя бы и в ущерб немедленной военной стабилизации ситуации в Галлии, — военный командир из варваров. Представляется, что задачей Сиагрия было только присвоить себе права своего рода наместника империи в Галлии, а не самостоятельного правителя. Очевидно, что франки соблюдали дружественные отношения с Римом и некоторые из них полноценно выполняли свою функцию федератов.

В контексте новых исследований о «Суассонском королевстве франков» особенно актуальным становится переосмысление правления Хильдерика, первого франкского короля. Недавно появилась точка зрения, что Хильдерик явно был не только союзником Рима, но и фактически агентом власти империи среди франков[146]. Считалось, что он был союзником Эгидия в войне последнего против готов в 463 г.[147] Однако это вновь заставляет исследовать его положение среди франков. Мы знаем, что он обладал достаточно высоким статусом среди франков Суассона и мог претендовать на то, чтобы ими управлять. Более того, Фредегар считал впоследствии, что именно Хильдерик был законным королем франков. Однако ни Григорий Турский, ни Фредегар не раскрывают нам никаких деталей относительно его положения. Учитывая пример Алариха I, следует понимать, что за словами епископа Тура (*regnavit*) могло стоять всё что угодно. Не согласимся с исследователями, которые считают, что он однозначно был королем франков в Суассоне[148]. Как мы знаем, под термином *rex* мог скрываться целый ряд понятий, от племенного предводителя с функциями сакральности до правителя римского образца для варваров на римской территории. В данном случае можно утверждать, что, по-видимому, франки, которые поддерживали Хильдерика, были

[146] *Lebecq S.* The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography // Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und Soziale Organization im Frühmittelalter / hrsg. von W. Pohl, M. Diesenberger. London; New York, 2002. P. 123. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. 3).

[147] *Lee A.D.* From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. P. 126.

[148] *Lebecq.* The Two Faces of King Childeric. P. 123.

не просто сельскими жителями, перебравшимися в окрестности Суассона из-под Рейна. Они могли участвовать в сражениях, например поддержать Хильдерика в битве при Анжере. Судя по описаниям, это были военные отряды, причем не дружинного типа.

Поскольку они могли сражаться под командованием командиров провинциального, галло-римского происхождения, мы можем заключить, что их статус, скорее всего, был похож на статус вестготов Алариха I или бургундов, участвовавших в сражении при Каталаунских полях в 451 г.[149] Как теперь пишут исследователи, готы в Аквитании, вероятно, несли службу по охране границ и поддержанию порядка и продолжали это делать вплоть до победы Хлодвига при Вуйе в 506/507[150]. Возможно, они были даже своего рода федератами римской армии, хотя их статус не позволяет судить о формальном включении их в состав какого-либо регулярного римского легиона[151]. М. Руш предположил, что положение франков определялось договором между ними и Римской империей, который был составлен еще в 359 г. после побед императора Юлиана Отступника[152]. С этим можно согласиться, если учесть археологические данные. Находки в могиле Хильдерика, состоявшие из большого количества прекрасно обработанных драгоценных вещей, можно считать доказательством того, что он постоянно поддерживал связь с Римской империей. Более того, характер этих находок свидетельствует о том, что Хильдерик не был просто варваром-германцем. Например, в его могиле нашли 300 золотых пчел или жуков, что говорит о сильной религиозной составляющей его захоронения. Эти объекты, безусловно, наводят на мысль о наличии в окружении Хильдерика какого-то средиземноморского культа, хотя нет возможности точно говорить о локализации его происхождения. Хильдерик носил титул короля, что подтверждает его печать[153]. Современные археологические исследования показали, что

---

[149] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 182.

[150] *Périn P.* A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque // Archéologie Médiévale. 1981. Vol. 11. P. 125–145; *Périn P., Feffer L.-C.* Les Francs. Paris, 1987. Vol. 1; *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 278.

[151] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 182.

[152] *Rouche.* Clovis. P. 541.

[153] *Salaün G., McGregor A., Périn P.* Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances // Antiquités Nationales. 2008. Vol. 39. P. 218.

фактически Хильдерик сам был, скорее всего, правителем с согласия римлян и был частью военной машины на тот момент еще императорского Рима[154]. Статус франков, который можно весьма условно определить как «федераты», в результате этих договоренностей оказался частью сложной системы отношений между Римской империей и варварскими народами, а оценка самих договоренностей исследователями варьируется, так как они назывались и равноценными договорами о дружбе, и передачей франков, как других варварских народов, под власть империи[155].

Интересно отметить следующий факт: Григорий Турский подчеркивает, что Хильдерик был изгнан франками, следовательно, он не был в полной мере частью социума франков-федератов[156]. Основателя королевства франков не следует воспринимать как сугубо варварского предводителя племенной дружины или ополчения франков. Можно предположить, что Хильдерик был не племенным вождем, а скорее типичным представителем военной элиты лимеса, к которой принадлежали кроме него Одоакр, Теодорих и многие другие[157]. Вероятно, власть не была захвачена им военными средствами, как хотел это подчеркнуть Григорий Турский. Наоборот, она, по всей видимости, была передана ему наместником в провинциях Бельгика Первая и Бельгика Вторая римским генералом Эгидием в 470-х гг.[158] Исследователи подчеркивают, что захоронение Хильдерика свидетельствует о его тесной связи с Римской империей и о формировании нового

---

[154] *Wallace-Hadrill.* The Long-Haired Kings. P. 162; *Werner.* 1) Les Origines. P. 286; 2) De Childéric à Clovis. P. 7; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–136; *Périn P., Kazanski M.* Das Grab Childerichs I // Franken Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. Mainz: P. von Zabern, 1996. S. 174–178; *Lebecq S.* The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / ed. T. F. X. Noble. London; New York: Routledge, 2006. P. 344; *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 169–176; *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 278.

[155] *Chrysos:* 1) Legal concepts. S. 23; 2) Conclusions: «de foederatis iterum». P. 194–196. *Zecchini.* La formazione degli stati federali. P. 148; *Wickham.* Framing the Early Middle Ages. P. 84–87. Kaiser, Das Römische Erbe. S. 60.

[156] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 12.

[157] *Wenskus.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. S. 51–55; *Jones A. H. M.* The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // The Journal of Roman Studies. 1962. 52. P. 127–130; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137.

[158] *Rouche.* Clovis. P. 187.

типа правителя, а не просто варварского предводителя[159]. Сюжет, связанный с приходом к власти Хильдерика, демонстрировал не противостояние римлян и франков, а, наоборот, глубокое взаимопроникновение империи и варваров и значительное расслоение в кругах последних[160]. В качестве командира франков, вероятно, обладавших статусом федератов, Хильдерик, по-видимому, поддерживал связи как с варварским миром (о чем свидетельствует его бегство к Базину), так и с римскими правителями. По своему поведению и положению он, безусловно, был представителем новой элиты, интересы которой располагались по обеим сторонам лимеса, и более того, человеком, стремившимся использовать свои связи к востоку от Рейна, чтобы с их помощью укреплять новое королевство франков-федератов на римской территории, в Суассоне[161]. Археологические исследования показали, что в период Великого переселения народов в материальной культуре варваров сформировался новый набор культурных ценностей, который, с одной стороны, объединил варваров в одно сообщество, а с другой стороны, помог этому сообществу определиться по отношению к римской империи[162]. Можно согласиться с тем, что в эту эпоху у варварских народов создавались новые мифы и символы власти, поскольку история о Хильдерике была, как представляется, именно таким мифом[163]. Вместе с тем эта история позволяет более точно описать протекавшие тогда процессы. Так называемая «варварская культура» III–VI вв., остатки которой мы находим в пограничных со Средиземноморским миром областях, как нам представляется, была по сути своей пограничной культурой. Она возникла как результат взаимовлияний римской культуры и традиций народов, живших далеко за пределами ойкумены. И как следствие, появился

---

[159] *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 169–176.

[160] *Bury.* A History of the Later Roman Empire. Vol. 1. P. 107; *Bachrach.* Procopius. P. 32; *Chrysos*: 1) Legal concepts. S. 23; 2) Conclusions: «de foederatis iterum». P. 194–196; *Zecchini.* La formazione degli stati federali. P. 148; *Wickham.* Framing the Early Middle Ages. P. 84–87; *Staab F.* Les royaume s francs au Ve siècle // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996 / ed. M. Rouche. Paris, 1997. Vol. 1. P. 546; *Goetz.* Gens, kings and kingdoms. P. 344.

[161] *Halsall.* Barbarian Migrations. P. 280–287.

[162] *Headeger L.* Migration Period Europe: The Formation of a Political Mentality // Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages / eds. F. Theuws, J. L. Nelson. Leiden, 2000. P. 18.

[163] *Headeger.* Migration Period Europe. P. 51.

принципиально новый тип правителей, закладывавших фундамент средневекового общества на основе соединения и слияния провинциальной римской и варварской традиций. Именно эту функцию посредника и выполняли первые франкские короли.

2.1.5. Начало франкской истории глазами галльских и византийских историков: Варвары и романизация в контексте взаимоотношений Восточно-Римской (Византийской) империи и западного Средиземноморья

История королевства франков в период правления королей из династии Меровингов в XIX–XX вв. была достаточно хорошо изучена историками, максимально использовавшими имеющиеся латинские источники для восстановления основных исторических событий. Существует огромное количество общих монографий, посвященных становлению и правлению Меровингской династии. События, связанные с началом истории королевства франков в период с середины V в. по 511 г., и в особенности их отражение в «Истории» Григория Турского традиционно привлекали внимание специалистов. Ряд недавно появившихся работ позволил по-новому посмотреть на раннюю историю франкского королевства и прежде всего на процесс глубокого взаимопроникновения структур власти и обычаев провинций поздней Римской империи с порядками, сложившимися у варваров, находившихся как вне, так и внутри имперских границ[164]. Более того, историки стали всё чаще подчеркивать, что следование традициям власти, сложившимся в Галлии как в римском диоцезе, было если не результатом правления Меровингов, то по крайней мере их целью[165]. В течение нескольких десятков лет всё больше специалистов начали использовать в дополнение к традиционным источникам родом из западного Средиземноморья, таким как «История» Григория Турского, также тексты византийского происхождения[166]. Тем не менее сравнение

[164] *Wallace-Hadrill.* The Long-Haired Kings. P. 162; *Ganshof.* Een historicus. P. 9–12; *Werner.* 1) Les Origines. P. 286; 2) De Childéric à Clovis. P. 4; *James.* Childéric. P. 12; *Daly.* Clovis. P. 962–964; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 189; *Lebecq.* Les origines. P. 64–104; *Rouche.* Clovis. P. 187; *MacGeorge.* Late Roman warlords. P. 111–137, 169–176; *Schmauder.* The Relationship between Frankish Gens and Regnum. P. 300–306; *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 169–187; *Becher.* Chlodwig I. S. 174–203; *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

[165] *Murray.* 'Pax et dsciplina'. P. 388.

[166] *Bachrach.* Procopius. P. 31–32; *Werner.* 1) Les Origines. P. 286. 2) De Childéric à Clovis. P. 4.

«Истории» Григория Турского с «Историей готских войн» Прокопия Кесарийского (ок. 500 — ок. 554) и сочинением «О царствовании Юстиниана» Агафия Миринейского (536–582), которое в свое время было проведено, представляется не до конца исчерпанным. Как уже было сказано, на фоне значительных недавних прорывов в области исследования и интерпретации латинских источников, отражающих процесс создания и первые года существования королевства франков, византийские свидетельства об этом периоде были рассмотрены в некотором смысле как антитеза представлениям Григория Турского о начале истории франкского королевства[167]. Можно ли действительно проводить подобную грань между взглядами епископа Тура и Прокопия Кесарийского?

В своей статье Б. Бакрак обратил внимание на информацию о Галлии, содержащуюся в сочинении Прокопия Кесарийского «О войнах»[168]. Полемизируя с Ф. Лотом, который считал ее недостоверной[169], Б. Бакрак счел возможным использовать византийские источники не как дополнительные, а как основные и сделал попытку с их помощью уточнить хронологию правления Хлодвига. Возможно, это было необходимо, потому что исследования на тот момент показали, что Григорий Турский знал историю прихода к власти и правления Хильдерика и Хлодвига только из устной традиции, хотя нет возможности отрицать, что у него был доступ к какой-либо информации из письменных источников по этому периоду. В любом случае для Григория Турского это были сообщения из третьих рук[170]. Более того, как было показано, цель его сочинения состояла не в том, чтобы написать только историю варварского королевства с точки зрения перечисления фактов в духе *Historia tripartita* Кассиодора-Епифания. Считалось, что им была задумана прежде всего всеобщая история, глубоко пронизанная темами человеческого грехопадения и спасения[171]. В этом смысле мир Григория Турского значительно отличался от позднеантичного мира Сидония Аполлинария[172].

---

[167] *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 79–81.

[168] *Bachrach.* Procopius. P. 30–32.

[169] *Lot F.* La conquête du pays d'entre Seine-et-Loire par les Francs // Revue historique. 1930. Vol. 165. P. 250–253.

[170] *Ganshof.* Een historicus. P. 9; *Halsall.* Cemeteries and Society. P. 170.

[171] *Goffart.* The Narrators. P. 153; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 189–190.

[172] *Van Dam.* Leadership and Community. P. 181.

С другой стороны, историки отмечали, что в его сочинении очень много влияния «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, потому что сюжеты, связанные с церковной иерархией, занимают примерно половину его сочинения. И более того, защита интересов церкви была крайне важной темой «Истории» Григория Турского[173]. В этом смысле сочинение его не было хроникой, а скорее попыткой создать универсальную историю, осмыслить события с христианской точки зрения. С другой стороны, в исторических сочинениях первой половины VI в., написанных в Византии, можно проследить совершенно другое отношение к истории, если мы возьмем, например, Прокопия Кесарийского и его «Готские войны». Более того, его отношение к истории явно выросло из общего отношения византийских императоров, их окружения и полководцев к франкам. Это отношение требует более детального рассмотрения, поскольку на фоне хорошо изученных кампаний императора Юстиниана и его полководца Велизария в Италии и на Иберийском полуострове влияние Византии в Галлии, а затем и в королевстве франков является крайне важной темой[174]. Более того, учитывая появление новых исторических подходов, стоит заново проанализировать информацию о становлении королевства франков у Григория Турского, сравнив ее с сообщениями византийских источников.

Влияние Восточно-Римской империи в западном Средиземноморье стало постепенно нарастать со второй половины V в. После победы над Аттилой, казни Аэция Валентинианом III и гибели самого императора от рук охраны Аэция, в Западно-Римской империи сложился вакуум власти, при котором императорский двор не мог надежно опереться ни на одну из сил. К последним относились Византия, римские легионы в Галлии, игравшие особенно большую роль при полководце Эгидии в 460-х гг., италийские легионы, находившиеся под властью Рихимера, и легионы в Далмации[175]. Галлия начала обособливаться, всё больше сенаторов из этого региона стали считать престижным занимать должности именно у себя дома, а не в императорской

[173] *Halsall.* The Preface to Book V. P. 317.

[174] *Wood I.* The Merovingian North Sea. Alingsås, Sweden, 1983. P. 12, 14, 17. (Occasional Papers on Medieval Topics: 1).

[175] *Heather P.* The Western Empire, 425–476 // The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A. D. 425–600 / A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Vol. 14. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 18–19.

столице[176]. Однако после побед вестготов Еврих и вандалов, Византия к 474 г. оставила все попытки влиять на события, происходившие на Западе[177]. При императорах Льве I (457–474), Льве II (474), Зеноне (474–475, 476–491) внутренние проблемы заставили обратить больше внимания на существующий политический кризис[178]. Приход к власти Анастасия (491–518) только отчасти способствовал стабилизации, так как ему пришлось преодолевать недовольство со стороны исаврийских родственников императора Зенона и в особенности его брата Лонгина[179]. Однако в целом правление этого императора обеспечило определенную стабильность в Средиземноморье после ослабления вандалов в Северной Африке и сдерживания натиска персов[180]. Ряд фактов из «Истории» Григория Турского свидетельствует, что императору удалось, по-видимому, также заручиться поддержкой короля франков Хлодвига. Как сообщает турский епископ, после победы над готами при Вуйе Хлодвиг в Туре получил от Анастасия документы о своем сенаторском достоинстве, о возведении в ранг консула и даже, как считал Григорий Турский, августа[181]. Последнее утверждение вряд ли следует воспринимать серьезно, однако в любом случае можно говорить о том, что король франков приобрел своего рода права наместника империи в Галлии.

Григорий Турский всё в большей степени представляется исследователям как своего рода «посредник в культурном взаимодействии». Он вынужден был постоянно делать выбор и оправдывать свое положение в качестве епископа, потому что не обладал значимым авторитетом не только в среде епископата близких Туру областей, но даже и в самом городе. Попытки Григория Турского постоянно объяснять свою позицию и находить согласие с теми, кто не входил в группу его друзей, приводили к тому, что в его «Истории» он вынужден был

[176] *Matthews J.* Western Aristocracies and Imperial Court, A. D. 364–425. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 331ff, 356ff.

[177] *Blockley.* The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire Malchus. Fr. 5; *Courtois C.* Les Vandales et l'Afrique. Paris: Arts et métiers graphiques, 1955. P. 204.

[178] *Lee A. D.* The Eastern Empire: Theodosius to Anastasius // The Cambridge Ancient History. Vol. 14. P. 45–53.

[179] *Lee.* The Eastern Empire. P. 53.

[180] Ibid. P. 57–59.

[181] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 37.

постоянно лавировать[182]. В результате Григорий Турский действительно стал историком, в работе которого синтез галло-римских порядков и варварства приобрел совершенно особую форму, отличную от той, которую можно найти в «Хронике» Фредегара или в «Истории франков» («Liber historiae francorum»), да и в других работах, например в «Гетике» Иордана. В частности, исследователи подмечали, что при буквальном прочтении сочинения Григория создается впечатление, как будто франкские короли с самого начала своего правления решили не поднимать вопрос о своем франкском происхождении и об утверждении франкской идентичности[183].

Как можно понять такое отношение Григория Турского к проблеме соприкосновения галло-римской цивилизации и варварского мира в контексте трений между позднеантичной цивилизацией и лимесом, пограничьем, на котором скапливались военные отряды, проникавшие на территорию империи или ее бывших провинций и устанавливавшие там свою власть? Из прочтения сочинения Григория получается, что Меровинги в ранний период истории королевства франков не делали попыток подчеркнуть свою особость именно как варварских предводителей и не стремились опираться на свое франкское происхождение как на основу. В частности, Хильдерик был изгнан франками из Суассона, которые перешли под власть Эгидия[184]. Описывая первые десятилетия королевства франков, епископ Тура в полной мере сделал ударение на синтезе галло-римского провинциального и варварского начал, представив правителей последних в качестве символов синтеза провинциальной власти и власти представителей лимеса. Описывая события после прихода Хильдерика и Хлодвига к власти, Григорий Турский сделал важное ударение

---

[182] *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 31.

[183] *Fouracre P.J.* The Nature of Frankish Political Institutions in the Seventh Century, Section // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective / ed. I.N. Wood. Woodbridge, 1998. P. 297. (Studies in Historical Archaeoethnology. Vol. 60: 1–2. No. 3); *Goetz H.-W.* Die germanisch-romanische Kultur-Synthese in der Wahrnehmung der merowingischer Geschichtsschreibung // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultur-Synthese in Spätantike und frühem Mittelalter / eds. D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. P. 559; *McKitterick R.* Akkulturation and the writing of history in the early Middle Ages // Akkulturation: Probleme einer germanischromanischen Kultur-Synthese in Spätantike und frühem Mittelalter. P. 261; *Diesenberger, Reimitz.* 1) Zwischen Vergangenheit und Zukunft. S. 268–269; 2) History, Frankish Identity. P. 445.

[184] Greg. Tour. Hist. Lib. X. Cap. 12.

на том, как предводители франков вынуждены были очень внимательно относиться к интересам жителей городов. В частности, в его сочинении города предстают совершенно особым миром, взаимодействие которого с франкскими и другими отрядами было основано на принципах долгосрочного расчета. Более того, в изображении этого историка епископы выступают на первый план в области построения отношений между галло-римским населением и варварскими отрядами или поселенцами. В частности, Григорий Турский сообщает, что при проходе к Пуатье для сражения с вестготами, оправданием которому было арианство последних, Хлодвиг запретил войску требовать что-либо с местного населения, ограничив любые поборы ритуальной фразой «вода и трава»[185]. Фактически, если опираться на видение Григория Турского, то статус некоторых городов, с учетом значимости личностей конкретных представителей епископата, был в королевстве франков настолько важен, что современные исследователи даже называют эти города «республиками»[186]. Хлодвиг чтил св. Мартина Турского и св. Илария из Пуатье, ограничивал свое войско в праве пользования ресурсами этих городов и их округ и не навязывал своей власти как военный предводитель лимеса свое франкское происхождение[187]. Более того, заметим, что окружение, или «дружина» короля были в этом смысле весьма ущемлены, поскольку требование Хлодвига пользоваться только водой и травой понималось не как буквальное, а как метафора ограничения потребностей самыми простыми растительными ресурсами. Это говорит о том, что Хлодвиг чувствовал себя в Пуатье и Туре в качестве наследника своего отца Хильдерика и человека, которого с городскими жителями и патрициатом связывали давние договоренности, вероятно, те, которые возникли еще в результате войны за Анжер в 460-х гг. Одновременно его дружина воспринималась не так, как могла бы восприниматься, например, группа воинов, связанных единым этническим

[185] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 37.

[186] *Ewig E.* Milo et eiusmodi similes // Ewig E. Spätantikes und fränkisches Gallien. München, 1979. Bd. 2, S. 211–219; *Kaiser R.*: 1). Bischofsherrschaft. S. 55–74; 2). Royauté et pouvoir épiscopale au Nord de la Gaule (VII–IX siècles) // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850 / ed. H. Atsma, Sigmaringen, 1989. Bd. 1, S. 147–150 (Beihefte der Francia; Bd. 16); *Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean. Oxford, 2005. P. 114.

[187] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 37.

происхождением или совместным пребыванием в рамках одного и того же племенного, а скорее военного союза.

Этот эпизод вместе с моментом, связанным с «Суассонской чашей», обычно воспринимали как еще одно свидетельство появления королевской власти как универсальной и охватывающей всех франков и галло-римлян (Grosskönigtum). При этом считалось, что франки-воины, участвовавшие в данном походе, были таким требованием Хлодвига ограничены. Однако хотелось бы обратить внимание на совершенно другие аспекты этого сообщения. Григорий Турский, сообщая об этом, подразумевал особую связь между правителем и городами, связанными с двумя важнейшими галльскими святыми. Эта связь была не просто показателем совместного существования в рамках территории бывшего диоцеза Римской империи. Фактически у Хлодвига было установлено определенное взаимное доверие с галло-римским населением и церковью, поэтому он выступал как магнат типа Эгидия, как военный предводитель и одновременно как гражданский администратор. Именно к этой второй функции он, вероятно, и хотел приручить своих воинов. Отметим, что уже во времена, описываемые Тацитом, а тем более во времена Хлодвига, дружина или племенное войско давно потеряли свою сакральную функцию и король был для них только светским властителем[188].

Как можно трактовать подобное отношение Григория Турского к франкам в галло-римской среде: как установленный факт или же как результат его посреднической позиции?[189] При исследовании ранней истории франков возникает вопрос о том, как отличить точку зрения Григория Турского от тех реалий, которые она иногда пыталась отражать, а иногда заслонять[190]. В данной главе хотелось бы предложить заново поставить вопрос о том, почему мнение Григория Турского подчеркивает противостояние между двумя мирами и почему оно явно отличается от мнения других современных ему

[188] *Picard E.* Germanisches Sakralkönigtum? Quellenkritische Studien zur Germania des Tacitus und zur altnordischen Überlieferung. Heidelberg, 1991; *Murray A. C.* Post vocantur Merohingii: Fredegar, Merovech, and 'Sacral Kingship' // After Rome's fall: narrators and sources of early medieval history. Essays presented to Walter Goffart, Toronto, 1998. P. 152.

[189] *Remitz.* History, Frankish identity. P. 444.

[190] *Wood I.* Defining the Franks: Frankish Origins in Early Medieval Historiography // Concepts of National Identity in the Middle Ages / eds. S. Forde, L. Johnson, A. V. Murray. Leeds, 1995. P. 271. (Texts and Monographs. N. S. 14).

историков, пусть и писавших в Византии, — Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского. Почему епископ Тура подчеркивал трагичность и конфликтный характер перехода от Галлии позднеантичной к Галлии раннесредневековой, а византийский историк Прокопий Кесарийский (ок. 500 — ок. 554), несмотря на завоевательные походы Велизария, наоборот, подчеркивал взаимный интерес галло-римских элит и фактический разрыв некоторых предводителей франков с собственными варварскими группами? Можно ли считать, что это было связано только с попыткой Григория Турского найти то общее в прошлом галло-римлян и франков, что могло бы их объединить?

Мы знаем, что в своей исторической концепции он зависел от Орозия и считал, что согласие между правителями, сыновьями и в особенности внуками Хлодвига (после раздела 561 г.) было главным. Одновременно он приводил Хлодвига в пример как правителя, который смог полностью избавиться от раздоров в своем роду[191]. Считается, что Григорий Турский был хорошим и прагматичным политиком, который стремился поддерживать статус Тура в сложной ситуации меровингских королевств[192]. Однако как это сочетается с его представлением о драматическом захвате власти Хильдериком и Хлодвигом, когда главной целью было, по-видимому, сохранить стабильность, и как этот захват влиял на его отношение к наследникам Хлодвига, внуку Хильперику (561–584), которого он описывал крайне негативно, и Сигиберту I (561–575) и его сыну Хильдеберту II (570–595), которых он, наоборот, считал примером добродетельных королей? Может ли быть, что епископ Тура хотел противопоставить франкское королевство римской Галлии, подчеркнув, что Меровинги правили не просто остатками позднеримской провинции, а уже созданным на ее основе совершенно новым политическим образованием?

В недавних работах историки стали принимать точку зрения Прокопия Кесарийского, считая, что на территории Галлии уже в V в. активно пошел процесс римско-германского синтеза и что галло-римская знать, т.е. городской патрициат, командиры вроде Эгидия или Сиагрия, а также предводители варваров стали активно взаимодействовать друг с другом с целью построения единого и стабильного

[191] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio.
[192] *Halsall.* The Preface to Book V. P. 317.

общества, основанного на согласии[193]. Можно ли принять эту точку зрения и таким образом объяснить странную позицию Григория Турского, который фактически, по мнению исследователей, отказался искать корни происхождения франков и практически свел их историю к паре сообщений относительно появления их отрядов в приграничных районах Римской империи?[194]

Для понимания этого обратимся к другому источнику. В своем сочинении «Готские войны» Прокопий Кесарийский создает сложную картину трансформации власти в Галлии в V в. Он рассказывает о том, что население Арморики (которую он называл Арборикой) стало воевать на стороне Рима и поставлять своих солдат в римские легионы для защиты северных границ империи. Впоследствии арморики заключили союз с германцами, которые пытались с ними воевать, образовав, таким образом, своего рода стабилизирующую силу в регионе между Северным морем и Луарой. После захвата вестготами Аквитании и Иберийского полуострова легионы, находившиеся там и состоявшие из солдат-христиан, вынуждены были присоединиться к этому союзу, чтобы не попасть под власть готов-ариан[195]. Современные историки полностью и некритично принимают этот аспект изложения Прокопия Кесарийского[196].

«Προϊόντος δὲ χρόνον Οὐισιγοτθοι τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν βιασάμενοι Ἱσπανίαν τε πᾶσαν καὶ Γαλλίας τὰ ἐκτὸς Ῥοδανοῦ ποταμοῦ κατήκοα σφίσιν ἐς φόρου ἀπαγωγὴν ποιησάμενοι ἔσχον. ἐτύγχανον δὲ Ἀρβόρυχοι τότε Ῥωμαίων στρατιῶται γεγενημένοι. οὓς δὴ Γερμανοὶ κατηκόους σφίσιν ἐθέλοντες ἅτε ὁμόρους ὄντας καὶ πολιτείαν ἣν πάλαι εἶχον μεταβαλόντας, ποιήσασθαι ἐληίζοντό τε καὶ πανδημεὶ πολεμησείοντες ἐπ᾽αὐτοὺς ἥεσαν. Ἀρβόρυχοι δὲ ἀρετήν τε καὶ εὔνοιαν ἐς Ῥωμαίους ἐνδεικνύμενοι ἄνδρες ἀγαθοὶ ἐν τῷδε τῷ πολέμῳ ἐγένοντο, καὶ ἐπεὶ βιάζεσθαι αὐτοὺς Γερμανοὶ οὐχ οἷοί τε ἦσαν, ἑταιρίζεσθαί τε ἠξίουν καὶ ἀλλήλοις κηδεσταὶ γίνεσθαι. ἃ δὴ Ἀρβόρυχοι οὔτι ἀκούσιοι ἐνεδέχοντο. Χριστιανοὶ γὰρ ἀμφότεροι ὄντες ἐτύγχανον, οὕτω τε ἐς ἕνα λεὼν ξυνελθόντες δυνάμεως ἐπὶ μέγα ἐχώρησαν. καὶ στρατιῶται δὲ Ῥωμαίων ἕτεροι ἐς Γάλλων τὰς ἑσχατιὰς φυλακῆς ἕνεκα ἐτετάχατο. οἳ δὴ οὔτε ἐς Ῥώμην ὅπως ἐπανήξουσιν ἔχοντες οὐ μὴν οὔτε προσχωρεῖν Ἀρειανοῖς οὖσι τοῖς πολεμίοις βουλόμενοι, σφᾶς τε αὐτοὺς ξὺν

[193] *Reimitz*. History, Frankish Identity. P. 447.
[194] Ibid.
[195] Procop. BG. I, 12, 13ff. S. 64–65.
[196] *Werner*. La 'conquête franque'. P. 28–29. N. 71.

τοῖς σημείοις καὶ χώραν ἣν πάλαι Ῥωμαίοις ἐφύλασσον Ἀρβορύχοις τε καὶ Γερμανοῖς ἔδοσαν, ἔς τε ἀπογόνους τοὺς σφετέρους ξύμπαντα παραπέμψαντες διεσώσαντο τὰ πάτρια ἤθη, ἃ δὴ σεβόμενοι καὶ ἐς ἐμὲ τηρεῖν ἀξιοῦσιν. ἔκ τε γὰρ τῶν καταλόγων ἐς τόδε τοῦ χρόνου δηλοῦνται, ἐς οὓς τὸ παλαιὸν τασσόμενοι ἐστρατεύοντο, καὶ σημεῖα τὰ σφέτερα ἐπαγόμενοι οὕτω δὴ ἐς μάχην καθίστανται, νόμοις τε τοῖς πατρίοις ἐς ἀεὶ χρῶνται. καὶ σχῆμα τῶν Ῥωμαίων ἔν τε τοῖς ἄλλοις ἅπασι κἀν τοῖς ὑποδήμασι διασώζουσιν»[197].

Б. Бакрак считал, что Ф. Лот был неправ, отвергая приведенное выше сообщение только на том основании, что Прокопий помещал арборихов (что, вероятно, означало население Арморики) к югу от Луары. Как показал исследователь, это являлось результатом неверного прочтения текста Прокопия. На самом деле византийский историк говорил только о том, что они находились «рядом» (ὅμορος), и, соответственно, ничем не грешил против истины[198]. К сожалению, в своей работе Б. Бакрак, отвергнув подход Ф. Лота, некритично принял свидетельства Прокопия и использовал его слова, чтобы опровергнуть сведения из «Истории» Григория Турского. Он сослался на Прокопия, утверждая, что, после крещения Хлодвига в 496 г., последовавшего за победой над аламаннами, франки отвернулись от него. Ученый считал, что именно по этой причине Хлодвиг вынужден

[197] «С течением времени, напав на Римскую империю, они [вестготы. – *Д. С.*] завладели всей Испанией и Галлией по ту сторону реки Роны и сделали их своими данницами. Военную службу для римлян несли тогда арборихи. Желая подчинить их себе как своих соседей и как изменивших своему древнему политическому строю, германцы стали их грабить и, будучи воинственными, всем народом двинулись против них. Но арборихи, проявляя свою доблесть и расположение к римлянам, показали себя в этой войне людьми достойными. Так как германцы не могли одолеть их силою, они сочли их достойными стать им товарищами и породниться друг с другом близким родством. Арборихи охотно приняли это предложение. Так как и те и другие были христианами-кафоликами, то они, таким образом, слились в один народ и стали еще более сильными. Но и другие римские воины были поставлены там для охраны в крайних пределах Галлии. Так как они не имели никаких средств, чтобы вернуться в Рим, а тем более ни в коем случае не хотели сдаться врагам, которые были арианами, то они себя со всеми знаменами и ту страну, которую они издавна охраняли для римлян, сдали арборихам и германцам: своим потомкам они передали все свои традиции и сохранили обычаи своей родины, свято храня их и теперь. Их легко можно узнать по номерам тех легионов, в которых в прежнее время они несли военную службу; и в бой они идут, неся перед собой те знамена, которые у них были, и всегда применяют законы своей родины. Они сохранили также римский костюм как во всем остальном, так и в своей обуви» (пер. С. П. Кондратьева).

[198] *Bachrach.* Procopius. P. 32.

был опираться на галло-римские отряды, находящиеся к югу от Луары[199]. Эта точка зрения была поддержана несколькими исследователями[200]. Как и Б. Бакрак, К.-Ф. Вернер посчитал, что союз Хлодвига с галло-римским населением, а также разрыв с отдельными германскими военными действительно имели место и произошли после прихода Хлодвига к власти[201]. Таким образом, в историографии вопроса появились две противоположные точки зрения: одна — классическая, сложившаяся в рамках традиций европейской медиевистики на основании прочтения латинских источников (в рамках которой Меровинги и франки были однородной группой, создавшей королевство франков), и вторая, в которой не только внутреннее единство королевства франков, но и основные факты из его истории и даже то, что Хлодвиг опирался на франков, подвергались сомнению.

Постараемся разобраться в причинах кажущегося несоответствия между информацией Прокопия Кесарийского и Григория Турского. Обратимся к истокам мировоззрения византийского историка, которое, как известно, в значительной степени было основано на событиях, связанных с попытками Юстиниана и Велизария отвоевать западное Средиземноморье у варваров и восстановить там римские порядки. Но сначала следует поставить вопрос, насколько в Византии знали о событиях в Галлии и насколько можно доверять информации Прокопия. То, что определенные связи и обмен информацией были, историки знали. Давно существует предположение, что византийская золотая чаша, которая была найдена в Восточной Англии, могла появиться из франкского королевства и вполне могла быть собственностью Хлодвига[202]. Поэтому оправданно обращаться к картине, создаваемой византийским историком, которая, как известно, в значительной степени было основана на событиях, связанных с попытками Юстиниана и Велизария отвоевать западное Средиземноморье

[199] *Bachrach.* Procopius. P. 32.

[200] *Werner K.F.*: 1) Conquête franque de la Gaule ou changement de régime? // Childeric-Clovis, rois des Francs 482–1983: De Tournai à Paris, naissance d'une nation. 1983. P. 5–6; 2) La «conquête franque». P. 7. Чуть ранее ее высказывал Г. Курт: *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 271. *Collins R.* Early medieval Europe, 300–1000. New York, 1991. P. 104–108; *Daly.* Clovis. P. 664; *Rouche.* Clovis. P. 184; *Heinzelmann M.* Herecy in Books I and II of Gregory of Tours' Historiae // After Rome's fall: narrators and sources of early medieval history. Essays presented to Walter Goffart. Ed. Murray A. C. Toronto, 1998. P. 68.

[201] *Werner.* La 'conquête franque'. P. 28–29; *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 79–81.

[202] *Wood.* The Merovingian North Sea. P. 12, 14, 17.

у варваров и восстановить там римские порядки. Представления Прокопия Кесарийского о регионах, ранее входивших в Западно-Римскую империю, по-видимому, основывались на той информации, которую он получил, когда в 536 г. вместе с Велизарием попал в Италию для ведения кампании против готов Тотилы. Постепенно вместе с ходом кампаний изменились и его представления. Изначально сочинение Прокопия было полно оптимизма в отношении успехов Велизария и надежды на скорую победу над варварами. К 540 г. Велизарий одержал ряд убедительных побед в Италии и был направлен на восток воевать против Персии. Однако в 544 г. в Италии снова заявили о себе готы, и Юстиниан перебросил Велизария в Италию. Так Прокопий оказался на западе еще раз. Именно тогда, к концу 540-х гг., он достаточно сильно изменил свое мнение относительно цели кампаний Византии на Западе и места варваров в провинциях бывшей Западно-Римской империи. Исследователи согласны, что Прокопий потерял оптимизм и начал более взвешенно относиться к целям восстановления римско-византийских порядков на Западе[203]. Сложно сказать, когда был написан пассаж о Галлии, но мы видим, что в нем романизация варваров в Галлии описывается в весьма положительных тонах, поэтому вероятно, что он был написан рано.

Современные исследователи сходятся в том, что, несмотря на неплохое знакомство с положением дел в Италии, Прокопий плохо представлял себе ситуацию в Галлии. В частности, он сделал ряд фактических ошибок, описывая вооружение франков[204]. На фоне сложившихся в современной науке представлений о недостоверности сведений, сообщаемых византийскими историками, имеет ли смысл вновь обращаться к отрывку из Прокопия Кесарийского, посвященному истории королевства франков? Нам представляется, что это необходимо, однако одновременно необходимо заново пересмотреть сочинение Григория Турского и его версию истории о становлении королевства франков. Только задачу, в отличие от историков первой половины XX в., следует ставить по-другому. Не стоит ожидать детального совпадения информации в обоих источниках и появления единой событийной канвы, потому что в лучшем случае информация из «Истории

[203] *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. London, 1985. P. 190–191.

[204] *Bachrach B.* Procopius, Agathias and the Frankish Military // Speculum. 1970. Vol. 45. No. 3. P. 436; *James.* The Franks. P. 211.

готских войн» может использоваться для дополнения информации из сочинения Григория Турского. Сравнивать эти два источника необходимо на уровне представлений историков и их отношения к событиям создания франкского королевства. Важно проанализировать не столько достоверность сообщений «Готских войн» Прокопия и «Истории» турского епископа в сравнении друг с другом, уже не раз проверенную историками, и их сходство или различия, сколько тот смысл, который оба историка вкладывали в описание образа франкской Галлии во время правления Хлодвига. Таким образом, стоит обратить внимание не на фактологическую сторону вопроса, а на то, как в изображении первых десятилетий королевства франков отразилось мировоззрение этих двух авторов, и сделать попытку выявить сходства и различия.

Рассмотрим источники более детально. Сразу же можно отметить, что сообщение Прокопия рисовало перед читателем картину франкского королевства, которая, как нам представляется, в некоторых своих аспектах отличалась от изображения захвата Галлии Хлодвигом у Григория Турского. Здесь мы не согласимся с мнением о том, что сообщение Прокопия Кесарийского доказывает факт создания совместных военных отрядов франков и галло-римлян именно после прихода Хлодвига к власти[205]. Представления о событиях в Галлии у византийского историка были весьма нечеткими. Главной идеей выступала «романизация» франкских правителей и включение их в средиземноморскую систему миросозерцания, что, как считал Прокопий, привело к внутреннему расколу во франкском обществе, разделившемся на проримскую элиту и тех, кто не принял романизацию. Отметим, что информация Прокопия Кесарийского принципиально отличается по своей глубине. Представляется, что нельзя выстраивать хронологию королевства франков на основании этого сообщения. Григорий Турский, безусловно, знал больше и мог называть точные события, даты и имена. Прокопий Кесарийский, с другой стороны, писал по большей части на основании чужой информации, и его представления даже о географии и населении Галлии были весьма расплывчатыми. Прокопий Кесарийский не уточнял даты тех событий, о которых писал, поэтому его изложение не может быть использовано для новой датировки событий в Галлии, если об этих событиях уже

[205] *Werner.* La 'conquête franque'. P. 28–29.

у варваров и восстановить там римские порядки. Представления Прокопия Кесарийского о регионах, ранее входивших в Западно-Римскую империю, по-видимому, основывались на той информации, которую он получил, когда в 536 г. вместе с Велизарием попал в Италию для ведения кампании против готов Тотилы. Постепенно вместе с ходом кампаний изменились и его представления. Изначально сочинение Прокопия было полно оптимизма в отношении успехов Велизария и надежды на скорую победу над варварами. К 540 г. Велизарий одержал ряд убедительных побед в Италии и был направлен на восток воевать против Персии. Однако в 544 г. в Италии снова заявили о себе готы, и Юстиниан перебросил Велизария в Италию. Так Прокопий оказался на западе еще раз. Именно тогда, к концу 540-х гг., он достаточно сильно изменил свое мнение относительно цели кампаний Византии на Западе и места варваров в провинциях бывшей Западно-Римской империи. Исследователи согласны, что Прокопий потерял оптимизм и начал более взвешенно относиться к целям восстановления римско-византийских порядков на Западе[203]. Сложно сказать, когда был написан пассаж о Галлии, но мы видим, что в нем романизация варваров в Галлии описывается в весьма положительных тонах, поэтому вероятно, что он был написан рано.

Современные исследователи сходятся в том, что, несмотря на неплохое знакомство с положением дел в Италии, Прокопий плохо представлял себе ситуацию в Галлии. В частности, он сделал ряд фактических ошибок, описывая вооружение франков[204]. На фоне сложившихся в современной науке представлений о недостоверности сведений, сообщаемых византийскими историками, имеет ли смысл вновь обращаться к отрывку из Прокопия Кесарийского, посвященному истории королевства франков? Нам представляется, что это необходимо, однако одновременно необходимо заново пересмотреть сочинение Григория Турского и его версию истории о становлении королевства франков. Только задачу, в отличие от историков первой половины XX в., следует ставить по-другому. Не стоит ожидать детального совпадения информации в обоих источниках и появления единой событийной канвы, потому что в лучшем случае информация из «Истории

[203] *Cameron A.* Procopius and the Sixth Century. London, 1985. P. 190–191.

[204] *Bachrach B.* Procopius, Agathias and the Frankish Military // Speculum. 1970. Vol. 45. No. 3. P. 436; *James.* The Franks. P. 211.

готских войн» может использоваться для дополнения информации из сочинения Григория Турского. Сравнивать эти два источника необходимо на уровне представлений историков и их отношения к событиям создания франкского королевства. Важно проанализировать не столько достоверность сообщений «Готских войн» Прокопия и «Истории» турского епископа в сравнении друг с другом, уже не раз проверенную историками, и их сходство или различия, сколько тот смысл, который оба историка вкладывали в описание образа франкской Галлии во время правления Хлодвига. Таким образом, стоит обратить внимание не на фактологическую сторону вопроса, а на то, как в изображении первых десятилетий королевства франков отразилось мировоззрение этих двух авторов, и сделать попытку выявить сходства и различия.

Рассмотрим источники более детально. Сразу же можно отметить, что сообщение Прокопия рисовало перед читателем картину франкского королевства, которая, как нам представляется, в некоторых своих аспектах отличалась от изображения захвата Галлии Хлодвигом у Григория Турского. Здесь мы не согласимся с мнением о том, что сообщение Прокопия Кесарийского доказывает факт создания совместных военных отрядов франков и галло-римлян именно после прихода Хлодвига к власти[205]. Представления о событиях в Галлии у византийского историка были весьма нечеткими. Главной идеей выступала «романизация» франкских правителей и включение их в средиземноморскую систему миросозерцания, что, как считал Прокопий, привело к внутреннему расколу во франкском обществе, разделившемся на проримскую элиту и тех, кто не принял романизацию. Отметим, что информация Прокопия Кесарийского принципиально отличается по своей глубине. Представляется, что нельзя выстраивать хронологию королевства франков на основании этого сообщения. Григорий Турский, безусловно, знал больше и мог называть точные события, даты и имена. Прокопий Кесарийский, с другой стороны, писал по большей части на основании чужой информации, и его представления даже о географии и населении Галлии были весьма расплывчатыми. Прокопий Кесарийский не уточнял даты тех событий, о которых писал, поэтому его изложение не может быть использовано для новой датировки событий в Галлии, если об этих событиях уже

[205] *Werner.* La 'conquête franque'. P. 28–29.

рассказывается в другом источнике, даже если это известный своей особой (иногда крайне субъективной) точкой зрения Григорий Турский.

Основная идея Прокопия состоит в том, что в Галлии, по его мнению, к моменту прихода туда франков сложился тесный союз между римлянами и населением Арморики (т.е. будущей Нейстрии). К этому союзу присоединилась франкская династия, которая не захватила Галлию, а стала частью уже существовавшего союза[206]. Но не менее важным в его сообщении является то, что, как он считает, правитель франков, захватив Галлию, столкнулся с недовольством своего собственного *gens*, представителям которого не нравились его тесные контакты с галло-римлянами. Поэтому ему пришлось опереться на солдат-христиан (римлян и жителей Арморики), с помощью которых он и укрепился в Галлии и основал новую династию. Мы видим, что у Прокопия присутствует идея внутреннего конфликта между франкской верхушкой и германцами, которой, на первый взгляд, нет у Григория Турского. Отметим, что многие исследователи, кто использовал сообщение Прокопия Кесарийского, обошли этот момент, подчеркнув триумфальную взаимную интеграцию франков и галло-римлян[207]. Однако упомянем тот факт, что в сочинении епископа Тура присутствует тема совершенно другого конфликта: между франками, галло-римским населением и римскими легионами и их полководцами, которая полностью противоположна описанию Прокопия Кесарийского. В частности, доказательством ошибочности сообщения византийского историка мог бы служить общеизвестный факт, что епископ Тура начинает историю франкского королевства с захвата власти Хлодвигом у Сиагрия в результате военного сражения после смерти Эгидия[208].

Однако можно ли говорить о том, что это различие в сообщениях двух источников действительно принципиально? Для согласования этих двух версий франкской истории стоит обратить внимание не только на факты, содержащиеся в исторических сочинениях, но и на те цели, которые ставили перед собой оба автора при написании своих сочинений и на их мировоззрение. Мы уже упоминали о взгляде на историю Прокопия Кесарийского. Обратимся теперь к Григорию

[206] Ibid. P. 22–23; *Rouche*. Clovis. P. 157; *Reimitz*. History, Frankish Identity. P. 79–81, 444.

[207] *Werner*. La 'conquête franque'. P. 28–29; *Reimitz*. History, Frankish Identity. P. 79–81.

[208] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18, 27.

Турскому. В течение долгого времени предполагалось, что епископ Тура стремился к написанию этноцентрического сочинения, «Истории франков», в котором успехам франков как единого *gens* было уделено преобладающее внимание. Однако исследование рукописной традиции показало, что на самом деле точным названием работы Григория Турского было «История» (или «Десять книг историй», «Historiarum libri decem») и что традиционное название «История франков» появилось только в рукописях IX–X вв. по причине сходного названия другого, более позднего исторического сочинения «Книга истории франков» («Liber historiae francorum»)[209]. Поэтому цель сочинения Григория состояла не в том, что написать историю племени франков. Более того, новые исследования позволяют пересмотреть смысл тех частей «Истории» Григория Турского, которые описывают начальный период истории королевства франков. Как было установлено, характер историописания турского епископа в различных книгах его сочинения менялся. Издатель немецкого перевода текста «Истории» Р. Бюхнер сделал значительный прорыв в оценке функций каждой из частей книги. Он подчеркнул, что текст этого сочинения составлялся постепенно, и разные части текста отличались друг от друга в плане оформления их Григорием Турским в связный рассказ[210]. Некоторые исследователи считают, что начало было положено предисловием к книге V, в которой Григорий Турский выразил всё свое отношение к истории королей франков из рода Меровингов[211]. Соответственно, в зависимости от целей, которые ставил епископ Тура в каждой из частей, менялся и образ власти. Эту точку зрения разделяют теперь многие исследователи[212]. В той части, которая имела отношение к Хлодвигу, Григорий Турский не ставил своей целью точно пересказать исторические события, связанные с проникновением франкского *gens* на территорию Галлии. В книгах I–IV своего сочинения он стремился передать устную традицию, а не рассказать факты,

[209] *Buchner.* Einleitung. I–III.

[210] *Buchner.* Einleitung. S. XXI.

[211] *Halsall.* The Preface to Book V. P. 317.

[212] *Goffart W.* 1) Zosimos: The First Historian of Rome's Fall // American Historical Review. 1971. Vol. 76. No. 2. P. 441; 2) Rome, Constantinople and the Barbarians // The American Historical Review. 1981. Vol. 86. No. 2. P. 306; 3) The Narrators. P. 118, 166; *Breukelaar.* Historiography and Episcopal Authority. P. 294, 296; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 97–101.

свидетелем которых он являлся. При этом он адаптировал эту устную традицию так, чтобы высказать свое мнение об основании королевства франков и о его месте в истории. Поэтому Григорий Турский в этих первых книгах подчинил свой рассказ цели создания особого образа первых франкских правителей как основателей королевства, и вполне естественно, что этот образ был субъективным.

Известно, что Григорий Турский был не только грамотным историком, но и человеком, который хорошо разбирался в хитросплетениях политики. Была предложена гипотеза, что его сочинение, вероятно, выросло из предисловия к книге V, в котором было выражено крайне отрицательное отношение автора к вражде между королями[213]. В качестве гипотезы можно предположить, что на самом деле эта вражда не столько является установленным фактом внутренней стратегии борьбы за власть франкских королей, которые вряд ли могли иметь столь продуманную программу действий для поддержания своей власти в своем королевстве и ограничения родственников-соперников, сколько объясняется позицией самого Григория Турского, который не акцентировал вопросы существовавшего между соправителями согласия как «ненужные» с его точки зрения[214]. Более того, он мог на основании доступных ему сведений не просто пересказывать события, а пытаться выражать свое собственное видение истории, в частности создавая свою концепцию ранней истории Меровингов в книгах с I по IV[215]. Ряд исследований показали, как следует отделять авторские стратегии от исторической действительности в «Истории» Григория Турского[216]. Называя врагов Хлодвига во второй книге «ханаанитами» (т.е. жителями той области Ближнего Востока, которая была захвачена иудеями), Григорий Турский хотел, чтобы его читатели воспринимали легитимность и значимость победы первого франкского короля над другими правителями франков и других варварских групп в библейско-экзегетических тонах[217]. Возможно также, что в этих четырех книгах епископ Тура создал

[213] *Halsall.* The Preface to Book V. P. 317.

[214] *Ganshof.* Een historicus. P. 9; *Buchner.* Einleitung. S. XII.

[215] *Goffart.* The Narrators. P. 118, 166; *Breukelaar.* Historiography and Episcopal Authority. P. 294, 296; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 97–101.

[216] *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 194; *Goffart.* The Narrators. P. 153.

[217] *Demyttenaere A.* Clovis en de Kanaänieten: Het heilshistorisch perspectief van Gregorius van Tours // Ad fontes / Opstellen aangeboden aan prof. dr. C. van de Kieft ter gelegenheid van zijn afscheid als hoogleraar in de middeleeuwse geschiedenis aan de Universiteit van Amsterdam. Amsterdam: Verloren, 1984. P. 34–35.

пронизанную библейскими метафорами цельную концепцию становления легитимной варварской династии в бывшей римской провинции посредством «праведной войны»[218]. Таким образом, «Историю» Григория Турского нужно воспринимать в первую очередь как отражение исторической концепции, а не как обычный исторический нарратив.

Захват территории Галлии франками, в соответствии с идеей Григория Турского, проходил не так однозначно, как кажется. В частности, мы узнаём, что после того как однажды Хильдерик осадил Орлеан (460-е гг.), а Одоакр с саксами захватил Анжер, умер Эгидий, который передал власть своему сыну Сиагрию. Но поскольку тот был еще мал, разгорелись сражения между предводителями различных групп варваров и военачальниками римлян. В частности, комит Павел попытался вместе с «римлянами» и «франками» выбить готов, хотя Григорий Турский не упоминает откуда. Можно предположить, что он в первую очередь постарался освободить Анжер, поэтому именно туда бросился военачальник (по-видимому, во главе отряда варваров) Одоакр. О личности Одоакра известно мало, историкам оставалось лишь строить предположения. Согласно одному их них, им мог быть будущий король Италии и предводитель готов (433/476–493)[219]. Известно, например, что он по пути из Галлии остановился у св. Северина (410–482)[220]. К 470 г. Одоакр уже был римским военачальником[221]. На момент захвата Анжера Одоакру — возможно, будущему королю Италии — было не более 40 лет, так что он вполне мог быть тем самым человеком, который захватил Анжер. Хильдерик прибыл на следующий день и, поскольку Павел был уже убит, захватил власть в Анжере[222].

[218] *Wynn.* Wars and Warriors in Gregory of Tours' Histories I–IV. P. 34–35.

[219] *Reynolds R. L., Lopez R. S.* Odoacer: German or Hun? // American Historical Review. 1946. Vol. 52. P. 45.

[220] Vita Sancti Severini / hrsg. von T. Nüsslein. Stuttgart: Reclam, 1999. Cap. 6, 7: «Qua devotione etiam ante hoc factum quidam barbari, cum ad Italiam pergerent, promerendae benedictionis ad eum intuitu deverterent. Inter quos et Odoacer, qui postea regnavit Italiae, vilissimo tunc habita iuvenis statura procerus advenerat. Qui dum se, humilimae tectum cellulae suo vertice ne contingeret, inclinasset, a viro dei gloriosum, se fore, cognovit. Cui etiam valedicenti: Vade, inquit, ad Italiam, vade, vilissimis nunc pellibus coopertus, sed multis, cito, plurima, largiturus».

[221] Iordanes. Getica // MGH Auctores Antiquissimi. Vol. 5.1. / hrsg. von T. Mommsen. Hanover: Hahn, 1882. P. 242.

[222] Greg. Tour. Hist. Lib. 2. Cap. 18: «И вот Хильдерик вел войну под Орлеаном, а Одоакр с саксами выступил против Анжера. Тогда сильная эпидемия чумы покосила

Несмотря на все сложившиеся мифы в отношении сути и задач создания исторического труда, целью Григория Турского, как и Прокопия Кесарийского, было интегрировать франков в структуры власти и миросозерцания средиземноморского мира. Захват франками Галлии у Григория Турского вовсе не выглядел событием, характеризовавшимся состоянием конфликта между франками Хильдерика и Хлодвига и галло-римским населением. В частности, он неоднократно подчеркивал, что многие из населения бывшей Галлии были католиками и, соответственно, предпочитали франков готам-арианам. Мы узнаём, например, что многие жители Дижона открыто стремились перейти под власть франков и что по этой причине епископ этого города Апрункул вызвал серьезные подозрения у бургундского правителя[223]. Под Анжером в 470-е гг. франки сражались под командованием комита Павла[224]. Последний факт говорит о многом. В частности, очевидно, что Григорий Турский вполне открыто дал понять,

---

народ. Умер также и Эгидий, оставивший сына по имени Сиагрий. После смерти Эгидия Одоакр получил заложников из Анжера и других мест. Бретоны, изгнанные готами из Буржа, многих своих оставили убитыми около деревни Деоль. Но Павел, римский военачальник, с помощью римлян и франков выступил против готов и унес с поля боя богатую добычу. Когда же Одоакр пришел в Анжер, то туда на следующий день подошел король Хильдерик и, после того как был убит Павел, захватил город. В тот день от сильного пожара сгорел епископский дом» («Igitur Childericus Aurilianis pugnas egit. Adovacrius vero cum Saxonibus Andecavo venit. Magna tunc lues populum devastavit. Mortuus est autem Egidius et reliquit filium Syagrium nomine. Quo defuncto, Adovacrius de Andecavo vel aliis locis obsedes accepit. Brittani de Bituricas a Gothis expulsi sunt, multis apud Dolensim vicum peremptis. Paulos vero comes cum Romanis ac Francis Gothis bella intulit et praedas egit. Veniente vero Adovacrio Andecavus, Childericus rex sequenti die advenit, interemptoque Paulo comite, civitatem obtinuit. Magnum ea die incendio domus aeclesiae concremata est»).

[223] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 23: «Между тем когда слух об устрашающей силе франков уже распространился и в этих местах и все страстно желали подчиниться их власти, святой Апрункул, епископ города Лангра, вызвал у бургундов подозрение. И так как ненависть к нему росла с каждым днем, был отдан приказ о тайном его убийстве. Когда Апрункул узнал об этом, он ночью, спустившись по стене, ушел из Дижонской крепости и пришел в Клермон. Там он по слову господню, вложенному в уста святого Сидония, стал одиннадцатым епископом» («Interea cum iam terror Francorum resonaret in his partibus et omnes eos amore desiderabili cupirent regnare, sanctus Abrunculus Lingonicae civitatis episcopus apud Burgondiones coepit haberi suspectus. Cumque odium de die in diem cresceret, iussum est, ut clam gladio feriretur. Quo ad eum perlato nuntio, nocte a castro Divionensi per murum dimissus Arvernus advenit, ibique iuxta verbum Domini, quod posuit in ore sancti Sidonii, undecimus datur episcopus»).

[224] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18.

что в Галлии на тот момент сложился союз между галло-римским населением и франками и что, по-видимому, уже к тому времени существовали сборные военные отряды, включавшие в себя представителей и тех и других[225]. Более того, в соответствии с его описанием одним из важнейших оснований для захвата власти Хильдериком был союз римлян и франков, упоминавшийся ранее при описании сражения при Анжере. Интересно, что вопрос военного превосходства, по-видимому, не был главным в данном случае. Ему предшествовал вопрос легитимности правителя, которым не мог быть любой военачальник. Основанием для удержания власти была опора на уже сложившиеся альянсы. По-видимому, Хильдерик как предводитель франков, располагавшихся в округе Суассона, имел право возглавить этот союз[226]. С другой стороны, упомянутый Одоакр явно не мог претендовать на те же самые права, даже если это был будущий король Италии. Иордан упоминает, что тот человек, который достиг потом одной из величайших почестей в мире Поздней Античности и Раннего Средневековья, был предводителем Торциллингов (*Torcillingorum rex*)[227]. В другом месте, однако, историк говорит о том, что он был предводителем Ругиев[228]. В любом случае его этническое происхождения явно было далеко от Галлии, и поэтому он не мог претендовать на роль главы союза франков и галло-римлян.

Напрашивается вывод, что, по мнению Григория Турского, между франками и галло-римлянами во второй половине V в. сложились очень тесные отношения, корни которых, по-видимому, уходили еще в период битвы при Каталаунских полях или даже ранее. Это была типичная для Раннего Средневековья ситуация, потому что галло-римская знать традиционно описывала варварских властителей как часть римского мира и подданных или наместников римского или византийского императора. Например, известный своим положением в Галлии Авит писал от имени короля бургундов Сигизмунда императору Анастасию, что отец того был «король народа и одновременно ваш солдат» (*gentis regem, sed militem vestrum*)[229]. Можно отметить, что именно так

[225] *Werner*. La 'conquête franque'. P. 29; *Reimitz*. History, Frankish Identity. P. 444.
[226] *James*. Childéric. P. 9–12.
[227] Iord. Get. Cap. 242.
[228] Iord. Rom. Cap. 344.
[229] Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose / ed. D. Shanzer, I.N. Wood. Liverpool: Liverpool University Press, 2002. Ep. 46A: *Wood I.N.* Gentes, Kings and Kingdoms the

ситуация виделась и другому византийскому историку, Агафию, чьим сообщениям можно больше доверять в отношении Меровингского королевства, чем сообщениям Прокопия[230]. В частности, Агафий писал о значительном сходстве франкских порядков с римскими[231]. В целом этот историк считал, что аламанны во многом жили так же, как и франки. Он подчеркивал, что, в отличие от последних, они остались при своих верованиях и не обратились в христианство, как это сделали их соседи[232]. Однако из писем того же Авита Хлодвигу становится ясно, что отношения между франками и средиземноморским миром были намного сложнее. Исследование переписки показало, что в отличие от бургундов и аламаннов франки представляли собой особую группу, которая состояла скорее из федератов со своими особыми правами, чем из солдат вспомогательных легионов[233].

Более того, есть и другие параллели между рассказами Прокопия Кесарийского и Григория Турского. Конфликты между франками и германцами по причине слишком сильной романизации первых, описанные у Прокопия Кесарийского, — это вряд ли выступление кого-либо из франков против Хлодвига. Считалось, что это может быть упоминанием о постоянных сражениях, которые вынуждены были вести рипуарские франки, жившие в районе Кёльна (т.е. не франки

Emergence of States: The Kingdom of the Gibichungs // Regna et Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in Transformation of the Roman World / ed. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden, 2003. P. 255.

[230] *Cameron A.* 1) Agathias on the Early Merovingians // Annali Della Scuola Normale Superiore Di Pisa. 1968. Vol. 37. P. 136–139; 2) Agathias. Oxford, 1970. P. 50–51, 54–55, 120–121; 3) Procopius and the Sixth Century. P. 210–213.

[231] Agathias. Historiarum libri quinque / hrsg. von R. Keydell. Berlin: W. de Gruyter. 1967. I, 2 (Corpus fontium historiae byzantinae 2): «...εἰσὶ γὰρ οἱ Φράγγοι οὐ νομάδες, ὥσπερ ἀμέλει ἔνιοι τῶν βαρβάρων, ἀλλὰ καὶ πολιτείᾳ ὡς τὰ πολλὰ χρῶνται Ῥωμαικῇ καὶ νόμοις τοῖς αὐτοῖς καὶ τὰ ἄλλα ὁμοίως ἀμφὶ τε τὰ συμβόλαια καὶ γάμους καὶ τὴν θείου θεραπείαν νομίζουσιν. Χριστιανοὶ γὰρ ἅπαντες τυγχάνουσιν ὄντες καὶ τῇ ὀρθοτάτῃ χρώμενοι δόξῃ. ἔχουσι δὲ καὶ ἄρχοντες ἐν ταῖς πόλεσι καὶ ἱερεῖς καὶ τὰς ἑορτὰς ὁμοίως ἡμῖν ἐπιτελούσι...» («Ибо франки не номады, как многие из варваров, но в большинстве случаев пользуются римскими гражданскими порядками и теми же законами, равным образом одинаково мыслят о договорах, браке и божественной службе. Все они христиане и придерживаются вполне христианской веры. [Франки] имеют в городах и правителей, и священников». (Пер. М. В. Левченко.))

[232] *Geuenich D.* Der Kampf um die Vormachtstellung am Ende des 5. Jahrhunderts: Das Beispiel der Alemannen zwischen Franken und Ostgoten // Von der Spätantike zum frühen Mittelalter / eds. T. Kölzer, R. Schieffer. Ostfildern: Thorbecke, 2009. P. 159–160.

[233] *Wood.* Gentes, Kings and Kingdoms. P. 267.

Хильдерика и Хлодвига), против известных своей воинственностью аламаннов[234]. Однако на данный момент представляется, что это сообщение Прокопия не нужно воспринимать буквально и не стоит его датировать временем правления Хлодвига. А идея о союзе между франками и германцами, скорее всего, имеет аналогию с одной из историй, рассказанной Григорием Турским. Речь идет об эпизоде, когда Хильдерик, изгнанный из Суассона, привел за собой обратно из Тюрингии жену Бизину, от которой и родился Хлодвиг[235]. В источнике VIII в. «Liber historiae Francorum» предполагается, что уже во время пребывания Хильдерика в Тюрингии между ним и Базиной возникли тесные отношения[236]. Таким образом, в рассказе турского епископа франкское королевство и династия Меровингов были созданы благодаря союзу не только с галло-римлянами и остатками римских легионов, но и благодаря тесной связи франков и германцев-тюрингов.

Думается, что строки Прокопия не так уж сильно отличались от той картины, которую пытался создать Григорий Турский в своем сочинении. Византийский историк противопоставлял варваров-германцев романизировавшимся варварам и их магнатам, на подмогу которым пришли галло-римские солдаты-христиане. Григорий Турский не только не отрицал эту идею, но, наоборот, давал дополнительную информацию для ее развития. Однако, в отличие от других исследователей, в настоящей монографии предполагается, что сообщения Прокопия Кесарийского относились не столько к событиям около 496 г., сколько к периоду пребывания у власти Эгидия в 460–470-е гг., когда и был заключен союз между населением Арморики и франками, ставший, по-видимому, основной опорой для создания римских легионов в этом регионе Галлии. Фактически Прокопий Кесарийский чуть интереснее и более широкими мазками рисует не что иное, как процесс формирования так называемого «Суассонского королевства» франков, т.е. процесс, впервые рассмотренный в работе Э. Джеймса[237]. Именно так, как представляется, и нужно уточнить значимость сообщения Прокопия Кесарийского для понимания хода истории франков в Галлии.

---

[234] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 299–302.

[235] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 13.

[236] *Bourgain P.* Clovis et Clotilde chez les historiens médiévaux des temps mérovingiens au premier siècle capétien // Bibliothèque de l'École des chartes. 1996. Vol. 154. No. 155–156.

[237] *James.* Childéric. P. 9–12.

Однако возникает вопрос, почему Григорий Турский не акцентировал свое внимание на этих событиях, предшествовавших созданию альянса между населением Арморики, галло-римлянами, римскими военными командирами и франками, и почему он дал крайне сжатое изложение всего, что произошло до прихода к власти Хлодвига в 481/482 г. Можно попытаться понять, какие цели преследовал Григорий Турский, когда описывал переход власти от Эгидия и Сиагрия к Хлодвигу как насильственный захват в результате победы в военном сражении. Подчеркивая, что франки, захватившие Северную Галлию силой, так же как это сделали другие варвары в других провинциях Западной Римской империи, обратились в католичество и только потом распространили свое влияние на всю Галлию, Григорий Турский, возможно, преследовал цель подчеркнуть историческую дистанцию между Римской империей и королевством франков и указать, что последнее никогда и ни в каком виде не подчинялось и не было зависимо от Римской империи.

Напрашивается вывод, что, в отличие от Кассиодора, Иордана, Беды, Фредегара и автора «Liber historiae Francorum», которые обращались к прошлому варварских народов в римскую эпоху, для Григория Турского история франков начиналась с захвата Суассона Хильдериком, а более ранние события, связанные с проникновением франков на римскую территорию, их службой в римских легионах и тесным слиянием их интересов с интересами галло-римской знати и бывшей римской военной верхушки, его не волновали. Причем первым «настоящим» королем франков (не таким, которого свои соплеменники могли посчитать тираном за отдельные действия) Григорий Турский видел именно Хлодвига, т. е. правителя, который наследовал как светской власти Римской империи в качестве наместника и военачальника варварских контингентов, бывших ранее на службе Римской империи, так и римской имперской церкви в качестве «нового Константина». В его рассказе, в отличие от историй Фредегара и автора «Liber historiae Francorum», не было места прародителям Хильдерика и Хлодвига, которые привели франков к границам Римской империи, или описанию тесных союзов между франками, галло-римским населением и сенаторской знатью и полководцами Римской империи[238].

[238] *Wood*. Defining the Franks. P. 35; *Fouracre*. The Nature. P. 297; *Goetz*. Die germanisch-romanische Kultursynthese. P. 559; *McKitterick*. Akkulturation. P. 261.

Тем более можно утверждать, что Григорий Турский не просто подражал позднеантичным жанрам «церковной истории» и «*originis gentis*», а модифицировал их в процессе поиска новой формы исторического повествования, в особенности далеко отойдя от последнего типа повествования. Фактически в этом смысле сочинение Григория Турского является полной антитезой «Гетики» Иордана[239]. События, происходившие до этого, мало интересовали историка, который в первую очередь хотел провести водораздел между арианским, готским периодом в истории Поздней Античности и пришествием франков, поддержавших католицизм. Представляется, что именно поэтому Григорий Турский не акцентировал внимание на тесном союзе франков, галло-римлян и бывших римских военачальников, который сложился в годы, непосредственно предшествовавшие переходу власти в руки Хильдерика и Хлодвига.

Интересно, что если сложить вместе два сообщения — Григория Турского и Прокопия Кесарийского, то получается интересная картина. С одной стороны, из «Готских войн» византийского автора мы узнаем, что варвары наладили мирное сосуществование с Римской империей. Однако если добавить к этому сообщение епископа Тура, то картина усложняется, потому что последний пишет о конфликте внутри самого варварского общества. Как он считает, правитель франков, захватив Галлию, столкнулся с недовольством своего собственного *gens*, представителям которого не нравились его тесные контакты с галло-римлянами. Поэтому ему пришлось опереться уже на «тюрингов», т. е. на варваров из-за Рейна[240]. У Григория Турского присутствует идея внутреннего конфликта между франкской верхушкой и франками, которые предпочли Хильдерику римского военачальника, которой, на первый взгляд, нет у Прокопия. Отметим, что К. Ф. Вернер обошел этот момент, подчеркнув триумфальную взаимную интеграцию франков и галло-римлян[241]. Курт посчитал недостоверным сообщение Прокопия Кесарийского хотя бы потому, что исследователям давно было известно о неопределенности термина «франк» в силу сходства образа жизни и интересов салических франков, рипуарских

[239] *Goffart*. The Narrators. P. 153; *Heinzelmann*. Gregor von Tours. P. 194; *Moore M.E.* A Sacred Kingdom: Bishops and the Rise of Frankish Kingship, 300–850. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2011. P. 126–127.

[240] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18, 27.

[241] *Werner*. La 'conquête franque'. P. 28–29.

франков и аламаннов[242]. Согласимся с этим. Более того, сообщения Григория Турского и византийского историка сходятся (правда, только типологически) в том, что начало присутствия варваров в Галлии на постоянной основе начинается с конфликта, который у епископа Тура имеет конкретно-историческое выражение захвата власти Хлодвигом у Сиагрия в результате военного сражения после смерти Эгидия[243]. Таким образом, сообщение Прокопия Кесарийского типологически похоже на сообщение Григория Турского, оно, безусловно, отражает какие-то эпизоды из истории нахождения варваров на территории Галлии, словно бы взято из прошлого для него периода, т.е. из времени до 481 г. Однако такая интерпретация нам на руку, потому что в этом случае видно, что даже для византийцев франки не были источником проблем в Галлии до создания своего королевства, потому что они никоим образом не возникают в качестве нарушителей спокойствия. Можно предположить, что ситуация, описанная Прокопием, очень хорошо характеризует время между сражением на Каталаунских полях 451 г. и правлением Хильдерика.

По сути, внимательное исследование источников этой эпохи показывает, что на фоне отдельных столкновений и конфликтов в приграничных районах с той и другой стороны создается новая общность, состоящая из римских военачальников, варварских предводителей, многие из которых могли похвастаться статусом военачальников федератов, местного населения и варваров. Она не была однородной и существовала бок о бок с другими варварами. Но именно эта общность, представители которой явно опирались на общий дух договоренностей между империей в лице императора Юлиана и франками, стала основой для возникновения королевства франков. Этот дух мирного сосуществования нужно отличать от мнения Григория Турского, который описывал создание королевства как захват в силу преследуемых им собственных мировоззренческих целей. Предположим, что столь сильное неприятие преемственности между Галлией как частью Римской империи и королевством франков имело причиной только его нежелание в качестве епископа Тура вновь подчиняться податному и правовому режиму поздней Римской империи, в рамках

[242] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 298; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 182.

[243] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18, 27.

которых права епископа были бы ограничены церковной юрисдикцией. Обрисовать создание королевства франков как разрыв с Римской империей было способом подчеркнуть принципиальную новизну королевства франков, где, как ему хотелось бы, для епископов его статуса уже не было бы никаких ограничений кроме тех, которые накладывали договоренности (как их предполагал Григорий Турский) с королями франков.

2.1.6. Григорий Турский и Хлодвиг: Проблема исторического подхода

«История» Григория Турского представляет собой проблему для исследования, потому что историческая картина, которую она создает, не соответствует реальности. В частности, одним из важнейших моментов рассогласования между его образом правителей франков и их реальными действиями является их отношение к церкви. Например, ни Хильдерик, ни Хлодвиг, ни сыновья, ни даже внуки Хлодвига не опирались активно на церковные соборы, хотя они могли бы это сделать. Можно предположить, что это было нормальной практикой для регионов, составлявших ранее Западно-Римскую империю, потому что в королевстве вестготов тоже невозможно найти примеров тесного взаимодействия с ортодоксальной церковью (в их случае — по причине их арианства). Это нежелание обращаться к церковным соборам как к отражению социальных и властных структур галло-римского общества составляло разительный контраст с образом Хлодвига как «нового Константина»[244].

Отношение к Григорию Турскому начало меняться во второй половине XX в., когда стало очевидно, что невозможно понять представления о власти и социальной структуре общества, предварительно не постигнув тот смысл, который авторы исторических сочинений вкладывали в обращение к прошлому. История с суассонской чашей и другие казавшиеся ранее эталонными сюжеты не могут свидетельствовать о восприятии королевской власти франков епископом Тура как «абсолютной». Сейчас ясно, что власть меровингских королей не стояла над родовыми и дружинными порядками и не отличалась

[244] *Schneider R.* König und Königsherrschaft bei den Franken // Von Sacerdotium und Regnum: geistliche und weltliche Gewalt im frühen und hohen Mittelalter: Festschrift für Egon Boshof zum 65. Geburtstag / hrsg. von E. Boshof, F.-R. Erkens, H. Wolff. Köln, 2002. S. 26.

принципиально от власти других варварских правителей в других регионах бывшей Западной Римской империи. Более того, у исследователей появляется всё больше уверенности в том, что эти «эталонные» для авторов XIX в. эпизоды, вероятно, не были предназначены для того, чтобы донести до читателя реальные факты истории правления Хлодвига. Они были лишь немногими элементами из целого спектра, которыми Григорий Турский хотел описать свое видение истории королевства франков. Усложнение представлений о переходе от Античности к Средним векам в XX столетии и появление новых подходов к исторической методологии привели к тому, что анализ отдельных эпизодов, рассказанных Григорием Турским, перестал удовлетворять исследователей и тем более перестал быть неоспоримым доказательством исключительно варварского характера королевской власти в раннемеровингскую эпоху.

Критика Григория Турского как историка получила толчок в работах Ван де Вивера, который предложил коренным образом пересмотреть хронологию правления Хлодвига. Тем самым он поставил под сомнение достоверность рассказа епископа Тура[245]. Затем своими исследованиями Ж. Тессье, Ф. Лот и Ф. Гансхоф способствовали постепенному отмиранию традиции рассматривать отдельные эпизоды из «Истории» (и в особенности эпизод с «суассонской чашей») как свидетельство существования у франков варварских (и в частности дружинных) порядков на момент захвата ими Галлии. Они предложили не считать эти эпизоды доказательством того, что Хлодвиг решил порвать с этими порядками и стать самодержавным королем и добиться единоличной власти. В своей программной работе Ж. Тессье и Ф. Лот подчеркнули, что все письменные свидетельства о правлении Хлодвига относятся ко второй половине или даже к концу VI в. Эти источники ставят перед историками серьезнейшие проблемы выявления даже основополагающих фактов[246]. Ф. Гансхоф, в свою очередь, отметил, что первые две книги, которые были отведены Григорием под библейскую историю и историю христианской церкви Галлии в ее связи со становлением христианской церкви у франков и с коро-

[245] *Van de Vijver.* 1) La victoire contre les alamans. 1936. P. 914; 2) La victoire contre les alamans. 1937. P. 94; 4) L'unique victoire. P. 813.

[246] *Tessier G.* La baptême de Clovis. Paris, 1964. T. 1. P. 71–81, 85–89, 91–93, 104–105, 111–112. (Trente journées qui ont fait la France); *Lot F.* Naissance de la France. Paris: Presses Universitaires de France, 1970. P. 11–13, 15, 19, 21, 24–25, 33–35.

нованием Хлодвига, наиболее компилятивны. Поэтому мы не можем судить о его историческом методе на их основе[247]. В них Григорий Турский сильно зависел от традиции, христианской и франкской[248]. Ф. Гансхоф также подчеркнул, что события конца V — первой половины VI в. Григорий Турский не мог наблюдать лично. Следовательно, он пересказывал устную традицию. А качество этой традиции от Григория не зависело, и поэтому исследователи не могут строго судить его за ошибки и неточности. Здесь Ф. Гансхоф развил идеи В. Юнганса и Г. Курта, которые еще в XIX в. отметили наличие в рассказе Григория Турского следов устной традиции и передаваемых из поколения в поколение легенд[249]. Восприняв критический взгляд Ж. Тессье и Ф. Лота, он показал, что Григорий Турский не собирался рисовать Хлодвига как самодержавного тирана, порвавшего с традициями германской дружины. Ф. Гансхоф не видел в рассказе епископа Тура никакого идеологического заряда и был склонен рассматривать его лишь как беспристрастный пересказ доступной ему устной традиции[250]. Зато небольшой период второй половины VI в., как подчеркнул Ф. Гансхоф, Григорий мог наблюдать лично. Он отмечает, что с V по X книги Григорий Турский отходит от пересказа традиции. В них он уделяет много внимания событиям, информацию о которых он почерпнул у хорошо осведомленных людей, у *dramatis personae* (т.е. у участников событий)[251]. В этой части своей «Истории» в центр его повествования становится *Regnum Francorum* — королевство франков[252]. Таким образом, как считал Гансхоф, только образы современных Григорию правителей конца VI в. мы можем рассматривать как его личный взгляд на власть, в то время как Хильдерик, Хлодвиг и даже сыновья последнего для него не более чем «имена из легенды».

Прорыв в осознании особенностей структуры текста и процесса его написания был сделан издателем немецкого перевода «Истории» Григория Турского. Он подчеркнул, что первыми были написаны книги с I по IV, а книге V Григорий Турский предпослал небольшое введение,

---

[247] *Ganshof.* Een historicus. P. 9.
[248] Ibid. P. 10.
[249] *Junghans.* 1) Die Geschichte. S. 40; 2) Histoire critique. S. 63; *Kurth.* Clovis. Vol. 2. P. 118, 127.
[250] *Ganshof.* Een historicus. P. 11.
[251] Ibid. P. 13.
[252] Idid. P. 14–15.

как и книге I. Указание Бухнером на сознательную разбивку епископом Тура своего текста подтверждает идею Ф. Гансхофа о том, что Григорий видел разницу в характере своих источников и повествования. В отличие от изложения событий в кн. I–IV, в кн. V и далее он повествовал в похожей на анналы форме[253]. Текст «Истории» в кн. V, гл. 14, описывающий события 577 г., мог быть написан только в период с 580 по 582 г. или в короткий промежуток времени в 584 г. Это связано с тем, что в этой главе Григорий Турский повествует о потере Хильпериком сына, что могло соответствовать только нескольким датам. Старший сын Хильперика скончался в 580 г.[254] Теодерих, второй сын, родился в 582 г.[255], и хотя он умер рано, в 584 г., в этот же год у Хильперика родился другой сын — Хлотарь II[256]. В той части своей книги, которая рассказывает о событиях 584 г., Григорий говорит о епископе Сульпиции из Буржа как о здравствующем[257], но последняя книга (591 г.) упоминает, что он скончался[258]. В 585 г. Григорий пишет о том, что борьба между королями подошла к концу[259], не зная того, что она будет продолжаться еще три года[260]. Таким образом, Григорий писал с перерывами в 3–5, иногда 7 лет, и, поскольку описываемая им ситуация менялась, менялась и его точка зрения на события[261]. Для Р. Бухнера это является доказательством идеи (чуть ранее выдвинутой Ф. Гансхофом) о том, что во второй половине своей «Истории» Григорий Турский изображал события второй половины VI в. иначе, нежели приход Хлодвига к власти. Епископ Тура не пытался записать по памяти (или в соответствии с уже сложившейся историографической традицией) исторические события, а обращался к перу непосредственно по мере их развертывания. Центральным моментом второй части является правление короля Хильдеберта I, которого Григорий описал как примерного христианского властителя и по годам правления которого он датировал историю Меровингского королевства[262]. Об образе Хильдеберта будет сказано

[253] *Buchner.* Einleitung. S. XXI.
[254] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 34, 39.
[255] Ibid. Lib. VI. Cap. 23, 27.
[256] Ibid. Cap. 34, 41.
[257] Ibid. Cap. 39.
[258] Ibid. Lib. X. Cap. 26.
[259] Ibid. Lib. VII. Cap. 47.
[260] Ibid. Lib. IX. Cap. 19.
[261] *Buchner.* Einleitung. S. XXII.
[262] *Buchner.* Einleitung. S. XXI.

далее. Описание Григорием событий, связанных с правлением Хильдеберта, дает возможность сделать вывод, что эта часть текста была написана в момент событий или по их свежим следам[263].

Развивая идеи Р. Бюхнера, можно предположить, что следует с осторожностью относиться к образу Хлодвига у Григория Турского. В то же время современник епископа Хильдеберт, по мнению исследователя, представлял собой пример христианского властителя.

Свои сомнения в отношении правдивости образа Хлодвига высказывал и Д. Стрэйер, который отказывал в достоверности повествованию о том, что этот правитель победил своих соперников обманом (как об этом писал епископ Тура), а не просто силой[264]. Более суровый вердикт вынесли В. Левисон и И. Вуд, которые напрямую предложили воспринимать всю информацию Григория Турского с сомнением. В частности, первый заявил, что рассказ епископа в той части, которая касается Хлодвига и его сыновей, «является полностью легендарным и что не нужно принимать его рассказы слишком серьезно»[265]. А И. Вуд подчеркнул, что мы «имеем право отвергать любые факты [приводимые Григорием Турским. — *Д. С.*], если только нельзя подтвердить их опорой на более раннюю и независимую традицию»[266]. Исследователи отмечали, что Григорий Турский, несмотря на весь свой интерес к Хлодвигу, сравнительно мало знал об этом короле и мог многое выдумать. Картина его правления была построена не на твердо известных Григорию фактах, а на крайне обрывочных сведениях[267]. С. Лебек, продолжая критическую традицию Ж. Тессье, Ф. Лота и Ф. Гансхофа, склонен рассматривать отдельные эпизоды

---

[263] Ibid.

[264] Dictionary of the Middle Ages / ed. J. Strayer. New York, 1982. T. 3. P. 466: «Clovis began by eliminating rival Frankish kings by force, and if we can believe Gregory of Tours, by trickery» (Хлодвиг начал путем удаления соперничавших с ним франкских королей силой, и если можно верить Григорию Турскому, хитростью).

[265] *Wattenbach, Levison.* Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter. Vol. 1. P. 103. No. 226.

[266] *Wood I.* Gregory of Tours and Clovis. P. 261: «...we are entitled to reject or view with suspicion any fact supplied (by Gregory D.S.) <...> unless it can be shown to have some support from earlier, reliable material» (...мы имеем право отвергать или рассматривать с сомнением любой факт, о котором сообщает Григорий Турский, если только у него нет поддержки от более раннего и, соответственно, более надежного источника).

[267] *Carozzi C.* Le Clovis de Grégoire de Tours // Le Moyen Age. 1992. Vol. 98. P. 169–185; *Halsall G.* Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009. Leiden, 2010. P. 170.

из истории Хлодвига (и в особенности ставший уже стандартным для учебников эпизод с «суассонской чашей») как малодостоверные и не несущие никакой позитивной информации о правлении Хлодвига. Он также отметил, что эти эпизоды можно истолковать по-разному. Он предлагает еще один вариант толкования этого эпизода, допуская, что воин, наказанный Хлодвигом, вполне мог быть его родственником и что в данном случае имела место отмеченная в других частях сочинения Григория Турского склонность первого короля франков к уничтожению своих родственников ради целостности династии. Однако, как и другие попытки истолкования этого эпизода, гипотеза Лебека остается целиком на совести этого исследователя[268]. Исследователь обращает внимание на то, что все «факты» правления Хлодвига говорят больше о той задаче, которую ставил перед собой Григорий Турский, нежели о тенденциях развития королевской власти у франков. Итак, можно считать, что в конце XX в. круг замкнулся — эпизоды из Григория Турского, на которые мало обращали внимания в начале XIX в., до работ О. Тьерри, и которые историки-позитивисты середины и второй половины этого столетия использовали для доказательства своего видения романо-германского синтеза, снова потеряли научный авторитет в конце века XX.

В отношении образов королей — современников Григория Турского у исследователей сложился консенсус, что здесь автор высказывал свою личную точку зрения. Однако вопрос о том, содержится ли в ранних образах Хильдерика и Хлодвига какой-то личный взгляд епископа, вызвал новый виток споров. Приходится признать, что правы те исследователи, которые предлагают рассматривать первые четыре книги «Историй» (в том числе включающие и книгу II, посвященную правлению Хлодвига) как часть его сочинения, могущую быть использованной для понимания исторической концепции Григория Турского[269]. То есть, если для Гансхофа первые четыре книги «Истории» имели сугубо легендарный характер, в которых автор пересказывал устную традицию, то для современных исследователей важна другая точка зрения. Вопросы об исторических концепциях и задачах, которые ставил перед собой Григорий Турский (как в первых четырех книгах, так и во всем

[268] *Lebecq*. Les origines franques: Ve–IXe siècle. P. 12.

[269] *Goffart*. The Narrators. P. 118, 166; *Breukelaar*. Historiography and Episcopal Authority. P. 294, 296; *Heinzelmann*. Gregor von Tours. P. 97–101.

сочинении), характерны именно для работ последних лет. В частности, целый ряд ученых приняли в качестве аксиомы утверждение о том, что Григорий Турский активно использовал в своем труде церковные концепции прошлого, эсхатологические концепции истории, характерные для позднеантичного христианского мировоззрения[270].

Для понимания тех идей, которые Григорий Турский вложил в первые книги своей истории, стоит обратить большее внимание на структуру самой «Истории». Это необходимо потому, что ранее считалось, что в силу своей «наивности» и «безыскусности» Григорий Турский не заботился об организации своего повествования и выступал только в роли «летописца». Об этом свидетельствовала, как казалось историкам, и структура его повествования, в которой, как он сам писал, он «вперемешку» (*mixte confuseque*) излагал события раннесредневековой истории[271]. Интерпретация словосочетания *strages gentium* будет дана позже. А именно, эти слова истолковывались как оправдание того, что в его сочинении в равной степени были «перемешаны» как истории о королях франков, так и рассказы о епископах и церковной жизни франкского королевства (в особенности региона в непосредственной близости от Тура). Григорий Турский далее раскрывал принципы своего повествования более развернуто. В предисловии ко второй книге он объяснял постоянные переходы от рассказов о франкских правителях к историям о епископах тем, что принципом расположения материала для него служила последовательность событий во времени, а не «простота» расположения материала. Он специально оговаривал, что легкость написания не была его задачей[272]. Но его слова были истолкованы не как осознанное выражение плана исторического повествования, а только как оправдание своей неспособности расположить материал в соответствии с какими-либо рамками (в частности, с заданными позднеантичными создателями жанров, которые можно назвать «церковная история» и «*origo gentis*»). Они были поняты как своеобразное

[270] *Heinzelmann*. Gregor von Tours, S. 194; *Goffart*. The Narrators. P. 153.

[271] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Praefatio: «Prosequentes ordinem temporum, mixte confuseque tam virtutes sanctorum quam strages gentium memoramus» (Следуя ходу времени, мы рассказываем как о благочестии святых, так и о страстях язычников (перевод автора)).

[272] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Praefatio: «Non enim inrationabiliter accipi puto, se filicem beatorum vitam inter miserorum memoremus excidia, cum idem non facilitas scripturis, sed temporum series praestitit» (Я считаю разумным, чтобы мы, повествуя о праведной жизни святых, сообщили и о гибели нечестивых людей, ибо этого требует не удобство пишущего, а последовательность времени).

извинение перед читателями. Сочинение Григория Турского рассматривалось поэтому только как летопись[273].

Однако современная историческая наука всё больше отходит от такого рода оценок и концентрируется на наличии в трудах Григория Турского приемов организации повествования и цитат, взятых из позднеантичного историописания. Влиянию позднеантичных традиций на историков Раннего Средневековья были посвящены работы Гоффарта и Хайнцельмана[274], общие работы, например сочинение Грундмана[275], и частные исследования, посвященные, например, методам историописания Кассиодора[276]. Известна эрудиция автора «Истории», который родился в семье хорошо образованного епископа Авита Клермонского и неплохо знал античную литературу. Нам известно, что Григорий Турский читал Вергилия, Саллюстия, Авла Геллия, Горация, использовал их тексты и подчас дословно их цитировал[277]. Также неплохо исследовано позднеантичное наследие историописания в трудах Григория Турского. Было показано, что он был весьма начитан в области латинской позднеантичной историографии, знал латинские переводы трудов Евсевия, хронику Сульпиция Севера и «Семь книг против язычников» Орозия[278]. Заимствование позднеантичных моделей историописания Григорием Турским привлекало внимание историков, но только в контексте заимствования библейских метафор.

Исследователи ставят вопрос о целостном восприятии текста Григория. Надо научиться обращаться к его сочинению не как к архиву, из которого мы вольны выбирать ту информацию, которая нас интересует. Исследовательской задачей является искать отдельные образы и метафоры позднеантичного историописания. Следует видеть в «Истории» Григория Турского текст, написанный в соответствии с планом и внутренней логикой автора, который подбирал для своего сочинения факты таким образом, чтобы его изложение этих

[273] *Wattenbach, Traube.* Deutschlands Geschichsquellen. S. 84, 86.

[274] *Goffart.* The Narrators. P. 153; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. S. 194.

[275] *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen, Epochen, Eigenart. Göttingen, 1965.

[276] *Heather P.* Cassiodorus and the Rise of the Amals: Genealogy and the Goths Under Hun Domination // The Journal of Roman Studies. 1989. Vol. 79. P. 103–128.

[277] *Kurth G.* Grégoire de Tours et les études classiques au VI siècle // Kurth G. Études franques. Paris, 1919. Vol. 1. P. 14–24.

[278] *Kurth.* De l'autorité de Grégoire de Tours. P. 135–136.

фактов соответствовало канонам позднеантичной историографии[279]. Сам факт знакомства Григория Турского с позднеантичными историческими сочинениями хорошо известен исследователям. Однако отразилось ли это знание только в фактическом материале или также и в нарративных (повествовательных) структурах и исторических концепциях? Нам представляется, что наиболее перспективная возможность дальнейшего исследования заимствований автором «Истории» позднеантичных канонов историописания лежит в анализе структуры сочинения епископа Тура. В особенности, как нам кажется, следует обратить внимание на то, каким образом Григорий Турский делал выбор между различными историографическими подходами для описания событий в Галлии. В дальнейшем мы попытаемся доказать гипотезу, что к «Истории» Григория Турского стоит подходить не как к сочинению, в котором историк переписывал старые хроники и наивно описывал увиденное им, а как к сложному повествованию, в котором наличествовал ряд исторических концепций и нарративных структур, взятых из позднеантичных исторических сочинений, которые автор смог совместить в цельном повествовании.

Этот вопрос важен, потому что раннесредневековые историки — Кассиодор, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный — не просто знали исторические тексты позднеантичных авторов[280]. Они показывали свое тонкое понимание жанровых особенностей сложившихся типов позднеантичного историописания. Чтобы понять особенности Григория Турского в этом контексте, нужно сначала обратить внимание на других историков Раннего Средневековья, чтобы оттенить его особенности как автора. Сравнение исторических взглядов епископа Тура со взглядами его предшественников представляет собой важную задачу, потому что исследователи на данный момент убеждены в отсутствии в V в. единой исторической парадигмы, которую мог бы заимствовать Григорий Турский. Более того, историки сейчас убеждены в наличии в трудах предшественников епископа Тура значительных расхождений в оценке исторических событий, среди которых

[279] *Noble T.* The Transformation of the Roman World. Reflexions on Five Years of Work // East and West: Modes of Communication. Proceedings of the First Plenary Conference at Merida / eds. E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 267.

[280] *Шкаренков П.П.* Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: Миф, образ, реальность. М.: РГГУ, 2003.

автор «Истории» мог сделать выбор[281]. И в целом в Поздней Античности сложился ряд приемов историописания и метафор, которые могли значительно отличаться, а иногда создавать прямо противоположные картины прошлого.

Григорий Турский сделал этот выбор, признавшись, что в своей «Истории франков» он хочет следовать таким авторам, как Евсевий Кесарийский («Церковная история»), Сульпиций Север («Житие св. Мартина»), Иероним Стридонский (перевод «Хроники» Евсевия) и Орозий («Семь книг против язычников»), т.е. «тяжеловесам» в области исторического знания. Однако он пренебрег рядом историков, чьи сочинения были доступны в Галлии в эту эпоху[282]. В частности, в своем труде он процитировал хроники двух других позднеантичных историков, Сульпиция Александра и Рената Профутура Фригерида[283], однако он не приводил их в качестве примеров для подражания. Это говорит нам о том, что Григорий Турский делал различие между информацией из исторических сочинений и хроник и структурой исторического повествования (нарратива).

В числе историков, которым Григорий Турский следовал, он упоминал Евсевия Кесарийского (ум. 339/340), автора «Церковной истории» и «Хроники»[284]. Этот позднеантичный историк фактически заложил основу «церковной истории» как типа историописания: следование «Historia ecclesiastica» многие раннесредневековые авторы (в частности, Кассиодор и Беда) считали своей задачей[285]. Этот жанр, созданный Евсевием в контексте становления христианства как государственной религии, стал одной из фундаментальных форм исторического повествования в Поздней Античности. У Евсевия появилось много последователей[286]. Несмотря на широкое распространение,

---

[281] *Wood I.* Continuity or Calamity: The Constraints of Literary Models // Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? / J. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 14.

[282] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Praefatio.

[283] Ibid. Cap. 8, 9; *Kurth.* De l'autorité de Grégoire de Tours. S. 136.

[284] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Praefatio: «Sic et Eusebius, Severus Hieronimusquae in chronicis atque Horosius et bella regum et virtutes martyrum pariter texuerunt» (Точно так же, вперемежку, писали в своих хрониках о войнах царей и о чудесах мучеников историки Евсевий, Север, Иероним и Орозий).

[285] *Ващева И.Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. С. 42–46.

[286] *Jackson F.J. F.* Eusebius Pamphili, Bishop of Caesarea in Palestine and First Christian Historian. A Study of the Man and His Writings. Cambridge, 1933. P. 310.

этот жанр обладал рядом специфических особенностей, которые и по сей день служат предметом полемики для исследователей. Среди работ, выделивших субъективные аспекты метода Евсевия Кесарийского, обусловленные контекстом составления «Церковной истории», можно выделить, например, работы Демпфа и Гранта[287]. В частности, Р. Грант подчеркивал «неисторичность» и субъективность метода Евсевия, выделяя в его повествовании и методах подачи материала особенности выражения авторского взгляда. О том же говорит и Барнс[288]. Стоит отметить также и недавнее исследование, в котором показывается, что сюжет превращения христианства в государственную религию был для Евсевия способом реализовать свои «оригенистские» взгляды на церковь и на историю[289]. Значение этого для понимания «Истории» Григория Турского будет рассмотрено далее.

Но несмотря на то значение, которое имела «Церковная история» для развития историописания в позднеантичном мире, следование ей не могло дать Григорию Турскому и другим средневековым авторам исчерпывающий набор приемов для написания истории раннесредневековой Европы. Главная особенность исторического метода Евсевия заключалась в выборе особого объекта для своего повествования. В отличие от сложившихся к тому времени моделей историописания, «Церковная история» не описывала историю этноса или политического образования, и поэтому повествование постоянно «путешествовало» по различных регионам Средиземноморья, рассказывая о событиях церковной истории, мучениках, исповедниках и епископах[290]. Однако несмотря на широту и кажущуюся бессистемность изложения охватываемых событий, работа Евсевия представляет собой единое повествование. В качестве объекта анализа Евсевий сконцентрировался на одном, пусть и довольно расплывчатом на тот момент

[287] *Dempf A.* Eusebios als Historiker, Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophischhistorische Klasse. Jahrgang 1964. Hf. 11. München, 1964; *Grant R.* 1) Eusebius and His Church History // Understanding the Sacred Text: Studies in Honor of Morton S. Enslin / J. Reumann. Valley Forge, PA, 1972. P. 235–247; 2) Eusebius as Church Historian. Oxford, 1980; 3) The Case Against Eusebius // Studia Patristica. 1975. 12. P. 413–421.

[288] *Barnes.* Constantine and Eusebius. P. 269–271.

[289] *Ferguson T.C.* The Past Is Prologue: The Revolution in Nicene Historiography. Leiden: Brill, 2005. P. 55–56. (Supplements to Vigiliae Christianae. 75).

[290] По этой причине некоторые исследователи даже назвали Евсевия своеобразным «перипатетиком», а его жанр – плохо переводимым на русский язык словосочетанием peripathetic history («бродячая история»).

сообществе людей, которые выбрали христианство в качестве своей религии, т.е. на «церкви»[291]. Его история являла пример реализации в историческом процессе патристических концепций формирования церкви. Необходимо учесть новые взгляды на значение теологии Оригена для формирования исторической концепции Евсевия, в частности в отношении сюжета превращения христианства в государственную религию[292].

Этот тип повествования хорошо подходил для Поздней Античности, когда христианство стало государственной религией и когда обращение к истории епископов и верующих достаточно объемно описывало основные тенденции социальной и политической истории поздней империи. «Церковные истории» Сократа (ок. 380 – ок. 439), Созомена (ок. 400 – ок. 450) и «Религиозная история» Теодорета Киренского (ок. 393 – ок. 458/460 (466)) продолжали дело Евсевия Кесарийского, рисуя живую картину развития христианской церкви в IV–VI вв. и затрагивая основные события истории империи[293]. Этот жанр оказал существенное влияние и на Григория Турского, который в своем сочинении отводит значительное место истории церкви в Галлии, в особенности в г. Туре и областях, непосредственно к нему примыкающих. В своем повествовании историк в деталях рассказывает о праведных епископах и о тех, кто, по мнению турского прелата, занял кафедру в обход канонических правил, вопреки воле епископов и верующих.

Однако «церковная история» не могла служить для Григория Турского единственным типом исторического повествования. Она давала примеры исторического описания религиозных споров в политическом контексте[294]. Автор подчеркивает, что, описывая споры с ариана-

---

[291] *Glenn F.* Chesnut, The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. Macon, GA, 1986; *Chesnut G.F.* The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. Macon, GA, 1986. P. 94; *Ващева.* Евсевий Кесарийский. С. 42–48; *Кривушин И.В.* Рождение церковной историографии. Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 61.

[292] *Ferguson.* The Past Is Prologue. P. 55–56.

[293] Sokrates. Kirchengeschichte / hrsg. von G.C. Hansen, M. Širinjan. Berlin, 1995. (Griechische Christliche Schriftensteller. N.F. 1); Sozomen. Historia ecclesiastica = Kirchengeschichte / ed. G.C. Hansen. Turnhout, 2004; Theodoret. Des Bischofs Theodoret von Cyrus Mönchsgeschichte / Übersetzt von K. Gutberlet. München, 1926. (Bibliothek der Kirchenväter. 50).

[294] *Dempf.* Eusebios als Historiker. S. 12.

ми, Евсевий интересовался не столько их догматическими аспектами, сколько тем значением, которое эти споры имели для идеологии власти Константина Великого. Однако такая история не предлагала способов описания «деяний» новых правителей бывших римских провинций, королей из варваров-германцев. Именно поэтому в уже цитировавшемся нами фрагменте историк упоминает, что так же, как это делает он, в свое время Евсевий, Сульпиций Север и Иероним в своих «хрониках», а также Орозий в равной степени уделяли внимание как войнам королей, так и деяниям исповедников[295]. Не стоит соглашаться с Г. Куртом, который понимает эту фразу как извинение Григория Турского за наличие в его трудах историй о святых[296]. Нам представляется, что автор «Истории» в данном случае не извинялся перед читателем, а объяснял наличие в своем сочинении параллельного изложения церковной и светской историй не своим незнанием литературного канона, а сознательным использованием в одном повествовании двух жанров.

Отметим, что здесь Григорий Турский в качестве примера повествования, посвященного как светским правителям, так и прелатам церкви, упоминает «хроники» церковных историографов, а не вообще «церковную историю» как таковую. Но даже и жанр позднеантичной хроники не мог дать готового шаблона для описания реалий варварских королевств. Поэтому когда проникновение варваров на территорию Римской империи стало состоявшимся фактом, историки не смогли пользоваться ни одним из сложившихся в Поздней Античности шаблонов историописания. Варварские народы, например «готы» для Кассиодора или Исидора Севильского, «франки» для Григория Турского или, в случае с Бедой Достопочтенным, «народ англов», не подходили на роль объекта историописания, выполненного в таком жанре. Они представляли собой естественно сложившееся родоплеменное объединение, а не связанное сознательным выбором религии сообщество в контексте поздней империи. Варварские королевства явно не походили на государства, деятельность которых могла рассматриваться как пример реализации на практике одной из эпох священной истории, исчисляемой от сотворения мира (как

[295] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Praefatio. «Sic et Eusebius, Severus Hieronimusquae in chronicis atque Horosius et bella regum et virtutes martyrum pariter texuerunt».

[296] *Kurth*. De l'autorité de Grégoire de Tours. P. 131.

это было в случае «хроник» Евсевия / Иеронима и Сульпиция Севера). И тем более варварские народы не подходили на роль римского народа времен республики, что было основной темой для Орозия в его «Historiarum adversus paganos libri septem»[297].

Появившийся в V–VI вв. новый жанр, который мы можем условно назвать *origo gentis*, видимо, и призван был стать жанром для описания реалий варварских королевств. О формировании такого вида отношения к прошлому как о своеобразном особом жанре писал Х. Вольфрам[298]. Его использовали такие историки, как Исидор Севильский, написавший «Historia romana» и «Historia gothorum», и Иордан в «Гетике», вдохновением для которого служила информация по истории готов Кассиодора. Особенностью этого жанра явилось значительное внимание историков позднеантичной эпохи к конкретным вопросам становления племен в качестве основы варварских королевств, в частности практические аспекты генеалогии и семейной и родовой преемственности варварских правителей. Кассиодор и Иордан ставили во главу угла своего повествования вопросы ранней истории королевских родов вестготов и остроготов (например, Амалов, королевского рода остроготов) и их превращения в правящую династию. Кассиодор посвятил этой теме часть своих «Variae»[299]. Более того, Кассиодор не просто восстановил генеалогию остроготских королей, а так переписал ее, что его патрон, остроготский король Эутарих[300], стал

[297] [Paulus Orosius]. Pauli Orosii Historiarum adversum paganos, libri VII. Accedit eiusdem Liber apologeticus / hrsg. von K. F. W. Zangemeister. Vindobonae, 1882.

[298] *Wolfram H.* Origo et religio: Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 19–38.

[299] Cass. Var. Lib. IX. 25. 4ff; Lib. VIII. 9. 8.

[300] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XXXI. Cap. 3. 1–2: «Igitur Huni pervasis Halanorum regionibus quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit, interfectisque multis et spoliatis, reliquos sibi concordandi fide pacta iunxerunt, eisque adiuti confidentius Ermenrichi late patentes et uberes pagos repentino impetu perruperunt, bellicosissimi regis et per multa variaque fortiter facta vicinis nationibus formidati. Qui vi subitae procellae perculsus quamvis manere fundatus et stabilis diu conatus est, inpendentium tamen diritatem augente vulgatius fama, magnorum discriminum metum voluntaria morte sedavit» (И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них:

потомком «великого» Германариха (ум. 376) посредством своего предка Винитария, которого Кассиодор, по-видимому, неслучайно «перепутал» с Витимиром, реальным наследником Германариха[301]. Таким образом, необходимость описания реалий варварских королевств требовала от историка совершенно других навыков, нежели написание исторических сочинений в соответствии с уже устоявшимися позднеантичными шаблонами. В частности, Орозий не смог включить описание современных ему событий захвата варварами Западной Римской империи в свою концепцию истории, и описание событий 406–410 гг., как считают исследователи, выпадает из стройной структуры его сочинения[302]. Кассиодор и его последователь Иордан детально разобрались в генеалогических хитросплетениях остроготских правителей. Они создали благоприятный для правящей родственной группы образ династии, ведущей свое происхождение от самого Германариха[303]. Этот жанр значительно отличался и от хроник, и от церковных историй, и от той апологии римской истории, которую попытался провести в своем сочинении Орозий.

Вопрос о новаторстве и соблюдении традиций в раннесредневековом историописании заставляет исследователей обратиться

но так как молва всё более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью).

[301] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XXXI. Cap. 3. 3: «Cuius post obitum rex Vithimiris creatus restitit aliquantisper Halanis, Hunis aliis fretus, quos mercede sociaverat partibus suis. Verum post multas, quas pertulit clades, animam effudit in proelio, vi superatus armorum. Cuius parvi filii Viderichi nomine curam susceptam Alatheus tuebatur et Saphrax, duces exerciti et firmitate pectorum noti, qui cum tempore arto praeventi abiecissent fiduciam repugnandi, cautius discedentes ad amnem Danastium pervenerunt, inter Histrum et Borysthenem per camporum ampla spatia diffluentem» (Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию, которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном); *Heather.* Cassiodorus and the rise of the Amals. P. 128; *Christensen A. S.* Cassiodorus, Jordanes, and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002.

[302] *Goetz H. W.* Orosius und die Barbaren: Zu den umstrittenen Vorstellungen einen spätantiken Geschichtstheologen // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1980. Jg. 29. S. 376.

[303] *Heather.* Cassiodorus and the rise of the Amals. P. 128; *Шкаренков.* Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: Миф, образ, реальность.

к Григорию Турскому, сочинение которого занимает центральное место между позднеантичным по сути историописанием Кассиодора и Исидора и раннесредневековой «Церковной историй народа англов» Беды. Цель написания и жанровая принадлежность его «Истории» и, соответственно, его видение процесса перехода позднеантичной Галлии в раннесредневековую служили для исследователей его творчества источником постоянных споров. В свете новых исследований нужно учитывать тот факт, что раннесредневековые историки неплохо знали позднеантичное историописание и понимали его основные концепции и жанровые ограничения. Полезной точкой отсчета для начала анализа, как нам кажется, является вопрос о том, стояла ли перед Григорием Турским проблема выбора между различными историографическими традициями? Если да, то каким образом он подходил к ее решению и какие именно позднеантичные традиции могли навеять ему методы организации своего повествования? В частности, в немецкой медиевистике сложилась традиция называть сочинение Григория «Историей франков», что ставило этот труд в ряд других сочинений, составленных в жанре *origo gentis*[304]. Вслед за этим и русский перевод был назван «История франков»[305]. Это создавало и создает впечатление, что епископ г. Тура стремился подражать Кассиодору, Иордану и Исидору Севильскому с их «Гетикой» и «Историей готов». Можно подумать, что его задачей было написать историю варварской группы с общими этническими корнями, захватившей одну из провинций Западно-Римской империи и создавшей на обломках империи свое королевство, как это было сделано, например, Кассиодором в отношении готов[306]. Более того, это позволяло считать королевство Меровингов наименее романизованным из всех варварских политических образований Раннего Средневековья. Предполагалось, что именно в нем можно в полной мере наблюдать процесс романо-германского синтеза.

В развитие этого тезиса исследователями было сделано предположение, что Григорий Турский не видел большого различия между

---

[304] *Wattenbach W., Traube L.* Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. S. 84, 86.

[305] Григорий Турский. История франков / под ред., коммент. В.Д. Савукова. М., 1987.

[306] *Heather P.J.* Goths and Romans, 332–489. Oxford, 1991. P. 19–21; *Moore.* A Sacred Kingdom: Bishops and the Rise of Frankish Kingship, 300–850. P. 126.

жанрами *origo gentis* и церковной историей. В частности, было предложено считать, что редакция его сочинения, состоящая из шести книг, возможно, была создана самим Григорием Турским для светских читателей, которых интересовали в первую очередь борьба за власть между светскими правителями и сражения, а не церковные дела, которые были Григорию Турскому не менее интересны, чем светская история. Выдвигалось предположение, что изначально Григорий Турский написал сочинение всеобщего типа, *Historiae*, в котором сюжетам церковной истории уделялось столько же места, сколько сюжетам из светской истории, а потом был вынужден создать специально адаптированную для франкской элиты «Историю франков» (*Historia francorum*)[307]. Но с течением времени возобладала оценка Григория Турского как целостного историка, и сейчас даже сторонники этой точки зрения предполагают, что если эта редакция и предполагалась в качестве специального варианта «истории», выполненного в жанре «История франков», она могла быть создана более поздним переписчиком для облегчения подготовки к военным ранним кампаниям Карла Великого[308].

Однако это представление в корне неверно, и уже во второй половине XX в. было доказано, что название «История франков» сочинение Григория Турского приобрело только в некоторых рукописях X в. и что оно является плодом творчества средневекового писца. На данный момент убедительно показано, что настоящее название этого труда Григория — «История» (или, точнее, «Десять книг историй»)[309]. Таким образом, Григорий Турский, как мы можем предположить, не ставил перед собой задачи написать историю варварского народа, как считала историография XIX в.

Видимо, именно по этой причине образы франкских королей, которые он рисовал, не соответствуют тем, которые создавали в своих сочинениях столкнувшийся с реалиями варварских вторжений Аммиан Марцеллин и имевшие возможность наблюдать их последствия Кассиодор, Иордан и Исидор Севильский. В «Истории» нельзя найти ни генеалогии франкских королей, ни сколь-либо развернутой

[307] *Goffart W.* From Historiae to Historia francorum and back again aspects of the textual history of Gregory of Tours // Rome's Fall and After. London, 1989. P. 255–274.

[308] *Bachrach B.* Charlemagne's Early Campaigns (768–777): A Diplomatic and Military Analysis. Leiden, 2013. (History of warfare. 82). P. 198.

[309] *Buchner.* Einleitung. S. I–III.

информации о франках до их прихода на бывшую римскую территорию. В отличие от Кассиодора и Иордана, Григорий Турский не интересовался прошлым тех правителей и того народа, с которыми оказалась связана история Галлии. И несмотря на то что Григорий Турский хорошо знал другого представителя галло-римской знати, Сидония Аполлинария, создавшего образ готского короля Теодериха II, он не взял его в качестве образца для подражания. Епископ Тура видел в Сидонии пример епископа, который, несмотря на свое сенаторское происхождение, стал идеалом раннесредневекового прелата[310]. Вероятно, он был знаком также и с его письмами, в которых переполненный материальными, физическими подробностями образ короля аквитанских готов Теодориха занимал важное место. Но в описании Григорием Турским меровингских королей мы не найдем ни единого намека на тот образ, которые создал Сидоний Аполлинарий в одном из своих писем[311]. Таким образом, сочинение епископа Тура вряд ли можно считать классическим представителем жанра *origo gentis*, и чтобы истолковать правильно образы франкских королей, нужно обратиться к тем трансформациям *historia ecclesiastica*, которые этот жанр претерпел, когда Поздняя Античность уступила место Раннему Средневековью.

Григорий Турский так описывал цель своего сочинения: «Поскольку изучение благородных наук ушло из городов галльских, вернее даже, ушло навсегда, когда совершалось немало деяний как праведных, так и нечестивых, свирепствовала, утихая, дикость язычников, буйствовала, становясь более утонченной, ярость королей, когда еретики нападали на церкви, а католики их защищали, когда вера Христова во многих горела ярким пламенем, а в иных едва теплилась, когда сами церкви то обогащались дарами людей благочестивых, то разграблялись нечестивцами, — в такое время не нашлось ни одного искушенного в красноречии знатока словесности, который изложил бы эти события или прозаическим складом, или мерным стихом»[312]. Традиционно эта метафора воспринималась как пассаж, задающий тон драматическому повествованию Григория Турского.

Считалось, что эти слова были направлены на то, чтобы показать проблемы распространения и развития христианства в Галлии,

[310] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 21–25. Lib. IV. Cap. 12. Lib. VI. Cap. 7.
[311] Sid. Epist. Lib. I. Ep. 2.
[312] Greg. Tour. Hist. Praefatio.

в которой после римского господства претензии на верховную власть предъявляли наследники Хлодвига. Однако стоит отметить, что драматизм этого предложения, возможно, был усилен теми, кто хотел видеть в Григории Турском галло-римлянина, питающего отвращение к франкам-варварам. На самом деле все драматические описания первой части предложения нигде не говорят о франках как таковых. В этой фразе мы находим ряд противопоставлений типа «праведный» / «нечестивый», «еретик» / «католик», характерных для автора-епископа, и единственный оценочный термин «язычник», обозначающий тех, кто не вписывался в церковную картину мира. Эта картина никоим образом не передавала всей сложности реальных условий королевства франков и может служить примером вполне типичного церковного мировосприятия Поздней Античности или Раннего Средневековья. Но есть в этой фразе и особый момент, который, вероятно, и представляет основную идею. Все противоположения создают напряженный контекст, оттеняющий роль самого Григория как историка. Основной задачей исследования сочинения Григория Турского, таким образом, становится анализ индивидуальных моментов использования историком шаблонов позднеантичного церковного историописания и адаптации этих шаблонов применительно к историческому контексту.

2.1.7. Крещение Хлодвига, образ Константина Великого и смысл истории Григория Турского: «Церковная история» как жанр и ее адаптация к раннесредневековым реалиям

Чтобы понять замысел Григория Турского, нужно обратить внимание на способы, которыми раннесредневековые историки пользовались для того, чтобы адаптировать позднеантичные жанры к условиям Раннего Средневековья. Возникшие в эпоху варварских вторжений сочинения в жанре *historia gentis* не вписывались в церковные концепции истории. В них история варварских народов, создавших на территории бывшей Западной Римской империи свои королевства, рассматривалась вне связи со священной историей мира. Поэтому раннесредневековые историки должны были идти на ухищрения, чтобы найти способ увязать в одном тексте и «церковную историю», и тот образ варварского королевства, который подразумевался в *historia gentis*. Примером такого синтеза может служить Беда Достопочтенный (672/673–735), который совместил в своем

рукописном наследии два типа историописания. Его «Церковная история народа англов» не соответствовала той практике, которая сложилась в позднеантичном историописании. Предметом сочинения Беды служила новая общность, христианское варварское королевство. Для Кассиодора и Исидора Севильского такой общности еще не существовало, не в последнюю очередь по причине арианства готов. Можем предположить, что название сочинения Беды выглядело бы для Исидора или Кассиодора оксюмороном или, вполне вероятно, недостижимым идеалом. Но Беда писал в других условиях и, пытаясь совместить представления, характерные для церковной истории, с реалиями англосаксонских королевств, удачно использовал методы экзегезы библейских текстов. Понимая смысл жанрового разделения между «церковной историей» и жанром *origo gentis*, Беда адаптировал позднеантичные жанры эпохи христианской империи к историческому контексту варварского королевства. Его прочтение Библии было наполнено чувством историзма, и он использовал ветхозаветные (а в особенности эсхатологические) метафоры, чтобы дать комментарий событиям из истории англосаксонских королевств[313]. Поэтому неудивительно, что христианская концепция истории присутствует у него и в «Historia ecclesiastica gentis anglorum», которая, таким образом, оправдывает первую часть своего названия[314]. В частности, как считают исследователи, центральным сюжетом этой «истории» является правление короля Берниции (Нортумбрия) Освиу. Этот король имел для Беды особое значение, потому что именно он закончил объединение ирландской и англосаксонской церквей под эгидой папского престола и архиепископа Кентербери[315]. Но несмотря на умелую адаптацию библейских сюжетов к условиям англосаксонских королевств, а также наличие в «Церковной истории народа англов» идеи о тесном слиянии светской и церковной власти как о высшей точке их

[313] *DeGregorio S.* Footsteps of his own: Bede's commentary on Ezra-Nehemiah // Innovation and tradition in the writings of Venerable Bede / ed. by S. DeGregorio. Morgantown, WV, 2006. P. 143–168; *Thacker A.* Bede, the Britons and the book of Samuel // Early medieval studies in memory of Patrick Wormald / ed. by S. Baxter [et al.]. Farnham, Surrey, 2009. P. 137.

[314] Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / ed. by C. Plummer. Oxford, 1896.

[315] *Higham N.J.* An English empire: Bede and the early Anglo-Saxon kings. Manchester, 1995. P. 10–11.

истории, собственно клерикальная тематика в сочинении Беды — это лишь малая толика «церковной истории».

Чтобы представить раннесредневековых историков как последователей Евсевия и других христианских историков Поздней Античности, исследователи вынуждены были находить в историях варварских королевств принципы христианского историописания. В частности, В. Гоффарт считал, что принципы «церковной истории» в таких случаях реализовывались посредством введения в нарратив темы грехопадения и спасения, которая в частном случае варварских королевств принимала форму рассказов о жестокости и вероломстве королей. Таким образом, обращаясь к Григорию Турскому, этот исследователь считал, что описания королей, которые можно найти у Григория Турского, были генетически связаны с характерными для Ветхого и Нового завета представлениями о хороших и плохих властителях и имели мало индивидуальных черт[316].

Однако представляется, что нет необходимости искать в сочинении Григория Турского следы «христианской истории» только в описаниях варварства и дикости королей, напоминающих библейские истории человеческого грехопадения. Этот епископ действительно писал своего рода «священную историю» Галлии, но христианские моменты этой истории нужно искать в других его высказываниях и способах организации текста. Во втором предложении первой книги Григорий так описывает цель своего труда: «...ради тех, кто страшится приближения конца света, я решился, собрав воедино хроники минувшего, ясно изложить, сколько лет прошло с сотворения мира»[317]. В качестве примера, который мог подвигнуть Григория Турского на написание монументального и приближающегося по жанру ко всеобщей истории сочинения, можно назвать «Хронику», составленную Евсевием Кесарийским и сохранившуюся только в переводе на латынь Иеронимом Стридонским, переводчиком Библии[318]. Именно в этой монументальной хронике впервые были сведены в единое целое периодизация Античности и библейская хронология, что явилось первым шагом на пути превращения жанра всеобщей истории в историю церковную. Об оригинальности подхода Евсевия по сравнению

[316] *Goffart.* The narrators. P. 159–163.
[317] Greg. Tour. Hist. Lib. I. Praefatio.
[318] Euseb. Chron.

с другими историческими сочинениями подобного рода и, в частности, по сравнению с хроникой Юлия Африкана см. в особенности труд Б. Крока[319]. Идея о том, что история должна писаться от сотворения мира и ее целью должно являться описание событий, ведущих к концу истории для реализации божественного замысла, была показателем того значительного влияния, которое христианская эсхатология оказала на историографию. Целью Григория Турского, таким образом, было написать сочинение, глубоко проникнутое пафосом создания всеобщей христианской истории, который был характерен для лучших образцов церковной историографии Поздней Античности. Поэтому не случайно он пишет: «Я считаю разумным, чтобы мы, повествуя о праведной жизни святых, сообщили и о гибели нечестивых, ибо этого требует не удобство пишущего, а последовательность времени. В самом деле, внимательный и усердный читатель среди историй о царях израильских найдет рассказ о том, как при Самуиле-праведнике погиб богохульник Финеес, а при Давиде, прозванном Могучею дланью, пал язычник Голиаф»[320].

Впечатление, что Григорий Турский использовал темпоральную структуру «Хроники» Евсевия / Иеронима, только усиливается, если мы посмотрим на последние строки кн. IV и на самые последние строки его сочинения в кн. X. В последнем случае они посвящены подсчету точного возраста мира в 592 г., который, по его мнению, составлял 5792 года[321]. Как мы видим, этот возраст был на целых два столетия меньше 6 тыс. лет. Это была роковая дата для некоторых христианских экзегетов, за которой мог следовать только седьмой возраст мира. Этот седьмой возраст ассоциировался у многих с тысячелетним царством и, соответственно, с приближающимся концом света[322]. Григорий Турский оправдал ожидания своих читателей: начав с обещания показать, что до конца света еще

---

[319] *Croke B.* The originality of Eusebius' Chronicle // The American Journal of Philology. 1982. Vol. 103. P. 195–200.

[320] Greg. Tur. Hist. Lib. II. Praefatio.

[321] Greg. Tur. Hist. Lib. X. Cap. 31.

[322] *Landes R.* 1) Lest the Millennium Be Fulfilled: Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100–800 C E. // The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages / ed. by W. Verbeke. Louvain, 1988. P. 141–211; 2) «Millenarismus absconditus»: L'historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu'à l'an Mil // Le Moyen Age. 1992. T. 98, No. 3/4. P. 355–377; 3) Sur la traces du Millenium: la «via negativa» // Le Moyen Age. 1993. T. 99, No. 1. P. 5–26.

далеко, в последних строках своего сочинения он логически завершает свою аргументацию.

В своем обращении к эсхатологической идее Григорий Турский сначала дает возможность читателю проникнуться мистическими эсхатологическими ожиданиями, а затем ставит свою историю на твердую почву исторической реальности. В этом чувстве исторического времени мы можем заметить отдаленное сходство с представлениями Блаженного Августина. Этот доктор христианской церкви, как следует из новых исследований его сочинений, не был однозначным сторонником эсхатологических представлений. Исследователи, занимавшиеся эсхатологическими воззрениями Августина, по большей части обращались к его тексту «Град Божий» и затрагивали только отдаленное сходство его идей с хилиазмом. Считалось, что в своем труде он продемонстрировал закономерность во взятии Рима варварами в 406/410 г. и поддерживал идею св. Иеронима о том, что падение Римской империи было одним из событий, предсказанных в книге пророка Даниила[323]. Однако с некоторых пор исследователи обратили внимание на то, что в своей «Исповеди» он отвергал необходимость жить постоянным ожиданием будущего[324]. Современные

[323] *Eger H.* Die Eschatologie Augustins. Greifswald, 1933. (Greifswalder theologische Forschungen. 1). S. 47; *Lamirande E.* L'Église céleste selon saint Augustin. Paris, 1963. P. 205–212; Sancti Aurelii Augustini De civitate Dei. Turnholti, 1955. P. XX, 9.

[324] S. Aurelii Augustini Confessiones. Oxonii [Oxford], 1872. 11.20.26: «Quod autem nunc liquet et claret, nec futura sunt nec praeterita, nec proprie dicitur, "tempora sunt tria, praeteritum, praesens, et futurum", sed fortasse proprie diceretur, "tempora sunt tria, praesens de praeteritis, praesens de praesentibus, praesens de futuris". sunt enim haec in anima tria quaedam et alibi ea non video, praesens de praeteritis memoria, praesens de praesentibus contuitus, praesens de futuris expectatio. si haec permittimur dicere, tria tempora video fateorque, tria sunt, dicatur etiam, "tempora sunt tria, praeteritum, praesens, et futurum", sicut abutitur consuetudo; dicatur, ecce non curo nec resisto nec reprehendo, dum tamen intellegatur quod dicitur, neque id quod futurum est esse iam, neque id quod praeteritum est. Pauca sunt enim quae proprie loquimur, plura non proprie, sed agnoscitur quid velimus» (Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее: пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота,

ученые предложили более внимательное прочтение этого пассажа, показавшее роль настоящего в концепции времени Августина[325]. Сочетание интереса к эсхатологии с интенсивным чувством настоящего у Григория Турского очень похоже на чувство времени Блаженного Августина.

Известно, что христианское мировоззрение играло большое значение в восприятии истории Григорием Турским. Григорий Турский не ограничился воспроизведением в своем сочинении канона христианской истории в виде хроники от сотворения мира, в котором она задумывалась Евсевием. Особенности адаптации этого жанра к реалиям франкского королевства видны после исследования ряда ключевых эпизодов, расположенных в начале его повествования. Одним из важнейших эпизодов первой части «Истории» Григория Турского (от кн. I до IV) является обращение Хлодвига в католичество. Из «Истории» мы узнаем о крещении Хлодвига в Реймсе в присутствии св. Ремигия, причем Григорий Турский относит это событие к 496 г., году победы франков над аламаннами, которая сделала франков гегемонами Северной Франции[326]. В сообщении Григория Турского стоит отметить то, что он явно называет Хлодвига «новым Константином», таким образом подчеркивая значимость обращения первого франкского короля в католичество как одного из центральных эпизодов франкской истории. В качестве гипотезы можно предположить, что это не было и по сей день не является установленным фактом, а скорее объясняется позицией самого Григория Турского и особенностями его исторического метода, который выделял отдельные события, одновременно принижая значение других[327].

Однако кроме этого рассказа Григория Турского есть и другая версия, которую можно найти в письме епископа Трира Ницетия.

не спорю с этим и не возражаю: пусть только люди понимают то, что они говорят и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают) (пер. с лат. М. Е. Сергеенко).

[325] *Pelikan J.* The mystery of continuity: Time and history, memory and eternity in the thought of St-Augustine. Charlottesville, 1986; *Scanlon M.J.* Eschatology // Augustine through the ages: An encyclopedia / eds. A. B. Fitzgerald, J. Cavadini. Grand Rapids, 1999. P. 316–318.

[326] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 31.

[327] *Ganshof.* Een historicus. P. 9; *Buchner.* Einleitung. S. XII.

Этот епископ говорил о крещении Хлодвига в Туре, но ничего не говорил о дате этого события[328].

История споров по поводу крещения Хлодвига насчитывает более столетия[329]. Считалось, что версия Григория Турского о крещении именно в Реймсе и именно в 496 г. является достоверной, потому что в 496 г. Тур находился еще под властью вестготов-ариан. В защиту традиционной точки зрения (о крещении в 496 г.) выступали в разное время многие исследователи[330]. Левиллэн попытался свести две точки зрения воедино, считая, что Хлодвиг тайно крестился в 496 г., но объявил об этом лишь после победы на готами в 506/507 г.[331] Тогда он с триумфом вошел в этот город после победы над вестготами и над их королем Аларихом II (автором «Бревиария Алариха»). В Туре он получил в базилике св. Мартина грамоту византийского императора Анастасия, которой ему были дарованы титулы патриция, консула и, как считает Григорий Турский, августа[332]. Но некоторые исследователи согласились с епископом Ницетием и признали вероятным тот факт, что крещение действительно произошло в Туре[333]. Поэтому

---

[328] Epistolae. Bd. 1 / hrsg. von E. Dümmler. Berlin, 1892. (MGH Epistolae. 3). S. 122; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 188–189.

[329] *Spencer M.* Dating the Baptism of Clovis, 1886–1993 // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 97–116.

[330] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 340; *d'Arbois de Jubainville H.* La lieu de baptême de Clovis // Bulletin de la Societe des antiquaires de France, 1906; *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. Vol. 1. P. 189. No. 45; *Löwe H.* Deutschland im fränkischen Reich / eds. B. Gebhardt, H. Grundmann. München, 1954. Bd. 1. P. 93. No. 5, 6. (Handbuch der Deutschen Geschichte. 2); *Steinbach F.* Das Frankenreich / hrsg. von O. Brandt, A.O. Meyer, L. Just. Konstanz: Akadem. Verl. — Ges. Athenaion, 1957. P. 11. (Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1: Frühzeit und Mittelalter. Abschnitt 2); *Steinen W. von der.* Chlodwigs Übergang zum Christentum. Eine Quellenkritische Studie. 1932. P. 417–501. (Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Ergänzungsband. 12); *Lot.* La victoire sur les Alamans et la conversion de Clovis. P. 69; *Calmette J.* Observations sur la chronologie du règne de Clovis // Académie des inscriptions et belles-lettres, comptes-rendus. 1946. P. 193–202; *Courtois C.* L'avènement de Clovis II et les règles d'accession au trône chez les Mérovingiens // Mélanges d'histoire du moyen âge dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 155–164.

[331] *Levillain L.* Le baptême de Clovis // Bibliothèque de l'École des chartes. 1906. Vol. 67. P. 472–488.

[332] *McCormick M.* Clovis at Tours: Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism // Das Reich Und Die Barbaren / hrsg. von E.K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 155–180. (Veröffentlichungen des Instituts für österreichische Geschichsforschung. 155); *Hauck.* Von einer spätantiker Randkultur. P. 27.

[333] *Lot.* La conquête. P. 253; *Wattenbach, Levison.* Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter. Vol. 1. P. 103; *Van de Vijver.* 1) La victoire contre les alamans. 1936. P. 914; 2) La

можно опровергнуть позицию тех, кто считал, что верна традиционная дата, 496 г.[334] Чтобы объяснить, как такое важное событие могло произойти в городе, который находился под властью вестготов-ариан, исследователи выдвинули гипотезу о том, что дата 496 г. была результатом неточности Григория Турского. Некоторые историки предположили, что на самом деле Хлодвиг действительно крестился в Туре, но не в 496 г., а в 506/507 г.[335] Однако против этого активно выступил ряд известных исследователей, и поэтому данная точка зрения не принята однозначно[336]. С другой стороны, многие исследователи вообще обходили этот вопрос стороной после работы Ф. Лота, в которой он показал значительную недостоверность хронологии правления Хильдерика и Хлодвига[337].

Этот вопрос привлекал внимание исследователей XX в. не потому, что их (как это было характерно для историков-позитивистов XIX в.) интересовала только дата этого события. Две версии позволяют взглянуть на историю франков с двух принципиально различных точек зрения. Если более достоверным признаётся сообщение епископа Ницетия, то тогда крещение Хлодвига (в Туре) было событием весьма заурядным. Оно явилось своего рода дополнением к тому набору церемоний, которые сделали короля франков одним из «патрициев» и, следовательно, своего рода «доверенным лицом» Византии на Западе. Недавно исследователи предложили считать, что именно победа Хлодвига над Аларихом II и вестготами в 506/507 г., а не победы над Сиагрием в 486 г. и аламаннами в 496 г., была важнейшим событием в истории королевства франков, потому

victoire contre les alamans. 1937. P. 94; 3) L'unique victoire. P. 813; *Ganshof F.L.* Het tijdperk van de Merowingen // Algemene Geschiedenis der Nederlanden / ed. J.A. van Houtte. Vol. 1. Utrecht, 1949. P. 252–254; *Stein E.* Histoire de Bas-Empire. Vol. 2. Paris, 1949. P. 147; *Wallace-Hadrill.* The Long-Haired Kings. P. 64; *Wood I.* Gregory of Tours and Clovis // Revue Belge de Philologie et d'histoire. 1985. Vol. 63. P. 249–272; *Shanzer.* Dating the Baptism of Clovis. P. 57.

[334] *Lot.* La victoire sur les Alamans. P. 69; *Calmette.* Observations sur la chronologie du règne de Clovis. P. 202; *Courtois.* L'avènement. P. 164.

[335] *Wattenbach, Levison.* Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter. Bd. 1. S. 103; *Van de Vijver.* 1) La victoire contre les alamans. 1936. P. 914; 2) La victoire contre les alamans. 1937. P. 94; 3) L'unique victoire contre les Alamans. P. 813; *Ganshof.* Het tijdperk van de Merowingen. P. 252–254; *Stein.* Histoire de Bas-Empire. Vol. 2. P. 147; *Wallace-Hadrill.* The long-haired kings. P. 64; *Wood.* Gregory of Tours. P. 272.

[336] *Lot.* La victoire. P. 69; *Calmette.* Observations. P. 202; *Courtois.* L'avènement de Clovis II. P. 164.

[337] *Lot.* La conquête . P.253.

что именно она сделала франков частью еще контролируемого на тот момент Восточной империей средиземноморского мира[338]. Крещение в этом случае было не столько сознательным выбором короля, сколько своего рода условием *sine qua non* для утверждения своего нового статуса «патриция». Более того, по этой версии язычник Хлодвиг одержал победу над христианским королем (пусть и арианином) Аларихом II.

Если же верить Григорию Турскому, который относил это событие ко времени победы над аламаннами, то это крещение приобретало самостоятельный смысл. В соответствии с сообщением «Истории», первый король франков, как и Константин Великий, обратился к силе христианского Бога и благодаря ему смог обратить своих врагов в бегство[339]. Это строило образ Хлодвига как «нового Константина», крещение которого привело к победе над аламаннами. А образ этого императора был крайне важной частью политического и религиозного самосознания Запада в Раннем Средневековье[340]. Победа 506/507 г. действительно имела особое значение с учетом политико-географических особенностей Галлии[341]. Это сражение было первым, в котором франки Хлодвига боролись не со своими соплеменниками в Трире и на Среднем Рейне, а с правителями областей за пределами расселения франков. Именно после этой победы, как хотел показать нам Григорий Турский, франки и смогли установить суверенитет над

---

[338] *Mathisen.* Clovis, Anastasius, and Political Status in 508 C. E. P. 105–106.

[339] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 30: «Regina vero non cessabat praedicare, ut Deum verum cognusceret et idola neglegerit. Sed nullo modo ad haec credenda poterat commoveri, donec tandem aliquando bellum contra Alamannos conmoveretur, in quo conpulsus est confiteri necessitate, quod prius voluntate negaverat. Factum est autem, ut confligente utroque exercitu vehementer caederentur, atque exercitus Chlodovechi valde ad internitionem ruere coepit. Quod ille videns, elevatis ad caelum oculis, conpunctus corde, commotus in lacrimis, ait: 'Iesu Christi, quem Chrotchildis praedicat esse filium Dei vivi, qui dare auxilium laborantibus victuriamque in te sperantibus tribuere diceris, tuae opis gloriam devotus efflagito, ut, si mihi victuriam super hos hostes indulseris et expertus fuero illam virtutem, quam de te populus tuo nomine dicatus probasse se praedicat, credam tibi et in nomine tuo baptizer. Invocavi enim deos meos, sed, ut experior, elongati sunt ab auxilio meo; unde credo, eos nullius esse potestatis praeditos, qui sibi oboedientibus non occurrunt. Te nunc invoco, tibi credere desidero, tantum ut eruar ab adversariis meis'. Cumque haec dicerit, Alamanni terga vertentes, in fugam labi coeperunt»; *Wood.* Gregory of Tours. P. 272.

[340] *Ewig.* Das Bild Constantins des Grossen. S. 113.

[341] *Mathisen.* Clovis, Anastasius, and Political Status in 508 C. E. P. 105–106.

всей Галлией. Однако следует подчеркнуть, что в системе представлений Григория Турского именно крещение в католичество галло-римского образца, а не получение признания империи было первичным, самодостаточным актом, что явилось *причиной*, а не следствием вхождения короля в «семью» варваров — «патрициев» византийского императора.

Какая из версий более соответствует действительности: признанного и авторитетного историка Григория Турского или же епископа Ницетия? Если не быть предвзятым, то следует признать, что наши знания не позволяют выделить какую-то из них как более достоверную. Если версия Григория Турского используется в учебниках и учебных пособиях, то только в силу авторитета, который историки стали приписывать ему благодаря работам О. Тьерри и Ф. Гизо. Единственный достоверный вывод из анализа этого эпизода может быть вовсе не в утверждении точных даты и места крещения Хлодвига. Из этой полемики мы можем с уверенностью заключить только то, что Григорий Турский использовал позднеантичную топику, позволяющую ему сконструировать рассказ о крещении Хлодвига в духе повествования о Константине Великом.

Спор, посвященный истолкованию этого события «Истории», так и остался бы без окончательного ответа, если бы не новые исследования. Они позволили по-новому посмотреть на всю вторую книгу этого сочинения. Изучая рассказ Григория Турского о так называемом «суассонском королевстве» римских полководцев Эгидия и его сына Сиагрия[342], Эдвард Джеймс выдвинул интересную гипотезу. Он отметил, что картина захвата Хлодвигом этого королевства, находившегося под властью «короля римлян» Сиагрия, выглядит у Григория Турского недостаточно убедительно[343]. Если верить епископу Тура, то ситуация выглядела следующим образом: вначале Хильдерик во главе отряда франков захватил Суассон, однако франки изгнали его за стремление к единоличной власти. После этого франки перешли под власть римского полководца Эгидия, который создал своего рода «суассонское королевство» и которого Григорий Турский называет «королем франков». Григорий Турский подчеркнул, что Хильдерик, находясь в Тюрингии, тем не менее поддерживал тесные связи со сво-

[342] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 18, 27.
[343] *James.* Childéric. P. 12.

ей «родиной»[344]. После смерти Эгидия Суассоном продолжал править его сын Сиагрий, сын же Хильдерика Хлодвиг победил Сиагрия и захватил это «королевство».

Джеймс отметил, что эта история производит авантюрное, литературное впечатление. Он предположил, что «захват» Суассона Хильдериком, его изгнание и затем повторный захват Суассона Хлодвигом мог быть выдумкой Григория Турского. В частности, на основании археологических данных Джеймс показал, что «королевство» галло-римлян Эгидия и Сиагрия вряд ли могло находиться в Суассоне, поскольку этот город уже со второй половины V в. стал местом массового расселения франков[345]. На самом деле Суассон никогда не принадлежал Эгидию и Сиагрию, а уже давно был под властью франков и Хильдерика. Джеймс предположил, что на самом деле эта история появилась потому, что Григорию Турскому надо было описать франков не как мирно ассимилировавшееся к порядкам римской провинции население, а именно как «захватчиков», которые, как и другие варвары, пришли в пределы бывших римских провинций, чтобы взять власть в свои руки. Как он предположил, франки уже давно находились в пределах Римской империи, будучи ее союзниками, а вовсе не противниками. Сообщение об установлении власти Хлодвига в северной Галлии приобретает в этом контексте совершенно иной смысл, потому что для Григория Турского отец Хлодвига Хильдерик становится узурпатором власти, ранее принадлежавшей галло-римлянам Эгидию и Сиагрию[346]. На основании этого можно отвергнуть мнение В. Д. Савуковой, которая считает, что Григорий Турский был причастен к созданию легенды о «нелегитимности» Эгидия и Сиагрия. Если предположить, что для Григория Турского было важно драматизировать историю франков и привести ее в соответствие с традиционным для этой эпохи сюжетом захвата римской провинции варварами, то крещение Хлодвига (и, соответственно, его вхождение

[344] *Joye S.* Basine, Radegonde et la Thuringe chez Grégore de Tours // Francia. 2005. Vol. 32. P. 11.

[345] *Périn P.* 1) Datation des tombes mérovingiennes: historique, méthodes, applications. Geneve, 1980. (Hautes études médiévales et modernes. 39). P. 335–345; 2) A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque; *Périn, Feffer.* Les Francs. T. 1; *Казанский, Перен.* «Королевские» и «вождеские» погребения. С. 278.

[346] *James.* Childéric. P. 12.

в семью «цивилизованных» правителей), которое он описывает в конце второй книги, было логической развязкой драматического сюжета.

Подчеркивая, что франки, захватившие северную Галлию силой, так же как это сделали другие варвары в других провинциях Западной Римской империи, обратились в католичество и только потом распространили свое влияние на всю Галлию, Григорий Турский, возможно, преследовал следующие цели. Известно, что христианское мировоззрение играло важную роль в восприятии истории Григорием Турским[347]. Крещение Хлодвига могло рассматриваться епископом Тура в рамках эсхатологических представлений и ожиданий, возникших в районе 500 г. — начале нового христианского тысячелетия[348]. Более того, оно воспринималось как событие, сходное с обращением в христианство Константина Великого, т.е. как начало новой эры[349]. Битва на Мильвийском мосту в 312 г., как было показано, ознаменовала конец античного мира и фактическую революцию в сфере власти, в религиозной и социальной сферах[350]. Таким образом, сражение с аламаннами после принятия Хлодвигом христианства в 496 г., возможно, означало для Григория Турского начало нового мира[351]. Но какого? Исследователи подчеркивают, что теология не занимала первого места в системе представлений Григория, которому она была нужна прежде всего для того, чтобы показать себя знающим епископом перед своей паствой. Христианские концепции в его историческом мировоззрении были выстраданным взглядом епископа, вынужденного постоянно бороться за выживание в очень сложном политическом контексте[352].

Однако католичество было важным практическим аспектом выживания той Галлии, за которую боролся Григорий Турский. В частности, он считал, что одной из причин кампании Хлодвига против Алариха II в 506/507 г. была борьба за распространение католичества и победу над арианством[353]. Исследователи подчеркивают, однако, что

---

[347] *Heinzelmann.* Gregor von Tours. S. 160–191.

[348] *Fauvarque.* Le baptême de Clovis. P. 283–284.

[349] *Pietri L.* La ville de Tours du IVe au VIe siècle: naissance d'une cité chrétienne. Rome: Ecole française de Rome, 1983. (Collection de l'École française de Rome. 69). P. 162, 772–773ss.

[350] *Van Dam.* The Roman Revolution. P. 10.

[351] *Kurth.* Clovis. Vol. 1. P. 305.

[352] *James E.* Gregory of Tours and «Arianism» // The Power of Religion in Late Antiquity / eds. A. Cain, N. E. Lenski. Farnham, Surrey, England, 2009. P. 338.

[353] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 37.

этот король был более прагматичен в своих действиях. Из «Хроники» Фредегара известно о попытке заключения союза между Хлодвигом и Аларихом II под эгидой остроготского короля Теодориха Великого, несмотря на то что в свете дальнейших событий было абсолютно ясно, что этот союз был крайне невыгоден Хлодвигу. Фактически он ставил и его самого, и всех светских и церковных магнатов Галлии под эгиду остроготского правителя и опосредованным образом под власть византийского императора, который и был источником легитимности для последнего[354]. Очевидно, что Григорий Турский подчеркивал победу над арианством и установление католичества как главную цель политики Хлодвига из субъективных соображений, как епископ-католик, чтобы заявить о своем видении истории Галлии и королевства франков[355]. По-видимому, для турского епископа крещение Хлодвига и его победа над готами-арианами в битве при Вуйе в 506/507 г. провели грань между той Галлией, которая еще не определилась в споре между католичеством и арианством, и Галлией франкской, уже твердо выбравшей именно католичество как основную христианскую конфессию.

Возможно, что победа над вестготами в 506/507 г. и крещение Хлодвига, в результате которого он был назван «Новым Константином», на самом деле представляли собой раздельные сюжеты, соединенные в единый рассказ Григорием Турским[356]. По-видимому, для турского епископа, разделявшего эти два события, крещение Хлодвига в 496 г. и его победа над готами-арианами в битве при Вуйе в 506/507 г. провели грань между той Галлией, которая еще не определилась в споре между католичеством и арианством, и Галлией франкской, уже твердо выбравшей именно католичество как основную христианскую конфессию. Однако разделение этих двух событий, если оно и было личным мнением епископа Тура, говорит об очень важном аспекте его собственного мировоззрения. Дело не в хронологии и не в том, что в его рассказе крещение заведомо шло раньше, чем победа над готами-арианами. Исследователи подчеркивали, что Магненций (350–353) и Ветранио (350), которые захватили

[354] Fred. Chron. Lib. II. Cap. 58.

[355] *Bourgain*. Clovis et Clotilde. P. 61; *Schmidt*. Le baptême de la France: Clovis, Clotilde, Genevieve. P. 66–87; *Steinen*. Chlodwigs Ubergang zum Christentum: Eine quellenkritische Studie.

[356] *Shanzer*. Dating the Baptism of Clovis. P. 56–57.

власть после Константа II в Галлии и Мезии соответственно, чеканили монеты с изображением Константина Великого[357]. Поэтому образ первого христианского императора был важен как символ единения даже в том случае, если к власти приходили командиры, выражавшие интересы легионов и региональные притязания местных элит. Христианская символика помогала подтвердить легитимность власти в том случае, если остальные принципы ее передачи были нарушены. Более того, она была актуальна потому, что именно Константин отразил в своих радикальных преобразованиях право региональных элит быть независимыми от старого центра, Рима, одновременно перенимая его славу[358]. Григорий Турский, как кажется, хотел подчеркнуть образ Хлодвига как нового Константина, потому что этот образ начиная с Поздней Античности имел значение символа власти, не связанного с Римом и со старыми центрами власти и мог быть использован региональными элитами для конструирования образа Хлодвига как патриция, который мог быть своего рода наместником империи в Галлии.

Исследователи отмечали, что образ королевской власти основывался на правовых и религиозных основах[359]. Он имел также и моральный аспект[360]. Современные историки поделили сочинения V–VII вв. на те, которые следовали потестарной мифологии варварских племен, и те, которые интегрировали в повествование элементы христианской телеологии. Григорий Турский был отнесен ко второй группе[361]. Заметим, что в отличие от Кассиодора, Иордана, Беды, Фредегара и автора «Liber historiae Francorum», которые обращались к прошлому варварских народов в римскую эпоху, для Григория Турского история франков начиналась с захвата Суассона Хильдериком, а более ранние события, связанные с проникновением франков на римскую территорию, их службой в римских легионах и тесном слиянии их интересов с интересами галло-римской знати и бывшей римской военной верхушки,

[357] *Van Dam.* Remembering Constantine. P. 49.

[358] *Van Dam.* The Roman Revolution. P. 10.

[359] *Le Jan R.* La sacralite de la royaute merovingienne // Annales Histoire, Sciences Sociales. 2003. T. 58 (6). P. 1227.

[360] *Санников С. В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск, 2011. С. 208.

[361] *Шкаренков.* Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: Миф, образ, реальность; *Санников.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. С. 210.

его не волновали. Причем первым «настоящим» королем франков (не таким, которого свои соплеменники могли посчитать тираном за отдельные действия) Григорий Турский, в отличие от Кассиодора и Беды, видел именно Хлодвига, т. е. правителя, который наследовал как светской власти Римской империи в качестве наместника и военачальника варварских контингентов, бывших ранее на службе у Римской империи, так и римской имперской церкви в качестве «нового Константина». В его рассказе, в отличие от историй Фредегара и автора «Liber historiae Francorum», не было места прародителям Хильдерика и Хлодвига, которые привели франков к границам Римской империи, или описанию тесных союзов между франками, галло-римским населением и сенаторской знатью и полководцами Римской империи[362]. Представляется, что Григорий Турский не просто подражал позднеантичным жанрам церковной истории и *originis gentis*, как иногда считают исследователи[363]. Он модифицировал их в процессе поиска новой формы исторического повествования. События, происходившие в Галлии до создания католического королевства франков Хлодвигом, мало интересовали историка, который в первую очередь хотел провести водораздел между арианским, готским периодом в истории Поздней Античности и пришествием франков, поддержавших католицизм. Представляется, что именно поэтому Григорий Турский не акцентировал внимание на тесном союзе франков, галло-римлян и бывших римских военачальников, который сложился в годы, непосредственно предшествовавшие переходу власти в руки Хильдерика и Хлодвига.

Какие же выводы следуют из всего вышесказанного? Сообщения византийских историков о начавшемся уже после сражения при Каталаунских полях сближении франков и галло-римлян вполне соответствовали духу той эпохи, которую они описывали. Видение франкских событий из Византии было примерно схожим с трактовкой Григория Турского. Хоть версии Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского и были взглядами издалека, они верно отразили

[362] *Wood.* Defining the Franks: Frankish origins in early medieval historiography. P. 35; *Fouracre.* The nature of Frankish political institutions in the seventh century. P. 297; *Goetz.* Die germanisch-romanische Kultur-Synthese. S. 559; *McKitterick.* Akkulturation and the writing of history in the early Middle Ages. S. 261.

[363] *Moore.* A Sacred Kingdom: Bishops and the Rise of Frankish Kingship, 300–850. P. 126–127.

процесс формирования в Галлии новой общности, которая объединила местное население, римские легионы и варваров. Цели историков во франкском королевстве и Византии — описать «романизацию» варваров и сделать их частью средиземноморского мира — тоже во многом совпадали. Однако не согласимся с выводами К. Ф. Вернера, бравшего на веру взгляды Прокопия и Григория Турского и не делавшего между ними никакого различия. Этот исследователь считал, что оба эти автора ставили своей целью описать быстрое слияние галло-римлян, франков и солдат-христиан в единую политическую общность франкского королевства как главный исторический сюжет этой эпохи[364]. Однако если Прокопий Кесарийский считал слияние галло-римлян и варваров фактом, свершившимся еще в конце третьей четверти V в., то епископ Тура, на наш взгляд, хотел подчеркнуть уникальность королевства франков, которое, с его точки зрения, было полностью создано без какого-либо влияния остатков властных структур Римской империи и имело связь с последней только посредством авторитета реформ императора Константина Великого. Разница состояла в том, что Прокопий Кесарийский стремился всеми возможными способами подчеркнуть включенность Галлии и франков, создавших в ней свое королевство, в средиземноморский мир и в зону влияния Византийской империи, а Григорий Турский, опираясь на дискурсы церковной истории и всеобщей истории, стремился подчеркнуть уникальность Галлии и франкского королевства и показать, что легитимность правления франкских королей и галло-римского епископата не зависела от какого-либо римского наследия или византийского влияния. Предположим, что столь сильное неприятие преемственности между Галлией как частью Римской империи и королевством франков имело в качестве своей причины только его нежелание в качестве епископа Тура вновь подчиняться податному и правовому режиму поздней Римской империи, в рамках которых права епископа были бы ограничены церковной юрисдикцией. Обрисовать создание королевства франков как разрыв с Римской империей было способом подчеркнуть начало с нового листа, где для епископов его статуса уже не было никаких ограничений, кроме тех, которые накладывали договоренности (как их предполагал Григорий Турский) с королями франков.

[364] *Werner.* La 'conquête franque'. P. 28–29: *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

Представляется, что в своей «Истории» Григорий Турский фактически развивал и адаптировал не просто одну из исторических концепций Поздней Античности, но в первую очередь именно концепцию Сульпиция Севера. Автор «Истории» не просто «знал» сочинение Сульпиция Севера, как об этом писал Г. Курт[365]. Можно утверждать, что он фактически продолжал и развивал в своей работе эсхатологическую концепцию истории своего предшественника. В его «Истории» на смену Алариху II и готам-арианам пришел Хлодвиг, католический король. Здесь нас не должен смущать эпизод с захватом Хильдериком власти в Суассоне, который, казалось бы, подчеркивал разрыв франков со структурами власти Поздней Античности. История обращения Хлодвига в католичество и изображение его как «нового Константина» выглядит как попытка подчеркнуть роль франков в восстановлении позднеантичного религиозного миропорядка. Этот миропорядок ассоциировался с католическим вероисповеданием, а не с готским арианством. Для Сульпиция Севера распространение ересей, в соответствии с христианской идеей времени, было предвестником конца света, которое сменялось «тысячелетним царством», в котором ереси были побеждены. Григорий Турский, вслед за своим галло-римским предшественником по историческому цеху, видел в распространении готов-ариан нарушение миропорядка, восстановление которого должно было быть завершено победой над ересями. Хлодвиг, принявший именно католическую веру, играл в концепции Григория Турского своеобразную роль «реставратора» позднеантичного, никейского миропорядка. Он, как «новый Константин», восстановил то, что было создано Константином Великим, то положение дел в церковно-политической ситуации, которое можно было наблюдать до ослабления Римской империи на Западе и до расселения по Западной Римской империи готов-ариан. Григорий Турский видел свою цель не в создании образа самодержавного монарха, отвергшего племенные и дружинные порядки франков, а в адаптации образа Константина Великого, первого христианского императора, к описанию нового правителя Галлии, Хлодвига[366]. Более того, его целью было подчеркнуть создание франкского

[365] *Kurth.* De l'autorité de Grégoire de Tours. P. 134–135.

[366] Историки видят в этом стремление Григория Турского к «духовной автономии». *Beisel.* Studien. S. 166–188; *Reimitz.* History. P. 120.

королевства как разрыв с империей в том ее состоянии, которого она достигла в V в., а создание королевства франков как захват Галлии извне, хотя это и полностью шло против даже той информации, которую сам епископ Тура предоставлял в своем сочинении.

2.2. Хлодвиг и Константин Великий: Образ христианского императора и его адаптация на Западе

Сравнение Хлодвига с Константином Великим рассматривалось исследователями как один из интересных, но ожидаемых аспектов образа варварского короля и военного предводителя на территории бывшей провинции Римской империи. В течение долгого времени это сравнение не привлекало особого внимания. Однако в контексте недавних работ, которые обратили внимание на то, что образ Константина Великого формировался постепенно и претерпел много изменений, необходимо новое исследование того, что значило для Григория Турского сравнение короля франков с первым христианским императором[367].

Легенда о даровании императором Константином особых прав епископу Рима относится к разряду тех сюжетов, которые являются основополагающими для самосознания западной, католической церкви[368]. С именем этого императора в Средневековье были связаны претензии римских пап не только на власть над католической церковью, но и на главенство над светскими правителями Европы, а также притязания западной церкви на самостоятельность (или даже на главенство) в рамках христианской ойкумены, которые нашли свое выражение в документе, который образованные люди Средневековья, как и современные медиевисты, знают прежде всего под названием «Константинова дара» («Constitutum Constantini»). Именно в легенде об этом даре отразились важнейшие средневековые представления о соотношении светской и церковной власти[369]. Этот поддельный,

---

[367] *Canella T.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto, 2006. (Uomini e mondi medievali. 7); *Van Dam.* 1) The Roman revolution of Constantine. P. 10; 2) Remembering Constantine at the Milvian Bridge. P. 49.

[368] *Döllinger J.J. I. von.* Die Papst-Fabeln des Mittelalters. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte. München, 1863.

[369] *Levison W.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende // Miscellanea Francesco Ehrle II. Bd. 2. Roma, 1924. (Studi e Testi. 38). S. 159–160.

хорошо известный любому медиевисту «Дар» (а точнее, «Постановление Константина») был составлен, как считается, в конце VIII или начале IX в. на основе сложившегося к тому времени корпуса текстов, в основании которого лежали «Житие папы Сильвестра», «Житие Константина и Елены» и «Об обретении креста» («De inventione crucis»)[370]. «Константинов дар» стал важным документом для оформления идеологии власти папства в Средние века, но особую популярность он приобрел как показательный пример средневековой подделки после его разоблачения итальянским гуманистом Лоренцо Валлой в своем сочинении 1440 г. После работы Доллингера вопрос о его неподлинности, как казалось исследователям начала XX в., был закрыт. Работа этого немецкого исследователя поставила «Константинов дар» в один ряд с другими «баснями», связанными с римскими папами, и надолго отложила необходимость его дальнейшего исследования[371]. И только недавно появился ряд интересных работ, посвященных этой теме, авторы которых попытались заново проанализировать не столько процесс создания поддельного документа в Раннем Средневековье, сколько обратиться к тому, как эти сюжеты сформировались в Поздней Античности и правильно ли они были поняты теми людьми Раннего Средневековья, которые обратились к ним в поисках источников для легитимации претензий папства[372]. Процесс формирования и трансформации системы представлений, нашедших свое выражение в этот период в «Константиновом даре», как показывает современная историография, посвященная данному сюжету, является крайне актуальным.

Сейчас становится ясно, что историографическая традиция, которая сложилась в результате появления работы Лоренцо Валлы, и тот эффект, который оказало его сочинение на последующие поколения историков, не совсем верно отражают процесс генезиса системы

---

[370] *Levison W.* 1) Das Formularbuch von Saint-Denis // Neues Archiv. 1917. Jg. 41. S. 283–304; 2) Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. 160. Anm. 1.

[371] *Döllinger J.J. I. von.* Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters. Mainz, 1866. S. 27–34.

[372] *Pohlkamp W.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten // Francia. 1992. Jg. 19, No. 1. S. 115–196; *Amerise M.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. Stuttgart, 2005. (Hermes Einzelschriften. 95); *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore; *Fried J.* 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. Berlin, 2007. (Millennium-Studien. 3).

представлений, связанной с именем первого христианского императора Константина, в Поздней Античности и процесс превращения ее в центральный для Средневековья элемент правового сознания. Историки традиционно считают принятие христианства Константином самым значительным для Европы событием[373]. Некоторые даже говорят о том, что именно оно сделало Европу христианской[374]. Литература, посвященная этому событию, поистине огромна[375]. Однако значимость принятия христианства этим императором и трактат Лоренцо Валлы привели к тому, что взгляд исследователей сфокусировался в первую очередь на самом Константине и на легенде и текстах, связанных с его именем, а родственные истории императора Константина и его дара римскому папе, легенды и тексты стали своего рода дополнением этой картины. В частности, в течение достаточно долгого времени один из основополагающих текстов, сослуживших важнейшую роль для формирования легенды о Константине, а именно «Житие папы Сильвестра» (или «Actus Silvestri»), рассказывавшее о крещении Константина в Риме этим папой и последующем даровании ему права на суверенитет над всей церковью, присутствовало в традиции католической церкви только как сопутствующий сюжет в легенде о «Константиновом даре»[376]. Эта ситуация в особенности характерна для историков, занимающихся Византией, которых интересовало в первую очередь жизнеописание Константина, поскольку на Востоке именно оно получило наибольшее распространение. Так, предметом рассмотрения для византинистов являлась легенда о Константине Великом в период от IV к IX в., а легенду о папе Сильвестре как самостоятельный сюжет они не затрагивали, не видя ее самостоятельного значения для византийской политической идеологии[377].

Интерес к теме взаимоотношений между светской и церковной властью в Византии традиционно был характерен для отечественных византинистов и историков церкви. В середине XIX в. вопрос о «симфонии» государства и церкви стал основной темой для работ

---

[373] *Baynes N. H.* Constantine the Great and the Christian Church. London, 1972. P. 3.

[374] *Jones A. H. M.* Constantine and the conversion of Europe. London, 1948. P. 150.

[375] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 13. No. 4.

[376] *Döllinger.* Die Papst-Fabeln des Mittelalters. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte.

[377] *Kazhdan A.* Constantine imaginaire: Byzantine legends of the ninth century about Constantine the Great // Byzantion. 1987. Vol. 57. P. 196–250.

церковных историков[378]. Но на фоне общих сюжетов о взаимоотношениях государства и церкви в этом ряду значимых и интересных работ любопытной, но сравнительно малоизученной темой является история исследования отечественными специалистами крещения Константина Великого и агиографической житийной традиции этого сюжета[379]. Эта история насчитывает ряд интересных, но незавершенных проектов, судьба которых складывалась непросто, но которые тем не менее и поныне служат доказательством высокого уровня отечественного византиноведения в конце XIX — начале XX в.

Интерес к Константину Великому и к его месту в системе византийского «цезаропапизма» появился в отечественной историографии еще в начале XIX в. в переписке Г.А. Розенкампфа (члена Комиссии по составлению Свода законов Российской империи) с графом Н.П. Румянцевым[380]. Обращение отечественных историков права к вопросам взаимоотношений государства и церкви и попытки сформулировать

---

[378] Среди наиболее известных можно назвать: *Курганов Ф.А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи. Казань, 1880; *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884: *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902. Можно отметить также, что эта тема была значимой для философов из круга В.С. Соловьева и таких политических публицистов, как Л. А Тихонов: *Соловьев В.С.* 1) История и будущность теократии. Загреб, 1887: 2) Первоначальные судьбы теократии. М., 1885; *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1905.

[379] Отметим, что отечественные исследователи политической идеологии Византии практически не уделяли внимания легенде о Константине Великом, что объяснялось, вероятно, теми неразрешимыми проблемами, которые ставит перед исследователями агиографическая литература. Ее генезис и развитие были затронуты в труде по истории византийской литературы: *Каждан А.П.* История византийской литературы (650–850 гг.) СПб., 2002. С. 171–183. Среди тех авторов, кто, обращаясь к вопросам византийской идеологии, не затронул легенду о Константине Великом, можно отметить: *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008; *Чичуров И.С.* 1) Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в. (место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 95–100; 2) Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучения Василия I и эпитафия Льва VI) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 106–115; 3) Gesetz und Gerechtigkeit in der byzantinischen Fürstenspiegeln des 6.–9. Jahrhunderts // Cupido legum. Frankfurt, 1985. S. 33–45; 4) Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 67–107; и др.

[380] *Медведев И.П.* Г.А. Розенкампф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных материалов современника // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2008. Т. 4. С. 331–352.

основные отличия между западной и восточной церковью в области правовых оснований власти церковных иерархов привели к тому, что легенда об императоре Константине стала одной из важнейших тем. В конце XIX в. исследователи канонического права обратили внимание на то место, которое играла в легенде о Константине Великом история о папе Сильвестре и о том даре, который он получил от императора Константина (пресловутый «Константинов дар»). В особенности стоит выделить публикацию греческой версии «Константинова дара» А. С. Павловым[381]. Интерес к латинской версии «Константинова дара» проявлял также П. Б. Шаскольский[382]. Можно отметить также работы Ф. И. Успенского, М. Фармаковского, а также серию статей Ф. А. Курганова и А. П. Лебедева, приуроченные к 1600-летию принятия Миланского эдикта, отмечавшемуся в 1913 г.[383] И завершил развитие этой темы в дореволюционной историографии А. И. Бриллиантов[384].

В целом количество публикаций отечественных ученых по тематике, связанной с образом императора Константина, значительно, и значение принятия Миланского эдикта в дореволюционной историографии было рассмотрено исчерпывающе. Однако несмотря на столь живой интерес к это теме, архивы сохранили для нас ряд материалов, которые показывают, сколь много усилий в области изучения легенды о Константине Великом осталось за кадром. Практически неизвестным для отечественной историографии легенды

---

[381] *Павлов А. С.* Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе // Византийский временник. 1896. Т. 3. С. 18–88.

[382] *Шаскольский П. Б.* Вопрос о «даре Константина» в новейшей историографии // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. Вып. 3. №5. С. 87–102. К сожалению, большое количество собранных им для изучения этого источника материалов так и осталось неопубликованным.

[383] *Успенский Ф. И.* Миланский эдикт Константина Великого // Православный собеседник. 1913. Т. 9. С. 305–346; *Фармаковский М.* Миланский эдикт // Гермес. 1913. Т. 20. С. 537–541; *Курганов Ф. А.* Император Константин Великий, святой, равноапостольный // Православный собеседник. 1913. №9. С. 255–304; 1914. №2. С. 338–364; №3. С. 409–433; №4. С. 699–714; №5. С. 801–847; №12. С. 669–694; 1915. №4. С. 570–602; 1916. №1. С. 49–78; №2. С. 205–233; №5. С. 460–500; 1917. №3. С. 165–240; *Лебедев А. П.* Константин Великий, первый христианский император // Христианское чтение. 1912. №6. С. 674–697; №7–8. С. 821–843; *Керенский В. А.* Литература о св. Константине Великом. Казань, 1913.

[384] *Бриллиантов А. И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт. Пг., 1916.

о принятии христианства империей при Константине Великом остался сюжет, связанный с попытками подготовки критического издания одной из редакций жития Константина и Елены известным античником-классиком, а также византинистом В. К. Ернштедтом (1854–1902). Эта тема заинтересовала ученого в 1883 г., когда он смог получить доступ в Ватиканскую библиотеку, которая в том году впервые открылась для публичного доступа. В. К. Ернштедт списал или попросил своих учеников и зарубежных коллег снять копии греческих текстов, предприняв попытку выстроить стемму рукописей и издать одну из важнейших редакций текста «Жития Константина». Однако в течение своей жизни ему не удалось довести проект до публикации (хотя, как мы покажем позже, он стоял фактически в одном шаге от этого). После смерти В. К. Ернштедта все материалы, посвященные «Житию Константина», вдова передала его ученику М. Н. Крашенинникову (1865–1931)[385].

На данный момент наиболее известна редакция «Жития Константина и Елены», которую в 1907 г. издал М. Гвиди, опередив российских ученых[386]. В результате наследие В. К. Ернштедта, Г. Ф. Церетели и М. Н. Крашенинникова, а также ряда их добровольных помощников как бы «обесценилось». Попытка М. Н. Крашенинникова напечатать подготовленную В. К. Ернштедтом редакцию этого текста в «Византийском временнике» в 1908 г. по непонятным причинам окончилась неудачей, хотя ученик В. К. Ернштедта явно подчеркивал в своем письме, что работа готова к печати[387]. Несмотря на то что М. Н. Крашенинников мог иногда «слишком оптимистично» оценивать степень готовности тех или иных материалов, в данном случае он не погрешил

[385] «Anno 1903 Lydia Jernstedt, clarissima femina omniue laude digna, illius vire summi summeque semper venerandi morte viduata, omnes eius schedas, quibus illae copies ab eo congestae continentur, benignissime humanissimeque mihi transmisit, ut opus a magistro dilectissimo desideratissimo iam dudum inconatum ad finem perducerem narrationumque de ss. Constantini et Helenae vita gestisue syllogae quam ille editurus fuerat, tandem in lucem proferrem» (*Krasheninnikov M. N.* Prodromus syllogae vitarum laudationumque sanctorum Constantini et Helenae matris eius graece atque slavice mox ededendarum. Juriev, 1915. P. 2–3).

[386] BHG 364; *Guidi M.* Un bios di Constantino // Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche, serie 5. 1907. T. 16. P. 304–340, 637–662. О ее месте в системе рукописей см. далее.

[387] *Медведев И. П.* Об одном неосуществившемся проекте издания житий Константина Великого в «Византийском временнике» // Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики Г. Е. Лебедевой / под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 128–132.

против истины. В его фонде мы находим законченную В. К. Ернштедтом колляцию (со всеми разночтениями) редакции G «Жития Константина», основанную на рукописи Vat. Gr. 1079, fol. 187v 222 и использующую остальные рукописи этой редакции[388].

Переписка М. Н. Крашенинникова и редактора «Византийского временника» В. Э. Регеля, к сожалению, не дает возможности точно узнать, имел ли он в виду именно эту редакцию, потому что М. Н. Крашенинников не приводит никаких деталей. Но разобраться в том, в каком соотношении подготовленная В. К. Ернштедтом колляция находится с текстом, изданным М. Гвиди в 1907 г., а также понять, что же было сделано отечественными исследователями и какова актуальность их работы на данный момент, помогает изданный М. Н. Крашенинниковым по-латыни «отчет» о работе по списыванию, сличению, выстраиванию стеммы рукописей и подготовке к изданию одной из редакций «Жития Константина и Елены»[389]. Из нее мы узнаем, что В. К. Ернштедт и его ученики М. Н. Крашенинников и Г. Ф. Церетели обработали (т. е. списали и сличили тексты) 92 (!) рукописей, относящихся к легенде о императоре Константине[390].

О том, что эта работа не прошла даром, говорит интересный автограф М. Н. Крашенинникова, сохранившийся в его архивных материалах. На одном из листов находится рабочий вариант стеммы рукописей легенды о Константине[391]. Она выглядит следующим образом: «I. A Τὰ κάλλιστα. II. Nicephoros Gregoras. III. Ignatius Selybriensis. IV. Praxagoras. V. B Angelico-Hierosolymitana (Cod. Hierosyl. bibl. Patr. Sabaiticus 366, fol. 9 sqq., Cod. Romanus bibl. Angel. Gr. 22 (olim D.3.10) Д. С.). VI. C Parisinus 1534 et. Barocc. 142. VII. D Monac. 366 et Petrop. 94. VIII. E α + Slav. IX. F Epitome α (Vatic. Gr. 1572.). X. G y. XI. Euthymius. XII. Constantinus Acropolita. XIII. H Софийская 1321, f. 452, I/II. XIV. K Synaxar. CP 697, 34 (slav. Софийск. 463, I 463 v., I, 2). XV. L Petropol. Gr. 227 et 240. XVI. M Слав. Соф. 453, II 452v, I. XVII. N Migne PG 117, 468 CD. XVIII. O Vatic. 822. XIX. P Alexandr. Appendices. XX. Q Vat 1991 (Λόγος δια [неразб. — *Д. С.*]) XXI. R Поучение (?) Слав. акад.».

---

[388] АРАН. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–73.

[389] *Krasheninnikov.* Prodromus syllogae vitarum laudationumque sanctorum Constantini et Helenae matris eius graece atque slavice mox ededendarum.

[390] Ibid. P. 3–37.

[391] АРАН. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

Это предварительная стемма рукописей, которая затем была уточнена в результате работы М. Н. Крашенинникова. Окончательная же стемма рукописей детально им описана в своей работе[392]. Там система редакций выглядит следующим образом: «I. Praxagoras. II. Nicephoros Gregoras. III. Ignatius Selybriensis. IV. Constantinus Acropolita. V. Euthymius. VI. S. Demetrii Rostoviensis (slav.). VII. <Выдержка из жития монаха Александра. Patmos 257.>. VIII. A. Cod. Athous. IX. B Angelico-Hierosolymitana (Cod. Hierosyl. bibl. Patr. Sabaiticus 366, fol. 9 sqq., Cod. Romanus bibl. Angel. Gr. 22 (olim D.3.10) [неразб. — *Д. С.*] X. C Parisinus 1534 et Barocc. 142. XI. D Monac. 366 et Petrop. 94. XII. E. XIII. <Славянская версия>. XIV. F. Epitome α (Vatic. Gr. 1572.). XV. G. XVI. H Софийская 1321, f. 452, I/II. XVII. K Synaxar. CP 697, 34 (slav. Софийск. 463, I 463 v., I, 2). XVIII. L Petropol. Gr. 227 et 240. XIX. M Migne PG 117, 468 CD. XX. N. Слав. Соф. 452, II 452v, I. XXI. O Vatic. 822. XXII. P Vat. 1991 (Λόγος διαλαμβάνων...). XXIII. Q Cod. Dresdensis DA 33. 112–179v»[393].

Мы видим, что основные редакции в последней стемме рукописей (BCDEFGHKLO) остались такими же, как и во временной, и одновременно добавился ряд новых редакций и/или изводов. Можно отметить, что в окончательном варианте добавилась редакция из рукописи Cod. Dresdensis DA 33, 112–179v и произошла смена акцентов в происхождении и формировании окончательных редакций.

Вопрос об актуальности исследований В. К. Ернштедта и М. Н. Крашенинникова удается разрешить, если мы обратим внимание на полемику с М. Гвиди, которую можно найти в сочинении М. Н. Крашенинникова. Наиболее ранней редакцией итальянский ученый считал ту, которую М. Н. Крашенинников назвал G и которая соответствует редакции А. Гвиди. Она содержится в рукописях Ox. Bodl. Clark. 44, BNF Gr. 1453, Ox. Th. Roe 9, Ox. Bodl. Seld. 46, Vallicelliani C. 34 и Vat. Gr. 1079. В качестве архетипа Гвиди взял рукопись BNF Gr. 1453, текст которой он считал превосходящим по качеству все остальные копии. Но за некоторое время до этого В. К. Ернштедт уже понял значение этой редакции, потому в 1880–1890-х гг. он уже занимался колляциями этих рукописей. Стоит отметить, правда,

[392] *Krasheninnikov.* Prodromus syllogae... P. 47–81.

[393] О составе редакций E и G, которые являлись для М. Н. Крашенинникова основными, см. далее.

что в качестве архетипа этой редакции он признавал текст, содержащийся в Vat. Gr. 1079, который он пытался улучшить с помощью других рукописей этой редакции[394]. Поэтому хранящийся в фонде М. Н. Крашенинникова материал (АРАН. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–73) представляет собой оригинальную работу, которая не повторяет то, что было сделано М. Гвиди.

Одновременно В. К. Ернштедт вплотную подошел к тому, чтобы выделить группу рукописей, содержавших редакцию, в целом сходную с вышеуказанной, но имеющую ряд значительных отличий. В частности, в его материалах, содержащихся в фонде М. Н. Крашенинникова, мы можем найти список рукописи BNF Gr. 1608, а также задействованные для сличения рукописей редакции G Vat. 974 и Vat. 975 (эту редакцию М. Н. Крашенинников затем назвал E). Подметив отличия этой редакции, В. К. Ернштедт, однако, не сформулировал мнения по поводу ее соотношения с редакцией G. Мы видим, в частности, что он пытался сличать эти редакции (а именно, редакцию E из Vat. Gr. 974 и редакцию G из Roma, Bibl. Vallicelliana C. 34), получив в результате текст с огромным количеством разночтений[395]. Заниматься редакцией, которая впоследствии была названа его учеником М. Н. Крашенинниковым E, не было в его планах, так как на тот момент наиболее многообещающей виделась именно работа по вычитке G.

Вопрос о соотношении редакций вновь стал актуален после публикации М. Гвиди, в которой за основу была взята именно редакция G. Это заставило М. Н. Крашенинникова более внимательно рассмотреть соотношение между двумя редакциями, в результате чего он пришел к следующим выводам. В качестве архетипа он выделил редакцию, отчасти сохранившуюся в рукописях Bibl. Angelica и Hierosolymitana (B). Следующим в древе редакций (C) он ставил текст, содержащийся в рукописи BNF Gr. 1534. Поскольку E имела больше сходных мест с B, чем G, он настаивал на том, что более древней является именно редакция E. В пользу этой точки зрения он приводил сравнения

---

[394] На первой странице этих колляций М. Н. Крашенинников написал: «По-вид[имому], здесь отчасти испр[авленный] В[иктором] К[арло]вичем текст Vat. 1079 (W) (Vallicell. C. 34 (U) = Vat. 1079). R очевидно = cod. Barocc. Roe 9 s. XV, S = Seldenian 46 (f. 233) XII, C = Clarkianus 44, fol. 80b. H = Hierosolym. 366, fol. 8v, h = Hierosolym. 366, fol. 5r, L cod. Lugdunensis 542, fol. 332v, I 368r, I.» (АРАН. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 17. Л. 12).

[395] АРАН. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 18. Л. 107–163. Количество этих разночтений вызвало у него замечание: см. 2.2.

языка двух редакций, показывая среднегреческие искажения в редакции G и более близкие к C прочтения в E[396]. В результате он суммировал свои наблюдения следующим образом. Редакцию B он считал появившейся в VII в., редакцию E — в VIII или IX в., а редакцию G следующей по хронологии появления. Таким образом, он считал, что М. Гвиди ошибся, взяв в качестве более ранней редакции G вместо E. Следовательно, если Ернштедт, равно как и Гвиди, отдали предпочтение редакции G, Крашенинников в полемике с последним стал подчеркивать значение редакции E как более ранней. Стоит отметить, что вся аргументация Крашенинникова была построена на анализе соответствия греческого текста аттическому правописанию.

Эта точка зрения, несмотря на свою полемическую направленность, имеет право на существование и, вполне вероятно, является более оправданной, чем точка зрения М. Гвиди. Но если отвлечься от конкретного вопроса о том, как выстроить стемму рукописей в данном случае, можно признать основательность и значимость работы В. К. Ернштедта, М. Н. Крашенинникова и Г. Ф. Церетели в контексте современного им состояния исторической науки. Мы видим, что этими исследователями была проведена огромная работа, которая предвосхитила результаты Гвиди. В частности, Ернштедт изначально обратил внимание на редакцию G, которая затем стала основной для публикации Гвиди. В частности, мы узнаём из сочинения Крашенинникова, что уже в 1883 г. Ернштедт скопировал редакцию G Жития Константина из рукописи Roma. Bibl. Vallicelliana C. 34 и редакцию E из рукописи Vat. Gr. 974 и вскоре за этим текст из ключевой для издания Гвиди рукописи Paris BNF Gr. 1534. Более того, отметим, что, по мере исследования этой тематики, в 1896 г. он попросил библиотекаря Бодлеянской библиотеки Оксфорда списать ему текст редакции G из нескольких рукописей (Bodl. Clarck. 44, Bodl. Coll. Thoma Roe 9, Bodl. Selden. Gr. 46). Более того, стоит отметить, что отечественные ученые более глубоко изучили рукописную традицию Жития Константина, так как в отличие от Гвиди, они смогли обратиться также и к рукописям из Афонских монастырей и из библиотеки иерусалимского патриарха, в результате чего им удалось выявить, как они утверждали, более ранние, чем использованная Гвиди, редакции. Здесь идет речь о редакции B из рукописей Codex Sabaiticus 366

[396] *Krasheninnikov.* Prodromus syllogae... P. 62–63, 66–68.

из библиотеки иерусалимского патриарха и из рукописи Cod Romanus Gr. 22 olim D.3.10 из Ангеликанской библиотеки в Риме и редакции А из рукописей из Лавры св. Афанасия на Афоне (без номера), из монастыря грузинской православной церкви (№ 593) и из монастыря τοῦ Πρωτάτου τῶν Καρυῶν, № 48. Результат их трудов представляется более глубоким, интересным и значимым, чем публикация М. Гвиди, в которой он ограничился стеммой из двух редакций (G и E). Можно только пожалеть о том, что научный приоритет, к сожалению, остался за европейским исследователем, несмотря на огромный объем работы, проделанной нашими соотечественниками.

Изучение рукописной традиции в случае жития Константина интересно не только само по себе. Рукописная традиция может многое сказать о процессе возникновения и формирования легенды о Константине Великом. Стоит отметить, что, несмотря на большое количество редакций и изводов, возникновение окончательной редакции «Жития Константина и Елены» выглядит в целом достаточно прямолинейным. Как отмечали В.К. Ернштедт и М.Н. Крашенинников, различия имеют не принципиальный, а скорее стилистический характер. Проведя сличение рукописей Cod. bibl. Vallicellianae C. 34 и Vat. Gr. 974 (представляющие соответственно редакции G и E), Ернштедт написал: «Не явились ли варианты оттого, что новые списки представляют собой начисто переписанные и литературно переделанные записки со слов читающего? Стремление к литературной отделке замечается особенно в местах патетических»[397]. В.К. Ернштедт пытался объяснить разночтения сугубо техническими проблемами передачи текста, возникавшими при копировании средневековых рукописей, но в данном случае проблема, конечно же, была в другом, и чтобы понять процесс мутации текста, нужно в первую очередь обратить внимание на сам факт существования большого количества рукописей и, соответственно, большого количества изводов и редакций. Однако на примере Жития Константина выяснить причины такого сложного формирования рукописной традиции легенды достаточно сложно. Несмотря на большое количество рукописей, можно тем не менее отметить значительную преемственность сюжета легенды в процессе формирования Жития и описать, как на ядро легенды постепен-

[397] АРАН. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 18. Л. 163 об. Также см.: *Krasheninnikov.* Prodromus syllogae... P. 12.

но накладывались различные дополнительные сюжеты, как фрагменты из различных источников слагались в единый оформленный текст, не отличавшийся принципиально по своему идеологическому и историческому значению от ядра легенды[398]. Предание о Константине в целом не вызывало у византийский авторов различных толкований и служило своего рода цементирующей силой, ядром для формирования не только культа христианского императора, но и византийского религиозно-политического сознания в целом.

Св. Сильвестр (епископ эпохи Константина Великого) наряду со св. Мартином относится к разряду важнейших святых западной церкви. Его культ на Западе ознаменовал переход от почитания мучеников к почитанию исповедников, и таким образом, эти два святых стали для Запада эпохи Поздней Античности и Средневековья центральными фигурами в пантеоне католической церкви. Св. Сильвестра считали превосходящим всех своими достоинствами и святостью: «[Remegius] <...> set et sanctitate ita praelatus, ut Silvestri virtutebus equaretur»[399]. Его имя было хорошо известно уже в Поздней Античности, а легенда о папе Сильвестре относится к числу тех сюжетов, которые являются основополагающими для самосознания западной, католической церкви.

Обращение к легенде о папе Сильвестре актуально сегодня по целому ряду причин, несмотря на то что вопрос о недостоверности «Константинова дара» был давно решен. Исследователи XIX и начала XX в. считали установленным, что текст был написан в Риме, хотя и сохранился в рукописях, написанных к северу от Альп. Однако во второй половине XX в. была выдвинута идея, что «Константинов дар» мог быть на самом деле составлен во франкском королевстве как своего рода реверанс Карла Великого или Людовика Благочестивого в сторону папы. В недавнее время исследователи снова обратились к этой теме, подходя к ней в первую очередь не как к вопросу о подлинности, а как к вопросу о том смысле, который вкладывали в легенду о Константине Великом и в сам документ современники, жившие в Поздней Античности и Раннем Средневековье. В частности, «Константинов дар» был, как считается, составлен вовсе не с целью

[398] *Каждан.* История византийской литературы (649–850 гг.). С. 114; *Kazhdan.* Constantine imaginaire: Byzantine legends of the ninth century about Constantine the Great. P. 196–250.

[399] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 31.

поддержать монопольную роль папства, а дать поддержку франкской церкви в период ослабления единства власти в период одновременного правления равных по статусу императора и короля Лотаря, Людовика Немецкого и властителя Западно-Франкского королевства Карла Лысого в 830–860-х гг.[400] Легенда о папе Сильвестре играла значительную роль в контексте споров, которые захватили церковь в период IV–V вв. В частности, легенда о римском епископе Сильвестре, излечившем императора Константина от проказы и тем самым побудившем его сделать христианство государственной религией, имела особое значение в тех спорах о главенстве константинопольского патриарха, которые возникли из-за принятия Константинопольским собором 381 г. третьего канона (который был подтвержден 28-м каноном Халкидонского собора 451 г.), в котором говорилось, что «новому Риму» (т.е. Константинополю), месту пребывания императора и Сената, должны принадлежать все привилегии, которые изначально принадлежали Риму[401]. Именно поэтому возникло предположение, что текст жития папы Сильвестра был составлен на Западе в контексте ответа западной церкви и в первую очередь римских понтификов на решения Константинопольского собора[402]. Но было ли в тот момент уже создано «Житие папы Сильвестра», сказать сложно. Впервые существование этого текста подтверждается в декрете папы Гелазия (492–496), Decretum Gelasianum de recipiendis et non recipiendis libris (494–498 г.): «...actus beati Silvestri apostolicae sedis praesulis a multis tamen in urbe Romana catholicis legi cognovimus»[403]. Он упоминается также в возникших примерно в это же время Апокрифах Симмаха (а именно в «Деяниях Либерия»): «Hoc cum legisset

[400] *Fried.* 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. P. 111–114.

[401] *Monachino V.* 1) Il canone 28 di Calcedonia. L'Aquila, 1979. (Collana di testi storici. 10); 2) Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantesimo della Facoltà di storia ecclesiastica della Pontificia Università gregoriana / A cura di M. Fois, V. Monachino, F. Litva. Roma, 1983. P. 259–263.

[402] *Pohlkamp.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten. S. 149.

[403] *Pohlkamp W.* Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri // Frühmittelalterliche Studien. 1984. Jg. 18. S. 400; *Dobschutz E.* Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. Bd. 8 / hrsg. von O. Gebhardt, A. Harnack. Berlin, 1912. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Reihe 3. 4). S. 42–43.

ex libro antiquo <...> in nomine Iesu Christi a lepra mundatum fuisse per Silvestrum Constantinum»[404].

Хотя точная дата возникновения жития папы Сильвестра приходится на период между серединой IV в. и 492 г., просматривается связь этого сочинения с текстами, возникшими еще в первой половине IV в. Частью жития является так называемое «Conversio Constantini», составленное в IV в. Этот текст снимал конфликты различных версий крещения Константина, которые сложились к 337 г. В частности, «Conversio Constantini» позволял обойти ставший скользким к тому времени вопрос о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским, показывал несостоятельность языческих версий истории крещения Константина (которые рассматривали его выбор новой религии только как желание быстро избавиться от проказы) и делал это событие легитимным путем обращения к неоспоримому символу имперской власти, Риму[405]. Фактически появление «Жития папы Сильвестра» решало две основные задачи — избавлялось от арианского влияния в области церковной истории и устанавливало ту ортодоксальную точку зрения, которая соответствовала решениям вселенских II и IV соборов 381 и 451 гг.

Общая картина возникновения жития папы Сильвестра выглядит следующим образом. Официальная версия о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским имела хождение и оставалась официальной только до переломного момента, которым стало для империи правление Феодосия I[406]. До 380-х гг. память о крещении Константина являлась своего рода *hereditas fidei*, и даже споры между католиками и арианами не позволяли расколоть их единство в области положительной оценки принятия христианства в качестве официальной религии империи. Поэтому версий этого события, которые открыто полемизировали бы друг с другом, не возникало. Но когда при Феодосии (379–395 гг.) изменился политический и церковный климат и никейская доктрина стала единственно верной, а раскол между Западом и Востоком в области церковной организации проявился

[404] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 96: Gesta Liberii // PL. Vol. 8. Col. 1389.

[405] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 96.

[406] *Pohlkamp.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten. S. 124; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. P. 45.

не только в доктринальном, но и в институциональном аспекте, а именно в постановлении Константинопольского собора (381 г.) о главенстве константинопольского патриарха в церковной иерархии, то появляются противоречащие друг другу версии крещения Константина[407]. Тогда начинавшие набирать обороты регионализация и распад империи на западную и восточную части в значительной степени отразились не только на государстве и на сознании и устремлениях знати, составлявшей значительную часть гражданских чиновников и военных, но и на организации церкви и самосознании ее представителей. Это и привело к формированию легенды о крещении Константина в Риме. Если по версии Евсевия Кесарийского Константин был крещен незадолго до своей смерти арианином, епископом Евсевием Никомедийским, то в «Житии папы Сильвестра» этот эпизод датировался годом до этого и само событие приписывалось католику, епископу Рима Сильвестру.

Но даже оформление этой легенды (которой, кстати, придерживался Иероним) не привело к тому, что она была официально принята всеми церквями Запада. В 455 г. Проспер Аквитанский воспроизводил в своей хронике историю о крещении Константина Евсевием Никомедийским: «Константин в конце своей жизни был крещен Евсевием Никомедийским и склонился к арианству» («Constantinus extremo vitae suae tempore ab Eusebio Nicomedensi episcopo baptizatus in Arrianum dogma declinat»)[408]. О широком распространении сообщения Иеронима на Западе хорошо известно[409]. «Галльская хроника» сообщает о крещении Евсевием Никомедийским, но говорит об этом событии как о втором крещении (rebaptizatus)[410]. И это свидетельствует о существенной трансформации легенды о Константине Великом на Западе в период от IV к VIII в. В Поздней Античности, а точнее с начала V в. легенда о обращении Константина Великого в христианство в Риме была прежде всего способом защитить особое положение

[407] *Amerise M.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 92.

[408] [Prosper Tiro]. Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. № 1046. P. 452.

[409] *Aiello V.* Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' // Messana. 1992. Vol. 13. P. 226; *Amerise.* Il battesimodi Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 98.

[410] [Prosper Tiro]. Chronica Gallica // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 615–666; A. DXI. Chron. 474. P. 643; *Aiello V.* Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico'. P. 227.

Рима от той новой конфигурации церковной власти, которая была создана Константинопольским и Халкедонским соборами и которая получила название пентархия. В противоположность этому «Константинов дар» для средневекового человека Запада означал прежде всего текст, защищающий приоритет пап в области не только духовной, но и светской власти и направленный скорее против властителей на Западе, чем церковных иерархов Востока[411].

Это дает возможность заново поставить ряд вопросов о взаимоотношении политико-правового смысла легенды о крещении Константина (в ее широком смысле, а не просто «Константинова дара») и «Жития папы Сильвестра». Это особенно важно потому, что это житие всегда находилось в тени более интересного источника, «Константинова дара». А рукописная традиция «Жития папы Сильвестра» показывает, что этот памятник был не менее значимым. Существует большое количество редакций «Деяний папы Сильвестра», а общее число рукописей достигает ста. Тем меньше внимания получил греческий текст «Жития». И одним из важнейших способов решения этой проблемы является взаимоотношение рукописных традиций двух этих сюжетов. Ведь если особенности бытования самих двух легенд можно понять как результат того, что эти два текста выражали соответственно восточную и западную версии принятия христианства в качестве государственной религии, то рукописная традиция полностью разрушает эту, казалось бы, логичную картину. Намного менее исследованной (и тем более интересной) является рукописная традиция греческой редакции «Жития папы Сильвестра», текста, оспаривавшего преимущество Константинополя и защищавшего приоритет «Вечного города» в деле превращения империи из языческой в христианскую, в Византии и тот путь, который текст, содержавший идею о праве епископа Рима на независимость от светской власти, прошел перед тем, как был принят в свод православной агиографии.

В XIX в. сложились две точки зрения на происхождение текста «Жития папы Сильвестра». После работ Доллингера, посвященных ему, общепринятым представлением стала уверенность в том, что при исследовании этого важнейшего для Средневековья текста нужно обращать внимание в первую очередь на латинский текст, в то время как

[411] *Fried.* 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. P. 111–114.

греческая редакция считается вторичной. Он также считал, что легенда о крещении Константина в Риме сложилась на Западе[412]. Французский исследователь истории папства и издатель «Liber pontificalis» Дюшен заложил традицию, в соответствии с которой принято считать, что легенда о крещении Константина папой Сильвестром пришла с Востока и была только адаптирована на Западе[413].

На переломе XIX и XX вв. сложилась противоположная точка зрения, основанная на следующей аргументации. Если на Западе самое раннее упоминание об этом тексте относится только к концу V в., то на Востоке есть и более ранние. В частности, в «Истории Армении» Моисея Хоренского (сер. V в.) излагается легенда о крещении Константина, которая фактически идентична западной версии жития папы Сильвестра. Исследователи начала XX в. относили «Историю Армении» к концу V в. Эта точка зрения стала широко распространенной и была воспроизведена в ряде стандартных публикаций и энциклопедий. Лингвистическое доказательство этой точки зрения попытался провести А. Гауденци, который сравнил латинский и греческий тексты. В результате этого сравнения он счел возможным утверждать, что последний имеет не только самостоятельное, но и первичное значение. Вопрос о первичности восточной версии легенды о крещении Константина в Риме на данный момент отошел на второй план, но занимающиеся этими сюжетами исследователи по-прежнему подчеркивают, что эти восточные версии имеют самостоятельное значение. В частности, в ряде работ, посвященных этой теме, было указано, что бытование этой легенды на Востоке было связано с доктринальными трениями и, возможно, даже с противостоянием идеям Халкидонского собора.

Попытка опровергнуть это положение была сделана в ряде работ. Некоторые исследователи основывали доказательство западного происхождения «Жития папы Сильвестра» в первую очередь на более поздней датировке «Истории Армении». Однако Вильгельм Левисон в 1924 г. заново проанализировал текст «Константинова дара» и «Жития папы Сильвестра» не только на основании внешних признаков, но и на основании рукописной традиции и постарался показать (пусть и на сравнительно малом количестве примеров), что

[412] *Döllinger.* Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters.

[413] *Duchesne L., Vogel C.* Le Liber pontificalis. Paris, 1957. Vol. 1. P. 170–201; Introduction. P. CIX, CXII.

положение о первичности латинского текста имеет больше веса, чем утверждения о первичности греческого[414]. Но к тому моменту, когда Левисон писал свое исследование, произошла подмена сути спора. Вопрос о происхождении легенды о крещении Константина в Риме был заменен вопросом о том, был ли первичным греческий или латинский текст.

Таким образом, к началу XXI в. сложилась историографическая традиция, в соответствии с которой первичным считался именно латинский текст, а греческий — всего лишь переводом. Повторяя аргументы Доллингера, современные исследователи тоже говорят о том, что наиболее ранней версией «Жития папы Сильвестра» является пространная латинская редакция, которая обозначается сиглой A[415]. Правда, историки не утверждают, что она может считаться примером агиографический литературы, и рассматривают ее скорее как полемическое сочинение[416]. Но это представление базируется не столько на внутренней или внешней критике источника, сколько на понимании того контекста защиты папами своей позиции от патриархов Константинополя, в котором только и имело смысл существование «Жития папы Сильвестра».

Интерес к «Житию папы Сильвестра» угас в начале XX в., что выразилось в первую очередь в нехарактерной для столь важного средневекового текста ситуации с его публикацией: несмотря на попытки его издания в начале XX в., по настоящее время нет критических изданий ни латинской, ни греческой редакций. Те же издания, что есть, нельзя назвать «критическими» в современном смысле этого слова: в частности, при издании латинского текста разные редакции были сведены в одну, и поэтому организованный таким образом текст не соответствует ни одной из средневековых редакций, являясь фактически творением издателей[417]. Оценка текста как недостоверного содержится

---

[414] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 32.

[415] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 93; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. P. 37–38.

[416] *Pohlkamp.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten. S. 124; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. P. 45; *Aiello V.* Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande // Dall'antichità all'umanesimo. Atti del convegno internazionale. Macerata 18–20 dic. 1990. Vol. 1. Macerata, 1992. P. 17–58.

[417] Legenda sancti Silvestri. Bruxelles, 1478; Vita Suylvestri papae // Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum. T. 2 / ed. B. Mombritius. Milano, 1480. P. 279v–293v; Vita Sylvestris

у Левисона[418]. Издание греческого текста было в последний раз предпринято Ф. Комбефисом в XVI в.[419]

Латинские тексты отличаются друг от друга в следующем. Известно две редакции «Жития папы Сильвестра», обозначаемых сиглами A и B. Наиболее длинным (и, возможно, самым ранним) является текст, обозначенный сиглой A[420]. Это текст, который был опубликован Боницием Момбрицием в XV в. и который был переиздан в начале XX в. Большинство рукописей на латинском языке содержало редакцию A, в то время как редакция B (число рукописей, содержащих ее, значительно меньше) в основном существовала в греческих рукописях (хотя были и латинские) (например, греческая редакция: BHG 1628–1630). Редакция B представляет собой не просто более короткий, но и измененный в ряде мест текст. Но самое главное различие состоит в следующем. Редакция A, возможно, была написана не как агиографическое, а скорее как полемическое сочинение, направленное на теологические споры с язычниками и иудеями в процессе становления в Риме и на Западе новой религии[421]. Она была написана человеком, хорошо знакомым с реалиями города Рима или с реалиями Западно-Римской империи в целом. В частности, она уделяет больше внимания социальному происхождению Сильвестра (как представителя привилегированных слоев Римской империи), а также показывает хорошее знакомство ее автора с топографией Рима. И в целом редакция A отличается большей открытостью ее автора к историческим реалиям и не ограничивается традиционным для агиографической литературы повествованием только о благодати, нисшедшей на святого, или о его мученичестве[422].

Другие особенности этой редакции давали исследователям возможность сделать выводы относительно не только ее датировки, но и

papae // Sanctuarium seu Vitae sanctorum / sous la dir. de B. Mombrizio, A. Brunet. Parisiis. 1910. P. 508–531.

[418] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 169.

[419] Vita Sylvestris papae / sous la dir. de F. Combefis. Paris, 1660. P. 258–336.

[420] *Pohlkamp.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten. S. 166; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. P. 38.

[421] *Pohlkamp.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten. S. 166.

[422] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 181–191, 201; *Aiello.* Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande. P. 58.

того религиозно-догматического контекста, в котором она появилась. В ней специально оговаривается существование у Христа двух природ, человеческой и божественной, хотя автор рукописи не дал ответа на вопрос о соотношении между ними и тем более не коснулся более тонких вопросов, возникших после Халкидонского собора (таких, например, которые привели к возникновения монофелитства и связанных с ним богословских учений). Это дало возможность утверждать, что она появилась незадолго до или после Халкидонского собора, на котором это положение было принято в качестве обязательного для тех, кто считал себя принадлежащим к лону церкви[423]. Одновременно этот факт говорит о том, что редакция А, скорее всего, появилась до того момента, когда споры, легшие в основу решений Халкидонского собора, уступили место новым и дали ход таким богословским учениям, как монофелитство (т. е. до VII в.). Как предполагают исследователи, они возникли в период 410-х гг., когда Западно-Римская империя была охвачена религиозными спорами с языческими и другими религиозными группами[424].

Другие редакции (обозначенные сиглами B1 и B2) имеют иную структуру повествования[425]. Но самое главное отличие состоит в том, что эти две связанные редакции принципиально отличаются от редакции А своим отношением к спорам о природе Христа. В редакции В больше внимания уделено соотношению между двумя природами. Воззрения автора более оформлены в доктринальном смысле и в большей степени напоминают ту доктрину, которая сложилась после Халкидонского собора[426]. Кроме этого, редакция В больше похожа на типичные жития и содержит много меньше исторических реалий и деталей повседневной жизни города Рима. Это позволило говорить о том, что ее автор вряд ли когда-либо бывал в Риме (хотя в этой редакции крайне мало специфических деталей повседневности в целом) и что он, скорее всего, принадлежал к кругам, среди которых

[423] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 199–200.

[424] *Aiello.* Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande. P. 17–58; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. P. 45–46.

[425] Например, история с драконом в них помещена до эпизода с выздоровлением Константина Великого.

[426] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 199–200. У нас нет возможности обратиться к разбору текста более детально в настоящем издании, и поэтому этой теме будет посвящено отдельное исследование.

были более развиты культ святых и соответствующие этому культу каноны агиографии. Это дало возможность исследователям утверждать, что редакция B происходит от редакции A, но является результатом адаптации текста, написанного для Западно-Римской империи, к реалиям Восточно-Римской империи, Сирии или Палестины. Левисон считал, что греческие и другие редакции происходят от латинской редакции B1[427]. Древнейшей рукописью редакции B (относящейся к X в.) является Bibliotheque Nationale Français Grec. 513, 77v–99v, которая была опубликована в XVI в. в труде доминиканца Ф. Комбефиса[428]. Эту рукопись он сравнил с BNF Grec. 1448.

Описанное выше противопоставление редакций A и B является значимым для тех рукописей, которые были известны исследователям на конец XX в. Однако одна рукопись греческой редакции, введенная в оборот в конце XIX в., дает возможность посмотреть на процесс развития и генезиса новых редакций с другой стороны. Это греческая редакция, находящаяся в рукописи из библиотеки г. Мессины, Messanensis 87. Она оставалась практически неизвестной для европейских исследователей конца XIX — начала XX в., и в этот период на нее обратил внимание российский исследователь М. Н. Крашенинников. Он занялся колляциями греческого текста, взяв в качестве основы издание Комбефиса и выписав на полях подготовленной для этого тетрадки разночтения с тем текстом, который он нашел в рукописи Messina 87[429].

Однако среди текстов, связанных с легендой о Константине Великом, есть один, разные редакции которого позволяют увидеть, что не все легенды формировались так «гладко», как это происходило с легендой о Константине. Намного большую полемику в Поздней Античности, Средневековье и в Новом времени вызвала легенда о папе Сильвестре. Эта история имеет тесную генетическую связь с житием Константина, но она по-другому расставляет акценты на вопросах взаимоотношения церкви и государства (а именно императора и епископа) и, соответственно, позволяет проследить интересный процесс мутации основополагающих мифологем византийского

[427] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 224.

[428] Vita Sylvestris papae. P. 253–346.

[429] *Старостин Д. Н.* Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX — начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 126–139.

религиозно-политического сознания. Этот текст, несмотря на отсутствие исторической информации, принадлежит к влиятельнейшим житиям Поздней Античности и сохранился в латинских, греческих, сирийских и армянских редакциях, не говоря уже о позднесредневековых вариантах, написанных на народных европейских языках[430]. Латинский текст был издан в сборнике Б. Момбриция, а греческий текст последний раз издавался доминиканцем Ф. Комбефисом[431].

Легенда о Константине и легенда о Сильвестре — это две стороны одной медали, две легенды, которые использовались как противоположные и одновременно взаимодополняющие и с помощью которых историки XIX в. иллюстрировали дихотомию Восток — Запад в области взаимоотношений государства и церкви. История о Константине Великом, впервые рассказанная Евсевием Кесарийским, делала упор на посреднической функции императора, который в своем решении 313 г. стал своего рода посредником между богом и людьми. Именно эта история наиболее импонировала византийцам и наиболее соответствовала византийской политическо-религиозной культуре, в которой предполагался примат императорской власти над церковной и в которой именно император, а не священник, был посредником между Богом и людьми. Западная же цивилизация, с точки зрения отечественных церковных историков, была построена на примате духовного господства папы и на его праве вмешиваться в дела светских правителей[432]. Легенда о папе Сильвестре, который и крестил Константина в Риме, стала начиная с Раннего Средневековья концентрированным выражением идеи примата папства на светской властью. А после появления на Западе Псевдо-Исидоровых декреталий в VIII в., в которых текст легенды о папе Сильвестре (Actus Silvestri) превратился в «Константинов дар» (Constitutum Constantini), именно эта легенда

[430] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 166: «Die Actus Silvestri gehören zu den ungeschichtlichen, aber auch zu den einflussreichsten Heiligenleben des ausgehenden Altertums. Lateinische, griechische, syrische und armenische Fassungen haben früh gewetteifert, sie zu verbreiten, um von den späteren dichterischen Bearbeitungen in den Volkssprachen des Abendlandes, in deutschen und französischen Versen, abzusehen: es gibt wohl wenige Legenden die so viel gelesen und abgeschrieben worden sind».

[431] Boninus Mombritius. Sanctuarium seu Vitae sanctorum novam hanc editionem / ed. H. Quentin, A. Brunet. Paris, 1910. Vol. II. P. 508–531; *Combefis F.* Illustrium Christi martyrum lecti triumphi. Paris, 1660. P. 258–281.

[432] Наиболее характерно эту дихотомию выразил Суворов, см.: *Суворов Н.С.* Курс церковного права. Ярославль, 1889. С. 91–92, 469–470.

стала привлекать внимание исследователей. Ее широкое распространение как на Западе, так и на Востоке привело к появлению большого количества работ, посвященных этому тексту[433].

Стоит отметить, что В. К. Ернштедт и М. Н. Крашенинников подошли к легенде о папе Сильвестре только в контексте изучения легенды о Константине Великом и не стали ставить вопрос о том, как разные редакции легенды о римском первосвященнике могут отражать различные точки зрения на основополагающую для истории церкви легенду и примат ее главы или же саму легенду на разных стадиях ее формирования. Крашенинников выделил пять редакций «Жития папы Сильвестра», но не стал углубляться в вопросы соотношения этих версий и процесса формирования разных редакций[434].

Оставляя в стороне историографию «Константинова дара», обратимся к полемике по поводу места происхождения «Жития папы Сильвестра». В XVII в. кардинал Ц. Бароний, стремясь снять с католической церкви обвинения в подделке «Константинова дара», объявил и «Constitutum Constantini», и «Actus Silvestri» византийской подделкой. Отсюда и берет свое начало полемика по поводу западного или восточного происхождения легенды о папе Сильвестре, которая

---

[433] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredit`a: *Arnaldi G.* La leggenda dell'imperatore Costantino e di papa Silvestro. A proposito del libro di Tessa Canella sugli 'Actus Silvestri' // Sanctorum. 2008. T. 5. P. 209–220; *Bonamente G.* Sull'ortodossia di Costantino: gli 'Actus Sylvestri' dall'invenzione all'autenticazione // Bizantinistica. 2004. P. 1–46; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore; *Ewig E.* 1) Das Bild Constantins des Großen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // Historische Jahrbuch. 1956. T. 75. S. 1–46; 2) Das Bild Constantins des Großen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // Das byzantinische Herrscherbild / ed. H. Hunger. Darmstadt, 1975. S. 133–192. (Wege der Forschung. T. 341); *Frothingham A. L.* L'omelia di Giacomo di Sarug sul battesimo di Constantino imperatore // Atti della R. Accademia dei Linzei. Serie terza. Memorie della classe di scienze morali. 1883. T. 8. P. 167–242; *Gaudenzi A.* Il Constituto di Constantino // Bulletino dell'Instituto storico Italiano. 1919. T. 39; *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende; *Lipsius R.A.* Die Edessische Abgar-Sage. Braunschweig, 1880; *Loenertz R.J.* Actus Sylvestri. Genèse d'une légende // Revue d'histoire ecclesiastique. 1975. T. 70. P. 426–439; *Mazzini I.* Lettera del Concilio di Arles (314) a Papa Silvestro tradita dal Codex Parisinus Latinus 1711 // Vigiliae Christianae. 1973. T. 27. P. 282–300; *Pohlkamp.* 1) Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri: 2) Tradition und Topographie: Papst Sylvester I (314–335) und der Drache von Forum Romanum // Römische Quartalschrift für der christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte. 1983. T. 78. S. 1–100; *Schaskolsky P.B.* Roma e l'Oriente // Rivista Criptoferratense per l'unione delle chiese. 1913. T. 6. C. 12–25.

[434] *Krasheninnikov.* Prodromus syllogae... P. 89–91.

к началу XX в. приобрела описанную форму. Считается, что сюжет о папе Сильвестре возник в период до Халкидонского собора (451 г.) и, скорее всего, до Константинопольского собора 381 г. Именно поэтому данный сюжет оказался столь привлекателен для монофиситов, которые не согласились с доктринальными и организационными решениями этого собора и взяли этот текст в качестве основополагающего для легитимирования своих претензий на организационную независимость от халкидонской иерархии. В результате повышенной полемической значимости этого текста в Раннем Средневековье сложилось две его основных редакции. Это длинная редакция А и краткая редакция В. Редакция А существует как в греческом, так и в латинском вариантах, причем в большом количестве экземпляров. Большинство греческих вариантов находятся в поздних рукописях (XI–XII вв.).

Сравнению греческого и латинского текста редакции А была посвящена неизданная работа Петра Бернгардовича Шаскольского (1882–1918), приват-доцента Санкт-Петербургского императорского университета, честь открытия которой в Архиве Санкт-Петербургского института истории принадлежит И. П. Медведеву[435]. Судя по черновикам, можно предположить, что автор задумывал ее как книгу, посвященную обстоятельному разбору «Константинова дара». Ряд вопросов был рассмотрен обстоятельно, и поэтому здесь хотелось бы привести целиком выдержку из этой работы[436].

«Вопрос о том, на каком языке был написан оригинал Донации Константина, важен для предварительной ориентировки по вопросу о том, в какой географической полосе следует искать ее автора — на Востоке или на Западе. Дилемма эта не представляла долгое время никаких сомнений. Лишь Бароний, один из первых ученых католического лагеря, признававших подложность Донации, попытался приурочить происхождение Донации к Византии, и таким путем снял с папства и католического мира обвинения в подлоге. Его мнение не было поддержано ни одним ученым, специально занимавшимся Донацией, даже католическим. Но вообще это мнение еще до сих пор иногда встречается в трудах, попутно касающихся Донации, и потому нам необходимо на нем остановиться. Уже Dollinger (Papstfabeln,

[435] Архив СПбИИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 13.
[436] Там же. Л. 53–61.

p. 74–76) доказал некоторыми особенностями языка греческого текста, а также и его существа, что именно он является прямым переводом с латинского, а не наоборот. Я считаю доказательства Dollinger'a правильными, но не совсем достаточными, так как он в доказательствах своих оперировал не проверенным греческим текстом Донаций, а лишь напечатанными трудами Balsamon, Matthaus Blastares (ок. 1335, по Beveridge, Pandectae canonum I, p. 2, p. 117) и текстом, перепечатанным с одной парижской рукописи у Boulanger и Fabricius'a (Bibl. graeca, ed. nouv. VI, 699). В приложении I к книге я даю критический текст, и на основании его я могу дополнить указания Dollinger'a рядом фактов, неопровержимо свидетельствующих, что греческий текст является не чем иным, как переводом с латинского оригинала, причем переводом, сделанным буквально и лишь в редких местах с совсем мелкими вариациями, в свою очередь указывающими, что их делал именно переводчик, приноравливающий Донацию к восточным читателям. С самого же начала, впрочем, надо установить, что резкой восточной тенденции у переводчика нет: иначе он бы переменил уж хотя бы бросающийся сразу в глаза византийского читателя порядок вселенских патриарших кафедр (Don. Const. 172: Antiochia, Alexandria, Constantinopolis, Hierusalem), где Византийская кафедра стоит, соответственно мнению Западной церкви, лишь на третьем месте, как <...> [неразб. — *Д. С.*] переменил этот порядок впоследствии переводчик Донаций с греческого на славянский язык (см. текст Павлова, стр. 72, соотв. Zeumer'y 172, а также и в самом конце, в единственной вставке славянского текста, Павлов 81). Из всего сказанного ясно, что греческий текст Донации является не чем иным, как буквальным переводом с латинского».

В другом месте тоже можно найти упоминание ученого о западном происхождении этой редакции, в доказательство которого он приводил различные детали, присутствующие в тексте[437].

Однако восточный след в легенде о Сильвестре все-таки не давал покоя и этому исследователю. В его набросках мы видим размышления относительно того, не могла ли легенда в ее полном составе возникнуть на Востоке. В частности, П. Б. Шаскольский предполагал, что

[437] Архив СПбИИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 13. Л. 16: «Все-таки легенда носит много чисто римского колорита (сходство нескольких мест с древнехристианскими обрядами (белые одежды), данные топографии, Сильвестр, иллюминация Колизея, построение церквей и т. д.)».

ряд легендарных деталей, в особенности история об излечении Сильвестром Константина от проказы, могли прийти с Востока[438].

Как мы видим, вопрос о происхождении легенды о папе Сильвестре не был окончательно решен даже теми исследователями, которые в целом признавали ее западное происхождение. Изучение легенды о нем осложняется не только тем, что она представлена в большом количестве рукописей. Во многих средневековых текстах случайные изменения, возникающие в процессе передачи, компенсировались сознательным процессом редактирования текста переписчиками в случае его значительной порчи. Однако в силу того, что легенда о крещении Константина Великого и о передаче им Сильвестру власти над церковью была столь значима для самосознания церкви, переписчики были скорее склонны модифицировать ее в соответствии с тем взглядом на легенду, который был характерен для той или иной культуры или эпохи, а не стараться приводить испорченный текст в соответствие с прототипом. В случае этого жития процесс передачи рукописного текста приводил к внесению бессистемных изменений, которые делают крайне сложным установление состава текста даже самых основных редакций. Исследователь латинского извода этого текста В. Левисон подмечал: «Несмотря на наличие общего начала, разночтения в тексте иногда были весьма значительными»[439].

В этом контексте особо интересной является латинская редакция В. Она намного короче и содержит меньшее количество деталей, позволяющих явно привязать ее место происхождения к Риму или западному Средиземноморью. На фоне редакции А редакция В была первым кандидатом на восточный прототип легенды о папе Сильвестре[440]. Но при внимательном исследовании оказалось, что и в этом

---

[438] Там же: «Так как декрет Геласия **по-видимому** <выделено автором. — *Д. С.*> указывает на импорт легенды в Рим, то она могла приобрести эту форму и где-нибудь на Востоке. Может быть, эта форма легенды возникла и в Греции (хотя schwerlich). Но для этого надо сравнить латинский текст Mombritius с греческим». Л. 17: «Может быть, у них общий источник легенды (с Востока? из Испании? из Aegyptus?). Может быть, на Востоке она приобрела форму легенды, как у Якова Саругского с проказой, а в Греции его обращение стали объяснять угрызениями совести».

[439] «...im Innern herrscht selbst bei gleichem Anfang grösste Mannigfaltigkeit» (*Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 169).

[440] *Gaudenzi A.* Il Constituto di Constantino // Bulletino dell'Instituto storico Italiano. 1919. T. 39. S. 89–92.

случае греческий текст прямо повторяет латинский[441]. На данный момент вопрос о первичности латинского варианта и в случае краткой редакции не должен вызывать сомнений.

Но несмотря на то что этот вопрос можно считать закрытым, остается тем не менее вопрос о соотношении греческих редакций. Левисон выстроил следующую систему редакций греческого извода жития папы Сильвестра. Редакцию, описанную в BHG под номерами 1628–1630, он обозначил как Ia, а редакцию под номерами 1631 и 1632 назвал Ib[442]. Он подчеркнул, что редакция Ib является более точным переводом латинского текста редакции B, чем Ia[443]. Отметим, что в его системе были еще несколько редакций, но эти две являются для нас важнейшими, потому что именно в их отношении взгляды М. Н. Крашенинникова значительно отличаются от взглядов немецкого ученого. М. Н. Крашенинников взял в качестве прототипа редакцию (A), которая не дошла до нас целиком, но которая является основой для легенды о крещении Константина в редакции E «Жития Константина и Елены» (абзацы 107, 108, 110–126). Не зная о системе редакций Левисона, он тем не менее пришел к зеркально противоположной систематизации, в которой редакции Ia Левисона соответствует его редакция C, а редакции Ib соответствует его редакция B. B. Левисон не высказал какой-либо точки зрения по поводу генезиса редакций. Но М. Н. Крашенинников посчитал именно редакцию B (BHG 1631–1632, Левисон Ib, содержащаяся, например, в ОР РНБ Греч. 96, 53v, I 78v) наиболее близкой к архетипу легенды о папе Сильвестре по причине совпадения большого количества мест в (виртуальной) редакции A (которую М. Н. Крашенинников восстанавливал для себя на основе жития Константина) и B. А редакцию C, изданную Комбефисом (BHG 1628–1630, Левисон Ia), он посчитал вторичной, возникшей позже, чем редакция B.

---

[441] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 159–247 (Studi e Testi. T. 38). S. 225. Здесь Левисон приводит в качестве примера начало редакции B1: Εὐσέβιος ὁ Παμφίλου τὴν ἐκκλεσιαστικὴν συγγράφων ἱστορίαν в качестве перевода Historiographus noster Eusebius Caesariae Palestinae urbis episcopus cum historiam ecclesiasticam scriberet *(перевод?)*. В другом месте Ф. Дёльгер идентифицировал как перевод с латинского οἱ μάγοι οἱ λεγόμενοι ἀρίολοι: Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien / ed. F. Dölger. Rome, 1913. (Römische Quartalschrift. Supplementheft. T. 19). S. 397.

[442] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 224–229.

[443] Ibid. S. 229.

Стоит отметить, что, несмотря на большое количество работ, по-прежнему актуальным является вопрос об издании хотя бы одной редакции «Жития папы Сильвестра» в ее изначальном виде. Ведь греческой редакции «Жития» так же не повезло, потому что в процессе издания Ф. Комбефис контаминировал две редакции «Жития», проверяя одну редакцию с помощью рукописи, содержащей другую редакцию. В качестве основной он использовал рукопись BNF Gr. 513, f. 77v–99v. (эту редакцию Левисон назвал Ia, а М. Н. Крашенинников – C). Однако для исправления текста он использовал рукопись BNF Gr. 1448, которая содержит редакцию Ib (у М. Н. Крашенинникова B)[444].

Здесь можно было бы сделать ряд промежуточных выводов. Основное различие между взглядами В. Левисона и М. Н. Крашенинникова состоит в следующем: если для первого (вслед за Ф. Комбефисом) архетипом греческой легенды о папе Сильвестре была редакция, имевшая меньше сходства с редакцией B латинского извода, то для российского ученого архетипом была редакция, имевшая больше общего как с редакцией B латинского извода, так и с греческими житиями Константина Великого. Иначе говоря, для М. Н. Крашенинникова (проработавшего, как стоит отметить, большее количество рукописей, чем В. Левисон) признаком архетипичности было наличие общих мест в редакциях как греческого, так и латинского изводов, в то время как для В. Левисона признаком более раннего возникновения текста были как раз краткость и наибольшее отличие от латинского текста. Таким образом, можно утверждать: В. Левисон считал, что архетип всех греческих редакций был на греческом языке, в то время как М. Н. Крашенинников предполагал большее единство агиографических легенд и идеологических принципов в Средиземноморье V–VI вв. и искал архетип жития Сильвестра как в латиноязычной, так и в эллиноязычной рукописных традициях. Отметим, что при теперешнем состоянии рукописной традиции этих текстов и их исследований нет возможности считать какой-либо из подходов более оправданным.

Стоит обратить внимание на то, что мы знаем об истории распространения греческих редакций «Жития папы Сильвестра» в Византии. Известно, например, что у Иоанна Малалы присутствует история

[444] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 224–225.

о крещении Константина папой Сильвестром[445]. Однако Иоанн мог взять эту легенду из латинского контекста[446]. Более точно можно говорить о том, что к 570 г. редакция Ia (по стемме Левисона, С по системе Крашенинникова) уже присутствовала в Византии, потому что она вошла в хронику Захарии Митиленского (в качестве гл. 7 книги 1), которая в VII в. была переведена на сирийский язык[447]. А редакция Ib (редакция В М.Н. Крашенинникова), по-видимому, появилась позднее. Но стоит также обратить внимание на то, что в VI в., скорее всего, появилась редакция «Жития папы Сильвестра», которая состояла из диспута этого епископа с раввином и языческим жрецом и которая, по-видимому, вела свое происхождение от одного из сочинений Леонтия Византийского[448].

Разрешить противоречие между взглядами В. Левисона и М.Н. Крашенинникова на процесс возникновения редакций греческого извода «Жития папы Сильвестра» можно только при условии, если мы обратим внимание на то, что процесс появления различных латинских редакций, а также их проникновения в Византию не был одноразовым явлением. Сама по себе легенда о крещении императора Константина папой Сильвестром в Риме возникла в конце IV в. для того, чтобы нейтрализовать неприятный эффект истории крещения императора арианином Евсевием Никомедийским после того, как на Константинопольском соборе 381 г. арианство было однозначно названо ересью. Но уже к концу V в. она поменяла свое значение, потому что эта история стала очень выгодна папам, оказавшимся в сложной ситуации политического вакуума после падения империи на Западе. Если верить в достоверность декрета папы Гелазия 494 г., то можно предположить, что именно во время его понтификата в Риме появилась одна из редакций «Жития папы Сильвестра», потому что это житие было жизненно необходимо Гелазию для того, чтобы подчеркнуть свою независимость

---

[445] Chronicon Ioannis Malalae // Corpus scriptorum historiae byzantinae / ed. L. Dindorf. Bonn, 1831. S. 317.

[446] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 227.

[447] BHO 1069. *Land J.P.N.* Anecdota syriaca. Leiden, 1870. T. 3. S. 46–76. Немецкий перевод: *Russel V.* Syrische Quellen abendländischer Erzählungsstoffe IV // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen. T. 95. Braunschweig, 1895. S. 21–54.

[448] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 228. PG. 86. Col. 1199–1211.

от Восточной империи после падения империи на Западе в 476 г.[449] Однако поздний характер «Decretum Gelasianum» отмечался всеми исследователями, которые предполагали, что его текст мог быть составлен только в VI в.[450]

В этом параграфе нет возможности провести полный анализ соотношения двух греческих редакций. Попытка анализа была сделана в другой публикации[451]. Но даже поверхностное знакомство с греческим текстом «Жития папы Сильвестра» из этой рукописи позволяет сделать интересные выводы. Первый абзац этого жития в мессанской рукописи значительно отличается от того, который можно найти в редакции, изданной Комбефисом. В этом абзаце автор говорит о том, что история появления патриарха в Константинополе уже была описана, а история появления папы в Риме еще не получила освещения. Первый абзац в греческой редакции, изданной Комбефисом, говорит только о двух патриархатах, Риме и Константинополе, в то время как первый абзац латинской редакции А говорит не о двух великих городах, а о пяти — Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Эфес. Показательно то, что в греческой редакции «Жития папы Сильвестра» из мессанской рукописи, которую в целом можно отнести к редакции В, начало практически полностью соответствовало тому, которое можно найти в латинской редакции А.

Смысл этих отличий понятен сразу: в латинской редакции было отражено то состояние церковной иерархии, которое сложилось

---

[449] Decretum Gelasianum de recipiendis et non recipiendis libris (494–498 гг.): «...actus beati Silvestri apostolicae sedis praesulis a multis tamen in urbe Romana catholicis legi cognovimus». О декрете Гелазия см.: *Pohlkamp.* Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri. S. 357–400; *Dobschütz.* Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. S. 42–43.

[450] *Bäumer S.* Über das sogenannte Sacramentarium Gelasianum // Historische Jahrbuch. 1893. T. 14. S. 241ff; *Burkitt F.C.* Review of Dobschütz E. Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. Berlin, 1912 // Journal of Theological Studies. 1913. T. 14. P. 469–471; *Lang A.P.* Leo der Grosse und die Texte des Altgelasianums. [S. l.], 1957. Тем самым хронология создания редакций «Жития папы Сильвестра» остается по-прежнему неустановленной, и VI в. остается *terminus post quem*, если говорить о появлении «Жития» в терминах рукописной, а не текстологической традиции. Это не означает, что текст не мог возникнуть раньше.

[451] *Старостин Д.Н.* Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX — начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов.

после Халкидонского собора 451 г., который закончился созданием пентархии, системы главенства пяти патриархатов. Греческая же редакция, опубликованная Комбефисом, отражала то состояние, которое существовало до Халкидонского собора. Этот факт можно объяснить двумя способами — либо редакция В (и в особенности ее греческие варианты) появились ранее, чем редакция А, и возникли они на Востоке, либо редакция В и в особенности ее греческие варианты отразили то нежелание принимать доктрину и, соответственно, ту систему церковной организации (т.е. пентархию), которая была одобрена на этом соборе. Поэтому редакцию В «Жития папы Сильвестра» иногда считали монофизитской и связывали ее возникновение с Ближним Востоком (Сирией, Палестиной или прилежащими областями)[452].

Такое положение дел, сложившееся до находки греческой редакции «Жития папы Сильвестра» в рукописи Messanensis 87, давало возможность исследователям выделить две противоположные тенденции в бытовании «Жития папы Сильвестра». Фактически сложилась традиция противопоставлять две версии этой легенды, восточную и западную — одну, возникшую в монофизитских общинах востока Византии, и другую, возникшую в официальном имперском контексте потерявшего свой имперский статус Рима.

Однако первый абзац греческого текста, содержащегося в мессанской рукописи, свидетельствует, что нельзя говорить о распаде легенды и рукописных традиций на две практически независимые ветви. Редакция «Жития папы Сильвестра» из мессанской рукописи была результатом контаминации редакций А и В. Фактически первый абзац этой греческой редакции был идентичен первому абзацу латинской редакции А. Было и еще несколько отличий, которых мы не будем касаться в данной главе. Остальная же часть текста в целом совпадала с греческой редакцией, опубликованной Комбефисом. Исследование показало, что М. Н. Крашенинников, в отличие от своего предшественника, выдвинул в качестве рабочей гипотезы идею о том, что ядром текста и архетипа рукописи следует считать те редакции, в которых было наибольшее число сходных черт между латинским и греческим вариантом, в отличие

[452] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 199–200.

от идеи Левисона, который считал именно латинский вариант наиболее ранним[453].

Это дает возможность предположить, что текст «Жития», содержащийся в мессанской рукописи, представлял собой попытку адаптации греческого текста к реалиям церковной организации, сложившимся после Халкидонского собора и запечатленных в латинской версии «Жития папы Сильвестра». Греческая редакция В отражала изначальную версию «Жития», в которой главным было противостояние арианству, но еще не было указаний на четкую структуру церкви, что и было характерно для Константинопольского собора 381 г. Интересно отметить, что исследование рукописной традиции показывает, что в латинской версии рано отразились реалии IV Вселенского собора. Но тем не менее даже и такой скромный вывод дает возможность уточнить наше представление о том, как мутировали и путешествовали по раннесредневековому Средиземноморью легенды, объяснявшие и оправдывавшие политическую и церковную организацию этой эпохи. Несмотря на то что мессанская рукопись не дает возможности установить приоритет греческой редакции над латинской, исследование «Жития папы Сильвестра» показывает, как адаптировалась к халкидонской доктрине и мироустройству идеология, возникшая в процессе отрицания новшеств, введенных этим собором. Редакция «Жития папы Сильвестра» из мессанской рукописи нуждается в дальнейшем исследовании с целью уточнения ее датировки. Но уже сейчас можно сказать, что этот текст, выразивший представления о независимости церковной власти от власти светской, был в равной степени широко известен в Византии и на Западе. Более того, сохранившиеся редакции показывают, что он, возможно, переписывался в Византии с целью соответствия представлениям о церковной власти, характерным для всего раннесредневекового Средиземноморья и возникшим в результате ряда попыток найти согласие между патриархами Константинополя и римскими папами. Это дает возможность утверждать, что деление культурного пространства Раннего Средневековья на Запад и Византию могло быть более радикальным в глазах исследователей XIX и XX вв., нежели для самих образованных людей того времени.

[453] *Старостин.* Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX — начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов. С. 137–138.

По крайней мере ключевые для истории светского и церковного права системы представлений, отразившиеся в значимой для раннесредневековой правовой культуры легенде о крещении императора Константина и о той роли, которую сыграл в этом событии папа Сильвестр, в равной степени занимали важное место в системе представлений как на Западе, так и в Византии.

Однако неопределенность этой ситуации тем не менее позволяет сделать ряд интересных выводов. Можно утверждать, что в VI в. в Риме велась активная работа по редактированию и переписыванию «Жития папы Сильвестра», отзвуки которой доносились и до Византии. Судя по разнице редакций В и А латинского извода, переписывание «Жития» шло в направлении придания всё большего количества римских деталей тексту, чему сопутствовало появление истории о споре Сильвестра с языческими жрецами, которых ему удалось переубедить. Так, латинские редакции «Жития папы Сильвестра» показывают, как на смену антиарианскому пафосу пришел пафос торжества единого христианства над языческой религией. Более того, после этого история текста стала развиваться по-разному в зависимости от региона. По-видимому, в VI в. в Византию сначала попала более краткая редакция латинского текста, которая превратилась в краткую редакцию греческого текста (Ia по Левисону, С по Крашенинникову). В этой редакции отражались реалии, сложившиеся до Константинопольского собора 381 г., увиденные глазами римского папы, потому что пафос этого текста состоял в подчеркивании равного статуса Римской, Александрийской и Антиохийской епископских кафедр. Интересно, что в этом списке в латинском и даже греческом варианте не было Константинополя. Именно эта версия сначала получила распространение на Западе, причем больший упор был сделан на борьбу с теми силами, которые составляли проблему для развития церкви и распространения христианства на Западе. Это были в первую очередь те круги в Риме и в Италии, которые активно противостояли становлению христианства, опираясь при этом на языческое мировоззрение и культы. Поэтому в западной редакции «Житие папы Сильвестра» представляло собой совершенно иной текст, который, ориентируясь на примат римского папы на Западе и на ситуацию, сложившуюся до усиления Константинополя и его архиепископской кафедры, способствовал развитию этого самого примата и утверждал роль папы как главного борца против язычества. Пространная редакция А «Жития папы

Сильвестра» не подчеркивала и не намекала на борьбу с арианством настолько сильно, насколько это делала греческая редакция.

Но на этом интерес византийцев к «Житию папы Сильвестра» не исчез, и в последующие столетия (видимо, в VIII или IX в.) была переведена на греческий новая редакция «Жития» (Ib по Левисону, B по стемме редакций Крашенинникова), сложившаяся на Западе в период между правлением папы Геласия I и появлением «Constitutum Constantini» в составе Псевдо-Исидоровых декреталий. В мессанской рукописи «Жития папы Сильвестра», содержавшей последнюю редакцию, в IX или X в. был сделан ряд изменений в первом абзаце текста, в котором три патриархии — Рим, Александрия и Антиохия — были заменены на пентархию апостольских кафедр (Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Эфес)[454]. Это говорит о том, что возникший в латиноязычных кругах текст легенды (имевшей, вероятно, и восточные корни), к IX–X вв. был адаптирован к греческому церковно-политическому контексту. Текстологические исследования последних лет показали, что «Житие Константина и Елены» и «Житие папы Сильвестра» были текстами, хорошо известными как на Западе, так и на Востоке империи. Образ Константина Великого, который использовал Григорий Турский, говорил о том, что епископ Тура видел короля франков как часть Средиземноморского мира и образа власти, сложившегося в этом регионе. Более того, Григорий Турский внес в эту историю одну тему, которая была важна именно ему как представителю галло-римского епископата — тему воскрешения мертвых. Как известно, именно он писал про Илария из Пуатье и св. Мартина Турского.

---

[454] Отметим, что список из трех патриарших кафедр, Рима, Александрии, Антиохии, был характерен для папского видения структуры церкви, как об этом свидетельствуют «Ответы папы Николая I на вопросы болгар»: Responsa Nicolai I papae ad consulta Bulgarorum. Cap. 92 // Латински извори за българската история / ред. И. Дуйчев. Т. 2. С. 118–119: «Desideratis nosse, quot sint veraciter patriarchae. Veraciter illi habendi sunt patriarchae, qui sedes apostolicas per successiones pontificum obtinent, id est qui illis praesunt ecclesiis, quas apostoli instituisse probantur, Romanam videlicet, Alexandrinam et Antiochenam». О месте этого источника в системе идеологических построений Раннего Средневековья см.: *Fuhrmann H.* Einfluß und Verbreitung der pseudoisidorischen Fälschungen von ihrem Auftauchen bis in die neuere Zeit. Stuttgart, 1972–1974. (MGH Schriften. T. 24); *Leisching P.* Der Inhalt der Responsa Nikolaus I. ad consulta Bulgarorum im Lichte westkirchlicher Quellen // Kanonistische Jahrbuch der Gesellschaft für das Recht der Ostkirchen. 1977. T. 3. S. 240–248.

Текстологические исследования последних лет показали, что «Житие Константина и Елены» и «Житие папы Сильвестра» были текстами, которые были хорошо известны как на Западе, так и на Востоке империи. Однако для целей нашего исследования стоит обратить внимание на тот факт, что знание «Жития папы Сильвестра» Григорием Турским многое говорит о его системе представлений и его ориентации в мире Раннего Средневековья. История о крещении Хлодвига представляется составленной из уже сформировавшихся элементов позднеантичных и раннесредневековых житий, чье происхождение указывает на Рим. Однако следует подчеркнуть, что текст Григория Турского был не цитированием, а своего рода творческой переработкой уже имевшихся дискурсов, причем переработкой с целью адаптации к представлениям галло-римского епископата. Историки отмечали, что мировоззрение этого историка было подчеркнуто локальным, он хорошо знал дела в округе Тура, но ситуация в Риме была ему не так хорошо знакома[455]. Версий жития папы Сильвестра было много, причем наряду с длительной «римской» версией существовали краткие латинские и греческие версии. Длительная версия отличалась тем, что в ней содержалось большое количество реалий города Рима, в то время как в кратких версиях «Вечный город» практически не присутствовал в качестве предмета обсуждения. Образ Константина Великого, который использовал Григорий Турский, говорил о том, что епископ Тура читал именно «римскую» версию жития и таким образом ощущал себя частью единого мира бывшей Западно-Римской империи. Более того, он видел короля франков как часть средиземноморского мира и образа власти, сложившегося в этом регионе.

Но даже в этом случае локальные особенности сознания присутствовали в его сочинении, потому что Григорий Турский подчеркнул роль Ремигия, чтобы отодвинуть на второй план папу Сильвестра, и фактически сделал первого равного по статусу второму. Тем самым епископ Тура подчеркнул, что галло-римский епископат имел тот же статус, что и первосвященник Рима. Более того, можно предположить, что как бы ему не хотелось подчеркнуть роль епископской кафедры Тура, ему пришлось отдать пальму первенства в крещении Хлодвига Реймсу. Это было необходимо потому, что в Туре в конце V в. не было

[455] *Van Dam*. Leadership and community. P. 182.

достойного епископа, который мог бы претендовать на статус, схожий со статусом Сильвестра. Таким образом, несмотря на широкое распространение легенды о папе Сильвестре и крещении императора Константина, Григорий Турский делал в ней акценты, которые подчеркивали и локальный характер его мировоззрения, и одновременно сохранившуюся связь с Римом как духовным центром и центром легитимации власти королей и епископов Запада. История о крещении Хлодвига была действительно переработкой римской версии жития папы Сильвестра, но в ней роль папства парадоксальным образом снижалась и уравнивалась со статусом наиболее значимых для истории Галлии и франкского королевства епископов. Однако интересно отметить, что в отличие от Рима, где в это время стал активно распространяться другой вариант истории крещения Константина, Григорий Турский обратился к той версии, которая, хоть и была связана с общим прошлым Западной и Восточной империй, но меньше напоминала о примате папы в области церкви на Западе.

2.3. Консолидация власти и *concordia principium* во второй половине VI в. глазами современника

2.3.1. Трансформация систем власти после Хлодвига: Нейстрия и Австразия

Проблема единства королевства франков в меровингскую эпоху является одной из интереснейших при изучении Раннего Средневековья. Сложившаяся в период правления Меровингов практика деления королевств (в особенности разделы 511, 561 и 587 гг.) поднимает перед историками важнейший вопрос о том, как виделось королевство самим франкским правителям. Эти разделы проходили в весьма неспокойной обстановке и вовсе не являлись окончательными, порождая большое количество трений внутри Меровингского рода и споров о правах на отдельные города и регионы Галлии. Исследователи говорят, что внутри Меровингского рода не существовало особого сообщества братьев, а разделы между ними были просто удобным механизмом удержания власти для семьи[456]. Об этом

[456] *Becher M.* Vater, Sohn und Enkel. Die Bedeutung von Eintrittsund Anwachsungsrecht für die Herrschaftsnachfolge im Frankenreich // Herrscherund Fürstentestamente im

говорят, например, события, последовавшие непосредственно за разделом 511 г., когда король Теодерих I попытался отнять у своего брата Хлотаря I его земли, располагавшиеся к юго-западу от Луары. Эти хорошо известные для историков события позволяют нам задать вопрос о том, насколько наследники Хлодвига воспринимали завоеванные им земли как единое королевство, находящееся под властью одной династии[457]. Может ли быть так, что они рассматривали Нейстрию и Австразию как разные королевства и поэтому вели постоянную междоусобную войну, несмотря на связывающие их родственные отношения? Попытке ответить на этот вопрос и будет посвящен данный параграф.

Проблема единства королевства франков не раз обсуждалась в историографии, и по этому вопросу сложились различные мнения. Классическая точка зрения, выдвинутая Н. Д. Фюстель де Куланжем и затем поддержанная в уже упоминавшейся монографии по истории Средних веков, подчеркивала единство королевства франков в период правления Хлодвига и его преемников[458]. Однако в XX в. появилась другая точка зрения на проблему, выдвинутая Е. Эвигом[459]. Он предложил разделить историю франкского королевства в VI в. на два периода, принципиально отличавшиеся друг от друга по структурам власти. В частности, он противопоставил правление Хлодвига и его сыновей, считая, что королевство франков претерпело существенные изменения в первой половине VI в. Он подчеркнул, что изначально королевство франков, хоть и было разделено на несколько частей, тем не менее сохраняло единство, пусть и весьма специфического типа. Эвиг считал, что раздел королевства франков в 511 г. имел заранее продуманный характер и что области, получившиеся в результате его, были основаны иногда на традиционных, еще позднеримских принципах. Например, королевство Теодериха I, как он подчеркивал, состояло в первую очередь из провинций Бельгика Первая (Belgica I), Германия Первая (Germania I),

westeuropäischen Mittelalter / hrsg. von B. Kasten. Köln, 2008. (Norm und Struktur. 29). S. 312.

[457] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. T. 1.

[458] Ibid Âge. P. 209.

[459] *Ewig E.* Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 1. Ostfildern, 1976. S. 114–171. (Beihefte zu Francia. 3).

Германия Вторая (Germania II)[460]. Однако не согласимся с однозначной уверенностью в том, что границы римских провинций были для франкских правителей руководством к действию. Наоборот, они чувствовали, что применимость и актуальность этих границ ушли в прошлое, потому что они могли, например, выделить из округи Реймса Лан[461]. В частности, Эвиг отмечал, что границы королевства Хлодомера вообще не были определены четко. Границы же королевства Хлотаря с центром в Суассоне представляли собой, как считал этот исследователь, набор земель, с давних времен дававших свободу их франкскому населению. Они состояли, как он писал, из владений вокруг городов Суассон, Нойон и Лан, т. е. тех, которые находились под франкским влиянием еще со времен Римской империи. Отметим важнейшую тенденцию, которую заметил, однако не развил до конца вышеупомянутый исследователь. Это тенденция делить границы владений по границам городов, *civitates*[462]. Таким образом, он посчитал невозможным однозначно выделить границы королевств, хотя и подчеркнул, что господствовавшим принципом были еще границы римских военных округов, т. е. *tractus Armoricanus et Nervicanus*[463]. Период между 511 и 561 гг. виделся ему тем временем, когда искусственное деление королевства франков пришло в ту форму, которая более соответствовала историческим реалиям. В частности, он отмечал, что земли, находившиеся в низовьях Луары, постепенно подпали под влияние королевства Парижа, принадлежавшего Хариберту, в то время как земли королевства Орлеан были заметно ограничены с запада[464]. В первую очередь речь шла, конечно же, о Туре, история которого хорошо отражена в известном всем сочинении Григория Турского. К моменту раздела 561 г., как заметил этот исследователь, на них всё больше прав стал предъявлять король Парижа, и после раздела епископ Тура был вынужден постоянно бороться именно с ним. Таким образом, было разрушено естественное положение дел, при котором объединение земель проходило вдоль рек. К концу первой половины VI в. в устройстве франкского королевства всё сильнее начали проявляться территориальные принципы.

[460] Ibid. S. 115–116.
[461] Ibid. S. 116.
[462] Ibid.
[463] Ibid. S. 120.
[464] Ibid. S. 136.

Благодаря этой точке зрения исследователи смогли пересмотреть понимание единства королевства франков и отметить весьма существенные сдвиги в организации власти. Несмотря на то что в целом наследники Хлодвига сохраняли единство власти, они существенно изменили структуру своих владений, приведя ее в соответствие с новыми реалиями. Таким образом, ко второй половине XX в. в историографии сложилось два противоположных мнения. Стоит отметить, однако, что обе эти точки зрения были основаны на рассмотрении реальной структуры власти и на опоре на ее территориальные аспекты. Нам же хотелось бы обратить внимание на другой аспект организации власти в королевстве франков и задать вопрос о том, что нам говорят о структуре власти и о единстве королевства образы франкских королей, созданные в исторических сочинениях.

История завоевания Хильдериком и Хлодвигом так называемого Суассонского королевства, ставшего впоследствии Нейстрией, а также распространение власти последнего на земли к югу от Луары уже рассматривались нами. Поэтому хотелось бы обратить внимание на историю королевства Австразия в том ее виде, в котором ее описывал Григорий Турский. Сюжеты, связанные с этим весьма аморфным в VI в. политическим образованием, привлекали мало внимания историков. Однако нам представляется, что рассмотрение образа правителей восточно-франкского королевства, который нарисовал епископ Тура, может весьма интересно высветить проблему единства королевства франков. Причина выбора в качестве примера Австразии состоит в том, что Григорий Турский во второй части своего труда создал яркий образ короля Австразии Хильдеберта II (570–595). Этот король, сын Сигиберта I и готской принцессы, а затем королевы Брунгильды, стал для Григория Турского своего рода положительной антитезой короля Нейстрии Хильперика (561–584). Если о последнем Григорий Турский написал немало отрицательного, то образ Хильдеберта, наоборот, отличается достаточно большим количеством положительных черт.

Во-первых, в отличие от Хильперика, Хильдеберт редко появляется в «Истории», что само по себе важно в силу интереса епископа Тура к драматическим событиям. Во-вторых, когда король Австразии все-таки появляется в труде Григория, то его образ в целом весьма положителен. Стоит отметить, что правление Хильдеберта в качестве

преемника своего отца Сигиберта I, пусть и под присмотром своей матери Брунгильды, Григорий включает в пятую книгу своего повествования. Это весьма значимый шаг для епископа Тура, потому что именно с пятой книги начинается новая часть «Истории». Закончив повествование о правлении в Нейстрии Хильперика, Григорий в пятой книге подводит конец эпохе раздоров, начиная ее с весьма значимых слов. Он пишет, что «ему опостылело вспоминать о раздорах и междоусобных войнах, которые весьма ослабляют франков и их королевство» [перевод наш. — *Д. С.*][465]. Первая глава этой книги начинается с рассказа о том, как Гунтрамн спас маленького Хильдеберта, когда был убит его отец Сигиберт, и забрал его у матери Брунгильды, чтобы провозгласить королем[466].

Дальнейшее присутствие короля Хильдеберта в повествовании Григория Турского тоже отличается весьма характерной чертой. Автор откладывает его появление, начиная пятую книгу рассказов о епископах и других важных деятелях франкской истории. Первое упоминание о Хильдеберте в качестве короля не является прямым: епископ упоминает его только в связи с определением даты одного из событий[467]. Григорий Турский начинает главу с замечания о том, что события, описанные в ней, произошли в третий год правления Хильдеберта, и только затем дает датировку по годам правления Хильперика и Гунтрамна. Одно из первых событий, более тесно связанное с этим королем, епископ Тура описывает так, что нам становится ясна его полная поддержка правителя Австразии. В частности, он уделяет большое внимание эпизоду с попыткой Хильдеберта овладеть Марселем[468]. Григорий Турский детально описывает перипетии, связанные с этим событием. В частности, он упоминает, что посланником и представителем короля Австразии был Гундульф, дядя матери Григория Турского. В своем рассказе он полностью находится на стороне Хильдеберта и Гундульфа. Это лишь несколько эпизодов, связанных с именем Хильдеберта. Они подтверждают мнение исследователей (например, Бухнера), что в целом епископ Тура создает очень положительный образ короля. Хильдеберт является для Григория Турского образцом

[465] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio: «Taedit me bellorum civilium diversitatis, que Francorum gentem et regnum valde proterunt, memorare...».

[466] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 1.

[467] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 25, 27.

[468] Ibid. Lib. VI. Cap. 11.

монарха, потому что он чтит церковь и ведет себя достойнее Хильперика и некоторых других королей более ранней эпохи.

Однако в изучении образа Австразии перед нами встает вопрос о том, насколько Григорий Турский отделяет само это политическое образование от личности Хильдеберта. Ставя вопрос по-другому, можно задуматься, была ли Австразия полноценным королевством (со всеми оговорками относительно того, что это могло значить во франкскую эпоху), или же для Григория Турского она осталась лишь придатком Нейстрии и Бургундии. Можно перефразировать и следующим образом: где лежат корни легитимности восточно-франкского королевства — в особом историческом пути земель на Среднем Рейне или же в династическом единстве Меровингского рода?

Для ответа на этот вопрос стоит рассмотреть историю с Теодорихом I, сыном Хлодвига. История эта достаточно проста и выглядит во многом похожей на другие сюжеты, рассказанные Григорием Турским. Описывая действия этого короля, епископ несколько раз подчеркивает жестокость его действий. В особенности интересна глава, повествующая о завоевании Теодерихом Тюрингии (кн. 3, гл. 7)[469]. В ней Григорий Турский рассказывает об избиении тюрингов у реки Унструт, благодаря которому франки «завладели этой страной»[470]. Этот эпизод рассматривался исследователями только как пример одного из событий, способствовавших распространению власти франков за Рейном.

Однако попробуем посмотреть на этот эпизод в контексте динамики взаимоотношений между представителями Меровингского королевского рода. Образ Теодериха I у Григория Турского однозначно отрицателен. В дополнение к эпизоду с победой над тюрингами Григорий Турский рассказывает о захвате Оверни силой, а также о попытках этого короля убить своего брата Хлотаря I и других компрометирующих его эпизодах. Этот образ мог бы рассматриваться как весьма типичный для Григория Турского, в сочинении которого можно найти

[469] Greg. Tour. Hist. Lib. III. Cap. 7.

[470] «Ibique tanta caedes ex Thoringis facta est, ut alveos fluminis a cadaverum congeriae repleretur et Franci tamquam per pontem aliquod super eos in litus ulteriore transirent. Patratam ergo victuriam, regionem illam capessunt et in suam redigunt potestatem» (И там произошло такое избиение тюрингов, что русло реки запрудила гора из трупов, и франки по ним перебрались, как по мосту, на другой берег. Итак, одержав победу, франки завладели этой страной и подчинили ее своей власти).

большое количество отрицательных с его точки зрения представителей Меровингской династии. В частности, кажется, что Теодериха можно было бы вполне сравнить с Хильпериком, который также являлся отрицательным героем для Григория Турского. А это может говорить о том, что Григорий Турский воспринимал историю Австразии в тех же терминах, что и историю Нейстрии, и видел, что обе эти части франкского королевства переживали кризис власти после ухода Хлодвига. Казалось бы, можно рассматривать Григория Турского как человека, который видел определенное сходство в судьбе Нейстрии и Австразии как наследия завоеваний Хлодвига, чувствовал синхронность их развития и, таким образом, воспринимал их как две части одного неразделенного королевства.

Однако нам представляется, что можно предложить и другую интерпретацию такого отношения Григория Турского к месту Австразии в системе структур власти королевства франков. Сравним описание деятельности Теодериха с описаниями Хлодвига и Хильперика, чтобы понять, что хотел этим сказать епископ Тура. Можно отметить, что ряд элементов этого описания делают Теодериха похожим именно на Хильперика. В частности, Григорий Турский рассказывает, что Теодерих часто пренебрегал привилегиями городов, доводя их своими поборами до разорения.

Однако есть в описании действий Теодериха и ряд элементов, которые предполагают его сходство с Хлодвигом. В частности, нам представляется, что Григорий Турский не зря начинает историю Теодериха с описания его войны против тюрингов. Этот эпизод, как нам кажется, является прямой параллелью описанию войны Хлодвига против аламаннов, с которой и начинается распространение власти франков за пределы так называемого «Суассонского королевства». Сходны эти истории также и в том, что Григорий Турский не описывает Хлодвига как жестокого тирана в отношении аламаннов и не считает Теодериха лично виновным в избиении тюрингов.

Это позволяет нам сделать предположение относительно того, как Григорий Турский относился к истории Австразии. Нам представляется, что своим рассказом о Теодерихе он подчеркивал, что отдельное существование Австразии в качестве самостоятельного королевства началось только при этом короле. То есть он считал, что раздел 511 г. не был полноценным способом провести границы между наследниками Хлодвига. Только личный пример и правление,

которое показывало соответствие правителя идеалам галло-римлян, епископата бывших римских городов, франков и франкской знати, задавало границы владениям и предоставляло возможность назвать расплывчатое политическое образование «королевством». Можно предположить, что епископ Тура считал, что Теодерих сделал для Австразии то же, что Хлодвиг для Нейстрии. А это говорит нам, что этот раннесредневековый историк, возможно, видел историю королевства франков совершенно иначе, чем это могло показаться некоторым исследователям его наследия. Кажется вероятным, что Григорий Турский отчетливо понимал разницу между Нейстрией и Австразией и использовал это в описании королевств. А это значит, что королевство франков вовсе не было для епископа Тура столь единым, как это может показаться. Нам представляется, что он изначально почувствовал различие исторических путей этих двух политических образований и своим трудом подчеркнул особый путь Австразии как отдельного королевства в системе династических связей Меровингского рода.

2.3.2. Королевство франков в системе взаимоотношений Средиземноморья

В 511 г., после смерти Хлодвига, королевство было поделено между его сыновьями Хлотарем I (ок. 497 — 561), получившим Суассон, Хильдебертом I (ок. 496 — 558), получившим Париж, Хлодомером (ок. 495 — ?), получившим Орлеан, и Теодерихом (ок. 485 — 533/534), получившим Реймс и Мец. Необходимость нового раздела возникла в 561 г., после смерти Хлотаря I, чьи сыновья Хариберт I (ок. 517 — 567), Гунтрамн (ок. 532 — 592), Сигиберт I (ок. 535 — ок. 575) и Хильперик I (ок. 539 — 584) поделили королевство. Но раздел этот не был окончательным, потому что в период между 561 г. и первой четвертью VII в. королевство франков раздирала междоусобная борьба[471]. Временная консолидация произошла при сыне Хильперика Хлотаре II, первом после Хлотаря I получившем статус «короля франков» с 613 по 629 г. В 629 г. «королем франков» стал его сын Дагоберт I, который на тот момент был правителем Австразии. В 639 г. власть перешла к его сыновьям Хлодвигу II, ставшему правителем Нейстрии, и Сигиберту III (ок. 630 — 656/660). С 650-х гг. королевством франков

[471] Перипетии этой борьбы будут рассмотрены в данной главе.

фактически правила одна ветвь династии: сыновья Хлодвига II — Хлотарь III, Хильдерик II, Теодерих III, и затем сыновья последнего Хильдеберт IV и Дагоберт III и их потомки. С коронацией майордома Пепина III в 751 г. и помазанием последнего на царство династия прекратила свое существование. Эта краткая хронология традиционно рассматривалась только в русле внутренних событий королевства франков. Однако даже поверхностное знакомство с ней показывает, что историю королевства после правления Хлодвига следует анализировать в рамках двух периодов: периода правления непосредственных наследников Хлодвига, его сыновей и внуков, еще проходившего в тех же условиях, что и период существования Римской империи на Западе, и периода правления последующих поколений Меровингов, который совпал с коренным изменением обстановки в Средиземноморье. Фактически следует внести в рассмотрение внутренних дел королевства франков фактор влияния традиционных средиземноморских связей, который в свое время исследователи выделили в качестве одного из важнейших[472].

Проблемы формирования королевства франков в период VI–VII вв., рассматриваемые традиционно в рамках концепции франкской экспансии в Галлии и за ее пределами, дают при ближайшем рассмотрении совершенно другую, практически трагическую картину выживания семьи в контексте сложнейшей обстановки в Средиземноморье в период побед и максимального усиления Византийской империи при Юстиниане и Велизарии. В настоящем исследовании хотелось бы посмотреть на историю королевства франков и его правящей династии, Меровингов, с точки зрения тех глобальных связей, которые охватывали не только Галлию, но и всё Средиземноморье. Представляется, что история королевского рода должна изучаться не в терминах варварского общества, а в качестве причин междоусобной борьбы не стоит видеть характерную для этого общества вражду, вендетту и недостаток правовой культуры, как это делают некоторые исследователи[473]. Отметим определенный параллелизм между теми структурами власти, которые сложились в Западной Римской

[472] *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2e éd. Paris, 1937.

[473] *Le Jan R.* Timor, amicitia, odium. Les liens politiques à l'epoque Merovingienne // Der frühmittelalterliche Staat. Europäische Perspektiven. T. 16 / sous la dir. de W. Pohl, V. Wieser. Vienna, 2009. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters). P. 222; *Kölzer.* Die letzten Merovingerkönige: rois fainéants? S. 39–40.

империи в V в., и теми, которые сложились или по крайней мере поддерживались в сознании в VI в. В частности, отметим, что, после долгого правления императора Гонория в Западно-Римской империи, в 423 г., после его смерти, начался период, который не обошелся без постоянных попыток узурпации власти[474]. После двух лет борьбы за власть сложился своеобразный триумвират военачальников, каждый из которых стремился прийти к власти, одновременно заключив выгодное соглашение с Восточно-Римской империей. К ним относились Феликс (в Италии), Бонифаций, командующий войсками в Африке, и Аэций, командующий в Галлии. В результате сложной борьбы, в которой активное участие принимали силы Восточно-Римской империи, у власти удалось остаться Аэцию[475]. Во второй книге сочинения Григория Турского мы находим, как мы уже упоминали, похожую схему смены власти правителей, вандальских королей Гундериха (406–427) и Тразамунда (426–523), готского короля Атанариха (372) и его преемника Алариха II, крестившегося в католичество Гундобада (500) и Хлодвига, из которых именно последний выбрал католичество и благодаря этому стал единственным законным представителем христианского идеала Римской империи, выработанного при Константине Великом. Отметим, что, как и в ситуации с Аэцием, в сознании Григория Турского Африка, Испания и Галлия представляли собой независимые регионы западного Средиземноморья, в каждом из которых появился свой военный предводитель, только один из которых, как и в начале V в., становится выигравшим не только у себя в королевстве, но и в целом в западном Средиземноморье. Насколько эта схема, присутствующая у Григория Турского, обусловлена просто исторической памятью?

Поэтому в этой части исследования хотелось бы обратить пристальное внимание на важный теоретический и методологический вопрос соотношения в трудах Григория Турского исторических реалий, его собственных исторических представлений, а также тех важных моментов баланса сил и борьбы различных властных групп за власть, которые были частью его собственной стратегии по поддержанию независимого статуса города Тура[476]. Стоит отметить, что в «Истории»

[474] *Matthews.* Western aristocracies and imperial court, A. D. 364–425. P. 379.
[475] *Heather.* The western empire, 425–476. P. 5–7.
[476] *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

Григория Турского есть четыре основных сюжета, связанных с Византией, — это получение Хлодвигом титула патриция и консула от императора Анастасия, самозванец Гундовальд, прибывший из Византии при поддержке императора Маврикия, возможные византийские связи супруги Сигиберта и де-факто королевы и впоследствии правительницы Австразии Брунгильды и византийское посольство сводного брата Сигиберта Хильперика. Не будем останавливаться на двух первых сюжетах, поскольку они получили достаточно хорошее отражение в историографии. Однако соперничество двух ветвей потомков Хлотаря I, выразившееся в противостоянии Хильперика и его сводных братьев, а также активное участие в этом Брунгильды представляет собой крайне интересный сюжет. На его примере можно обратить внимание на контаминацию в сочинении Григория Турского объективной исторической реальности и его собственных взглядов, обусловленных его позицией в отношении дальнейшего пути развития королевства франков.

О глубокой включенности франкских королей, потомков Хильдерика, в систему взаимоотношений в Средиземноморье свидетельствует ряд крайне интересных факторов. В англосаксонском могильнике Саттон-Ху было найдено византийское золотое блюдо, происхождение которого заставило исследователей говорить о королевстве франков как вероятном передаточном звене между Средиземноморьем и Британскими островами, а о династии — как о посредниках в этом взаимодействии. Его датировка, к сожалению, не позволяет обозначить конкретно-историческую обстановку, способствовавшую его попаданию в Галлию, однако самой радикальной версией было утверждение о том, что это был один из подарков Хлодвигу от императора Анастасия по случаю победы того над вестготским королем Аларихом II в 506/507 г. Есть и другие возможности интерпретации контекста попадания этого объекта на Британские острова, потому что Григорий Турский рассказывает о золотом блюде, находившемся в руках короля Суассона Хильперика в 570-х гг., которое попало к нему, вероятно, после посольства в Византию. В лучших традициях авантюрного романа, приметами которого изобилуют многие приводимые им истории, епископ Тура рассказывает о возвращении послов Хильперика и о потонувшем в виду Марселя корабле, после которого многие подарки из Византии якобы оказались в руках предприимчивых жителей этого южного французского города, а блюдо непонятного, а скорее

всего византийского, происхождения вдруг оказалось предметом гордости Хильперика. Это говорит о том, что Меровингские правители были тесно связаны с другими регионами бывшей Западной Римской империи и даже Византии. Появление такого дорогого подарка в англосаксонском могильнике говорит также о том, что Меровинги, по-видимому, были настоящими «людьми моря», потому что их интересы, в том числе и торгового и обменного плана, явно простирались и на Британские острова. Интерес к Северному морю, проявившийся в правление Хильперика, его брата Сигиберта и сына последнего Хильдеберта, свидетельствовал о том, что эта родственная группа, а впоследствии династия, видела себя в качестве своего рода посредников между позднеантичной Галлией и Северным морем, и в этом качестве занимала ключевое положение в раннесредневековом мире, в отличие от Амалов или Гибихунгов (королей бургундов)[477].

Отметим, что соприкосновение с материалами археологических раскопок в дополнение к изучению нарративных источников дает очень интересный эффект возникновения двух параллельных исторических нарративов. В трудах Григория Турского мы наблюдаем понимание включенности Меровингов в процессы формирования средиземноморских структур власти, однако исследователи подметили, что это историк отличался своего рода близоруким взглядом и старался не рассматривать и тем более не увязывать события вне непосредственного окружения г. Тура. В частности, большинство исторических сюжетов, за исключением связанных с королями франков, как правило, относились к городам и регионам, отстоящим от Тура на расстояние примерно 100–200 км. Более того, практически нигде в его сочинении мы не видим упоминаний о возможной связи королей этой франкской династии с цивилизацией Северного моря. Таким образом, морское, если можно так назвать, измерение династии Меровингов нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Рассказ епископа Тура дал возможность историкам XIX в. создать традиционный на данный момент дискурс меровингского триумфа в рамках Галлии. Во многих исторических исследованиях мы видим повторяющуюся и на данный момент точку зрения о том, что главным достижением династии было увязывание в своем лице правовых и властных традиций галло-римской провинции и варварского

[477] *Wood.* The Merovingian North Sea. P. 14; *James.* The Franks. P. 103–104, 171.

менталитета, характерного, как считается, для многих представителей франкского общества и даже для его элиты. Работ подобного рода стало достаточно много начиная с последней четверти XX в., и фактически сейчас подобное утверждение стало общим местом, поддерживаемым значительным количеством работ[478]. Однако историки, говорящие о интеграции франкских правителей в галло-римское общество, к сожалению, слишком легко приняли на веру позитивные сообщения о успехах франкских правителей в плане соотношения своих интересов с интересами галло-римской элиты и некоторых политических сил Средиземноморья, содержащиеся у Григория Турского, чьи представления основывались, безусловно, на его глубоком восприятии позднеримской классической культуры от своего деда и дяди, людей, вероятно, сенаторского звания г. Клермона. Более глубокое исследование этого источника позволяет посмотреть на место Меровингов в системе взаимоотношений Средиземноморского общества с другой стороны, потому что в рассказе Григория Турского, помимо хорошо исследованного дискурса, присутствует ряд важных фрагментированных нарративов (подчас имеющих свойство «скрытых», в соответствии с трудами известного специалиста Дж. Скотта), более детально показывающих процесс расстановки акцентов историком с целью отражения своей собственной позиции в контексте борьбы этого епископа и представителя галло-римской аристократии против семьи франкских королей.

Обратим внимание на главную для меровингских королей после Хлодвига связь со Средиземноморьем королевы Брунгильды, супруги Сигиберта, внука Хлодвига, которая стала нарицательным персонажем у историков этого периода. Ее статус, как подчеркивают источники, был изначально двояким. Она была дочерью Атанагильда (ум. 567), вестготского короля, власть которого была сомнительна даже с точки зрения вестготского королевства по двум основным причинам. Его родственная связь с предшественником на вестготском троне не прослеживается, что говорит о том, что он опирался только на поддержку своего окружения. Есть точка зрения, основывающаяся на тексте Исидора Севильского, что именно Атанагильд после захвата

[478] *Werner.* De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486; *Daly.* Clovis: how barbaric, how pagan? P. 964; *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

власти пригласил византийцев, чтобы получить надежную поддержку[479]. Атанагильд получил значительные привилегии от византийцев, в том числе прибрежные территории между Кадисом и Валенсией[480]. Другие же исследователи говорят о том, что византийское войско, наоборот, было вызвано легитимным на тот момент королем Агилой[481]. Отметим, что в мире Раннего Средневековья ни отец Брунгильды, ни она сама не имели однозначно признанного всеми статуса. Для Византии, по-видимому, они были практически узурпаторами, нарушившими сложившийся порядок вещей. Поэтому Брунгильда чувствовала достаточно серьезное давление со стороны меровингских правителей-мужчин, что неоднократно отражалось в исторических событиях королевства франков. Например, Хильперик высказал свое отношение к ней, когда пригласил ее сестру для замужества, а потом, после того как Галсвинта была убита по его приказу, женился на Фредегонде[482]. Не очень понятно, как ее интересы могли хоть в какой-то степени совпадать с интересами короля Гунтрамна, принадлежность которого к Меровингской династии не подразумевала однозначной поддержки вдовы Сигиберта I. Однако вероятно и противоположное: что Брунгильда была не только примером династической связи двух королевских варварских родов — Меровингского и, вероятно, амалов, — но и королевой, продолжавшей традиции наместничества Византии на Западе, традиции, получившей воплощение в Аларике II, Хлодвиге и некоторых других правителях варварских королевств.

К сожалению, установить факт какой-либо зависимости Брунгильды от Византии невозможно. Но если сделать подобное допущение, то вся борьба в королевстве франков в период 560–580-х гг. приобретает совершенно другие очертания. Заметим, что источники остались в равной степени амбивалентны в отношении Атанагильда и Брунгильды, потому что ни один из современников не рискнул говорить о ее связи с Византией. Более того, история с Гундовальдом, самозванцем из Восточно-Римской империи, который при под-

---

[479] Isidore. Chronicorum minorum saeculi IV, V, VI, VII // German. T. 2 / hrsg. T. Mommsen. Berlin, 1894. C. 241–303. (MGH Auctores antiquissimi. 11). Cap. 46, 47: *Heather P.J.* The Goths. Oxford, 1996. P. 278.

[480] *Palenzuela V.A. A., García-Guijarro R.L.* Historia de España de la Edad Media. Barcelona, 2002. P. 23.

[481] *Collins R.* Early medieval Spain: unity in diversity, 400–1000. New York, 1995. P. 39.

[482] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 47.

держке императора Маврикия решил попытаться захватить Пуатье и Тур, говорит о том, что Брунгильда вряд ли была надежной союзницей. Также повел себя и Хильперик, деверь Брунгильды, который обменялся посольством с Византией, однако же, в соответствии с достаточно сомнительным рассказом Григория Турского, не получил от империи ничего, что говорило бы о его особой дружбе с последней. В данном случае мы можем заметить интересный параллелизм в событиях. Но самое главное свидетельство того, что Меровинги видели свою роль в посредничестве между южным миром Средиземноморья и северным миром северной Галлии и Северного моря, состоит в действиях этого короля. Новизна действий Хильперика и его стремление открыться для мира вне Галлии состояли в попытке добавить новые буквы в алфавит, две из которых сильно напоминали греческие, а две были явным воспроизведением северных рун. Это говорит о том, что, исследуя историю Меровингов, следует всегда иметь в виду это измерение.

Но самое главное уточнение событий франкской истории происходит тогда, когда мы пытаемся учесть эту византийскую связь в борьбе, которая завязалась между сводными братьями, Сигибертом и Хильпериком, которые были сыновьями Хлотаря I, а их матери были сестрами, но которые в то же время были в течение своей жизни постоянно связаны значительным конфликтом и фактически борьбой за выживание в контексте сложных отношений с соперничающими силами.

2.3.3. Род, семья, династия

Сложные взаимоотношения между публичной властью и родственными и семейными структурами, которые сложились в Поздней Античности в Средиземноморье и окружавших его областях, насыщенных варварами, всегда отмечались исследователями. Даже в Римской империи, которая для некоторых исследователей служила примером власти, в которой элементы публичного правления преобладали над традиционными, семейными и родовыми структурами, можно отметить значительное влияние этих последних в системе власти. Так, в Риме сложились императорские династии, причем влияние членов семей императоров на политику было весьма значительным[483].

[483] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 182–240.

Тем более была велика значимость семей в варварском обществе, хотя преувеличивать значение рода и семьи в сообществах военизированного типа, которые сформировались на лимесе, не стоит. Предметом дискуссии был сложившийся в XIX в. образ королевства, возникший в результате переселения целого варварского народа (*gens*) со своими племенными властителями и военными предводителями на территорию одной из бывших провинций Римской империи. Однако само понятие *gens* трактуется в современной литературе по-другому, потому что стало ясно, что этот феномен есть результат очень долгого процесса, в котором в равной степени участвовали как сами варвары, так и Римская империя[484]. Поэтому возникает вопрос, как в контексте формирования варварских королевств создавалась та практика власти, в рамках которой происходил синтез общественного и семейного начал. Одной из самых главных проблем при использовании идеализированного представления о переселении народа со своими вождями был вопрос о возникновении королевских династий и формировании в них принципов передачи власти.

Проблема взаимоотношений рода, семьи и династии является одной из центральных для современной оценки родственной группы, которую мы традиционно называем «Меровингами». В конце ее правления современники стали называть эту группу *stirps regia*, но сам термин «династия» (которым иногда переводится это латинское выражение), который так широко используется при описании родственных отношений между королями франков, имеет достаточно широкий спектр значений. Когда историки применяют его к разным по своей структуре и характеру взаимоотношений правящим родственным группам в Средние века, они вынуждены делать большое количество оговорок, представляющих значение этого термина крайне размытым. Более того, во многих современных концепциях и определениях родственных отношений в Раннем Средневековье грань между семьей и династией весьма тонка, что делает эти концепции неудобными для употребления. Но современные исследования показали, что само понятие семьи для этого времени едва ли может использоваться без оговорок. В вестготском обществе V–VI вв. родовые структуры очень

[484] *Collins R.* Visigothic Spain, 456–601 // The Cambridge Ancient history. Late Antiquity: Empire and Successors A.D. 425–600 / eds. A. Cameron, B.W.-P. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000. P. 112–134; *Вольфрам.* Готы. С. 191.

быстро уступили место сначала малой семье, а затем и такому состоянию общества, в котором индивидуальный статус человека был важнее его места в родовых и семейных структурах. В частности, наследование собственности очень рано оказалось ограничено только непосредственной, малой семьей[485]. В частности, нуклеарная семья оформилась как социальный феномен только в середине IX в.[486] Правовая же концепция семьи, которая предполагает регулирование семейных отношений через систему норм, четко определяющих родство и правила наследования (причем не на уровне устной культуры, а как система, зафиксированная в нормативных документах), появляется только в контексте роста правовой культуры в XI–XIII вв. и оформляется нормативными документами только в эпоху понтификата Иннокентия III и IV Латеранского собора (1215 г.). Особенно стоит отметить 50–51-й каноны собора, которые установили правила определения родственных взаимоотношений для того, чтобы избавиться от браков между родственниками[487].

Рост значения одной семьи в племенных объединениях и складывание практики передачи власти от отца к сыну представляют собой два важнейших сюжета формирования раннесредневековых варварских королевств. Ни в одной из точек соприкосновения римского и варварского миров этот процесс не проходил гладко и безболезненно. Например, у вестготов в период от Атанариха (365–381) и Аларих I (395–410) до Аларих II (484–507) мы видим постоянную борьбу внутри семьи и рода правителей, а также их борьбу как родственной группы против соперников из других знатных родов. В этот период племенная общность оформилась в раннесредневековое королевство. Процесс формирования династии королей в готской среде в период Тулузского королевства (417–466) проходил крайне негладко и сопровождался насилием, определившим столь многое в облике Раннего Средневековья. После Теодериха I (известного

[485] *Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969. С. 57–62.

[486] *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siecle): Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995. (Histoire ancienne et medievale. 33).

[487] *Duggan A.* Conciliar law 1123–1215: The legislation of the Four Lateran Councils // The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX / eds. W. Hartmann, K. Pennington. Washington, DC, 2008. P. 350; Les Conciles oecuméniques. T. 2: Les décrets: Nicée I à Latran V / sous la dir. de C. Alberigo, A. Duval. 3e éd. Paris, 1994. (Le magistère de l'Église).

также как Теодерид) каждый из его сыновей, Торисмунд (451–453), Теодерих II (453–466) и Эврих (466–484), пришел к власти после насильственной смерти одного из своих братьев. Правда, прямых доказательств устранения королями своих родственников не осталось[488]. Таким образом, принцип передачи власти от отца к сыну, а также раздела власти между братьями не был изначально заложен в вестготском обществе, а основывался сугубо на принципе случайности, которая возникала в силу насильственной смены власти в Тулузском королевстве готов. Формировавшаяся таким образом «династия» вестготских правителей в период Тулузского королевства может называться таковой лишь с долей условности, потому что в семье короля вестготов фактически отсуствовали представления о мирной передаче власти. Более того, в случае готов идеальная модель формирования варварского королевства из одной этнической группы не может считаться полностью реализованной, потому что в 451 г. в битве на Каталаунских полях вестготам Теодерида противостояли остроготы по предводительством братьев Амалов Валамира, Тиудимира и Видимира[489]. Подобное противостояние можно объяснить тем, что *gens* в случае готов складывался не только в силу родоплеменной общности, но и в силу ряда особенностей взаимодействия административных и военных структур Римской империи и общества, возникшего из различных родоплеменных и иных структур на лимесе. Как показал ряд исследований, договоры (*foedus*) между Римской империей и различными племенными группами, такими как франки в 359 г. и вестготы 382 г., в значительной степени служили толчком к формированию новых общностей[490].

Несмотря на свои недостатки, пример Тулузского королевства вестготов может считаться сравнительно близким идеальной картине формирования королевской династии благодаря наличию в нем королей, принадлежавших к одной семье и правивших одной исторически сложившейся в рамках племенного объединения «готов» общностью вестготов. Похожий процесс консолидации мы находим у остроготов в 470-е гг. под руководством Валамира[491]. О том, что возникновение

[488] *Вольфрам.* Готы. С. 253–254, 258.

[489] Iord. Get. Cap. 184, 199; *Вольфрам.* Готы. С. 253.

[490] *Rouche.* Clovis. P. 187.

[491] *Heather P.* Gens and regnum among the Ostrogoths // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the

семьи и династии правителей в варварских королевствах не было закономерностью, свидетельствует пример англосаксонской Англии. В частности, короли Уэссекса с момента его легендарного основания в 495 г. Сердиком и Сенредом практически оставались в безвестности до короля Ине (688–726)[492]. Более того, ранняя история этого королевства отмечена наличием трех центров власти (в Уилтшире, Винчестере и в верхнем течении Темзы), что говорит о том, что до VIII в. едва ли можно говорить об Уэссексе как о едином политическом образовании[493]. Часть королевской генеалогии Уэссекса до короля Ине считается некоторыми исследователями малодостоверной из-за того, что все имена всех королей от Сердика до Ине начинаются с одной буквы и строятся по правилам аллитерации. Некоторые наиболее критически настроенные исследователи считают исторически достоверной лишь ту часть этой генеалогии, которая начинается с Ине[494]. Таким образом, формирование королевских династий в одном из самых важных королевств англосаксонской Англии, по-видимому, происходило очень непросто, и можно говорить о формировании цельного представления о власти королей только в VIII в. Другие же королевства англосаксонской Англии (за исключением, возможно, королевства Мерсия) представляют собой еще более разительные примеры незаконченного процесса формирования королевской власти, королевских семей и династий[495].

На этом фоне франки являют интересный образец складывания королевской семьи и династии, который может служить отправной точкой для более конструктивной оценки этого процесса в эпоху Раннего Средневековья. С одной стороны, королевство франков демонстрирует огромное количество внутрисемейных и династических споров, которые привели к тому, что вся его история состоит

Transformation of the Roman World / H.-W. Goetz; J. Jarnut, W. Pohl, eds. Leiden, 2003. P. 85–134.

[492] The Anglo-Saxon Chronicle // The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Vol. 3. Manuscript A / ed. J. M. Bately. Cambridge, 1986. P. 495: *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford, 1971. P. 26–30; *Kirby D. P.* The earliest English kings. London, 1991. P. 51: «There is, therefore, no secure chronology for West Saxon history across the sixth century».

[493] *Kirby*. The earliest English kings. P. 55.

[494] *Brooke C.* The Saxon and Norman kings. London, 1963. P. 77.

[495] *Stenton*. Anglo-Saxon England. P. 32–73.

из междоусобных трений. Разделы 511, 561, 587 гг. в целом были приняты всеми членами семьи Меровингов, однако даже несмотря на это каждый раз после раздела проходило несколько лет, а иногда даже десятилетий, чтобы баланс сил между членами семьи устоялся и прекратились вялотекущие конфликты. Только к 540-м гг., как пишут исследователи, сыновья Хлодвига нашли приемлемую форму для оформления своей власти и баланса сил между представителями семьи[496]. С другой стороны, именно королевство франков, в отличие от других королевств Западной Европы в Раннем Средневековье, может похвастаться тем, что оно более двухсот лет находилось под властью одной династии — Меровингов. Исследователи отмечали, что у них даже сложились определенные принципы наследования[497].

Ряд исследователей предложили выделить из казавшихся ранее монолитными «династий» отдельные группы родственников. В качестве примера можно привести, например, работы К. Шмида[498]. Таким образом, с учетом этого нового подхода вопрос о структуре взаимоотношений внутри группы потомков Хлодвига становится вновь актуальным. Несмотря на солидную историографическую традицию изучения франкского королевства, вопрос о том, как лучше воспринимать Меровингов и Каролингов — как род, семью или династию — не имеет четкого ответа. И особенно много проблем возникает в связи с формированием внутри и внешне однородной группы Меровингов разного рода «ветвей» и «семей», которые постепенно выделились в то, что уже можно условно назвать «династиями» внутри «рода Меровингов». И здесь хотелось бы обратиться к двум взаимосвязанным сюжетам из истории Меровингского королевства, которые позволяют понять все проблемы, обусловленные употреблением исторических категорий Раннего Нового времени в отношении средневековой действительности. Это сюжет роста влияния Хильперика I, короля Суассона, и его попытки нейтрализации влияния соперничающей семьи своего сводного брата Сигиберта I и его коро-

[496] *Ewig.* Die fränkische Teilungen. S. 171.

[497] *Courtois.* L'avènement de Clovis II et les règles d'accession au trône chez les Mérovingiens.

[498] *Schmid K., Mertens D., Zotz T.L.* Geblüt, Herrschaft, Geschlechterbewüsstsein. Grundfragen zum Verständnis des Adels im Mittelalter. Sigmaringen, 1998. S. 217. (Vorträge und Forschungen. 44).

левы, вестготской принцессы Брунгильды (ок. 543 – 613). Этот эпизод, как и некоторые другие, показывает, что за терминами «семья» и «династия», часто употреблявшимися историками, стоит фундаментальная неопределенность и расплывчатость основных социальных феноменов и сложность в употреблении категорий, используемых для оценки основных тенденций развития средневекового общества. В этой главе нам хотелось бы уточнить границы применимости понятий «род», «семья» и «династия» в отношении раннесредневековых родственных групп, и сделать это так, чтобы лучше понять соотношение государственного, личного, семейного и родового начал в королевской власти у франков в соответствии с современными представлениями.

В течение долгого времени концепция «династии» служила частью системы представлений о характере раннесредневековой власти, разработанной в XIX в. Г. Вайцем и Н.Д. Фюстелем де Куланжем. Правда, стоит отметить, что представители немецкой и французской школ подчас оценивали роль семейных связей в процессе становления государственности прямо противоположно. Немецкие представители этой школы в XIX в. и ее последователи в XX в. стремились доказать наличие у германцев современной, публичной государственности в период существования варварских королевств, и для них родовые и семейные связи были показателем задержки в переходе к государственности. С другой стороны, Фюстель де Куланж видел в «семейственности» королевской власти положительный аспект, состоявший в том, что «семья» для него представляла разрыв с «родом». В этой системе представлений «династия» и «семья» обозначали прежде всего власть семейную, непубличную, еще противоположную власти государственной, т.е. такую, которая еще не прошла процесс разграничения между общественными и семейными интересами, но уже представляла шаг вперед по сравнению с «родовым», варварским строем. Отечественные ученые в значительной степени продолжали эти тенденции, развивая концепцию романо-германского синтеза. Например, Д.М. Петрушевский сформулировал свою концепцию соотношений родового, семейного и государственного начал в королевстве франков путем синтеза различных представлений зарубежных и отечественных ученых. В частности, он подчеркивал, что власть Меровингских королей строилась на разрыве со всеми традиционными

социальными связями[499]. Отметим, что это было продолжением идей немецкого историка Юнгганса[500]. Можно предположить, что таким способом он стремился соединить воззрения романистов и германистов и пытался сгладить радикализм как германистов, видевших в Меровингских королях родовых вождей франков, так и романистов, видевших во франкских королях союзников и ставленников франкской элиты. Разрабатывая марксистскую историческую концепцию, А. Р. Корсунский выделял «большую семью» как основную единицу социума и считал основным социальным процессом Раннего Средневековья выделение малой семьи и впоследствии индивидуума из малой семьи. В частности, он подчеркивал, что в законодательстве вестготского королевства мы постепенно находим всё больше прав индивидуума, заключавшихся в возможности завещать свою земельную собственность кому угодно, что шло против прав семьи[501]. Однако вопросы семьи и рода интересовали этого исследователя только в аспекте исследования социального строя вестготского королевства. Вопрос формирования королевской династии остался за пределами его интересов, несмотря на то что организации вестготского государства была посвящена целая глава. Можно предположить, что концепция своего рода «демократии знати», разработанная этим ученым, касалась вопроса отношений внутри королевской семьи и вопроса формирования династии. В частности, эта концепция, вероятно, была призвана объяснить сложный и запутанный характер взаимоотношений среди родственников королей и практику выбора правителей среди боковых ветвей династии[502]. Другой отечественный специалист 1960-х гг., хотя и не обращался к тематике семьи и династии королей, в своей концепции подчеркивал сложный и комплексный характер перехода от родовых структур к структурам раннесредневековой государственности. Он делал упор на то, что уже к моменту прихода варваров на территорию бывших римских провинций родового строя уже практически не существовало. Он считал, что в раннесредневековый период общество было «дофеодальным», т. е. таким, в котором еще не было значи-

[499] *Junghans.* Die Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Chlodowech: Kritisch Untersucht. S. 20–28.

[500] *Корсунский.* Готская Испания. С. 49–53.

[501] Там же. С. 262–302.

[502] *Корсунский.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 154, 162.

тельных классовых противоречий, а большинство населения составляли свободные[503].

В современных исследованиях приход Хлодвига к власти и дальнейшее существование Меровингов как *stirps regia* рассматривается как важнейший фактор формирования франкского королевства. Но здесь между исследователями есть расхождения, хотя большинство согласны, что приход Хлодвига к власти был центральным моментом в истории франков. Некоторые ученые считают, что это сделало франкский *gens* (не меняя его сути — позднеантичного «племени», жившего на краю имперской ойкумены) и меровингский род (не меняя его сути — правящего рода франков) значимым не только для севера Франции, но и для Средиземноморья в целом[504]. Эта оценка делает франков похожими на готов, у которых короли всегда избирались из балтской династии вестготов, и в меньшей степени на остроготов (что не исключало возможности появления у готов отдельных правителей из военных предводителей в период сумятицы в 410–418 гг.)[505]. Но другие видят смысл этого события в том, что оно не просто подняло значимость «племени» франков, но создало из него новую общность. Принадлежащие к этой общности постепенно стали называть себя, как и правящая элита, франками, и для них отдельные представители Меровингов, уже не составляя «рода» в прямом смысле этого слова, стали своего рода символом королевства[506]. Не менее важный вопрос, который встает при изучении франков и при их сравнении с другими «варварами», — не создал ли образ последовательного чередования поколений и правил передачи власти в королевской династии какой-нибудь из историков с позднеантичным образованием, как это сделал Кассиодор для остроготского рода Амалов, одному из представителей которого (а именно

[503] *Неусыхин.* 1) Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. (Тезисы доклада); 2) Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.

[504] *Wood.* The Merovingian kingdoms (450–751). London, 1994. P. 49.

[505] *Вольфрам.* Готы. С. 527–528.

[506] *Goetz.* Gens, kings and kingdoms: The Franks. P. 344; *Wood I.* Deconstructing the Merovingian family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts / eds. R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reimitz. Leiden, 2003. P. 171. (The Transformation of the Roman World. 12); *Hedeager L.* Migration period Europe: The formation of a political mentality // Rituals of power from Late Antiquity to the early Middle Ages / Eds. F. Theuws, J. L. Nelson. Leiden, 2000. P. 18–20.

Теодориху Великому) он служил?[507] В частности, какова была роль Григория Турского в создании образа франкских королей как «династии Меровингов»?

Для обсуждения истории меровингского королевства франков вначале следует обозначить основные вехи этого периода. После раздела Хлодвигом королевства между своими сыновьями в 511 г. экспансия франков приостановилась[508]. Однако в 534 г., после удачной войны против Бургундии, сыновья Хлодвига Хильдеберт и Хлотарь I присоединили ее западную и южную часть к своим королевствам (с центрами соответственно в Париже и в Суассоне), а их племянник Теодеберт (сын Теодериха, другого сына Хлодвига), найдя общий язык со своими дядями, присоединил к своему королевству (охватывавшему Мец, Овернь и близлежащие области) северную часть Бургундии[509]. Это говорит о продолжавшемся интересе Меровингов к Средиземноморью[510]. Но несмотря на то что на этом процесс присоединения новых земель к королевству франков практически прекратился, а за пределами остались только Прованс и земли на Дунае, но их присоединение произошло только в VII в., процесс внутреннего обустройства, в частности оформления составных частей франкского королевства (в том виде, в котором мы привыкли его воспринимать — Нейстрия, Австразия, Бургундия), был еще далек от завершения. На месте будущей Нейстрии еще существовали «Суассонское королевство» Хлотаря I и «Парижское королевство» Хильдеберта, которые были слишком малы, чтобы оказывать значительное влияние на всю Галлию[511].

Когда в 561 г. умер Хлотарь I, новый раздел земель привел к временному равновесию сил, которое продержалось недолго. Смерть одного из братьев, Хариберта, в 567 г., привела к кризису власти и конфликту между королями Хильпериком I (561–584, правителем «Суассонского королевства»), Сигибертом (561–575, правителем Австразии) и Гунтрамном (561–592, королем Бургундии). Этот

---

[507] *Heather.* 1) Cassiodorus and the rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun domination. P. 128.; 2) Goths and Romans, 332–489. P. 19, 60.

[508] *Ewig.* Die fränkische Teilungen. S. 128.

[509] Ibid. S. 130.

[510] *Van de Vyver A.* Clovis et la politique méditerrannee // Études d'histoire dédiées à la mémoire de Henri Pirenne. 1937. P. 387.

[511] Ibid. S. 134.

конфликт продолжался и тогда, когда умер один из его участников, Сигиберт, и трон Австразии занял Хильдеберт II, его сын (575–595). Но тогда произошло перераспределение сторон в конфликте, который из спора между северо-западом Галлии и Бургундией превратился в спор между Суассонским королевством и Австразией[512]. Этот конфликт продолжался до смерти Хильперика в 584 г. Именно в ходе этого конфликта произошла «консолидация» составных частей королевства (Нейстрии, Австразии, Бургундии), т. е. определение (хотя бы приблизительное) их границ после раздела 561 г.[513] Этот сюжет является центральным для истории Меровингского королевства во второй половине VI в., потому что именно тогда были заложены основы каркаса франкского королевства, на котором базировалась не только меровингская власти в VII — первой половине VIII в., но и каролингская власть в период VIII–IX вв.

В правление Хлотаря II была сделана попытка объединения королевства, в которое вошли Нейстрия (владение его отца), Бургундия и Австразия (613). Тогда же власть Хлотаря II, представителя «суассонской» ветви династии, распространяется на Бургундию и Австразию. Но одновременно в структуре меровингского господства над Галлией и сопредельными областями наметились региональные различия. Если в Бургундии знать довольствовалась тем, что один из ее представителей стал майордомом короля Нейстрии, то в Австразии Хлотарю II пришлось пойти на уступки местной аристократии. В угоду местным знатным родам он поставил во главе этого региона своего сына Дагоберта I, а не просто майордома[514]. Последний продолжил дело своего отца по объединению франков. Однако в конце своего правления, в связи с неудачными военными походами на юг Франции и в земли саксов к востоку от Рейна, он вынужден был уступить давлению австразийской знати. В частности, в 633 г. Дагоберт I сделал своего сына Сигиберта III правителем Австразии, а через год поставил другого сына, Хлодвига II королем Нейстрии. На первый взгляд, это распределение власти может показаться выражением центробежных тенденций политического развития. Однако один из виднейших исследователей меровингской эпохи Эвиг оценивал правление

[512] Ibid. S. 140.
[513] *Ewig.* 1) Die fränkische Teilungen. S. 151–160; 2) Die fränkische Teilreiche. S. 172.
[514] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 192–195.

Хлотаря II и Дагоберта I именно как попытку объединения франков под властью одного короля, не считая при этом, что она завершилась полным успехом[515].

События времени правления сыновей Дагоберта I, а тем более эпохи, которая началась после их смерти, известны намного хуже. Это обусловливается плохим состоянием источниковой базы и расхождениями в сообщениях источников. Правление Балтхильды (ок. 653 – ок. 657), вдовы Хлодвига II, низложение и восстановление короля Теодериха III (673–675 гг.), постепенное усиление майордомов австразийского происхождения после того, как Пипин II дал бой меровингскому правителю Нейстрии при Тертри в 687 г. — все эти события описаны крайне скудно. Попытки же реконструировать и понять их в хронологической и смысловой последовательности, к сожалению, не привели пока к созданию непротиворечивой версии и оставляют широкое поле для дискуссии.

Со времен Тьерри корпус достоверных и независимых источников по истории правления династии Меровингов в Галлии остается неизменным: «История» Григория Турского (VI в.), «Хроника» Фредегара (середина VII в.), сочинение Продолжателя Фредегара и анонимная «История франков» (написанная в конце VII или начале VIII в. и известная исследователям Раннего Средневековья под названием «Liber historiae francorum»). Однако поскольку в работах последних лет выявлены противоречия в картинах политической истории позднемеровингского времени, следует вновь обратиться к изучению этого хорошо известного комплекса источников. В этом параграфе будет предпринята попытка обратиться к той главной тенденции в истории франкского королевства, которую удалось застать и Григорию Турскому, и его явному последователю Фредегару: а именно, постепенному его объединению под властью одной династии после почти целого века существования в раздробленном состоянии (примером чему были разделы 511, 561 и 584 гг.). Предметом исследования в данном случае будет именно тенденция, а не отдельные события, потому что сюжеты, рассмотренные этими двумя авторами, не пересекались в силу их хронологической удаленности. При этом следует учитывать мировоззрение раннесредневековых авторов как на уровне общих для

[515] *Ewig E.* Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart, 1993. (Kohlhammer-Urban-Taschenbücher. 392). S. 197, 199, 201, 204.

эпохи принципов, так и в конкретном воплощении приемов и методов той риторической культуры, к которой они принадлежали. Как нам представляется, сравнение даст нам возможность проследить эволюцию в методах историописания и ответить на вопрос, как связана традиционная периодизация меровингской истории и смена исторических парадигм.

Раздел королевства между сыновьями Хлодвига (Хлотарем I, Хильдебертом I, Хлодомером и Теодорихом I) в 511 г. и в 561 г. после смерти Хлотаря I между его сыновьями (Харибертом, Гунтрамном, Сигибертом и их сводным братом Хильпериком I), казалось бы, дает возможность говорить о том, что в Меровингской династии существовали четкие нормы и правила старшинства и наследования, разделявшиеся большинством семейства. Может также показаться, что эти разделы дают возможность выявить и ситуации, являвшиеся нарушением этой устоявшейся нормы, потому что недовольные были всегда. Однако возникает вопрос, являются ли принципы, которые современные исследователи увидели в этих разделах, исторической реальностью, и действительно ли сами короли из рода Меровингов, или, по крайней мере, их современники рассматривали эти разделы как равноправные и легитимные? На самом деле, в нескольких поколениях королей мы можем заметить особые случаи, показывающие, что для современников состав «легитимных» Меровингов и взаимоотношения между родственниками были не такими, как мы привыкли видеть.

Структура и принципы функционирования власти в королевстве франков второй половины VI в. представляют собой весьма сложную для интерпретации и оценки современными историками проблему. Особенно актуальным для исследования является вопрос об основных взаимоотношениях внутри династии и о том, как в ходе борьбы ее представителей на территории Галлии сформировалась основная структура власти в виде трех основных центров — Нейстрии, Австразии и Бургундии. В рамках этого вопроса следует изучить проблему разделов королевства и того, как в них отражалась не только политическая конъюнктура и случайности, но и более глубокие процессы формирования династии и внутренней структуры королевства франков. Проблема эта возникла, когда после смерти Хлодвига его королевство было разделено на четыре части. Однако интересно то, что раздел земель между Теодерихом, Хильдебертом, Хлодомером

и Хлотарем в 511 г. имел одну особенность: младший сын Хлодвига (Хлотарь) получил в качестве своей доли Суассон. Если учесть, что этот город имел особое значение в истории королевства франков, то раздел 561 г. выделяется из ряда разделов, характерных для истории варварских королевств. Суассон был центром так называемого «Суассонского королевства», политического образования франкских федератов в рамках Римской империи, которое принадлежало когда-то отцу Хлодвига Хильдерику. По-видимому, именно оно являлось главной точкой опоры франков в Галлии во время последних десятилетий существования Римской империи[516].

Передача именно этого важнейшего центра власти, имевшего столь принципиальное историческое и сакральное значение, младшему сыну была нетрадиционным шагом для истории варварских королевств. Из истории Раннего Средневековья известно, что в большинстве случаев предпочтение отдавалось старшему. Но учитывая, что королевство франков обладало рядом особенностей в силу уникального для бывшей Западно-Римской империи сочетания романских традиций и элементов германского социума, положение дел с наследованием в нем могло, конечно же, быть другим. В идеальном случае хотелось бы знать, как сам Хлодвиг видел раздел захваченных земель между своими сыновьями. Однако после победы над Аларихом II в 506/507 г. при Вуйе, когда вопрос о разделе уже мог встать перед ним, только один из сыновей, Теодерих, был достаточно взрослым, чтобы иметь возможность претендовать на какую-либо власть. Мы знаем, что Хлодвиг доверял своему старшему сыну, причем не просто как своему наследнику. Отметим, что он, несомненно, сделал его чем-то вроде своего наместника на юге Галлии и послал объезжать города Ангулем, Клермон и др., представлявшие собой опору галло-римской цивилизации в VI в. Представляется, что Хлодвиг доверял Теодериху важные дела не только потому, что он был единственным из его сыновей, кто мог на тот момент активно участвовать в политике. По-видимому, функции старшего сына в семье действительно были особенными и именно он рассматривался как будущий наследник всего королевства.

Передача Суассонского королевства младшему сыну Хлотарю I выглядит на этом фоне необычным решением. Шло ли оно вразрез с тем, что желал для своих сыновей сам Хлодвиг? Григорий Турский

[516] *James.* Childéric. P. 12.

сообщил, что матерью Теодериха была представительница королевского рода рейнских франков, обосновавшихся в районе Кёльна[517]. Поэтому неудивительно, что Теодериху досталась Австразия, земли которой, по-видимому, принадлежали его предкам по материнской линии. Но у Хлотаря было еще два старших брата, которые в равной степени могли претендовать на главный город наследия Хильдерика и Хлодвига, Суассон. Однако Хильдеберт I получил в наследство Париж, а Хлодомер Орлеан, которые нельзя на тот момент было считать в полной мере франкскими городами. Выделение самому младшему сыну Суассона могло быть решением вдовы первого короля франков Клотильды. Ее бургундское происхождение могло стоять за попытками сделать своих наследников королями более романизированной, чем Суассон, части Галлии, которая находилась на Луаре.

Однако именно благодаря этому решению первоначальный раздел земель королевства франков 511 г. закончился не раздробленностью, а, наборот, собиранием земель. Чьей бы ни была эта стратегия, она привела к желаемым результатам, потому что после смерти своих старших братьев в 559 г. Хлотарь I, имевший надежную базу в Суассоне, объединил всё королевство франков в своих руках. От некоторых из своих конкурентов, т. е. племянников, он избавился сам, а некоторые (как, например, его внучатый племянник Теудебальд (535–555), внук старшего из сыновей Хлодвига Теодериха) ушли естественным путем. Таким образом, уже к 561 г. семья Меровингов прошла через весьма драматичный период, и объединение королевства под властью Хлотаря I стало не просто естественным ходом событий, а результатом, достигнутым отчасти вопреки заложенным в первоначальном разделе принципам.

В частности, вторая половина VI в. прошла под знаком трагического противостояния между сводными братьями, сыновьями Хлотаря I, Сигибертом (королем Реймса, т. е. Австразии) и Хильпериком I, королем Суассона (еще не превратившегося в то, что мы бы могли назвать Нейстрией). В результате междоусобной борьбы за главенство Фредегонда, жена Хильперика и «королева» (как ее называет Григорий Турский), подговорила своих слуг убить Сигиберта, когда его подняло на щит войско, якобы призывавшее его быть королем[518].

[517] Greg. Tour. Hist. Lib. II. Cap. 28.
[518] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 51.

Григорий Турский, в деталях описывая этот сюжет, не говорит прямо о причинах конфликта, но тем не менее в других частях его сочинения можно найти пассажи, которые дают нам возможность понять, что епископ Тура мог думать о братоубийственной войне. Кажется возможным, что он усматривал причину трений между различными представителями рода Меровингов в том, что во второй половине VI в. принципы раздела королевства, реализованные в 511 г., были нарушены. Тогда сыновья Хлодвига Хлотарь, Хильдеберт, Хлодомер и Теодерих получили, как считал Григорий Турский, «равные доли» (*aequa lantia*) с центрами в Суассоне, Париже, Орлеане и Реймсе. В этом «идеальном» случае каждый из сыновей получил часть, немногим отличающуюся по размеру, политической или экономической значимости от других[519]. Это значит, что они признавали друг друга равными наследниками своего отца, а их сосуществование можно (с некоторой долей условности) назвать «братским правлением». Правда, в этом пассаже Григорий Турский не оговаривал ни центры, ни границы их королевств, и предположить, что имелось в виду под этим «равенством», довольно сложно. Вряд ли можно утверждать, как говорит об этом переводчица Григория Турского на русский, что «сыновья Хлодвига поделили между собой королевство и власть таким образом, что имущество и доходы с каждой части по возможности были одинаковыми»[520]. Термин *aequa lantia* встречается в правовых документах меровингской эпохи (таких как судебные протоколы, т.е. placita, формуляриях и т.п.) в контексте разделов собственности, но его точное значение (а именно: предполагает ли он раздел земли, т.е. права собственности, или же только доходов с нее, т.е. права пользования) остается неизвестным.

Однако при разделе 561 г., после смерти Хлотаря I, как считают исследователи, эти принципы не были соблюдены: целью этого раздела была консолидация успевших распасться на фрагменты королевств (Орлеанского и Бургундского в первую очередь), и четыре сына Хлотаря — Хариберт, Гунтрамн, Сигиберт и Хильперик — должны были заново определить границы владений[521]. Немецкий исследователь

[519] Greg. Tour. Hist. Lib. III. Cap. 1: «...regnum eius accipiunt et aequa lantia dividunt» («которые разделили его между собой на равные части»).

[520] *Савукова В.Д.* Примечания // История франков / Григорий Турский. М., 1987. С. 372.

[521] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 3; *Ewig.* Die fränkische Teilungen. S. 120.

предполагал, что Григорий Турский, который не употребил термин aequa lantia при описании раздела 561 г., сам считал неравенство раздела одной из важнейших причин произошедших далее драматичных событий. Это, возможно, и обусловило активную завоевательную политику младшего сына Хлотаря от второго брака, Хильперика, который в 561 г. совершил неудачную попытку захватить Париж. Но в конце концов два младших сына этого короля, Сигиберт и Хильперик (бывшие друг другу сводными братьями), получили королевства Австразия (с центром в Реймсе)[522] и Суассон, которые были сравнительно малы по территории и не имели существенного политического значения по сравнению с владениями их братьев, Хариберта (Париж) и Гунтрамна (Бургундия)[523]. Владением Хильперика по условиям раздела был Суассон, владение его отца. Иногда этот раздел оценивали как следствие традиционной для германских и кельтских племен практики первородства, в соответствии с которой младший из сыновей, да еще и от другого брака, получал наименьшую по территории область[524]. Таким образом, последующие попытки Хильперика захватить владения своих братьев (как, например, Париж, т.е. королевство Хариберта, в 561 г. и земли Сигиберта в 567 г.) иногда объяснялись как попытка своеобразного «переворота» (coup d'état) против сложившегося статус-кво[525].

Однако остается вопрос: были ли у Хильперика основания менять ситуацию, которая, как нам может показаться, сложилась не в его пользу после раздела 561 г.? Суассон и прилегающие земли, которые получил Хильперик, могли казаться «меньше», но этот город имел символическое значение, потому что это были «исконные» земли франков и «вотчина» отца Хильперика Хлотаря I (ок. 497 – 561)[526]. Более того, остался соблюденным важнейший принцип раздела 511 г., а именно: в обоих случаях младшему сыну достался Суассон. При разделе 511 г. Суассон получил младший сын Хлодвига

[522] Королевство с центром в Суассоне. Последнее могло не иметь существенного политического и стратегического значения по сравнению с владениями братьев Хильперика, Хариберта (Париж) и Гунтрамна (Бургундия), поскольку оно было сравнительно мало по территории. Но зато оно обладало определенным историческим наследием, потому что было продолжением так называемого «Суассонского королевства» V в.

[523] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 22.

[524] *Rouche*. Clovis. P. 233.

[525] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 23.

[526] *Armand F.* Chilpéric I, le roi assassiné deux fois. Cahors, 2008. P. 75.

Хлотарь I, и именно его смерть в 561 г. привела к необходимости передела земель. Таким образом, мы не можем с уверенностью сказать, почему Хильперик боролся против сводных братьев за значимые фрагменты франкской территории: потому ли, что он чувствовал себя неуверенно, или же потому, что он, наоборот, чувствовал себя единственным «правопреемником» своего отца и поэтому считал возможным претендовать на земли, не входившие в Суассонское королевство.

Григорий Турский, как отмечают все исследователи, крайне негативно относился к Хильперику, которого он считал Нероном и Иродом своих дней. Исследователи считали, что режим «братского правления» распался в результате раздела 561 г., потому что был нарушен главный принцип равенства владений, что парадоксальным образом в долгосрочной перспективе дало возможность Хильперику I (получившему меньшую долю, Суассон) и его потомкам одержать победу над другими ветвями Меровингов[527]. В 567 г. последний с помощью своего сына Теоберта попробовал отобрать у Сигиберта Тур, но в результате союза Гунтрамна и Сигиберта вынужден был уступить. Однако же в 575 г. Хильперик с помощью своей королевы Фредегонды все-таки одержал верх над Сигибертом, когда последний был убит ее людьми.

Стоит отметить, однако, что описание его в таких красках, вероятно, было сделано епископом Тура для того, чтобы его книга понравилась главным врагам Хильперика — королю Бургундии Гунтрамну и королеве Австразии Брунгильде[528]. Например, его современник Венанций Фортунат рассматривал Хильперика как идеал христианского правителя[529].

Возможно, наши сомнения относительно причин активных действий Хильперика позволяют перестать идеализировать понятия «семьи» и «династии». Они дают нам возможность понять, что выделить в Меровингской династии последовательные генеалогические линии и сформулировать правила передачи власти в них

---

[527] *Ewig.* Die fränkische Teilungen. S. 138.

[528] *Halsall G.* Nero and Herod? The Death of Chilperic and Gregory's Writings of History // The world of Gregory of Tours / eds. K. Mitchell, I. N. Wood. Leiden, 2002. (Cultures, beliefs, and traditions).

[529] *Roberts M.* The humblest sparrow: the poetry of Venantius Fortunatus. Ann Arbor, 2009. P. 60.

можно только с определенными оговорками, учитывая активно идущие процессы расслоения родственной группы. Как временную замену можно было бы использовать концепцию, которая была предложена историками, занимающимися Каролингской династией. А именно: представляется полезным говорить о «поколениях» Меровингов, в некоторых из которых мы можем заметить сравнительно четко выраженную систему династического старшинства (*gen*), которую, однако, каждое последующее поколение вынуждено было создавать заново. Такая систематизация по поколениям была крайне успешно использована для понимания истории Каролингской династии Т. Шиффером[530]. В случае Меровингов также стоит предположить, что Хильперика и Сигиберта, двух младших сыновей Хлотаря от разных браков, королей соответственно Суассона и Австразии (а если говорить более точно, то резиденцией Сигиберта был Реймс), нужно рассматривать не как братьев, правила поведения между которыми были точно определены. Этот случай значительно отличался от той ситуации, которая сложилась после смерти Хлодвига в 511 г. Хильперик был сводным братом Сигиберта и двух старших братьев последнего, и, таким образом, его статус среди потомков Хлотаря I не был четко определен. Хильперик и Сигиберт были не равноправными наследниками своего отца, а фактически представителями разных ветвей династии, отношения между которыми в 561 г. еще предстояло определить. Это, скорее всего, и объясняет демарш Хильперика 561 г. (захват Парижа), так как его целью было не столько удержать этот символический центр франкского королевства, сколько заявить о своих правах сына Хлотаря I. Это хорошо соответствует тому мнению, которого придерживаются исследователи, обращающие внимание на существование внутри родственной группы Меровингов двух подгрупп — легитимных и нелегитимных Меровингов[531]. Хотя Хильперика нельзя отнести к «нелегитимным» Меровингам в полном смысле этого слова, но есть основания признать, что его действия были попыткой добиться своего места среди старших сыновей Хлотаря, которое,

[530] *Schieffer T.* Die Karolinger. Stuttgart, 2013.

[531] *Hagn H.* Illegitimität und Thronfolge: Zur Thronfolgeproblematik Illegitimer Merowinger, Karolinger und Ottonen. Neuried, 2006. (Politik im Mittelalter. 5); *Kasten B.* Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 44).

видимо, не было ему изначально гарантировано[532]. Таким образом, деятельность Хильперика обусловливалась совершенно другими соображениями, чем может показаться нам. Это был не «переворот», а скорее попытка утвердиться среди сводных братьев.

Сама по себе принадлежность к *stirps regia* не давала возможности определить первенство и правила передачи власти. По этой причине вопрос, как лучше назвать родственную группу Меровингов, оказывается непростым. Мы видим, что Хильперика и Сигиберта вряд ли можно назвать представителями одной «семьи» из-за их борьбы на полное уничтожение (хотя сам Хильперик не отдавал приказ об убийстве своего сводного брата, оставив это Фредегонде). По той же причине вряд ли можно говорить о них как о представителях «династии», так как принцип передачи власти в рамках Меровингов в их случае был попыткой полного уничтожения родственника-конкурента. Скорее, в случае с Хильпериком и Сигибертом мы имеем дело с представителями рода Меровингов (*stirps regia*), в рамках которого в VI в. происходило достаточно болезненное выделение отдельных семей, чьи позиции могли улучшаться и становиться более значимыми только за счет других ветвей Меровингского рода. Отметим, что случай Хильперика и Сигиберта показывает, что не принадлежность к расплывчатому *stirps regia*, а укрепление положения своей семьи (в случае с Хильпериком — благодаря не только ему самому, но и решительности королевы Фредегонды) и передача власти от отца к сыну являлись важнейшими из условий для закладывания основы того, что получит полную реализацию в каролингскую эпоху, т. е. отдельных *regna*. Отметим, что этот процесс успешно завершился для «династии» Хильперика и затем «династии» правнука Хильперика, Хлодвига II. Это произошло потому, что в отличие от агнатов каролингской эпохи у Меровингов еще не устоялась практика находить баланс интересов и разрешать спорные вопросы в каждом поколении. Таким образом, это показывает, что концепция «поколений» для меровингских королей должна использоваться с учетом специфики этой эпохи. Существуя в рамках расплывчатого меровингского *stirps regia*, сын и внук Хильперика (соответственно, Хлотарь II и Дагоберт I) поддерживали свою линию наследования. Не вступая в открытые выяснения отношений с другими

[532] *Lelong C.* Chilpéric, un grand roi méconnu // Mémoires de l'Académie des sciences, Art et Belles lettres de Touraine. 1993. T. 6. P. 19–37.

потомками Хлодвига, они в течение последней четверти VI и первой четверти VII в. смогли создать из «младшей» ветви династии важнейшую и практически единственную династию, реально претендующую на власть во всем королевстве франков.

2.3.4. *Regnum* и окружение короля

Исследование нарративных источников, однако, не дает нам возможности сделать окончательный вывод относительно того, как рассматривалась современниками значимость и роль отдельных ветвей династии и насколько для них было возможно выделить из меровингской *stirps regia* эти отдельные ветви. В качестве наиболее яркого примера, иллюстрирующего значимость «ветвей» родственной группы Меровингов для знатных людей и магнатов той эпохи, стоит упомянуть интересный и немного необычный источник, известный как «диптих Барберини»[533]. Этот диптих, состоящий из четырех пластин из слоновой кости, с изображениями, типичными для официальной имперской идеологии V в., был произведен в Константинополе в правление Анастасия, Зенона или даже Юстиниана. Он интересен прежде всего тем, что в дополнение к своей художественной и подарочной функции он стал во франкском королевстве своего рода «поминальной книгой». На обороте пластин чернилами были написаны около 300 имен. Среди этих имен можно найти также и имена королей Австразии с 575 по 662 г. (т.е. периода после смерти Сигиберта I (561–575), в который попадало правление Сигиберта II (602–613), сына Теодориха II и внука Хильдеберта II, королей Австразии). Таким образом, в этом диптихе опосредованно отразились события очень бурного и неоднозначного периода в истории франкских королевств, связанного с именами сына Сигиберта I Хильдеберта II (570–595) и его матери, королевы Брунгильды (561–613). Она была дочерью готского короля Атанагильда и в 567 г. была выдана замуж за короля Австразии и внука Хлодвига Сигиберта I.

В 575 г. Сигиберт I, как сообщает Григорий Турский, был убит людьми Фредегонды и, вероятно, по ее наущению[534]. Для автора

[533] *Omont H.* Inscriptions mérovingiennes de l'ivoire Barberini // Bibliothèque de l'École des chartes. 1901. T. 62. P. 152–155.

[534] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 51: «Tunc duo pueri cum cultris validis, quos vulgo scramasaxos vocant, infectis vinino, malificati a Fredegundae regina, cum aliam causam suggerire simularent, utraque ei latera feriunt» (Тогда двое слуг по злодейскому умыслу

«Истории» это был, по-видимому, очень важный эпизод и своего рода конец эпохи. Мы можем заключить это, прочитав начало главы. В первом предложении говорится о том, что в год смерти Сигиберта I по небу пронеслась комета, как это уже произошло в 561 г.[535] Тогда уход Хлотаря I привел к новому разделу франкского королевства и к значительному изменению баланса сил. Мы можем предположить, что Григорий Турский таким образом постарался подчеркнуть значимость этого события, которое фактически привело к династическому кризису в Австразии.

В результате Брунгильда, став вдовой, в качестве регентши при своем несовершеннолетнем сыне Хильдеберте II практически попыталась прибрать к рукам всю власть в Австразии. Ее попытки опереться на короля Бургундии Гунтрамна (561–592) привели к междоусобной борьбе, которая продлилась до конца первого десятилетия VII в. В течение этого периода Брунгильда еще дважды пыталась стать регентшей в Австразии при внуках Теодеберте II (595–612) и Теодерихе II (612–613). Ее попытка подчинить себе своего внука Теодеберта II привела к тому, что он изгнал ее от своего двора в 599 г.[536] Фредегар описывал, как бродившая по Шампани «королева-мать» австразийской ветви Меровингов была приведена ко двору своего второго внука Теодериха II проходившим мимо крестьянином. В своем «Житии Колумбана» Иона из Боббио очень негативно описывал правление Брунгильды, видя в ней женщину, незаконно захватившую власть именем своих сыновей. Описывая ее как врага своего героя, он считал, что причиной вражды послужил отказ Колумбана признать Теодеберта и Теодериха в качестве законных правителей, сыновей короля[537].

Усиление власти Брунгильды вызывало не только недовольство знати, но и негативную оценку со стороны короля Нейстрии

королевы Фредегонды, вооруженные острыми ножами, называемыми в просторечии скрамасаксами, намазанными ядом, протиснулись к Сигиберту, как будто бы у них было какое-то к нему дело, и поразили его с двух сторон).

[535] Ibid: «In eo anno fulgor per caelum discurrisse visus est, sicut quondam ante mortem Chlothari factum vidimus» (В этом году видели, как молния пронеслась по небу точно так же, как когда-то перед смертью Хлотаря).

[536] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 19: «Eo anno Brunichildis ab Austrasies eiecta est et in Arciacinsem campaniam a quidam homini paupero singula reperitur» (В этом году Брунгильда была изгнана из Австразии и вынуждена была скрываться в окрестностях города Аркиакенсис у бедняка в одиночестве).

[537] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 36; Iona VC. Pars. I. Cap. 31–34.

Хлотаря II. Так, в 600/601 г. Теодеберт (король Австразии) и Теодерих (король Бургундии) нанесли значительный урон войску Хлотаря II, короля Нейстрии[538]. В отместку он попытался втогнуться в Австразию 604/605 г., однако получил отпор от Теодеберта[539].

Значительная часть борьбы за власть во второй половине VI в. прошла под знаменем регентства Брунгильды, хотя нельзя сказать, что если бы ее не было, то этих междоусобных трений не произошло. Образ Брунгильды, созданный Григорием Турским, весьма сложен, как и все остальные, но можно отметить, что в нем точно нет одного момента, характерного для тех, кого Григорий считал противниками епископского и городского сообщества. В отличие от Фредегара, у епископа Тура Брунгильда не стала исторической личностью, которая бы представляла собой воплощение принципа божественного воздаяния за грехи, в отличие от многих других франкских королей, магнатов и даже епископов. С другой стороны, ее основной противник Хильперик имел в глазах Григория Турского очень интересный образ. Обратим внимание на то, что именно Хильперик в результате раздела 561 г. получил Суассонское королевство, которое фактически было символическим наследием Хильдерика и Хлодвига. Отметим, что поскольку Хлодвиг, по словам Григория Турского, получил от византийского императора Анастасия титул патриция, консула и даже августа, то он, вероятно, воспринимался как своего рода наместник Восточно-Римской империи в Галлии. Его внук Хильперик, получивший именно его Суассонское королевство, мог в каком-то смысле восприниматься и как наследник титула Хлодвига. Отметим также, что Григорий Турский сообщает о тесных контактах самого Хильперика с византийцами, к которым он отправлял своих посланников. Однако Хильдеберт II (570–595) тоже имел контакты с Византией[540]. Таким образом, можно говорить, что в королевстве франков второй половины VI в. сложилось две своеобразных группы действующих игроков — окружение готской принцессы и меровингской королевы Брунгильды и ее сына Хильдеберта II и сторонники Хильперика, предъявлявшего права на участие в отношениях с Византией в силу особого положения

[538] Ibid. Cap. 20.

[539] *Thomas H.* Die Namenliste des Diptychon Barberini und der Sturz des Hausmeiers Grimoald // Deutsches Archiv fur Erforschung des Mittelalters. 1969. Jg. 25. S. 17–63.

[540] *Reverdy G.* Les relations de Childebert II et de Byzance // Revue historique. 1913, Vol. 114. P. 85.

своего деда Хлодвига как держателя титула патриция и консула от византийского императора Анастасия.

В этом контексте намного усложняется вопрос о смысле крещения Хлодвига в католичество для последующей истории франкского королевства. С одной стороны, то значение, которое этому событию придал Григорий Турский, говорит о том, что он видел короля франков не только как племенного предводителя, но и как восстановителя истинной веры в контексте общей средиземноморской политики[541]. Однако Хильперик, несмотря на свое «чисто франкское» наследование Хлодвигу (без средиземноморского наследия, на которое мог претендовать Хильдеберт II), был обрисован Григорием Турским как опасный экспериментатор в делах веры, который пытался трактовать отдельные спорные вопросы и даже привнести новые буквы в латинский алфавит. Отметим, что в сочинении этого короля Григорий Турский при всей своей предвзятости не смог найти прямых указаний на неканонические или даже еретические воззрения. С другой стороны, Брунгильда, будучи изначально арианкой, могла бы восприниматься в этой борьбе как представительница опасной ереси. Но поскольку она крестилась в католичество после брака с Сигибертом I и поскольку Григорий Турский был своего рода ее клиентом, если не вассалом, с 587 г. и до своей смерти, то эта тема не получила никакого развития. Представляется, однако, что, несмотря на отсутствие развития этой темы, имеющаяся у него информация говорит о том, что такое противостояние отчасти имело место. Интересно противоречие, в которое впадает сам Григорий, когда он описывает свой диспут с епископом-арианином из Испании. Несмотря на очевидную образованность арианского проповедника и практическую неспособность Григория дать ему достойный отпор в области теологии, епископ Тура написал о своей полной победе в теологическом диспуте, что вряд ли могло быть правдой. Вероятно, подобная «победа» не могла быть одержана полностью, потому что Брунгильда, вероятно, поддерживала связи с вестготским королевством, и утверждение Григория Турского делалось скорее для читателей католического лагеря, а не для тех, кто был заинтересован в знании всех деталей этой истории. Эти умолчания и нестыковки говорят о том, что религиозное противостояние

[541] *Van de Vyver*. Clovis. P. 387.

реально существовало и накладывалось на политический и династический конфликт, принявший форму борьбы за первенство в западном Средиземноморье.

Исследователи отметили, что антиарианство Григория было скорее практическим, чем идеологическим, и что он негативно отзывался об арианах потому, что так было выгодно католической королеве Брунгильде и Гунтрамну. Одновременно историки отмечали, что на самом деле в практическом смысле Григорий Турский не прилагал существенных усилий для борьбы с арианством, по крайней мере в теологическом смысле. Однако парадоксальным образом представляется, что Брунгильда и Гунтрамн не имели особых религиозных и политических мотивов для противостояния арианам. Если противостояние со стороны Брунгильды и было, то оно могло состоять только в практическом соперничестве с Лиувой и Лиувигильдом, сменившими у власти ее отца Атанагильда, и с сыном последнего Герменгильдом. Со стороны Гунтрамна претензия могла состоять только в проблеме власти над землями Септимании и Прованса. Однако противостояние арианам Брунгильды и Гунтрамна как часть сознательной долгосрочной стратегии представляется маловероятным. Заметим, что Иоанн Бикларский, например, пишет о том, как ее мать королева Госвинта стала в 589 г. центром заговора с целью восстановления арианства[542]. Поэтому под словесным антиарианизмом Григория Турского можно заметить не столько поддержку антиарианских устремлений Брунгильды, сколько поддержку ее традиционно теплого отношения к вестготскому королевству.

Фактически в сочинении Григория Турского столкнулись легитимность в терминах Византийской империи как единственной наследницы римского мира и легитимность варварских правителей, получивших свою власть по праву захвата. Представляется, что проблема была в противостоянии Хильперика и Брунгильды, которое возникло не из-за личных противоречий, а представляло собой борьбу двух различных кланов во франкской политике. Позиции и статус обоих были достаточно схожи, и ни одна из сторон не соответствовала идеалам Григория Турского. Представляется, что центральным

[542] Iohannus Biclarensis, Chronica an. 567–590 // MGH Auctores antiquissimi. Vol. 11. Berlin, 1894. P. 211–220a. 573, 213.

в данном случае был династический конфликт между Сигибертом и Брунгильдой как зачинателями новой ветви династии и представителями той ветви рода Хлодвига, которая видела в общем усилении соперничающей семьи и в налаживании той семьей связей с Византией опасность для своих «династических» планов. С точки зрения Фредегара, например, причина противостояния виделась именно в попытке Брунгильды уничтожить всех возможных претендентов на престол из Меровингского рода и поставить вместо этого у власти своих сыновей и внуков. В основном в вину Брунгильде ставилось то, что она была причиной смерти десяти франкских королей, что делало ее главной противницей наследников Хлодвига. Однако это никоим образом не имело места в сочинении Григория Турского. Критикуя парадоксальным образом Хильперика, несмотря на его попытку поддержать католический епископат в споре с арианским и попытку избавиться от византийского влияния своей соперницы, Григорий Турский делал значительную уступку Брунгильде, которую он воспринимал как надежную союзницу, несмотря на возможные связи с Византией и ее арианское прошлое. Таким образом, можно говорить, что описание начала франкского королевства и его истории во второй половине VI в. у Григория Турского и та картина, которая сложилась в начале VII в. у Фредегара, значительно различались. По-видимому, епископ Тура был вынужден идти на уступки своей патронессе, королеве Брунгильде, и поэтому расставлял акценты в сложном переплетении меровингской политики в зависимости от того, описывал ли он дела давно минувших дней или современную ему ситуацию.

Таким образом, начало VII в. ассоциировалось для современников с упадком власти потомков Сигиберта I. Очень показательно в данном случае «Житие Колумбана» Ионы из Боббио. Хотя оно написано современником, в нем практически не упоминается о правлении в Австразии Хильдеберта II и его сыновей Теодеберта II и Теодериха II, несмотря на то что этот ирландский монах проповедовал христианскую веру и способствовал постройке монастырей именно в Австразии в правление Хильдеберта II и его сыновей[543].

---

[543] *Wood I.* Jonas, the Merovingians and Pope Honorius: Diplomata and the Vita Columbani // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History. Essays Presented to Walter Goffart / ed. A. C. Murray. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 110–111

Однако исследование имен, содержащихся на обратной стороне диптиха Барберини, показало, что человек, составлявший эти записи, имел особое мнение об истории Австразии в эту эпоху. Для него эта история не имела разрывов и период с 575 по 662 г. был временем существования единого австразийского королевства. Это дало возможность утверждать, что диптих какое-то время существовал при дворе королевы и регентши Брунгильды и представлял собой своего рода поминальную книгу, в которой отразилась та память, которую стремилась сохранить о своей семье королева Брунгильда и которую она смогла передать своему окружению. Эта память значительно отличалась от того, что можно было найти в сочинениях других современников (или почти современников). Более того, кроме королевских этот диптих содержал около трехсот имен, большинство из которых имели галло-римское происхождение. Это позволяет исследователям предполагать, что они принадлежали представителям галло-римской знати из Бургундии, где бургунды и франки значительно ассимилировались. Таким образом, память, запечатленная в записях диптиха Барберини, рисовала совершенно другую династическую реальность, нежели можно увидеть из житий, историй и грамот.

В отличие от «Жития Колумбана», описавшего оставленные знатью обломки королевской фамилии, диптих Барберини показывал, какой надежной поддержкой обладала Брунгильда, ее сыновья и внуки в южной части своих владений (т.е. в Оверни и прилежащих областях). Этот странный источник создавал из фрагментов истории Австразии, которая, казалось бы, была раздираема на части внутренними противоречиями и жестокой борьбой Брунгильды с противостоящими ей представителями знати, четкую династическую картину наследования Сигиберту I — сначала Хильдеберта II, а потом Теодеберта II и Теодериха II.

В 656 г. майордом Гримоальд попытался использовать эту династическую память для усиления своего положения. Он попросил Меровинга Сигиберта III усыновить его (т.е. Гримоальда) сына под именем Хильдеберта III. Выбор имени был показательным, хотя Сигиберт III и был внучатым племянником Хильдеберта II. Выбор имени сына Брунгильды был скорее не столько реверансом в пользу Сигиберта III, сколько признанием того, насколько важную роль играл Хильдеберт II и в целом потомки Брунгильды и Сигиберта I для самосознания австразийской знати через восемьдесят лет после

описываемых событий[544]. Таким образом, в представлениях людей, живших в середине VII в., история и политическое единство Австразии как королевства (а не просто своего рода «земли») были связаны с воспоминаниями именно о семье Брунгильды, столь нелюбимой ее современниками. Это было тем более парадоксально, что потомки Сигиберта I и Брунгильды к середине VII в. уже потеряли все претензии на реальную власть. Таким образом, насильственная смерть Сигиберта в 575 г. по приказанию супруги Хильперика, королевы Фредегонды, хоть и привела в долгосрочной перспективе к исчезновению боковой династической линии, но сохранила ее в памяти как важный аспект самосознания знати в Австразии. Фактически результат был обратным: в Австразии сформировался своего рода «культ» злодейски убитого короля Сигиберта и «поминальное сообщество» знати, которое объединяло разрозненные земли «старой» Австразии (Реймса) и части земель в Бургундии и являлось основой той «большой» Австразии, которую мы привыкли видеть на картах франкского королевства. Это дает возможность утверждать, что лояльность местной знати выражалась не просто в отношении Меровингского рода как такового (*stirps regia*), а в отношении конкретной его «ветви». При этом стоит отметить, что эта ветвь могла не быть представлена конкретными живущими представителями и для лояльности было достаточно памяти о семье правителей. К середине VII в., таким образом, можно говорить о том, что сформировавшаяся концепция «королевства» (*regnum*) стала твердо ассоциироваться не с Меровингами в целом, а с конкретными «ветвями» этого рода.

В начале VII в. произошло существенное изменение баланса власти в рамках королевского рода, потому что соревнование между сыновьями Хлотаря I постепенно привело к ослаблению власти Сигиберта и его потомков, к временному усилению Гунтрамна и постепенному переходу власти в руки потомков Хильперика, но самое главное – в руки тех, кто поддерживал королеву Суассона Фредегонду. В частности, после правления в Нейстрии Хлотаря II, сына Хильперика, его собственного сына удалось сделать сначала королем Австразии, а затем и всего королевства франков. В дальнейшем, однако, принципы выбора короля из всех возможных отпрысков стали более сложными

[544] *Thomas H.* Die Namenliste des Diptychon Barberini und der Sturz des Hausmeiers Grimoald // Deutsches Archiv fur Erforschung des Mittelalters. 1969. Jg. 25. S. 17–63.

и малопонятными, потому что из двух сыновей Дагоберта Хлодвиг II, сын служанки Дагоберта саксонского происхождения, стал королем Нейстрии, притом что он, скорее всего, был младше, а Сигиберт III, сын от Рагнетруды, который был, соответственно, старше, стал всего лишь королем Австразии. Получается, что сын от служанки из региона, который находился далеко и не принадлежал к франкским землям (хотя это могла быть англосаксонская Англия), получил преимущество в Нейстрии, более романизированной части королевства франков и на тот момент, предположительно, более престижной в плане традиций власти и преемственности с обычаями позднеримского диоцеза Галлия. Принцип выбора правителя в данном случае мог объясняться неправильной датировкой[545]. Однако вероятно также, что на выбор повлиял статус матери Хлодвига Нантхильды, который она имела в силу того, что была приближена ко двору и имела много знатных покровителей в среде знати[546]. Но можно предложить и другое объяснение. Саксонское происхождение Нантхильды, будь она хоть из Саксонии как таковой, хоть из англосаксонской Англии, было важно для франкского королевства и его знати, потому что именно в этот период стали устанавливаться важные связи Галлии с Северным морем[547].

Рассмотренные сюжеты показывают, что смена представлений о принципах формирования королевских и аристократических династий в Средние века необходима и в работах, посвященных меровингской эпохе. Термин «династия» в отношении Меровингов и Каролингов находится в арсенале средств, используемых современными исследователями, но представляется возможным оспорить правильность его употребления. В отличие от других варварских племен, у франков динамика развития властвующей группы была особой: дихотомия королевской династии и отдельных военных предводителей, выбранных королями, у франков приняла форму взаимоотношений между Меровингским родом в целом и отдельными семьями (или, если употреблять средневековый французский термин, линьяжами (от фр. lignage)). Возможно, лучше использовать термин «семья»,

[545] *Courtois.* L'avènement de Clovis II et les règles d'accession au trône chez les Mérovingiens. P. 164.

[546] *Dupraz L.* Le premier duché de Bourgogne. Ses titulaires: leur famille, leur politique // Memoires et documents publiés par la Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 1961. T. 40. P. 21.

[547] *Wood.* The Merovingian North Sea. Vol. 1. P. 26.

снабжая его, однако, рядом оговорок. Потомков Хлодвига можно разделить на ряд семей, у каждой из которых была возможность стать династией правителей, передававших власть от отца к сыну. Однако не каждая из этих семей превратилась в династию. Наиболее успешной была «ветвь» рода, состоявшая из Хлотаря I, Хильперика, Хлотаря II, Дагоберта и Хлодвига II (т.е. суассонская ветвь Меровингов), которая с успехом вышла из ситуации династической неопределенности второй половины VI в. и смогла объединить всю Галлию под своей властью. Сыновей и внуков короля Нейстрии Хлодвига II и Балтхильды (Хлотарь III, 652–673; Хильдерик II, 653–675; Теодерих III, 654–691) можно тоже считать успешной «ветвью» (династией) Меровингов в полном смысле этого слова, так как именно в эпоху их правления была достигнута стабильность в Меровингском королевстве и Нейстрия с Австразией были объединены под властью потомков Хлодвига II. Семья Брунгильды, как мы упоминали, оставила о себе хорошую память в умах отдельных представителей австразийской знати, несмотря на то что против нее яростно боролись их предки. Однако были и другие ветви в рамках Меровингского рода, которые так и не превратились в семьи. Однако их интересы прямо противоречили друг другу, и борьба между ними и составляла основной сюжет меровингской истории второй половины VI — первой половины VII в.

Стоит отметить, что в отличие от Н.Д. Фюстеля де Куланжа используемая таким образом концепция «семьи» предполагает существование у раннесредневековых родственных групп не только семейно-родовых, но и своего рода «общественных» интересов и позволяет рассматривать процесс формирования вокруг этих семей надежной опоры королям из числа местной знати и епископата. Такая концепция семьи хорошо изучена в недавних работах, посвященных Каролингам. В случае Каролингов исследователи отмечают, например, что представители этой семьи, прежде всего Карл Великий и Людовик Благочестивый, могли подняться над сугубо семейными интересами и что в своей политике учитывали также и интересы представителей региональной знати, которые шли к ним на службу (например, в договорах в Кулэне 843 г. и в Кьерси в 877 г.)[548]. Ряд англоязычных исследователей подчеркнули в этой связи, что знать платила Каролингам за признание сторицей, шла к ним на службу и до

[548] *Riché P.* Carolingiens: une famille qui fit l'Europe. Paris, 1983. P. 144.

самого конца их правления признавала их изначальную легитимность как единственных общеевропейских суверенов[549]. Современные германоязычные исследователи говорят даже о различии между «государственной» и «реальной» властью, подразумевая под последней весь комплекс властных отношений, включавший семейно-родственные, клиентские и другие отношения зависимости[550], однако представляется возможным распространить этот процесс и на время правления Меровингов.

Можно сделать следующее обобщающее замечание относительно тенденций развития рода, семьи и династии на протяжении всей эпохи существования королевства франков. Мы видим, что в VI в. из рода потомков Хлодвига сначала выкристаллизовываются и оформляются отдельные семьи, а к концу VI в. между ними идет борьба за право стать династией. Победила суассонская ветвь, которая стала сначала династией нейстрийских королей, а затем и династией общефранкской. Но парадоксальным образом именно окончательное оформление Меровингов как династии совпадает по времени с теми процессами, которые дали возможность Эйнхарду в 830-х гг. говорить о последних меровингских королях как о малозначимых и потерявших реальную власть. Это позволяет выдвинуть гипотезу: в мире Раннего Средневековья любая семья, которая стремилась оформиться в виде династии путем отречения от родовых и семейных интересов, заведомо несла в себе зерна своего распада и ослабления. В свете этого понятными выглядят предчувствия Григория Турского, который видел на семье Хильперика, начинавшей всё более определенно оформляться в династию в 580-х гг., печать неблагополучия.

2.3.5. Согласие и мир в Галлии как историческая концепция Григория Турского

Анализ династической ситуации в конце VI–VII вв. позволяет заново обратиться к вопросу о соотношении тех образов власти, которые создавал Григорий Турский, и реальной ситуации в королевстве франков. Исследователи считали, что власть королей франков в этот период основывалась не на их варварском происхождении или

[549] *Airlie S.* The aristocracy in the service of the state in the Carolingian period // Staat im frühen Mittelalter / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006. S. 93–112.

[550] *Goetz H. W.* Die Wahrnehmung von «Staat» und «Herrschaft» im frühen Mittelalter // Staat im frühen Mittelalter. Wien, 2006. S. 39–58.

их способности быть военными предводителями, но на способности отправлять свою власть в правовых рамках общества франкского королевства (какими бы они ни были) и с оглядкой на церковь[551]. Попытаемся разобраться, что в данном случае было действительно широко распространенной системой воззрений, а что шло сугубо от взгляда историков и, в частности, Григория Турского. Как было показано, соперничество между Хильпериком и Хлотарем II, с одной стороны, и Сигибертом и Хильдебертом — с другой, имело объективные предпосылки. Основной причиной была неопределенность правил раздела власти между представителями различных ветвей династии. Описанное Григорием Турским в тонах библейской эсхатологии драматичное противостояние между братьями (Сигибертом и Хильпериком), а затем между дядей и племянником (Хильпериком и Хильдебертом), возможно, не имело столь трагической окраски в восприятии современников. Например, для Венанция Фортуната, поэта VI в., Хильперик был примером христианского короля, весьма образованного и заинтересованного в делах церкви. В трех стихотворениях, посвященных ему и королеве Фредегонде, он с большим пиететом отзывался об этом правителе[552]. Для контраста можем отметить, что взгляд Григория Турского на этого короля был крайне субъективным, потому что Хильперик был для него олицетворением «плохого правления». Возможно, не в последнюю очередь это было связано с длительным противостоянием епископа Тура и Хильперика, который несколько раз пытался распространить свое влияние на город, в котором находилась кафедра Григория[553].

Вполне вероятно, однако, что такое описание короля Хильперика и междоусобной борьбы во второй половине VI в. есть не просто отражение личного опыта и идиосинкразия Григория Турского. Нам представляется, что этот образ появляется не просто как зарисовка личных впечатлений, но как часть нарративов позднеантичного историописания, которые Григорий Турский активно использовал в своем сочинении. Как мы уже отмечали, он столкнулся с проблемой соединения в своем сочинении эсхатологических мотивов и описания реалий раннесредневекового королевства. Для Кассиодора или Беды

[551] *Le Jan.* La sacralite de la royaute merovingienne. P. 1227.
[552] Ven. Fort. Carm. Carm. IX. Lin. 1–3. P. 201–210.
[553] *James.* The Franks. P. 167–168.

приход варваров или их активное участие в устроении церкви в своем королевстве было своего рода окончанием пути, завершением процесса их интеграции в структуры средиземноморского христианского мира. У Григория, наоборот, приход франков знаменовал одновременно конец эсхатологических ожиданий, связанных с распространением арианства, и восстановление миропорядка посредством появления нового, христианско-католического королевства. Этот жанр был явно не к месту, когда ему приходилось описывать собственно деяния франкских королей (за исключением истории о крещении Хлодвига). Помня это, следует проанализировать другие сюжеты из его «Истории» и, в частности, те события, которые он имел возможность наблюдать сам. Особенно показательной для того чтобы понять, какие модели историописания Поздней Античности Григорий Турский использовал для описания варварского королевства, является борьба между королем Нейстрии Хильпериком и королем Австразии и затем Бургундии, его сводным братом Сигибертом, а потом с сыном последнего Хильдебертом, о которой мы писали в предыдущем параграфе. Если в случае с Хлодвигом мы должны опираться на догадки относительно методов историописания Григория Турского, то в случае с Хильпериком I и Хлотарем II у нас есть возможность сделать ряд интересных наблюдений, потому что об их деятельности косвенно сообщается в другом историческом сочинении, «Хронике» Фредегара. Когда в начале 590 г. Григорий Турский заканчивал свой труд, ему было неясно, чем кончится история сына короля Нейстрии Хильперика I, Хлотаря II, который стал признанным правителем всего франкского королевства только в начале VII в.

В изображении епископом Тура этого основателя «суассонской» (т.е. победившей) ветви Меровингской династии заметно в целом его отрицательное отношение к этому властителю. Тьерри принял на веру крайне отрицательную характеристику этого короля у Григория Турского и описывал его в еще более острых выражениях — как «полудикого вольнодумца» и как человека, который из всех франкских королей показывал наиболее пренебрежения к требованиям христианства[554]. По сравнению с текстом Григория Турского подобная характеристика является не более чем вымыслом. Хильперик I был королем «Суассонского королевства», к которому дважды (в 573

[554] *Тьерри.* Рассказы из времен Меровингов. С. 13–14, 16.

и 575 гг.) переходил под власть г. Тур, епархия Григория[555]. В первом случае власть в Туре захватил сын Хильперика. Этот король был также известен тем, что отменил завещания в пользу церквей, что, скорее всего, имело целью присвоение выморочной собственности. В особенности страдали от этого окрестности Тура и те земли, которые Григорий Турский считал своей епархией[556].

По этой причине не вызывает удивления то, что епископ Тура повествует об этом короле в негативном тоне. В частности, он говорит о способности Хильперика к обману[557]. Одним из первых эпизодов правления Хильперика, которое описывает Григорий, была попытка его сына жениться на вдове своего дяди, в результате чего Хильперик был вынужден заключить сына под стражу[558]. Историк не дает оценки этому факту, но этот сюжет заставляет нас задуматься, не считал ли автор правление короля «Суассонского королевства» отмеченным печатью неблагополучия. В других эпизодах Григорий Турский использует тему трагических отношений между отцом и сыном при изображении заведомых «неудачников», сметенных франками с исторической арены. В частности, именно такой образ создает он при описании Гундобада, автора «Lex Burgundionum», и его сына, бургундского короля Сигизмунда[559]. Сигизмунд, сын Гундобада, получил королевство после смерти своего отца. После того как он лишился своей первой жены, у него остался от нее сын Сигирих. Между ним и второй женой Сигизмунда отношения не сложились, и она подговорила короля убить сына. Король после совершённого преступления раскаялся и попытался замолить свой грех, постясь и плача. Однако в глазах Григория Турского это ему не помогло, и «возмездие Господа преследовало его по пятам»: франкский король Хлодомер, стремившийся завоевать Бургундию, в течение некоторого времени содержал Сигизмунда под стражей в окрестностях Орлеана, а потом убил его и всю его семью. Этот эпизод еще раз говорит нам, что Григорий Турский рассматривает семейные

[555] Greg. Tour. Hist. Lib. IV. Cap. 47; Lib. V. Cap. 48.

[556] Ibid.

[557] Тема лживости правителя является очень важной для позднеантичной историографии: например, можно отметить, как в своих «Анналах» Тацит рисовал императора Тиберия как человека, использовавшего притворство, «dissimulatio» для того, чтобы добиться своих неблаговидных целей.

[558] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 2.

[559] Ibid. Lib. III. Cap. 5–6.

неприятности прежде всего как признак, предвещающий неблагополучное правление, которое заканчивается трагической смертью властителей. Когда Григорий Турский сообщает о гибели сыновей Хильперика, а потом передает свой разговор с Сальвием, епископом Альби, то можно заметить, что этот король стал для него примером того, какие наказания могут настичь неправедных правителей. Слова коллеги Григория о том, что «над этим домом [т. е. домом Хильперика. — *Д. С.*] занесен обнаженный меч гнева Господня», являются заключением рассказа о неправедных деяниях этого правителя[560]. Детали, которые Григорий Турский последовательно вводит в описание правления Хильперика, создают, как мы уже говорили выше, отрицательный в целом образ этого правителя. Стоит заметить, что именно Хильперик, правитель «Суассонского королевства», чье потомство и получило в наследство всю Галлию, был для Григория Турского отрицательным примером того, каким должен быть король.

Положительным примером властителя для него был правитель Австразии Хильдеберт II (575–595), сын Сигиберта I и племянник Хильперика, который наследовал трон Австразии после смерти своего отца Сигиберта, но потомки которого, в отличие от потомков Хильперика, сошли с исторической арены. В соответствии с текстом Григория Турского, именно к Хильдеберту знать из окружения Хильперика стала переходить на службу после разочарования политикой короля Нейстрии, и именно он поддерживал хорошие отношения с Туром и способствовал распространению культа св. Мартина[561]. Правление этого короля было настолько важно для Григория Турского, что структурно описание его является центром повествования второй части «Истории» (с V по X кн.) — он датирует свое сочинение по годам правления Хильдеберта, даже когда рассказывает о Хильперике[562].

Однако, зная о будущей победе Хильперика и его ветви династии (чего не мог знать Григорий Турский), мы видим, что епископ Тура не смог (или не захотел) почувствовать значимость тех процессов объединения франкского королевства, во главе которых стояли короли из «суассонской» (или, говоря условно, «нейстрийской») династии Меровингов. Более того, в 585 г., вскоре после смерти Хильперика, он

[560] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 50.
[561] Ibid. Cap. 3.
[562] Ibid. Cap. 14; *Buchner*. Einleitung. S. XXII.

поторопился объявить Хильдеберта победителем[563], не зная о том, что конфликт будет продолжаться еще три года[564]. Хильперик I и его сын Хлотарь II были для него узурпаторами, которых преследовал рок, и примером проклятых богом королей.

Казалось бы, упомянутые эпизоды говорят нам, что при описании деяний франкских королей, своих современников, Григорий Турский ограничивается эпизодами человеческого падения и спасения, ставшими расхожими топосами в Поздней Античности и Раннем Средневековье. Однако такая оценка методов историописания Григория Турского нам представляется ограниченной. Правильная оценка взгляда Григория Турского на прошлое, который он использовал при обращении к истории франкского королевства второй половины VI в., немыслима без исследования его отношения к Орозию, сочинение которого Григорий считал своего рода примером для себя. Он призывал королей и знатных людей «ознакомиться тщательно с сочинениями древних» и, в частности, «отыскать, что писал Орозий о карфагенянах», когда речь шла о необходимости поддерживать согласие между правителями[565]. Он писал, что нужно обратить внимание на примеры того, как раскол между правителями всегда вел к немедленному завоеванию врагами[566]. Самым ярким примером для него был Рим времен республики, который был практически уничтожен гражданскими войнами и практически восстал из пепла после их прекращения[567]. То, что этот текст был важным для образованных людей Раннего Средневековья, может быть косвенно подтверждено переводом «Семи книг против язычников» на англосаксонский, выполненным при короле Альфреде (849–899)[568].

---

[563] Greg. Tour. Hist. Lib. VII. Cap. 47.

[564] Ibid. Lib. IX. Cap. 19; *Buchner*. Einleitung. S. XXII.

[565] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio: «Requirite, quod de Carthaginensibus scribat Orhosius, qui, cum post septingentos annos subversam dicat civitatem et regionem eorum, addidit: Quae res eam tamdiu servavit? Concordia. Quae res eam post tanta distruxit tempora? Discordias» (Отыщите, что писал Орозий о карфагенянах, когда он, рассказав о том, что город и страна их после семисотлетнего существования были разрушены, добавил: «Что сохраняло его так долго? Согласие. Что сокрушило его после столь долгих времен? Разногласие»).

[566] Ibid.

[567] Ibid: «Quotiens et ipsa urbs urbium et totius mundi capud ingens bella civilia diruit, quae cessante, rursum quasi ab humo surrexit» (Сколько раз и сам город городов, столица всего мира, приходил в упадок с началом гражданских войн, но с прекращением войн он вновь поднимался словно из пепла).

[568] King Alfred's Anglo-Saxon version of Orosius / ed. J. Bosworth. London, 1859.

Красной нитью через повествование о противостоянии Хильперика с одной стороны и Сигиберта и его сына Хильдеберта с другой, проходит идея о трагичности этого времени. Григорий Турский описывает данный период как гражданскую войну, в которой отец поднялся на сына, сын на отца, брат на брата, родственник на родственника[569]. Это был не просто удачный парафраз цитаты, потому что дальшейшее описание истории короля Хильперика совпадает с этой схемой. Вначале (что соответствует фигуре речи «поднялся отец на сына») Хильперик был вынужден собрать свои войска и выступить против своего сына Меровея, чтобы увести его из Руана, где тот уже успел жениться на вдове своего дяди Брунгильде. Этот эпизод говорит о полном пренебрежении Меровеем правами церкви[570]. Меровей, хоть и был

[569] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio: «Taedit me bellorum civilium diversitatis, que Francorum gentem et regnum valde proterunt, memorare; in quo, quod peius est, tempore illud quod Dominus de dolorum praedixit initium iam videmus: Consurgit pater in filium, filius in patrem, frater in fratrem, proximus in propinquum» (Мне опостылело рассказывать о раздорах и междоусобных войнах, которые весьма ослабляют франкский народ и его королевство. Но что еще хуже, мы уже видим, как в наше время сбываются предсказания Господа о начале бедствий: «Восстанет отец на сына, сын на отца, брат на брата, ближний против ближнего»).

[570] Ibid. Cap. 2, 3: «Chilpericus vero filium suum Merovechum cum exercitu Pectavus dirigit. At ille, relictam ordinationem patris, Toronus venit ibique et dies sanctos paschae tenuit. Multum enim regionem illam exercitus eius vastavit. Ipsi vero simolans ad matrem suam ire velle, Rodomago petiit; et ibi Brunichilde reginae coniungitur, ea quoque sibi in matrimonio sociavit. Haec audiens Chilpericus, quod scilicet contra fas legemque canonicam uxorem patrui accepisset, valde amarus dicto citius ad supra memoratum oppidum dirigit. At ille, cum haec cognovissent, quod eosdem separare decernerit, ad basilicam sancti Martini, quae super murus civitatis ligneis tabulis fabrecata est, confugium faciunt. Rex vero adveniens, cum in multis ingeniis eos exinde auferre niteretur et illi, dolosae eum potantes facere, non crederent, iuravit eis, dicens: "Si", inquid, "voluntas Dei foret, ipse hos separare non conaretur". Haec illi sacramenta accipientes, de basilica egressi sunt; exosculatisque et dignanter acceptis, epulavit cum eis. Post dies vero paucus adsumpto secum rex Merovecho Sessionas rediit <...> Quae postquam acta sunt, rex propter coniugatione Brunichildis suspectum habere coepit Merovechum, filium suum, dicens, hoc proelium eius nequitia surrexisse; spoliatumque ab armis, datis custodibus, libere custodire praecipit, tractans, quid de eo in posterum ordinaret» (Хильперик же отправил своего сына Меровея с войском против Пуатье. А тот, оставив без внимания приказание отца, прибыл в Тур и находился там во дни святой пасхи. Его войско сильно опустошило ту область. Сам же он, делая вид, что хочет поехать к своей матери, устремился в Руан. И там он встретился с королевой Брунгильдой и взял ее себе в жены. Хильперик, узнав о том, что Меровей, вопреки естеству и каноническим законам, женился на жене своего дяди, крайне огорченный этим известием, поспешил в упомянутый город. Когда же они узнали о том, что Хильперик решил их разлучить, они нашли убежище в базилике святого Мартина, которая была построена из дерева

пострижен отцом в монахи, сбежал и явился в Тур. Описание этого эпизода говорит о том, что Григорий Турский действительно видел в этой истории следы неуважения к церкви, что в его системе координат было одной из центральных тем описываемого периода времени[571]. Его пребывание в Туре вызвало у его окружения ряд предположений, что именно он будет королем после Хильперика. Таким образом, подрыв авторитета церкви был напрямую связан и с подрывом авторитета короля[572]. Но когда Меровей все-таки был вынужден сдаться дружине

за стенами города. Прибывший же туда король старался выманить их оттуда, применяя многочисленные уловки, но они, понимая, что он хитрит, не верили ему. Тогда он дал клятву, говоря: «Если это было по Божьей воле, то я сам не стану пытаться их разлучать». Вняв этой клятве, они вышли из базилики. Облобызав и приняв их достойно, Хильперик разделил с ними трапезу. Но спустя несколько дней Хильперик, взяв с собой Меровея, возвратился в Суассон. <...> После этих событий Хильперик начал подозревать своего сына Меровея, в связи с его брачным союзом с Брунгильдой, в том, что это сражение произошло из-за его козней. Обезоружив и отдав его под стражу, он велел содержать его под домашним арестом, обдумывая, как с ним поступить далее).

[571] Ibid. Cap. 14: «Post haec Merovechus, cum in custodia a patre reteneretur, tunsoratus est, mutataque veste, qua clericis uti mos est, presbiter ordenatur et ad monasterium Cinnomannicum qui vocatur Aninsola dirigitur, ut ibi sacerdotali eruderetur regula. Haec audiens Gunthchramnus Boso, qui tunc in basilica sancti Martini, ut diximus, resedebat, misit Riculfum subdiaconum, ut ei consilium occulte praeberet expetendi ad basilicam sancti Martini. Qui cum abisset, ab alia parte Gailenus puer eius advenit. Cumque parvum solatium qui eum ducebant haberent, ab ipso Gaileno in itenere excussus est, opertoque capite indutusque veste saeculari, beati Martini templum expetiit» (После этого Меровея, который всё еще содержался отцом под стражей, постригли, облачили в одежду, которую обычно носят клирики, рукоположили в пресвитеры и направили в монастырь, называемый Аниссола, в Ле-Мане, чтобы там он получил наставления о священнических обязанностях. Узнав об этом, Гунтрамн Бозон, который тогда находился, как мы сказали, в базилике святого Мартина, послал иподиакона Рикульфа, который тайно подал бы ему [Меровею. – *Д. С.*] совет: искать убежища в базилике святого Мартина. Когда Меровей был в пути, ему повстречался его слуга Гайлен. И так как охрана, сопровождавшая Меровея, была малочисленной, то Гайлен освободил его. Покрыв голову и надев мирскую одежду, Меровей устремился в храм блаженного Мартина).

[572] Greg. Tur. Hist. Lib. V. Cap. 14: «Quae haec ei per puerus mandata remisit: "Futurum est enim, ut rex Chilpericus hoc anno deficiat et Merovechus, exclusis fratribus, omni capiat regnum. Tu vero ducatum totius regni eius annis quinque tenebis. Sexto vero anno in una civitatum, quae super Legeris alveum sita est, in dextera eius parte, favente populo, episcopatus gratiam adipiscis ac senes et plenus dierum ab hoc mundo migrabis"» (Она ответила ему через слуг следующее: «А будет так, что в этом году умрет король Хильперик, и король Меровей будет править всем королевством, избавясь от братьев. Ты же будешь герцогом всего его королевства в течение пяти лет. Но на шестой год с помощью народа ты получишь епископство в одном городе, расположенном на реке Луаре, на правом ее берегу, и, исполненный дней, старцем покинешь этот мир»).

отца, он покончил жизнь самоубийством, боясь возмездия. В этой истории отдельные ее эпизоды, имевшие крайне драматичный характер, напрямую накладывались на отношение к церкви[573].

Можно утверждать, что в своей «Истории» Григорий Турский в значительной степени использовал историографическую концепцию Орозия, призывая обращаться к нему, чтобы понять, что только согласие между властителями давало возможность достижения порядка «во франкском народе и его королевстве»[574]. И здесь, не вдаваясь в детали, нужно расставить акценты относительно основных аспектов исторических воззрений Орозия. Традиционно историки Нового времени полагали, что метод отбора и оценки исторических событий Орозием был в значительной степени оригинален. В недавней работе, посвященной трудам Орозия, была сделана попытка показать, что отношение этого автора к римской истории было более оптимистичным, чем, например, у Августина Блаженного. В частности, современные исследователи подчеркивают, что Орозий видел в истории Рима и позитивные стороны, отмечая, что с установлением

[573] Ibid. Cap. 18: «Merovechus vero, dum in Remensem campaniam latitaret nec palam se Austrasiis crederit, a Tarabannensibus circumventus est, dicentibus, quod, relicto patre eius Chilperico, ei se subiugarent, si ad eos accederit. Qui velociter, adsumptis secum viris fortissimis, ad eos venit. Hi praeparatus detegentes dolos, in villam eum quandam concludunt et, circumseptum cum armatis, nuntius patri dirigunt. Quod ille audiens, illuc properare distinat. Sed hic cum in hospitiolo quodam reteneretur, timens, ne ad vindictam inimicorum multas lueret poenas, vocatum ad se Gailenum familiarem suum, ait: "Una nobis usque nunc et anima et consilium fuit; rogo, ne patiaris me in manibus inimicorum tradi, sed, accepto gladio, inruas in me". Quod ille nec dubitans, eum cultro confodit. Advenientem autem regem, mortuos est repertus. Extetirunt tunc qui adsererent, verba Merovechi, quae superius diximus, a regina fuisse conficta, Merovechum vero eius fuisse iussu clam interemptum» (Меровей же, скрываясь в Шампани, в Реймсе, и не показываясь открыто австразийцам, попал в засаду, устроенную людьми из Теруана. Они сказали ему, что если он к ним придет, то они, оставив отца его Хильперика, подчинятся ему. Взяв с собой самых храбрых людей, Меровей быстро отправился к ним. А те, уже не скрывая замышляемых козней, окружили его в какой-то вилле и, расставив вокруг нее вооруженных людей, отправили гонцов к его отцу. После того как Хильперик узнал об этом, он решил немедленно туда ехать. Меровей, сидя под стражей в каком-то доме и боясь страшного наказания со стороны мстительного врага, позвал к себе Гайлена, верного ему, и сказал: «До сих пор у нас с тобой были любовь и согласие во всем, прошу тебя, не допусти, чтобы я попал в руки врагов, возьми меч и убей меня». Гайлен, не колеблясь, пронзил Меровея кинжалом. Когда король прибыл, он нашел Меровея уже мертвым. Тогда некоторые утверждали, что слова Меровея, приведенные мною выше, были выдуманы королевой, а на самом деле Меровей был тайно убит по ее приказанию).

[574] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Praefatio.

империи «Вечный город» смог избавиться от тех катастроф, которые преследовали его в эпоху республики[575].

Несмотря на то что современные исследователи оценили Орозия в более оптимистическом ключе, восприятие его у Григория, как нам кажется, все-таки было близко к более традиционной точке зрения на него как на «историка катастроф». Орозий, вслед за Августином, обратился к истории, чтобы доказать свой тезис о трагичном конце Римской истории, который противоречил как мнению Симмаха, префекта Рима (ум. 402 г.), так и утверждениям пелагиан[576]. В частности, считается, что Орозий видел римскую историю как драму, в которой периоды успеха, достигнутого благодаря единству, перемежались периодами распада, связанного с внутренними раздорами и несогласием. Историки пишут, что в целом это сочинение было «далеко от Рима»[577]. Специалисты отмечают тот факт, что, как и сочинение Орозия, «История» епископа Тура пронизана идеологией падения нравов человечества и его спасения благодаря христианству и что некоторые события раннесредневековой истории в ней могут казаться более драматичными, чем об этом сообщают другие историки[578]. В «Истории» Григория, вполне в духе сочинения Орозия, можно найти эсхатологические мотивы, которые могут отчасти объяснить подчеркнуто драматическое изложение некоторых событий[579]. В поисках волнующих ситуаций, ставящих простых людей, епископов и властителей перед моральным выбором, Григорий Турский, как и Орозий, стремился показать, как неправильный выбор, обусловленный пренебрежением к христианскому идеалу поведения, вел к развитию ситуации от плохого к худшему. В описании «проклятого дома» суассонских королей во главе с Хильпериком I можно увидеть не столько зарисовки с натуры, сколько попытку описания их дрязг посредством использования

---

[575] *Goetz.* Die Wahrnehmung; *Тюленев В.М.* 1) Вступительная статья // Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–III. СПб., 2001; 2) К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3. Филология. История. Философия. С. 85.

[576] [Q. Aurelius Symmachus]. Q. Aurelii Symmachi quae supersunt // Symmachi opera Bd. 6. T. 1 / hrsg. von O. Seeck. München, 2001. (MGH Auctores Antiquissimi).

[577] *Lippold A.* Orosius, christlicher Apologet und römischer Bürger // Philologus. 1969 Jg. 113. S. 92–105; *Уколова В.И.* Античное наследие и культура Раннего Средневековья М., 1989. С. 138.

[578] *Goffart.* The narrators. P. 153.

[579] *Heinzelmann.* Gregor von Tours. S. 203.

образа гражданской войны в соответствии с историографическими приемами Орозия.

Именно благодаря сочинению Григория Турского у историков создалась картина успешного захвата Хлодвигом Суассона и последующего триумфального шествия франков по Галлии. В частности, именно это происходит, когда «История» Григория Турского используется как аргумент в пользу тезиса о «франкском господстве» в Европе в VI в.[580] Однако эта картина может и не соответствовать действительности. Эсхатологическая тема в сочинении этого епископа и тема поиска согласия между правителями франков, в качестве гарантов которого Григорий Турский видел епископов, как нам кажется, были навеяны некоторыми мотивами исторических сочинений Поздней Античности.

В отличие от многих своих предшественников, создавших сочинения о других варварских королевствах в жанре *origo gentis*, Григорий Турский воспринимал франков не как племя, а сугубо как род варварских правителей и их окружение[581]. Они не являлись для него силой, которая обеспечивала поддержание мира в Галлии. В его истории именно епископы устанавливают справедливый порядок и от них зависит поддержание мира не только в своих диоцезах, но и в Галлии в целом, в то время как правители всё время конфликтуют, ища себе ссор[582]. В этом смысле можно сказать, что для епископа Тура Галлия VI в. ничем не отличалась от позднеантичного мира, в котором зародились и для которого были характерны представления о ключевой роли епископов в деле поддержания мира[583]. Это позволяет согласиться с выводами историков о том, что Григорий Турский писал не историю франков, а скорее продолжение истории римской Галлии,

---

[580] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 209.

[581] *Diesenberger, Reimitz.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft. S. 262.

[582] *James E.* «Beati pacifici»: bishops and the law in sixth-century Gaul // Disputes and settlements: Law and human relations in the West / ed. J. Bossy. Cambridge, 1983. P. 25–46; *Van Dam.* Leadership and community. P. 197–205.

[583] *Brown P.* 1) Christianity and local culture in Late Roman Africa // Journal of Roman studies. 1968. Vol. 58. P. 85–95; 2) The World of Late Antiquity, 200–750. London, 1971; 3) Power and persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian empire. Madison, 1992; *Klingshirn W.* 1) Authority, consensus, and dissent: Caesarius of Arles and the making of a Christian community in Late Antique Gaul: PhD thesis. Stanford: Stanford University, 1985; 2) Charity and power: Caesarius of Arles and the ransoming of captives in sub-Roman // Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 183–202.

в которой значительную роль играли представители галло-римской элиты, ставшие епископами, но правили франкские короли[584].

Нам представляется оправданным утверждать, что Григорий Турский не просто был знаком с образцами позднеантичного историописания, а умело использовал различные историографические концепции при составлении своего повествования. Его текст — это не столько живые зарисовки из истории раннесредневековой Галлии, сколько результат выбора и адаптации фундаментальных историографических концепций к франкскому материалу. Зависимость от историографических традиций Поздней Античности говорит о том, что сочинение этого епископа нужно воспринимать не как отражение действительности, а как преломление ее в рамках сложившихся к тому времени методов историописания. Григорий Турский внутренне жил в Поздней Античности, и это можно увидеть в его представлениях о Галлии VI в. Он не был беспристрастным описателем реальности: он активно конструировал ее, используя для этого взгляды на исторический процесс и методы описания действительности, характерные для Поздней Античности. Отсутствие интереса к «племенной истории» (*origo gentis*) и взгляды, напоминавшие историческое мировоззрение Орозия и в чуть меньшей степени Евсевия Кесарийского, заставляют нас видеть в «Истории» Григория Турского попытку создания всеобщей христианской истории на примере Галлии (а точнее, на примере Тура и тех областей Галлии, с королями и епископами которых Григорию довелось вести дела).

Одновременно, в отличие от того же Кассиодора, Григорий Турский добился большего соответствия приемов и метафор предшествующей эпохи реалиям раннесредневековой Галлии, чем некоторые его современники. В отличие от Кассиодора, в сочинениях которого мы с трудом можем различить «варваров» через флер позднеантичных образов, у Григория Турского мы находим индивидуальные образы «плохих» и «хороших» франкских королей, созданные путем адаптации позднеантичных топосов к реалиям франкской Галлии. Григорий Турский смог решить задачу, которая была не по силам Орозию, Кассиодору, Иордану и Исидору Севильскому, — а именно он не просто заимствовал и копировал методы позднеантичного историописания, а смог соединить в одном сочинении и церковно-эсхатологическую

[584] *Monod.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. T. 1. P. 125–127.

концепцию, и описание вторжения варваров в пределы Римской империи. Более того, эти образы были не просто адаптированы, а сконструированы так, чтобы обосновать привилегии епископской кафедры Тура. Для Григория Турского центральной при описании реалий второй половины VI в. становится идея «согласия» (взятая у Орозия), с помощью которой историк описывал вполне объективные и естественные для этой эпохи процессы формирования различных ветвей и затем династий в роде Меровингов. При этом он создавал, вполне в духе Орозия, весьма эсхатологическую и крайне драматичную картину междоусобной борьбы за власть между потомками Хлотаря I в конце VI в. На самом же деле, как мы попытались показать, Григорий Турский не увидел или не захотел увидеть вполне закономерный и успешно завершившийся впоследствии процесс формирования нейстрийской королевской династии Хильперика. Переоценка способа обращения к прошлому, взятого на вооружение Григорием Турским в качестве примера, и отношение к нему как к иллюстрации выбора и сознательного следования историографической традиции заставляют нас по-другому взглянуть на королевство франков в конце VI и начале VII в.

2.4. Увядание или стабильность: Франкское королевство в VII–VIII вв. и его образ в исторических сочинениях

Образы власти, сложившиеся в VI в., обладали рядом специфических черт, характерных только для этого столетия. С приходом новой эпохи, периода VII–VIII вв., в системе представлений о власти и в самой ее структуре происходит ряд значимых изменений, которые делают это время непохожим на первое столетие правления Меровингов. Смена взглядов на власть особенно заметна, если посмотреть на основные источники, в которых эти взгляды проступают наиболее отчетливо, а именно исторические сочинения и хроники. Взгляды исследователей на суть истории франкского королевства меняются, что хорошо видно при сравнении с сочинением Григория Турского «Хроники» Фредегара, его Продолжателя и «Истории франков».

Для проведения этого сравнения нужно сначала напомнить основные события этой эпохи. К началу VII в. оформились границы трех основных частей королевства франков — Нейстрии, Австразии и Бургундии, а те образования, которые мы условно могли бы назвать

«Суассонским» и «Орлеанским» королевствами, отошли в прошлое. В Австразии правили два сына короля Хильдеберта II (575–595), которого Григорий Турский изобразил как пример для всех королей в своей «Истории»: Теодеберт II (596–612) и Теодерих II (595–613). После их смерти королем на один год стал малолетний внук Сигиберта I Сигиберт II (613), который вскоре скончался. И тогда Хлотарь II (584–629), правитель из «Суассонской» ветви Меровингской династии и сын Хильперика I (561–584), главного «отрицательного героя» «Истории» Григория Турского, подчинил себе всю франкскую Галлию и объединил раздробленные королевства Меровингов под своей властью[585]. «Суассонская» ветвь Меровингской династии, положение которой было весьма шатким в конце VI в., теперь укрепилась и подчинила себе уже всё королевство франков. Эти события были продолжением тех тенденций, которые мог наблюдать еще Григорий Турский. Поэтому при обращении к историческим сочинениям, описывающим VII в., возникает вопрос, в чем взгляды историков этого периода были сходны со взглядами епископа Тура, а в чем они различались.

Важнейшим источником по истории этого периода является «Хроника» Фредегара, автору которой удалось охватить большинство важнейших событий VII в.[586] Эта хроника была издана Б. Крушем, а перевод ее вышел в издании Дж. Уоллес-Хадрилла[587]. Исследованиям этого сочинения было посвящено несколько работ, которые

---

[585] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 172.

[586] The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar with its Continuations / ed. and transl. by J.M. Wallace-Hadrill. London, 1960. P. IX: «[It] occupies a vital position in the history of Frankish Gaul <...> first, because of the intrinsic importance of the information it contains; and secondly, because it is the only source of any significance for much of the period it covers. Together with the Decem Libri Historiarum of Gregory of Tours and the Neustrian chronicle known as the Liber Historiae Francorum, it constitutes a nearly continuous history of Gaul from the end of Roman rule to the establishment of the Carolingians, a period of three centuries» (Это сочинение занимает важнейшее положение в истории франкской Галлии, во-первых, в силу заведомой важности информации, которую оно содержит, и во-вторых, потому что оно является единственным источником по периоду, который оно описывает. Вместе с «Десятью книгами историй» Григория Турского и нейстрийской хроникой, известной как «Книга истории франков», оно составляет практически неразрывное повествование по истории Галлии от окончания существования Римской империи до прихода к власти Каролингов, т.е. помогает охватить период длительностью в три века).

[587] Fred. Chron.

выдвинули ряд противоположных воззрений относительно его авторства. Самой влиятельной из них является точка зрения Г. Курта и Дж. Уоллеса-Хадрилла. В начале XX в. Курт выдвинул гипотезу, что наиболее оригинальная, четвертая книга «Хроники» состоит из трех частей, каждая из которых была написана отдельным автором. Первые три книги (являющиеся простой компиляцией из «Хроники» Евсевия Кесарийского в переводе Иеронима, работы Идация, сочинений Исидора Севильского и первых шести книг Григория Турского) и часть четвертой книги — до 613 г., по мнению Курта, написал один автор (условно называемый «Фредегар»), другой автор продолжил вести погодную запись событий до 632 г., а закончил третий. Как подчеркнул этот исследователь, авторы первых двух частей были из Бургундии (т.е. тот, кого мы, собственно, и называем «Фредегаром», и первый из его продолжателей), хотя второй из них знал не только события в этом королевстве, но также и положение дел в Нейстрии (а именно, он мог бывать в Париже). В частности, эта часть «Хроники» сообщает не только о бургундских делах, но и детально повествует о вступлении королей в Париж. Третий же автор, как он считал, был связан с Австразией, хотя и поддерживал не меровингских королей, а майордома Гримоальда[588]. К этой же точке зрения присоединились ряд других авторов.

Однако во второй половине XX в. Уоллес-Хадрилл провел критический разбор этих теорий и сделал попытку показать, что автор у «Хроники» один[589]. Некоторым недостатком его теории является то, что, если автор один, то писал он, скорее всего, в 630-е гг., что опровергается его хорошим знакомством с событиями в Бургундии 580–610-х гг. На данный момент в этой области утвердилось устойчивое равновесие и исследователи вынуждены выбирать для себя ту точку зрения, которая кажется им наиболее доказанной. Но вопросы авторства не являются принципиальными для нас в этой работе, потому что для нашего исследования нам нужны третья книга и первая часть четвертой книги.

До настоящего времени большинство исследователей, обращавшихся к «Хронике» Фредегара, как правило, ставили перед собой

[588] *Kurth G.* Fredegarius // The Catholic Encyclopedia. Vol. 6. New York, 1909. P. 251–252.

[589] The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar with its Continuations. P. XVI–XXV.

вопросы о времени, месте и авторстве этого сочинения. Но в отношении самого текста, даже в большей степени, чем в отношении «Истории» Григория Турского, современный исследователь имеет основания поставить вопрос о системе взглядов автора (или авторов) на власть франкских королей, а также о том, насколько воззрения раннесредневекового историка зависели от тех реалий, в которых он жил. Актуальным представляется сформулировать задачу иначе, чем это делали историки XX в., и обратить внимание, можно ли в разночтениях между Фредегаром и его предшественником (Григорием Турским) и последователями (продолжателями Фредегара, сколько бы их ни было, и анонимным автором «Истории франков») заметить отражение тех тенденций в изменении представлений о власти, о которых мы узнаём из других источников.

В представлениях о власти Фредегара и Григория Турского было сходство, которое позволяет говорить о преемственности исторических концепций. Так же как и у Григория Турского, у Фредегара мы находим представление, что Меровинги были легитимными королями и что восставшие против них магнаты совершали неправомерное насилие. Но описания вражды между королями и светскими магнатами у Фредегара менее развернуты, чем у Григория Турского, и не содержат столь выпуклых оценок ситуации. Так, например, Григорий Турский сообщает о казни Раухинга и двух других знатных людей из окружения Хильдеберта за замысел убийства короля[590]. Этот же сюжет мы находим у Фредегара, хотя и в намного более лапидарном виде[591]. Фредегар начинает четвертую книгу своей хроники (оригинальную и наименее компилятивную) с рассказа о короле Бургундии Гунтрамне, которого он называет лучшим из всех франкских королей. Он оценивает этого короля так высоко потому, что тот искал согласия с церковной иерархией и со знатью: «Когда король Гунтрамн правил Бургундией 23 года, с клиром вел себя как клирик, с лейдами был самым достойным [в военном деле. — *Д. С.*] и много раздавал милостыни нуждающимся, и настолько поддерживал благосостояние ко-

[590] Greg. Tour. Hist. Lib. IX. Cap. IX.

[591] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 8: «Ipsoque tempore Rauchingus, et Boso Guntchramnus, Ursio, et Bertefridus optimates Childeberti regis, eo quod eum tractaverint interficere, ipso rege ordinante interfecti sunt» (В то же самое время Раухинг, и Гунтрамн Бозо, Урсион и Бортефрид, все значительного статуса люди при короле Хильдеберте, которые хотели его убить, были по приказу этого короля убиты).

ролевства, что многие соседние народы воспевали его» («Guntramnus rex francorum cum iam anno 23 Burgundiae regnum bonitate plenus feliciter regebat, cum sacerdotibus utique sacerdus ad instar se ostendebat et cum leudis erat aptissimus aelemosynam pauperibus large tribuens, tante prosperotatis regnum tenuit, ut omnes etiam vicinas gentes ad plinitudinem de ipso laudis canerent»)[592].

Для Фредегара, так же как и для епископа Тура, Меровинги, знать и епископы были тремя основными группами, баланс сил между которыми и составлял основу мирного существования франкского королевства. Наличие согласия между ними было условием нормального и мирного развития франкских королевств.

Об этом говорит то, что описания конфликтов в королевстве франков, которые он считал достойными упоминания, выглядят у Фредегара так же, как и в сочинении Григория Турского. Причины конфликтов, описываемых Фредегаром, мы видим, как правило, в нарушении баланса сил между епископатом (или отдельными его представителями) и королями. Например, историк VII в. сообщает, что в 603 г. король Австразии Теодерих, по совету епископа Лиона Аридия и по подстрекательству своей тетки Брунгильды, изгнал св. Дезидерия из Каора. Однако в 607 г. он вынужден был вернуть его обратно[593]. Взаимодействие и согласие светских властителей и представителей церковной иерархии лежало в основе политики в королевстве франков как в тот период, который описывал Григорий Турский, так и тогда, когда свою «Хронику» писал Фредегар.

Однако Фредегар принципиально иным образом, чем Григорий Турский, рассматривал начало франкской истории. Епископ Тура стремился нарисовать Хлодвига как «нового Константина», правление которого в Галлии ознаменовало окончание апокалиптических ожиданий со стороны епископата и восстановление миропорядка, нарушенного широким распространением арианской и других ересей (в частности, благодаря усилению вестготов в Испании к началу VI в.). В отличие от Григория Турского, Фредегар давал развернутую историю и генеалогию правителей франков (т.е. Меровингов) до их прихода в Галлию, что делало его сочинение похожим на «Историю»

[592] Ibid. Cap. 1; *Мажуга В.И.* Королевская власть и церковь во франкском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Л., 1990. С. 70.

[593] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 24, 32.

Кассиодора и «Гетику» Иордана. В этом смысле сочинение Фредегара более соответствовало тем историческим концепциям, которые сложились в средиземноморских, т.е. наиболее романизированных провинциях Западной Римской империи. Его «Хроника» описывала королевство франков как исторически сложившееся образование, возникшее в системе власти поздней Римской империи и, таким образом, олицетворявшее собой преемственность с позднеантичными традициями. Фредегар считал раннесредневековую Галлию наследником Западно-Римской империи, в то время как, например, для Кассиодора в этой роли выступало королевство остроготов[594]. Его интерес к генеалогии франков, которую он начинал с легендарного Меровея, способствовал созданию образа преемственности между римской Галлией, в которой уже расселились отдельные франкские роды, и той Галлией, в которой один род — Меровинги — уже взял власть в свои руки[595]. Эта генеалогическая преемственность показывает, что он рассматривал меровингские франкские королевства как продолжение того порядка вещей, который начал складываться еще в позднеримской Галлии, а самих Меровингов — как символ этой преемственности[596].

Более того, в отличие от Григория Турского, Фредегар в ином ключе рассматривал разделы франкского королевства. В отличие от своего предшественника, историк VII в. признал факт существования Нейстрии, Австразии и Бургундии как сформировавшихся королевств[597].

Однако парадоксальным образом, хотя властителями Галлии и наследниками римского порядка вещей Фредегар видел только Меровингов, в его восприятии «франки» не были этносом. Последние исследования современных ученых показали, что в глазах автора «Хроники» принадлежность к этой группе обусловливалась не происхождением или кровным родством, а престижем (в случае знатного и влиятельного человека) и положением (в случае властителя или придворного)[598].

---

[594] *Heather.* Gens and regnum. P. 115–116.

[595] Fred. Chron. Lib. III. Cap. 1–10.

[596] *Diesenberger, Reimitz.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft. S. 255.

[597] *Plassmann A.* Origo gentis: Identitätsund Legitimitätsstiftung in frühund hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. Berlin, 2006. (Orbis mediaevalis. 7). S. 149.

[598] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 73; *Goetz.* Die germanisch-romanische Kultur-Synthese. S. 559; *Wood.* Defining the Franks: Frankish origins in early medieval historiography; *Fouracre.* The nature of Frankish political institutions in the seventh century. P. 297.

Для Фредегара Хлодвиг и его потомки, жившие в VI в., а также их окружение, которое автор хроники называл «франками» вне зависимости от их действительной этнической принадлежности, были своего рода «промежуточным звеном» между римской Галлией и франкским королевством в его оформившемся, окончательном виде. Одновременно отношение Фредегара к Меровингам было отмечено дуализмом, так как он видел во франкских властителях продолжателей дела провинциальной администрации Галлии и одновременно группу людей, чье правление изначально, еще со времени расселения в римской Галлии, представляло собой своего рода альтернативу средиземноморской, римской традиции власти. В этом взгляды Фредегара на франков как на королевский род, выкованный в горниле «переселения народов» и получивший право называть себя «франками», полностью соответствовали традиции «генеалогически-племенного историописания» Кассиодора, Иордана и Беды и значительно отличались от христианско-эсхатологических взглядов Григория Турского, который не видел в светских правителях Галлии королевского рода с позднеантичными корнями. В этом и состоял резкий контраст исторической концепции Фредегара с тем видением истории Галлии, которое можно найти у Григория Турского.

Похожий взгляд на историю Галлии мы находим и в «Истории франков» («Liber historiae francorum») неизвестного автора, которая, скорее всего, была написана в VIII в. Это сочинение является независимым историческим источником в том, что касается истории Меровингского королевства во второй половине VII и первой половине VIII в. Династия Меровингов для автора этого сочинения ассоциировалась с франками, понимаемыми именно как этническая группа, а не просто как группа людей во власти, как это было у Фредегара[599]. Автор развивал историческую концепцию Фредегара: если для того позднеантичная история Галлии была связана с именами правителей, чей род превратился затем в Меровингов, то автор «Liber historiae francorum» уже видел не конкретно Меровингов, а франков в целом как фактор позднеантичной политики в Галлии. Поэтому «королевство франков» приобрело для автора «Liber historiae francorum» реальный смысл как политическое образование, связанное кровными

[599] *McKitterick R.* Akkulturation and the writing of history in the early Middle Ages. S. 261.

узами правителей. Короли и династия занимали не просто важное, а центральное место в системе координат автора «Истории франков», причем именно как правители однородной племенной группы. Но как и у Фредегара, у автора этого исторического сочинения мы находим только историческую концепцию «племенной истории», в которой создание королевства франков было своего рода логическим продолжением всего позднеантичного развития. У него, как и у автора (или продолжателя) «Хроники», мы не находим того внимания, которое было уделено эсхатологизму и полемике с ним у Григория Турского, и тем более не видим использования шаблонов церковной истории с приравниванием кого-либо из королей правящей династии к Константину Великому.

С другой стороны, тема согласия правителей как *sine qua non*, без которого не может существовать королевство, получившая развитие у Григория Турского при описании им противостояния «суассонской» и «австразийской» ветвей потомков Хлодвига, стала в этих исторических сочинениях приобретать всё большее, практически центральное значение. Это становится ясно, если обратить внимание на то, что в процессе компиляции истории франков в VI в. Фредегар использовал только первые шесть книг «Истории» Григория Турского. Это дало возможность издателю текста «Истории» выдвинуть гипотезу, что Фредегар и автор «Liber historiae francorum» знали только первые шесть книг епископа Тура по причине особенностей рукописной традиции[600]. Для Бухнера это было одним из доказательств того, что Григорий Турский писал свою историю частями и что существовала рукопись, в которой были только первые шесть книг «Истории».

Однако нам представляется, что это обращение Фредегара только к первым шести книгам «Истории» Григория Турского можно объяснить и по-другому. Стоит вспомнить, что книги с VII по X епископа Тура были посвящены борьбе короля «Суассонской» ветви династии Меровингов Хильперика и короля Австразии Хильдеберта. В них Григорий Турский подчеркивал отсутствие согласия между меровингскими королями и трактовал братоубийственную войну как закономерное следствие. Целью епископа Тура было создать образ раздора и гражданской войны при Хильперике, его сыне Хлотаре II и племяннике Хильперика Хильдеберте. С другой стороны, Фредегару

[600] *Buchner R.* Einleitung. S. XXIV.

и, возможно, представителям Меровингской династии и их окружению не хотелось видеть историю франкского королевства как пример *discordia regum*. Поэтому описание правителя Бургундии Гунтрамна, современника Хильперика и Хильдеберта, как идеального короля, который поддерживал хорошие отношения как с клиром, так и со знатью, может восприниматься не просто в качестве свидетельства того, что Фредегар был из Бургундии. Представляется оправданным, что этот аспект исторических воззрений Фредегара можно рассматривать как своего рода контрапункт к общему тону описания этой эпохи Григорием Турским. Фредегар (или его продолжатель) своим сочинением описывал эпоху, которая казалась Григорию Турскому временем суда над неправедными королями и периодом династического конфликта, как время правления «идеального короля» Гунтрамна. Последний был для историка «светлым пятном» в истории династических трений между «суассонской» и «австразийской» ветвями Меровингов. Он был правителем, который своим невмешательством, выдержкой и следованием принципу согласия возвращал легитимность Меровингам, потерявшим ее из-за династических споров двух ветвей этой родственной группы.

В третьей части «Хроники» Фредегара разрыв с традициями историописания Григория Турского становится особенно заметен. Не вдаваясь в вопросы авторства этой части, отметим основную разницу в воззрениях между Григорием Турским и тем автором, который описывал события между 613 и 639 г. в «Хронике». Для последнего центральным событием этой эпохи было правление короля Дагоберта I (629–639), сына Хлотаря II, который объединил Галлию под своей властью. Автор был сторонником этого правителя: он описал, как именно во время правления Дагоберта была захвачена наибольшая для франков территория[601]. В отличие от Григория Турского, для него правление «суассонской» ветви Меровингской династии было триумфальным процессом объединения Галлии под властью деда (Хильперика I), отца (Хлотаря II) и сына (Дагоберта I), завершившимся доминированием франков не только по всей Галлии, но и в Европе в целом. В этом его взгляд значительно отличался от взгляда Григория Турского, видевшего в правителях из этой ветви династии узурпаторов, которых должна была постичь кара высших сил.

[601] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 58.

Нет данных относительно того, что политика Дагоберта I по отношению к церкви значительно изменилась по сравнению с политикой его отца Хлотаря II. В целом именно этот вывод можно сделать из фундаментальных исследований этого периода, несмотря на то, что при Дагоберте стала более выраженной тенденция централизации франкского королевства[602]. Но существенное изменение тона и чрезвычайно положительная оценка этого правителя, столь отличающаяся от взгляда *cum grano salis* Григория Турского на его предков, говорит не столько о реальных изменениях в практике королевской власти, сколько о кардинальном изменении во взгляде историков VII в. на королей. Если для епископа Тура было важно подчеркнуть роль епископов как гарантов мира и согласия между различными ветвями Меровингской династии, то для Фредегара (или для того автора, который дописывал его сочинение в 630-х гг.) именно Дагоберт I, объединивший всю франкскую Галлию под своей властью, был верховным гарантом спокойствия во всем королевстве франков. Большее уважение к светской власти и обеспечение ее теми прерогативами, которые в системе представлений Григория Турского принадлежали епископам, говорит о том, что позднеантичный взгляд на историю, носителем которого был епископ Тура, уже уступил место новому.

Тема согласия достигает своего пика в «Истории франков», где она становится практически важнейшей при описании истории королевства франков в VII–VIII вв. Как показали фундаментальные исследования, автор «Liber historae francorum» сделал согласие между правителями, магнатами и церковью центральной темой своего сочинения. Для него этот период не характеризовался постепенным ослаблением власти королей этой династии, как было принято считать вслед за Эйнхардом, автором «Жизнеописания Карла Великого». Исследования доказали, что автор «Истории франков» видел меровингских королей как деятельных монархов, находившихся в центре политических событий. Он представлял их двор как место, где даже и во второй половине VII, и в первой половине VIII в. сходились нити власти[603].

Главным событием, отражение которого в хрониках и анналах позволяет проанализировать закономерности развития позднемеро-

[602] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 176–180.
[603] *Gerberding.* The rise of the Carolingians.

вингской историографии, является сражение при Тертри (687 г., неподалеку от Вердена). Оно представляет собой одно из трех значимых сражений, определивших ход меровингской истории, наряду с битвой при Вуйе в 506/507 г. между франками и готами и битвой при Пуатье 732 г. между франками Карла Мартелла и арабами. Битва при Тертри получила долю внимания в работах, в которых подчеркивалось, что именно после победы в ней австразийские майордомы начали присоединять к своим владениям земли в Нейстрии: «...thus extending [Pippin's] military authority over Neustria as well as Austrasia»[604]. Исследователи иногда считали, что битва при Тертри дала возможность майордомам Австразии взять под контроль не только свое королевство, но также и Нейстрию, а таким образом и всё королевство франков: «In 688, the Austrasian magnate Pippin II won control of Neustria, and thus of Paris, at the battle of Tertry, near St. Quentin»[605]. Победа Пипина II также получила крайне положительную оценку у других исследователей[606].

Однако открытым остался вопрос о том, приобрел ли Пипин II и его наследники какие-либо политические выгоды и улучшилось ли их положение во франкском королевстве. В частности, еще в XIX в. была сформулирована и долго существовала точка зрения, что Пипин II продолжил править, в первую очередь опираясь на австразийскую знать, а не на какие-либо результаты сражения при Тертри[607].

Напомним основные факты из истории Меровингского королевства этого периода. После правления Хлодвига точкой отчета для одной из эпох в его развитии стало правление короля Дагоберта I, который объединил Нейстрию, Австразию и Бургундию под своей властью. Но раннесредневековые правители не ставили перед собой задачи объединения королевства, и поэтому после смерти Дагоберта Нейстрия и Австразия продолжили существовать отдельно, в то время как их правителями были сыновья Дагоберта Хлодвиг II

---

[604] ...таким образом расширяя власть Пипина не только в Нейстрии, но и в Австразии (*Bachrach B.* Merovingian military organization, 481–751. Minneapolis, 1972. P. 98).

[605] В 688 г. австразийский магнат Пипин II добился контроля над Нейстрией и, таким образом, над Парижем, в битве при Тертри, около монастыря св. Квентина (*Wallace-Hadrill.* The Frankish Church).

[606] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 93. No. 8.

[607] *Bonnell H.* Die Anfänge des Karolingischen Hauses. Berlin, 1866. S. 125.

и Сигиберт II. Во второй четверти VII в. имели место пограничные столкновения, но история не сохранила практически никаких деталей этих событий[608]. Трения между Нейстрией и Австразией усилились в третьей четверти VII в., когда Нейстрией в качестве регентши правила Балтхильда, вдова Хлодвига II. Даже после ее отхода от дел проблема легитимности ее сына Хлотаря III и других ее потомков, бывших только наполовину Меровингами, поддерживаемых майордомом Нейстрии Эброином, неоднократно вызывала трения со знатью как Нейстрии, так и Австразии[609]. В 680 г. Пипин II предпринял попытку военной конфронтации с майордомом Нейстрии, который казался ему и австразийской знати самозванцем и нелегитимным регентом при слабом сыне Балтхильды. Это сражение при Лукофао окончилось, однако, поражением австразийского войска, которое вынуждено было ретироваться[610]. Далее о событиях во франкском королевстве практически ничего неизвестно до 687 г. К последней четверти VII в. во франкском королевстве складывается ситуация, когда конфликты между его составляющими частями приобретают новое измерение, связанное с потерей нейстрийской ветвью Меровингской династии легитимности в глазах ряда представителей знати как нейстрийского, так и австразийского происхождения.

Отражение сражения при Тертри в анналах и хрониках неоднозначно и значительно варьируется от одного источника к другому. Самая краткая версия этого события, содержащая минимум субъективных оценок, находится в сочинении Продолжателя Хроники Фредегара, которое являлось дополнением ко всемирной хронике Фредегара, автора конца VI или начала VII в. Продолжение это состоит из ряда событий. Этот источник скупо сообщает о том, что в 687 г. майордом Австразии Пипин II, сын дочери Пипина I и Ансегизеля, осадил короля Нейстрии Теодериха III в одном из замков Вермандуа. Поскольку, как мы узнаем из «Истории франков», к тому времени майордом короля Нейстрии Берхарий был убит в результате дворцовых интриг, то короля Теодериха III защищать было некому, и Пипин захватил его вместе с королевской казной. Самого

---

[608] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 206.

[609] Ibid. S. 207–210.

[610] Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum). Cap. 46; *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 78–83.

короля он оставил в Нейстрии, а сам, как сообщает Продолжатель Фредегара, отбыл в Австразию: «После чего Пипин принял короля Теодерика и управляя всеми королевскими дворцами, остался в Австразии» («Post haec Pippinus Theodorico rege accipiens cum thesauris et domum palatii omnia peragens in Auster remeavit»)[611]. Этот эпизод был продолжением давнего соперничества между Нейстрией, Австразией и Бургундией, что составляло один из постоянных сюжетов истории Меровингского королевства.

Это позволяет предположить, что если опираться только на Продолжателя Фредегара, то сражение это не имело никаких особых черт, которые отличали бы его от многих пограничных столкновений между нейстрийцами и австразийцами. Подтверждением этому является судебный протокол, записанный по результатам заседания королевской курии в 697 г. В этом году трения между группами знати коснулись сына Пипина II, Дрогона, который рискнул предъявить претензии монастырю Сен-Дени и установить контроль над частью земель, принадлежавших ему. Подобная попытка могла бы рассматриваться как логическое продолжение победы Пипина II при Тертри. Однако процесс закончился отрицательным решением в отношении Дрогона, который был вынужден отказаться от своих далеко идущих планов[612]. Более того, в начале VII в. Дрогон погиб в одной из схваток, раздиравших франкское королевство, и судьба будущей династии Каролингов фактически висела на волоске[613]. Это говорит о том, что сама стычка при Тертри не изменила положения майордома Австразии и его сына в Нейстрии[614]. Усиление Пипина II произошло посредством подчинения ряда монастырей в пограничной области между Австразией и Нейстрией[615]. К ним относятся монастыри Сен-Вандриль, Жюмежье, Нивель, Лобб, Сен-Арнульф, Стабло-Мальмеди, Отвийе, Мутье-ан-Дер, Туссонвал.

Однако отношение к сражению при Тертри историков XIX в., которые видели именно в этом событии поворотный момент в истории

[611] Fred. Chron. Lib. IV. Continuatio. Cap. V (C).
[612] DM. No. 149.
[613] Fred. Chron. Lib. IV. Continuatio. Cap. VI (CII): Liber historiae francorum. Cap. 49.
[614] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 92–96: *Fouracre P.* Observations on the outgrowth of Pippinid influence in the «Regnum Francorum» after the Battle of Tertry (687–715) // Medieval prosopography. 1984. Vol. 5, No. 2. P. 21. No. 21.
[615] *Gerberding R.* The rise of the Carolingians. P. 96–104.

королевства франков, в значительной степени основывается не на самой краткой версии события, а на тех ее вариантах, которые появляются в других хрониках. Именно благодаря более поздним источникам, составленным в VIII–IX вв., мы сегодня обсуждаем это событие как одно из важнейших в процессе смены династий в королевстве франков. В частности, для автора «Liber historiae francorum», который писал в первой половине VIII в., главным результатом этого сражения было возвышение майордома Австразии Пипина II в качестве майордома обоих королевств, Нейстрии и Австразии. Хроника говорит о том, что Пипин II стал «первым майордомом королевства»: «Post haec Pippinus Theuderico rege coepit esse principale regimine maiorumdomus»[616]. Эту же версию повторяет история франков, написанная в монастыре Сенон[617]. А анналы монастыря св. Германа развивают эту тему, говоря о том, что Пипин стал майордомом всего королевства франков: «Pippinus Auster maior domus regiae principatum Francorum suscepit»[618]. А в каролингскую эпоху или позже эта история приобрела совсем анахроническое звучание. В одной из хроник этот эпизод представлен в другом ключе — в ней рассказывается, что в 687 г. после смерти короля Дагоберта, королем стал Пипин: «Dagobertus [sic! — *Д. С.*] rex francorum mortuus est, et Pippinus prius maior domus, filius Ansgisi regum francorum optinuit cum regibus suis subiectis»[619]. То есть если для Продолжателя Фредегара, современника событий, битва при Тертри выглядела вполне традиционным столкновением, которых было много в истории франкского королевства, для историков VIII в. и позднее 687 г. имел значение поворотного события.

Это показывает нам, что с усилением Каролингов изображение битвы при Тертри становилось всё более и более значимым и приобретало всё больше черт поворотного, почти что сакрального события в истории франкского королевства.

Но наиболее сакральное значение это сражение приобретает в анналах Меца (Annales Mettenses Priores), в которых описание этого эпизода занимает не одну строчку, а целую страницу. В них оно включает ряд колоритных деталей и превращается в литературное

[616] Liber historiae francorum. Cap. XLVIII.

[617] Hist. Franc. Sen. Anno 688 (в списке без расшифровки). P. 364.

[618] Ann. S. Germ. Anno 688. P. 167; Ercanberti Breviarium // MGH Scriptores. Bd. 2 hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 328.

[619] Chronica Magni Presb. S. 482.

описание сражения как закономерного и логичного результата легитимных претензий Пипина II на то, чтобы быть майордомом при слабых королях Нейстрии[620]. Именно в этих анналах битва в наибольшей степени приобретает оттенок сакральности, и в этом не было ничего случайного. Нужно отметить, что Мец играл особую сакральную роль в королевстве франков во время правления королей из рода Каролингов как город св. Арнульфа, прародителя семьи, представители которой стали сначала майордомами, а затем и королями франков.

Стоит отметить, что Григорий Турский и Фредегар имели много общего в представлениях о власти Меровингов, хотя некоторые акценты они расставляли по-разному. Так же как и у Григория Турского, у Фредегара мы находим основополагающее представление о том, что Меровинги были легитимными королями и что восставшие против них магнаты совершали неправомерное насилие. У Григория Турского этот взгляд на меровингских королей присутствовал, несмотря на то что он считал некоторых королей (таких как Хильперик, например) воплощением «плохого правления». Примером неоднозначного отношения к легитимности Меровингов у Григория Турского может служить история, как Хильперик вынужден был защищать свои права на Суассон от каких-то магнатов, ранее служивших королю Австразии Сигиберту. Успешная защита своих прав на свой город королем, который служил для автора воплощением всего дурного в светском правлении, может быть понята двояко. С одной стороны, она может свидетельствовать о доблести и легитимности Хильперика, с другой — о том, что именно «дурные» правители должны были всё время доказывать, пусть и своей доблестью, право на то, чтобы править. Однако это были скорее единичные эпизоды, потому что большинство Меровингов Григорий Турский воспринимал именно как легитимных правителей.

Таким образом, для Продолжателя Фредегара и для автора «Liber historiae francorum» концепция власти франкских королей не изменилась, даже когда они описывали события конца VII — начала VIII в. Они не заметили ослабления династии, которое казалось очевидным историкам каролингской эпохи. С точки зрения современных событиям авторов, поздние Меровинги представляли собой легитимных

[620] *Simson B.* Annales mettenses priores. Bd. 10. Hannover, 1905. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum). a. 687; *Bonnell.* Die Anfänge des Karolingischen Hauses. S. 125, 175, 177.

правителей, которым удавалось достичь согласия с различными группировками знати своего королевства.

В VII и начале VIII в. история королевства франков начинает видеться историкам иначе, чем она представлялась Григорию Турскому. Тот, подражая Орозию, видел в качестве идеала власти такую систему, в которой царит согласие между представителями королевской династии, их окружением, знатью и церковью. Однако Григорий Турский не видел воплощения своего идеала в истории королевства франков, считая его недостижимым в контексте варварского королевства. А его последователи преодолели это наследие Поздней Античности и нашли способ увидеть в современной им истории франков реализацию идеала согласия правителя и его «верных».

2.5. Заключение: Трансформация образа Меровингской власти в исторических сочинениях

Исследование представлений историков показывает, что их взгляды на место франкских королей в историческом процессе значительно изменились в период с конца VI по начало VIII в. В своих представлениях Григорий Турский еще жил в мире Поздней Античности, и его взгляды на правителей были во многом навеяны сочинениями тех историков, которые он использовал в качестве примеров историописания. Он рисовал приход франков к власти в терминах эсхатологических концепций истории, сложившихся в первую очередь в хрониках Евсевия и Сульпиция Севера. Григорий Турский видел в Хлодвиге правителя, восстановившего хотя бы в Галлии позднеантичный миропорядок и способствовавшего укреплению католической церкви своей победой над арианином — вестготским королем Аларихом II. Обращаясь к современным ему правителям Галлии, он использовал другую систему представлений (во многом навеянную Орозием), оценивая королей по степени их согласия друг с другом и усматривая в правлении некоторых из них поступки, способствовавшие развязыванию своего рода «гражданской войны». Он не считал, однако, что потомки Хлодвига могли добиться этого согласия. Хранителями мира он видел епископов, а не королей, которых считал основными возмутителями спокойствия в Галлии. Но Григорий Турский был пристрастен, и у нас нет возможности утверждать, что это был период полного хаоса. Епископ Тура писал о «раздоре», ожидая наказания тех

кто нарушал спокойствие (и в первую очередь короля Хильперика). На самом же деле в своем сочинении, сам того не осознавая, он описывал оформление семей в рамках рода потомков Хлодвига и их превращение в отдельные династии (а также падение и исчезновение с политической сцены некоторых из них).

В VII в. мы замечаем постепенное изменение концепции прошлого. Для Фредегара начала франкского королевства лежали в Поздней Античности, но вовсе не в «христианской империи» Константина Великого. Связующим звеном между Римской империй и современностью для него были Меровинги. Он рассматривал франкское королевство как политическое образование, находившееся под господством «франков», к которым он причислял только королей и их непосредственное окружение. Есть все основания утверждать, что он, как и Григорий Турский, видел в королях конца VI в. (Хильперике и Хильдеберте) «нарушителей спокойствия», потому что идеалом властителя, следовавшего принципу согласия, он считал не принимавшего участие в междоусобной борьбе Гунтрамна. В своей исторической концепции Фредегар был более похож на Кассиодора или Беду, потому что писал не «христианскую историю» Галлии, а «историю рода варварских правителей». Для автора же «Истории франков» (VIII в.) уже не просто Меровинги, а «франки» как племя были связующим звеном между Поздней Античностью и франкским королевством.

Одновременно тема согласия между правителями стала единственной, на которую историки нанизывали частные сюжеты. В представлении автора «Истории франков» и епископы, и знать видели в королевском дворе единственную инстанцию, которая могла разрешать конфликты, и право короля на власть никогда открыто не оспаривалось. Возможно, это было связано с тем, что история всё чаще писалась при дворе (как предполагают исследователи в отношении Продолжателя Фредегара и автора «Истории франков»), а не в епископских резиденциях, как это было во времена Григория Турского. Чем больше историки отходили от позднеантичных образцов «христианской истории» и (сознательно или непроизвольно) использовали разработанную Орозием для описания языческого Рима концепцию «согласия», тем больше двор франкских королей становился в их представлении местом, в котором сходились все нити власти и где, по их представлениям, заинтересованные представители светской знати и церковной иерархии добивались равновесия интересов и достигали согласия.

Глава 3

REGNUM ET SACERDOTIUM: КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОСНОВАНИЯ В ЭПОХУ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОНАШЕСТВА

Важным аспектом формирования образа власти является проблема взаимоотношений церкви и государства, которая была одной из центральных для позднеантичной и средневековой истории.

В Поздней Античности императоры, следуя примеру эллинистических монархов и других правителей Востока, стали стремиться ко всё более отчетливо выраженному обожествлению[1]. Момильяно выделил четыре фактора, которые считал доказательством своей идеи: 1) появление и широкое распространение статуй императора, 2) распространение практики жертвоприношений императору; 3) использование понятия eusebeia; 4) появление практики молитвы императору. Не все исследователи однозначно приняли эту концепцию, однако можно согласиться, что начиная с эпохи тетрархии культ императора действительно вбирал в себя всё больше эллинистических черт. Этому отчасти способствовало ослабление традиционных античных культов[2]. Иосиф Флавий писал, что в Цезарее Приморской был храм, в котором стояла огромная статуя императора Августа, сделанная по примеру статуи Зевса в Олимпии[3]. Начало этому положила ритуальная практика, в соответствии с которой о некоторых ушедших из жизни императорах сообщалось, что современники видели, как

---

[1] *Momigliano A.* How Roman emperors became Gods // On pagans, jews and christians. Middletown, Conn., 1987. P. 101–102; *Price S. R. F.* 1) From noble funerals to divine cult: The consecration of Roman Emperors // Rituals of royalty: Power and ceremonial in traditional societies / eds. D. Cannadine, S. Price. Cambridge, 1987. P. 57–105; 2) Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge, 1984. P. 231–232; 3) Between Man and God: Sacrifice in the Roman imperial cult // Journal of Roman Studies. 1980. Vol. 70. P. 28–30; 4) The Greek language of the Roman imperial cult // Journal of Hellenic studies. 1984. Vol. 10. P. 79–95.

[2] *Dodds E. R.* The Greeks and the Irrational. Berkeley, 1951. (Sather classical lectures 25). P. 242.

[3] Jos. Bell. Iud. Lib. I. P. 414.

император отправлялся в иной мир[4]. Можно считать доказанным, что императора часто воспринимали как сына бога[5]. Однако наличие культа императора тем не менее означало, что сам носитель этого титула нуждался в божественной поддержке, которую ему оказывали посредством жертвоприношений в его пользу[6]. Другие исследования подчеркнули, что разделение между мирским и божественным было в античной религии намного более сложным, чем это может показаться современному человеку. Император был отчасти божественным, а не божеством в прямом смысле этого слова, однако в Поздней Античности это воспринималось как ситуация, характерная не только для него, но и для жрецов и самих божеств античного пантеона[7].

Солнечный культ, который был установлен императором Аврелианом в 274 г. и активно использовался императором Константином, явился крайним выражением этого процесса. В частности, Августин Блаженный специально призывал не праздновать в день Рождества Христова день императорского солнечного культа[8].

Появление христианства усложнило восприятие взаимоотношений императора с миром божественного. Историки спорят о том, насколько представители новой религии, христиане, восприняли образ императора, сложившийся в эту эпоху. Отдельные пассажи в Новом Завете и других раннехристианских сочинениях дали исследователям возможность предположить, что христиане часто рассматривали

[4] *Radin M.* Apotheosis // The Classical review. 1916. Vol. 30, No. 2. P. 44–46; *Kreitzer O.L.* Apotheosis of the Roman emperor // The biblical archeologist. 1990. Vol. 53, No. 4. P. 216; *Long F.J.* Ephesians: Paul's political theology in Greco-Roman political context // Christian origins and Greco-Roman culture: Social and literary contexts for the New Testament / eds. S.E. Porter, A.W. Pitts. Leiden, 2013. (Early christianity in its hellenistic context. 1). P. 284.

[5] *Peppard M.* The Son of God in the Roman World: Divine Sonship in its Social and Political Context. Oxford, 2011.

[6] *Price.* Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. P. 207–233.

[7] *Gradel I.* Emperor Worship and Roman Religion. Oxford, 2002. P. 148; *Clauss M.* Kaiser und Gott: Herrscherkult im römischen Reich. Berlin, 1999. S. 20; *Iossif P.P., Lorber C.C.* More than men, less than gods: Concluding thoughts and new perspectives // More than men, less than gods: Studies on royal cult and imperial worship: Proceedings of the international colloquium organized by the Belgian school at Athens (November 1–2, 2007) / eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber. Leuven, 2011. P. 691–710; *Erskine A.* Epilogue // The gods of ancient Greece: Identities and transformations / eds. J.N. Bremmer, A. Erskine. Edinburgh, 2010. (Edinburgh Leventis Studies. 5). P. 508–509.

[8] *Meer F. van der.* Augustine the Bishop: The Life and Work of a Father of the Church / transl. by B. Battershaw, G.R. Lamb. London, 1961. P. 292–293.

императора в понятных им терминах, в целом относились позитивно к его культу и воспринимали его в тесной взаимосвязи с базовыми аспектами своей религии. Однако было также подмечено, что для того чтобы принять культ императора, христиане должны были адаптировать свое мировосприятие и систему ценностей[9].

Ключевым моментом в создании христианского образа императора явились сочинения Евсевия Кесарийского. В панегирике императору Константину он развил тему тождества Константина и Христа. Таким образом, империя Константина была земным воспроизведением идеальной монархии царства небесного. Однако император не заимствовал, а просто имитировал образ Христа в своей земной империи. Император был «другом» Бога и «переводчиком» Слова Божия[10]. Долгий срок правления императора в миру ассоциировался у Евсевия с вечным правлением христианского Бога в вышних сферах. Этот образ был взят Евсевием у эллинистических монархов, однако он поместил его в христианский контекст и восхвалял Константина за подавление языческой религии[11]. Однако это не значит, что Евсевий как ловкий придворный и политический деятель создал христианский образ правителя только из политических и практических целей. Эсхатологическое представление о правлении Константина как о конце времен и царстве Божьем на земле было риторическим приемом, отражавшим глубокие теологические воззрения Евсевия. Этот историк считал, что царство Божие может найти выражение на земле только посредством конкретного исторического события[12]. Таким образом, в начале IV в. был создан образ христианского императора, имитировавшего Божественный Логос и бывшего в своей светской власти сродни епископам. Именно в сочинениях Евсевия были заложены идеи теократии.

Чтобы понять актуальность проблемы отношений между светской властью и церковью в Раннем Средневековье, нужно взять для контраста другой полюс. В Высоком Средневековье эта проблема получила выражение в борьбе за инвеституру между германским императором Генрихом IV (1050–1106) и папой Григорием VII (1073–1085).

---

[9] *Momigliano A.* How Roman emperors became Gods. P. 101–102.

[10] Euseb. De laud. Const. Cap. II. 4.

[11] *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge, MA, 1981. P. 254.

[12] *Penner R.J.* The Rhetoric of God in History: Eusebius of Caesarea's Political Theology in His «Panegyric to Constantine»: Ph. D. Diss. Dalhousie: Dalhousie University, 2008

В рамках этой борьбы идея Евсевия об объединении в лице светского правителя, императора, светской и церковной власти отошла на второй план, дав место представлениям о разделении светской и церковной властей. Таким образом, период с IV по XI в. можно считать временем, когда позднеантичная идея о прерогативах императора в области христианского культа значительно трансформировалась и в результате переместилась на периферию.

Таким образом, исследовательская проблема состоит в определении того, в какой период раннесредневековой истории сложились предпосылки для соперничества светской власти и церковной иерархии и когда светские правители стали претендовать на большие церковные прерогативы, чем это было позволено первому христианскому императору Константину I Великому, и включать в образ власти черты священства. Было предположено, что представление о «короле милостью Божьей» возникло на ранних стадиях истории Средних веков и сакральность присутствовала в образе королей даже в период расцвета варварских королевств[13].

Однако есть и противоположная точка зрения: Раннее Средневековье (VI–VIII вв.) не ассоциируется с претензиями правителей на какие-либо прерогативы церковной власти, и только начиная с Пипина III и Карла Великого короли (и впоследствии императоры) начали предъявлять претензии на сакральную власть и оспаривать ее у римских пап[14]. В каролингскую эпоху это не обязательно находило выражение в попытках узурпировать какие-либо функции прелатов — короли стали считаться своего рода «светскими братьями» церковного сословия, в первую очередь монашеской братии[15]. Таким образом, вопрос о времени возникновении в образе короля черт, характерных для прелатов, является весьма актуальным и важным для понимания формирования правовых традиций и образа королевской власти.

«История» Григория Турского, Продолжение «Хроники» Фредегара и «История франков» уделяют значительное внимание проблемам взаимодействия светской власти и церкви, показывая сложный

[13] *Kern F.* Gottesgnadentum und Widerstandrecht im früheren Mittelalter zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. 2. Aufl. Darmstadt, 1954.

[14] *Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // telalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 92–93.

[15] *Wollasch J.* Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscher gischen Handschriften des 9. bis 11. jahrhunderts // Deutsches Archiv. 1984. Jg

характер этих взаимоотношений и рисуя картину постоянного соперничества между королями и епископами в VI–VIII вв. С течением времени тема согласия между королями, светскими магнатами и епископами приобретала всё большее значение для хронистов, фактически подменяя все остальные образы франкской власти. Но для того чтобы оценить место идеи «согласия» между светскими правителями и церковью в системе представлений, распространенных в королевстве франков, нам недостаточно обратиться только к историкам, таким как Григорий Турский или Фредегар. В первую очередь нам нужно рассмотреть, как выстраивалась система взаимоотношений династии и церкви, которая позволяла первой удерживаться у власти в VI–VIII вв. В особенности нас интересует вопрос, появились ли в образе королей черты священства уже в период правления Меровингов, или же это произошло только в каролингский период. Для решения этой задачи нужно в первую очередь обратить внимание на важный феномен трансформации всей властной и церковной инфраструктуры, о котором нам практически ничего не говорят вышеупомянутые истории и хроники.

Одним из важных аспектов проблемы взаимоотношения светской власти и церкви для исследователей традиционно являлось место епископов в системе светской власти. Сама проблема нашла выражение в легенде о даровании императором Константином особых прав епископу Рима. Именно эта легенда распространилась в Средние века под названием «Константинов дар», и поэтому она является основополагающей для самосознания католической церкви[16]. Именно в ней отразились важнейшие средневековые представления о соотношении светской и церковной власти[17]. Легенда о даровании епископу Рима особых прав сложилась к VI в. Пользуясь ей, римские папы могли как объяснять свои претензии на власть надо всей западной церковью, так и заявлять о своей независимости от светских правителей[18].

Легенда служила отражением того, что в Поздней Античности роль прелатов в империи стала крайне важна. Примером является

---

[16] *Döllinger J.J. I. von.* Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte. München, 1863.

[17] *Levison.* Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende. S. 159–160.

[18] *Amerise.* Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. P. 94–98; *Canella.* Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore; *Fried.* 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning.

Амвросий Медиоланский, который играл важнейшую роль в политике императорского двора и который, возможно, даже считал себя духовным наставником императора Валентиниана II[19]. Обращаясь к Галлии, мы видим, что роль епископов стала весьма значительной[20]. Цезарий Арльский (468/470–542) смог добиться большого влияния в своем городе, став настоящим главой христианского сообщества[21]. Венанций Фортунат (530–600/609) в своей поэзии создал ряд образов галльских епископов, подчеркнув их значимость для франкской церкви в целом и в особенности для городов[22]. Власть епископа над городом давала ему возможность опираться на остатки римской налоговой системы.

Однако епископы не смогли полностью подменить светскую власть, потому что им самим приходилось бороться за признание со стороны христианских общин возглавляемых ими городов. Чтобы добиться признания от христиан своего города, Цезарию Арльскому приходилось выступать в роли защитника их от варваров, выкупая пленников и возвращая их в город[23]. Многочисленные примеры показывают, что Цезарию Арльскому, Григорию Турскому и другим епископам приходилось прикладывать много усилий, чтобы укрепить свой авторитет и заставить признать себя в качестве единственной церковной власти в городе. Влияние епископов при королевском дворе тоже было во многом ограничено[24]. Принимая эти ограничения во внимание, можно тем не менее утверждать,

---

[19] *Ringwald A.* Der Bischof als Seelsorger des Kaisers // Menschen vor Gott: Persönlichkeiten aller Zeiten weisen zum Ewigen. T. 1 / hrsg. A. Ringwald. Stuttgart, 1957. C. 220.

[20] *Beaujard B.* L'évêque dans la cité en Gaule aux Ve et VIe siècles // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Universite de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 127–146. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità).

[21] *Klingshirn W.E.* Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 1994. (Cambridge studies in medieval life and thought, 4th series. 22).

[22] *Brennan B.* The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus // Journal of Medieval History. 1992. Vol. 18. P. 115–139; *Coates S.* Venantius Fortunatus and the Image of Episcopal Authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul // English Historical Review. 2000. Vol. 115. P. 1109–1137.

[23] *Klingshirn.* Charity and power: Caesarius of Arles and the ransoming of captives in sub-Roman. P. 202.

[24] *Van Dam.* Leadership and community. P. 180.

что епископат фактически подменил светскую власть после падения Римской империи на Западе[25]. В дальнейшем титул епископа стал широко распространенным среди светских магнатов, которые получали его как знак важности их роли в делах королевства франков[26]. Поэтому история взаимоотношений между епископатом и светской властью в королевстве должна рассматриваться прежде всего как часть взаимоотношений королей и знати. Епископская кафедра давала ее носителю сакральность, однако часть этой сакральности принадлежала королю как носителю верховной светской власти. Образ епископа часто в большой степени был производным от функции епископа как своего рода светского князя в галло-римских городах.

Представляется, что для исследования сакральных аспектов власти короля нужно обратиться ко взаимоотношениям светской власти и монашества. Начиная с V в. последнее в немалой степени изменило облик бывших провинций Западной Римской империи и имело большое значение для формирования новой властной и социальной инфраструктуры. Именно на эту инфраструктуру опирались затем Пипин III, Карл Великий и Людовик Благочестивый в процессе создания своей «христианской империи». Однако стоит отметить, что в период правления Меровингской династии Хлодвиг, его сыновья и внуки не стремились систематически покровительствовать монастырям, оставляя это покровительство королевам. Радегунда (521–587), жена Хлотаря I и Балтхильда (630–680), вдова Хлодвига II (634–657) основали и поддерживали ряд монастырей (монастырь св. Креста в Пуатье, Шелль, Корби), ставших опорой франкской церкви. Но мужчины Меровингского рода отваживались только просить епископов о праве быть захороненными в базиликах Нейстрии и бассейна Луары, не претендуя на то, чтобы выступать в качестве особых патронов монашеской братии.

---

[25] *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalater. Bonn, 1981. (Pariser Historische Studien. 17).

[26] Ibid; *Werner K.F.* Naissance de la noblesse: l'essor des élites politiques en Europe. Paris, 1998. P. 355–359; *Geary P.J.* Before France and Germany: the creation and transformation of the Merovingian world. New York, 1988. P. 211–212; *Fouracre, Gerberding* Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. P. 48–50; *Moore.* A Sacred Kingdom: Bishops and the Rise of Frankish Kingship, 300–850. Washington, D.C., 2011. P. 201.

Это было разительным контрастом с ситуацией, которая возникла в королевстве франков после смены династии. Короли из новой династии – Карл Великий, а в особенности Людовик Благочестивый и его наследники не только своей светской властью способствовали реформе монашества связанной с именем Бенедикта Анианского (поддерживая церковный собор 816 г.). Они стали для черного духовенства своего рода «братьями»[27]. Широкое распространение «имперских монастырей» как своеобразных «нервных центров» власти говорит о том, что в каролингскую эпоху сложились формы плодотворного симбиоза между государством и церковью. О роли каролингских властителей в формировании крупных монастырей и о значении последних для власти см. ряд работ В. Меца[28].

Однако встает вопрос: можно ли найти зародыш нового порядка во взаимоотношении светской власти и церкви во время правления Меровингов? Постановка этой проблемы поможет понять, на каких принципах строилось взаимодействие королей, светских магнатов, белого духовенства и монашеских общин. Исследователи однозначно говорят о том, что в меровингскую эпоху еще не существовало «королевских монастырей», похожих на те, что стали нормой в каролингскую эпоху[29]. Обращение ко взаимоотношениям правителей и монастырей в меровингский период имеет огромное значение, потому что может показать, когда именно в образе королей появились отдельные элементы принадлежности к священству и монашеской братии. На примерах взаимоотношений между королями и возникавшими по всей Европе монастырями в VII–VIII вв. мы сможем понять, был ли принцип согласия, столь много значивший для Григория Турского

---

[27] *Wollasch J.* Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9. bis 11. Jahrhunderts. S. 20.

[28] *Metz W.* 1) Aachen, Köln und die Handschrift des Capitulare de villis // Vierteljahrschrift für Sozialund Wirtschaftsgeschichte. 1968. Jg. 55. S. 257–261; 2) Bemerkungen zum karolingischen Güterverzeichniss des Klosters Fulda // Fuldaer Geschichtsblätter. 1956. Jg. 32. S. 88–101; 3) Beobachtung zum Lorscher Reichsurbar // Deutsches Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1958. Jg. 14. S. 471–481; 4) Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungsund verwaltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin, 1960; 5) Zur Entstehung der Brevium Exempla // Deutsches Archiv. 1954. Jg. 10, Nr. 2. S. 395–416; 6) Zur Geschichte und Kritik der frühmittelalterlichen Güterverzeichnisse Deutschlands // Archiv für Diplomatik. 1958. Jg. 4. S. 183–206; 7) Zur Stellung und Bedeutung des karolingischen Reichsurbars aus Churrätien // Deutsches Archiv. 1959. Jg. 15, No. 1. S. 194–210.

[29] *Semmler J.* Traditio und Königsschutz // ZRG KA. 1959. Jg. 45. S. 1–33.

и Фредегара, частью системы ценностей, разделяемой и используемой в своих практических действиях правителями, светскими магнатами и представителями церкви.

3.1. Королевская власть и распространение монашества в VII–VIII вв.

3.1.1. Распространение монашества и создание агиографического канона в Галлии в IV–VI вв.

Для расширения нашего понимания системы представлений о взаимодействии государства и церкви нужно обратить внимание на время распространения монашества и монастырей и обратиться к другому типу источников, а именно к агиографическим сочинениям и культу святых. Обращение к источникам, связанным с культом святых, важно потому, что именно в них в VI–VIII вв. сложилась система образов и представлений, к которой впоследствии активно обращались историки каролингской эпохи, Эйнхард и Теган, в процессе создания идеологии «христианской монархии». Жанр житийной литературы, который появился в восточном Средиземноморье с развитием и укреплением христианства, стал распространяться в Галлии с V в. Он строился по другим канонам, нежели нарративные исторические сочинения. Вопрос влияния житийного канона на представления о власти, сложившиеся во франкском королевстве к VIII–IX вв., позволит дать интересные дополнения к той картине, которую рисуют истории и хроники этого периода. Наше исследование будет обращаться к сакральным аспектам власти короля, используя методы социально-антропологического анализа феноменов церковно-политического характера, которые были разработаны в работах М. Блока, Э. Канторовича, П. Э. Шрамма[30]. Новых работ этого плана много[31].

[30] *Bloch M.* Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg, 1924. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. 19); *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies: a study in mediaeval political theology. Princeton, 1957; *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: In 3 Bde. Stuttgart, 1954. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 13).

[31] *Hattenhauer H.* Das Herz des Königs in der Hand Gottes. Zum Herrscherbild in Spätantike und Mittelater // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1981. Jg. 67. S. 1–35.

Распространение культа святых в западном Средиземноморье следовало общим тенденциям развития этого феномена во всем христианском мире, и первой его стадией стало распространение культа мучеников. Этот процесс иллюстрируется появлением в бывшей Западной Римской империи «мартиролога Иеронима», реестра имен, по ошибке приписываемого переводчику Библии и отцу церкви Иерониму (347–420). Рукописная традиция этого источника показывает, что культ мучеников получил широкое распространение в Галлии и затем во франкском королевстве, потому что этот мартиролог сохранился только в рукописях франкского происхождения[32].

Однако еще в Поздней Античности культ мучеников постепенно уступил место культу святых. Это вытекало из изменившейся социальной роли христианства, которое теперь стало обращаться не к маргинальным группам верующих, а к обычным гражданам Римской империи. Святыми становились те, кто много сделал для распространения и укрепления христианства, не жертвуя своей жизнью. В Галлии культ святых начал распространяться одновременно с остальными регионами Римской империи. Это доказывает появление первых агиографических сочинений, посвященных местным, западным святым. Первым сочинением такого рода в Галлии стало «Житие святого Мартина», епископа г. Тура (371–397), которое в середине V в. написал представитель знатного рода Сульпиций Север[33]. Жизнь этого святого стала важным сюжетом, к которому, хотя и со своих точек зрения, в V–VI вв. обратились Паулин из Перигора и Григорий Турский[34].

После бума агиографической литературы в этот период появление новых агиографических сочинений пришлось уже только на середину VII в. Тогда этот жанр получил новый импульс, и жития стали распространяться всё более широко[35]. В западном Средиземноморье и затем в континентальной Европе, в отличие от восточного

---

[32] Martirologium hieronymianum // Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur. Novembris Tomus II / sous la dir. de J. Bolland [et al.]. Paris, 1894.

[33] Sulp. Sev. VM; Vie de Saint Martin / sous la dir. de J. Fontaine. Paris, 1967. (Sources Chrétiennes. 133).

[34] *Van Dam R.* Images of in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 1–27.

[35] *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 1–10.

Средиземноморья, главными персонажами такого рода житий являлись не столько аскеты-пустынники, сколько епископы. Это были представители церковной иерархии, вся жизнь и деятельность которых была к тому времени тесно связана с королями и знатью. Именно поэтому такие сочинения дают возможность посмотреть на развитие политической ситуации и представлений о власти в VII в. с весьма интересной точки зрения.

После долгого периода недоверия к агиографическим сочинениям, характерного для XIX в., в XX в. ученые стали по-новому обращаться к этим источникам. Филипп Делеэ привлек внимание к житиям святых как к историческим источникам, в надежности которых исследователи к тому времени уже привыкли сомневаться[36]. Прорыв в изучении агиографических сочинений во второй половине XX в. был совершен рядом исследователей. В своих работах они показали, как в Поздней Античности епископы и монахи могли использовать святость и сочинения о святых людях как стратегию «легитимации» своего собственного положения в бурном и быстро менявшемся мире поздней Римской империи. Это поднимало их престиж и давало им возможность выразить свое мнение о происходящих событиях[37]. В 1960-х гг. чешский ученый Граус исследовал жития как источник по истории франкского королевства[38]. Он показал, что агиографические сочинения времени правления династии Меровингов можно использовать в качестве исторических источников. Другой важнейшей работой, задавшей тон в обращении к агиографической литературе из Галлии для воссоздания картины прошлого, стал труд о Сульпиции Севере и о его жизнеописании св. Мартина Турского[39]. Эти исследования показали, что жития являются прямой иллюстрацией того, как знать и епископы искали поддержку в сакральной силе, которой, по мнению верующих, обладали святые, сами становясь при

[36] *Delehaye H.* 1) Les légendes hagiographiques. Bruxelles, 1905; 2) Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1912. (Subsidia hagiographica. 20); 3) Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921; 4) Loca sanctorum // Analecta bollandiana. 1930. T. 48. P. 5–64.

[37] *Brown.* 1) The World of Late Antiquity, 200–750. 2) The cult of the saints: Its rise and function in Late Antiquity; 3) The rise of western Christendom: Triumph and diversity AD 200–1000. Oxford, 1996.

[38] *Graus.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit.

[39] *Stancliffe.* St. Martin and his hagiographer: history and miracle in Sulpicius Severus.

этом посредниками между высшими силами и светской властью в обществе, недавно лишившемся верховной власти Римской империи[40].

После перерыва, последовавшего за возникновением нескольких версий жития св. Мартина в V–VI вв., в конце VI — начале VII в. агиографические сочинения стали появляться снова. Широкое распространение житий с начала VII в. позволяет дополнить ту картину развития Меровингских королевств, которую современные исследователи реконструировали на основании нарративных источников. Именно в это время было написано и стало известным «Житие Колумбана», ирландского монаха, чей вклад в распространение аскетического образа жизни в Европе является темой полемики среди современных ученых[41]. Кроме этого, появились другие агиографические сочинения, такие как жития королевы Балтхильды, епископов Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, «Деяния короля Дагоберта» и некоторые другие. Они являются важными источниками, которые позволяют дополнить картину политических и социальных процессов в этот период. Ведь в отличие от уже устоявшегося историографического жанра, который требовал следования канонам, жития допускали большую долю самодеятельности со стороны авторов и позволяли им не обладать теми знаниями образцов жанра, которые нужны были для написания исторических сочинений. Поэтому их авторы могли и не следовать канонам исторического жанра, и их взгляд на исторические и современные им события мог представлять альтернативу взгляду авторов исторических сочинений.

Исследование роли монастырей в средневековом обществе привело к созданию важной концепции, которую хотелось бы рассмотреть в связи с нашим исследованием подробнее. Немецкая школа исторических исследований создала концепцию так называемых «имперских монастырей», которая широко использовалась учеными при описании системы взаимодействия между императорами и церковью в восточных землях франкского королевства в X в., когда каролингские короли уступили место правителям саксонской и последующих династий[42]. Распространение этой концепции не ограничено

[40] *Van Dam.* Leadership and community. P. 300–305.

[41] Iona VC. Cap. IV–VII. P. 70–74; *O'Hara A.* The Vita Columbani in Merovingian Gaul // Early Medieval Europe. 2009. Vol. 17. P. 126–153.

[42] *Ficker J.* Über das Eigentum des Reiches am Reichskirchengut // Sitzungberichte der Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1872. Bd. 72. S. 55–146; *Sickel T.* 1) Beiträge zur Diplomatik. III // Sitzungberichte der

немецкоязычными областями Европы, потому что идея об особой связи монастырей и королей стала центральной для истории средневековой Франции. Она предполагала жесткую зависимость королевской власти от монастырей, которые, по мнению этих исследователей, стали своего рода «королевскими замками», ресурсы которых светские властители использовали без особого на то разрешения со стороны церкви. В особенности это стало заметно при исследовании истории власти французских королей и их отношения к монастырю Сен-Дени, который в глазах исследователей стал главной опорой королей Франции из династий Капетингов и Валуа и в каком-то смысле даже символом всей французской монархии.

Исследование агиографических сочинений дает возможность более детально рассмотреть эту идею и проверить, в какой момент разделявшие ее историки и писатели стали рассматривать общины монахов как интегральную часть структур власти, как центры взаимодействия между королями и их представителями. Известно, что в меровингский период нельзя было найти аббатов при дворе и из представителей церкви в окружении королей находились только епископы, многие из которых были из знатных семей. Это было значительным отличием от той практики, которая сложилась в более поздний, каролингский период, когда появились аббаты из знати, которые занимали важное положение при дворе[43]. Для Высокого Средневековья вопрос о взаимоотношениях знати и церкви был решен разделением полномочий и установлением патроната знати над отдельными церквями и общинами монахов[44].

Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 47. S. 175–277; 2) Beiträge zur Diplomatik, V // Sitzungberichte der Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 49. S. 311–410; *Santifaller L.* Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Bd. 1. Wien, 1962. (Sonderbereich der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. 229). *Metz.* 1) Zur Entstehung der Brevium Exempla; 2) Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungsund verwaltungsgeschichtliche Untersuchung; 3) Zur Erforschung des karolingischen Reichsgutes. Bd. 4. Darmstadt, 1971. (Erträge der Forschung); *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 7. Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts. Kiel, 1876. S. 183–185.

[43] *Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im frueheren Mittelalter. Stuttgart, 1980. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters. 20). S. 129–135; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 110, 144.

[44] *Boshof E.* 1) Kloster und Bischof in Lotharingien // Monastische Reformen im 9. und 10. Jahrhundert / hrsg. von R. Kottje, H. Maurer. Sigmaringen, 1989. S. 197–246. (Vorträge

Однако для Раннего Средневековья этот вопрос осложнялся рядом нерешенных проблем, которые возникли при попытках историков определить отношения между знатью и церковью в терминах правовых концепций канонического права, характерных скорее для Высокого Средневековья. Поскольку вопрос о подчинении монастырей власти епископов и папы и о влиянии на них представителей знати был для Раннего Средневековья болезненным, концепция «частных церквей» или «частных монастырей» как особого вида церковной организации широко распространилась в результате работ ряда немецких исследователей[45]. Эта концепция проводила грань между традиционными церквями и монастырями, существовавшими в средневековой Европе до VI в., и «новыми» монастырями, которые активно стали возникать с конца VI в. благодаря миссионерской деятельности ирландских и других монахов. Разница между ними, в соответствии с этой концепцией, состояла в том, что «новые» монастыри были практически независимы от епископата, что составляло разительный контраст с той практикой, которая сложилась в Европе в Поздней Античности.

Эта концепция фактической независимости «частных» монастырей, основанных знатью, трансформировалась после работ Ф. Принца в концепцию «самоосвящения» (Selbstheiligung), к которому прибегали отдельные представители знати, основывавшие эти монастыри. Считалось, что миссионеры и знать, объявляя себя «святыми» без санкции со стороны официальной церковной организации, таким

und Forschungen. 38); 2) Königtum und adelige Herrschaftsbildung am Niederrhein im 9. und 10. Jahrhundert // Königtum und Reichsgewalt am Niederrhein / hrsg. von K. Flink, W. Janssen. Kleve, 1983. S. 9–41. (Klever Archiv); 3) Untersuchungen zur Kirchenvogtei in Lothringen im 10. und 11. Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 55–119; *Feller L.* Aristocratie, monde monastique et pouvoir en Italie centrale au IXe siècle // La royaté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920). T. 17 / sous la dir. de R. L. Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 325–346. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest); *Grosse R.* Saint-Denis zwischen Adel und König: Die Zeit vor Suger (1053–1122). Stuttgart, 2002. (Beihefte zu Francia. 57); *Schulze H. K.* Adelsherrschaft und Landesherrschaft; Studien zur Verfassungs-und Besitzgeschichte der Altmark, des ostsächsischen Raumes und des hannoverschen Wendlandes im hohen Mittelalter. Köln, 1963. (Mitteldeutsche Forschungen. 29); *Tellenbach G., Fleckenstein J., Schmid K.* Adel und Kirche: Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Freiburg, 1968.

[45] *Stutz U.* Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechts. Antrittsvorlesung, gehalten am 23. Oktober 1894. Berlin, 1895.

образом утверждала свою независимость от епископов и белого духовенства. Эта независимость не означала, что «новые» монастыри были менее монашескими и более светскими сообществами, чем уже существовавшие. Основатели «новых» монастырей стремились к созданию таких же религиозных сообществ, как и создатели монастырей в Поздней Античности, и их единственная специфика состояла в требовании независимости выбора аббата от решения епископа[46].

Однако такое видение новых тенденций в распространении монашества вызвало возражения со стороны ряда исследователей. Опираясь на сравнительный материал Поздней Античности, они утверждали, что основатели монастырей, которых их потомки чтили как святых, практически никогда не претендовали на то, чтобы составить альтернативу церковной иерархии[47]. Мощи святых, большинство которых принадлежали к монашеству, были краеугольным камнем единства и согласия в христианских общинах Запада[48]. Жития святых знатного происхождения («Adelsheilige», представляли собой примеры пропаганды существующей власти и, таким образом, не могли представлять примеры альтернативного видения социальной реальности и структур власти[49].

Дальнейшие исследования показали, что вопрос о соотношении власти епископов и аббатов нуждается в пересмотре. В ряде работ было подмечено, что во многих случаях нельзя уверенно сказать, были ли основатели монастырей только епископами или только аббатами или теми и другими вместе[50]. В дополнение к этим проблемам историки также оставили для дальнейших исследований вопрос о смысле и характере взаимоотношений между епископами и знатью[51]. Именно для ответа на эти вопросы в этой главе будут рассмотрены жития VII в.

---

[46] *Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4. bis 8. Jahrhundert). 2. Aufl. München, 1988. S. 656–657.

[47] *Heinzelmann.* Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten von 4. bis zum 7. Jahrhundert. S. 185–187.

[48] *Brown.* The cult of the saints: Its rise and function in Late Antiquity. P. 94–95.

[49] *Brown P.* Society and the holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982. P. 187.

[50] *Angenendt A.* Willibald zwischen Mönchtum und Bischofsamt // Der heilige Willibald Klosterbischof oder Bistumgründer / hrsg. von H. Dickerhof, E. Reiter, S. Weinfurter. Regensburg, 1990. S. 146–169.

[51] *Heinzelmann M.* L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'église de France. 1976. T. 62. P. 75–90.

3.1.2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе

Жития Колумбана и других святых, описывающие события первой четверти VII в., вызывают вопросы о ходе распространения монашества, о тех формах, которое оно принимало, о его значимости для создания новых социальных и политических структур. Появление этого и других агиографических сочинений в период, слабо освещенный по материалам нарративных источников — хроник и историй, — привело к тому, что именно жития оказались во главе угла для многих современных исследователей. Это, возможно, явилось причиной искажения исторической перспективы, лишенной альтернативного взгляда на основании других источников.

Самым популярным взглядом на распространение монашества является тот, который берет начало из одного из современных этому процессу агиографических сочинений. «Житие Колубана», написанное Ионой из Боббио в начале VII в., рисовало ситуацию так: к концу VI в. церковь во франкском королевстве пришла в упадок, и только этот миссионер из Ирландии и его последователи смогли переломить ситуацию к лучшему[52]. Это сочинение описывает распространение монашества в его особом ирландском варианте по территории франкского королевства и по землям к востоку и юго-востоку от Рейна. Именно на свидетельства этого жития опирался Ф. Принц, когда создал картину преобладания ирландского монашества в распространении аскетического образа жизни в континентальной Европе. В своих исследованиях он попытался показать, что именно ирландские формы организации монашеской жизни, более мягкие и открытые внешнему миру, чем правила Бенедикта Нурсийского, и привели к массовому распространению монастырей по всей Европе в период VI — начала IX в. Эти монастыри часто были организованы на основании так называемого «смешанного устава Бенедикта — Колумбана». В соответствии с этой точкой зрения, ирландские монахи из когорты Колумбана способствовали основанию около сотни монастырей в Галлии, в Австразии, вдоль Рейна, а также в Эльзасе и Аламаннии[53].

[52] Iona VC. Cap. 5. P. 71.

[53] *Prinz.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4. bis 8. Jahrhundert). S. 121–152.

Но эта идея была оспорена в большом количестве исследований, среди которых можно отметить, например, работу Н. Ф. Ускова. В ней было показано, что ирландское влияние не может считаться единственной причиной распространения монастырей. Это исследование доказало, что среди основанных в то время монастырей к результатам деятельности Колумбана и его учеников можно отнести лишь небольшое число. Это может свидетельствовать о надуманности тезиса Ф. Принца[54]. Изучение источников конца VI — начала VII в. не позволяет говорить о приходе на континент Колумбана и его соратников из Ирландии как о единственной причине широкого распространения монашества в Галлии. Возможно, значительное внимание именно к ирландскому монашеству было результатом доминирования в этот период житий, написанных авторами из круга ирландского миссионера. Житие Колумбана и других монахов из его когорты были написаны не в последнюю очередь затем, чтобы подчеркнуть значение ирландского монашества и заявить о роли этих миссионеров в церковных делах Галлии VII в.

Одной из причин, почему этот вопрос и по сей день остается актуальным, являются те проблемы, которые возникают, если мы отрицаем значение ирландского монашества как важнейшей причины распространения монастырей в Европе VII–VIII вв. Несмотря на сделанные в работе Н. Ф. Ускова важные выводы, основным недостатком его исследования стало чрезмерное внимание к полемике с точкой зрения Ф. Принца и недостаток интереса к тому, какие последствия для нашего понимания раннесредневекового периода истории будет иметь развенчание тезиса об «ирландском монашестве». Ведь если представление о главенстве ирландских монахов в распространении монастырей развеивается, то неясно, как понять и адаптировать к новой концепции другую идею Ф. Принца об уникальном месте ирландских монахов как своего рода посредников между франкскими королями, аппаратом их власти на местах и местной знатью. Ирландские peregrini занимали в концепции немецкого исследователя важное место: они были группой людей, которые, не будучи королевскими слугами, тем не менее выполняли своего рода функцию

[54] *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья (Christentum und mönchtum im früh und beginnenden hochmittelalter) Германские земли II/III — середина XI в. СПб., 2001. С. 100–189.

«передаточного звена» между королевским двором и местной знатью, которая начала строить «частные монастыри». Тезис о фактической независимости монастырей, основывавшихся знатью, трансформировался после работ Фридриха Принца в концепцию «самоосвящения» (Selbstheiligung), к которому прибегали отдельные представители знати, основывавшие эти монастыри. В соответствии с этой концепцией, миссионеры и знать часто утверждали свою независимость от епископов и белого духовенства, объявляя себя «святыми» без санкции со стороны официальной церковной организации[55]. Поэтому, развенчивая проблему влияния ирландских монахов на развитие монастырей, следует обратиться к вопросу о том, какое воздействие оказало появление последних на организацию власти и на представления о ней. Кроме этого, возникает вопрос о том, почему же могло создаться впечатление о центральной роли ирландских peregrini в развитии монашества в континентальной Европе и было ли оно только ошибкой немецкого исследователя или же объяснялось специфической точкой зрения, выраженной в источниках.

Рост значимости монастырей является ключевым моментом для понимания баланса сил между правителями, аристократами и представителями церковной иерархии, который лежал в основе политики меровингской Галлии. Распространение монашества в этот период привело к тому, что с VIII в. монастыри стали более значимы по сравнению с предыдущими периодами: они оказались не только центрами религиозной жизни, но и центрами притяжения, вокруг которых стала группироваться местная знать и которые стали точкой опоры в сельской местности для представителей короля и епископов. Наиболее полно этот процесс был исследован на примере долины Рейна[56]. Это было новым явлением для франкского королевства. Ведь в VI в. церковная организация по большей части состояла из городских общин верующих, лидерами которых были епископы. Эти общины объединяли городские сословия, обладавшие привилегиями в Римской империи, а также людей, принадлежавших к обеспеченным слоям разного рода[57].

---

[55] *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 695–697.

[56] *Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400–1000. Cambridge, 2000. P. 198.

[57] *Beaujard B.* L'évêque dans la cité en Gaule aux Ve et VIe siècles: *Borgolte M.* 'Bischofsitz' und 'Sitz der Ruhe': Zur Kirchenorganization gallischer Städte nach Gregor von Tours

Но монастыри были общинами совершенно другого рода. Они, как правило, находились в сельской местности или в пригородах, и можно предположить, что вокруг них выстраивались совершенно другие социальные связи, нежели в городе. Жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, двух епископов, живших в VII в., показывают, что когда прелатам приходилось вести дела за пределами городов, им нужно было заново завоевывать авторитет у представителей местной знати, которые скептически относились к статусу, на который претендовали епископы как лидеры городских общин верующих[58]. Одновременно в сельской местности епископы меньше страдали

und Bistumgeschichte von Auxerre // Litterae medii aevi: Festschrift für J. Autenrieth, hrsg. von M. Borgolte, H. Spilling. Sigmaringen, 1988. S. 27–53; *Breukelaar A. H. B.*. Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul: the histories of Gregory of Tours interpreted in their historical context. Göttingen, 1994. *Cadaux S.* Recherches sur l'accession à l'episcopat aux temps merovingiens (481/82–691/722): thèse de doctorat. Paris: Univ. Paris, 1994; *Durliat J.* Évêque et administration municipale au VIIe siècle // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne. Actes du colloque tenu à l'Universite de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 àvril 1993 / sous la dir. de C. Lepelley. Bari, 1996. P. 273–286. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità) *Gassman P.* Der Episkopat in Gallien im 5. Jahrhundert: Diss. phil. Bonn: Universität Bonn. 1977; *Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien. S. 75–90; *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalater; *Magnou-Nortier E.* Les évêques et la paix dans l'espace franc (VIe-XIe siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse Fontevrault, 1983. Angers, 1984. P. 33–49. (Publications du Centre de recherches d'histoire religieuse et d'histoire des idees. 7); *Mordek H.* Bischofsabsetzungen in spätmerowingischer Zeit: Justelliana, Bernensis und das Konzil von Mâlay (677) // Papsttum, Kirche und Recht im Mittelalter: Festschrift für Horst Fuhrmann zum 65 Geburtstag / hrsg. von H. Mordek, H. Fuhrmann. Tübingen, 1991. S. 31–55; *Scheibelreiter G.* Der Bischof in merowingischer Zeit. Wien, 1983. (Veröffentlichungen des Instituts fur Österreichische Gecshichtsforcshung. 27); *Schieffer R.* Der Bischof zwischen Civitas und Königshof (4. bis 9. Jahrhundert) // Bischofstypus und Bischofsideal im Spiegel der Kölner Kirche: Festgabe für Joseph Kardinal Höffner zum 80 Geburtstag / hrsg. von P. Berglar, O. Engels. Cologne, 1986. S. 17–39; *Van Dam R.* Leadership and community. P. 202–255; *Weidemann M.* Bischofherrschaft und Königtum in Neustrien vom 7. bis zum 9. Jahrhundert am Beispiel des Bistums Le Mans // La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 1 / hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen, 1989. S. 161–193. (Beihefte der Francia. 16).

[58] *Fouracre P.* The work of Audoenus of Rouen and Eligius of Noyon in extending episcopal influence from the town to the country in seventh-century Neustria // The Church in Town and Countryside: papers read at the seventeenth summer meeting and the eighteenth winter meeting of the Ecclesiastical History Society / ed. D. Baker. Oxford, 1979. P. 77–91. (Studies in Church History. 16).

от непредсказуемости предпочтений населения городов, которое часто оказывало самое непосредственное влияние на выборы епископов. А монастыри, находившиеся в удалении от городов, были более независимы. Поэтому они могли иметь двоякое значение: некоторые их них становились альтернативой власти епископов в результате действий местной знати, а некоторые могли стать форпостами власти епископов в сельской местности.

Как показали исследования, рост значимости монастырей нельзя объяснить, если пользоваться теми представлениями о монашеской жизни и монастырях, которые были характерны для некоторых исследователей в XX в. В частности, это явление было непонятно, если рассматривать монастыри не в том особом европейском контексте, который сложился к VII в., а только как общины аскетов, как это было характерно для историков, изучавших развитие христианства и пользовавшихся для объяснения развития монашества примерами из восточного Средиземноморья[59]. Внезапный интерес к уходу от мира в пустынь — а именно так понималось обращение в монашество учеными, занимавшимися ранним христианством, — был немного необычен для раннесредневековой Европы, уровень экономического и городского развития которой весьма отставал от значительно урбанизированного Средиземноморья. Более позднее распространение монашества в западном Средиземноморье, как считают исследователи, было связано с более поздней христианизацией этого региона[60]. Поэтому Ф. Принцу и нужно было ввести в картину развития монашества «ирландское влияние», которое бы объяснило, почему в позднемеровингский период монастыри вдруг начали распространяться в массовом порядке. Но если предположить, что ирландское влияние было невелико (как это сделал Н. Ф. Усков), то вопрос о причинах широкого развития монашеского движения в VII–VIII вв. остается открытым.

---

[59] *Lohse B.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. Wien, 1969. (Religion und Kultur der alten Mittelmeerwelt in Parallelforschungen. 1). S. 190–197.

[60] *Heussi K.* Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen, 1936. C. 53–58; *Lohse.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. S. 173, 214–215; *Frank K. S.* Geschichte des christlichen Mönchtums. Darmstadt, 1993. (Grundzüge. 25). S. 15–19, 35; *Prinz F.* Phänomenologie des westeuropäischen Mönchtums im Überblick // Askese und Kultur: Vorund frühbenediktinisches Mönchtum an der Wiege Europas. München, 1980. S. 14–16; *Усков.* Христианство и монашество. С. 62.

Для понимания причин распространения монашества в Раннем Средневековье и его влияния на изменения в представлениях о власти следует сделать небольшой экскурс в Позднюю Античность. Историю аскетизма традиционно начинают с Египта, где за пределами оазисов Нила с начала IV в. стали возникать отдельные общины монахов (буквально «одиночек»), ушедших от мира и живших по своим законам. Уже через столетие слава о египетских монахах гремела по всей Римской империи[61]. Считается, что св. Антоний был первым монахом-анахоретом, а св. Пахомий вслед за ним способствовал развитию жизни в монашеских общинах[62]. Однако разница в нормах монашеской жизни, выработанной двумя этими основателями монашества, была не столь велика, как казалось некоторым историкам. В обеих своих формах монашество в Египте имело социальную подоплеку, потому что удаление и жизнь в одиночестве или в небольших общинах были следствием ведения сельского хозяйства в пустынном регионе[63]. На Западе Римской империи монашество приобрело различные формы. Иоанн Кассиан и Сальвиан Марсельский воплотили идеалы египетского монашества на Западе, создав в своих сочинениях, описывавших идеальную монашескую общину, строгую иерархическую модель сообщества. Однако когда люди высокого происхождения стали вступать в монастыри, то они привнесли в монашество свои представления об организации, которые были больше связаны с городской культурой, чем с идеальным египетским видением этого феномена. Примером этого явился устав св. Августина, в котором монастырь виделся в первую очередь как община равных по статусу братьев, а аббат такого монастыря выступал в качестве человека, ответственного только за распределение содержания[64].

По этой причине суть монашества претерпела изменения при его распространении по всему Средиземноморью. Ярким примером этого является Галлия, где хаотическое и нерегулируемое распространение общин, исповедующих аскезу, которое началось при поддержке св. Мартина в IV в., постепенно сменилось кардинально иной ситуацией.

---

[61] *Lohse.* Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. S. 190–197.

[62] *Rousseau P.* Pachomius: The Making of a Community in Fourth-Century Egypt. Berkeley, 1985. (Transformation of the classical heritage. 6).

[63] *Leyser* C. Monasticism // Late Antiquity. A Guide to the Post-Classical World / eds. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, MA, 1999. P. 583–584.

[64] *Markus R.* The end of Ancient Christianity. Cambridge, 1990. P. 157–163.

В V в. идеальным образом монастыря стала загородная вилла богатого землевладельца, на которой собирались представители образованных аристократических слоев для истолкования христианских доктрин. Подобное представление о монашестве как об особом образе жизни знатных людей ясно выражено в житии св. Мартина, написанном Сульпицием Севером, которое отразило не столько действительные события распространения монашества в Галлии, сколько те представления, которые стали считаться нормой в его время[65]. Происходившее в Галлии было лишь примером более общих тенденций — так, в VI в. Кассиодор, потомок влиятельного сенаторского рода, создал Виварий, небольшую монашескую общину, главной целью членов которой была переписка античных текстов, которые он посчитал возможным сохранить для христианского употребления. Несмотря на попытки монахов из круга Колумбана представить дело таким образом, что к началу VII в. основанные ими монастыри стали неотъемлемым элементом структуры власти, ситуация на самом деле выглядела по-другому. В Поздней Античности в западном Средиземноморье сложился образ монастыря, который оказал значительной влияние на последующее развитие этой формы организации церковной жизни на Западе.

Этот образ подразумевал, что монастырь был поселением вне города, значительную часть которого составляли образованные люди из средних и высших слоев общества. Большую часть их времени должно было занимать служение Богу, однако это служение предполагало не только умерщвление плоти, но также и другие занятия. В частности, подобного рода занятием могло служить переписывание рукописей христианских и языческих авторов[66]. Поэтому в Поздней Античности и в Раннем Средневековье монастыри перестали быть просто общинами аскетов и превратились в важный элемент социальной организации, они стали точками взаимодействия между городами и сельской местностью, между правителями, знатью и образованными жителями городов. В силу постепенного ослабления власти в Западной Римской империи монашество в ней осталось конгломератом

[65] *Van Dam R.* Images of Saint Martin in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 27.

[66] Так, роль монастырей становится понятна, если мы обратим внимание на то, что многие произведения античной литературы дошли до нас именно благодаря тому, что их переписывали в монастырях.

разнородных общин и так никогда и не превратилось в однородную среду, как это произошло в Восточной Римской империи[67]. Поэтому развитие монашества в раннесредневековой Европе было не простым распространением аскетического образа жизни, а, наоборот, процессом, в результате которого обращение в монашество всё большего числа людей приводило к изменению самой сути монашества и образа жизни монашеских общин[68].

«Житие Колумбана» рассказывает, что по прибытии в Галлию этот монах из Ирландии связал свою деятельность с двором короля Австразии Сигиберта, после чего многие представители франкской знати стали вступать в монастыри[69]. Пристрастное прочтение текста жития привело Ф. Принца к выводу, что королевская власть оказывала значительную поддержку распространению монашеского образа жизни в соответствии со смешанным монастырским уставом Бенедикта — Колумбана: «Где осел важный муж, он стал строить монастырь, к которому благодаря известности народ приходил и исповедовал религиозный культ» («Ibi residens vir egregius, monasterium construere coepit, ad cuius famam plebes undique concurrere et cultui religionis dicare curabant»)[70]. В частности, он считал, что раз Колумбан появился при дворе короля Сигиберта, то и его монашеская община находилась при дворе. Этот фрагмент текста исследователь истолковывал как доказательство заинтересованности короля Австразии и его двора в распространении монастырей, организованных в соответствии с ирландским уставом, и, таким образом, предполагал, что их распространение получило одобрение со стороны этого и других меровингских правителей[71]. Но такие представления кардинально меняли картину развития франкского королевства при Меровингах и не давали возможности понять, почему же они в какой-то момент уступили место другой династии королей — Каролингам.

При тщательном анализе «Житие Колумбана» и другие жития, говорящие о распространении ирландского варианта монашества, показывают, что представление о том, что приход Колумбана и его учеников привел к перераспределению баланса сил между правителями,

[67] *Leyser.* Monasticism. P. 584.
[68] *Усков.* Христианство и монашество. С. 63.
[69] Iona VC. Cap. 6. P. 72; Cap. 10. P. 76.
[70] Ibid. Cap. 10. P. 76; *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 122.
[71] *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 120–134.

светской знатью, епископами и аббатами, является во многом результатом пристрастного прочтения этих сочинений Ф. Принцем. Ведь на самом деле автор весьма уклончиво высказался о том, что именно представляла собой монашеская община Колумбана, была ли она монастырем в истинном смысле этого слова и где именно жил этот ирландский монах. Ведь словосочетание «ibi residens vir egregius» может относиться не только к королевскому двору.

В конце фразы автор жития подчеркивал, что к Колумбану стекался народ, причем он обозначал этот народ словом *plebs*, а не *proceres* или сходными терминами. Это слово, *plebs*, не позволяет истолковывать указанную фразу как доказательство крепкого союза между королевской властью, аристократией и ирландскими монахами. Скорее сообщения «Жития Колумбана» нужно рассматривать как очень распространенный в раннесредневековых житиях топос, к которому их авторы прибегали, чтобы показать популярность святого, которого они описывали в своем сочинении. Вероятно, автор этого жития стремился подчеркнуть, что новые монашеские общины вынуждены были опираться на поддержку как королей, так и в целом населения франкского королевства (хотя вероятно, что, говоря «*plebs*», автор «Жития» все-таки имел в виду мелких местных землевладельцев, «франков», а вовсе не простых крестьян). Поэтому следует признать, что для автора поддержка короля и аристократии была не единственным фактором развития монашества.

На основании исследования «Жития Колумбана» можно выдвинуть гипотезу, которую нужно будет доказать при исследовании других житий. В труде Н. Ф. Ускова было показано, что монастыри стали развиваться во франкском королевстве по ряду внутренних причин, а не в силу внешнего влияния[72]. Жития святых и епископов — учеников Колумбана — описывали, как монастыри стали чем-то вроде центров притяжения разных слоев населения, при молчаливом согласии на это правителей и их администрации на местах. В этих сочинениях авторы (в первую очередь Иона из Боббио) создавали такой образ власти, в соответствии с которым короли не препятствовали распространению монашеских общин, которые возникали в результате инициатив представителей знатных семей. Агиографические сочинения, написанные учениками Колумбана, стремились подчеркнуть масштаб

[72] *Усков.* Христианство и монашество. С. 100–189.

преобразований, инициированных им в области монашеской жизни и в обществе в целом.

Но несмотря на попытки монахов из круга Колумбана представить дело таким образом, что к началу VII в. основанные ими монастыри стали неотъемлемым элементом структуры власти, ситуация на самом деле выглядела по-другому. Как мы знаем из исследований, основанных на всем комплексе источников, а не только на житиях из круга учеников Колумбана, в действительности их влияние на организацию и практику власти было незначительным. Хотя монахи из общин, организованных по уставу Колумбана, работали «в поле» не покладая рук, в период распространения монашества (т. е. в первой половине VII в.) монастыри еще не сложились как центры политической и экономической власти, как это произошло в более поздний, каролингский период. Очень часто это были небольшие общины монахов, статус которых еще предстоит выяснить на основании дальнейшего исследования. В соответствии с житиями, написанными в начале VII в., равно как и в предыдущий период, описанный Григорием Турским, суть практики власти состояла в поддержании равновесия сил между королевской властью, аристократией и епископами, многие из которых происходили из этой аристократии. Монастыри стали центрами взаимодействия между различными группами людей, обладавших властью, и в этот момент они не предоставляли королям преимущества в области использования ресурсов, которые давали организованные и сплоченные монашеские общины Каролингам. Жития Колумбана и его соратников стремились подчеркнуть, что появление их монастырей стало фактором, кардинально изменившим ландшафт власти в королевстве франков, однако эта картина была скорее желаемой, чем действительной.

3.1.3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор

Среди агиографических сочинений, из которых мы можем почерпнуть сведения о взаимоотношениях королей, епископов и монастырей в Нейстрии, можно отметить «Житие св. Балтхильды», жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского, а также несколько других житий, информация из которых может служить иллюстрацией представлений о королевской власти. Самым ранним, т. е. практически современным этим событиям, можно считать «Житие св. Балтхильды».

Это сочинение о вдове короля Хлодвига II, стоявшей у руля власти в качестве регента при своем малолетнем сыне Хлотаре III с 657 по 663/664 г., после смерти своего мужа[73]. Эпоха правления Балтхильды получила различные оценки ученых. Некоторые исследователи считали, что Балтхильда стремилась к ограничению власти знати и централизации королевства вокруг королевского двора. Другие подчеркивали, что Балтхильда так же опиралась на знать, как и ее противники[74]. Но особенно стоит отметить, что в правлении этой вдовствующей королевы было и новое по сравнению с предыдущими периодами. Ее основной опорой в попытках удержаться у власти, как полагают ученые, были монастыри, которые она сама основывала и которые давали ей защиту и независимость от превратностей политической жизни в Нейстрии. Возможно, иногда, поддерживая монастыри, Балтхильда входила в непосредственную конфронтацию с епископатом. Например, в 654 г. она участвовала в процессе против епископа Парижа Сигобранда, который был осужден на смерть, несмотря на то что вдовствующая королева сама обещала ему безопасность во время поездки на судебное заседание. Именно после того как этот епископ был казнен, Балтхильда была отстранена от власти знатью Нейстрии[75].

Житие Балтхильды рассказывает об основании ею монастырей и рисует картину, которую многие ученые интерпретировали как начало постоянной и многоплановой поддержки королевской династией монашеских обителей[76]. Балтхильда, в частности, заложила обитель Шель (Chelles), в которой и проводила время после потери влияния при дворе[77]. Она не только основывала монастыри, но и постоянно поддерживала их путем дарения земель из королевского фиска[78].

---

[73] Vita Sanctae Balthildis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 475–508; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 114.

[74] *McKitterick R.* The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987. London, 1983. P. 89–90.

[75] *Wemple S.F.* Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia, 1981. P. 68–69.

[76] *Ewig* E. 1) Die fränkische Teilreiche. S. 210–211; 2) Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 2. Zürich, 1976. (Beihefte zu Francia. 3). S. 576, 584.

[77] Vita Sanctae Balthildis. Cap. VII.

[78] Ibid. Cap. IV, VII, VIII, IX, X.

Взаимоотношения между королевской властью и знатью (не только в их отношении к монастырям) служили предметом исследований многих историков Средневековья. В XIX и в первой половине XX в. сложилась традиция рассматривать эти взаимоотношения как изначально основанные на соперничестве[79]. Но если не искать в отношениях знати и королей постоянной вражды и рассматривать их как постоянный поиск компромисса и согласия, то эти отношения и роль монашеских общин в них в середине VII в. можно охарактеризовать следующим образом. Исследования показали, что нет смысла проводить различия между «королевскими» и «аристократическими» монастырями, потому что в реальности дело было вовсе не в том, кто основал монастырь и кто имел право осуществлять над ним контроль. Если монастырь был основан не королем, а знатным человеком, то правитель не стремился во что бы то ни стало поставить эту монашескую обитель под свой прямой контроль. Ему хватало того, что во главе был человек, который был многими узами связан с королевским двором[80]. Это положение дел становится ясным из исследования грамот и иных документов, однако интересно посмотреть, какую картину рисуют агиографические сочинения, обращающиеся к этому периоду.

Для лучшего понимания взаимоотношений между королевской династией, придворными, епископами и монашескими общинами можно вначале рассмотреть случай Ниварда Реймсского. История его семьи дает возможность исследовать, как короли опирались на отдаленных родственников, которые в то же время занимали важные позиции в церковной иерархии. Этот епископ в течение долгого времени был представителем ближнего круга короля (*aula regis*), одновременно являясь родственником по женской линии короля Хильдерика II, второго сына Хлодвига II[81]. Его братом был знатный человек (*vir illuster, regis optimatus*) Гундеберт, имя которого можно найти среди подписавших грамоту дарения в пользу монастыря Сен-Дени[82].

[79] *Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien, 1979. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 25).

[80] *Werner* M. Der Lütticher Raum im frühkarolingische Zeit: Untersuchung zur Geschichte der karolingische Stammlandschaft. Bd. 62. Gottingen, 1979. (Veroffentlichungen des Max-Planck-Instituts fur Geschichte). S. 362; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 143.

[81] Vita Nivardi // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / hrsg. von W. Levison. Hanover, 1910. Cap. 1. P. 160.

[82] DM. No. 85.

Пример Ниварда показывает, что в середине VII в. многие обладавшие властью люди стали всё больше внимания уделять основанию монастырей. В 662 г. Берхарий, о котором мы мало что знаем, попросил Ниварда позволить ему основать монастырь в местечке Отвийе (Hautvilliers) на землях, принадлежащих епископу[83]. Монастырь был построен, и его значение хорошо иллюстрирует его дальнейшая история, потому что в пожилом возрасте Нивард удалился от дел именно туда[84]. Таким образом, ясно, что знатные люди, родственники Меровингов, которые занимали важное положение в светской и церковной иерархии меровингских королевств, во второй половине VII в. стали основывать монастыри, которые были не просто обителями для людей, заинтересованных в аскетическом образе жизни, но и «нервными центрами» власти.

Не все жития говорят об основании монастырей, но одно особенно важно для понимания представлений о власти, которые разделяли авторы этих сочинений. «Страсти Леодегара», епископа г. Отен, рассказывают о драматических событиях жизни этого прелата, жившего в третьей четверти VII в. Он был одним из участников событий 673–675 гг., когда отдельные магнаты попытались сместить короля Нейстрии Теодериха и майордома Эброина и поставить вместо него короля Австразии Хильдерика, поддержкой которому были бы Леодегар и его брат Варин, граф королевского дворца (*comes palatii*). В «Страстях», кроме описываемых событий, рассказывается о росте значимости этого прелата и о недовольстве, которое вызвал этот процесс со стороны как городского патрициата, так и светских магнатов Бургундии и даже майордома Нейстрии Эброина[85].

Но не только поэтому интересно это жизнеописание. Оно позволяет реконструировать представления о королевской власти, характерные для авторов сочинений подобного рода в VII в., а также понять, как эти представления менялись с течением времени, когда меровингская Галлия постепенно трансформировалась в Галлию каролингскую. Это жизнеописание сохранилось в трех версиях (названных издателем Б. Крушем соответственно A, B, C), и по крайней

[83] Vita Bercharii // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733. P. 797; Vita Nivardi. Cap. 7. P. 165; Pardessus, Diplomata. Vol. 2. No. 346. P. 128.

[84] Vita Nivardi. Cap. 11. P. 170.

[85] *Fouracre, GerberdingA.* Late Merovingian France. P. 200.

мере одна версия (А) была написана незадолго после описываемых событии и содержала их трактовку, характерную для третьей четверти VII в. Другие же версии относятся, соответственно, к середине VIII и к IX в.[86] Взгляд автора, создавшего «Житие» в третьей четверти VII в., содержал в себе отголоски противоречий между Леодегаром и поддерживавшей его знатью и другой группой светских магнатов, опиравшихся на майордома Эброина[87]. При описании событий после смерти короля Хильдерика в 673 г. автор показывает нам, что для светской знати, претендовавшей на власть, контроль над королевским двором Нейстрии был крайне важен и что в их действиях нельзя найти ни малейшей частицы регионального сепаратизма, который приписывался им некоторыми исследователями, которые считали, что Леодегар выступал только как защитник интересов Бургундии и не был союзником короля Нейстрии[88]. Критика этого тезиса находится в монографии о Франции поздних Меровингов[89] Однако последующие редакции сгладили драматизм этих событий и сделали упор на чудесах, которые Леодегар творил после смерти[90].

Ангажированность автора более ранней редакции «Жития», который еще мог лично знать епископа Леодегара, и его интерес к политическим событиям, в которые оказался вовлечен этот епископ, говорят о том, что в VII в. между хрониками и агиографическими сочинениями еще не существовало той жесткой грани, которая появилась позднее. «Житие Леодегара», написанное вскоре после его гибели, показывает его в первую очередь как важного царедворца и регионального магната. Только с ходом времени в результате распространения идеалов Каролингского возрождения и монашеской реформы Бенедикта Анианского, предпринятой во времена Карла Великого и его наследников, их авторов всё меньше стала интересовать вовлеченность епископа-мученика в политические события. Одновременно образ Леодегара Отэнского стал приобретать всё больше черт истинного

[86] *Krusch B.* 1) Passiones Leudegarii episcopi et martyris Augustodunensis // Passiones vitaeque sanctorum. Berlin, 1910. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. 5). C. 249–259; 2) Die älteste Vita Leodegarii // Neues Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1891. Jg. 16. S. 563–596; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 194–195.

[87] *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 212.

[88] *Chaume M.* Les origines du Duché de Bourgogne: En 2 t. Dijon, 1928. T. 1. P. 22–23.

[89] *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 197.

[90] Ibid. P. 194–195.

святого и чудотворца, что было характерно для житий Григория Турского. Эту хронологию развития представлений о святых нужно иметь в виду, когда мы будем исследовать жития, в которых вопрос об опоре королей и епископов на монастыри освещается уже более детально. Поскольку многие из них сохранились в более поздних редакциях, нужно быть внимательным к тому, какой именно период в развитии раннесредневековой агиографии и отношений между светской и церковной властью отражали эти источники.

Двумя важнейшими агиографическими источниками по истории Нейстрии VII в. являются жития Эдуэна, епископа Руана, и Элигия, епископа Нойона[91]. Эти два текста сообщают нам о политических событиях и показывают осведомленность их авторов в делах королевского двора[92]. Исследователи показали, что их можно анализировать не только как агиографические сочинения, но и как тексты, которые отражают вгляд образованных монахов или священников на светскую власть. Иначе говоря, они, вероятно, содержат не только топосы, характерные для житий, но и суждения своих авторов.

Интересным примером того, насколько сложными представали взаимоотношения между королями, местной знатью и церковью для образованных монахов и священников, предпринимавших составление агиографических сочинений, является жизнь и житие Дадона из Мо. Он родился в правление короля Хлотаря II в окрестностях Суассона[93]. Отец будущего епископа Хагнерих в 612/613 г. состоял при австразийском короле Теодеберте II, а потом был референдарием Дагоберта I. Вскоре его семья переехала в свое владение Vulciacum (совр. Ussy) на Марне, рядом с г. Мо. Этот город находился чуть ближе к Парижу, чем Суассон. Это может говорить об амбициях семьи, хотя при отсутствии других данных сложно сделать окончательные выводы. Владения этой семьи хорошо исследованы, и ученые показали, что они были скромными и весьма разбросанными по сравнению с теми

[91] Vita Audoini episcopi Rotomagensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sacntorum. Hannover, 1910. S. 543–567; Vita Eligii episcopi Noviomagenisis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. Hannover, 1902. S. 663–741.

[92] *Wood I.* The use and abuse of Latin hagiography in the early medieval West // East and West: Modes of communication. Proceedings of the First Plenary conference at Merida / ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 197.

[93] Vita Audoini episcopi Rotomagensis. Cap. I.

средневековыми доменами, которые мы привыкли ассоциировать с владениями знати или монастырей[94]. Однако небольшой размер владений семьи Дадона ничего не значит, потому что владения многих знатных семей и даже королей в Раннем Средневековье были небольшими и разбросанными по разным областям[95]. Поэтому можно предположить, что в лице семьи Дадона мы имеем дело с весьма заинтересованной в распространении своего влияния группой представителей местной знати, связанной семейными узами.

Исследователи рассматривали Дадона как пример распространения ирландского монашества и как доказательство тесной связи между этой формой организации аскетизма и светскими властителями франкского королевства. «Житие Колумбана» сообщает, как этот ирландский миссионер навестил Дадона во владениях его семьи. Это, по мнению автора жития, могло служить доказательством принадлежности Дадона к ирландской монашеской традиции[96]. А поскольку житие самого Дадона сообщает, что он приложил много усилий для основания монастырей в своем диоцезе, то некоторые исследователи предполагали, что он был представителем ирландской традиции в монашестве[97]. Но в отношении жития св. Эдуэна следует ставить другие вопросы, поскольку нет смысла еще раз поднимать вопрос о том, соответствуют ли утверждения этого текста о влиянии ирландского монашества на распространение монастырей истине. Эти источники могут дать ответ на вопрос о том, как строилось взаимодействие между Меровингской династией и влиятельными и богатыми семьями королевства.

Из документов и других источников мы можем определить, что Дадон (он же св. Эдуэн) занимал важное положение при дворе, поскольку он был референдарием Дагоберта I. Так, другое житие

---

[94] *Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich: Siedlungsund standesgeschichtliche Studie zu den Anfangen des frankischen Adels in Nordfrankeich und Belgien. Wiesbaden, 1958. (Vierteljahrschrift für Sozialund Wirtschaftsgeschichte, Beihefte. 41); *Zöllner E.* Die Herkunft der Agilulfinger // Mitteilungen des Instituts für Österreichesche Geschichtsforschung. 1951. Jg. 59. S. 254.

[95] *Tits-Dieuaide M.-J.* Grands domaines, grandes et petites explotations en Gaule merovingienne // La grand domaine aux epoques merovienne et carolingienne. Die Grundherrschaft im frühen Mittelalter, Actes du colloque internationale, Gand 8–10 septembre 1983 / sous la dir. d'A. Verhulst. Gand, 1985. P. 23–50.

[96] Iona VC. Pars. I. Cap. 26.

[97] Vita Audoini episcopi Rotomagensis. Cap. 5; *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 126–127.

(св. Колумбана) намекает, что Дадон выступал в роли правой руки при королях и майордомах Нейстрии в регионе между Парижем и Северным морем. Это житие считает, что свое положение он сохранял и при Хлодвиге II, сыне Дагоберта I[98]. Возможно даже, что он представлял интересы знатных семей г. Мо при королевском дворе[99]. Одновременно его брат Адон оставил службу при дворе и основал монастырь Жуар (Jouarre). Третий брат Дадона, Радон, сперва был казначеем Дагоберта I, а затем основал монастырь Рей (Reuill)[100]. Поздние документы сообщают также, что три брата основали монастырь Ребеан-Бри (Rebaix-en-Brie), который находился сравнительно недалеко от их родового гнезда[101]. Но следует отметить, что об этом мы узнаем только из других источников, а не из «Жития св. Эдуэна», которое говорит об основании монастырей как о показателе и следствии благочестия этого епископа. Таким образом, мы можем сделать вывод, что цель автора «Жития» состояла в замалчивании того, что в своем покровительстве постройке монастырей епископ Руана продолжал традиции своей семьи.

Казалось бы, история братьев, которую рассказывает «Житие св. Эдуэна», является примером того, как особое доверие королей Нейстрии давало возможность знатным семьям занять важное положение не только в светской, но и в духовной иерархии. В частности, ученые середины XX в. утверждали, что епископ опирался на королей, чтобы укрепить свое шаткое положение среди светской аристократии Нойона[102]. Однако этого нельзя увидеть, если рассматривать только его «Житие». Если вчитаться повнимательнее в его жизнеописание, а также рассмотреть документы, относящиеся к семье св. Эдуэна, то видно,

---

[98] Iona VC. Pars I. Cap. 26: *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France. P. 66–80, 137–139; *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 85–89.

[99] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 89.

[100] *Barrault A.* L'influence de saint Colomban et ses disciples dans les monastères de la Brie // Melanges Colombaniens. Actes du Congrès international de Luxeuil, 20–23 juillet 1950. Paris, 1951. (Bibliothèque de la Société d'histoire ecclésiastique de la France). P. 204; Vita Audoini episcopi Rotomagensis. Cap. 5. Vita Aegili // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733. Cap. 14. P. 307.

[101] DM. No. 49.

[102] *Scheibelreiter* G. Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon // Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. (Osterreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften. 322; Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. 8). S. 127–128.

что успех семьи Дадона зависел не только от опоры на короля. Грамоты показывают, что покровительство Меровингов не было единственным фактором, на который знать могла опираться при продвижении своих интересов. Многое зависело и от других представителей церковной иерархии или светской знати. В 629 г. отец братьев Хагнерих основал монастырь св. Креста под стенами г. Мо, который затем стал носить его имя[103]. Епископ г. Мо Бургундофарон (в диоцезе которого находились владения семьи Дадона) даровал его родственникам право на основание монастыря и иммунитет против вмешательства епископа в его дела и право монашеской общине самой избирать аббата[104]. Это дарение следует расценивать не как признак слабости епископа и не как вынужденное согласие с основанием влиятельной семьей независимого от него монастыря. Ведь в мире, где документы на право владения могли значить очень мало, дарение епископом права основания монастыря было не показателем слабости, а, наоборот, показателем своего авторитета. Подарив права на основание монастыря отцу и братьям св. Эдоэна, Бургундофарон показал, что от него многое зависело в диоцезе г. Мо. Таким образом, дело вовсе не обстояло так, как будто бы семья Дадона опиралась на Дагоберта и затем Хлодвига II и противостояла епископам и знати. На самом деле у этой родственной группы существовали сложные взаимосвязи со светской и церковной иерархией, и родственники Дадона использовали все эти связи, чтобы защищать интересы семьи и основывать монастыри.

Рост значимости св. Эдоэна в церковной и светской иерархии после того, как он стал епископом Руана, можно увидеть в дарениях, которые подписал в его пользу майордом Эрхиноальд[105]. Последний передал ему права на ряд земель и поселений в окрестностях этого города. Но тогда возникает вопрос о том, насколько автор «Жития св. Эдоэна» был готов признать покровительство, которое оказывали герою его сочинения при дворе королей Нейстрии? Ведь из других источников мы знаем, что основание монастырей было делом не только епископов, но и придворных короля, к которым относился и Эрхиноальд. Если верить «Житию св. Фурсея», то оказывается, что последний приложил руку к основанию монастырей в первой половине VII в.

[103] *Lauer P., Samaran C., Prou M.* Les diplômes originaux des Mérovingiens. Paris, 1908. No. 4.

[104] DM. No. 49.

[105] Ibid. No. 88.

Он способствовал основанию монастыря Ланьи около Парижа (Lagny-sur-Paris). «Житие» также утверждает, что сам король Хлодвиг II участвовал в основании этой обители. В этом тексте написано также, что после смерти Фурсея Эрхиноальд построил базилику ради почитания его имени в Нойоне, в монастыре Перонна (*Peronna*)[106]. «Житие Элигия Нойонского» сообщает также, что Эрхиноальд принимал участие в основании монастыря св. Вандрегизеля и что он был связан дружбой с св. Эдоэном, чего нельзя почерпнуть из жития самого св. Эдоэна[107]. Не все сообщения об активном участии Эрхиноальда в основании монастырей бесспорны. В особенности стоит отметить, что непонятна связь св. Фурсея, Эрхиноальда и монастыря Ланьи. Много вопросов вызывает факт постройки базилики, посвященной св. Фурсею, в северной Нейстрии, т. е. в значительном отдалении от монастыря Ланьи, находящегося под Парижем. Этот пример показывает, что не для всех авторов житий было важно показать королевское покровительство монашеским общинам, поддерживаемым епископами. Можно ли считать поэтому, что положение св. Эдоэна в иерархии власти было таким же, как и положение его коллеги св. Элигия Нойонского или св. Фурсея? Издатели этого жития подчеркивали, что автор крайне мало сказал о деталях его жизни, подчеркнув только его святость[108]. Большую часть жития занимает рассказ не о деяниях епископа, а о его смерти и похоронах. Более того, для автора «Жития св. Эдоэна» его герой основывал монастыри вне всякой связи с попытками королей и их придворных взять этот процесс под свой контроль. Независимость этого епископа от королевской власти была более значима для автора, чем описание дружбы между св. Эдоэном, королями и их придворными, свидетельства о которой мы находим в других житиях.

Более того, в «Житии» нельзя найти никаких свидетельств о том, как изменилось положение св. Эдуэна после смерти майордома Эрхиноальда, одного из его влиятельных «друзей». Однако из изучения грамот мы знаем, что системы альянсов, которые складывались при

---

[106] Vita Fursei // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733. P. 300–314; Vita Fursei // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1902. S. 423–451.

[107] Vita Eligii episcopi Noviomagenisis. Cap. 27. P. 714.

[108] *Levison W.* Vita Audoeni episcopi rotomagensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5: Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. S. 543.

взаимодействии властителей и светской и церковной аристократии, могли значительно меняться при смене власти. Когда после смерти Хлодвига II в 656 г. майордомом сначала стал Эброин, а затем Варатто, св. Эдоэн должен был поделиться своими правами на управление несколькими важными поселениями в своем диоцезе с аббатом Сен-Дени[109]. Можно предположить, что большую роль в перераспределении собственности мог сыграть майордом Варатто. Ведь он, уроженец севера Нейстрии, мог лучше представлять интересы знатных людей Руэна, чем епископ, чьи семейные связи ограничивались окрестностями г. Мо[110]. Однако и это событие не заинтересовало автора «Жития».

Эти примеры показывают, что традиционные представления о королевской власти не дают возможности понять всю сложность эволюции взаимоотношений властителей и знати, тем более если речь идет о представителях последней, ставших частью церковной иерархии. В особенности сложно учесть авторскую позицию создателей житий, современных событиям VII в. или писавших через столетие или даже больше после описываемых событий, которые могли либо подчеркнуть обособленность епископа от королевской власти, либо сделать упор на его приближенности ко двору. «Житие Колумбана» пыталось создать впечатление широкого распространения ирландского монашества по Галлии и его тесной связи с интересами королевской власти во второй четверти VII в. О покровительстве власти основанию монастырей говорят вышеупомянутые сюжеты, связанные с именами Ниварда Реймсского и Эрхиноальда. Однако авторы некоторых агиографических сочинений о меровингских епископах (в особенности поздних, написанных в каролингскую эпоху) считали, что основание монастырей было прежде всего прерогативой епископов, а не королей, их приближенных или отдельных знатных семей. При ближайшем рассмотрении оказывается, таким образом, что сообщения ключевых текстов, относящихся к этому периоду, рисуют разные взгляды на взаимоотношения государства и церкви в процессе распространения монашества.

Это позволяет заново посмотреть, как была устроена власть во франкском королевстве в соответствии со взглядами автора жития, которое было написано через сто лет после описываемых событий.

---

[109] DM. No. 88.

[110] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 89–90.

в конце VIII или начале IX в. Очевидно, что автор не стремился представить поддержку франкских правителей Галлии важнейшим фактором, позволявшим епископу знатного происхождения завоевать авторитет в своем диоцезе при основании монастырей. Наоборот, автор старался показать, что смерть св. епископа Эдуэна явилась важнейшим событием для короля Теодериха III (673–690) и его окружения, и он рисует в деталях, с какой скорбью правитель и его двор приняли участие в последних церемониях[111]. Текст «Жития» представляет иной взгляд на события жизни и смерти св. Эдуэна по сравнению с тем, который можно встретить у авторов жизнеописаний других святых или же по сравнению с той ситуацией, которая возникает после изучения грамот. На основании примера «Жития св. Эдоэна» можно утверждать, что его автор, писавший во время правления династии Каролингов, стремился создать картину, в соответствии с которой меровингские короли были слабы и практически незаметны в делах церкви, что противоречит данным грамот.

Идея об особой взаимосвязи между королевской династией и монастырями как опорой власти этой династии присутствует в «Житии Балтхильды», однако в других житиях, как современных ему, так и написанных много позже, нельзя найти эту идею как общепринятую. Меровингские жития не позаимствовали из «Жития Колумбана» всех тех представлений, которые были характерны для образа светской власти, сложившегося в сочинениях из круга св. Колумбана[112]. Описание деятельности св. Эдоэна и св. Элигия в житиях свидетельствует о том, что нельзя говорить о представлениях об особой связи между монастырями и королевской династией в VII–VIII вв.[113] Для основания монастырей знать не должна была опираться только на королей. Монастыри были теми центрами, где в течение позднего периода правления династии Меровингов короли и епископы должны были взаимодействовать, если они хотели опираться на монашеские общины. Несмотря на то что в это время монастыри стали широко распространяться по королевству франков, для авторов житий (в особенности для тех, которые писали через столетие после описываемых событий) их появление не изменило политического

[111] Vita Audoini episcopi Rotomagensis. Cap. XV–XVII.

[112] *Wood I.* The Vita Columbani and Merovingian hagiography // Peritia. 1982. Vol. 1. P. 63–80.

[113] *Scheibelreiter.* Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon. S. 127–128.

баланса и не повлияло на те ресурсы, которые были у королей и их двора. Скорее, в VII в. монастыри стали всего лишь одним из мест, где проявлялась практика власти, которая в это время сложилась в Нейстрии. А именно, монастыри стали своего рода промежуточным звеном между светской и церковной иерархиями власти, которое играло важную роль в политике в королевстве франков, суть которой состояла в поиске согласия между королями, знатью и епископами. Можно утверждать, что в VII в. образованный клир считал, что епископы могли на равных с королями определять политику франкского королевства и что только открытое насилие со стороны королей могло ограничить власть прелатов. В представлениях клира короли и епископы этой эпохи должны были договариваться и находить взаимоприемлемые способы использования ресурсов монастырей, которые к этому моменту стали постепенно менять светский и церковный климат меровингской Галлии.

Это позволяет заново посмотреть, как изменились представления о том, насколько значимым был авторитет церкви для светской власти в соответствии со взглядами авторов агиографических сочинений в период между серединой VII и серединой VIII в. Для автора первой редакции «Жития св. Леодегара Отэнского» (третья четверть VII в.) было важно подчеркнуть вовлеченность этого прелата в политическую борьбу и его значимость при дворе. Но как редактор более поздней версии этого жития, так и автор «Жития св. Эдуэна», которое было написано через сто лет после описываемых событий, в конце VIII или начале IX в., уже мало интересовались вовлеченностью епископов в процесс управления. Автор «Жития св. Эдуэна» не стремился представить поддержку франкских правителей Галлии важнейшим фактором, позволявшим епископу завоевать авторитет в своем диоцезе при основании монастырей. Он стремился показать, что смерть св. епископа Эдуэна, наоборот, в значительной степени повлияла на короля Теодериха III и его окружение, и в деталях описывал, с какой скорбью правитель и его двор приняли участие в последних церемониях[114]. Сообщения «Жития» представляют собой иной взгляд на события жизни и смерти св. Эдуэна по сравнению с тем, который можно найти у авторов жизнеописаний других святых или же по сравнению с той ситуацией, которая обнаруживается после изучения грамот.

[114] Vita Audoini episcopi Rotomagensis. Cap. XV–XVII.

3.2. «Королевские монастыри» в меровингскую эпоху: пример Сен-Дени

История Сен-Дени является одним из важнейших сюжетов в средневековой истории Франции и по этой причине представляет собой яркий пример для исследования образов власти в королевстве франков. Традиция исследования Сен-Дени именно как королевского монастыря сложилась в Средневековье, но она получила яркое воплощение в начале XVIII в.[115] В Высоком Средневековье этот монастырь стал символом единства Франции и преемственности монархии и ее королей из династий Капетингов и Валуа. Сен-Дени был усыпальницей французских королей, и в нем хранились символы монархии, такие как орифламма (Oriflamme), боевой стяг французских королей. Именно в этом аббатстве монахи хранили память о королях Франции, поддерживая традицию историописания. История Сен-Дени служила символом преемственности истории Франции и французской монархии в период Средневековья, и по этой причине уже тогда сложилось представление об изначальной тесной связи монастыря и франкских королей Меровингской и Каролингской династий. Именно в силу этого обстоятельства в исторической науке сформировался ряд неверных представлений об образе власти франкских королей в плане их исконной тесной связи с церковью.

Как будет показано в этой главе, раннюю историю монастыря Сен-Дени, которая нашла отражение в исторических сочинениях и документах, нужно воспринимать не как беспристрастное изложение фактов, но как тенденциозный взгляд в прошлое, сформировавшийся в Раннем и Высоком Средневековье. Эти представления о прошлом являются частью средневекового образа франкской и французской монархий, и они не в последнюю очередь заложены в знаках и символах, отразившихся в исторических сочинениях, житиях и представлениях о прошлом. Поэтому вопрос об истории Сен-Дени — это вопрос о том, как исторический контекст Средневековья способствовал возникновению легенд и мифов о ранней истории франкского королевства. Дискуссии об основных событиях в истории монастыря в Раннем Средневековье дали возможность осмыслить историю франкского королевства (а затем и Франции), и поэтому представления о прошлом

[115] *Felibien M.* Histoire de l'abbey royale de Saint Denys en France. Paris, 1706.

этого монастыря стали своего рода способом выразить отношение к королям и к их взаимоотношениям с церковью. Это стало причиной жарких дискуссий, в рамках которых оспаривание отдельных аспектов истории Сен-Дени или защита их подлинности дали повод выразить свое мнение по поводу современных для участников этих дискуссий событий.

Для доказательства этой идеи в данном параграфе будет сделана попытка показать, что реальные события из прошлого этого монастыря были для образованных людей Раннего Средневековья (а именно периода VII–IX вв.) равнозначны его легендарным, мифологическим аспектам, которые имели значение передававшегося путем устной традиции знания прошлого, служившего основой прав монастыря на свой домен. Именно поэтому обращение современных ученых к истории Сен-Дени является не просто обычным исследованием политической или социальной истории, а должно проводиться в первую очередь методами культурной истории. Пример Сен-Дени нужно рассматривать, в первую очередь обращая внимание на проблему «исторической памяти» в Средневековье, тему, которая стала ключевой для многих современных историков. Она стала одной из важнейших для исследователей после появления работы Ле Гоффа[116], в которой автор утверждал, что в средневековом обществе отсутствовал интерес к прошлому. Однако целый ряд работ, написанных в рамках полемики с этим тезисом, показал, что в Средние века существовала «культура памяти», которая позволяла иметь представление о прошлом и без историографии в современном смысле этого слова[117]. Исследование этой темы дает возможность понять, как уже тогда складывалась практика обращения к истории и создания

[116] *Le Goff J.* History and Memory. New York, 1992. P. 13.

[117] Memoria: Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter. Bd. 48 / hrsg. von K. Schmid, J. Wollasch. München, 1984. S. 786. (Münstersche Mittelalter-Schriften); Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters / hrsg. von D. Geuenich, O. G. Oexle. Göttingen, 1994. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 111); Memoria als Kultur / hrsg. von O. G. Oexle. Göttingen, 1995. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 121); *Carruthers M.J.* The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge, 1990. (Cambrdge studies in medieval literature. 10); *Geary P.* Phantoms of remembrance: Memory and oblivion at the end of the first millenium. Princeton, 1994; *Remensnyder A.* Topograhies of memory: Center and periphery in high medieval France // Medieval concepts of the past: ritual, memory, historiography / eds. G. Althoff, J. Fried, P. Geary. Washington, DC, 2002. P. 193–214.

исторических дискурсов как ответов на злободневные запросы времени[118].

Среди исторических свидетельств, повествующих о ранней (позднеантичной и меровингской) истории Сен-Дени, можно выделить истории о его основании св. Дионисием Ареопагитом и о событиях VI в. Но не менее интересен и период VII–VIII вв., время ослабления династии Меровингов и смены ее династией Каролингов. Ведь именно после временного исчезновения из источников в этот период монастырь возникает в документах правления Пипина III, Карла Великого и Людовика Благочестивого как обитель, тесно связанная с королями и претендующая на особый статус в церковной и светской иерархиях. Этот период крайне важен для понимания принципов взаимодействия представителей церковной и светской иерархий, между королевской властью, епископами и монастырями. В силу своего исключительного положения в Высоком Средневековье Сен-Дени стал примером, который специалисты брали за основу при исследовании принципов взаимодействия светской и церковной власти в Раннем Средневековье[119]. По-прежнему актуален вопрос об истоках этого процесса. Сакрализация Сен-Дени как символа власти королей над Францией началась в Средневековье, и, как будет показано, практика мифологизации прошлого этого монастыря тоже уходит корнями в то время, когда франкские короли из династии Каролингов, в особенности Пипин III и Карл Великий, стремились распространить свое влияние по всей Европе. Наличие в истории монастыря нерешенных проблем заставляло исследователей вновь и вновь ставить вопрос об истоках его особого положения и искать прообраз специфических взаимоотношений между правителями и монахами в Раннем Средневековье. В частности, вопрос о том, когда именно Сен-Дени стал «королевским монастырем», т. е. аббатством, получавшим определенные привилегии от королевской династии, до сих пор является одним из важнейших в историографии[120].

Для исследования этого вопроса следует в первую очередь обратиться к исследованию источников по истории монастыря Сен-Дени

---

[118] *Spiegel G.M.* The chronicle tradition of Saint-Denis. Brookline, MA, 1978. (Medieval classics: Texts and studies. 10).

[119] *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 140.

[120] *Semmler J.* Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 2 / hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen, 1989. S. 75–123. (Beihefte der Francia. 16).

в ранний, меровингский период его существования. К ним относятся хроники, грамоты, а также жития святых и жизнеописания правителей (как, например, «Деяния короля Дагоберта»). Среди источников можно отметить «Историю» Григория Турского, четвертую книгу «Хроники» Продолжателя Фредегара, «Историю франков» неизвестного автора (которую медиевисты знают под названием «Liber historiae francorum»), жития св. Женевьевы, св. Элигия Нойонского и св. королевы Балтхильды («Vita sanctae Balthildis reginae»).[121] Все эти источники говорят об истории Сен-Дени мимоходом. «История» Григория Турского оканчивается в конце VI в. и поэтому исключается в качестве источника по истории аббатства в интересующий нас период, т.е. в период VII — первой половины VIII в. Самым ранним из достоверных источников может считаться «Житие св. королевы Балтхильды», которое появилось вскоре после ее смерти, в третьей четверти VII в.[122] О датировке источника было написано много, но самым лучшим обзором современной литературы на данный момент может считаться работа Форакра и Гербердинга[123]. «Хроника» Продолжателя Фредегара и «История франков», а также «Житие св. Элигия Нойонского» описывают период VII–VIII вв., будучи сами написаны вскоре после описываемых ими событий (но позже, чем житие Балтхильды). К сожалению, в них практически нет информации относительно истории Сен-Дени.

Не все остальные источники равнозначны в смысле надежности их сообщений в отношении периода VII–VIII вв. Исследования историографической и документальной традиции в ранней, меровингской истории монастыря не дали возможности историкам сделать окончательные выводы, и многие источники и по сей день не имеют надежной датировки. Среди них можно отметить «Мучения св. Дионисия, Рустика и Элевтерия», текст, самые ранние редакции которого сохранились только в рукописях IX в.[124] Исследователи уточнили, что в «Житии св. Женевьевы» содержится упоминание «Мучений св. Дионисия», которые, соответственно, являются источником более ранним[125]. Но по поводу датировки «Жития св. Женевьевы» возник-

[121] *Levillain.* Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne. P. 5.

[122] Vita Sanctae Balthildis // MGH SRM. Vol. II / ed. B. Krusch. Hannover, 1888. P. 475–508.

[123] *Fouracre., Gerberding.* Late Merovingian France. P. 114.

[124] L'École de medecine de Montpellier. Ms. 55; Sankt-Gallen. Hs. 230.

[125] *Levillain.* Études I. P. 11.

ли споры: Г. Курт и Л. Левиллен датировали его началом VI в., однако Ж. Аве выдвинул гипотезу, что он был составлен только при Карле Великом. Как постарался показать Г. Курт, житие относится к началу VI в.[126] Левиллен согласился с этой точкой зрения[127]. С другой стороны, Ж. Аве утверждал, что это источник IX в.[128] Современные исследования говорят о раннем ядре этого «Жития» и подтверждают поздний характер окончательной редакции[129]. Поэтому оба агиографических сочинения не могут быть точно датированы, хотя в них и может присутствовать косвенная информация относительно истории Сен-Дени в VII–VIII вв.

Современные исследователи считают, что особые отношения между Сен-Дени и королевской властью сложились рано и уже в конце VI в. монастырь стал надежной опорой и практически единственной обителью, на которую полагались франкские короли. Некоторые современные ученые ищут истоки особого отношения меровингских правителей к этому монастырю и городу, рядом с которым он находился, именно в VI в. Они исходят из давно сформировавшегося представления об особой связи между монастырем и королевской династией, которая возникла благодаря постепенному и поступательному росту значимости монастыря Сен-Дени. Примером такого подхода может служить исследование Земмлера[130]. Этот тезис возникает при прочтении «Деяний короля Дагоберта», где говорится, что он щедро пожертвовал монастырю земли скончавшегося аквитанского графа Садрегизеля, а также о постройке им базилики Сен-Дени в начале VII в., об основании монастыря (т. е. монашеской общины) и о передаче ему всех прав на торговую деятельность по всей Галлии[131].

И действительно, можно точно утверждать, что аббатство Сен-Дени было связано множеством нитей с Меровингами еще начиная с конца VI в. После 570 г. церковь аббатства стала их местом

---

[126] *Kurth.* Étude critique sur la Vie de sainte Geneviève. P. 1–96.

[127] *Levillain.* Études I. P. 11.

[128] *Havet J.* Les origines de Saint-Denis // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 38.

[129] Les vies anciennes de sainte Geneviève de Paris: études critiques / sous la dir. de M. Heinzelmann, J.-C. Poulin, M. Fleury. Paris, 1986. (Bibliothèque de l'Ecole des hautes études, IVe section, Sciences historiques et philologiques. 329).

[130] *Semmler.* Saint-Denis. S. 80–81.

[131] Gesta Dagob. Pt. I. Cap. 17, 33. P. 406, 413.

захоронения, хотя и не единственным[132]. Противоположной точки зрения придерживается Эвиг[133], который подчеркивал роль Дагоберта (около 630 г.) в перемещении места захоронений короля и членов династии из Сен-Жермэн-де-Прэ в Сен-Дени. Начиная с VI в. монастырь также служил для Меровингской династии стратегическим плацдармом для распространения их влияния в Галлии[134]. Благодаря этой связи династия, активно участвовавшая в делах аббатства, удостоила Сен-Дени многими пожертвованиями и особыми привилегиями. В соответствии с документом, который перечисляет пожертвования короля Хлодвига II в 654 г., Дагоберт I установил в аббатстве *laus perennis*, круглосуточное пение монахов[135]. О достоверности пожертвований говорят работы Левиллэна, где подчеркнут их в целом оригинальный характер, но говорится о большом количестве интерполяций в самих документах[136]. О Дагоберте как о *terminus a quo* в введении этой практики в Галлии писал Ф. Принц[137]. Другие меровингские короли были щедры к монастырю: король Хлотарь III пожертвовал церковь и монастырскую общину[138], Хлотарь III и Хлодвиг II даровали неприкосновенность всех его владений[139]. Однако поскольку грамоты в пользу монастыря, приписываемые Дагоберту I, на самом деле датируются только второй половиной VII в. и могут быть недостоверными, то вопрос о характере покровительства и об уникальности связи между Меровингами и Сен-Дени остается открытым.

Чтобы объяснить ранний рост значимости Сен-Дени, появился «географический» подход, в рамках которого особая роль этого монастыря объяснялась просто удачным положением — под Парижем, будущей столицей Франции в Средневековье и в Новое время. Земмлер утверждал, например, что монастырь Сен-Дени рано стал политическим и культурным центром как Нейстрии, так и прилежащих

---

[132] *Crosby S.M.* The royal abbey of St-Denis from its beginning to the death of Suger. 475–1151 / ed. P.Z. Blum. New Haven, 1987. P. 9.

[133] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 179.

[134] *Van Dam.* Saints and their miracles in late antique Gaul. P. 27; *McKitterick R.* The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987. P. 90.

[135] DM. No. 85; Patrologia latina. Paris, 1835. Vol. 71. Col. 1198.

[136] *Levillain.* Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne. P. 346.

[137] *Prinz.* Frühes Mönchtum. S. 107.

[138] *Semmler.* Saint-Denis. S. 88, No. 116.

[139] Ibid. S. 86.

регионов. В качестве доказательства он привел строчки из стихотворения поэта Венанция Фортуната, жившего в конце VI в. Однако из этих стихов можно увидеть только то, что в это время культ св. Дионисия ассоциировался у образованных людей с Парижем[140]. Более оправданным выглядит утверждение, что значение Сен-Дени выросло, потому что начиная с последних десятилетий VI в. (а именно с 570 г. или около того) отдельных правителей из династии Меровингов уже начали хоронить в этой церкви[141]. В «Деяниях короля Дагоберта» подчеркнута роль этого правителя в переносе королевской усыпальницы из Сен-Жермен-де-Пре в Сен-Дени. Казалось бы, это может служить показателем того, что Сен-Дени стал важным центром в Галлии благодаря своему географическому положению, а именно по причине стратегического значения, которое франкские короли видели в Париже и в более общем смысле в области Иль-де-Франс.

Ряд исследователей утверждают, что монастырь Сен-Дени уже в конце VI в. стал политическим и культурным центром как Нейстрии, так и прилежащих регионов. Центральной для представления о тесной связи Сен-Дени и Меровингов в начале VII в. является уверенность, что эта церковь всегда занимала важное место в стратегических расчетах франкских королей. Упомянутые исследователи считают усиление Сен-Дени прогрессивным, положительным процессом, который способствовал уменьшению раздробленности Франции в раннесредневековый период и ее «собиранию» вокруг нового центра власти франкских королей, Парижа. Именно поэтому Земмлер стремился показать, что Иль-де-Франс в целом и базилика св. Дионисия в частности рано стали появляться в источниках как центры сосредоточения святости и, соответственно, как сакральные центры, санкционировавшие власть франкских королей над Галлией[142].

Однако стоит заново взглянуть на источники и перепроверить сведения об усилении монастыря Сен-Дени в столь ранний период меровингской истории и о практике взаимоотношений между королями и церковью. Автор «Мучений св. Дионисия» ничего не знал о постройке базилики и об основании монастыря королем Дагобертом в начале VII в. Это вполне могло бы быть объяснено одной из гипотез

[140] Ibid. S. 80.

[141] *Crosby*. The royal abbey of St-Denis from its beginning to the death of Suger, 475–1151. P. 9; *Ewig*. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613). S. 92.

[142] *Semmler*. Saint-Denis. S. 75–82.

относительно времени написания этого источника, которая относит его к началу VI в. Но в отношении датировки этого источника, как мы уже упоминали, возникает ряд проблем. Как считал Ж. Аве, «Мучения св. Дионисия» содержат в себе информацию, которую их автор заимствовал из «Жития св. Женевьевы». В соответствии со взглядами Ж. Аве, поскольку «Житие» предшествовало написанию «Мучений св. Дионисия», а само «Житие» появилось только в IX в., то из этого следовало, что автор «Мучений» должен уже был знать об исторической традиции, которая свидетельствовала об особом покровительстве Дагоберта I Сен-Дени. Если он не упомянул об этом факте, то это, как считал Ж. Аве, говорит о незнании истории этого монастыря и, следовательно, об отсутствии его связи с регионом Иль-де-Франс. Ж. Аве также необоснованно утверждал, что «Мучения» написаны позже, чем «Деяния короля Дагоберта», именно потому, что их автор ничего не знал о действиях Дагоберта в отношении монастыря[143]. Этот тезис вызвал критику со стороны Левиллена, который настаивал, что расхождения этих источников в отношении постройки базилики и основания монастыря могут быть объяснены только тем, что «Мучения» были действительно написаны в начале VI в.[144] Но тезис Левиллена вряд ли может считаться доказанным, допустимо лишь утверждать, что если «Мучения» были написаны в IX в., как и «Деяния короля Дагоберта», то они появились раньше, чем второе сочинение. Сами по себе эти источники не дают возможности утверждать что-либо об отношениях династии Меровингов и Сен-Дени. Но сам факт пожалования королем Дагобертом земель базилике Сен-Дени оставался для этого автора несомненным.

Однако именно по этой причине агиографические сочинения дают возможность посмотреть на важнейший аспект средневековой культуры — историческую память. Поскольку их окончательное оформление пришлось на период, далеко отстоящий от описываемых ими событий, то эти источники можно использовать, чтобы исследовать концепции прошлого и то, как образованные люди обращались к нему. Молчание автора «Мучений», вероятно, можно объяснить отношением к меровингским королям, которое сложилось в каролингской историографии. Понятно, что Эйнхард, например, стремился прямо опорочить

[143] *Havet.* Les origines de Saint-Denis. P. 38.
[144] *Levillain.* Études I. P. 26–28.

Меровингов[145]. Автор «Мучений св. Дионисия» вполне мог ничего не упомянуть о короле Дагоберте I и его покровительстве Сен-Дени, потому что его взгляды могли принадлежать к прокаролингской историографической традиции. В этом случае он не был заинтересован в том, чтобы подчеркивать связь между Сен-Дени и меровингскими правителями. Лакуна могла возникнуть как следствие попытки вычеркнуть меровингский период из истории Сен-Дени и как результат стремления оправдать притязания этого монастыря с помощью обращения к позднеантичной традиции. Поэтому умолчание можно воспринимать не только как незнание историографической традиции, сложившейся в Сен-Дени, а как сознательный выбор позиции в отношении прошлого монастыря. Однако следует особо отметить, что и упоминание дарений Дагоберта, и умолчание о них может говорить только о знании традиции исторической памяти, а не о самом факте, который эта историческая память стремилась восстановить. Два рассмотренных источника не дают возможности говорить о том, что Сен-Дени действительно обладал привилегированным статусом в начале VII в., потому что дата их написания относится к гораздо более позднему периоду, чем описываемые события, и они воспроизводят только коллективную историческую память, а не точное знание исторического факта.

Создается впечатление, что представление о возрастании роли Парижа и Сен-Дени в начале VII в., которое можно найти в работе Земмлера, возникло благодаря всего лишь одному источнику, «Деяниям короля Дагоберта», который внес необратимую аберрацию в картину развития власти в Галлии в VI–VII вв. Этот правитель для многих исследователей является примером «сильного» средневекового короля по сравнению с его современниками. С другой стороны, разделы Галлии между братьями в 511, 561 и 587 гг. представлялись им показателями слабости Меровингской династии. На фоне этих разделов выделялась фигура короля Дагоберта I, который на время объединил франкское королевство под своей единоличной властью в силу особенности династической ситуации, сложившейся в тот момент[146].

---

[145] *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху Каролингского возрождения. СПб., 2006. (Studia classica).

[146] *Bouvier-Ajam M.* Dagobert. Paris, 1980. (Figures de proue du Moyen Age); *Theis L.* Dagobert: un roi pour un peuple. Paris, 1982; *Vallet F.* De Clovis à Dagobert. Paris, 1995.

Казалось бы, источники по правлению короля Дагоберта I создают очень четкую картину возрастания роли Парижа и Сен-Дени. По сути, автор этих «Деяний» хотел создать у читателя представление, что опора на этот монастырь была одним из удачных решений сильного короля, которому одному удалось ненадолго объединить всё королевство франков под своей властью. Однако при подобном взгляде проблема состоит в том, что представление о силе Дагоберта и о значении Сен-Дени как места его особого почитания основано на источниках, подлинность которых вызывает большие сомнения. Ведь «Деяния короля Дагоберта» являются текстом, с датировкой которого возникает ряд проблем[147]. Исследователи показали, что он был скомпилирован из нескольких более ранних источников, причем компилятор приложил много усилий, чтобы подчеркнуть особую роль этого короля[148]. Однако если отбросить те источники, написание которых в начале VII в. нельзя доказать, то картина становится совершенно другой. «Деяния» нельзя использовать, чтобы показать особую роль монастыря Сен-Дени. Ведь в VI и первой половине VII в. Сен-Дени оставался базиликой и еще не стал монастырем, что не может свидетельствовать об особом отношении Дагоберта к нему.

Если не стремиться предвзято прочесть источники в рамках уже сложившейся концепции, то история развития Сен-Дени и всего парижского региона выглядит иначе. В начальный период это была просто базилика без монашеской общины. Следует признать, что Сен-Дени не была простой церковью: например, своими укрепленными стенами она славилась уже с середины VI в.[149] Это может говорить о многом, потому что в этот период только действительно значимые строения имели надежные стены. Но ее превращение в монастырь было обусловлено не всем ходом развития Галлии и Нейстрии, а скорее ответом на важные политические изменения, произошедшие в Галлии в VII в. В качестве доказательства возрастания значимости Сен-Дени Земмлер привел строчки поэта Венанция Фортуната, жившего в конце VI в. Поэт считал, что культ святого Дионисия широко распространился уже во время правления епископа Германа (ум. 576). Однако из его стихов можно увидеть только то, что в это время культ

[147] Gesta Dagob. S. 396–398; *Levison W.* Zur Kritik der Fontanellenser Geschichtsquellen // Neues Archiv. 1900. Jg. 25. S. 593–607.

[148] *Levillain.* Études I. P. 116.

[149] *McKitterick.* The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987. P. 90.

св. Дионисия ассоциировался у образованных людей с Парижем, но не с Сен-Дени[150].

Это не значит, что Сен-Дени в этот период превосходил по значимости другие монастыри Галлии. Если непредвзято проанализировать другие источники и сопоставить их со стихами Венанция Фортуната, то окажется, что значимость базилики выросла в весьма ограниченном смысле. Мы уже упоминали, что начиная с последних десятилетий VI в. (а именно с 570 г. или около того) отдельных правителей из династии Меровингов уже начали хоронить в этой церкви[151]. Венанций, вслед за «Деяниями короля Дагоберта», подчеркнул роль этого правителя в переносе королевской усыпальницы из Сен-Жермен-де-Пре в Сен-Дени. Сам он, вероятно, понимал и чувствовал неопределенность положения Сен-Дени в начале VII в., потому что говорил не столько о современном ему положении базилики, сколько о деяниях св. Германа, епископа Парижа в 570-х гг., т. е. за два десятилетия до написания вышеупомянутого стихотворения. В этой неопределенности статуса Сен-Дени нет ничего удивительного — ведь к тому времени в Галлии было несколько городов, являвшихся важными культовыми центрами, значимость которых превосходила Париж с его монастырями Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре. Стоит отметить Тур с его культом св. Мартина, Клермон и Бриуде с культом св. Юлиана и некоторые другие[152]. О культе св. Мартина и о значении Тура в частности говорит Ван Дам[153]. Поэтому нельзя использовать стихотворение Венанция Фортуната в качестве безусловного доказательства того, что уже в конце VI в. базилика Сен-Дени и культ св. Дионисия заняли особое место в Галлии. Тем более нельзя говорить о том, что к этому времени династия Меровингов стала опираться на культы святых и монастыри или базилики, с именами которых они были связаны. В начале VII в. короли из династии Меровингов еще вели себя так, как это было характерно для Западной Римской империи в Поздней Античности (в отличие

[150] *Semmler.* Saint-Denis. S. 80.

[151] *Crosby.* The royal abbey of St-Denis from its beginning to the death of Suger, 475–1151. P. 9; *Ewig.* Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613). S. 92.

[152] *Wood I.* The ecclesiastical politics of Merovingian Clermont // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society: Studies presented to J. M. Wallace-Hadrill / eds. P. Wormald, D. Bullough, R. Collins. Oxford, 1983. P. 34–57.

[153] *Van Dam.* Leadership and community. P. 230–255.

от Восточной Римской империи), когда ни монашество, ни культы святых не являлись для властителей феноменом, заслуживавшим пристального внимания и требовавшим не только покровительства, но и контроля со стороны власти.

Исследование истории Сен-Дени показывает, что у нас нет возможности говорить об особых взаимоотношениях Меровингов и этого монастыря. Полное завершение трансформации церкви, в которой главенствовал епископ и которая служила местом захоронения для сменявших друг друга прелатов («bischofliche Coemeterbasilika»), в королевское аббатство («königliche Benediktinabtei») потребовало много лет после правления Дагоберта I[154]. Этот процесс был далек от завершения во второй половине VII в. Несмотря на расположение Меровингской династии к монастырю, он оставался для них лишь одним из многих мест захоронения в течение VII в.[155] В это время положение монастыря оставалось неопределенным с правовой точки зрения, так как он еще не получил от франкских королей ни грамот, свидетельствовавших о покровительстве, ни иммунитета. Королевское покровительство, выраженное в четких юридических терминах, начало действовать позже, при Людовике Благочестивом (814 г.)[156]. До 653 г. Сен-Дени был просто базиликой и стал монастырем в результате привилегии, данной ему епископом Парижа Ландри[157]. Исследователи долго не придавали самостоятельного значения этому факту, рассматривая его только в рамках своих концепций о тесной связи этого монастыря и Меровингской династии. Но превращение базилики в монастырь было не столько завершением начавшегося в VI в. процесса сближения Меровингской династии и монастыря Сен-Дени, сколько началом движения в этом направлении. Ведь короли стали дарить земли Сен-Дени лишь во второй половине VII в. Однако и тогда Меровинги опирались не только на Сен-Дени: короли и королевы оказывали знаки внимания и другим обителям, в частности их хоронили не только в этом аббатстве. Превращение церкви, находившейся под контролем епископа, в монастырь, аббат (который получил право

[154] *Semmler.* Saint-Denis. S. 80–81.

[155] *Bruhl C.* Palatium und civitas: Studien zur Profantopographie spätantiker Civitates vom 3. bis 13. Jahrhundert. Bd. 1. Gallien. Köln, 1975. S. 28.

[156] *Semmler.* Saint-Denis. No. 107. S. 86, 87.

[157] *Levillain.* 1) Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne. P. 98; 2) Études III. P. 21–53.

называться *ordinarius*) которого нес ответственность непосредственно перед королем, началось только в середине VII в. и в начале VIII в. еще не было закончено[158]. Поэтому если принять во внимание недостоверность «Деяний короля Дагоберта», то следует признать, что в середине VII в. Сен-Дени оказался новым монастырем, который короли стали поддерживать наряду с рядом других. Более того, еще в середине VII в. у Сен-Дени не было домена, т. е. владений, за счет податей с которых можно было бы содержать монашескую общину.

Возрастание роли монастыря Сен-Дени в середине VII в. нужно рассматривать в политическом контексте этого времени. В течение VI в. франкские королевства были разделены между различными представителями Меровингской династии[159]. Королю Дагоберту I удалось на время собрать франков под своей единоличной властью; однако в своем завещании в 634 или 635 г. он, в меровингских традициях, снова разделил их между своими сыновьями. Старший сын Сигиберт III получил Австразию, а Хлодвиг II — Нейстрию и Бургундию[160]. Таким образом, в меровингской политике этого времени сосуществовали тенденции как к делению королевства между представителями семьи франкских королей, так и к его объединению в руках самых могущественных их представителей. Соревнование между Нейстрией и Бургундией с одной стороны и Австразией с другой, продолжалось и после смерти Дагоберта, в правление Сигиберта III и Хлодвига II. Однако первый скончался в 656 г., а второй в 657 г., что привело к необходимости заново делить королевства и устанавливать новый баланс сил. В это время на арену вышла королева Балтхильда, которая активно боролась за то, чтобы посадить и удержать своего сына Хлотаря III на троне Нейстрии и остаться при нем в качестве политической силы. Балтхильда испытывала немало давления со стороны знати королевства, которая была откровенно недовольна участием вдовы короля в политических делах[161].

Как мы уже упоминали, вторая половина VII в. началась с правления Балтхильды, которое отмечалось трениями между различными группами знати и королевской властью. После ее ухода от дел ситуация в Нейстрии не давала возможностей для значительного передела

[158] *Semmler.* Saint-Denis. S. 85.
[159] *Ewig.* Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613). S. 171.
[160] Fred. Chron. Lib. IV. Cap. 85. P. 164.
[161] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 206–207.

власти, а практика опоры на монастыри стала еще более ярко выраженной. Майордом Эброин (662–680) проводил политику, направленную на сосредоточение власти в своих руках и подмену короля и его матери Балтхильды[162]. Такая политика привела к тому, что майордом рассорился с частью знати[163]. В 673 г., после смерти Хлотаря III, короля Нейстрии, Эброин посадил на трон Теодериха III, но знать заменила его на австразийского короля Хильдерика II, а майордома сослала в Люксей (Luxeuil)[164]. К 679 г., однако, Эброин вернул себе былое влияние, и Теодерих III снова стал королем[165]. Хотя он и даровал помилование знати, но подозрения явно остались. События этого периода отличаются крайней расплывчатостью альянсов и группировок знати и королевской семьи, но многие исследователи пытались выделить как минимум две основные группы. Меровингским королям Нейстрии противостояла группа знати из Австразии и Бургундии, с которыми часто связывали и епископа Отена (Autun) Леодегария. В то же время можно отметить, что все конфликтующие стороны опирались на Сен-Дени и другие монастыри.

Поскольку нарративным источникам и агиографическим сочинениям нельзя полностью доверять, для исследования взаимоотношений между королевской властью и Сен-Дени можно обратиться к иному типу источников, который сравнительно мало использовался для воссоздания истории Меровингского королевства. Этими источниками являются судебные протоколы, составленные по материалам судебных заседаний, проходивших в присутствии королей Меровингской династии. Значение этого типа документов для реконструкции образа королевской власти будет рассмотрено в другой части настоящего исследования. Из-за постулировавшейся исследователями особой связи между Сен-Дени и королевской династией может показаться, что эти записи для монастыря необъективны и показывают только предпочтение, которое короли оказывали этому монастырю при разрешении конфликтов в суде[166]. Протоколы королевского суда были детально изучены Бергманом, который сделал вывод об изменении роли судебных заседаний. Он утверждает, что к концу VII в., когда

[162] Ibid. S. 210–211.
[163] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 211.
[164] Ibid. S. 214.
[165] Ibid. S. 215–216.
[166] *Fouracre.* 'Placita'. P. 43.

меровингская династия ослабла, настоящие процессы превратились в «фиктивные» («Scheinprozessen»), разрешение которых в пользу Сен-Дени был заранее предопределено[167]. Это позволило относиться даже к документам VII в. из Сен-Дени с долей скептицизма и предполагать, что все они отражали только «притворные процессы»[168]. Превращение суда в способ легитимации прав явилось для исследователей показателем превращения судебной записи в королевский диплом[169].

Рассмотрение судебных заседаний меровингских королей показывает, что представители монастыря Сен-Дени предприняли ряд попыток укрупнить свои владения во время регентства Балтхильды и в последующий период. Например, в 658 г. в суде рассматривался иск представителей (*agentes*) монастыря Сен-Дени к землевладелице Ингоберге, вдове некоего Эрмелена[170]. Она попыталась использовать свои права на землю, которая осталась после кончины ее мужа Эрмелена и которую он в свое время ей передал, заключив договор о совместном владении (*carta composcionalis*). Монастырские управляющие объявили, что ее муж сам держал землю условно, в качестве прекария, и что Ингоберга может рассчитывать только на то же самое. Они принесли документы, подтверждающие факт заключения договора о держании между Эрмеленом и монастырем, который, как можно предположить, произошел уже после заключения брака с Ингобергой. В 658 г. разбирательство по поводу собственности Эрмелена продолжилось[171]. В данном случае речь шла о том, что этот землевладелец, очевидно, подарил свои земли некоему Бероальду и выговорил себе право держать их. Узнать, кто был Бероальд, представляется возможным только из дальнейшего рассмотрения контекста данного судебного заседания. После смерти Эрмелена возник спор между его сыном Годдоном и Бероальдом. Интересно, что это дело принесли в королевский суд управляющие монастыря Сен-Дени, которые явно стремились к тому, чтобы выговорить себе право распоряжения собственностью. Судебное решение подтвердило приоритет договора о держании, ранее заключенного Бероальдом и Эрмеленом, и отодвинуло на второй

[167] *Bergmann* W. Untersuchungen. S. 93–102; DM. No. 136, 143, 153, 155–157.
[168] *Fouracre*. 'Placita'. P. 42.
[169] *Classen*. Kaiserreskript und Konigsurkunde. S. 184–187.
[170] DM. No. 93.
[171] DM. No. 95.

план попытки вдовы и сына вернуть земли. Более того, епископ Ле Манса Берхарий потерял право на распоряжение одной третью доходов, которую суд обязал его вернуть монастырю. Детали данного процесса говорят о том, что монахи Сен-Дени собирали свой домен из собственности, права на которую были под вопросом из-за смерти единственного владельца мужского пола. Если монастырь и был «королевским», то это никак не отразилось на его собственности, которой его представители вынуждены были добиваться путем приложения немалых усилий. В конце VII в. Сен-Дени продолжил собирать свои владения из разбросанной по северной Франции собственности. Примером этого является дело, рассмотренное в 693 г. в присутствии короля Хлодвига III. Хротхарий, декан (вероятно, церкви Сен-Дени) начал в суде дело против некоего Куниберкта относительно деревень под названиями Nialcha, Childulfovilla, Buxsito, Bacio Superiore и Bacio Supteriore[172]. Суть дела состояла в том, что землевладелец удержал земли, которые, как он уверял, были ранее переданы церкви его отцом и представляли собой условное держание. Причина конфликта, как нам кажется, состояла в том, что землевладелец решил в одностороннем порядке пересмотреть передачу земли монастырю своим отцом и вернуть родовую собственность. Эта запись отличается от других, потому что мы не знаем, чем закончилось это дело. Суд присудил Хротхарию появиться через 40 дней с документами, которые бы удостоверяли факт передачи земли в условное держание Куниберкту. К сожалению, документа, который бы описывал конец данной тяжбы, либо никогда не существовало, либо он не сохранился. К этому же типу споров по поводу условных держаний относятся и большинство других меровингских судебных записей[173]. Таким образом, представители Сен-Дени искали для себя домена не в королевских дарениях, а в попытках доказать свои права на земли, юридическая принадлежность которых была под вопросом в связи с тем, что нормы условного держания земли еще не устоялись.

Последний случай особенно интересен, потому что он позволяет проверить, выполнялись ли решения королевского суда в отношении тяжб Сен-Дени. В 751 г. аббат монастыря Фульрад поставил перед франкским майордомом Пиппином вопрос о возвращении земель

[172] DM. No. 135.
[173] Ibid. No. 136, 143, 153, 155–157.

монастыря, причем некоторые из упомянутых ранее деревень присутствовали в списке. Например, грамота Пиппина Фульраду упоминает те самые Bacio Superiore, Bacio Supteriore и Nialcha[174]. Неясно, правда, перешли ли эти деревни к монастырю еще в 691 г. и затем снова были утеряны, или же в требованиях Фульрада эти деревни упоминались именно потому, что Хротхарию в свое время не удалось доказать факт их передачи монастырю и последующего дарения на условиях держания. Другие земли, упоминавшиеся в документе, тоже встречались в судебных протоколах. Это говорит о том, что если Сен-Дени и был привилегированным монастырем франкской династии, то это никак не отражалось на его правах в отношении собственности и домена.

Сообщения судебных протоколов позволяют непредвзято посмотреть на историю монастыря в VII в. и дополнить ее несколькими важными деталями. Они показывают, что монастырь был одной из многих обителей, на которые власть стала опираться со времени правления Балтхильды. Ни своими претензиями, ни основными положениями полученных от королевского суда решений случай Сен-Дени не отличался от тех, в которых участвовали другие аббаты или епископы, приходившие искать правды в королевском суде[175]. Более того, несмотря на предпочтительный характер приговоров в отношении этого монастыря, собственность, выигранная представителями Сен-Дени, вовсе не сразу переходила под их безусловный контроль. Деятельность Фульрада по возвращению земель, права Сен-Дени на которые упоминались в судебных решениях VII в., свидетельствует о том, что эти земли уже не принадлежали монастырю в середине VIII в.

Судебные протоколы, в которых этот монастырь всегда выигрывал, создают скорее желаемую, а не реальную картину ситуации вокруг этой обители в поздний период правления Меровингов. Их тоже можно считать источниками, авторы которых (по-видимому, королевские писцы) стремились создать более благоприятное представление о возможностях монастыря, чем это позволяло сделать истинное

[174] MGH Diplomatum Karolinorum. Bd. 1: Pippini, Carlomanni, Caroli Magni diplomata / hrsg. von E. Mühlbacher [u.a.]. Hannover, 1906. No. 1.

[175] *Старостин Д.Н.* Между античностью и средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания // IVS ANTIQVVM (Древнее право). 2005. Т. 15. С. 120–134.

положение вещей. Эти документы, как и нарративные источники, являлись отражением авторской позиции, а не только простой констатацией факта судебного заседания и пересказом решения суда.

Ученые в течение долгого времени обращались к монастырю Сен-Дени как к успешному примеру взаимоотношений между королевской властью, церковной иерархией и местной знатью, считая, что в других монастырях они не успели сложиться к середине VII в. Однако в этом исследовании было показано, что этот случай не может считаться особенным. Как и другие общины аскетов, Сен-Дени появился на карте Галлии как монастырь (а не как церковь) во второй половине VII в. и стал опорой королей еще позже, в конце VII в. и в особенности VIII в. Можно отметить особую роль аббата Фульрада, который в середине VIII в. много сделал для собирания разрозненных земель монастыря в одно целое и окончательного утверждения этой монашеской общины как опоры франкской монархии[176].

Исследование судебных протоколов дает возможность по-новому посмотреть на источники по истории Сен-Дени, упоминавшиеся в первой части этого исследования. «Мучения св. Дионисия» и «Житие св. Женевьевы» известны по рукописям IX в. не случайно. Они являются примером всплеска интереса к истории, который произошел в середине VIII и начале IX в. Именно в правление Карла Великого в грамотах появляются свидетельства о том, что аббаты и монахи Сен-Дени стали обращать внимание на прошлое своего монастыря[177]. Это было отчасти обусловлено практическими соображениями, а именно необходимостью собирать в единое целое домен монастыря, который к середине VIII в. состоял из разрозненных и разбросанных по Иль-де-Франсу и северной Франции деревень и земель[178]. Но в этом обращении к прошлому отразилось также и меняющееся мировоззрение. События меровингского периода к тому времени стали историей и привлекли внимание образованных людей каролингской эпохи, которые, как Эйнхард, искали там объяснения успехов новой династии. Другие же, как, например, авторы первых картуляриев (сборников ста-

[176] *Stoclet A.* Evindicatio et petitio: Le recouvrement de biens monastiques en Neustrie sous les premiers Carolingiens, L'exemple de Saint-Denis // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 2 / hrsg. von H. Atsma, K. F. Werner. Sigmaringen, 1989. (Beihefte der Francia. 16). S. 125–126.

[177] *Levillain.* Études I. P. 22–24.

[178] *Stoclet.* Evindicatio et petitio.

рых грамот), искали в прошлом материалы для легитимации создававшихся монастырских доменов[179]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие нарративные сочинения, содержащие информацию о ранней истории монастыря Сен-Дени, вошли в оборот (или были составлены) именно в каролингский период. Они представляли собой поиск прошлого, которое этот монастырь и его аббат Фульрад хотели предъявить новым властителям Галлии для получения привилегированного статуса. Но именно этот поиск прошлого способствовал возникновению легенд и некритических представлений об истории этого монастыря в период ослабления династии Меровингов и постепенного подъема династии Каролингов. Такие сочинения, как «Деяния короля Дагоберта», возникновение которых можно отнести именно ко времени правления Пипина III или Карла Великого, создали необратимый перекос в оценке истории этого монастыря в период правления династии Меровингов. То есть они создали впечатление, что уже с начала VII в. королевская власть стала твердо опираться на ресурсы монастырей, которые уже тогда превратились в экономические центры как своей округи, так и всей Галлии.

Сакрализация Сен-Дени и его прошлого как символа преемственности власти франкских королей началась именно в Раннем Средневековье, и процесс мифологизации былой истории этого монастыря уходит корнями в то время, когда франкские короли из династии Каролингов, в особенности Пипин III и Карл Великий, стремились распространить свое влияние по всей Европе. Реальные события из прошлого этого монастыря были для образованных людей Средневековья равнозначны благочестивой легенде, потому что последние существовали как устная традиция, передаваемая от одного поколения монахов к другому. Описание отдельных легендарных сюжетов из меровингской истории Сен-Дени как исторической реальности было нужнее для аббатов и монахов каролингской эпохи, чем для их предшественников времен первой династии франкских королей, потому что именно им нужно было искать в прошлом оправдание своих претензий на особый статус монастыря. Это было связано с реформой церкви и созданием так называемых «имперских монастырей» в каролингскую эпоху, реформой, которая, конечно же, ограничивала монашеские общины в правах и делала монастыри своего рода придатком

[179] *Geary*. Phantoms of remembrance. P. 105–108.

имперской бюрократии. Именно поэтому, обращаясь к истории Сен-Дени, мы узнаём не только о фактической стороне дела, но и о том, как история аббатства в меровингский период становилась частью легенды о прошлом, создававшейся в каролингскую и капетингскую эпохи. Пример Сен-Дени иллюстрирует то, что «историческая память» в Средневековье вовсе не была идентична историописанию в традиционном смысле этого слова.

Исследование монастыря Сен-Дени показывает, что в VII–VIII вв. короли не обладала монополией на использование ресурсов монастырей и понятие «королевского монастыря» еще не сложилось. В поздний период правления Меровингов любая попытка правящего рода опереться на монастыри, которые в эту эпоху стали важнейшим элементом властной системы франкского королевства, могла основываться только на поиске согласия с монашескими общинами и с теми представителями местной знати, которые активно включились в распространение монастырей и стали строить их на своих землях. То, как выстраивалась эта политика согласия, будет показано далее. На примере монастыря Сен-Дени будет продемонстрирована конкретная реализация принципа согласия, который видел в качестве образца для подражания еще Григорий Турский и который декларировался другими историками Меровингов.

3.3. Заключение: Сакральность королевской власти и распространение монастырей

Агиографические сочинения создали картину Галлии в VII в., которая несколько отличается от той, которую создают нарративные источники VI (сочинения Григория Турского) и VII вв. (исторические сочинения Фредегара и автора «Истории франков»). Они свидетельствуют о процессе возникновения и распространения монастырей в королевстве франков, а также о том, как монастыри стали неотъемлемой частью экономического и политического уклада, который виделся современникам как легальный и законный. С точки зрения авторов житий представителей королевской семьи и династии (таких как «Житие Балтхильды» и «Деяния короля Дагоберта»), монашеские общины имели непосредственное отношение к созданию новой структуры организации власти, потому что являли собой экономические и политические центры, объединявшие местных землевладельцев.

церковь (в лице как черного, так и белого духовенства) и представителей светской власти. Они подчеркивали роль королей в основании монастырей и стремились создать картину сознательной и продуманной политики опоры на них. Представители знати, которые служили и королю, и церкви (такие как Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский), помогали согласовывать интересы местных сообществ, правителей и церкви[180]. Появление монастырей значительно меняло ландшафт социальных взаимоотношений и создавало особые общности, связанные на уровне как религиозного чувства, так и обязательств, вытекавших из факта землевладения и/или держания земли[181]. Однако в их житиях авторы стремились подчеркнуть независимость епископов от королей при основании монастырей. Развитие и распространение монастырей в королевстве франков способствовало созданию новых социальных связей, имевших непосредственное отношение к изменениям в реализации власти. Авторов житий интересовала прежде всего деятельность людей церкви, епископов и аббатов, а короли появлялись только как властители, на фоне которых люди церкви являли пример добродетельного поведения, святости и непреклонности в деле следования христианским идеалам. Хотя эти авторы и видели королей единственными законными правителями Галлии, в их сочинениях можно найти представление о том, что многое в развитии событий зависело от позиции епископов и аббатов.

При прочтении житий можно отметить, что до середины VII в. идея о том, что монастыри должны являться надежной опорой династии Меровингов, еще не стала общепринятой. Известно, что в эту эпоху отдельные монастыри действительно основывали короли и члены их семей. В качестве примеров можно привести монастырь Эгон (Agaune) в Бургундии, основанный королем Сигизмундом; монастырь в Пуатье, основанный королевой Радегундой при участии своего мужа, короля Хлотаря I, а также епископа этого города и герцога.

---

[180] Подобный вывод, хотя и не в отношении меровингской Нейстрии, см.: *Innes.* State and society. P. 260.

[181] *Rosenwein B.* To be the neighbor of St-Peter: The social meaning of Cluny's property, 909–1049. Ithaca, NY, 1989. P. 47–77, 202–207; *White S.D.* Custom, kinship, and gifts to saints: The laudatio parentum in western France, 1050–1150. Chapel Hill, 1988. (Studies in legal history). P. 151–176; *Hartung.* Adel, Erbrecht, Schenkung: Die strukturellen Ursachen der frühmittelalterlichen Besitzübertragungen an die Kirche // Gesellschaftgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80 Geburtstag. Bd. 1 / hrsg. von F. Seibt. München, 1988. S. 429.

Но в целом число таких примеров было ничтожно мало, и можно с уверенностью утверждать, что в VI в. королевская власть могла рассчитывать только на поддержку «белого духовенства», т.е. на то, что было во власти епископов. Поэтому можно рассматривать как закономерный факт то, что в качестве образцов богоугодного образа жизни Венанций Фортунат, поэт начала VII в., упоминал в своих стихах только епископов и в его воззрениях на власть отсутствуют монахи[182]. Жития этого времени были призваны показать, что при попытке использования ресурсов монашеских общин династия должна была учитывать интересы церкви и местных землевладельцев, тесно связанных с монастырями и церквями. Жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского являются наглядными примерами того, как создавались связи между правителями, их окружением, церковной иерархией и местной знатью, позволявшие им находить согласие при использовании ресурсов, сосредоточенных в земельных владениях аристократии и церкви. Связи между властителями, знатью и клиром в этот период еще не стали такими надежными и закрепленными документально, как это произошло в последующий, каролингский период. В частности, в представлениях образованного клира VII в. монашеским обителям этого периода было далеко до «имперских монастырей», которые получили развитие в империи начиная с X в., так же как и до монастырей каролингского периода, которые стали надежной опорой династии со времени правления Карла Великого (742–814). В эпоху Меровингов взаимосвязь между различными властными группами не была выстроена по единому шаблону во всех регионах франкского королевства: региональные и личные особенности всегда доминировали, создавая уникальный и неповторимый ландшафт власти.

[182] *Wood.* The Merovingian kingdoms (450–751). P. 182.

Глава 4

Rex aut iudex: Судебные прерогативы короля и проблемы власти Меровингов

4.1. Судебная власть короля и позднеантичное наследие

Важным аспектом образа власти, сложившегося во франкском королевстве, стала система представлений, связанных с ролью короля как источника права и судьи. Эта система представлений возникла в Поздней Античности и в рассматриваемый период была значима для властителей и для образованных людей. Центральным ее элементом являлась дихотомия между властью императора и его привилегией разбирать споры в суде и быть источником права, которое не всегда ему принадлежало. В этой главе будет показано, что эта дихотомия, которая, как может показаться на первый взгляд, могла требовать довольно высокого уровня абстрактного правового мышления, была тем не менее значимой для ряда варварских королевств и в особенности для королевства франков в период правления Меровингов.

Наиболее ярким примером значимости этой дихотомии для варварских правителей является правление Атанариха у готов в период, непосредственно предшествовавший битве при Адрианополе в 378 г., а именно с 365 по 376 (или 381) г. Это правление получило особое место в исторической памяти готов (в особенности в вестготском королевстве). Атанарих стал для историков — современников визиготского королевства в Испании одним из отцов-основателей. Современные исследователи считают, что Атанарих, насколько об этом можно судить по сообщениям современников, никогда не считал себя именно королем. Он, возможно, был судьей, что предполагало совершенно другой тип ответственности и прерогатив. Так, Атанарих не имел возможности объединить готские отряды для нападения на Римскую империю. В то же время он обладал этой прерогативой, если ему нужно было собрать воинов для защиты области проживания готов от внешней опасности, которая шла от степных народов, например гуннов[1].

---

[1] Amm. Marc. Rer. Gest. Lib. XXVI. Cap. 6. 1, 7, 10; *Wolfram.* 1) Gotische Studien I: Das Richtertum Athanarichs // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. 1975.

Происхождение этой дихотомии только отчасти можно искать в варварских традициях, для которых Тацитом засвидетельствовано только противопоставление короля (*rex*), обязанного своим положением знатности, и военного предводителя (*dux*), избираемого по доблести. Скорее всего, представление об особой роли судьи, отличной от роли властителя, связано в варварской среде с проникновением в нее тех представлений, которые появились в поздней Римской империи в результате значительных трансформаций представлений, характерных для эпохи принципата и даже раннего домината. В идеале император был на протяжении всего существования империи источником права[2]. «Что угодно императору, имеет силу закона» («Quod principi placuit, legis habet vigorem») — писал римский юрист Ульпиан. Он выводил право законодательной деятельности императора из прерогатив городского магистрата, а те, в свою очередь, из законодательных прерогатив римский царей (*lex regia*)[3]. Однако в период домината это право императора стало размываться из-за того, что император Константин и его последователи стали использовать в качестве опоры не классическое, как это делал Диоклетиан, а вульгарное римское право[4]. Судебные прерогативы императора тоже претерпели значительные изменения. В частности, префект претория с III в. стал приобретать судебную и финансовую функции. В результате он стал своего рода представителем императора в суде[5]. Одновременно в результате значительного влияния на императорский суд различных сил, которое стало возможным из-за усиления роли императорского окружения, императорские решения в суде потеряли значение в качестве источников права[6].

Традиционная «германистская» точка зрения состояла в следующем. Как считали специалисты в области истории права в XIX–XX вв., в правовой культуре королевство франков впитало в себя как римские, так и варварские черты[7]. В области же королевской юрисдикции

Jg. 83. S. 10, 26. Anm. 74; S. 22. Anm. 101; 2) Atanarich the Visigoth: Monarchy or judgeship? A study in comparative history // Journal of medieval history. 1975. Vol. 1. P. 259–278; *Вольфрам.* Готы. С. 104, 107.

[2] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 183.

[3] Dig. I, 4, 1.

[4] *Demandt.* Geschichte der Spätantike. S. 184.

[5] *Jones.* The decline of the Ancient world. P. 141.

[6] Ibid. P. 181–183.

[7] *Glasson.* Histoire du droit. Vol. 2: Époque franque. P. 243; *Fahlbeck P.E.* La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486–614). Lund, 1883

как они считали, королевство франков было варварским[8]. Клятва верности, которую приносили обитатели территорий, присоединяемых франками, обозначалась франкским словом leudesamium, что означало для исследователей XIX в. наличие в правовой культуре сильного влияния германской правовой традиции[9]. Правда, даже «германисты» признавали, что в королевстве франков не было механического воспроизведения германских традиций, что они творчески адаптировались к требованиям времени[10]. Королевская власть вводила новые порядки в правовые традиции варварского франкского общества[11]. Как считали исследователи, у франков, в отличие от некоторых других народов, право служило для подчинения королем подданных, а не для защиты их от произвола королевской власти[12].

Однако даже они подчеркивали, что королевство франков было наследником Римской империи в смысле правовой культуры по ряду признаков: например, галло-римляне чувствовали себя достаточно уверенно среди франков[13]. Как и в период поздней империи, церковь в королевстве франков обладала особыми привилегиями и была единственной силой, способной оспаривать власть королей[14]. Интерпретация и оценка характера правовых традиций королевства франков в той их части, которые касаются королевских судебных прерогатив, таким образом, представляется весьма сложной. В последнее время, однако, исследователи стали подмечать, что не только отдельные аспекты образа власти, но даже сама административная структура королевства франков была заимствована из римского прошлого Галлии[15].

Одним из основных вопросов при решении проблемы синтеза римского и варварского начал в правовых традициях королевства франков является вопрос о королевских прерогативах в области

---

[8] *Glasson*. Histoire du droit. Vol. 2. P. 245; или «германским»: *Viollet*. Histoire des institutions politiques et administratives de la France: En 3 t. P. 199.

[9] *Glasson*. Histoire du droit. Vol. 2. P. 246.

[10] Ibid.

[11] *Viollet*. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. P. 223.

[12] *Fahlbeck*. La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486–614). P. 52, 125; *Glasson*. Histoire du droit. Vol. 2. P. 264.

[13] *Glasson*. Histoire du droit. Vol. 2. P. 249.

[14] Ibid. P. 253. Так, например, Хильперик не мог наложить руки на Претекстата, епископа Руана, пока его не отлучил от должности собор. Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 18; Lib. VII. Cap. 16; *Glasson*. Histoire du droit. Vol. 2. P. 258.

[15] *Murray*. 'Pax et disciplina'. P. 381.

юрисдикции. Но вопрос о королевской роли в суде рассматривался исследователями мало и, как правило, только с точки зрения вопроса об абсолютной власти франкских королей. Так, Глассон считал, что короли обладали абсолютной властью, которая была в принципе схожа со властью императоров[16]. Для поддержания порядка и мира (mundium) короли обладали всей полнотой власти[17]. Однако относительно объема прерогатив короля в суде мнения разошлись еще в XIX в. «Германисты» считали, что судебные дела разбирались в народных собраниях[18]. Они подчеркивали, например, что вначале графы как представители короля имели только ограниченную судебную юрисдикцию, которая в полной мере принадлежала только тунгину как своего рода представителю народного собрания[19].

Казалось бы, поддержку этой точки зрения можно найти в сочинении Григория Турского. Он писал, что некто Левдаст, будучи назначен графом Тура в 570–580-е гг. нелюбимым епископом королем Нейстрии (Суассона) Хильпериком, в суде был часто не согласен с мнением судей и силой заставлял их переменить решение. По-видимому, эти решения были не в пользу горожан[20]. Таким образом, при обычном ходе дел вмешательство графа в судебные дела

---

[16] *Glasson.* Histoire du droit. Vol. 2. P. 248.

[17] Ibid. P. 273.

[18] Н.Д. Фюстель де Куланж так передавал мнение «германистов»: *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 3. La monarchie franque. 2e éd. Paris, 1905. P. 304–305.

[19] *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. Leipzig, 1906. (Systematische Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft / hrsg. von dr. Karl Binding. 2. Abt. T. 1). S. 149: «Die Lex Salica zeigt uns ein Ämterwesen, das sich in wesentlichen Zügen von demjenigen abhebt welches uns seit dem sechsten Jahrhundert im fränkischen Reiche vor Augen tritt. Sie kennt als Volksbeamte den Thungin und den Centenar, als königliche Beamte den Sacebaro und den Grafen. Von ihnen sind zwei der Thungin und der Sacebaro, nachmals verschwunden Der Graf, später der ordentliche Richter der fränkischen Gerichsverfassung, entbehrt in der Lex Salica noch der eigentlich richterlichen Funktionen. Er ist non Verwaltungsbeamter: die richterliche Stellung, die er später hat, nimmt noch der Thungin ein».

[20] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 48: «Iam si in iudicio cum senioribus vel laicis vel clericis resedisset et vidisset hominem iustitiam prosequentem, protinus agebatur in furias, ructabat convicia in civibus: presbiteros manicis iubebat extrahi, milites fustibus verberari, tantamque utebatur crudelitatem, ut vix referri possit» (Если же он сидел в суде вместе с почетными людьми, светскими или духовными лицами, и видел, что человека судят справедливо, он тотчас приходил в ярость, изрыгая ругань на горожан. Пресвитеров он приказывал выбрасывать, надев на них наручники, воинов — избивать палками, и такую проявлял жестокость, что едва ли об этом можно рассказать).

не предполагалось. Отрицательная оценка деятельности Левдаста епископом Тура очевидна, потому что он писал, что Левдаст, служа графом, мог несправедливыми процессами наживать добро[21]. В другом месте Григорий Турский сообщает о наличии в городах (в частности, в Бурже) должности судьи. Именно судья с жителями Буржа отобрали у Левдаста нажитое неправдой добро[22].

Однако картина, которую рисует Григорий Турский, может быть предвзятой. При внимательном рассмотрении мы можем заметить, что, кроме обвинений в мздоимстве и жадности, у него не получилось создать однозначно отрицательный образ Левдаста. Мы видим судопроизводство, в котором королевский чиновник пытался навести порядок и установить разумные правила (если вывести за скобки расхожие обвинения в мздоимстве). Если Левдаст не допускал епископов в городской суд (у Григория он их «руками выкидывал»), то в этом не было ничего необычного, потому что те были подсудны суду церковному. То же касается и воинов, которых он приказывал наказывать палками, потому что они должны были разбирать свои споры при помощи командиров. В его действиях мы можем увидеть попытку навести правовой порядок, характерный для представлений поздней Римской империи.

Однако идеальная картина судопроизводства, которую Григорий Турский подразумевал в своем ненавязчивом комментарии, тоже уходила корнями в позднеантичную эпоху. Судья Буржа (который явно не был представителем народного собрания), был, скорее всего, городским магистратом, который и должен был отвечать за судопроизводство. Само по себе звание *comes* относилось как к военным командирам (*comes rei militaris*), так и к управляющим императорским имуществом (*comes sacrarum largitionum*). В теории ни у одного, ни у другого не было полномочий для разбора дел, которые, в случае сложных правовых коллизий, могли быть отправлены напрямую на суд императора

[21] Ibid: «Ubi seminando discordias et inferendo calumnias non modicos thesauros adgregavit» (Сея раздоры и клевету, он скопил немалое богатство).

[22] Ibid. Cap. 49: «Nec multo post, inruentibus Biturigis cum iudice loci super eum, omne aurum argentumque vel quod secum detulerat abstulerunt, nihilque ei nisi quod super se habuit relinquentes; ipsamque abstulissent vitam, nisi fuga fuisset elapsus» (Спустя немного времени жители Буржа вместе с местным судьей напали на него, отняли всё золото и серебро, и даже то, что он принес с собой, не оставив ему ничего, кроме одежды, которая была на нем. И сам он лишился бы жизни, если бы не спасся бегством).

или префекта претория. В этом система представлений Григория Турского была похожа на идеализированные правовые воззрения Поздней Античности. Нужно понимать, однако, что на самом деле участие представителя короля франков, дед которого был наместником Восточно-Римской империи в Галлии, было совершенно нормальным феноменом. Григорий Турский, вполне в духе общих тенденций Поздней Античности, будучи представителем городского патрициата, боролся за монополию власти в городе и не признавал никакой другой судебной прерогативы, кроме городского судьи. Однако его взгляды имели и специфические черты провинциального или раннесредневекового характера. А именно Григорий Турский считал нормальным, что в городском суде могли рассматриваться дела двух особых групп — солдат и клириков, которые в теории подлежали своей особой юрисдикции. Мир Григория Турского был утопическим государством, в котором горожане добились наконец защиты от злоупотреблений администрации империи и даже стали претендовать на то, чтобы взять под свою защиту два сословия, в Римской империи находившихся вне правовых прерогатив обычных судов. Таким образом, после исчезновения администрации империи развитие ситуации в Галлии при слабых королях франков на севере, чья власть только номинально распространялась южнее Луары не только при Хлодвиге, но даже и при Хлотаре и его сыновьях, пошло идеальным для городов путем.

Эпизоды из Григория Турского вряд ли могут использоваться как показатель злоупотреблений королевских чиновников в области судопроизводства. Они свидетельствуют о столкновении двух мировоззрений, которые уместно с некоторой долей условности назвать «имперским» и «провинциальным». Поэтому «романисты» считали, что франкские короли изначально имели полную судебную юрисдикцию[23]. Как полагали ученые этого направления, полномочными представителями короля в местных судах были графы, и именно их решения, а не решения тунгина, были окончательными[24].

Конец VII — начало VIII в. традиционно рассматривалось как время ослабления королевской власти Меровингов и их постепенной подмены семьей австразийских майордомов[25]. Однако на основании

[23] *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 3. P. 304–324.

[24] Ibid. P. 324–354.

[25] *Wood.* The Merovingian kingdoms (450–751). P. 261–265.

исследования хроник и житий было сделано предположение, что королевский двор являлся высшей судебной инстанцией в королевстве франков времени правления Меровингской династии[26]. В частности, об этом свидетельствует «Liber historiae francorum». Ее исследование показало, что даже те группы знати, которые стремились усилить свою власть во франкском королевстве, никогда не подвергали сомнению право правителя на последнее слово в области разрешения споров и конфликтов[27]. Однако при оценке этого периода возникает источниковедческая проблема, потому что в третьей четверти VII в. резко уменьшается количество королевских дипломов. Если «Liber historiae francorum» может свидетельствовать о сохранении авторитета Меровингов, то отсутствие королевских дарений, казалось бы, могло истолковываться как следствие ослабления их власти[28]. Представляется, однако, что вопрос о границах высшей судебной власти правителей может быть рассмотрен снова, потому что историки долгое время обращали мало внимания на один важный тип документов — судебные протоколы королевского двора (традиционно называемые современными исследователями *placita*). Именно их исследованию и будет посвящена эта глава.

4.2. Судебные протоколы Меровингской Нейстрии: Происхождение и особенности

Для рассмотрения этого аспекта образа власти нужно обратиться к особому типу документов, которые ранее не привлекались для этих целей. Это судебные протоколы, частный случай раннесредневековых правовых актов, которые значительно отличаются по характеру от нарративных историй и житий и позволяют дополнить картину происходившего в Галлии в VII в. Контрастируют они также и с грамотами, которые составляли в течение долгого времени основу наших представлений о юридических документах этой эпохи. Судебные протоколы, как и другие правовые акты, исследователи использовали в основном для анализа истории институтов королевской власти

[26] *Lot, Pfister, Ganshof.* Histoire du Moyen Âge. T. 1: Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris, 1928. P. 309.

[27] *Gerberding.* The rise of the Carolingians. P. 198.

[28] *Dupraz* L. Contribution à l'histoire du Regnum Francorum pendant le troisieme quart du VIIe siècle, 656–680. Fribourg, 1948. P. 226–227.

и права. Однако в этой главе будет сделана попытка показать, что в этих документах отразился ряд важных представлений о королевской власти, а не только стандарты административной грамотности, и что картина, которую рисуют протоколы судебных заседаний, имеет самостоятельное значение и не сводится к той, которую можно увидеть в исторических и агиографических сочинениях.

Сохранившиеся протоколы меровингского королевского суда (относящиеся к VII–VIII вв.) наряду с формулярием из Анжера (*formulae Andecavenses*) являются интересным примером правовых источников, впитавших как правовые традиции Поздней Античности, так и реалии Раннего Средневековья. Благодаря тому, что они представляют собой не просто королевские приказы, а записи перипетий судебных заседаний, они дают возможность лучше исследовать отношения между королями, знатью и церковью, чем грамоты франкских королей[29]. Эти протоколы суда (*placita*) возникли как результат записи хода судебных заседаний при дворе меровингских королей Нейстрии (северо-западной Галлии) во второй половине VII — первой четверти VIII в. Первая из них относится к 653 г., а последний из меровингских документов подобного рода — к 715 г. Подавляющее большинство этих записей запечатлело иски, связанные с монастырем Сен-Дени, усыпальницей франкских и французских королей. Поэтому они позволяют рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с характером королевской юрисдикции и объемом королевских прерогатив.

Обращение к судебным протоколам может помочь нам уточнить характер романо-германского синтеза в области правовых традиций, в особенности в области представлений современников о границах королевской юрисдикции. Исследование П. Классена показало, насколько сильно эти судебные записи были связаны по форме с императорским рескриптом. Эти документы описывали, как при королевском дворе рассматривались различные правовые казусы, принесенные туда в качестве петиции заинтересованными сторонами. Король, как ранее император, выслушивал эти петиции и, опираясь на мнение канцлера, графа дворца и других чиновников, давал ответ. Этот ответ как императорский рескрипт записывался и представлял собой новую норму права, создававшую прецедент[30]. Это могло бы служить показа-

[29] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 49, 184–186.

[30] *Classen.* Kaiserreskript und Konigsurkunde. S. 184–187.

телем того, что короли франков сохранили все судебные прерогативы римских императоров, раз они имитировали протокол императорских рескриптов в своих документах.

Однако обращение к форме этих записей не дает окончательного представления о сходстве *placita* и императорского рескрипта. Это исследование показало, что в меровингских судебных протоколах форма постепенно упрощалась. В частности, официальное обращение к чиновникам в дательном падеже (*viribus inlustribus*) превратилось в документах в своеобразный титул короля (*vir inluster*)[31]. Это может свидетельствовать о исчезновении во франкском королевстве отдельных представлений о власти верховного правителя. В частности, к VII в., по-видимому, сходный с императорским образ короля как высшей власти, у которого в подчинении были чиновники и представители знати, вышел из употребления. Фактически короли франков видели себя как своего рода наместников имперской власти в Галлии. Более того, неясно, насколько этот образ соответствовал действительности в первых документах этого типа, составленных в середине VII в. Вполне вероятно, что имело место рабское следование форме императорских рескриптов, а не отражение истинного порядка вещей. Уже в середине VII в. франкские короли вряд ли могли рассчитывать на то, что их судебные решения будут приняты к исполнению верными чиновниками имперского ранга, и они должны были довольствоваться опорой на своих графов франкского (или, возможно, галло-римского) происхождения. Поэтому на основании исследования судебных записей меровингской эпохи с точки зрения официального протокола и титулатуры можно утверждать как то, что короли франков сохраняли верховную юрисдикцию, так и то, что власть королей в суде была значительно слабее, чем власть римских императоров.

В фундаментальном исследовании дипломатики этих протоколов было проведено их детальное сравнение с обычными королевскими грамотами. Оно оказалось не в пользу первых, потому что судебные записи были выполнены неряшливо и, как казалось исследователю, были лишены строгих правовых формул — протокола, который отличал королевские дипломы[32]. Эти судебные записи значительно разнились написанием слов, грамматическими особенностями и тем

[31] Ibid. S. 153, No. 8; S. 184–187.

[32] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 49; *Fouracre.* 'Placita'. P. 30.

более протоколом, что говорило исследователям о том, что писцы относились к их написанию с меньшим пиететом, чем к написанию королевских грамот[33]. Вполне вероятно, что писцами в случае судебных протоколов выступали не те лица, которым поручались королевские грамоты, а местные нотариусы или просто грамотные люди. Раз протоколы, запечатлевшие ход судебных заседаний и судебные решения, не имели той торжественности, как королевские грамоты, то этот комплекс факторов делает возможным вывод об ограниченности королевской юрисдикции.

Однако есть и противоположная точка зрения. Как считал П. Форакр, власть короля в отношении судебных дел все-таки была достаточно широкой и, вероятно, он обладал верховной юрисдикцией. Обращение к этим записям не с точки зрения протокола, а с точки зрения смысла принятых решений дало возможность этому исследователю показать, что меровингским правителям удавалось поддерживать порядок в Галлии и приводить правонарушителей к ответу. Это означало сохранение королем верховной судебной юрисдикции даже и в поздний период существования Меровингского королевства[34]. Таким образом, можно утверждать, что в трактовке этих протоколов специалисты пришли к различным и подчас противоположным точкам зрения, что обусловливает необходимость их дальнейшего исследования.

Представляется необходимым выяснить, насколько эти документы отражают представления о роли королевской власти в создании практики взаимодействия между светской властью, знатью и церковью. Ведь именно эти источники, в отличие от историй и житий, были прямым результатом поисков согласия между королями, епископами, аббатами и знатью. И проблема здесь в терминологических неточностях, которые скрывают истинный смысл этих судебных записей и тех заседаний, ход которых они отразили. Анализ этих терминологических неточностей дает возможность поставить вопрос относительно представлений о прерогативах властителя в меровингской Галлии. Среди англоязычных ученых стало обычным называть эти судебные записи словом *placita*[35]. Эта традиция берет начало в Высоком Средневековье, так как термин *placitum* стал широко применяться для обозначения

[33] *Fouracre*. 'Placita'. P. 30.
[34] Ibid. P. 43.
[35] Ibid. P. 25.

заседаний королевского суда только в послекаролингскую эпоху, в X–XI вв.[36] В XII–XIII вв. хранители монастырского архива Сен-Дени, следуя обычаям своего времени, стали называть их именно так, о чем свидетельствуют пометки, находящиеся на «дорсальной» (оборотной) стороне грамот. Однако употребление этого термина может затруднить понимание королевской юрисдикции в меровингской Галлии.

Словом *placitum* в Поздней Античности обычно назывались договоренности, которые могли не быть связаны с судебными заседаниями, а тем более с заседаниями наместнического суда или с петициями императору[37]. С началом домината императорская канцелярия (*officium a libellis*) и префект претория приобрели большое влияние в суде и *de facto* получили право формулировать нормы частного римского права. Неудивительно, что внесудебное разрешение конфликтов значительно распространилось еще в Поздней Античности и сохранилось во франкском королевстве[38]. Об этом свидетельствует и сравнение меровингских судебных записей с императорскими рескриптами времен поздней империи[39]. Однако именно сравнение протоколов с императорскими рескриптами дает возможность ответить на вопрос о том, каковы были представления о прерогативах властителей в области судопроизводства. Ведь в V в. представление о роли рескриптов и эдиктов как источника права претерпело серьезные изменения. Хотя императоры не участвовали лично в судебных заседаниях, особенно по частным искам, в ходе IV в. запросы мнения императора или его окружения знатью и влиятельными людьми приобрели характер эпидемии. В ответ на это в 398 и в 426 гг. вышли постановления,

[36] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 49.

[37] Обсуждение этого понятия отсутствует в книге: *Kaser M.* Das römische Privatrecht: In 2 Bde. München, 1955. (Handbuch der Altertumswissenschaft, 10. Abt., 3. T., 3. Bd.; Rechtsgeschichte des Altertums), и самого термина нет в индексе. Оно не имело четкого юридического значения и употреблялось в основном для обозначения согласия: «Pactum autem a pactione dicitur (inde etiam pacis nomen apellatus est) et est pactio duorum pluriumve in idem placitum et consensus» (Термин *placitum* произошел от термина договор или примирение (*pactio*), откуда идет и сам термин мир (*pax*), т.е. примирение или договор двух или более лиц, при котором возникает состояние публичного согласия (*placitum*) при их личном согласии (Dig. Lib. II. 14. 1. 2)).

[38] *Kaser.* Das römische Privatrecht. Bd. 2: Die nachklassischen Entwicklungen. S. 18–19.

[39] Как и последние, ранние меровингские судебные документы начинались с имени короля, а затем следовало приветствие (viri inlustri), которое напоминало об обращении императора к важнейшим лицам своей империи, характерное для этого типа документов. *Classen.* Kaiserreskript und Konigsurkunde. S. 153, No. 8; S. 184–187.

в которых императорские рескрипты и эдикты, в большинстве своем полученные таким способом, были лишены юридического приоритета по сравнению с нормативными актами традиционного римского права, которые юристы изучали в школах и применяли в судах[40]. При императоре Феодосии III в период между 429 и 438 гг. была предпринята успешная попытка составить сборник, сведя в него все постановления, которые могли использоваться в качестве источника права[41]. Ученые спорят о том, являлся ли этот сборник единым законом империи, но можно быть уверенным в том, что он представлял собой установления, на которые юристы могли ссылаться в суде. Процесс создания Кодекса Феодосия дает возможность понять процедуру, благодаря которой эдиктам императора был придан статус источника права. Он был составлен юристами, издан императором и затем утвержден сенатом сначала Восточно-Римской, а затем Западно-Римской империи в 438 г.[42] Эта процедура дает возможность утверждать, что в поздней Римской империи прерогативы императора в области частного права были сильно ограничены и только сложные ритуалы придавали постановлениям императоров легитимный статус правовой нормы.

[40] *Jones.* The decline of the Ancient world. P. 182. Аркадий: CTh. 1.2.11 «Rescripta ad consultationem emissa vel emittenda, in futurum his tantum negotiis opitulentur, quibus effusa docebuntur» (Рескрипты издаются или выпускаются для справки, чтобы в будущем помогать в тех делах, которые будут тянуться без решения); Гонорий: CTh. 10.10.22 «Divi patris nostri statuta renovantes aeterna lege sancimus officium palatinum quinquaginta auri libras de suis facultatibus exigi, si prius allegari divalia rescripta permiserit, quam delator in iudicio fuerit constitutus» (Нашего божественного отца обновленные статуты вечным законом разрешаем сделать, чтобы дворцовой канцелярии заплатил пятьдесят фунтов золота из своих средств тот, кто прежде, чем заявил о своем иске истец, выбрал бы в качестве закона рескрипты); Codex Iustiniani // Corpus iuris civilis. Bd. 2. Codex Iustinianus, recognovit et retractavit P. Krueger / hrsg. von P. Krüger. Berlin, 1954: 1.19.7 «Rescripta contra ius elicita ab omnibus iudicibus praecipimus refutari, nisi forte aliquid est, quod non laedat alium et prosit petenti vel crimen supplicanti indulgeat» (Практику использовать рескрипты против права, выявляемого юристами или гражданами, всем судьям приказываем опровергать, если только нет более сильного требования, при котором рескрипт не вредит другим и дает возможность истцу в гражданском или криминальном иске заявить свои права).

[41] Подобные сборники постановлений императоров составлялись и раньше: в конце III в. появились первые собрания рескриптов — в 291 г. появился кодекс Григория, а в 295 г. кодекс Гермогена. См.: *Liebs D.* Die Jurisprudenz in spätantiken Italien, 260–640 n. Chr. Leipzig, 1987. (Freiburger rechtsgeschichtliche Abhandlungen. n.F.8). S. 30–52. 134–144.

[42] *Honoré T.* The making of the Theodosian code // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung. 1986. Jg. 103. S. 133–222.

С падением Западной Римской империи представление о праве властителей высказывать свое мнение по спорным вопросам частного права и способствовать установлению правовых норм в этой сфере изменилось несущественно. Ученые предположили, что властители королевств, сменившие императорскую администрацию, во многом подражали императорам. Было показано, что издание варварских правд проходило с соблюдением процедуры и формальностей, характерных и для издания Кодекса Феодосия[43]. Например, Бургундская правда представляет собой сборник постановлений по отдельным юридическим вопросам, созданный королем Гундобадом в период между серединой V в. и началом VI в. Исследователи уподобляют этот сборник законов Кодексу Феодосия: в нем постановления королей — «конституции» были сведены в одну рукопись и этому тексту был придан статус закона бургундов в собрании знати и других влиятельных людей[44]. При составлении Салической правды, возможно, тоже сыграли свою роль представления о том, что король не имел права издавать законы, относившиеся к сфере частного права. Королевский нотариус Бадило был ответственен за запись Салической правды, однако сам текст написан от лица неких четырех судей, знатоков традиционного права[45]. Таким образом, очевидно, что представления об ограниченности королевской юрисдикции в области частного права сохранились во многих варварских королевствах, образовавшихся на руинах западной части Римской империи. Поэтому возникает вопрос, насколько судебные записи, повторявшие форму императорского рескрипта, отражали знание подобных представлений. Вопрос также и в том, была ли их форма наполнена реальным содержанием и может ли их появление считаться признаком сохранения римской юридической культуры и грамотности.

Вопрос о судебных прерогативах короля и о правовой культуре королевского окружения представляется весьма интересным с точки зрения задач, которые поставлены в настоящем исследовании.

---

[43] *Wormald P.* Lex scripta and verbum regis: Legislation and Germanic kingship, from Euric to Cnut // Early medieval kingship / ed. by P.H. Sawyer, I.N. Wood. Leeds, 1977. P. 138.

[44] *Esders R.* Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum: zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im 6. und 7. Jahrhundert. Göttingen, 1997. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 134). S. 288, 290.

[45] *Eckhardt K.* Lex Salica, 100 Titel-Text. Weimar, 1953. (Germanenrechte. Neue Folge. Westgermanisches Recht. 1). S. 41–45.

А именно исследование записей королевского суда может дать ответ на вопрос о том, как долго сохранялась в Галлии позднеантичная правовая культура, нашедшая свое выражение в Кодексе Феодосия (438 г.). Мы знаем, что несколько списков этого кодекса сохранились во франкском королевстве, и поэтому вопрос о сохранении этой правовой культуры становится особенно актуальным[46].

В качестве отправной точки нашего доказательства можно обратиться к тому факту, что само название судебных процедур позволяет утверждать, что в меровингской Галлии сохранились представления об ограниченности прерогатив верховного правителя в области судопроизводства и частного права, характерные для поздней империи. Так, писцы, составлявшие судебные записи времен Меровингов, не называли их или судебные заседания в присутствии короля термином *placitum*, а взамен употребляли слова *praeceptiones*, *carta paricla*, а также пользовались другими терминами[47]. В документах термином *placitum* обозначались судебные заседания, которые проходили до или после того, как дело дошло до короля[48]. Очевидно, что в Галлии правители и их окружение сознавали разницу между королевским судопроизводством и обычной тяжбой и что в королевстве франков существовали представления о границах королевской юрисдикции. Поэтому эти документы дают возможность выдвинуть гипотезу относительно практики королевской власти: правовая культура королевского двора была достаточно высокой, и короли, возможно, благодаря своему окружению, следовали позднеантичным традициям поведения властителей в отношении юрисдикции и отправления права. Судебные протоколы позволяют исследовать, как именно достигалось согласие в суде, где свои претензии могли предъявлять люди, стремившиеся к власти.

4.3. Королевская власть, знать и монастыри на примере протоколов королевского суда

Необходимо обратится к содержанию судебных записей и сравнить их со сведениями о королевском суде, содержащимися в нарративных источниках. Исследователи отмечали реальный характер

[46] *Wood.* The code in Merovingian Gaul. P. 161–177.
[47] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 49.
[48] DM. No. 79 (Сигиберт III, в 642/643 г.); No. 137; No. 141.

судебных конфликтов, подчеркивая, что возникновение монастырей было связано со значительными трениями[49]. Исследование агиографических источников показывает, что, несмотря на сложившееся в историографии представление, судебные заседания не были политическими процессами, в ходе которых короли попирали правовые нормы для того, чтобы наказать своих противников. Жития святых описывают несколько попыток использовать судебные заседания как способ борьбы за власть, и они дают возможность сделать интересные выводы.

В конце 60-х гг. VII в. майордом короля Нейстрии Эброин, возможно, пытался начать дело против епископа Леодегара из Отена, который набирал влияние при дворе. Житие употребляет термин *causa*, что дает возможность предполагать именно правовое истолкование текста[50]. Однако король Хлотарь III умер, делу не был дан ход, а положение самого Эброина пошатнулось.

В 70-х гг. VII в. префект Лиона Гектор оспорил право епископа этого города Праэкта осуществлять опеку над собственностью знатной женщины, жены Гектора. Он обратился к епископу бургундского города Отена Леодегару, который в этот момент являлся влиятельным советником короля Нейстрии Хильдеберта II. Делу был дан ход, и процесс начался, но продолжался он недолго. Благодаря вмешательству родственников короля процесс был остановлен, Гектор бежал, но был настигнут и убит[51].

Эти два примера говорят о том, что попытки использовать королевский суд только на основе личных связей с окружением короля, без надлежащих юридических оснований не приводили к желательному результату.

Исследуя протоколы королевских судов, П. Форакр подчеркнул, что они свидетельствуют о попытках королей поддерживать правовой

---

[49] *Le Jan R.* Convents, violence and competition for Power in Francia // Topographies of power in the Early Middle Ages / eds. F. Theuws, M. De Jong, C. van Rhijn. Leiden, 2001. P. 243–250.

[50] Passio Leudegarii I // Passiones vitaeque sanctorum / ed. B. Krusch. Hannover, 1910. C. 282–322. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. 5). Cap. 5: в другом случае это «Житие» использует именно этот термин для обозначения судебного процесса: Passio Leudegarii I. Cap. 24; *Ewig.* Die fränkische Teilreiche im 7. Jahrhundert (613–714). S. 127; *Fouracre, Gerberding.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. P. 222. No. 105.

[51] Passio Praejecti. Cap. 23, 24 // Passiones vitaeque sanctorum / ed. B. Krusch. Hannover, 1910. P. 212–248. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. 5).

порядок в Галлии. Он обратил внимание на роль королевского двора в сохранении порядка и равновесия между группами знати[52]. Одновременно с этим исследователь сделал слишком сильное ударение на то, что заседания служили для разрешения «конфликтов». При прочтении его работ создается впечатление, что королевство франков балансировало на краю бездны и только короли могли поддерживать мир, используя для того свою судебную власть. Однако стоит посмотреть, в чем состояли эти «конфликты» и действительно ли они угрожали разрывом социальных связей и правовым коллапсом.

Судебные протоколы начинают появляться в период правления регентши Балтхильды, попытки которой удержаться у власти после смерти своего мужа короля Хлодвига II привели к ряду драматических событий в истории Нейстрии. Но судебные заседания меровингских королей середины VII в. не отражают тех конфликтов, которые возникли в королевстве франков после того, как Балтхильда стала своего рода «регентшей» при своих малолетних сыновьях после смерти мужа, короля Хлодвига II в 653 г., несмотря на то что суд в это время рассмотрел несколько судебных исков. Изменение баланса власти привело к переделу собственности, но правители и их окружение были мало с ним связаны. Ранее уже рассказывалось про иск Сен-Дени к Ингоберге[53]. Интересно отметить в той связи, что само по себе право вдовы на собственность своего скончавшегося мужа не оспаривалось. Распорядители собственностью монастыря принесли документы, подтверждающие факт заключения договора о держании между Эрмеленом и монастырем, который, как можно предположить, произошел уже после заключения брака с Ингобергой.

Случай, конечно же, был достаточно сложным, потому что в нем сталкивались два юридических принципа — право жены на собственность мужа после заключения договора о совместном владении (*carta composcionalis*) и его право (как владельца) заключать договор об условном владении землей с монастырем. Конечно же, монастырь Сен-Дени, находясь в Париже, представлял собой важный элемент баланса власти. Однако следует заметить, что процесс не имел непосредственного политического отзвука, как это бывало, например, в VI в.

---

[52] *Fouracre*. 1) 'Placita'. P. 42–43; 2) Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a 'Low-Born' Ebroin // Historical Research. 1984. Vol. 57, No. 135. P. 14.

[53] DM. No. 93.

Имя Эрмелена не появляется ни в одном документе или хронике, кроме данного судебного заседания, и поэтому можно говорить о том, что этот человек не был одним из влиятельных придворных или одним из противников двора. Связь между этим судебным делом и политическими изменениями существовала только на общем уровне взаимосвязи духовного и политического бытия.

В 658 г. разбирательство по поводу собственности Эрмелена продолжилось[54]. В данном случае речь шла о том, что этот землевладелец, очевидно, подарил свои земли некоему Бероальду и выговорил себе право держать их. Узнать, кто был Бероальд, представляется возможным только из дальнейшего рассмотрения контекста данного судебного заседания. После смерти Эрмелена возник спор между его сыном Годдоном и Бероальдом. Интересно то, что это дело принесли в королевский суд распорядители монастыря Сен-Дени, которые явно стремились выговорить себе право распоряжения собственностью. Поскольку они оспорили право Годдона на наследование, становится ясно, что Бероальд, скорее всего, был каким-то образом связан с Сен-Дени или поручил монастырю распоряжаться данными землями. Более того, так как по окончании дела именно Бероальд и распорядители Сен-Дени получили право на владение собственностью, наше первоначальное предположение относительно взаимоотношения Бероальда и монастыря Сен-Дени подтверждается. Ясно, что судебное решение подтвердило приоритет договора о держании, ранее заключенного Бероальдом и Эрмеленом, и подвергло сомнению права вдовы и сына на полное (т.е. не условное) владение этой собственностью. Более того, епископ Ле Манса Берхарий был самым непосредственным образом замешан в тяжбе, поскольку имел право на распоряжение одной третью доходов, получаемых от данной собственности. В ходе разбирательств суд обязал его вернуть права на третью часть монастырю, что он и согласился сделать. Таким образом, королевский суд снова подчеркнул незыблемость процедуры и результатов передачи земель в держание.

Несмотря на постепенное усиление майордома Эброина в 70-х гг. VII в. и связанную с этим борьбу за власть, разбирательства в королевском суде по-прежнему ограничивались частными исками по поводу условного держания, и никто из враждовавших с майордомом

[54] DM. No. 95.

исторических личностей в них не фигурировал. Следующая в хронологическом порядке запись из королевского суда относится к 679 г. В этом году разбиралось дело Амальгара, землевладельца, который удержал за собой земли, которые он и его отец держали от Берты и ее дочери Ахильды[55]. Фактически ситуация в данном случае была идентична делу монастыря Сен-Дени против Эрмелена и Ингоберги. В обоих случаях имел место договор условного держания земли. Эрмелен, передав земли супруге в совместное пользование, затем заключил договор условного держания на них, что и привело к необходимости выяснять права на землю в суде. В случае с Амальгаром его отец и он сам были держателями, в то время как владельцами являлись Берта и ее дочь Ахильда. Проблема, таким образом, как и в предыдущем случае, была в согласии землевладельцев с практикой условного держания. Однако решение в данном случае было противоположным: суд признал право Амальгара (держателя) на земли с тем условием, что он докажет свое держание более тридцати лет. Таким образом, если в случае с Эрмеленом суд принял решение в пользу владельца земли (монастыря Сен-Дени), то в случае с Амальгаром он решил дело в пользу держателя, а владелица земли проиграла. Решение было обосновано принципом, что земля переходит к тому, кто ее держит после тридцати лет пользования. Это правило широко применялось в договорах эмфитевзиса, распространенных в Византии и в областях Италии, находившихся под культурным и политическим влиянием Византии[56]. Однако кроме этого случая нет свидетельств того, что в Галлии эмфитевзис пустил глубокие корни. Это дает возможность задуматься, каков был процесс выбора правовых норм в ходе судебных заседаний, а также предположить, что в меровингском королевском суде могли использоваться правовые принципы, заимствованные из других областей Европы.

Исследование последующих процессов показывает, что условное владение земельной собственностью (практика, которая получила

---

[55] DM. No. 126.

[56] *Kaser.* Das römische Privatrecht. Bd. 2. S. 308–312; *Kamps W.* L'emphytéose en droit grec et sa réception en droit Romain // Recueils de la société Jean Bodin. 1938. T. 3: La tenure. P. 67–121; *Simon D.* Das frübyzantinische Emphyteuserecht // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Chantilly, 1–4 June 1977) hrsg. von J. Modrzejewski, D. Liebs. Köln, 1982. (Akten der Gesellschaft für griechische und hellenistische Rechtsgeschichte. 3). S. 376.

развитие в дальнейшем в виде бенефиция, или прекария) в меровингскую эпоху действительно являлось слабым звеном в землевладении в позднемеровингских франкских королевствах. Например, в 691 г. состоялось разбирательство дела, возникшего из-за местечка Нуази (Noisy)[57]. Это поселение было отдано некоему Варину, который затем стал графом Парижа. Затем оно перешло к Ингоберту, который был связан в Варином семейными узами. Он и его жена Ангантруда затем передали Нуази монастырю Сен-Дени. Потом была достигнута договоренность между аббатом Сен-Дени Хайноном, Магноальдом, аббатом монастыря Tussonevalle и королем Теодерихом III, в соответствии с которой доходы с этой земли делились между всеми заинтересованными сторонами. Магноальд и майордом Берхарий затем договорились о пользовании собственностью. Дрогон, сын Пипина II (одного из родоначальников династии Каролингов), был женат на дочери Берхария. Он предъявил монастырю требование вернуть земли. Таким образом, его претензии были основаны только на том факте, что его тесть когда-то участвовал в разделе монастырских «десятин»[58]. В данном случае семья майордома попыталась использовать ту неясность, которую создавала теоретическая возможность для женщин владеть собственностью своих родителей. Несмотря на то что все подобные случаи, рассматривавшиеся в суде до этого, ясно подчеркнули, что даритель земли, получая ее в держание, лишал своих потомков каких-либо прав, семья майордомов в данном случае решилась-таки на доведение дела до суда. Интересно, однако, что в данном случае Дрогон проиграл, так как у него не было никаких документов для обоснования своего иска. Исследователи указывают, что тут отсутствие документов сыграло решающую роль[59]. Однако по своей тенденции не признавать право женщин на собственность, которой владел какой-либо из мужчин в ее семье, этот случай вписывается в общие рамки развития права в позднемеровингском королевстве франков.

---

[57] DM. No. 149.

[58] Некоторым исследователям это видится как результат раздачи королями иммунитетов. См.: *Rosenwein B.H.* Negotiating space: Power, restraint, and privileges of immunity in early medieval Europe. Ithaca, NY, 1999. P. 92–96. Однако, как нам кажется, в этом деле не было самого факта королевского пожалования.

[59] *Fouracre.* 'Placita'. P. 35; *Rosenwein.* Negotiating space: Power, restraint, and privileges of immunity in early medieval Europe. P. 93.

У всех этих судебных заседаний есть общий знаменатель: по сути, в них шел разговор о праве женщин на владение землей. В целом меровингские короли признавали право знатных женщин на владение собственностью, о чем говорит подтверждение прав одной знатной дамы, сделанное королем Хлодвигом II в 639/640 г.[60] Но право вдовы на собственность мужа было одним из постоянных источников споров во франкской Галлии. Об этом свидетельствует и Григорий Турский[61]. Классическое римское право и декреты императоров позволяли женщинам владеть собственностью; как правило, эта собственность должна была быть передана отцом или мужем[62]. Известно также, что нормы из Кодекса Феодосия, или по крайней мере из Бревиария Алариха, были известны клиру в меровингской Галлии. В «Passio Leudegarii» автор ссылается на закон, запрещавший проводить судебные заседания во время Пасхи[63]. В Бургундской правде признается право вдовы (и сыновей) отказаться от собственности мужа, если за ней было слишком много долгов и недоимок. Если же сыновья вступали в права наследования, они принимали на себя и все обязательства отца. Таким образом, в Бургундской правде права вдовы на наследство считались основополагающими[64].

Во всех случаях, о которых говорят записи заседаний меровингского королевского суда, вдовы или их родственники проиграли, а земли были переданы монастырю Сен-Дени и его управителям. Однако эти судебные заседания не стоит оценивать только как показатель слабости правового положения вдов во франкском королевстве. Казусы, рассмотренные при дворе меровингского короля, были сложными с точки зрения провинциального римского права и варварских обычаев, потому что ни Кодекс Феодосия, ни варварские правды

---

[60] DM. No. 75.

[61] Greg. Tour. Hist. Lib. VIII. Cap. 39.

[62] *Demandt.* Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. S. 297–299.

[63] Passio Leudegarii I. Cap. 24. Cth. Lib. II. 8. 19 = Breviarium Alarici II, 8, 2.

[64] Lex Burgundionum. Cap. 65: «Если вдова имеет сыновей, и если она и ее сыновья передадут собственность умершего, ничто из того, что выступает закладом по долгу умершего не должно подпадать под претензию или иск по возврату долга умершего Если же вступят в права наследования, то в равной степени плятят долг» («1. Si qua mulier vidua filios habens, si et illa et filii sui cessionem de bonis mariti, qui defunctus est, fecerint, nullam ex debito ipsius repetitionem aut calumniam patiantur. 2. Si certe praesumpserint hereditatem, debitum paternum simul solvant»).

не давали ответа, что нужно было делать в случаях, когда право женщины противоречило договору об условном держании земли. Они возникли не из борьбы группировок за влияние при королевском дворе (так как ни одно из имен, упомянутых в этих разбирательствах, не возникает в хрониках или житиях меровингских епископов), а из настоящих правовых коллизий.

Кроме права женщин и вдов на владение землей, у этих случаев есть еще одна общая черта. Уже упоминался казус, при котором землевладелец хотел вернуть родовую собственность, переданную в условное держание отцом. К этому же типу споров относятся и большинство остальных меровингских судебных записей[65].

Все случаи, которые рассматривались в королевском суде в VII в., возникли из-за того, что нормы условного (прекарного) держания земли еще не стали широко распространенными[66]. Более того, мы видим, что в документах идет речь о разделе податей, что говорит, скорее всего, о их монетарном, а не натуральном характере. Деревни и местечки, становившиеся предметом споров (между светскими и церковными лицами), не были средневековыми доменами, а продолжали оставаться в том состоянии, в котором пребывали еще в провинции Римской империи[67]. Система бенефициев не только не сложилась — в эту эпоху современники активно оспаривали саму идею условного держания, а за нее выступали только патроны монастыря Сен-Дени. Протоколы судебных заседаний рисуют более сложную картину структуры власти и ее отражения в источниках, чем та, которая возникает при исследовании Салической правды, формуляриев и отдельных грамот.

Характер тяжб, отразившихся в судебных протоколах, дает возможность сделать ряд заключений относительно их места в правовой культуре VII в. Для этого их можно сравнить с теми тяжбами, о которых упоминал Григорий Турский, описывая злоупотребления

---

[65] DM. No. 136, 143, 153, 155–157.

[66] Поэтому неправ Н.Д. Фюстель де Куланж, который видел широкое распространение этой правовой практики в меровингскую эпоху: *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 5: Les origines du système féodal. 2 éd. Paris, 1900. P. 117–127. Ошибка французского ученого состояла в том, что он переоценил значимость формулярия Маркульфа для распространения этой важной практики в реальности.

[67] Можно не согласиться с Фюстелем де Куланжем, который писал о значительных «доменах» церкви в эту эпоху: *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 5. P. 128.

графа Тура Левдаста. Мы помним, что суть дела в тяжбах VI в. состояла в проблемах наследования собственности, и королевские чиновники (графы) могли своей властью принимать такие решения, которые приводили к сосредоточению богатств в их руках. Это объяснялось тем, что если без вмешательства графа собственность по многим завещаниям переходила церкви, то в его присутствии в суде она оставалась в руках короля и его представителей. Григорий Турский отзывался об этой практике крайне негативно, считая, что, проникая в мир городского судопроизводства, графы тем самым «сеяли раздоры»[68]. Однако мы можем отметить, что характер разобранных нами заседаний VII в. немногим отличался от так негативно описанных Григорием Турским «злоупотреблений». Таким образом, мы можем утверждать, что королевская юрисдикция в области частного права показывала значительную преемственность, и процессы VII в. были фактически продолжением правовой практики VI в. Более того, можно утверждать, что в VII, как и в VI в., королевская власть обращалась к вопросам частного права по большей части в случаях спорных завещаний.

Исследованные материалы королевского суда говорят о том, что роль короля в судебных заседаниях вполне соответствовала позднеантичным представлениям. Хоть король и служил своего рода верховным судьей при разрешении противоречий между влиятельными землевладельцами, его судебные прерогативы никоим образом не могут рассматриваться как знак королевского абсолютизма и следование «германским» традициям. Стороны обращались к королю в поисках решения не по причине тесных связей с договором, а потому, что существовала правовая коллизия, которая не могла быть разрешена на местном уровне на основании традиций. Поэтому в судебных заседаниях король выступал не просто как судья, пусть и верховный. Его роль состояла в том, чтобы дать санкцию на создание правовой нормы, и в этом смысле он выступал как своего рода «правовед», чей авторитет заключался в его власти. В этом смысле меровингские короли были похожи на Алариха II, который при публикации своего Бревиария выступил в той же роли «правоведа», а не просто варварского короля, сосредоточившего в своих руках абсолютную власть.

[68] Greg. Tour. Hist. Lib. V. Cap. 48: «Ubi seminando discordias et inferendo calumnias non modicos thesauros adgregavit».

4.4. Политика согласия и король как арбитр

Рассмотренные выше примеры дают возможность предположить, что судебные заседания при меровингском королевском дворе не были просто результатом «политической» борьбы, как их иногда называли. Следует обратить внимание на 680-е гг. Тогда власть меровингских королей подвергалась осаде со стороны майордомов, но король Нейстрии еще был достаточно силен, чтобы настоять на своем.

Рассмотрим следующий эпизод. Управители (*agentes*) Сен-Дени оспорили права Дрогона, сына майордома Пипина на собственность, которая ранее принадлежала Варину, графу Парижа и брату епископа Леодегара Отэнского[69]. Право Варина владеть этой землей являлось важнейшим фактором политики в Нейстрии, так как его брат обладал огромнейшим влиянием при дворе франкского короля Нейстрии[70]. В борьбе с епископом Леодегаром Теодорих III конфисковал собственность и отдал ее монастырю Сен-Дени. Когда позже Теодорих III был взят под стражу Хильдериком II, майордом взял на себя заботу о Сен-Дени и надзор за владениями[71]. Это создало затяжной конфликт между майордомами и монастырем, который потребовал присутствия большого количества епископов и представителей знати на судебном заседании. Хильдерику II было важно обеспечить согласие между Сен-Дени и семьей майордома, двумя важнейшими опорами власти королей Нейстрии, и он хотел, чтобы вся знать и королевские чиновники своим влиянием поддержали это решение[72].

Ученые, как правило, подходили к вопросу о королевском суде с точки зрения силы или слабости королей в урегулировании конфликтов. Они отмечали эффективную роль, которую судебные собрания иногда играли в поддержании порядка в меровингской Галлии[73]. Эти собрания были необходимы, потому что основание и существование

---

[69] DM. No. 149; *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 214, No. 167; *Levillain L.* Les comtes de Paris à l'époque franque // Le moyen âge. 1941. T. 50. P. 139–140.

[70] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 213–217. Он настаивал на тесной связи между Балтхильдой и Леодегаром, см. S. 209, No. 152. См. противоположную точку зрения: *McKitterick* R. The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987. P. 89. Эта исследовательница утверждала, что он являлся лидером бургундско-австразийской группы знати.

[71] *Semmler J.* Saint-Denis. S. 88; *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 214.

[72] DM. No. 149.

[73] *Fouracre.* «Placita». P. 43.

монастырей сталкивалось иногда с сильным противодействием местной знати[74]. Однако сила или слабость королей оценивалась в зависимости от периода. Ученые разбивали судебные записи на две группы — настоящие и «притворные» процессы, соответствующие периодам 650-х — первой половины 690-х гг. и второй половины 690-х - 710-х гг. Первому периоду, когда власть Меровингов еще держалась, соответствовали настоящие процессы. Притворными же процессами ученые называли заседания в конце VII — начале VIII в., когда власть династии ослабла. Они считали, что тогда судебные заседания превратились в фикцию и в суде защищалось и устанавливалось *de iure* право собственности, которое уже существовало *de facto*[75].

Однако ранние процессы (до 697 г.), которые Бергман считает настоящими, показывают, что по сути они мало чем отличались от более поздних разбирательств. Основной причиной возникновения тяжб было отсутствие четких юридических норм условного держания и прав женщин (в особенности вдов) на собственность. Судебные разбирательства середины VII в. показывают, что нормы владения землей были размыты и что, скорее всего, дела попадали в королевский суд по причине отсутствия устоявшегося правового обычая. Судебные разбирательства в присутствии меровингских королей, таким образом, имели своей целью уточнение правовой нормы и ее реализацию в ходе судебных процедур.

Следует заметить, что конфликты, которые разбирались в королевском присутствии, не были результатом ослабления королевской власти. Поводом для судебного разбирательства служили ссоры по поводу держания земли, которые более походили на вынесенный на публику затянувшийся спор между владельцем и держателем, чем на настоящую угрозу общественному спокойствию, которая подрывала бы устои франкского общества. Эти случаи действительно были сложными с правовой точки зрения.

Судебное решение по процессу, связанному с собственностью Эрмелена[76], показывает, что королевское окружение четко разделяло два правовых аспекта. В документе было проведено различие между прерогативой короля как верховного судьи и правом выносить юри-

---

[74] *Le Jan.* Convents, violence and competition for Power in Francia. P. 253.
[75] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 93–102; DM. No. 143, 153, 155, 157, 167.
[76] DM. No. 93.

дически обоснованное решение. Последнее, как видно из документов, принадлежало графу дворца. Именно ему давалось поручение проверить решение королевского окружения, в соответствии с которым земли нужно было передать монастырю Сен-Дени. В частности, он должен был удостовериться в соблюдении юридических формальностей и проверить подлинность документов[77].

Подобные прерогативы значили очень много, поскольку именно проверка подлинности грамот часто приводила к полному изменению хода процесса. Об этом, например, свидетельствует Григорий Турский, когда он пишет об изгнании Эгидия, епископа Реймса, произошедшем в 590 г. В частности, в критический момент заседания суда епископов были отложены на три дня, чтобы дать обвиняемому епископу возможность подготовить опровержения представленных документов и оправдание своих действий[78].

Поэтому, несмотря на то что король и его окружение вынесли решение в пользу Сен-Дени в деле о собственности Эрмелена, он и его двор фактически переложили решение на графа королевского дворца. Именно последний имел право либо одобрить решение, либо признать, что процесс был проведен с нарушением формальностей[79].

О том, что король не имел абсолютного права вынести окончательное решение по делу, говорит и тот факт, что протоколы заседаний королевского суда нуждались в подтверждении подписями всех присутствовавших на суде. Это значит, что они не рассматривались как королевский приказ, потому что подписи свидетелей, как правило, требовались в документах частного характера[80].

Это разделение судебных полномочий напоминает практику поздней Римской империи, в соответствии с которой верховную судебную власть представлял префект претория, а император имел право быть верховным арбитром[81].

Тяжба между Сен-Дени и епископом Ле Мана Берхарием, который стал покровителем вдовы Эрмелена, потребовала присутствия

---

[77] DM. No. 93. «...dum et inluster vir Chaldeloaldus, comis palatii nostri, testemunivit quod taliter hac causa acta vel per ordeni inquisita seo definita fuisse denuscetur».

[78] Greg. Tour. Hist. Lib. X. Cap. 19.

[79] DM. No. 93. «...iubemus ut ipsas ... domni Dioninse hacturis omni tempore habiant evindicatas, et sit inter ipsis de hac re in postmodum subita causacio». DM. No. 95.

[80] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 94.

[81] *Jones.* The decline of the Ancient world. P. 141.

большого количества королевских чиновников[82]. Грамота упоминала сенешаля (имя которого не читается), референдариев Видрахада и Ансеберта и графа дворца Халдолоальда. Но в этом случае графа дворца не попросили проверить юридические формальности, хотя к нему обратились, когда понадобилось подтверждение того, что один из держателей спорной земли пользовался ею не менее десяти лет. Таким образом, во втором разбирательстве роли отдельных королевских чиновников распределились по-другому, чем в первом случае, и граф дворца, как оказывается, тоже был ограничен в своих полномочиях. Видимо, присутствие высших королевских чиновников при разбирательстве удовлетворяло представлениям королевского окружения о том, что высшая юрисдикция принадлежала королю лишь отчасти.

Рассмотренные примеры показывают, что для принятия решения король должен был лавировать между различными группами знати и представителями церкви. Состав суда мог меняться в зависимости от сложности дела и от того, чьи интересы были затронуты. Само решение, даже если оно было принято в присутствии короля, епископов и знати, могло быть заменено на противоположное в последний момент, если оказывалось, что хотя бы одна из юридических формальностей не была соблюдена. Поскольку решение могло быть изменено, главным для значимости суда был вовсе не приговор короля. Судебные записи говорят о том, что следование юридическим формальностям имело важнейшее значение. Аббат Хайнон должен был ждать в королевском суде три дня подряд от рассвета и до заката, чтобы ответчики, Амалберт и его сын Амальрик, показались на судебном заседании в 692–693 гг. Их отсутствие говорит о том, что представители знати отдавали себе отчет в том, что единственным способом избежать проигрыша было игнорирование процессов[83]. Большинство дел проходило со сложными перипетиями, которые вовсе не свидетельствовали о необоснованности претензий сторон, а скорее говорили о том, что королевский суд был местом, где нормы права выковывались, а не только применялись[84].

Даже если судебное разбирательство носило в значительной степени «политический» характер (в смысле участия в нем сторон, которые,

[82] DM. No. 95.
[83] DM. No. 141.
[84] Ср. *Fouracre*. 'Placita'. P. 34, 37.

как известно из других источников, открыто боролись за влияние на короля), многое в исходе дела зависело от того, насколько стороны могли обосновать свои претензии с помощью документальных свидетельств. Например, когда Сен-Дени потребовал права на владение несколькими деревнями в 691 г., королевский суд решил, что в данном случае не было оснований для иска. В ходе заседания было показано, что ответчик владел землями только на правах прекария (*precarium*), после чего король Хлодвиг II передал дело на рассмотрение в соответствии с местными обычаями[85]. В этом случае король и его двор четко сознавали, что даже Сен-Дени, усыпальница меровингских властителей, не имел преимущественного права на получение решения в королевском суде, если дело монастыря было подсудно юридической инстанции более низкого уровня. Роль королей как верховных арбитров, призванных высказывать свое мнение только в случае конфликта юридических норм (как это происходило в случае с римскими императорами IV–V вв.), соблюдалась в достаточной мере.

Другая запись показывает, что значимость и престиж королевского суда зависели не столько от права выносить решение, сколько от способности согласовывать различные, подчас конфликтовавшие между собой нормы права. Причем было важно, согласны ли с этим решением представители знати и клира. Например, «совет» из епископов и аристократов собрался, когда представители Сен-Дени поссорились с Дрогоном, сыном майордома Пипина[86]. Этот епископ обладал большим влиянием на королей Нейстрии, и поэтому дело можно рассматривать как попытку передела собственности между различными группами знати и королевских чиновников[87]. Возрастание напряженности потребовало присутствия всех затронутых конфликтом епископов и аристократов. Хильдерику III было чрезвычайно важно достичь согласия между различными группировками знати и епископов[88]. Это судебное заседание, по сути, являлось способом обеспечить поддержку королям и осудить набиравших силу майордомов.

Построение судебных записей показывает, что образованные современники не считали, что именно приговор короля был показателем

[85] DM. No. 135.

[86] DM. No. 149; *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 214, также No. 167; *Levillain.* Les comtes. P. 139–140.

[87] *Ewig.* Die fränkische Teilreiche. S. 213–217.

[88] DM. No. 149.

значимости его власти. Каждая из судебных записей начиналась с упоминания королевского имени и в некоторых случаях с обращения к знати. Протоколы также описывали имевшие место дискуссии и обсуждения от имени короля. Тем не менее, когда дело доходило до поддержки приговора суда путем его подписания, имя короля не появлялось на документах. Вместо этого за короля подписывался канцлер. Знать, присутствовавшая на суде, подписывалась под решением суда[89]. Несмотря на то что имя короля появлялось в начале документа, оно, похоже, имело только церемониальное значение.

Впечатление, которое создается самим построением судебных записей, только усиливается тем фактом, что во время судебных заседаний короли стремились подчеркнуть, что, хотя они и были верховными арбитрами, но судебная власть принадлежала им не в полной мере. Они не торопились разрешить дело в суде своим приговором, и их главной заботой было, чтобы тяжущиеся стороны сами пришли к соглашению. В этом смысле судебные протоколы показывают, что судебная власть короля состояла прежде всего в его прерогативе быть хранителем мира, он должен был не выносить приговор, а обеспечить согласие сторон. Представления о юрисдикции короля не требовали от него принятия решения, если не видно было пути достижения согласия между тяжущимися сторонами. После того как тяжущиеся стороны представили дело, присяжные из числа аристократов, епископов или графа королевского дворца решали, позволяют ли обстоятельства дела принять соответствующее решение. Только если они соглашались на последнее, дело передавалось на рассмотрение короля[90]. Более того, даже когда конфликт перерастал в открытую борьбу и дело передавалось королю для принятия решения, он часто назначал отсрочку, чтобы могли быть собраны все документы по делу[91]. В некоторых случаях король даже предписывал конфликтующим сторонам самим разрешить их проблему внесудебным путем (*placitum*)[92]. Так короли вообще могли воздержаться от принятия решения. Если дело было сложным, король мог потребовать от сторон предоставления доказательств. Более того, стороны должны были сами решить, как можно было рассудить их спор в соответствии

[89] *Fouracre*. 'Placita'. P. 25.
[90] DM. No. 135, 137, 141.
[91] Ibid. No. 135.
[92] Ibid. No. 137.

с «местным правом»[93]. Король также мог принять решение, не влекущее обязательного исполнения для обоих сторон. Например, одно судебное решение рекомендовало ответчику подчиниться требованиям истца, если последний потребовал бы возмещения убытков[94]. Короли Нейстрии неохотно принимали решения. Однако в каждом из рассмотренных выше примеров задержка в вынесении решения была мотивирована требованиями процедуры. Следование судебным формальностям до малейшей детали являлось важным аспектом разрешения споров в королевском суде.

Здесь стоит подвести предварительные итоги. Мы обратились к судебным протоколам, чтобы изучить образ короля как верховного судьи. Мы видим, что короли играли роль судьи в разрешении конфликтов, при этом не стремясь показать свою абсолютную власть, на которую теоретически имели право. Этот вывод противоречит ряду устоявшихся концепций, которые по сей день считаются фундаментальными для исследования этого периода[95]. Что же анализ судебных протоколов может сказать нам о реальных судебных прерогативах франкских правителей?

Ответить на этот вопрос можно, если обратить внимание на то, что судебные протоколы, как и другие источники, представляют не просто отражение действительности. Любые источники, в том числе и правовые документы, являются преломлением исторических реалий в глазах авторов этих источников. От выбора правовых формул и терминов зависит очень многое. А в судебных документах меровингской эпохи, как мы уже упоминали, имеются существенные различия в протоколе. Это говорит нам, что они в большей степени, чем другие королевские документы, были отражением взгляда их составителей, которые имели большую свободу в выражении собственного мнения.

Поэтому при постановке вопроса о судебных прерогативах короля мы должны понимать, что в судебных протоколах мы видим в первую очередь систему воззрений, характерных для раннесредневековых «правоведов» и писцов. В соответствии с этой системой, король был не столько судьей, сколько своего рода арбитром, который мог

[93] Ibid. No. 149.

[94] Ibid. No. 137.

[95] Точку зрения, что король был своего рода верховным судьей, см., напр.: *Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 3: La monarchie franque. Paris, 1888. P. 133, 327.

и не выносить решения. Эта роль в большей степени, нежели роль судьи, позволяла королям Нейстрии демонстрировать свою значимость и способствовать нахождению приемлемого для различных группировок знати решения, потому что не предполагала обязательного выбора в пользу одной из сторон конфликта. В судебных протоколах королевские писцы стремились создать впечатление, что решение суда было результатом согласия королей и их окружения. Интерес к соблюдению всех формальностей судебных заседаний, а также к перенесению на свое окружение (состоявшее из знати и епископов) ответственности за принятие решений не позволяет признать меровингский суд органом, одной из важных функций которого было однозначное разрешение конфликтов монаршей волей.

Скорее в глазах авторов судебных протоколов эти судебные заседания помогали проявиться двору как собранию знати, королевских чиновников и епископов и давали этим группировкам возможность показать себя в более неформальной атмосфере. Возникнув из реальных правовых казусов, эти судебные заседания превращались по ходу дела в своего рода процесс, в ходе которого различные группы знати, иногда связанные с церковными иерархами, пытались утвердить свое влияние при дворе. Целью же этих заседаний становился поиск согласия между сторонами и между различными политическими группировками. Поэтому можно утверждать, что роль королей Галлии в отношении частного права была ограничена и судебные заседания являли собой пример юридически сложных случаев, которые нельзя было разрешить в соответствии с принятыми нормами права.

Записи судебных заседаний появляются не только во франкской Галлии, и исследователи подчеркивают, что они могли брать начало в позднеантичных традициях. В одном из своих писем Сидоний Аполлинарий описывал, как вестготский король Теодерих II выслушивал разные вопросы, среди которых, вероятно, были и судебные дела[96]. В Италии при лангобардах широко развилась практика записи судебных решений (*judicatum*)[97]. В Галлии существовала традиция записи решений обычного суда, на котором король не присутствовал[98]. Они на-

[96] Sid. Epist. Lib. I. Cap. 2.
[97] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 148.
[98] Ibid. S. 105–115.

зывались *securitates*, *notitiae* и др. Однако следует отметить особенность развития этого вида заседаний и самих записей в Галлии, так как они не были лишь рабским следованием позднеантичным образцам и представлениям.

Есть основания предполагать, что своего рода передаточным звеном между позднеантичной культурой и правовой культурой двора франкских королей была деятельность франкской церкви. Судебные записи VII в. идентичны по форме и содержанию решениям епископских синодов, которые собирались, чтобы разрешить проблемы, возникавшие в отношениях между представителями франкской знати, монастырями, епископами и королями[99]. Например, Григорий Турский цитирует одно из таких решений полностью, что дает возможность увидеть сходство между решением епископского синода и королевского суда. Текст, который он приводит, составлен по тем же правилам, что и судебные записи, относящиеся к VII в.[100] Поэтому вероятно, что меровингские документы подобного рода стали появляться в достаточно большом количестве в силу того, что деятели церкви, представители монастыря Сен-Дени, которым были известны подобного рода документы, специально заказывали записи судебных решений. Взгляд на короля как на своего рода арбитра, а не судью, вполне устраивал церковь, которая могла опасаться усиления королевских прерогатив в области судопроизводства. Григорий Турский, который крайне отрицательно воспринимал вмешательство графа Тура в судопроизводство, полностью согласился бы с судебными протоколами, в которых было отражено, насколько король ограничен в своем решении.

Исследователи считают, что, несмотря на сходство записей заседаний епископских соборов с решениями королевского суда, между ними есть и различия. В частности, подчеркивается, что протоколы синодов могли быть более живыми и неформальными[101]. Однако подобная разница может считаться незначительной. Сходство же между этими двумя типами документов говорит о том, что позднеантичная правовая практика распространялась в меровингской Галлии опосредованным путем. В Поздней Античности церковь стала тем

[99] Ibid. S. 146.
[100] Greg. Tour. Hist. Lib. X. Cap. 16.
[101] *Bergmann.* Untersuchungen. S. 145–147.

связующим звеном, которое сохранило основы правовой и административной практики позднеримской империи и способствовало их адаптации к новым реалиям, возникшим в процессе создания новой политической и правовой структуры варварских королевств[102].

Исследование судебных записей из меровингских королевств свидетельствует об этом только отчасти. Эти записи показывают, что правовая практика и представления не заимствовались буквально, а адаптировались властителями и их окружением. Если епископские синоды собирались для разрешения конфликтов, то это было вызвано серьезностью ситуации. Например, Григорий Турский описывает такой собор, который разрешил конфликт между Хродехильдой и Базиной (дочерьми меровингских королей) и несколькими епископами, которые протестовали против вольного обращения с монастырем св. Креста в Пуатье. Целью собрания было ограничить этим представительницам меровингского рода право устанавливать свои порядки в сообществе монахинь[103].

Для писцов или «правоведов» королевский суд имел не только это значение. Для них он представлял собой гибкую систему ритуалов. Они позволяли не столько разрешать конфликты, сколько согласовывать интересы различных группировок и устанавливать правовую практику без решения тех споров, которые послужили формальным началом судебного процесса. Королевский суд в меровингской Галлии VII в. являет собой пример того, как в Раннем Средневековье механизмы и институты королевской власти создавались из доступных представлений, ритуалов и правовых норм Поздней Античности[104].

Заимствование ритуалов власти у Римской империи было одной из характерных черт франкского королевства. Исследователи предполагают, что меровингские короли использовали римский ритуал входа в город (*adventus*) для подчеркивания своего статуса преемников провинциальной администрации Римской империи в Галлии. Их попытки символического поднесения подарков святыне св. Мартина

---

[102] *Brown.* 1) Power and persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian empire 2) The World of Late Antiquity, 200–750; *Kelly C.* Empire building // Late Antiquity. A guide to the Postclassical World / eds. G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. 1999. P. 186; *Van Dam.* Leadership and community. P. 277–300.

[103] Greg. Tour. Hist. Lib. IX. Cap. 39.

[104] *Wormald.* Lex scripta and verbum regis. P. 138.

в Туре в VI в. были провинциальным вариантом императорских дарений, которые, как правило, адресовались папскому престолу в Риме[105]. Только отец Карла Великого Пипин III, майордом франкских королей, позднее и сам ставший королем, заложил дарениями папскому престолу в Риме основания для трансальпийской политики правителей Галлии[106]. Таким образом, многочисленные свидетельства рисуют картину адаптации позднеримских традиций, ритуалов и понятий меровингскими королями в VI–VII вв.[107]

Суд при участии короля франков является одним из примеров постепенной адаптации римской правовой практики к реалиям королевства франков. Здесь важно подчеркнуть не только момент заимствования римских образцов, но и то, что практика власти выстраивалась гибко и что и в VII в. короли искали ритуалы, которые должны были помочь им подтвердить легитимность своего правления. Парадоксально, что даже в VII в. они находили эту легитимность в творческой адаптации римского опыта. Мимезис, подражание римским образцам (о котором писал Сидоний Аполлинарий при описании готского короля Алариха), стал языком, на котором окружение правителей Галлии (среди которого были, вероятно, представители клира) хотело выражать отношения короля со знатью и церковной иерархией своего королевства. Практика разбора дел была примером того, как окружение правителей Галлии из рода Меровингов приписывало своим патронам способность понять римский, «имперский» язык власти и быть просвещенными (в римском смысле этого слова) властителями. Но использование этого языка, который символизировал роль короля как верховного арбитра и хранителя мира, вовсе не требовало серьезных конфликтов. Судебные заседания и записи их результатов были важны для королей, а не только для сторон, участвовавших в конфликте, так как они подчеркивали один из важнейших аспектов воззрений на власть в эту эпоху.

---

[105] *Hauck*. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa. S. 3–93.

[106] *McCormick*. Clovis at Tours: Byzantine public ritual and the origins of medieval ruler symbolism. P. 155–180.

[107] *Lot, Pfister, Ganshof*. Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 302. В качестве примера можно привести частные случаи идеологии власти, рассмотренные, например, в: *Kern F.* Gottesgnadentum und Widerstandrecht im früheren Mittelalter zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. 2. Aufl. Darmstadt, 1954; *Zanella G.* La legittimazione del potere regale nelle «Storie» di Gregorio di Tours e Paolo Diacono // Studi medievali. Ser. 3. 1990. Vol. 31. P. 55–83.

4.5. Заключение: Судебные протоколы и их функции

Сообщения судебных протоколов позволяют непредвзято посмотреть на историю взаимоотношений монастырей, королевской власти и знати в VII в. и дополнить ее несколькими важными деталями. Они показывают, что монастырь Сен-Дени, как и другие монашеские обители, стал опорой власти только начиная со времени правления Балтхильды, своего рода «регентши». Но ни своими претензиями, ни полученными от королевского суда решениями случай Сен-Дени не отличался от тех юридических казусов, в которых участвовали другие аббаты или епископы, приходившие искать правды в королевском суде[108]. Более того, несмотря на предпочтительный характер приговоров в отношении этого монастыря, земли и собственность, выигранные представителями Сен-Дени, вовсе не сразу переходили под их безусловный контроль. Но это говорит о том, что в то время практика взаимодействия между королевской династией, монастырями и знатью еще не сложилась и не основывалась на четких и всем понятных правилах.

Исследование судебных протоколов и их сравнение с нарративными источниками позволяют дополнить картину того, как власть франкских королей интерпретировалась в VII в. В рассматриваемый период эти представления еще не обрели законченной формы. Значение последних правителей из династии Меровингов сложно понять, если подходить к ним с традиционных точек зрения, характерных для конституционной истории или истории права. Гибкость практики власти, осуществляемой окружением короля, не дает возможности говорить об устоявшемся «институте» королевской власти. Судебные заседания показывают, что династия и окружение королей представляли собой группу людей, связанных системой гибких и постоянно менявшихся альянсов. Используя различные процессуальные средства, откладывая и переназначая собрания суда или запрашивая дополнительные документы, короли в VII и начале VIII в. в своем суде должны были искать согласия сторон. Документы не скрывают, что властители из династии Меровингов не стремились принять окончательное

[108] *Старостин.* Между античностью и средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания. С. 120–134.

решение. Часто они делегировали право дать или не дать делу дальнейший ход графу королевского дворца. Участие знати, представителей церковной иерархии и представителей короля в разрешении конфликтов было решающим фактором для придания законности судебным приговорам. Сила судебного приговора заключалась прежде всего в согласии сторон в отношении исхода процесса. Образованные современники, которые составляли записи суда, наделяли правителей чертами арбитра в разрешении конфликтов и видели их юрисдикцию прежде всего в способности приводить стороны к согласию. Но эта граница между правом выносить приговор и обязанностью находить согласие указывает нам на высокий уровень правовой культуры в королевстве франков эпохи Меровингов, потому что подобные тонкости напоминают нам о императорском дворе поздней Римской империи.

Возрастание роли приговоров королевского суда в качестве исторического источника свидетельствует не о правовом хаосе, а, вернее, об изменении типов грамотности. Если историю Галлии VI в. можно изучать по налоговым спискам, королевским грамотам и нарративным источникам, то в VII в. типы доступных источников уже другие. Для VII в. нет трудов, подобных «Истории франков» Григория Турского, и основными нарративными источниками служат Фредегар, «История франков» и жития святых. Одновременно судебные записи приобретают большое значение, а информация, которую можно из них почерпнуть, позволяет дополнить историческую картину этого периода, которая вытекает из исследования нарративных источников. В чем-то сведения из судебных протоколов дополняют рассказы историков, потому что эти протоколы показывают, что поиск согласия между правителями, знатью и представителями церковной иерархии (епископами, аббатами и другим белым и черным духовенством) был одной из основных целей политики этого периода. При этом можно отметить, что, как и нарративные источники, судебные протоколы показывают, что ни у одной из этих групп не было монополии на использование ресурсов церквей и монастырей, в которых короли иногда нуждались для поддержания своей власти. Именно в судебных протоколах можно найти описание, как формальное главенство короля выстраивалось на основе лавирования между различными группами в ходе судебных заседаний. Поэтому вырисовывающаяся после их прочтения ситуация во многом не отличается от той, которую можно найти в исторических повествованиях и житиях.

В образе, который создают судебные протоколы, есть также и особенности, которые позволяют дополнить наши представления о политическом и социальном устройстве франкского королевства. Так, в историях и житиях епископы и аббаты часто стремились создать образ чудесного вмешательства высших сил в процесс достижения согласия и принижали свою роль в разрешении конфликтов в королевском суде. А судебные документы говорят о том, что представители церковной иерархии принимали в судах активное участие и их роль часто была не менее важна, чем роль правителей или знати. Более того, судебные протоколы показывают, что граница между иерархией церковной и иерархией светской была недостаточно значима для Раннего Средневековья. Вокруг короля образовывались упорядоченные группы знати, состоявшие из королевских чиновников, представителей региональной знати и тех их отпрысков, которые пошли в епископы или аббаты. Эти группы не были привязаны к одному региону и не формировались только по семейному принципу или в соответствии с церковным или светским статусом. В отразившихся в судебных протоколах воззрениях их авторов, королевских писцов, так же как и в во взглядах авторов нарративных источников, можно заметить, что суть политики в Галлии состояла в постоянном поиске компромисса между группами, которые обращались к королю как к верховному арбитру для поиска равновесия сил.

Заключение

Образы власти в эпоху Меровингов и их трансформация

Исследование началось с попытки показать, что уже в Поздней Античности в Галлии начали формироваться предпосылки для создания настоящего варварского королевства на основе синтеза галло-римских и варварских традиций. Синтез средиземноморской и варварской, а точнее пограничной, культур рассматривается как процесс, начавшийся с развития домината, а диоцез Галлия изучается в контексте появления в результате взаимодействия империи и провинциальной знати властных отношений, которые впоследствии дали возможность сформироваться королевству франков. Историю этого политического образования надо рассматривать в русле процессов, запущенных императором Константином Великим и продолженных другими представителями балканских династий. Положение дел в Галлии рассматривается в контексте регионализации интересов местного населения, поскольку население Галлии постепенно стало терять интерес к императорскому двору и его политике и отчасти даже к самой идее Римской империи. Вследствие этого целый ряд местных магнатов оказался не заинтересован в сотрудничестве и попытался установить свою власть без оглядки на императоров и их представителей. Однако сознание жителей провинций Галлии, так же как и сознание самих правителей империи и их военачальников, оставалось достаточно консервативным, и магнаты этого диоцеза так и не отложились от империи. Таким образом, в Галлии сложился симбиоз универсальных римских и местных представлений, когда постоянное стремление к самостоятельности от двора, находившегося в Милане (а затем в Равенне), Париже, Трире, сочеталось с принятием идеи империи как таковой и с попытками претендовать на имперский статус провинции, равной по статусу Италии. Временем отсчета начала процесса регионализации в сознании даже самых консервативно настроенных

кругов Римской империи можно считать время Аммиана Марцеллина, историка, подражавшего Тациту. Римские полководцы высшего, сенаторского происхождения, видя неспособность центральной власти помочь им в борьбе с варварами на границах, стали брать власть в свои руки.

Изменения в восприятии светской власти и усиление регионального самосознания происходили на фоне появления новой религии. Для превращения Мартина в галльского святого, который был бы понятен обращавшейся в христианство аристократии, потребовалось немало изменений в его историческом образе. Образ нетипичного и противоречивого святого был адаптирован ради большей привлекательности для галло-римской знати. Именно она стала основным социальным слоем, который способствовал распространению христианства. В отличие от исторического Мартина, который стремился нести религию в народ с помощью чудотворных деяний, Мартин в трактовке Сульпиция Севера стал проводником аристократической линии в христианстве и конкретно символом особой формы аристократического аскетизма, характерного в тот момент только для Западно-Римской империи. В итоге образ св. Мартина стал более востребован в среде галло-римской знати, которая превратилась в основной социальный слой, способствовавший распространению христианства. В конце V в. многие епископы галльских городов сделали попытку опереться на культы местных святых, получившие распространение в предшествующий период. Напрашивается вывод, что в начале V в. в церкви Галлии началось движение к обособлению от общего средиземноморского наследия и формированию собственно местной, галльской церкви. В рамках этого процесса многие из деятелей христианства, жившие в Галлии II–IV вв., стали малоинтересны для христиан V в., которые обратили свое внимание на прошлое только для того, чтобы выбрать из всех имеющихся вариантов наиболее близких к ним по социальному статусу и политике епископов и монахов. В рамках этого процесса Сульпиций Север попытался найти в истории религии те фигуры, которые, как ему казалось, могли в наибольшей степени послужить развитию церкви с учетом региональных особенностей.

Содержание исторических сочинений этого периода, таких как «Хроника» Сульпиция Севера, свидетельствует о глубочайшем разрыве, который образованные люди и знать на западе Средиземноморья

видели между миром Римской империи и новым миром, очертания которого пока еще только вырисовывались. Апокалиптические картины распространения ереси у Сульпиция Севера связаны в первую очередь не столько с его религиозностью или с самим событием как таковым. Эсхатологизм этого позднеантичного историка ни в коем случае не следует понимать как знак принадлежности к радикальным кругам христианства. Труд Сульпиция Севера отражал обеспокоенность представителей галло-римской аристократии хаосом, который мог воцариться в Галлии. Смысл апокалиптических ожиданий состоял в выработке методов противодействия факторам, которые могли подорвать сложившуюся в Галлии систему светской и церковной власти. Таким образом, в V в. образованные люди хорошо чувствовали конец одной эпохи и приближение другой. Так на ментальной карте человека Поздней Античности появилась единая христианская Галлия, свободная от ересей, раздиравших другие провинции, символом которой был св. Мартин.

Во второй главе рассматривается синтез римской и варварской культур в процессе создания королевства франков и его утверждения в Европе с точки зрения представителей галло-римской элиты (в первую очередь Григория Турского). Речь идет о взаимодействии галло-римских элит и различных групп варварского общества и формировании новой правящей династии, которая была принята как галло-римлянами в качестве законных наследников Западно-Римской империи и наместников Восточно-Римской империи (Византии), так и варварами. Рассматривается ключевой эпизод истории Средневековья — создание королевства франков и возникновение у них королевской власти, охватывавшей всё общество бывшей позднеантичной Галлии. Исследование проводится в контексте представлений о том, что над историками Раннего Средневековья еще довлели сложившиеся в Поздней Античности образы власти и их репрезентации, которые отражались в исторических повествованиях. Григорий Турский умело соединил в своем сочинении способы описания истории, характерные для нескольких жанров: церковной истории (как у Евсевия Кесарийского), христианской хроники с элементами эсхатологического повествования (как у Сульпиция Севера), даже «истории катастроф» в духе Орозия (в которой центральную роль играла идея согласия).

В сочинениях историков и в представлениях современников образы франкских правителей были лишены какой-либо

сакральности. Это отразилось не только в исторических трудах, но и в житиях, где до начала каролингской эпохи практически отсутствовал позитивный образ короля как покровителя церквей и монастырей. В этом контексте наглядны данные исследования судебных протоколов, которые показывают, что к концу правления Меровингов идеи согласия и образ короля как судьи и посредника, а не как самодержавного правителя, широко внедряется в повседневную практику власти.

В своей «Истории» Григорий Турский не просто описывал известные ему или виденные им события, а подчинял их описание историческим концепциям Поздней Античности. Для Сульпиция Севера распространение ересей, в соответствии с христианской идеей времени, было предвестником конца света, которое сменялось «тысячелетним царством» и в котором ереси были побеждены. Вслед за своим галло-римским предшественником Григорий Турский видел в распространении готов-ариан нарушение миропорядка, восстановление которого должно было завершиться победой над ересями. Хлодвиг, принявший именно ортодоксальную христианскую веру, играл в концепции Григория Турского своеобразную роль «реставратора» позднеантичного, никейского миропорядка. Подобно «новому Константину», он восстановил то, что было создано Константином Великим. Григорий Турский видел свою цель не в создании образа самодержавного монарха, отвергшего племенные и дружинные порядки франков, а в адаптации образа Константина Великого, первого христианского императора, к описанию нового правителя Галлии, Хлодвига.

По этой причине следует разобраться в легенде о Константине Великом, чтобы понять, какие элементы из ее традиции были взяты Григорием Турским в качестве основы для своего описания королевства франков. Текстологические исследования последних лет показали, что «Житие папы Сильвестра», где в первую очередь можно найти эту легенду, были текстами, хорошо известными как на Западе, так и на Востоке империи. Однако возникает вопрос, из какой именно рукописной традиции был взят образ Константина Великого и крестившего его, по одной из легенд, римского первосвященника папы Сильвестра. Этих традиций было несколько, причем они отличались как отношением к решениям Халкедонского собора и к роли Рима в системе церковных отношений, так и отношением к образу

Рима в системе ценностной иерархии западного Средиземноморья. Для Григория Турского, несмотря на значимость папы Сильвестра в плане определения роли церкви как равной по сравнению со светской властью, епископ Реймса Ремигий, равный Сильвестру по своей чудотворной силе, был не менее важен. История о крещении Хлодвига была действительно переработкой одного из сюжетов римской версии жития папы Сильвестра, но в ней роль папства парадоксальным образом снижалась и уравнивалась со статусом наиболее значимых для истории Галлии и франкского королевства епископов. У Григория Турского читается, что епископат рассматривал себя и правителей из рода Меровингов в качестве посредников между южным миром Средиземноморья и северным миром северной Галлии и Северного моря.

Эта картина становится более понятной, если мы учитываем, что Григорий Турский, в отличие от многих своих предшественников, создавших сочинения о других варварских королевствах в жанре *origo gentis*, воспринимал франков не как племенное образование, а сугубо как «род» варварских правителей и их окружение. Они не являлись для Григория Турского силой, которая обеспечивала поддержание мира в Галлии. В его истории именно епископы являлись гарантами мира и справедливого порядка. В этом смысле можно сказать, что для епископа Тура Галлия VI в. ничем не отличалась от позднеантичного мира, в котором зародились и для которого были характерны представления о ключевой роли епископов в деле поддержания согласия. Григорий Турский писал не «историю франков», а скорее продолжение истории римской Галлии, в которой ключевую роль играли представители галло-римской элиты, ставшие епископами.

Всё это заставляет нас видеть в «Истории» Григория Турского всеобщую христианскую историю, но только такую, которая была построена не в контексте всего Средиземноморья, а в контексте истории небольшого, но стратегически важного региона Галлии (г. Тур, известный своим промежуточным статусом между югом и севером Галлии). Этот историк смог решить задачу, которая была не по силам Орозию, Кассиодору, Иордану и Исидору Севильскому, — он не просто заимствовал и копировал методы позднеантичного историописания, а соединил в одном сочинении и церковно-эсхатологическую концепцию, и описание вторжения варваров в пределы Римской империи. Более

того, эти образы были не просто адаптированы, а сконструированы так, чтобы обосновать привилегии епископской кафедры г. Тура. Для Григория Турского центральной при описании реалий второй половины VI в. стала идея «согласия» (заимствованная у Орозия), с помощью которой историк описывал вполне объективные и естественные для этой эпохи процессы формирования различных ветвей и затем династий в роде Меровингов.

Показывается, что родственную группу Меровингов нельзя назвать представителями одной «семьи» или «династии» из-за междоусобных войн и из-за того, что принцип передачи власти в рамках Меровингов не был полностью обоснован до конца VI в. В VI в. происходило достаточно болезненное выделение отдельных семей, чьи позиции могли улучшаться и становиться более значимыми только за счет других ветвей Меровингского рода. Отметим, что этот процесс успешно завершился для «династии» Хильперика и затем «династии» правнука Хильперика Хлодвига II (637–655/658). Существуя в рамках расплывчатого меровингского *stirps regia*, сын и внук Хильперика (соответственно, Хлотарь II (584–629) и Дагоберт I (ок. 603 – 639)) поддерживали свою линию наследования. Не вступая в открытые выяснения отношений с другими потомками Хлодвига, они в течение последней четверти VI и первой четверти VII в. смогли создать из «младшей» ветви рода важнейшую и практически единственную династию, реально претендующую на власть во всем королевстве франков.

В VII и начале VIII в. история королевства франков представлялась историкам уже по-другому, нежели она виделась Григорию Турскому. Его последователи преодолели это наследие Поздней Античности и нашли способ увидеть в современной им истории франков реализацию идеала согласия правителя и его «верных». Исследование представлений историков показывает, что их взгляды на место франкских королей в историческом процессе значительно изменились в период с конца VI по начало VIII в. Так, для Фредегара начала франкского королевства лежали в Поздней Античности, но вовсе не в «христианской империи» Константина Великого. Связующим звеном между Римской империй и современностью для него стали Меровинги как семья и как непрерывная династия правителей франков, находившихся под властью Римской империи. Он видел франкское королевство как политическое образование, находившееся под

господством «франков», к которым он причислял только королей и их непосредственное окружение. Есть все основания утверждать, что он, как и Григорий Турский, видел в королях конца VI в. (Хильперике и Хильдеберте) «нарушителей спокойствия», а в качестве идеала властителя, следовавшего принципу согласия, он описал не принимавшего участия в междоусобной борьбе Гунтрамна. Для автора же «Истории франков» (VIII в.) уже не просто Меровинги, а «франки» как племя стали связующим звеном между Поздней Античностью и франкским королевством.

Со временем двор меровингских правителей Нейстрии всё чаще виделся авторам исторических сочинений местом сосредоточения всех нитей власти, где шел процесс поиска согласия между различными группами знати, церковными иерархами, региональными властителями и самими Меровингами. Одновременно тема согласия между правителями стала единственной, на которую историки «нанизывали» сюжеты более частного характера. В представлении автора «Истории франков» VIII в. и епископы, и знать видели в королевском дворе единственную инстанцию, которая могла разрешать конфликты, и право короля на власть никогда не оспаривалось открыто. Возможно, это было связано с тем, что история теперь в большей степени писалась при дворе (как предполагают исследователи в отношении Продолжателя Фредегара и автора «Истории франков»), а не в епископских резиденциях, как это было во времена Григория Турского. Чем больше историки отходили от позднеантичных образцов «христианской истории», тем чаще они видели королевский двор как место, в котором сходились все нити власти и где, по их представлениям, заинтересованные представители светской знати и церковной иерархии добивались равновесия интересов и достигали согласия.

Третья глава посвящена усилению в системе представлений о королевской власти элемента сакральности. Власть королей приобрела новые качества из-за широкого распространения монашества в VII–VIII вв. и стала еще больше опираться на церковь по причине ослабления как самого варварского общества, ассимилировавшего в условиях галло-римских провинций, так и городского общества этих провинций, ослабевшего в результате разрыва экономических связей в Средиземноморье из-за распространения мусульманской агрессии.

Агиографические сочинения создали картину истории Галлии в VII в., которая несколько отличается от той, которую создают нарративные источники VI (сочинения Григория Турского) и VII в. (исторические сочинения Фредегара и автора «Истории франков»). Они свидетельствуют о процессе возникновения и распространения монастырей в королевстве франков и об их ключевом положении в экономическом и политическом укладе, который виделся современникам как легальный и законный. С точки зрения авторов житий представителей королевской семьи и династии (таких как «Житие Балтхильды» и «Деяния короля Дагоберта»), монашеские общины имели непосредственное отношение к созданию новой структуры организации власти, потому что являли собой экономические и политические центры, объединявшие местных землевладельцев, церковь (в лице как монашества, так и клира) и представителей светской власти. Они подчеркивали роль королей в основании монастырей и стремились создать картину сознательной и продуманной политики опоры на них.

Представители знати, которые служили и королю, и церкви (такие как Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский), помогали согласовывать интересы местных сообществ, правителей и духовенства. Появление монастырей значительно поменяло ландшафт социальных взаимоотношений и создало особые общности, связанные как на уровне религиозного чувства, так и на уровне обязательств, вытекавших из факта землевладения или держания земли. Однако в житиях авторы стремились подчеркнуть независимость епископов от королей при основании монастырей. Развитие и распространение монастырей в королевстве франков способствовало созданию новых социальных связей, имевших непосредственное отношение к изменениям в способах отправления власти. Авторов житий интересовала прежде всего деятельность людей церкви, епископов и аббатов, а короли появлялись в житиях только как властители, на фоне которых люди церкви являли пример добродетельного поведения, святости и непреклонности в деле следования христианским идеалам. Хотя эти авторы и видели королей единственными законными правителями Галлии, но в их сочинениях можно найти представление о том, что многое в развитии событий зависело от позиции епископов и аббатов.

Жития этого времени были призваны показать, что при попытке использования ресурсов монашеских общин короли должны

были учитывать интересы церкви и местных землевладельцев, тесно связанных с монастырями и церквями. Жития Эдуэна Руанского и Элигия Нойонского являются хорошими примерами того, как создавались связи между правителями, их окружением, церковной иерархией и местной знатью, позволявшие им находить компромисс при использовании земельных владений аристократии и церкви. Связи между властителями, знатью и клиром в этот период еще не стали такими надежными и закрепленными документально, как в последующий, каролингский период. В частности, в представлениях образованного клира VII в. монашеским обителям этого периода было далеко до «имперских монастырей», которые распространились в империи начиная с X в., так же как и до монастырей каролингского периода, которые стали надежной опорой династии со времени правления Карла Великого и до «имперских монастырей» X–XI вв. В эпоху Меровингов взаимосвязь между различными властными группами не была выстроена по единому шаблону во всех регионах франкского королевства: региональные и личные особенности всегда доминировали, создавая уникальный и неповторимый ландшафт власти.

Четвертая глава посвящена третьей функции властителя — судейской. В ней рассматривается, как в контексте ослабления власти королям пришлось заново воссоздавать свой престиж, опираясь на заложенные как в римской, так и в варварской традициях функции верховного правителя как судьи. В результате история королевства франков в меровингскую эпоху может рассматриваться как процесс синтеза римского и германского начал. Это королевство прошло через ряд значительных трансформаций, и в рамках него варварская власть, состоявшая по Тациту из трех функций — сакральной и одновременно аристократической, военной и судейской — трансформировалась в представления о власти, где первая функция стала ассоциироваться с тесной связью с церковью и монашеством, вторая отошла на задний план с уходом в историю периода активных завоеваний в VI в., а третья появилась в момент упадка власти как способ компенсировать ее слабость перед натиском со стороны властных магнатов из Нейстрии и Австразии.

Судебные протоколы франкского королевства эпохи правления Меровингов были продолжением практики императорского рескрипта. Франкские правители во многом подражали императорам. Таким

образом, представления об ограниченности королевской юрисдикции в области частного права сохранились во многих варварских королевствах, образовавшихся на руинах западной части Римской империи. Судебные записи, повторявшие форму императорского рескрипта, отражали знакомство с подобными представлениями.

Сообщения судебных протоколов позволяют непредвзято посмотреть на историю взаимоотношений монастырей, королевской власти и знати в VII в. и дополнить ее несколькими важными деталями. Доказывается, что монастырь Сен-Дени, как и другие монашеские обители, стал опорой власти только со времени правления Балтхильды. Таким образом, меровингские короли только к концу своего правления начали интересоваться оказанием покровительства монастырям, но так и не приобрели функции покровителей в полной мере. Эта роль была освоена франкскими королями только при правителях из рода Каролингов, а точнее только при императоре Людовике Благочестивом как способ получить подтверждение своей власти от церкви в силу проблем с легитимностью при его коронации. В меровингскую эпоху ни своими претензиями, ни полученными от королевского суда решениями случай «королевского» монастыря Сен-Дени не отличался от тех, в которых участвовали другие аббаты или епископы, приходившие искать правды в королевском суде.

Судебные заседания позволяют увидеть в династии и окружении королей группу людей, связанных системой гибких и постоянно менявшихся альянсов. Используя различные процессуальные средства, откладывая и переназначая собрания суда или запрашивая дополнительные документы, короли в VII и начале VIII в. в своем суде должны были искать согласия сторон. Образованные современники, которые составляли записи суда, наделяли правителей чертами арбитра в разрешении конфликтов и видели их юрисдикцию прежде всего в способности приводить стороны к согласию. Граница между правом выносить приговор и обязанностью находить согласие указывает нам на высокий уровень правовой культуры в королевстве франков эпохи Меровингов и напоминает императорский двор поздней Римской империи. В отразившихся в судебных протоколах воззрениях их авторов, королевских писцов, так же как и в во взглядах авторов нарративных источников, можно заметить, что суть политики в королевстве франков

состояла в постоянном поиске компромисса между группами, которые обращались к королю как к верховному арбитру для поиска равновесия сил.

В эпоху правления Меровингов франкские правители рассматривали себя как наследников Хлодвига и, по-видимому, не пытались превысить те полномочия, которыми — как в Галлии, так и в Средиземноморье — Хлодвиг обладал как патриций и консул, получивший свои титул и звание от императора Анастасия. До конца правления Меровинги воспринимали себя как своего рода наместников империи, функция которых состояла в том, чтобы держать Галлию в рамках традиционного баланса сил в Средиземноморье. Не стоит забывать, однако, о том, что хотя память о Римской империи и объединяла различные регионы и служила основой легитимности варварских правителей, создавших свои королевства на территориях бывших римских провинций, понималась она в разных регионах и королевствах по-разному и фактически была сильно фрагментирована.

Таким образом, исследование стремится показать, как источники, исторические сочинения, агиографическая литература и ряд правовых документов свидетельствуют о сложном и неоднозначном характере процессов заимствования позднеантичных репрезентаций власти, сопровождавшихся выбором и адаптацией отдельных позднеантичных парадигм к реалиям раннесредневекового общества.

В настоящей работе показывается, что франкское королевство возникло на фоне стремления региональных элит к самоопределению в Галлии, было построено на принципе преемственности с традициями истории Галлии и представляло собой результат слияния имперских, региональных галло-римских традиций и традиций варварских военных группировок бывшего Римского лимеса.

На основании изучения исторических сочинений, агиографической литературы и ряда правовых документов можно сделать вывод о сложном и неоднозначном характере процессов заимствования позднеантичных репрезентаций власти, сопровождавшихся выбором и адаптацией отдельных позднеантичных парадигм к реалиям раннесредневекового общества. Начало раннего средневековья отмечалось синтезом римского, провинциального и варварского укладов, однако историки этого периода сильно почувствовали разрыв с Поздней

Античностью. Правители королевства франков из династии Меровингов многое заимствовали из образов власти позднеантичного периода, однако в период их правления наблюдался значительный дисбаланс между реальными действиями власти и ее репрезентациями. В частности, франкские короли не использовали те возможности, которые им давал образ Хлодвига как «нового Константина», и практически не обращались к церкви и к церковным соборам за помощью, несмотря на сильную поддержку церкви со стороны галло-римлян и фактическое сращивание провинциального общества со структурой церкви[1]. Как один из важнейших аспектов трансформации образов власти в эту эпоху можно отметить постепенное сужение к концу правления Меровингов той знаковой системы, которая использовалась грамотными людьми для создания образа власти королей и для описания их места в картине социального универсума.

Историки раннего Средневековья пребывали под влиянием сложившихся в Поздней Античности образов власти и их репрезентаций, которые отражались в исторических повествованиях. Григорий Турский умело соединил в своем сочинении способы описания истории, характерные для нескольких жанров: церковной истории (как у Евсевия), христианской хроники с элементами эсхатологического повествования (как у Сульпиция Севера), даже «истории катастроф» в духе Орозия (в которой центральную роль играла идея согласия). Но Фредегар и автор «Книги истории франков» отошли от явного следования позднеантичным образцам, и в их образе меровингских королей осталась только идея согласия. Более того, в сочинении историков и в представлениях современников образы франкских правителей были лишены какой-либо сакральности. Это отразилось не только в исторических сочинениях, но и в житиях, где до начала каролингской эпохи практически отсутствует позитивный образ короля как покровителя церквей и монастырей. В этом контексте показательным выглядит изучение судебных протоколов, которые демонстрируют, что к концу правления Меровингов идеи согласия и образ короля как судьи и посредника, а не как самодержавного правителя, широко внедряется в повседневную практику власти.

Как показало исследование инфраструктуры власти в эту эпоху, такое внимание правителей к идеям согласия было не случайно.

[1] *Schneider.* König und Königsherrschaft bei den Franken. S. 26.

потому что королевская власть в VII–VIII вв. обладала весьма ограниченными ресурсами и даже распространение монастырей (которые впоследствии стали основой власти Каролингов) и поддержка их династией не привели к принципиальной смене ее оснований. В течение всего периода правления Меровингов короли и их окружение существовали в своеобразном вакууме, опираясь только на свои владения в Нейстрии и отдельные островки своего влияния в городах и монастырях Франции к югу от Сены. Эта ситуация, видимо, и объясняет ту «бедность» образов власти, которая сложилась в Меровингском королевстве франков к концу их правления. Из всего разнообразия позднеантичных образов власти действующей осталась только интуитивно понимаемая и эвристически осуществляемая идеальная модель поиска согласия как главной доблести королей и залог их успеха.

Таким образом, в этом исследовании показан особый характер раннесредневековых представлений о власти в королевстве франков, которые отличались от представлений Поздней Античности. В то же время они не представляли собой особой «варварской» (или «германской») альтернативы позднеантичным представлениям о власти, а были творческим развитием и адаптацией последних в контексте королевства франков. Стоит подчеркнуть также принципиальное отличие представлений о власти меровингской эпохи от представлений второго периода развития королевства франков под властью династии Каролингов. В частности, можно говорить о значительном сходстве представлений о власти эпохи Меровингов с представлениями, характерными для позднеантичной культуры римских провинций. Это сходство возникло как в результате культурной преемственности, так и в результате сознательной архаизации и подражания культуре римских провинций, составивших основу франкского королевства, представителями образованной элиты. Таким образом, королевство франков целесообразней рассматривать не как осевшее на римской почве племенное образование и не просто как союз франкских и галло-римских элементов. Образы королевства франков, созданные современниками, которые возникают перед нами в результате исследования исторических сочинений, агиографической литературы и судебных протоколов, представляли собой не «варварскую» или «римскую» (или же их синтез), а «провинциальную» систему представлений, одинаково понятную как галло-римлянам, так и меровингским

правителям и их окружению. Процесс романо-германского синтеза видится иначе — как слияние двух культур, у которых был общий знаменатель в виде «провинциальной» политической и правовой культуры. Варварские королевства занимали особое место в раннесредневековом историческом процессе — они были не только зародышем нового, средневекового порядка, но и особым феноменом, корни которого уходили в самосознание римского «пограничья», в особую, не до конца романизировавшуюся культуру римских провинций.

Список сокращений

ВВ Византийский Временник.

Ademar. Chron. Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. 129).

Amm. Marc. Rer. Gest. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt: In 2 Bde. / hrsg. von W. Seyfarth. Leipzig: Teubner, 1978.

Ann. S. Germ. Annales sancti Germani parisiensis a. 466–1061 // MGH Scriptores. Bd. 3. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1888. S. 166–168.

Aur. Vict. De caes. Sextus Aurelius Victor. Liber de caesaribus // Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illistribus urbis Romae. Subsequitur Epitome de Caesaribus / hrsg. von F. Pichlmayr, R. Gründel. Stuttgart: Teubner, 1993.

Cass. Var. Cassiodorus Senator, Variae // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 12 / hrsg. von T. Mommsen. Berlin: Weidmannos, 1894.

Chronica Magni Presb. Chronica collecta a Magno Presbytero // MGH Scriptores. Bd. 17 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1861. S. 476–523. (MGH Scriptores).

Cth Codex Theodosianus. Bd. 1. Theodosiani Libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis / hrsg. von P. Krüger [u. a.]. Hildesheim: Weidmann, 1990.

Dig. Digestae // Corpus iuris civilis. Bd. 1. Institutiones, recognovit P. Krueger. Digesta, recognovit T. Mommsen, retractavit P. Krueger / hrsg. von P. Krüger, T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1954.

DM Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica / hrsg. von T. Kölzer [u.a.]. Hannover, 2001. (MGH Diplomata).

Euseb. Hist. Eusebius Caesariensis. Eusebius Werke. Bd. 2. Die Kirchengeschichte. Historia ecclesiastica / hrsg. von E. Schwartz, T. Mommsen. Berlin, 1903. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. 9).

Euseb. Chron. Eusebius Caesariensis. Eusebii, Hieronymi chronicon / hrsg. von R. Helm. Berlin, 1956. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).

Euseb. De laud. Const. Eusebius Caesariensis. Oratio de laudibus Constantini = Tricennatsrede an Constantin // Eusebius' Werke. Bd. 1 / hrsg. von I. A. Heikel, J. C. Hinrichs. Lepzig, 1902. S. 195–259.

Eutrop. Brev. Eutropius. Evtropii Breviarivm ab vrbe condita cvm versionibus graecis // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 2. Evtropii Breviarivm cvm versionibvs et continvationibvs / hrsg. von H. Droysen. Berlin: Weidmann, 1879. S. 1–182.

Fred. Chron. Fredegarius. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Fred. Cont. Fredegarii. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2: Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193.

Gesta Dagob. Gesta Dagoberti regis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396–426.

Greg. Tour. GC Gregorius Turonensis. Liber in gloria confessorum // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Greg. Tour. GM Gregorius Turonensis. Liber in gloria martyrum // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Greg. Tour. Hist. Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X. Vol. 1. Part 1 / eds. B. Krusch, W. Levison. 2nd ed. Hannover: Hahn, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Greg. Tour. Vitae Patr. Gregorius Turonensis. Liber vitae patrum // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 1. T. 2. Gregorii Turonensis opera. Pars II. Miraculi et opera minora / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951.

Hilarius Pict. Apologet. Hilarius Pictaviensis. Apologetica ad reprehensores libri de synodis responsa // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 545–548.

Hilarius Pict. Contra Const. Hilaire de Poitiers. Contre Constance / sous la dir. d'A. Rocher. Paris: Éditions du Cerf, 1987.

Hilarius Pict. De synod. Hilarius Pictaviensis. Liber de synodis seu de fide orientalium // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 478–546.

Hilarius Pict. De trinit. Hilarius Pictaviensis. De trinitate // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 9–471. Historia Francorum Senoniensis a. 688–1034 // MGH Scriptores. Bd. 9. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1851. S. 364–369.

Iona VC Iona Bobbiensis. Vita Columbani // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4: Passiones vitaeque sanctorum aevi merovinngici / hrsg. von B. Krusch. Hannover: Hahn, 1902.

Iord. Get. Iordanes. Getica // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 5. T. 1. Iordanis Romana et Getica / hrsg. von T. Mommsen. Hanover: Hahn, 1882.

Iord. Rom. Iordanes. Romana // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 5. T. 1. Iordanis Romana et Getica / hrsg. von T. Mommsen. Hanover: Hahn, 1882.

Jos. Bell. Iud. Josephus F. Flavii Josephii opera. Bd. 6. De bello Iudaico libros VII / hrsg. von J. a Destinon, B. Niese. 2. Aufl. Berlin: Weidmann, 1955.

Namat. De red. Rutilius Claudius Namatianus. De reditu suo sive iter Gallicum. Bd. 1 / hrsg. und übers. von E. Doblhofer. Heidelberg: Winter, 1972. 170 S.

Pardessus, Diplomata Bréquigny M. d., La Porte du Theil F.J. G. de, Pardessus J.-M. Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-francicas spectantia: en 2 t. Paris: Ex Typographeo Regio, 1843.

Paulin. Epist. Paulinus Nolanus. Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Epistulae / hrsg. von W. de Hartel, M. Kamptner. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. 462 S. (Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 29).

Paulin. Petricor. VM Paulinus Petricordiae. De vita sancti Martini // Opera. T. 1 / Poetae Christiani minores. Paulinus Petricoriensis; hrsg. von M. Petschenig. Wien, 1888. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum; 16).

Phoebad. Contra arr. Phoebadius. Contra arrianos / Übers. von J. Ulrich. Freiburg: Herder, 1999. 178 S. (Fontes Christiani. 38).

Procop. BG Procopius Caesariensis. De bello gothico // Procopii Caesariensis opera omnia. Bd. 2 / hrsg. von J. Haury. Leipzig, 1962.

Salv. De gub. Salvianus Massiliensis. De gubernatione Dei // Salviani presbyteri Massiliensis Opera omnia / hrsg. von F. Pauly. Vindobonae: C. Geroldi filivm, 1883. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 8).

Sid. Carm. Sidonius Apollinaris. Carmina // Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 8).

Sid. Epist. Sidonius Apollinaris. Epistolae // Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 8).

Sulp. Sev. Chron. Sulpicius Severus. Chronicon // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 1–108. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

Sulp. Sev. Dial. Sulpicius Severus. Dialogi // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 152–216. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

Sulp. Sev. VM Sulpicius Severus. Vita sancti Martini // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 109–137. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

Ven. Fort. Carm. Venantius Fortunatus. Ad Chilpericum regem quando synodus Brinnaco habita est // Venantii Honori Clementiani Fortunati presbyteri italici opera poetica. Bd. 4. T. 1 / hrsg. von F. Leo. Berlin, 1881. S. 201–205. (MGH Auctores Antiquissimi).

Zosim. Hist. Nova Zosimus. Historia nova / hrsg. von L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.

Источники

Григорий Турский. История франков / под ред., коммент. В.Д. Савукова. М., 1987.

Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. 129).

Agathias. Historiarum libri quinque / hrsg. von R. Keydell. Berlin: W. de Gruyter, 1967. 232 S. (Corpus fontium historiae byzantinae. 2).

Alcuin. Ep. 126 // Epistolae Karolini aevi. Bd. 2 / hrsg. von E. Dümmler. Berlin: Weidmann, 1895. S. 185–187. (MGH Epistolae. 4).

Alcuin. Ep. 143 // Epistolae Karolini aevi. Bd. 2 / hrsg. von E. Dümmler. Berlin: Weidmann, 1895. S. 224–227. (MGH Epistolae. 4).

Alcuin. Ep. 145 // Epistolae Karolini aevi. Bd. 2 / hrsg. von E. Dümmler. Berlin: Weidmann, 1895. S. 231–235. (MGH Epistolae. 4).

Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt: In 2 Bde. / hrsg. von W. Seyfarth. Leipzig: Teubner, 1978.

Anatolius of Laodicea. De ratione paschali // The ante-Nicene Christian Pasch De ratione paschali: The Paschal tract of Anatolius, bishop of Laodicea / ed. by D. P. McCarthy, A. Breen. Dublin: Four Courts Press, 2003. P. 45–53.

Annales Bertiniani / hrsg. von G. Waitz. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. 173 S. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarus ex Monumentis Germaniae historicis recusi. 5).

Annales Laurissenses minores // MGH SS. Bd. 1. 1826. S. 112–123.

Annales mettenses priores. Bd. 10 / hrsg. von B. Simson. Hannover: Hahn, 1905. 118 S. (MGH Scriptores). Annales sancti Germani parisiensis a. 466–1061 / MGH Scriptores. Bd. 3. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1888. S. 166–168.

Astronomus. Vita Hludowici imperatoris // Theganus, Gesta Hludowici imperatoris — Astronomus, Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp. Hannover: Hahn, 1995. S. 280–555. (MGH Scriptores rerum germanicarum. 64).

Athanasius. Apologia de fuga sua // Athanasius's Werke. Bd. 2. T. 1. Die Apologien / hrsg. von H.-G. Opitz. Berlin: Walter de Gruyter, 1935. S. 68–80.

Athanasius. Apologia Secunda // Athanasius Werke. Bd. 2. T. 1. Die Apologien / hrsg. von H.-G. Opitz. Berlin: Walter de Gruyter, 1938. S. 81–120.

Augustine. S. Aurelii Augustini Confessiones. Oxonii [Oxford]: J. Parker, 1872.
Augustine. Sancti Aurelii Augustini De civitate Dei. Turnholti: Brepols, 1955. 314 p. (Corpus Christianorum Series Latina. 47).
Avitus. Avitus of Vienne, letters and selected prose / eds. D. Shanzer, I.N. Wood. Liverpool: Liverpool University Press, 2002. 450 p.
Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / ed. by C. Plummer. Oxford: Clarendon Press, 1896. 458 p.
Bréquigny M. d., La Porte du Theil F.J. G. de, Pardessus J.-M. Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-francicas spectantia: en 2 t. Paris: Ex Typographeo Regio, 1843.
Cassiodorus Senator. Variae // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 12 / hrsg. von T. Mommsen. Berlin: Weidmannos, 1894.
Chronica collecta a Magno Presbytero // MGH Scriptores. Bd. 17 / hrsg. von G.H. Pertz. Hannover, 1861. S. 476–523. (MGH Scriptores).
Codex Iustiniani // Corpus iuris civilis. Bd. 2. Codex Iustinianus, recognovit et retractavit P. Krueger / hrsg. von P. Krüger. Berlin: Weidmann, 1954.
Codex Theodosianus. Bd. 1. Theodosiani Libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis / hrsg. von P. Krüger [u. a.]. Hildesheim: Weidmann, 1990.
Collectanea antiariana parisina. Series B. / hrsg. von A. Feder. Wien: Tempsky, 1916. (Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 65).
Digestae // Corpus iuris civilis. Bd. 1. Institutiones, recognovit P. Krueger. Digesta, recognovit T. Mommsen, retractavit P. Krueger / hrsg. von P. Krüger, T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1954.
Diplomata Karolinorum = Die Urkunden der Karolinger. Pippini, Carlomanni, Caroli Magni Diplomata / hrsg. von A. Dopsch [u. a.]. München: Hahn, 1979. (MGH).
Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica / hrsg. von T. Kölzer [u. a.]. Hannover, 2001. (MGH Diplomata).
Einhard. Vita Karoli Magni / hrsg. von G.H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1911. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 25).
Ennodius. Panegyricus dictus Teodorico // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 7. Ennodii opera. No. CCLXIII / hrsg. von F. Vogel. Berlin, 1885. S. 203–214.
Epistolae aevi karolini. Vol. 1 / hrsg. von E. Dümmler. Berlin, 1892. (MGH Epistolae. 3).
Eusebius Caesariensis. Eusebii, Hieronymi chronicon / hrsg. von R. Helm. Berlin, 1956. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).
Eusebius Caesariensis. Eusebius Werke. Bd. 2. Die Kirchengeschichte. Historia ecclesiastica / hrsg. von E. Schwartz, T. Mommsen. Berlin, 1903. (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. 9).
Eusebius Caesariensis. Oratio de laudibus Constantini = Tricennatsrede an Constantin // Eusebius' Werke. Bd. 1 / hrsg. von I.A. Heikel, J.C. Hinrichs. Leipzig, 1902. S. 195–259.

Eutropius. Evtropii Breviarivm ab vrbe condita cvm versionibus graecis // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 2. Evtropii Breviarivm cvm versionibvs et continvationibvs / hrsg. von H. Droysen. Berlin: Weidmann, 1879. S. 1–182.

Fredegarius. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Gesta Dagoberti regis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2: Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 396–426.

Gesta Liberii // PL. Vol. 8. Paris.

Gregorius Turonensis. Liber in gloria confessorum // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Gregorius Turonensis. Liber in gloria martyrum // Gregorii episcopi Turonensis Miracula et opera minora. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Gregorius Turonensis. Liber vitae patrum // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 1. T. 2. Gregorii Turonensis opera. Pars II. Miraculi et opera minora / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951.

Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X. Vol. 1. Part 1 / eds. B. Krusch, W. Levison. 2nd ed. Hannover: Hahn, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Hilaire de Poitiers. Contre Constance / sous la dir. d'A. Rocher. Paris: Éditions du Cerf, 1987.

Hilarius Arelatensis. Sermo de vita Honorati // PL. T. 50. 1843.

Hilarius Pictaviensis. Apologetica ad reprehensores libri de synodis responsa // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 545–548.

Hilarius Pictaviensis. De trinitate // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 9–471.

Hilarius Pictaviensis. Liber de synodis seu de fide orientalium // PL. T. 10. S. Hilarii tomus posterior. Col. 478–546.

Hilary of Poitiers' Preface to His Opus Historicum: Translation and Commentary / ed. by P. Smulders. Leiden, 1995. (Vigilae Christianae, Supplements. 29).

Historia Francorum Senoniensis a. 688–1034 // MGH Scriptores. Bd. 9. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1851. S. 364–369.

Hydatius. Chronica. Continuatio chronicorum Hieronymianorum // Chronica minora saec. IV. V. VI. VII., volumen II / hrsg. von T. Mommsen. Berlin: Weidmann, 1894. (MGH, Auctores Antiquissimi; Bd. 11).

Hydatius. The chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: two contemporary accounts of the final years of the Roman Empire / ed. by R. W. Burgess. Oxford: Clarendon Press, 1993. 270 p.

Ioannes Antiochenus. Historiae fragmenta // Fragmenta historicorum graecorum. T. 4. Parisiis: A. Firmin Didot, 1851. 538 sqq.

Iohannus Biclarensis. Chronica an. 567–590 // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 11: Cronicorum minorum saeculi IV. V. VI. VII. Berlin, 1894. S. 211–220.

Iona Bobbiensis. Vita Columbani // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4: Passiones vitaeque sanctorum aevi merovinngici / hrsg. von B. Krusch. Hannover: Hahn, 1902.

Iordanes. Getica // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 5. T. 1: Iordanis Romana et Getica / hrsg. von T. Mommsen. Hannover: Hahn, 1882.

Iordanes. Romana // MGH Auctores Antiquissimi. Bd. 5. T. 1: Iordanis Romana et Getica / hrsg. von T. Mommsen. Hannover: Hahn, 1882.

Irenaeus. Sancti Irenaei Detectionis et eversionis falso cognominatae agnitionis sue adversus haereses libri quinque // PG. T. 7 / sous la dir. de J.-P. Migne. Paris, 1857.

Isidore. Chronicorum minorum saeculi IV, V, VI, VII // German. T. 2 / hrsg. von T. Mommsen. Berlin: Hahn, 1894. S. 241–303. (MGH Auctores antiquissimi. 11).

Jerome. Jerome's commentary on Daniel / Transl. by G. L. Archer. Grand Rapids: Baker Book House, 1958.

Josephus F. Flavii Josephii opera. Bd. 6. De bello Iudaico libros VII / hrsg. von J. a. Destinon, B. Niese. 2. Aufl. Berlin: Weidmann, 1955.

King Alfred's Anglo-Saxon version of Orosius / ed. by J. Bosworth. London: Longman, Brown, Green, 1859. 396 p.

Legenda sancti Silvestri. Bruxelles, 1478.

Les Conciles oecuméniques. T. 2. Les décrets: Nicée I à Latran V / sous la dir. de C. Alberigo, A. Duval. 3 éd. Paris: Éd. du Cerf, 1994. (Le magistère de l'Église).

Les vies anciennes de sainte Geneviève de Paris: études critiques / sous la dir. de M. Heinzelmann, J.-C. Poulin, M. Fleury. Paris: H. Champion, 1986. 199 p. (Bibliothèque de l'Ecole des hautes études, IVe section, Sciences historiques et philologiques. 329).

Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).

Life of Daniel the Stylite / Transl. by E. Dawes, N. H. Baynes // Three Byzantine saints. London, 1948.

Marius Victorinus. Adversus Arrium // PL. T. 8. 1973. 1039b–1138b.

Martirologium hieronymianum // Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur. Novembris Tomus II / sous la dir. de J. Bolland [et al.]. Paris, 1894.

MGH Diplomatum Karolinorum. Bd. 1. Pippini, Carlomanni, Caroli Magni diplomata / hrsg. von E. Mühlbacher [u. a.]. Hannover: Hahn, 1906.

Nithard. Historiarum libri / hrsg. von E. Müller. Hannover: Hahn, 1907. 61 S. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum; 44).

Passio Leudegarii I // Passiones vitaeque sanctorum / ed. B. Krusch. Hannover: Hahn, 1910. P. 282–322. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. 5).
Paulinus Nolanus. Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Epistulae / hrsg. von W. de Hartel, M. Kamptner. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1999. 462 S. (Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 29).
Paulinus Nolanus. Carmina // Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Opera. T. 2 / hrsg. von G. de Hartel, M. Kamptner. Wien, 1999.
Paulinus Petricoriensis. De vita sancti Martini // Poetae latini minores. Paulinus Petriciriensis. Opera. T. 1 /; hrsg. von M. Petschenig. Wien, 1888. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum; Bd. 16).
Philostorgius. Philostorgius Kirchengeschichte: mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / hrsg. von J. Bidez, F. Winkelmann. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 393 S. (Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte).
Phoebadius. Contra arrianos / Übers. von J. Ulrich. Freiburg: Herder, 1999. 178 S. (Fontes Christiani. 38).
Procopius Caesariensis. De bello gothico // Procopii Caesariensis opera omnia. Bd. 2 / hrsg. von J. Haury. Leipzig, 1962.
Prosper Tiro. Chronica Gallica // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 615–666.
Prosper Tiro. Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 341–486.
P. Vergili Maronis Aeneis. Gotha: F. A. Perthes, 1901.
Q. Aurelius Symmachus. Q. Aurelii Symmachi quae supersunt // Symmachi opera. Bd. 6. T. 1 / hrsg. von O. Seeck. München, 2001. (MGH Auctores Antiquissimi).
Regino Prumiensis. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi / ed. F. Kurze. Hannover: Impensis Biblipolii Hahniani, 1890. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 50).
Rutilius Claudius Namatianus. De reditu suo sive iter Gallicum. Bd. 1 / hrsg. und übers. von E. Doblhofer. Heidelberg: Winter, 1972. 170 S.
Salvianus Massiliensis. De gubernatione Dei // Salviani presbyteri Massiliensis Opera omnia / hrsg. von F. Pauly. Vindobonae: C. Geroldi filivm, 1883. (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. 8).
Scriptores Historiae Augustae / Transl. by D. Magie. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1932. 529 p. (Loeb Classical Library. 263).
Sextus Aurelius Victor. Liber de caesaribus // Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illistribus urbis Romae. Subsequitur Epitome de Caesaribu / hrsg. von F. Pichlmayr, R. Gründel. Stuttgart: Teubner, 1993.
Sidonius Apollinaris. Carmina // Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 8).

Sidonius Apollinaris. Epistolae // Gai Solii Apollinaris Sidonii Epistulae et carmina. Fausti aliorumque epistula ad Ruricium aliosque / hrsg. von C. Lütjohann. Berlin, 1887. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. 8).

Suetonius. The lives of the twelve Caesars / Transl. by J. Gavorse. New York: Modern library, 1931. 361 p.

Sokrates. Kirchengeschichte / hrsg. von G.C. Hansen, M. Širinjan. Berlin, 1995. (Griechische Christliche Schriftensteller. N.F.1).

Sozomen. Historia ecclesiastica = Kirchengeschichte / hrsg. von G.C. Hansen. Turnhout: Brepols, 2004.

Sulpicius Severus. Chronicon // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 1–108. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

Sulpicius Severus. Dialogi // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 152–216. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

Sulpicius Severus. Vita sancti Martini // Sulpicii Severi opera ex rec. C. Halmii. Libri qui supersunt / hrsg. von C. Halm. Wien: F. Tempsky, 1866. S. 109–137. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. 1).

The Anglo-Saxon Chronicle // The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Vol. 3. Manuscript A / ed. by J. M. Bately. Cambridge: D.S. Brewer, 1986.

The Fourth Book of the Chronicle of Fredegar with its Continuations / ed. and transl. by J. M. Wallace-Hadrill. London: Nelson, 1960. 137 p.

Theganus. Gesta Hludowici imperatoris // Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1995. S. 168–277. (MGH Scriptores rerum germanicarum. 64).

Theodoret, Gutberlet K. Des Bischofs Theodoret von Cyrus Mönchsgeschichte / Übers. von K. Gutberlet. München: Kösel & Pustet, 1926. (Bibliothek der Kirchenväter. 50).

Venantius Fortunatus. Ad Chilpericum regem quando synodus Brinnaco habita est // Venantii Honori Clementiani Fortunati presbyteri italici opera poetica. Bd. 4. T. 1 / hrsg. von F. Leo. Berlin, 1881. S. 201–205. (MGH Auctores Antiquissimi).

Venantius Fortunatus. Vita Hilarii // MGH Auctores antiquissimi. Bd. 4. T. 2. Hannover, 1885. S. 2–7.

Vie de Saint Martin / sous la dir. de J. Fontaine. Paris, 1967. 348 p. (Sources Chrétiennes. 133).

Vita Aegili // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733.

Vita Audoini episcopi Rotomagensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sacntorum. Hannover: Hahn, 1910. S. 543–567.

Vita Bercharii // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733.
Vita Eligii episcopi Noviomagenisis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici. Hannover: Hahn, 1902. S. 663–741.
Vita Fursei // Acta Sanctorum ordinis Sancti Benedicti. T. 2 / sous la dir. de L. d'Achery, J. Mabillon. Venetii, 1733. P. 300–314.
Vita Fursei // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 4: Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1902.
Vita Nivardi // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5: Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / hrsg. von W. Levison. Hannover, 1910.
Vita S. Danielis // Historiae seu vitae sanctorum / ed. L. Surius. Köln, 1570.
Vita Sanctae Balthildis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 2: Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 475–508.
Vita Sancti Severini / hrsg. von T. Nüsslein. Stuttgart: Reclam, 1999. 154 S.
Vita Sylvestri papae // Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum. T. 2 / ed. B. Mombritius. Milano, 1480. P. 279v–293v.
Vita Sylvestris papae / sous la dir. de F. Combefis. Paris, 1660.
Vita Sylvestris papae // Sanctuarium seu Vitae sanctorum / sous la dir. de B. Mombrizio, A. Brunet. Parisiis: apud Albertum Fontemoing, 1910. P. 508–531.
Zosimus. Historia nova / hrsg. von L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.
Zosimus. Zosimi papae epistolae et decreta // PL 20 / sous la dir. de J.-P. Migne. Paris, 1845. P. 640–686.

Список литературы

Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. А. Смирнова, Д. Е. Фурмана. М.: Территория будущего, 2007. 285 с.

Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006. 271 с.

Вольфрам Х. Готы: От истоков до середины VI в. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

Гизо Ф. О характере Салического закона // История Средних веков / под ред. М. М. Стасюлевич. СПб., 1999. С. 324–325.

Гревс И. М. Фюстель де Куланж, Нюма Дени // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 36а. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 936–944.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 224 с.

Донченко А. И. Вступление / пер. А. И. Донченко // Сочинения = Oрега / Сульпиций Север; под ред. А. И. Донченко. М., 1999.

Дройзен И. Г. Историка / пер. Г. Федоровой. СПб.: Фонд «Университет»; Владимир Даль, 2004. 582 с.

Казанский М. М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований // Краткие сообщения института археологии. 2014. № 234. С. 262–286.

Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя церкви. М.: Изд-во МГУ, 1994. 176 с.

Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М.: Изд-во МГУ, 1969. 326 с.

Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.: Изд-во МГУ, 1963. 186 с.

Кривушин И. В. Рождение церковной историографии. Евсевий Кесарийский. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1995. 67 с.

Куликова Ю. В. Галльская империя от Постума до Тетриков. СПб.: Алетейя, 2012.

Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Т. 31. С. 9–17.

Мажуга В. И. Королевская власть и церковь во франкском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. Л.: Наука, ЛО, 1990. С. 46–70.

Мейман М.Н., Сказкин С.Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 75–99.

Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87.

Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (Тезисы доклада) // Средние века. 1968. Т. 31. С. 45–48.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Научное слово, 1917. 402 с.

[Рецензия на:] Разсказы о временах Меровингов. Сочинение Огюстена Тьерри. СПб., 1848 // Отечественные записки: Раздел VI. Библиографическая хроника. 1848. Т. 58, № 5/6. С. 18.

Савукова В.Д. История франков как литературный памятник // История франков / Г. Турский. М.: Наука, 1987.

Савукова В.Д. Примечания // История франков / Г. Турский. М.: Наука, 1987.

Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

Сидоров А.И. Историческая мысль и знания о прошлом в каролингской Европе: вторая половина VIII — начало X в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. 709 с.

Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 349 с. (Studia classica).

Старостин Д.Н. Вступительная статья // Хроникон. СПб.: Евразия Клио, 2014.

Старостин Д.Н. Каролингская Аквитания в изображении Адемара Шабанского (ок. 989 — 1034) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2013. С. 93–109.

Старостин Д.Н. Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX — начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 126–139.

Старостин Д.Н. Между античностью и средневековьем: судебные протоколы меровингского времени и их роль в развитии раннесредневекового правосознания // IVS ANTIQVVM (Древнее право). 2005. Т. 15. С. 120–134.

Старостин Д.Н. Формирование княжеств в позднекаролингский период и отражение этого процесса в «Хронике» Адемара Шабаннского // Молодой ученый. 2013. № 7 (54). С. 326–333.

Старостин Д.Н., Кулешова Е.В. Проблема прихода к власти Меровингов в трудах французских эрудитов XVI в. сквозь призму истории о Хильдерике // Молодой ученый. 2015. Т. 13. С. 551–556.

Старостин Д.Н., Кулешова Е.В. Французские историки XVI в. о начале истории королевства франков: публикация глав о приходе к власти короля Хильдерика (ум. 481/482) из сочинений Бернара Дюгайяна (1535–1610) и Клода Фоше (1530–1602) // Молодой ученый. 2015. Т. 17. С. 402–412.

Тьерри О. О характере германских завоеваний Галлии и состояние побежденных туземцев // История Средних Веков / под ред. М.М. Стасюлевич. М., 1999. С. 297–310.

Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов. СПб., 1892. 368 с.

Тюленев В.М. Вступительная статья // История против язычников. Кн. I–III / Павел Орозий. СПб., 2001.

Тюленев В.М. К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3. Филология. История. Философия. 2008. С. 81–87.

Тюленев В.М. Раннехристианский историк Сульпиций Север и его картина человеческого прошлого // Личность, культура, общество. 2003. № 19/20. С. 427–442.

Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970. 24 с. (Доклады / XIII Междунар. конгресс ист. наук. Москва, 16–23 авг. 1970 г.).

Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М.: Наука, 1989. 320 с.

Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья (Christentum und mönchtum im früh und beginnenden hochmittelalter): Германские земли II/III – середина XI в. СПб.: Алетейя, 2001. 506 с.

Фавтье Р. Капетинги и Франция: Роль династии в создании государства. СПб.: Евразия, 2001. 294 с.

Циркин Ю.Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. 2013. Т. 12. С. 462–472.

Шевеленко А.Я. К типологии генезиса феодализма // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 97–107.

Шкаренков П.П. Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: Миф, образ, реальность. М.: РГГУ, 2003. 137 с.

Addison J.T. The medieval missionary; a study of the conversion of Northern Europe, 500–1300. New York; London: International missionary council, 1936. 176 p. (Studies in the world mission of Christianity. 2).

Aiello V. Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' // Messana. 1992. Vol. 13. P. 221–237.

Aiello V. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande // Dall'antichità all'umanesimo. Atti del convegno internazionale. Macerata 18 20 dic. 1990, vol. 1. Macerata, 1992. P. 17–58.

Airlie S. The aristocracy in the service of the state in the Carolingian period // Staat im frühen Mittelalter / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006. S. 93–112.

Amerise M. Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità Stuttgart: F. Steiner, 2005. 177 p. (Hermes Einzelschriften. 95).

Angenendt A. Willibald zwischen Mönchtum und Bischofsamt // Der heilige Willibald Klosterbischof oder Bistumgründer / hrsg. von H. Dickerhof, E. Reiter, S. Weinfurter. Regensburg, 1990. S. 146–169.

Arce J. El catastrofismo de Hydacio y los camellos de la Gallaecia // Los últimos romanos en Lusitania / ed. por A. Velázquez, E. Cerrillo y P. Mateos. Mérida: Los últimos romanos en Lusitania, 1995. P. 219–229. (Cuaderno Emeritenses. 10).

Armand F. Chilpéric I, le roi assassiné deux fois. Cahors: La louve, 2008. 350 p.

Auerbach E. Mimesis; dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern: A. Francke, 1946. 503 c.

Bachrach B. Merovingian military organization, 481–751. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1972. 157 p.

Bachrach B. Procopius and the chronology of Clovis' reign // Viator. 1971. Vol. 1. P. 21–32.

Bachrach B. Charlemagne's Early Campaigns (768–777): A Diplomatic and Military Analysis. Leiden: Brill, 2013. 723 p. (History of warfare. 82).

Bachrach B. Procopius, Agathias and the Frankish Military // Speculum. 1970. Vol. 45, No. 3. P. 435–441.

Bagge S. Early State Formation in Scandinavia // Der frühmittelalterliche Staat europäische Perspektiven / hrsg. von W. Pohl, V. Wieser. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. S. 145–154.

Bagge S. Nordic Uniqueness in the Middle Ages? Political and Literary Aspects / Gripla. 2009. Vol. 20. P. 49–76.

Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and the representation of historical reality. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. 290 p. (Cornell studies in classical philology. 56).

Barnes T.D. Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1993. 343 p.

Barnes T.D. Constantine and Eusebius. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 458 p.

Barrault A. L'influence de saint Colomban et ses disciples dans les monastères de la Brie // Melanges Colombaniens. Actes du Congrès international de Luxeuil. 20–23 juillet 1950. Paris: Alsatia, 1951. P. 197–208. (Bibliothèque de la Société d'histoire ecclésiastique de la France).

Barthélemy A. de. Les origines de la maison de France // Revue des questions historiques. Paris, 1873. T. 13. P. 108–144.

Baus K., Ewig E. Reichskirche nach Konstantin den Grossen. I, 1: Die Kirche von Nikaia bis Chalkedon. Freiburg, 1985. S. 189–238.

Baynes N.H. Constantine the Great and the Christian Church. London: Oxford University Press for the British Academy, 1972. 107 p.

Beatus Rhenanus. Rerum Germanicarum libri tres. Basel: Froben, 1531. 206 p.

Beauchet L. Histoire de l'organisation judicaire en France. Époque franque. Paris: A. Rouseau, 1886. 509 p.

Beaujard B. L'évêque dans la cité en Gaule aux Ve et VIe siècles // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Universite de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. De C. Lepelley. Bari: Edipuglia, 1996. P. 127–146. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità).

Becher M. Chlodwig I: der Aufstieg der Merowinger und das Ende der antiken Welt. München: Beck, 2011. 330 S.

Becher M. Karl der Grosse. München: Beck, 2007. 127 S.

Becher M. Vater, Sohn und Enkel. Die Bedeutung von Eintritts- und Anwachsungsrecht für die Herrschaftsnachfolge im Frankenreich // Herrscherund Fürstentestamente im westeuropäischen Mittelalter / hrsg. von B. Kasten. Köln, 2008. S. 301–320. (Norm und Struktur. 29).

Beckwith C.L. Hilary of Poitiers on the Trinity: from De fide to De trinitate. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Beisel F. Studien zu den fränkisch-römischen Beziehungen: Von ihren Anfängen bis zum Ausgang des 6. Jh. Idstein: Schulz-Kirchner, 1987. 352 S.

Bergengruen A. Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich: Siedlungsund standesgeschichtliche Studie zu den Anfangen des frankischen Adels in Nordfrankeich und Belgien. Wiesbaden: F. Steiner, 1958. (Vierteljahrschrift für Sozialund Wirtschaftsgeschichte, Beihefte. 41).

Bergmann W. Die Formulae Andecavenses, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter // Archiv für Diplomatik. 1978. Jg. 24. S. 1–53.

Bergmann W. Innovationen im Quadrivium des 10. und 11. Jahrhunderts: Studien zur Einführung des Astrolab und Abakus im lateinischen Mittelalter. F. Steiner, 1985. 256 S. (Sudhoffs Archiv Beiheft. 26).

Bergmann W. Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit // Archiv für Diplomatik. 1976. Jg. 22. S. 1–186.

Bergmann W. Verlorene Urkunden des Merowingerreichs nach den Formulae Andecavenses: Katalog // Francia. 1981. Jg. 9. S. 3–56.

Bernays J. Über die Chronik des Sulpicius Severus: ein Beitrag zur Geschichte der klassischen und biblischen Studien. Berlin: Wilhelm Hertz, 1861. 72 S.

Beumann H. Topos und Gedankengefüge bei Einhard // Archiv für Kulturgeschichte. 1951. Jg. 33. S. 337– 350.

Biamonti A. L'escatologia di Sulpicio Severo // Bolletino di studi istorico-religiosi. 1921. Vol. 1. P. 55–68.

Bleckmann B. Bemerkungen zum Scheitern des Mehrherrschaftssystem: Reichsteilung und Territorialansprüche // Diokletian und die Tetrarchie / hrsg. von A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöningen. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. S. 74–94.

Bloch M. La société féodale. Vol. 2. Les classes et le gouvernernent des hommes. Paris: Èditions Albin Michel, 1940.

Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris: A. Colin, 1931. 261 p.

Bloch M. Les Rois thaumaturges. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg: Librairie Istra, 1924. 542 p. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. 19).

Bonnell H. Die Anfänge des Karolingischen Hauses. Berlin: Duncker & Humblot, 1866. 223 S.

Borchardt C.F. A. Hilary of Poitiers' Role in the Arian Struggle. The Hague: Martinus Nijhoff, 1966. 198 p. (Kerkhistorische studien. 12).

Borgolte M. 'Bischofsitz' und 'Sitz der Ruhe': Zur Kirchenorganization gallischer Städte nach Gregor von Tours und Bistumgeschichte von Auxerre // Litterae medii aevi: Festschrift für J. Autenrieth / hrsg. von M. Borgolte, H. Spilling. Sigmaringen: Thorbecke, 1988. S. 27–53.

Borgolte M. Die Grafen Alemanniens in merowingischer und karolingisher Zeit: Eine Prosopografie. Sigmaringen: Thorbecke, 1986. 341 S. (Archeologie und Geschichte. 2).

Börm H. Hydatius von Aquae Flaviae und die Einheit des Römischen Reiches im fünften Jahrhundert // Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts / hrsg. von B. Bleckmann, T. Stickler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. S. 195–214.

Borst A. Alkuin und die Enzyklopädie von 809 // Science in Western and Eastern civilization in Carolingian times / eds. P. L. Butzer, D. Lohrmann. Basel, 1993. P. 53–78.

Borst A. Die karolingische Kalenderreform. Hannover, 1998. 864 S. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 46).

Borst A. Die Streit um den karolingischen Kalendar. Hannover: Hahnsche, 2004. 200 S. (Monumenta Germaniae historica, Studien und Texte. 36.).

Borst A. Schriften zur Komputistik im Frankenreich von 721 bis 818. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2006. 1643 S. (MGH Quellen zur Geistesgeschichte des Mittelalters. 21.).

Boshof E. Einheitsidee und Teilungsprinzip in der Regierungszeit Ludwigs des Frommen // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840) / hrsg. von P. Godman, R. Collins. Oxford: Clarendon Press, 1990. S. 161–190.

Boshof E. Kloster und Bischof in Lotharingien // Monastische Reformen im 9. und 10. Jahrhundert / hrsg. von R. Kottje, H. Maurer. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1989. S. 197–246. (Vorträge und Forschungen. 38).

Boshof E. Königtum und adelige Herrschaftsbildung am Niederrhein im 9. und 10. Jahrhundert // Königtum und Reichsgewalt am Niederrhein / hrsg. von K. Flink, W. Janssen. Kleve: Selbstverlag des Stadarchives Kleve, 1983. S. 9–41. (Klever Archiv).

Boshof E. Untersuchungen zur Kirchenvogtei in Lothringen im 10. und 11. Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 55–119.

Bouchard C. The Bosonids or the rising to power in the late Carolingian age // French historical studies. 1988. Vol. 15. P. 407–431.

Bouchard C. «Those of my blood»: constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 248 p.

Boullainvilliers C. de. Essai sur la noblesse de France, contenant une dissertation sur son origine et abaissement. Amsterdam, 1732. 340 p.

Bourdieu P. Esquisse d'une theorie de la pratique. Geneve: Droz, 1972. 269 p.

Bourgain P. Clovis et Clotilde chez les historiens médiévaux des temps mérovingiens au premier siècle capétien // Bibliothèque de l'École des chartes. 1996. T. 154, No. 1. P. 53–86.

Bouvier-Ajam M. Dagobert. Paris: J. Tallandier, 1980. 440 p. (Figures de proue du Moyen Age).

Bowersock G. W. Gibbon and Julian // Gibbon et Rome à la lumière de l'historiographie moderne / sous la dir. de P. Ducrey. Geneva, 1977. P. 191–213.

Bowersock G. W. Julian the Apostate. Cambridge: Harvard University Press, 1978. 135 p.

Bredero A. H. Les Francs (Saliens ou non-Saliens) aux IIIe et IVe siècles sur la rive droite du Rhin: guerriers et paysans // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996 / ed. M. Rouche. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1997. Vol. 2. P. 43–58.

Brennan B. The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus // Journal of Medieval History. 1992. Vol. 18. P. 115–139.

Brennecke H. Hilarius von Poitiers und die Bischofsopposition gegen Konstantius II. Untersuchungen zur dritten Phase des arianischen Streites (337–361). Berlin: W. de Gruyter, 1984. 400 S. (Patristische Texte und Studien. 26).

Breukelaar A. H. B. Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul: the histories of Gregory of Tours interpreted in their historical context. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 391 p. (Forschungen zur Kirchenund Dogmengeschichte. 57).

Brincken A.-D. von den. Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf: M. Triltsch, 1957. 249 S.

Brooke C. The Saxon and Norman kings. London: B.T. Batsford Ltd., 1963. 224 p.
Brown P. Christianity and local culture in Late Roman Africa // Journal of Roman studies. 1968. Vol. 58. P. 85–95.
Brown P. Power and persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian empire. Madison: University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.
Brown P. Society and the holy in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1982. 347 p.
Brown P. The cult of the saints: Its rise and function in Late Antiquity. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 187 p.
Brown P. The rise of western Christendom: Triumph and diversity AD 200–1000. Oxford: Clarendon Press, 1996. 661 p.
Brown P. The World of Late Antiquity, 200–750. London, 1971.
Bruce F.F. Marius Victorinus and His Works // The Evangelical Quarterly. 1946. Vol. 18. P. 132–153.
Bruhl C. Palatium und civitas: Studien zur Profantopographie spätantiker Civitates vom 3. bis 13. Jahrhundert. Bd.1. Gallien. Köln: Böhlau, 1975. 275 S.
Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1906. 629 S. (Systematische Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft / hrsg. von dr. Karl Binding. 2. Abt. T. 1).
Brunner K. Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien: Böhlau, 1979. 224 S. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 25).
Buchner R. Einleitung // Gregorius Turonensis. Historiarum libri decem. Libri 1–5. Bd. 1 / hrsg. von R. Buchner. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1967. (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. 3).
Bullough D. Europae pater: Charlemagne and his achievement in the light of recent scholarship // English historical review. 1970. Vol. 85. P. 59–105.
Bullough D. The age of Charlemagne. London, 1965. 212 p.
Bullough D.A. Aula renovata: the Carolingian court before the Aachen palace // Proceedings of the British Academy. 1986. Vol. 71. P. 267–301.
Burns T.S. Barbarians within the gates of Rome: a study of Roman military policy and the barbarians, ca. 375–425 A. D. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 417 p.
Burrus V. The making of a heretic: gender, authority, and the Priscillianist controversy. Berkeley: University of California Press, 1995. 252 p. (The transformation of the classical heritage. 24).
Bury J.B. A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene (395 A. D. to 800 A. D.) Vol. 1. London: Macmillan, 1889. 532 p.
Butzen R. Die Merowinger östlich des mittleren Rheins: Studien zur militarischen, politischen, rechtlichen, religiosen, kirchlichen, kulturellen Erfassung durch Königtum und Adel im 6. sowie 7. Jahrhundert. Bd. 38. Würzburg: Freunde Mainfränkischer Kunst und Geschichte, 1987. 379 S. (Mainfränkische Studien).

Cadaux S. Recherches sur l'accession à l'episcopat aux temps merovingiens (481/82–691/722): thèse de doctorat S. Paris: Univ.-Paris, 1994. 290 p.

Calmette J. Observations sur la chronologie du règne de Clovis // Académie des inscriptions et belles-lettres, comptes-rendus. 1946. P. 193–202.

Cameron A. Agathias. Oxford: Calarendon Press, 1970. 168 p.

Cameron A. Agathias on the early Merovingians // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. 1968. Vol. 37. P. 136–139.

Cameron A. Procopius and the sixth century. London: Duckworth, 1985. 297 p.

Canella T. Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2006. 357 p. (Uomini e mondi medievali. 7).

Carozzi C. Le Clovis de Grégoire de Tours // Le Moyen Age. 1992. Vol. 98. P. 169–185.

Carruthers M.J. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 393 p. (Cambrdge studies in medieval literature. 10).

Cerutti S. Normes et pratiques, ou de la légitimité de leur opposition // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / sous la dir. de B. Lepetit. Paris, 1995. P. 127–149.

Chalmers W.R. Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition // Classical Quarterly, n.s. 1960. Vol. 10. P. 152–160.

Charleswroth M.P. Flaviana // Journal of Roman Studies. 1938. Vol. 27. P. 54–62.

Chastagnol A. L'evolution politique, sociale et economique du monde romain de Diocletien a Julien: la mise en place du regime du Bas-Empire (184–363). Paris: SEDES, 1994. 394 p.

Chaume M. Les origines du Duché de Bourgogne: en 2 t. Dijon: Jobard, 1928.

Chesnut G.F. The first Christian histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. Macon, GA: Mercer University Press, 1986. 296 p.

Christensen A.S. Cassiodorus, Jordanes, and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2002. 391 p.

Chrysos E. Legal concepts and patterns for the barbarians' settlement on Roman soil // Das Reich und die Barbaren / hrsg. von E. Chrysos, A. Schwarz. Wien: Böhlau, 1989. S. 13–23.

Chrysos E. Conclusions: «de foederatis iterum» // Kingdoms of the Empire: the integration of barbarians in late Antiquity / ed. W. Pohl. Leiden: Brill, 1997. P. 185–206.

Classen P. Kaiserreskript und Konigsurkunde: Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuitat zwischen Altertum und Mittelalter. Thessalonike: Kentron Vyzantinon Ereunon, 1977.

Clauss M. Kaiser und Gott: Herrscherkult im römischen Reich. Berlin: Teubner, 1999. 597 S.

Coates S. Venantius Fortunatus and the Image of Episcopal Authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul // English Historical Review. 2000. Vol. 115. P. 1109–1137.

Collins R. Early medieval Europe, 300–1000. New York: St. Martin's Press, 1991. 453 p.

Collins R. Early medieval Spain: Unity in diversity, 400–1000 A. D. New York: St. Martin's Press, 1983. 317 p.

Collins R. Deception and misrepresentation in early eighth-century Frankish historiography: two case studies // Karl Martell in seiner Zeit. / eds. J. Jarnut, U. N. und M. Richter. Sigmaringen, 1994. P. 227–247. (Beihefte der Francia. 37).

Collins R. Die Fredegar-Chroniken. Hannover, 2007. 152 S. (MGH Studien und Texte. 44).

Collins R. Early medieval Spain: unity in diversity, 400–1000. New York: St. Martin's Press, 1995. 317 p.

Collins R. Visigothic Spain, 456–601 // The Cambridge Ancient history. Late Antiquity: Empire and Successors A. D. 425–600 / eds. A. Cameron, B. W.-P. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000. P. 112–134.

Computus and its Cultural Context in the Latin West, AD 300–1200. Proceedings of the 1st International Conference on the Science of Computus in Ireland and Europe, Galway, 14–16 July, 2006. Vol. 5 / eds. I. Warntjes, D. Ó. Cróinín. Turnhout: Brepols, 2010. 382 p. (Studia traditionis theologiae).

Contreni J. J. Counting, calendars and cosmology: Numeracy in the early Middle Ages // Word, image, number / eds. J. J. Contreni, S. Casciani. Florence: SISMEL, 2002. P. 43–83.

Contreni J. J. The Carolingian renaissance: Education and literary culture // New Cambridge Medieval History. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 709–757.

Corcoran S. The empire of the tetrarchs: imperial pronouncements and government, AD 284–324. Oxford: Clarendon Press, 1996. 406 p.

Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian World. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 505 p. (Cambridge Medieval Textbooks).

Courtois C. L'avènement de Clovis II et les règles d'accession au trône chez les Mérovingiens // Mélanges d'histoire du moyen âge dédiés à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 155–164.

Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. Paris: Arts et métiers graphiques, 1955. 455 p.

Croke B. The originality of Eusebius' Chronicle // The American Journal of Philology. 1982. Vol. 103. P. 195–200.

Croke B. The origins of the Christian world chronicle // History and historians in Late Antiquity / eds. B. Croke, A. M. Emmett. Sydney; New York: Pergamon Press, 1983. P. 116–131.

Crosby S. M. The royal abbey of St-Denis from its beginning to the death of Suger, 475–1151 / ed. by P. Z. Blum. New Haven: Yale University Press, 1987. 525 p.

Dahn F. Die Könige der Germanen. Bd. 7. Die Franken unter den Merowingern. Abt. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1894. 309 S.

Daly W. M. Clovis: how barbaric, how pagan? // Speculum. 1994. Vol. 69. P. 919–964.

Davis J. R. Charlemagne's practice of empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 531 p.

De Clercq V. C. Ossius of Cordova: a contribution to the history of the Constantinian period. Vol. 13. Washington, 1954. 561 p. (Studies in Christian antiquity).

Declercq G. Anno Domini: The origins of the Christian era. Turnhout: Brepols, 2000. 206 p.

DeGregorio S. Footsteps of his own: Bede's commentary on Ezra-Nehemiah // Innovation and tradition in the writings of Venerable Bede / ed. by S. DeGregorio. Morgantown, WV, 2006. P. 143–168.

Deissmann A. Licht vom Osten. Das Neue Testament und die neuentdeckten Texte der hellenistisch-römischen Welt. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1923.

Delehaye H. Les légendes hagiographiques. Bruxelles: Bureaux de la Société des Bollandistes, 1905. 264 p.

Delehaye H. Les origines du culte des martyrs. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1912. 502 p. (Subsidia hagiographica. 20).

Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1921. 447 p.

Delehaye H. Loca sanctorum // Analecta bollandiana. 1930. T. 48. P. 5–64.

Demandt A. Der spätrömische Militäradel // Chiron. 1980. Jg. 10. S. 609–636.

Demandt A. Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München: Beck, 1998. 515 S.

Demandt A. The osmosis of Late Roman and Germanic aristocracies // Das Reich und die Barbaren / hrsg. von E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. S. 75–86. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichsforschung. 29).

Demougeot E. Constantin III, empereur d'Arles // L'Empire romain et les barbares d'Occident / sous la dir. de M. Christol, M. Gayraud. Paris, 1988. P. 171–213.

Dempf A. Eusebios als Historiker. München, 1964. 13 S. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jg. 1964. Hf. 11).

Demyttenaere A. Clovis en de Kanaänieten: Het heilshistorisch perspectief van Gregorius van Tours // Ad fontes: Opstellen aangeboden aan prof. dr. C. van de Kieft ter gelegenheid van zijn afscheid als hoogleraar in de middeleeuwse geschiedenis aan de Universiteit van Amsterdam. Amsterdam: Verloren, 1984. P. 13–38.

Dessau H. Inscriptiones latinae selectae. Bd. 1. Berlin: Weidmann, 1892. 580 S.

Diesenberger M., Reimitz H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft: Momente des Königtums in der merowingischen Historiographie // Das frühmittelalterliche Konigtum: Ideelle und religiose Grundlagen / hrsg. von F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 214–269.

Diesenberger M. Hair, sacrality and symbolic capital in the Frankish kingdoms // The Construction of Communities in the early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts. Vol. 12 / eds. R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reimitz. Leiden, 2003. P. 173–227. (The Transformation of the Roman World).

Dill S. Roman society in Gaul in the Merovingian age. London: Macmillan, 1926. 566 p.

Dobschutz E. Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. Bd. 8 / hrsg. von O. Gebhardt, A. Harnack. Berlin, 1912. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Reihe 3; 4).

Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Berkeley: University of California Press, 1951. 327 p. (Sather classical lectures. 25).

Döllinger I. von. Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters. Mainz: Giani, 1866. 34 S.

Döllinger J.J. I. von. Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte. München: Minerva G.m.b.H., 1863. 159 S.

Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland: In 2 Bde. 2. Aufl. Weimar: H. Böhlaus Nachf., 1921.

Dopsch A. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. In 2 Bde. Wien: L. W. Seidel, 1923.

Drijvers J. W. The limits of Empire in the res gestae of Ammianus Marcellinus // Frontiers in the Roman world. Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009) / eds. O. Hekster, T. Kaiser. Leiden: Brill, 2011. P. 13–29.

Drinkwater J.F. Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC – AD 260. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983. 256 p.

Drinkwater J.F. The Bacaudae of fifth-century Gaul // Fifth-century Gaul: a crisis of identity? / eds. J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 208–217.

Drinkwater J.F. The Gallic empire. Separatism and continuity in North-Western provinces of the Roman empire A. D. 260–274. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. 276 S. (Historia Enzelschriften. 52).

Drinkwater J.F. The revolt and ethnic origin of the usurper Magnentius (350–353), and the rebellion of Vetranio (350) // Chiron. 2000. Vol. 30. P. 131–159.

Drinkwater J.F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413) // Britannia. 1998. Vol. 29. P. 269–298.

Dubos J.B. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T. 3. Paris: Osmont, 1734.

Duchesne L., Vogel C. Le Liber pontificalis. Paris: E. Thorin, 1957.

Duggan A. Conciliar law 1123–1215: The legislation of the Four Lateran Councils // The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140–1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX / eds. W. Hartmann, K. Pennington. Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2008. P. 318–366.

Duggan L. G. For force is not of God? Compulsion and conversion from Yahweh to Charlemagne // Varieties of religious conversion in the Middle Ages / ed. by J. Muldoon. Gainesville, 1997. P. 51–62.

Dupraz L. Contribution à l'histoire du Regnum Francorum pendant le troisieme quart du VIIe siècle, 656–680. Fribourg: Impr. St-Paul, 1948. 426 p.

Dupraz L. Le premier duché de Bourgogne. Ses titulaires; leur famille, leur politique // Memoires et documents publiés par la Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 1961. T. 40. P. 19–38.

Durliat J. Évêque et administration municipale au VIIe siècle // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Universite de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. de C. Lepelley. Bari: Edipuglia, 1996. P. 273–286. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità).

Eastwood B.S. Ordering the Heavens: Roman astronomy and cosmology in the Carolingian renaissance. Leiden: Brill, 2007. 452 p. (History of science and medicine library, vol. 4; Medieval and early modern science, vol. 8).

Eckhardt K. Lex Salica, 100 Titel-Text. Weimar: H. Böhlaus Nachfolger, 1953. (Germanenrechte. Neue Folge. Westgermanisches Recht. 1).

Effros B. Caring for Body and Soul: Burial and the Afterlife in the Merovingian World. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. 255 p.

Effros B. Merovingian mortuary archaeology and the making of the early Middle Ages. Berkeley: University of California Press, 2003. 272 p. (Transformation of the classical heritage. 35).

Eger H. Die Eschatologie Augustins. Greifswald: Bamberg, 1933. 92 S. (Greifswalder theologische Forschungen. 1).

Elliott T.G. Ammianus Marcellinus and fourth century history. Sarasota, Fla.: S. Stevens, 1983. 277 p.

Englisch B. Zeiterfassung und Kalenderprogrammatik in der frühen Karolingerzeit. Das Kalendarium der Hs. Köln DB 83–II und die Synode von Soissons 744. Stuttgart: Thorbecke, 2002. 182 S. (Instrumenta. 8).

Englisch B. Karolingische Reformkalender und die Fixierung der christlichen Zeitrechnung // Computus and its cultural context in the Latin West AD 300–1200 / eds. I. Warntjes, D.Ó. Cróinín. Turnhout: Brepols, 2010. P. 238–258. (Studia traditionis theologiae. 5).

Erskine A. Epilogue // The gods of ancient Greece: Identities and transformations / eds. by J.N. Bremmer, A. Erskine. Edinburgh, 2010. P. 505–510. (Edinburgh Leventis Studies. 5).

Esders R. Römische Rechtstradition und merowingisches Königtum: zum Rechtscharakter politischer Herrschaft in Burgund im 6. und 7. Jahrhundert. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. 527 S. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 134).

Everett N. Narrating the Life of Eusebius of Vercelli // Narrative and History in the Early Medieval West / eds. by R. Balzaretti, E. Tyler. Turnhout, 2006. P. 133–165.

Ewig E. Das Bild Constantins des Grossen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 1. Ostfildern: Thorbecke, 1976. S. 72–113. (Beihefte zu Francia. 3).

Ewig E. Das Privileg des Bischofs Berthefrid von Amiens für Corbie von 664 und die Klosterpolitik der Königin Balthild // Spätantikes und fränkisches

Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 2. Zürich: Thorbecke, 1976. S. 538–584. (Beihefte zu Francia. 3).

Ewig E. Die fränkische Teilreiche im 7 Jahrhundert (613–714) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 1. Ostfildern: Thorbecke, 1976. S. 85–144. (Beihefte zu Francia. 3).

Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Spätantikes und fränkisches Gallien: Gesammelte Schriften. Bd. 1. Ostfildern: Thorbecke, 1976. S. 114–171. (Beihefte zu Francia. 3).

Ewig E. Noch einmal zum 'Staatsreich' Grimoalds // Speculum historiale: Geschichte im Spiegel von Geschichtsschreibung und Geschichtsdeutung / hrsg. von C. Bauer, L. Böhm, M. Müller. Freiburg, 1965. S. 454–457.

Ewig E. Die fränkische Teilungen und Teilreiche (511–613) // Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz, Abhandlungen der geistesund sozialwissenschaftliche Klasse. 1953. Jg. 9. S. 651–715.

Ewig E. Die Merowinger und das Frankenreich. Stuttgart: Kohlhammer, 1993. 248 S. (Kohlhammer-Urban Taschenbücher. 392).

Ewig E. Zum Geschichtsbild der Franken und den Anfängen der Merowinger // Mediaevalia Augiensia. Forschungen zur Geschichte des Mittellters / hrsg. von J. Petersohn. Sigmaringen: Thorbecke, 2001. S. 43–58. (Vorträge und Forschungen. 54).

Fahlbeck P.E. La royauté et le droit royal franc durant la première période de l'existence du royaume (486–614). Lund: Gloerup, 1883.

Fauvarque B. Le baptême de Clovis, ouverture du millénaire des saints // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996. T. 1. L'événement / sous la dir. de M. Rouche. Paris: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 1997. P. 271–286.

Felibien M. Histoire de l'abbey royale de Saint Denys en France. Paris: F. Léonard, 1706. 592 p.

Feller L. Aristocratie, monde monastique et pouvoir en Italie centrale au IXe siècle // La royaté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920) / sous la dir. de R. L. Jan. Villeneuve d'Ascq: Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest, 1998. P. 325–346. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest. 17).

Felten F. Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im frueheren Mittelalter. Stuttgart: Hiersemann, 1980. 368 S. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters. 20).

Ferguson T.C. The past is prologue: The revolution in Nicene historiography. Leiden: Brill, 2005. 185 p. (Supplements to Vigiliae Christianae. 75).

Ficker J. Über das Eigentum des Reiches am Reichskirchengut // Sitzungberichte der Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Bd. 72. 1872. S. 55–146.

Flavius Blondus. Historiarum ab Inclinatione Romanorum Libri XXXI. Basileae: Officina Frobeniana, 1531. 578 p.

Fontaine J. L'affaire Priscillien, ou l'ere des nouveaux Catilina: Observations sur le 'Sallustianisme' de Sulpice Sévère // Classica et Iberica: A Festschrift in honor of reverend Joseph M. F. Marique. S. J. / ed. by P. T. Brannan. Worcester, Mass., 1975. P. 355–392.

Fontaine J. Valeurs antiques et valeurs chrétiennes dans la spiritualité des grands propriétaires terriens à la fin du IVe siècle occidental // Epektasis: Mélanges patristiques offerts au cardinal Jean Daniélou / sous la dir. de J. Fontaine, C. Kannengiesser. Paris, 1972. P. 580–587.

Fontaine J. Le Julien d'Ammien Marcellin // L'empereur Julien. De l'histoire à la legende (331–1715) / sous la dir. de R. Braun, J. Richer. Paris, 1978. P. 31–65.

Fouracre P. Observations on the outgrowth of Pippinid influence in the "Regnum Francorum" after the Battle of Tertry (687–715) // Medieval prosopography. 1984. Vol. 5, No. 2. P. 1–31.

Fouracre P. 'Placita' and the settlement of disputes in later Merovingian Francia // The settlement of disputes in early medieval Europe / eds. W. Davies, P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 23–43.

Fouracre P. The work of Audoenus of Rouen and Eligius of Noyon in extending episcopal influence from the town to the country in seventh-century Neustria // The Church in Town and Countryside: papers read at the seventeenth summer meeting and the eighteenth winter meeting of the Ecclesiastical History Society / ed. by D. Baker. Oxford: B. Blackwell, 1979. P. 77–91. (Studies in Church History. 16).

Fouracre P.J. Merovingians, Mayors of the Palace and the Notion of a 'Low-Born' Ebroin // Historical Research. 1984. Vol. 57, No. 135. P. 1–14.

Fouracre P.J. The nature of Frankish political institutions in the seventh century // Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective. 60: 1–2 / ed. by I. N. Wood. Woodbridge, 1998. P. 285–316. (Studies in Historical Archaeoethnology. 3).

Fouracre P., Gerberding R.A. Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. Manchester: Manchester University Press, 1996. 397 p. (Manchester Medieval Sources).

Fournier E. Exiled bishops in the Christian empire: Victims of imperial violence? // Violence in Late Antiquity: Perceptions And Practices / eds. H. A. Drake, E. Albu. Aldershot, 2006. P. 157–166.

Frank K. S. Geschichte des christlichen Mönchtums. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 208 S. (Grundzüge. 25).

Fried J. 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. 201 p. (Millennium-Studien. 3).

Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: En 6 t. Paris: Hachette et cie, 1875.

Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 5: Les origines du système féodal. 2e éd. Paris: Librarie Hachette, 1900.

Fustel de Coulanges N.D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. 3: La monarchie franque. 2e éd. Paris: Librarie Hachette, 1905.

Ganshof F. Een historicus uit de VI-e eeuw: Gregorius van Tours // Medelingen van de Koniklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kusten van Belgie, Klasse der Letteren. Brussel, 1966. Jrg. 28, No. 5.

Ganshof F.L. Het tijdperk van de Merowingen // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Deel 1. Oudheid en vroege middeleeuwen tot het jaar 925 / Red. door J. A. van Houtte. Utrecht: W. de Haan, 1949. P. 252–305.

Ganshof F.L. La fin du règne de Charlemagne, une décomposition // Revue suisse d'histoire. 1948. P. 433–451.

Ganz D. Einhard's Charlemagne: The characterisation of greatness // Charlemagne: Empire and Society / ed. by J. Story. Manchester, 2005. P. 38–51.

Gasnault P. Documents comptables de Saint-Martin de Tours à l'époque merovingienne. Paris: Bibliothèque nationale, 1975. 207 p. (Collection de documents inédits sur l'histoire de France).

Gassman P. Der Episkopat in Gallien im 5 Jahrhundert. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn: Universität Bonn, 1977. 295 S.

Gauert A. Noch einmal Einhard und die letzten Merowinger // Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter: Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65 Geburtstag / hrsg. von L. Fenske, W. Rosener, T. L. Zotz. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1984. S. 59–72.

Geary P. Phantoms of remembrance: Memory and oblivion at the end of the first millenium. Princeton: Princenton University Press, 1994. 248 p.

Geary P.J. Before France and Germany: the creation and transformation of the Merovingian world. New York: Oxford University Press, 1988. 259 p.

Gerberding R. The rise of the Carolingians and the Liber historiae Francorum. Oxford: Clarendon Press, 1992. 209 p.

Geuenich D. Der Kampf um die Vormachtstellung am Ende des 5. Jahrhunderts: Das Beispiel der Alemannen zwischen Franken und Ostgoten // Von der Spätantike zum frühen Mittelalter / hrsg. von T. Kölzer, R. Schieffer. Ostfildern: Thorbecke, 2009. S. 143–162.

Ghizzoni F. Sulpicio Severo. Parma: Università degli studi di Parma, Istituto di lingua e letteratura latina, 1983. 326 p.

Gibbon E. The history of the decline and fall of the Roman empire: In 12 vols. London: Lackington, Allen, Co., 1777.

Glaser P. Phoebadius von Agen: Diss. Augsburg: Universität Augsburg, 1978. 204 S.

Glasson E. Histoire du droit et des institutions de la France. T. 2. Époque franque. Paris: Pichon, 1888.

Goetz H. W. Die Wahrnehmung von «Staat» und «Herrschaft» im frühen Mittelalter // Staat im frühen Mittelalter / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006. S. 39–58.

Goetz H. W. Orosius und die Barbaren: Zu den umstrittenen Vorstellungen einen spätantiken Geschichtstheologen // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1980. Jg. 29. S. 356–376.

Goetz H.-W. Die germanisch-romanische Kultur-Synthese in der Wahrnehmung der merowingischer Geschichtsschreibung // Akkulturation: Probleme einer germanischromanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 547–570.

Goetz H.-W. Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstad: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. 180 S. (Impulse der Forschung. 32).

Goetz H.-W. Gens, kings and kingdoms: The Franks // Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world / eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, P. Walter. Leiden: Brill, 2003. P. 307–344. (The transformation of the Roman world. 13).

Goetz H.-W. Historiographisches Zeitbewußtsein im frühen Mittelalter. Zum Umgang mit der Zeit in der karolingischen Geschichtsschreibung // Historiographie im frühen Mittelalter / hrsg. von A. Scharer, G. Scheibelreiter. Wien, München: Institut für Österreichische Geschichtsforschung, 1994. S. 158–178. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 32).

Goetz H.-W. Regnum: Zum politischen Denken der Karolingerzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechsgecshichte, Germanistische Abteilung. 1987. Jg. 104. S. 110–189.

Goffart W. Foreigners in the History of Gregory of Tours // Florilegium. 1984. Vol. 4. P. 80–99.

Goffart W. From Historiae to Historia francorum and back again aspects of the textual history of Gregory of Tours // Rome's Fall and After. London, 1989. P. 255–274.

Goffart W. Rome, Constantinople and the barbarians // The American Historical Review. 1981. Vol. 86, No. 2. P. 275–306.

Goffart W. The narrators of barbarian history (AD 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton: Princeton University Press, 1988. 491 p.

Goffart W. Zosimos: The first historian of Rome's fall // American Historical Review. 1971. Vol. 76, No. 2. P. 412–441.

Goldsworthy A. K. The complete Roman army. New York, N. Y.: Thames & Hudson, 2003. 224 p.

Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion. Oxford: Clarendon Press, 2002. 398 p.

Graham M. News and Frontier Consciousness in the Late Roman Empire. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2006. 247 p.

Grant R. Eusebius and his Church history // Understanding the sacred text: Studies in honor of Morton S. Enslin / ed. by J. Reumann. Valley Forge, PA, 1972. P. 235–247.

Grant R.M. Eusebius and imperial propaganda // Eusebius, Christianity and Judaism / eds. H. W. Atridge, G. Hata. Leiden: Brill, 1992. P. 658–686.

Grant R.M. Eusebius as church historian. Oxford: Clarendon Press, 1980. 184 p.

Grant R.M. The case against Eusebius // Studia patristica. 1975. Vol. 12. P. 413–421.

Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1965. 533 S.

Grosse R. Saint-Denis zwischen Adel und König: Die Zeit vor Suger (1053–1122). Stuttgart: Thorbecke, 2002. 290 S. (Beihefte zu Francia. 57).

Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen, Epochen, Eigenart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1965. 91 S.

Guenée B. Histoire et culture histoirque dans l'Occident medieval. Paris: Aubier Montaigne, 1980. 439 p.

Guenée B. Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1973. T. 28, No. 4. P. 997 1016.

Guizot F. A popular history of France: from the earliest times to 1848. Vol. 1 / Transl. by R. Black. New York: Colonial Press, 1885.

Guizot F. Récits historiques. Bielefeld, 1897. 284 p.

Hagn H. Illegitimität und Thronfolge: Zur Thronfolgeproblematik Illegitimer Merowinger, Karolinger Und Ottonen. Neuried: Ars Una, 2006. 229 S. (Politik im Mittelalter. 5).

Halphen L. Grégoire de Tours, historien de Clovis // Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. Paris: E. Champion, 1925. P. 235–245.

Halsall G. Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 591 p.

Halsall G. Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009. Leiden: Brill, 2010. 417 p. (Brill's series on the early Middle Ages. 18).

Halsall G. Nero and Herod? The Death of Chilperic and Gregory's Writings of History // The world of Gregory of Tours / eds. K. Mitchell, I. N. Wood. Leiden: Brill, 2002. (Cultures, beliefs, and traditions). P. 337–350.

Halsall G. Settlement and Social Organisation: The Merovingian Region of Metz. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 307 p.

Halsall G. The Preface to Book V of Gregory of Tours' Histories: Its Form, Context and Significance // The English Historical Review. 2007. Vol. CXXII, No. 496. P. 297–317.

Hammer C.I. Charlemagne's months and their Bavarian labours: The politics of the seasons in the Carolingian Empire. T. 676. Oxford: Archeopress, 1997. (BAR International series).

Hannig J. Consensus fidelium: frühfeudale Interpretationen des Verhältnisses von Königtum und Adel am Beispiel des Frankenreiches. Stuttgart:

A. Hiersemann, 1982. 343 S. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters. 27).

Hanson R.P. C. The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy 318–381. Edinburgh: T. & T. Clark, 1988. 931 p.

Hardy E.R. Selections from the work «Against Heresies» by Irenaeus, bishop of Lyons. Introduction // Early Christian fathers / ed. by C. Richardson. London, 1953. P. 343–368.

Hartmann W. Karl der Grosse. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 333 S.

Hartung W. Adel, Erbrecht, Schenkung: Die strukturellen Ursachen der frühmittelalterlichen Besitzübertragungen an die Kirche // Gesellschaftgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80. Geburtstag. Bd. 1 / hrsg. von F. Seibt. München, 1988. S. 417–437.

Hattenhauer H. Das Herz des Königs in der Hand Gottes. Zum Herrscherbild in Spätantike und Mittelater // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1981. Jg. 67. S. 1–35.

Hauck K. Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 3–93.

Havet J. Les origines de Saint-Denis // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 5–62.

Headeger L. Migration period Europe: The formation of a political mentality // Rituals of power from Late Antiquity to the early Middle Ages / eds. F. Theuws, J. L. Nelson. Leiden, 2000. P. 15–57.

Heather P.J. The Goths. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 358 p.

Heather P. J. Cassiodorus and the rise of the Amals: Genealogy and the Goths under Hun domination // The Journal of Roman studies. 1989. Vol. 79. P. 103–128.

Heather P. Gens and regnum among the Ostrogoths // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Goetz H.-W.; Jarnut J., Pohl W., eds.. Leiden: Brill, 2003. P. 85–134.

Heather P.J. The Western Empire, 425–476 // The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and successors, A. D. 425–600. Vol. 14 / eds. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1–32.

Heather P.J. Goths and Romans, 332–489. Oxford: Clarendon Press, 1991. 378 p.

Heather P. The Restoration of Rome: Barbarian Popes and Imperial Pretenders. London: Oxford University Press, 2014. 470 p.

Heinzelmann M. L'aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à la fin du VIIe siècle // Revue d'histoire de l'église de France. 1976. T. 62. P. 75–90.

Heinzelmann M. Bischofsherrschaft in Gallien: Zur Kontinuität römischer Führungsschichten von 4. bis zum 7. Jahrhundert. Soziale, prosopographicshe und bildingsgeschichtliche Aspekte. München: Artemis-Verlag, 1976. 280 S. (Beihefte der Francia. 5).

Heinzelmann M. Gregor von Tours (538–594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. 275 S.

Heinzelmann M. Herecy in Books I and II of Gregory of Tours' Historiae // After Rome's fall: narrators and sources of early medieval history. Essays presented to Walter Goffart / ed. Murray A.C. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 67–82.

Hellmann S. Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung: Gregor von Tours // Historische Zeitschrift. 1911. Jg. 107. S. 1–44.

Hen Y. Clovis, Gregory of Tours and Pro-Merovingian propaganda // Revue belge de philologie et d'histoire. 1993. Vol. 71, No. 2. P. 271–276.

Hen Y. Culture and religion in Merovingian Gaul, A. D. 481–751. Leiden: E.J. Brill, 1995. 308 p.

Hen Y. Roman barbarians: the royal court and culture in the early Medieval West. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 213 p.

Hen Y. The annals of Metz and the Merovingian past // The uses of the past in the early Middle Ages / eds. Y. Hen, M. Innes. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2000. P. 175–190.

Hen Y., Innes M. The uses of the past in the early Middle Ages. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2000. 283 p.

Herzog R. Restauration und Erneuerung: Die lateinische Literatur von 284 bis 374. München: C.H. Beck, 1989. 559 S. (Handbuch der Altertumswissenschaft. 8. Abt., 5. Bd.; Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. 5. Bd.).

Heussi K. Der Ursprung des Mönchtums. Tübingen: Mohr, 1936. 308 S.

Higham N.J. An English empire: Bede and the early Anglo-Saxon kings. Manchester: Manchester University Press, 1995. 269 p.

Hitchhock F.R. M. Irenaeus of Lugdunum: A Study of His Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 1914. 373 p.

Hlawitschka E. Die Königsherrschaft der burgundischen Rudolfinger // Historische Jahrbuch. 1980. Jg. 100. S. 444–456.

Hoffmann H. Untersuchungen zur karolingischen Annalistik // Bonner historische Forschungen. 1958. Jg. 10. S. 9–68.

Holder-Egger O. Zur Überlieferung von Einhards Vita Karoli Magni // Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des Mittelalters. Bd. 37. Hannover: Hahn, 1912. S. 393–414.

Hollerich M.J. Eusebius of Caesarea's Commentary on Isaiah: Christian exegesis in the age of Constantine. Oxford early Christian studies. Oxford: Clarendon Press, 1999. 230 p.

Honoré T. The making of the Theodosian code // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanische Abteilung. 1986. Jg. 103. S. 133–222.

Hotman F. Franco-Gallia. Genève: Ex officina Iohannis Bertulphi i. e. Jacob Stoer, 1574. 254 p.

Inama-Sternegg K. T. F. M. von. Untersuchungen über das Hofsystem im Mittelalter; mit besonderer Beziehung auf deutsches Alpenland. Innsbruck: Wagner, 1872. 129 S.

Innes M. State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400–1000. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 316 p.

Iossif P. P., Lorber C. C. More than men, less than gods: Concluding thoughts and new perspectives // More than men, less than gods: Studies on royal cult and imperial worship: Proceedings of the international colloquium organized by the Belgian school at Athens (November 1–2, 2007) / eds. P. P. Iossif, A. S. Chankowski, C. C. Lorber. Leuven, 2011. P. 691–710.

Jackson F. J. F. Eusebius Pamphili, Bishop of Caesarea in Palestine and first Christian historian. A study of the man and his writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1933.

James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4. P. 9–12.

James E. «Beati pacifici»: bishops and the law in sixth-century Gaul // Disputes and settlements: Law and human relations in the West / ed. by J. Bossy. Cambridge, 1983. P. 25–46.

James E. Gregory of Tours and "Arianism" // The Power of Religion in Late Antiquity / eds. A. Cain, N. E. Lenski. Farnham, Surrey, England: Ashgate, 2009. P. 327–338.

James E. Rex francorum, rex Romanorum revisited // Shifting frontiers in Late Antiquity VI: Roman, barbarians and the transformation of the Roman world. An interdisciplinary conference. The University of Illinois at Urbana-Champaign, March 17–20, 2005 / eds. R. W. Mathisen, D. Shanzer. Urbana-Champaign, 2005. P. 50.

James E. The Franks. Oxford: B. Blackwell, 1988. 265 p.

Jones A. H. M. Constantine and the conversion of Europe. London: English Universities Press, 1948. 271 p.

Jones A. H. M. The constitutional position of Odoacer and Theoderic // The Journal of Roman Studies. 1962. Vol. 52. P. 126–130.

Jones A. H. M. The decline of the Ancient world. Burnt Mill: Longman, 1966. 414 p.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Jones C. W. Bedae opera de temporibus. Cambridge, MA: Miedieval Academy of America, 1943. 416 p. (Publication of the Mediaeval Academy of America. 41).

Jones B. W. Some Thoughts on the Propaganda of Vespasian and Domitian // The Classical journal. 1970–1971. Vol. 66. P. 251.

Joye S. Basine, Radegonde et la Thuringe chez Grégore de Tours // Francia. 2005. Vol. 32. P. 1–18.

Jubainville H. d'Arbois de. La lieu de baptême de Clovis // Bulletin de la Societe des antiquaires de France. 1906. P. 284ff.

Junghans W. Die Geschichte der fränkischen Könige Childerich und Chlodowech: Kritisch Untersucht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1857. 152 S.

Junghans W. Histoire critique des regnes de Childerich et de Chlodovech. Paris: Presses Universitaires de France, 1879. 165 p. (Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes. 37).

Kaiser R. Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalater. Bonn: Röhrscheid, 1981. 710 S. (Pariser Historische Studien. 17).

Kaiser R. Das römische Erbe und das Merowingerreich. München, 2004. 198 S. (Enzyklopädie Detscher Geschichte, 26).

Kamps W. L'emphytéose en droit grec et sa réception en droit Romain // Recueils de la société Jean Bodin. 1938. T. 3: La tenure. P. 67–121.

Kano O. Procès fictif, droit romain et valeur de l'acte royal à l'époque mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 2007. T. 165. P. 329–353.

Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: a study in mediaeval political theology. Princeton: Princenton University Press, 1957. 568 p.

Kaser M. Das römische Privatrecht: In 2 Bde. München: Beck, 1955. (Handbuch der Altertumswissenschaft, 10. Abt., 3. T., 3. Bd.; Rechtsgeschichte des Altertums).

Kaser M. Das römische Privatrecht. Bd. 2: Die nachklassischen Entwicklungen. München: Beck, 1955. (Handbuch der Altertumswissenschaft, 10. Abt., 3. T., 3. Bd.; Rechtsgeschichte des Altertums).

Kasten B. Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger und Karolingerzeit. Hannover: Monumenta Germaniae Historica, 1997. 648 S. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 44).

Kelley D.R. Foundations of modern historical scholarship: language, law, and history in the French Renaissance. New York: Columbia University Press, 1970. 321 p.

Kelly C. Empire building // Late Antiquity: A guide to the Postclassical World / eds. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Harvard University Press, 1999. P. 170–195.

Kelly C. Stooping to conquer: the power of imperial humility // Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity / ed. by C. Kelly. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 221–243.

Kern F. Gottesgnadentum und Widerstandrecht im früheren Mittelalter zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. 2. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftl. Buchgemeinsch., 1954. 416 S.

Kirby D.P. The earliest English kings. London: Unwin Hyman, 1991. 241 p.

Klein R. Constantius II. und die christliche Kirche. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. 321 S. (Impulse der Forschung. 26).

Klingshirn W. Authority, consensus, and dissent: Caesarius of Arles and the making of a Christian community in Late Antique Gaul: PhD thesis. Stanford: Stanford University, 1985. 248 p.

Klingshirn W.E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 317 p. (Cambridge studies in medieval life and thought, 4th series. 22).

Klingshirn W. Charity and power: Caesarius of Arles and the ransoming of captives in sub-Roman // Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 183–202.

Kölzer T. Die letzten Merovingerkönige: rois fainéants? // Der Dynastiewechsel von 751. Vorgeschichte, Legitimationsstrategien und Erinnerung / hrsg. von M. Becher, S. Dick. Münster, 2004. S. 33–59.

Kreiner J. The Social Life of Hagiography in the Merovingian Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 329 p. (Cambridge studies in medieval life and thought, 4th ser. 96).

Kreitzer O.L. Apotheosis of the Roman emperor // The biblical archeologist. 1990. Vol. 53, No. 4. P. 211–217.

Krusch B. Passiones Leudegarii episcopi et martyris Augustodunensis // Passiones vitaeque sanctorum. Berlin: Hahn, 1910. P. 249–281. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. 5).

Krusch B. Die älteste Vita Leodegarii // Neues Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1891. Jg. 16. S. 563–596.

Krusch B. Praefatio // Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X. Vol. 1. Part 1 / eds. B. Krusch, W. Levison. 2nd ed. Hannover: Hahn, 1951. P. I–XXXV. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum; Bd. 1).

Krusch B. Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Der 84-jährige Osterzyklus und seine Quellen. Leipzig, 1880. 349 p.

Krusch B. Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: die Entstehung unserer heutigen Zeitrechnung. Berlin, 1938. 87 S. (Abhandlungen der Preussischen akademie der Wissenschaften, Jg 1937, Philosophischhistorische klasse. 8).

Kurth G. De l'autorité de Grégoire de Tours // Études franques. T. 2. Paris, 1919.

Kurth G. Grégoire de Tours et les études classiques au VI siècle // Études franques. T. 1. Paris, 1919. P. 14–24.

Kurth G. Clovis. T. 1. Paris: Victor Retaux, 1901.

Kurth G. Clovis. T. 2. Paris: Victor Retaux, 1901.

Kurth G. Étude critique sur la Vie de sainte Geneviève // Études franques. T. 1. Paris, 1919. P. 1–96.

Kurth G. Fredegarius // The Catholic Encyclopedia. Vol. 6. New York: Appleton, 1909. P. 251–252.

Kurth G. Histoire poétique des Mérovingiens. Paris: A. Picard, 1893. 552 p.

Kurth G. Les sources de l'histoire de Clovis dans Grégoire de Tours // Études franques. T. 2. Bruxelles, 1919. P. 207–271.

Kurze F. Handschriftliche Ueberlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzers // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1890. Jg. 15. S. 293–330.

Lamirande E. L'Église céleste selon saint Augustin. Paris: Études augustiniennes (Château-Gontier, Impr. de «l'Indépendant»), 1963. 324 p.

Landes R. Lest the Millennium Be Fulfilled: Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100–800 C. E. // The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages / ed. by W. Verbeke. Louvain, 1988. P. 141–211.

Landes R. Sur la traces du Millenium: la «via negativa» // LeMoyenAge. 1993. T. 99, No. 1. P. 5–26.

Landes R. «Millenarismus absconditus»: L'historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu'à l'an Mil // Le Moyen Age. 1992. T. 98, No. 3/4. P. 355–377.

Lane Fox R. Pagans and Christians. New York: Knopf, 1987. 799 p.

Lauer P., Samaran C., Prou M. Les diplômes originaux des Mérovingiens. Paris: Leroux, 1908. 32 p.

Lawson J. The Biblical Theology of St. Irenaeus. London: Epworth Press, 1948. 307 p.

Le Goff J. History and Memory. New York: Columbia University Press, 1992. 265 p.

Le Jan R. Continuity and change in the tenth-century nobility // Nobles and Nobility in Medieval Europe: Concepts, Origins, Transformations / ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000. P. 53–68.

Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe–Xe siecle): Essai d'anthropologie sociale. Paris: Publications de la Sorbonne, 1995. 571 p. (Histoire ancienne et medievale. 33).

Le Jan R. La sacralite de la royaute merovingienne // Annales Histoire, Sciences Sociales. 2003. T. 58. No. 6. P. 1217–1241.

Le Jan R. Convents, violence and competition for Power in Francia // Topographies of power in the Early Middle Ages / eds. F. Theuws, M. De Jong, C. van Rhijn. Leiden: Brill, 2001. P. 243–269.

Le Jan R. Timor, amicitia, odium. Les liens politiques à l'epoque Merovingienne // Der frühmittelalterliche Staat. Europäische Perspektiven. T. 16 / sous la dir. de W. Pohl, V. Wieser. Vienna, 2009. P. 217–226. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters).

Lebecq S. Les origines franques: Ve–IXe siècle. Paris: Seuil, 1990. 317 p. (Nouvelle histoire de la France médiévale. 1).

Lebecq S. The two faces of king Childeric: History, archaeology, historiography // Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organization im Frühmittelalter. Vol. 3 / eds. W. Pohl, M. Diesenberger. London; New York, 2002. P. 119–132. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters).

Lebecq S. The two faces of king Childeric: History, archaeology, historiography // From Roman provinces to Medieval kingdoms / ed. by T. F. X. Noble. London; New York: Routledge, 2006. P. 327–344.

Lee A. D. From Rome to Byzantium AD 363 to 565: the transformation of ancient Rome. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 337 p.

Lee A. D. The eastern Empire: Theodosius to Anastasius // The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and successors, A. D. 425–600. Vol. 14 / eds. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 33–62.

Lelong C. Chilpéric, un grand roi méconnu // Mémoires de l'Académie des sciences, Art et Belles lettres de Touraine. 1993. T. 6. P. 19–37.

Léon J. C. S. Los bagaudas: rebeldes, demonios, mártires. Revueltas campesinas en Galia e Hispania durante el Bajo Imperio. Jaén, 1996. 168 p.

Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1921. T. 82. P. 5–116.

Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1925. T. 86. P. 5–99.

Levillain L. Études sur l'abbaye de Saint-Denis à l'époque Mérovingienne // Bibliothèque de l'École des chartes. 1926. T. 87. P. 20–97.

Levillain L. Le baptême de Clovis // Bibliothèque de l'École des chartes. 1906. T. 67, No. 67. P. 472–488.

Levillain L. Les comtes de Paris à l'époque franque // Le moyen âge. 1941. T. 50. P. 137–205.

Levison W. Das Formularbuch von Saint-Denis // Neues Archiv. 1917. Jg. 41. S. 283–304.

Levison W. Vita Audoeni episcopi rotomagensis // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 5. Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. Hannover, 1910.

Levison W. Zur Kritik der Fontanellenser Geschichtsquellen // Neues Archiv. 1900. Jg. 25. S. 593–607.

Levison W. Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende // Miscellanea Francesco Ehrle II. Bd. 2. Roma, 1924. S. 159–247. (Studi e Testi. 38).

Leyser C. Monasticism // Late Antiquity. A Guide to the Post-Classical World / ed. by G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 583–584.

Leyser K. Three historians // Communications and power in medieval Europe: The Carolingian and Ottonian centuries / ed. by T. Reuter. London; Rio Grande, Ohio: Hambledon Press, 1994. P. 19–28.

L'Huillier M.-C. Notes sur la disparition des sanctuaires païens // Histoire, Espaces et Marges de l 'Antiquité. Hommages à Monique Clavel-Lévêque. Vol. 4 / sous la dir. de M. Garrido-Hory, A. Gonzalèz. Besancon, 2005. P. 271–297.

Liebs D. Die Jurisprudenz in spätantiken Italien, 260–640 n. Chr. Leipzig: Duncker & Humblot, 1987. 308 S. (Freiburger rechtsgeschichtliche Abhandlungen, n.F.8).

Lippold A. Orosius, christlicher Apologet und römischer Bürger // Philologus. 1969. Jg. 113. S. 92–105.

Ljorka B. El problema de la calda de Osio de Cordoba // Estoria Eclesiastica. 1959. Vol. 33. P. 39–56.

Lohse B. Askese und Monchtum in der Antike und in der alten Kirche. Wien: Oldenbourg, 1969. 236 S. (Religion und Kultur der alten Mittelmeerwelt in Parallelforschungen. 1).

Long F. J. Ephesians: Paul's political theology in Greco-Roman political context // Christian origins and Grecoroman culture: Social and literary contexts for the

New Testament / eds. S. E. Porter, A. W. Pitts. Leiden, 2013. P. 255–309. (Early christianity in its hellenistic context. 1).

Loofs F. Hilary of Poitiers // The new Schaff-Herzog encyclopedia of religious knowledge. Vol. 5 / ed. by P. Schaff. New York, 1910. P. 282–284.

Lot F. Naissance de la France. Paris: Presses Universitaires de France, 1970.

Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Histoire du Moyen Âge. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris: Presses Universitaires de France, 1928. 832 p.

Lot F. La conquête du pays d'entre Seine-et-Loire par les Francs // Revue historique. 1930. T. 165. P. 241–253.

Lot F. La victoire sur les Alamans et la conversion de Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1938. T. 17. P. 63–69.

Löwe H. Regino von Prüm und das historische Weltbild der Karolingerzeit // Rheinische Vierteljahrsblätter. 1952. Jg. 17. S. 151–179.

Löwe H. Deutschland im fränkischen Reich / hrsg. von B. Gebhardt, H. Grundmann. München, 1954. 235 S. (Handbuch der Deutschen Geschichte. 2).

Löwe H. Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1983. Jg. 39. S. 85–103.

Lynch J.H. Christianizing kinship: ritual sponsorship in Anglo-Saxon England. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. 272 p.

MacGeorge P. Late Roman warlords. New York: Oxford University Press, 2002. 347 p.

Magnou-Nortier É. Du royaume des 'civitates' au royaume des 'honores': 'episcopatus', 'comitatus', 'abbatia' dans le royaume franc (VIe–IXe siècle) // La fin de la cité antique et le debut de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Universite de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. de C. Lepelley. Bari: Edipuglia, 1996. P. 311–344. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità).

Magnou-Nortier E. Les évêques et la paix dans l'espace franc (VIe–XIe siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse Fontevrault, 1983. Angers, 1984. P. 33–49. (Publications du Centre de recherches d'histoire religieuse et d'histoire des idees. 7).

Markus R. The end of Ancient Christianity. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 258 p.

Marrou H.I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris: Éditions du Seuil, 1965. 645 p.

Mathisen R. W. Clovis, Anastasius, and Political Status in 508 C. E. // The battle of Vouille, 507 CE: where France began / eds. R. W. Mathisen, D. Shanzer. Boston: Walter de Gruyter, 2012. P. 80–110. (Millennium studies. 37).

Mathisen R. W. Ecclesiastical factionalism and religious controversy in fifth-century Gaul. Washington, D. C.: Catholic University of America Press, 1989. 347 p.

Matthews J. Western aristocracies and imperial court, A. D. 364–425. Oxford: Clarendon Press, 1975. 427 p.

Mazzarino S. Aezio, la «Notitia Dignitatum» e i Burgundi di Worms // Antico, tardoantico ed èra constantiniana. Bari, 1980. Vol. II. P. 132–160.

McCarthy D. P., Breen A. The ante-Nicene Christian Pasch De ratione paschali: The Paschal tract of Anatolius, bishop of Laodicea. Dublin, 2003. 120 p.

McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine public ritual and the origins of medieval ruler symbolism // Das Reich und die Barbaren / eds. E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. P. 155–180. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichsforschung. 155).

McKenna S. Paganism and Pagan Survivals in Spain up to the Fall of the Visigothic Kingdom. Washington: Catholic University of America, 1938. 165 p.

McKitterick R. Karl der Große. Darmstadt: WBG, 2008. 472 S.

McKitterick R. Akkulturation and the writing of history in the early Middle Ages // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 381–395.

McKitterick R. Charlemagne: the formation of a European identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 460 p.

McKitterick R. History and memory in the Carolingian world. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 337 p.

McKitterick R. The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987. London: Longman, 1983. 414 p.

McKitterick R. The illusion of royal power in the Carolingian annals // English Historical Review. 2000. Vol. 115. No. 460. P. 1–20.

Meer F. van der. Augustine the Bishop: The Life and Work of a Father of the Church / Transl. by B. Battershaw, G. R. Lamb. London: Sheed, Ward, 1961. 679 p.

Memoria als Kultur / hrsg. von O. G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995. 427 S. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 121).

Memoria: Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter. Bd. 48 / hrsg. von K. Schmid, J. Wollasch. München: W. Fink, 1984. S. 786. (Münstersche Mittelalter-Schriften).

Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters / hrsg. von D. Geuenich, O. G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. 371 S. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. 111).

Metz W. Aachen, Köln und die Handschrift des Capitulare de villis // Vierteljahrschrift für Sozialund Wirtschaftsgeschichte. 1968. Jg. 55. S. 257–261.

Metz W. Beobachtung zum Lorscher Reichsurbar // Deutsches Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1958. Jg. 14. S. 471–481.

Metz W. Zur Stellung und Bedeutung des karolingischen Reichsurbars aus Churrätien // Deutsches Archiv. 1959. Jg. 15, No. 1. S. 194–210.

Metz W. Bemerkungen zum karolingischen Güterverzeichniss des Klosters Fulda // Fuldaer Geschichtsblätter. 1956. Jg. 32. S. 88–101.

Metz W. Das karolingische Reichsgut: Eine verfassungsund verwaltungsgeschichtliche Untersuchung. Berlin: De Gruyter, 1960. 266 S.

Metz W. Zur Entstehung der Brevium Exempla // Deutsches Archiv. 1954. Jg. 10, No. 2. S. 395–416.

Metz W. Zur Erforschung des karolingischen Reichsgutes. Bd. 4. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1971. 93 S. (Erträge der Forschung).

Metz W. Zur Geschichte und Kritik der frühmittelalterlichen Güterverzeichnisse Deutschlands // Archiv für Diplomatik. 1958. Jg. 4. S. 183–206.

Meyvaert P. Discovering the Calendar (Annalis Libellus) Attached to Bede's own Copy of De temporun ratione // Analecta Bollandiana. 2002. Vol. 120. P. 1–159.

Michelet J. Histoire de France. Vol. 1. T. 1. Paris: Hachette; Chamerot, 1833.

Millar F. The Roman Near East, 31 B. C. — A. D. 337. Cambridge, 1993. 587 p.

Millar F. The emperor in the Roman world (31 BC — AD 337). Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1977. 656 p.

Minor C. Bacaudae — a reconsideration // Traditio. 1996. Vol. 51. P. 297–307.

Mises L. von. Human action: a treatise on economics. New Haven: Yale University Press, 1963. 889 p.

Momigliano A. How Roman emperors became Gods // On pagans, jews and christians. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1987. P. 92–107.

Momigliano A. Time in ancient historiography // Essays in ancient and modern historiography. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1977. P. 179–204.

Monachino V. Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantesimo della Facoltà di storia ecclesiastica della Pontificia Università gregoriana / A cura di M. Fois, V. Monachino, F. Litva. Roma: Università gregoriana, 1983. 480 p.

Monachino V. Il canone 28 di Calcedonia. L'Aquila, 1979. 127 p. (Collana di testi storici. 10).

Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. T. 1. Introduction, Grégoire de Tours, Marius d'Avenches. Paris: A. Frank, 1872. 163 p. (Bibliothèque de l'Ecole des hautes études. Section 4, Sciences historiques et philologiques. 8).

Montesquieu C. S. De l'esprit des lois, ou du Rapport que les loix doivent avoir avec la constitution de chaque gouvernement, les moeurs, le climat, la religion, le commerce etc.: En 3 t. Genéve: Barillot & fils, 1748.

Moore M. E. A Sacred Kingdom: Bishops and the Rise of Frankish Kingship, 300–850. Washington, D. C.: Catholic University of America Press, 2011. 434 p.

Mordek H. Bischofsabsetzungen in spätmerowingischer Zeit: Justelliana, Bernensis und das Konzil von Mâlay (677) // Papsttum, Kirche und Recht im Mittelalter: Festschrift für Horst Fuhrmann zum 65. Geburtstag / hrsg. von H. Mordek, H. Fuhrmann. Tübingen: M. Niemeyer, 1991. S. 31–55.

Muhlberger S. The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius, and the Gallic Chronicler of 452. Leeds: University of Leeds Press, 1990. 329 p.

Murray A. So-called fictitious trial in the Merovingian placita // Gallien in Spätantike und frühem Mittelalter. Kulturgeschichte einer Region / eds. S. Diefenbach, G. Müller. Berlin; Boston, 2013. P. 297–327. (Millennium Studien. 43).

Murray A. C. Germanic kinship structure: Studies in law and society in Antiquity and in the early Middle Ages. Vol. 65. Toronto: PIMS, 1983. 256 p.

Murray A. C. 'Pax et disciplina': Roman public law and the Merovingian state // From Roman provinces to medieval kingdoms / ed. by T. F. X. Noble. New York: Routledge, 2006. P. 376–388.

Nelson J. Hincmar of Reims on king-making: The evidence of the Annals of St-Bertin // Coronaitons / ed. by J. M. Bak. Berkeley, 1990. P. 16–34.

Nelson J. L. Charles the Bald. London: Longman, 1992. 349 p. (The Medieval World).

Nelson J. L. Public histories and private history in the work of Nithard // Speculum. 1985. Vol. 60, No. 2. P. 251–293.

Nicolet C. Space, geography, and politics in the early Roman empire. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. 230 p. (Jerome lectures. 19).

Noble T. The Transformation of the Roman world. Reflexions on five years of work // East and West: Modes of communication. Proceedings of the First Plenary conference at Merida / eds. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 259–278/

O'Hara A. The Vita Columbani in Merovingian Gaul // Early Medieval Europe. 2009. Vol. 17. P. 126–153.

Omont H. Inscriptions mérovingiennes de l'ivoire Barberini // Bibliothèque de l'École des chartes. 1901. T. 62. P. 152–155.

Orosius P. Pauli Orosii Historiarum adversum paganos, libri VII. Accedit eiusdem Liber apologeticus / hrsg. von K. F. W. Zangemeister. Vindobonae: Apud C. Geroldi filium, 1882. 819 p.

Osgood J. Claudius Caesar: Image and Power in the Early Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 357 p.

Oury G. Les documents hagiographiques et l'histoire des monasteres depourvus d'archives: le cas de Saint-Genoude-l'Estree // Revue Mabillon. 1978. T. 59. P. 289–316.

Palenzuela V. A. A., Luis García-Guijarro R. Historia de España de la Edad Media. Barcelona: Ariel, 2002. 252 p.

Paschoud F. Cinq études sur Zosime. Paris: Belles Lettres, 1975. 232 p. (Collection d'études anciennes).

Patzelt E. Die karolingische Renaissance: Beiträge zur Geschichte der Kultur der frühen Mittelalters. Wien: Österreichische Schulbücherverlag, 1924. 169 S.

Patzold S. Einhards erste Leser: Zu Kontext und Darstellungsabsicht der "Vita Karoli" // Viator. 2011. Vol. 42, iss. 3. P. 33–55.

Pelikan J. The mystery of continuity: Time and history, memory and eternity in the thought of St-Augustine. Charlottesville, 1986. 177 p.

Penner R.J. The Rhetoric of God in History: Eusebius of Caesarea's Political Theology in His «Panegyric to Constantine»: Ph. D. Diss. Dalhousie: Dalhousie University, 2008.

Peppard M. The Son of God in the Roman World: Divine Sonship in its Social and Political Context. Oxford: Oxford University Press, 2011. 289 p.

Périn P. Datation des tombes mérovingiennes: historique, méthodes, applications. Geneve: Droz, 1980. 433 p. (Hautes études médiévales et modernes. 39).

Périn P. A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque // Archéologie Médiévale. 1981. T. 11. P. 125–145.

Périn P., Feffer L.-C. Les Francs. T. 1. À la conquête de la Gaule. Paris, 1987. 229 p.

Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs I // Franken Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben. Mainz: P. von Zabern, 1996. S. 174–178.

Pietri L. La ville de Tours du IVe au VIe siècle: naissance d'une cité chrétienne. Rome: Ecole française de Rome, 1983. 853 p. (Collection de l'École française de Rome. 69).

Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. 2 éd. Paris: Felix Alcan, 1937.

Plassmann A. Origo gentis: Identitätsund Legitimitätsstiftung in frühund hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen. Berlin: Akademie Verlag, 2006. 458 S. (Orbis mediaevalis. 7).

Pohlkamp W. Kaiser Konstantin: der heindnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri // Frühmittelalterliche Studien. 1984. Jg. 18. S. 357–400.

Pohlkamp W. Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten // Francia. 1992. Jg. 19, No. 1. S. 115–196.

Prete S. Sulpicio Severo e il millenarismo // Convivium. 1958. Vol. 26. P. 394–404.

Price S.R. F. Between Man and God: Sacrifice in the Roman imperial cult // Journal of Roman Studies. 1980. Vol. 70. P. 43.

Price S.R. F. From noble funerals to divine cult: The consecration of Roman Emperors // Rituals of royalty: Power and ceremonial in traditional societies / eds. D. Cannadine, S. Price. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 57–105.

Price S.R. F. Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 289 p.

Price S.R. F. The Greek language of the Roman imperial cult // Journal of Hellenic studies. 1984. Vol. 10. P. 79–95.

Prinz F. Phänomenologie des westeuropäischen Mönchtums im Überblick // Askese und Kultur: Vorund frühbenediktinisches Mönchtum an der Wiege Europas. München: Beck, 1980. S. 13–27.

Prinz F. Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4. bis 8. Jahrhundert). Wien: Oldenbourg, 1965. 633 S.

Prinz F. Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4. bis 8. Jahrhundert). 2. Aufl. München: Oldenbourg, 1988. 663 S.

Radin M. Apotheosis // The Classical review. 1916. Vol. 30, No. 2. P. 44–46.

Reff D. T. Plagues, priests, and demons: sacred narratives and the rise of Christianity in the old world and the new. Cambridge, U. K.; New York: Cambridge University Press, 2005. 290 p.

Reid J. S. Severus, Sulpicius // Encyclopædia Britannica. Vol. 24 / ed. by H. Chisholm. 11th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. P. 726–727.

Reimitz H. History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series).

Reinach T. Le premier siège entrepris par les Francs // Revue historique. 1890. T. 43. P. 34–46.

Remensnyder A. Topograhies of memory: Center and periphery in high medieval France // Medieval concepts of the past: ritual, memory, historiography / eds. G. Althoff, J. Fried, P. Geary. Washington, DC, 2002. P. 193–214.

Reynolds R. L., Lopez R. S. Odoacer: German or Hun? // American Historical Review. 1946. Vol. 52. P. 36–53.

Reverdy G. Les relations de Childebert II et de Byzance // Revue historique. 1913. Vol. 114. P. 61–85.

Riché P. Carolingiens: une famille qui fit l'Europe. Paris: Hachette, 1983. 438 p.

Riché P. Education et culture dans l'Occident barbare, VIe–VIIIe siècles. Paris: Éditions du Seuil, 1973. 576 p.

Ringwald A. Der Bischof als Seelsorger des Kaisers // Menschen vor Gott: Persönlichkeiten aller Zeiten weisen zum Ewigen. Vol. 1 / hrsg. von A. Ringwald. Stuttgart: Junge Gemeinde, 1957.

Roberts M. The humblest sparrow: the poetry of Venantius Fortunatus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009. 364 p.

Rogge K. A. Über das Gerichtswesen der Germanen: Ein germanistisches Versuch. Halle: Gebaurschen Buchhandlung, 1820. 257 S.

Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London: Routledge, 2002. 324 p.

Rosen K. Ammianus Marcellinus. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. 237 S. (Erträge der Forschung. 183).

Rosenwein B. To be the neighbor of St-Peter: The social meaning of Cluny's property, 909–1049. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989. 258 p.

Rosenwein B. H. Negotiating space: Power, restraint, and privileges of immunity in early medieval Europe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999. 267 p.

Rostovzeff M. I. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford: Calarendon Press, 1926. 695 p.

Rouche M. Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés. Paris: Fayard, 1996. 611 p.

Rouche M. Francs et gallo-romains chez Grégoire de Tours // Gregorio di Tours. Todi, 1977. P. 141–169. (Convegni del Centro di Studi sulla spiritualità medievale. 12).

Rouche M. L'Aquitaine des Wisigoths aux Arabes (418–781): Dissertation. 2 vols. Lille: Universit'e Lille, 1977.

Rousseau P. Pachomius: The Making of a Community in Fourth-Century Egypt. Berkeley: University of California Press, 1985. 217 p. (Transformation of the classical heritage. 6).

Salaün G., McGregor A., Périn P. Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances // Antiquités Nationales. 2008. T. 39. P. 217–224.

Santifaller L. Zur Geschichte des ottonisch-salischen Reichskirchensystems. Bd. 1. Wien: Böhlaus, 1962. 279 S. (Sonderbereich der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse. 229).

Savigny F.K. von. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter: In 6 Bde. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1815.

Scanlon M.J. Eschatology // Augustine through the ages: An encyclopedia / eds. A. B. Fitzgerald, J. Cavadini. Grand Rapids, 1999.

Scheibelreiter G. Der Bischof in merowingischer Zeit. Wien: Böhlau, 1983. 312 S. (Veröffentlichungen des Instituts fur Österreichische Gecshichtsforcshung. 27).

Scheibelreiter G. Ein Gallorömer in Flandern: Eligius von Noyon // Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 117–128. (Osterreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften, 322; Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. 8).

Scherberich K. Zur Suetonimitatio in Einhards vita Karoli Magni // Eloquentia copiosus. Festschrift für Max Kerner zum 65. Geburtstag / hrsg. von L. Kéry. Aachen: Thouet, 2006. S. 17–28.

Schieffer R. Der Bischof zwischen Civitas und Königshof (4. bis 9. Jahrhundert) // Bischofstypus und Bischofsideal im Spiegel der Kölner Kirche: Festgabe für Joseph Kardinal Höffner zum 80. Geburtstag / hrsg. von P. Berglar, O. Engels. Cologne, 1986. S. 17–39.

Schieffer R. Die Karolinger. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1992. 260 S.

Schieffer R. Väter und Söhne im Karolingerhause // Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum. Bd. 22 / hrsg. von R. Schieffer. Paris, 1990. S. 149–164. (Beihefte der Francia).

Schieffer T. Die Karolinger. Stuttgart: Kohlhammer, 2013. 280 S.

Schlesinger W. Karlingische Königswahlen // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittealters. Bd. 1. Göttingen, 1963. S. 88–138.

Schmauder M. The relationship between Frankish gens and regnum: a proposal based on archaeological evidence // Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world / eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden, 2003. P. 271–306. (The Transformation of the Roman world. 13).

Schmid K., Mertens D., Zotz T.L. Geblüt, Herrschaft, Geschlechterbewüsstsein: Grundfragen zum Verständnis des Adels im Mittelalter. Sigmaringen: J. Thorbecke, 1998. S. 217. (Vorträge und Forschungen. 44).

Schmidt J. Le baptême de la France: Clovis, Clotilde, Genevieve. Paris, 1996. 186 p.

Schmidt L. Geschichte der deutschen Stamme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1904.

Schneider R. Die Einheit des Frankenreiches und das Teilungsprinzip // Lotharingien: Eine europäische Kernlanschaft um das Jahr 1000 (= Une region au centre de l'Europe autour de l'an mil). Saarbrücken, 1995. S. 15–30. (Veröffentlichungen der Komission für Saarländische Landesgeschichte und Volksforschung).

Schneider R. König und Königsherrschaft bei den Franken // Von Sacerdotium und Regnum: geistliche und weltliche Gewalt im frühen und hohen Mittelalter: Festschrift für Egon Boshof zum 65. Geburtstag / hrsg. von E. Boshof, F.-R. Erkens, H. Wolff. Köln: Böhlau, 2002. S. 11–26.

Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: In 3 Bde. Stuttgart: Hiersemann, 1954. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 13).

Schulze H.K. Adelsherrschaft und Landesherrschaft; Studien zur Verfassungs- und Besitzgeschichte der Altmark, des ostsächsischen Raumes und des hannoverschen Wendlandes im hohen Mittelalter. Köln: Böhlau, 1963. 238 S. (Mitteldeutsche Forschungen. 29).

Semisch. Hilary, Bishop of Poitiers // A Religious Encyclopaedia or Dictionary of Biblical, Historical, Doctrinal, and Practical Theology. 3rd ed. Vol. 2 / ed. by P. Schaff. New York, 1894. P. 922–923.

Semmler J. Saint-Denis: Von der bischöflichen Coemeterbasilika zur königlichen Benediktinerabtei // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 2 / hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen: Thorbecke, 1989. S. 75–123. (Beihefte der Francia. 16).

Semmler J. Traditio und Königsschutz // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechsgeschichte. Kanonistische Abteilung. 1959. Jg. 45. S. 1–33.

Shanzer D., Wood I. Avitus of Vienne, Letters and selected prose. Liverpool: Liverpool University Press, 2002. 450 p. (Liverpool University Press Translated Texts for Historians Series).

Shanzer D. Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7, No. 1. P. 29–57.

Sickel T. Beiträge zur Diplomatik, III // Sitzungberichte der Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 47. S. 175–277.

Sickel T. Beiträge zur Diplomatik, V // Sitzungberichte der Österreichesche Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. 1864. Jg. 49. S. 311–410.

Simon D. Das frübyzantinische Emphyteuserecht // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Chantilly, 1–4 June

1977) / hrsg. von J. Modrzejewski, D. Liebs. Köln: Böhlau, 1982. (Akten der Gesellschaft für griechische und hellenistische Rechtsgeschichte. 3).
Simonetti M. Hilary of Poitiers and the Arian crisis in the West // Patrology / eds. J. Quasten, A. D. Berardino. Westminster, MD, 1986. P. 33–61. (Patrologia. 4).
Simson B. Annales mettenses priores. Hannover: Hahn, 1905. 118 p. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. 10).
Sivan H. Galla Placidia: the last Roman empress. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 224 p.
Smulders P. Two passages of Hilary's Apologetica responsa rediscovered // Bijdragen: Tijdschrift voor Philosophie en Theologie. 1978. Vol. 39. P. 234–243.
Spencer M. Dating the baptism of Clovis, 1886–1993 // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 97–116.
Spiegel G.M. The chronicle tradition of Saint-Denis. Brookline, MA: Classical Folio Editions, 1978. 150 p. (Medieval classics: Texts and studies. 10).
Sprandel R. Der merovingischer Adel und die Gebiete östlich des Rheins. Freiburg im Breisgau, 1957. 127 S. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte. 5).
Springer M. Gab es ein Volk der Salier? // Nomen et gens: Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen / hrsg. von D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin: de Gruyter, 1997. S. 58–83.
Staab F. Les royaume s francs au Ve siècle // Clovis, histoire et memoire. Actes du Colloque International d'Histoire de Reims, du 19 au 25 septembre 1996 / ed. M. Rouche. Paris, 1997. Vol. 1. P. 539–566.
Stancliffe C. St. Martin and his hagiographer: history and miracle in Sulpicius Severus. Oxford: Oxford University Press, 1983. 396 p.
Starostin D.N., Kuleshova E.V. French érudites and the construction of Merovingian history // Historia da Históriografia. 2016. Vol. 21. P. 77–95.
Stein E. Histoire de Bas-Empire. T. 1: De l'État romain à l'État byzantin: (284–476). Paris: Desclée de Brouwer, 1959. 406 p.
Stein E. Histoire de Bas-Empire. T. 2: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). Paris: Desclée de Brouwer, 1949. 900 p.
Steinbach F. Das Frankenreich / hrsg. von O. Brandt, A. O. Meyer, L. Just. Konstanz: Akadem. Verl.-Ges. Athenaion, 1957. 90 S. (Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1: Frühzeit und Mittelalter. Abschnitt 2).
Steinen W. von der. Chlodwigs Übergang zum Christentum. Eine Quellenkritische Studie // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Ergänzungsband. 1932. Jg. 12. S. 417–501.
Stenton F.M. Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford, 1971. 767 p.
Stickler T. Aëtius: Gestaltungsspielräume eines Heermeisters im ausgehenden Weströmischen Reich. Münich: C. H. Beck, 2002. 359 S.
Stoclet A. Evindicatio et petitio: Le recouvrement de biens monastiques en Neustrie sous les premiers Carolingiens, L'exemple de Saint-Denis // La Neustrie: La pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 2 / hrsg. von

H. Atsma, K. F. Werner. Sigmaringen, 1989. S. 125–149. (Beihefte der Francia. 16).

Straub J. A. Constantine as Koinos Episcopos: Tradition and Innovation in the Representation of the First Christian Emperor's Majesty // Dumbarton Oaks Papers. 1967. Vol. 21. P. 37–55.

Stutz U. Die Eigenkirche als Element des mittelalterlichgermanischen Kirchenrechts. Antrittsvorlesung, gehalten am 23. Oktober 1894. Berlin: Müller, 1895. 45 S.

Sullivan R. E. Early medieval missionary activity: A comparative study of Eastern and Western methods // Church history. 1954. Vol. 23. P. 17–35.

Sullivan R. E. Carolingian missionary theories // The Catholic historical review. 1956. Vol. 42, No. 3. P. 273–295.

Surius L., Bracco C. A., Lippomano L. Historiae seu vitae sanctorum. 13 vol. Vatican, 1951.

Sybel H. von. Entstehung des deutschen Königthums. Frankfurt am Main: Literarische Anstalt Rütten und Loening, 1881. 497 S.

Tanner R. G. The historical method of Sulpicius Severus // Studia patristica. 1989. Vol. 19. P. 106–110.

Teitler H. Ammianus on Valentinian. Some observations // Ammianus after Julian. The reign of Valentinian and Valens in books 26–31 of the Res gestae / ed. by J. den Boeft [et al.]. Leiden: Brill, 2007. P. 53–70. (Mnemosyne, bibliotheca classica Batava. Supplementum. 289).

Tellenbach G. Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge // Frühmittelalterliche Studien. 1979. Jg. 13. S. 184–302.

Tellenbach G., Fleckenstein J., Schmid K. Adel und Kirche: Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Freiburg: Herder, 1968. 587 S.

Tessier G. La baptême de Clovis. Paris, 1964. (Trente journées qui ont fait la France).

Thacker A. Bede, the Britons and the book of Samuel // Early medieval studies in memory of Patrick Wormald / ed. by S. Baxter [et al.]. Farnham, Surrey, 2009. P. 129–147.

The Easter Controversy of Late Antiquity and the Early Middle Ages: its manuscripts, texts, and tables. Proceedings of the 2nd International Conference on the Science of Computus in Ireland and Europe, Galway, 18–20 July 2008 / eds. I. Warntjes, D. Ó. Cróinín. Turnhout: Brepols, 2011. 366 p. (Studia traditionis theologiae. 10).

The fragmentary classicising historians of the later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus: In 2 vols. / ed. by R. C. Blockley. Liverpool: F. Cairns, 1981–1983. (ARCA, classical and medieval texts, papers, and monographs. 6, 10).

Thierry A. Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France. Paris: Tessier, 1840. 411 p.

Thierry A. Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1856.

Thomas H. Die Namenliste des Diptychon Barberini und der Sturz des Hausmeiers Grimoald // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1969. Jg. 25. S. 17–63.

Thompson E.A. Romans and Barbarians: the decline of the Western empire. Madison: University of Wisconsin Press, 1982. 329 p.

Thompson G.L. The earliest papal correspondence: PhD thesis. New York: Columbia University, 1990. 429 p.

Tietze W. Lucifer von Calaris und die Kirchenpolitik des Constantius II: zum Konflikt zwischen dem Kaiser Constantius II. und der nikänisch-orthodoxen Opposition (Lucifer von Calaris, Athanasius von Alexandria, Hilarius von Poitiers, Ossius von Córdoba, Liberius von Rom und Eusebius von Vercelli). Tubingen, 1976. 371 S.

Tischler M.M. Einharts "Vita Karoli": Studien zur Entstehung, Uberlieferung und Rezeption. Bd. 1. Hannover: Hahnsche, 2001. 1828 S. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. 48).

Tits-Dieuaide M.-J. Grands domaines, grandes et petites explotations en Gaule merovingienne // La grand domaine aux epoques merovienne et carolingienne Die Grundherrschaft im frühen Mittelalter, Actes du colloque internationale, Gand 8–10 septembre 1983 / sous la dir. d'A. Verhulst. Gand, 1985. P. 23–50.

Tremp E. Thegan und Astronomus, die beiden Geschichtsschreiber Ludwigs des Frommen // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840) / eds. P. Godman, R. Collins. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 691–700.

Tremp E. Zwischen stabilitas und mutatio regni: Herrschaftsund Staatsauffassungen im Umkreis Ludwigs des Frommen // La royaté et le élites dans l'Europe carolingienne (début IX siècle aux environs de 920). T. 17 / sous la dir. de R. Le Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 111–128. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest).

Tristram H.L. C. Sex aetates mundi. Die Weltzeitalter bei den Angelsachsen und den Iren. Untersuchungen und Texte. Heidelberg: C. Winter, 1985. 368 S.

Trompf G. W. The Concept of the Carolingian Renaissance // Journal of the History of Ideas. 1973. Vol. 34, No. 1. P. 3–26.

Trout D.E. Paulinus of Nola: Life, letters, and poems. Berkeley: University of California Press,, 1999. 326 p.

Turner P. Truthfulness, Realism, Historicity: A Study in Late Antique Spiritual Literature. Farnham, Surrey: Taylor & Francis, 2016. 218 p.

Vaesen J. Sulpice Sévère et la fin des temps // The Use and abuse of eschatology in the Middle Ages / sous la dir. de W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenhuysen. Leuven: Leuven University Press, 1988. P. 49–71.

Van Andel G.K. The Christian Concept of History in the Chronicle of Sulpicius Severus. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1976. 195 p.

Van Dam R. Images of in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 1–27.

Van Dam R. Images of Saint Martin in Late Roman and early Merovingian Gaul // Viator. 1988. Vol. 19. P. 1–27.

Van Dam R. Leadership and community in late antique Gaul. Berkeley: University of California Press, 1985. 350 p.

Van Dam R. Remembering Constantine at the Milvian Bridge. New York: Cambridge University Press, 2011. 296 p.

Van Dam R. Saints and their miracles in late antique Gaul. Princeton: Princeton University Press, 1993. 349 p.

Van Dam R. The Pirenne thesis and fifth-century Gaul // Fifth-century Gaul: A crisis of identity? / eds. J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 321–334.

Van Dam R. The Roman revolution of Constantine. New York: Cambridge University Press, 2007. 441 p.

Van de Vyver A. Clovis et la politique méditerrannee // Études d'histoire dédiées à la mémoire de Henri Pirenne. Paris, 1937. P. 367–387.

Van de Vijver A. La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d'histoire. 1936. T. 15. P. 859–914.

Van de Vijver A. La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // Revue belge de philologie et d'histoire. 1937. T. 16. P. 35–94.

Van de Vyver A. L'unique victoire contre les Alamans et la conversio de Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1938. T. 17. P. 793–813.

Van Oort J. Jerusalem and Babylon. A study into Augustine's City of God and the sources of his doctrine of the two cities. Leiden: Brill, 1991. 427 p. (Vigiliae Chstianae supplementa. 14).

Verhulst A. La genèse du régime domanial classique en France au haut moyen âge // Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo. Spoleto, 1966. P. 135–160. (Settimane di studio di centro italiano sull'alto Medioevo. 13).

Viollet P. Histoire des institutions politiques et administratives de la France: En 3 t. Paris: L. Larose et Forcel, 1890.

Vogel C. La reforme culturelle sous Pépin le Bref et sous Charlemagne // Die karolingische Renaissance / ed. E. Patzelt, C. Vogel. Graz, 1965. C. 171–210.

Von den Steinen W. Chlodwigs Ubergang zum Christentum: Eine quellenkritische Studie. Darmstadt, 1963. 88 S. (Libelli. 103).

Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 7. Die deutsche Reichsverfassung von der Mitte des neunten bis zur Mitte des zwölften Jahrhunderts. Kiel, 1876. 427 S.

Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 2: Die Verfassung des fränkischen Reichs I; Die Merovingische Zeit. 3. Aufl. Kiel: Schwers, 1882. 450 S.

Walker G. S. M. Ossius of Cordoba and the Nicene Faith // Studia Patristica. 1966. Vol. 9. P. 316–320.

Wallace-Hadrill J. M. Early Germanic kingship in England and on the Continent. Oxford: Clarendon Press, 1971. 160 p.

Wallace-Hadrill J. M. Gregory of Tours and Bede: Their view on the personal qualities of kings // Early medieval history. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 96–114.

Wallace-Hadrill J. M. The Frankish Church. Oxford: Clarendon Press, 1983.
Wallace-Hadrill J. M. The long-haired kings, and other studies in Frankish history. New York: Barnes & Noble, 1962. 261 p.
Wallace-Hadrill J. M. War and peace in the early Middle Ages // Early medieval history. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 19–38.
Warntjes I. The Munich Computus: Text and Translation. Irish computistics between Isidore of Seville and the Venerable Bede and its reception in Carolingian times. Stuttgart: Steiner, 2010. 402 p. (Sudhoffs Archiv, Beihefte. 59).
Wattenbach W., Levison W. Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter. Bd. 1: Vorzeit und Karolingern. Hf. 1: Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger. Stuttgart, 1952. 156 S.
Wattenbach W., Traube L. Deutschlands Geschichsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1904. 513 S.
Webster J. C. The labors of the months in antique and medieval art to the end of the twelfth century. Princeton, 1938. (Princeton monographs in art and archaeology. 21).
Weedman M. The Trinitarian Theology of Hilary of Poitiers. Leiden: Brill, 2007. 219 p. (Supplements to Vigiliae Christianae. 89).
Weidemann M. Bischofherrschaft und Königtum in Neustrien vom 7. bis zum 9. Jahrhundert am Beispiel des Bistums Le Mans // La Neustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850. Bd. 1 / hrsg. von H. Atsma. Sigmaringen, 1989. S. 161–193. (Beihefte der Francia. 16).
Weinfurter S. Karl der Grosse: der heilige Barbar. München: Piper, 2013. 352 S.
Wemple S. F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. 348 p.
Wenskus R. Childerich von Tournai // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde / hrsg. von H. Jankuhn, H. Beck. Berlin, New York, NY: de Gruyter, 1968/73–2007. S. 441.
Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln: Böhlau, 1961. 656 S.
Werner K. F. Les principautés périphériques dans le monde franc du VIIIe siècle // Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. T. 20: I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1972. P. 483–514.
Werner K. F. Conquête franque de la Gaule ou changement de regime? // Childeric-Clovis, rois des Francs 482–1983: De Tournai à Paris, naissance d'une nation. Tournai, 1983. P. 5–14.
Werner K. F. De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4, No. 1. P. 3–7.
Werner K. F. Die Ursprunge Frankreichs bis zum Jahr 1000. Stuttgart: Deutsche Taschenbuch-Verlag, 1989. 660 S. (Geschichte Frankreichs).

Werner K. F. La 'conquête franque' de la Gaule: Itineraires historiographiques d'une erreur // Bibliotheque de l'ecole des chartes / sous la dir. d'O. Guyotjeannin. 1996. T. 154, No. 1: Clovis chez les historiens. P. 7–46.

Werner K. F. Les Origines. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 540 p. (Histoire de France. 1).

Werner K. F. Naissance de la noblesse: l'essor des élites politiques en Europe. Paris: Fayard, 1998. 587 p.

Werner K.-F. Zur Arbeitsweise Des Regino von Prüm // Die Welt als Geschichte. 1959. T. 19. S. 96–116.

Werner K.-F. Die literarischen Vorbilder des Aumoins von Fleury und die Entstehung seiner Gesta francorum // Medium Aevum vivum: Festschrift W. Bulst / hrsg. von H. R. Jauss, D. Schaller. Heidelberg, 1960. S. 69–103.

Werner K.-F. La genèse des duches en France et en Allemagne // Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare. 19–25 aprile 1979. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo. Vol. 27. Spoleto: Presso la sede del Centro, 1981. P. 175–223. (Settimane di studio).

Werner K.-F. Le role de l'aristocratie dans la christianisation du nord-est de la Gaule // Revue d'histoire de l'Eglise de France. 1976. T. 62. P. 45–73.

Werner M. Der Lütticher Raum im frühkarolingische Zeit: Untersuchung zur Geschichte der karolingische Stammlandschaft. Bd. 62. Gottingen: Vandenhoeck und Reprecht, 1979. 539 S. (Veroffentlichungen des MaxPlanck-Instituts fur Geschichte).

White H. V. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.

White S. D. Custom, kinship, and gifts to saints: The laudatio parentum in western France, 1050–1150. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988. 313 p. (Studies in legal history).

Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire: A social and economic study. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 341 p.

Wickham C. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1024 p.

Wickham L. R. Hilary of Poitiers, Conflicts of Conscience and Law in the Fourth-Century Church: «Against Valens and Ursacius», the Extant Fragments, Together with His «Letter to the Emperor Constantius». Liverpool: Liverpool University Press, 1997. 128 p. (Translated texts for historians. 25).

Williams D. H. Ambrose of Milan and the end of the Nicene-Arian conflicts. Oxford: Clarendon Press, 1995. 258 p. (Oxford early Christian studies).

Williams M. S. Time and authority in the Chronicle of Sulpicius Severus // The Western time of Ancient history: Historiographical encounters with the Greek and Roman past / ed. by A. Lianeri. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 280–300.

Wolfram H. Atanarich the Visigoth: Monarchy or judgeship? A study in comparative history // Journal of medieval history. 1975. Vol. 1. P. 259–278.

Wolfram H. Gotische Studien I: Das Richtertum Athanarichs // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. 1975. Jg. 83. S. 1–32.

Wolfram H. Origo et religio: Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 19–38.

Wollasch J. Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9. bis 11. jahrhunderts // Deutsches Archiv. 1984. Jg. 40. S. 1–20.

Wood I. Continuity or calamity: The constraints of literary models // Fifth-century Gaul: A crisis of identity? / eds. J. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992.

Wood I. Defining the Franks: Frankish origins in early medieval historiography // Concepts of National Identity in the Middle Ages / eds. S. Forde, L. Johnson, A. V. Murray. Leeds: School of English; University of Leeds, 1995. P. 47–57. (Texts and Monographs, N.s.14).

Wood I. Jonas, the Merovingians and pope Honorius: Diplomata and the Vita Columbani // After Rome's fall: narrators and sources of early medieval history. Essays presented to Walter Goffart / ed. by A. C. Murray. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 99–120.

Wood I. The frontiers of western Europe: developments east of the Rhine in the sixth century // The Sixth Century: Production, Distribution and Demand / eds. R. Hodges, W. Bowden. Leiden: Brill, 1998. P. 231–254/

Wood I. The Vita Columbani and Merovingian hagiography // Peritia. 1982. Vol. 1. P. 63–80.

Wood I. N. The Merovingian kingdoms (450–751). London: Longman, 1994. 395 p.

Wood I. Deconstructing the Merovingian family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts. Vol. 12 / eds. R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reinitz. Leiden: Brill, 2003. P. 149–171. (The Transformation of the Roman World).

Wood I. Gregory of Tours and Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1985. Vol. 63. P. 249–272.

Wood I. The code in Merovingian Gaul // The Theodosian Code: Studies in the late imperial law of Late Antiquity / eds. J. Harries, I. Wood. London, 1993. P. 161–177.

Wood I. The ecclesiastical politics of Merovingian Clermont // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society: Studies presented to J. M. Wallace-Hadrill / eds. P. Wormald, D. Bullough, R. Collins. Oxford: Blackwell, 1983. P. 34–57.

Wood I. The Merovingian North Sea. Vol. 1. Alingsås, Sweden, 1983. 26 p. (Occasional Papers on Medieval Topics. 1).

Wood I. The use and abuse of Latin hagiography in the early medieval West // East and West: Modes of communication. Proceedings of the First Plenary conference at Merida / eds. E. Chrysos, I. Wood. Leiden, 1999. P. 93–109.

Wood I. N. Gentes, kings and kingdoms The emergence of states: the kingdom of the Gibichungs // Regna et gentes: The relationship between Late Antique and

Early medieval peoples and kingdoms in transformation of the Roman world / eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden: Brill, 2003. P. 243–271.

Woolf G. Saving the barbarian // Cultural identity in the Ancient Mediterranean / ed. by E. S. Gruen. Los Angeles, 2011. P. 255–272.

Wormald P. Lex scripta and verbum regis: Legislation and Germanic kingship, from Euric to Cnut // Early medieval kingship / eds. P. H. Sawyer, I. N. Wood. Leeds, 1977. P. 105–138.

Wynn P. Wars and Warriors in Gregory of Tours' Histories I–IV // Francia. 2001. Jg. 28. S. 1–35.

Yaven H. Osio, obispo de Cordoba. Barcelona: Editorial Labor, 1945. 169 p. (Colección Pro ecclesia et patria).

Zahn T. Analecta zur Geschichte und Literatur der Kirche im zweiten Jahrhundert // Die Lateinische Apokalypse der alten afrikanischen Kirchen / Von Haussleiter J. S. E., Zahn Th. Leipzig, 1891. S. 247–283. (Forschungen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altkirchlichen Literatur. 4).

Zanella G. La legittimazione del potere regale nelle "Storie" di Gregorio di Tours e Paolo Diacono // Studi medievali. Serie 3. 1990. Vol. 31. P. 55–83.

Zecchini G. Aezio: L'ultima difesa dell'occidente romano. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1983. 324 p.

Zecchini G. La formazione degli stati federali romano-barbarici // Il federalismo nel mondo antico. Milan: Vita e Pensiero, 2005. P. 129–148.

Zeller J. Entretiens sur l'histoire du moyen age. T. 1. Partie 1. Paris, 1893.

Zöllner E. Die Herkunft der Agilulfinger // Mitteilungen des Instituts für Österreichesche Geschichtsforschung. 1951. Jg. 59. S. 245–264.

Оглавление

Введение 3
Источники 19

Глава 1
Центр и периферия: Галлия в структуре власти Поздней Римской империи и становление региональной идентичности

1.1. Проблемы регионализации Римской империи: тетрархия, магнаты, узурпаторы и делегирование власти на места 32
1.2. Создание региональных структур власти в IV в. и регионализация сознания: Юлиан Отступник и Аммиан Марцеллин 43
1.3. Имперская церковь и церковь Галлии: Галлия как самостоятельный регион глазами епископата и церковных историков 56
1.4. От Римской империи к христианской провинции: Концепция истории и образ Галлии у Сульпиция Севера 86
Выводы 97

Глава 2
Reges et rhetores: Меровинги глазами историков и рецепция античных традиций историописания

2.1. «Абсолютизм» Хлодвига и основание франкского королевства 103
2.1.1. История исследования франкского королевства в Раннее Новое, Новое и Новейшее время 103
2.1.2. Григорий Турский: Становление королевства франков в историографической традиции 116
2.1.3. Франки и их отношения с Римской империей в Галлии .. 131

2.1.4. Становление королевства франков в V в. в контексте перехода от Поздней Античности к Средневековью. Франки в середине V в. и проблемы формирования королевской власти в контексте позднеантичных провинций.....143
2.1.5. Начало франкской истории глазами галльских и византийских историков: Варвары и романизация в контексте взаимоотношений Восточно-Римской (Византийской) империи и западного Средиземноморья....157
2.1.6. Григорий Турский и Хлодвиг: Проблема исторического подхода.....181
2.1.7. Крещение Хлодвига, образ Константина Великого и смысл истории Григория Турского: «Церковная история» как жанр и ее адаптация к раннесредневековым реалиям.....199
2.2. Хлодвиг и Константин Великий: Образ христианского императора и его адаптация на Западе...216
2.3. Консолидация власти и concordia principium во второй половине VI в. глазами современника 251
2.3.1. Трансформация систем власти после Хлодвига: Нейстрия и Австразия.....251
2.3.2. Королевство франков в системе взаимоотношений Средиземноморья.....258
2.3.3. Род, семья, династия.....265
2.3.4. Regnum и окружение короля.....285
2.3.5. Согласие и мир в Галлии как историческая концепция Григория Турского.....295
2.4. Увядание или стабильность: Франкское королевство в VII–VIII вв. и его образ в исторических сочинениях 307
2.5. Заключение: Трансформация образа Меровингской власти в исторических сочинениях 322

Глава 3

Regnum et sacerdotium: Королевская власть и ее основания в эпоху распространения монашества

3.1. Королевская власть и распространение монашества в VII–VIII вв.....332
3.1.1. Распространение монашества и создание агиографического канона в Галлии в IV–VI вв.....332

3.1.2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе 339
3.1.3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор 348
3.2. «Королевские монастыри» в меровингскую эпоху: пример Сен-Дени 361
3.3. Заключение: Сакральность королевской власти и распространение монастырей 380

Глава 4
Rex aut iudex:
Судебные прерогативы короля и проблемы власти Меровингов

4.1. Судебная власть короля и позднеантичное наследие 383
4.2. Судебные протоколы Меровингской Нейстрии: Происхождение и особенности 389
4.3. Королевская власть, знать и монастыри на примере протоколов королевского суда 396
4.4. Политика согласия и король как арбитр 405
4.5. Заключение: Судебные протоколы и их функции 416

Заключение. **Образы власти в эпоху Меровингов и их трансформация** 419

Список сокращений 433
Источники 436
Список литературы 443

Научное издание

Дмитрий Николаевич Старостин

ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ К РАННЕМУ СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.)

Корректоры *А.М. Никитина, М.И. Иванова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 22.11.2017. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 30,5. Заказ № 935
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

СТАРОСТИН Д. Н.

Историк, медиевист, получивший образование в Санкт-Петербургском государственном университете и в Мичиганском университете в Энн-Арборе, США.

Основными темами исследований являются раннее Средневековье, переход от Античности к Средневековью, культурный перелом раннего Средневековья и формирование предпосылок для создания культуры высокого Средневековья.

1-16 Чел Читай-город РЧ
03.07.2018 ООО "ГРАМОТА"
От Поздней Античности к Раннему Средне
ековью...(Старостин)
9785446912179 ВК
Цена 856 руб.
Номер 7761207
Код 2630265
ТБК 11-7112